

ЗНАМЕНИТЫЙ
ХАРРИ ХОЛЕ
ВОЗВРАЩАЕТСЯ

ЖАЖДА **Ю НЕСБЁ**

В МИРЕ ПРОДАНО БОЛЕЕ **33 000 000** КНИГ Ю НЕСБЁ

Annotation

«Харри Холе вышел на лестницу и сощурился на ярком июньском солнце....Он чувствовал, что все находится в гармонии, в равновесии...» Так заканчивается роман «Полиция», но не история любимого героя Ю Несбё. Увы, детектив Харри обманывал сам себя – мир по-прежнему был жесток и несовершенен, и требовалась сильная рука, чтобы навести в нем хотя бы подобие порядка. Харри Холе возвращается на службу в полицию Осло, чтобы начать охоту за серийным убийцей, нападающим на тех, кто назначает свидания через сайт знакомств. След преступника приводит детектива к его собственному мрачному прошлому...

Долгожданный 11-й роман из захватывающей серии о Харри Холе.

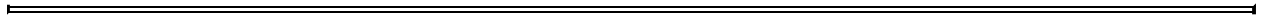
Впервые на русском языке!

- [Ю Несбё](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)
- [Часть II](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
- [Часть III](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)

- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)

Ю Несбё Жажда

Jo Nesbø

TØRST

Copyright © Jo Nesbø 2017

All rights reserved

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Е. Лавринайтис, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Он неподвижно смотрел в белое ничто.

Этим он занимался почти три года.

Его никто не видел, и он никого не видел. За исключением тех моментов, когда дверь отворялась и выпускала ровно столько пара, что на секунду становился различим силуэт обнаженного мужчины, а потом дверь затворялась и все вновь окутывал туман.

Баня уже закрывалась. Он остался один.

Потуже затянув пояс банного халата, он поднялся с деревянной скамьи, вышел к пустому бассейну и направился в раздевалку.

Ни плеска воды, льющейся из душа, ни разговоров на турецком, ни звука босых ног, шлепающих по плиткам пола. Он рассмотрел себя в зеркале и провел пальцем по все еще заметному шраму от последней операции. Немало времени потратил он на то, чтобы привыкнуть к новому лицу. Палец двигался дальше по горлу, по груди, к тому месту, где начиналась татуировка.

Он открыл навесной замок на шкафчике в раздевалке, надел брюки, накинул пальто поверх влажного банного халата, зашнуровал ботинки. Еще раз убедившись, что, кроме него, здесь никого нет, он подошел к шкафчику с кодовым навесным замком, отмеченным пятнышком синей краски. Набрал цифры 0999, снял замок и открыл дверцу. Быстро оглядел лежащий внутри большой красивый револьвер, обмотал его красным шарфом и спрятал в карман пальто. Затем достал конверт и раскрыл его. Ключ. Адрес и детальная информация.

В шкафчике лежала еще одна вещь.

Выкрашенная черной краской, железная.

Он взял ее одной рукой, поднес к свету и с восхищением начал рассматривать работу кузнеца.

Придется вымыть и очистить эту вещь, но он уже чувствовал возбуждение при мысли, что будет ею пользоваться.

Три года. Три года в белом ничто, в пустыне бессмысленных дней.

Теперь время настало. Настало время испить жизнь.

Время возвращаться.

Харри проснулся оттого, что его кто-то тряс. Он уставился в полумрак спальни. Это снова был он, он вернулся, он здесь.

– Кошмар, любимый?

Голос, раздавшийся рядом, был спокойным и теплым.

Харри повернулся к ней. Ее карие глаза изучали его. Призрак поблек и испарился.

– Я здесь, – сказала Ракель.

– А я здесь, – ответил он.

– Кто на этот раз?

– Никто, – соврал Харри и погладил ее по щеке. – Ну-ка, спи.

Он закрыл глаза. Выждал достаточно времени, чтобы быть уверенным, что она сделала то же самое. Открыл глаза и всмотрелся в ее лицо. На этот раз Харри увидел *его* в лесу, в болотистой местности, погруженной в белый туман, который окутывал их обоих. *Он* поднял руку и направил что-то в сторону Харри. Харри смог разглядеть вытатуированное лицо демона на *его* обнаженной груди. А потом туман сгустился и *он* исчез. Снова исчез.

– А я здесь, – шепотом повторил Харри Холе.

Часть I

Глава 1

Среда, вечер

Бар «Ревность» был почти пуст, и все же дышалось здесь тяжело.

Мехмет Калак разглядывал мужчину и женщину у стойки, наполняя их бокалы вином. Четверо посетителей. Третьим был мужчина, который сидел за столиком один и мелкими глотками потягивал пиво из полулитровой кружки, а четвертым – пара ковбойских сапог, торчащих из кабинки, темнота в которой периодически озарялась светом от дисплея мобильного телефона. Четверо посетителей в сентябрьский вечер в лучшем баре района Грюнерлёкка. Это никуда не годится, так не может продолжаться. Порой Мехмет задавал себе вопрос, почему он уволился с поста директора бара самого классного отеля города и стал единственным владельцем этого занюханного заведения с клиентами-алкашами. Может быть, потому, что думал: подняв цены, он сменит старую публику на тех, кого каждый хозяин рад видеть у себя, – на молодых людей, живущих по соседству, платежеспособных, не создающих проблем. А может, потому, что после расставания с девушкой ему было необходимо место, где он сможет работать до посинения. Или потому, что получил отказ от банка, после чего предложение акулы ростовщического бизнеса Даниала Бэнкса показалось привлекательным. Или просто-напросто потому, что это он решал, какую музыку ставить в баре «Ревность», а не чертов директор гостиницы, знавший всего одну мелодию – жужжание кассового аппарата. Выставить старых клиентов за дверь оказалось просто, теперь их пригрел дешевый бар в трех кварталах отсюда. Наверное, Мехмету стоит пересмотреть концепцию. Наверное, одного телевизионного экрана, по которому крутят только турецкий футбол, недостаточно для того, чтобы называться спортбаром. А что касается музыки, то, наверное, надо бы остановиться на классике: «U2» и Спрингстин для мужчин, «Coldplay» для женщин.

– У меня нечасто бывали свидания с женщинами, с которыми я познакомился в «Тиндере»^[1], – сказал Гейр и поставил свой бокал с белым вином на барную стойку. – Но я понял, что на этом сайте много странного.

– Правда? – спросила женщина, пряча зевок.

Блондинка, коротко стриженная. Стройная. Лет тридцати пяти, подумал Мехмет. Быстрые, немного суетливые движения. Усталые глаза. Слишком много работает и занимается спортом, так как надеется, что это создаст излишек энергии, которой ей всегда не хватает. Мехмет увидел, как

Гейр поднял бокал, держа его тремя пальцами за ножку, так же как эта блондинка. На своих многочисленных свиданиях с женщинами из «Тиндера» он всегда заказывал то же, что и они, будь это виски или зеленый чай. Таким образом он хотел послать сигнал, что в этом отношении они тоже друг другу подходят.

Гейр кашлянул. С того момента, как она вошла в бар, прошло шесть минут, и Мехмет знал, что сейчас Гейр бросится в атаку.

– Ты красивее, чем на аватарке в «Тиндере», Элиса, – произнес он.

– Ты уже говорил, но все равно спасибо.

Мехмет протирал бокал и делал вид, что не слушает их разговора.

– Так расскажи мне, Элиса, чего ты хочешь в этой жизни?

Она вымученно улыбнулась:

– Мужчину, который ищет не только внешность.

– Не могу с тобой не согласиться, Элиса, лишь внутреннее содержание имеет значение.

– Это была шутка. На аватарке я выгляжу лучше, да и ты тоже, Гейр, если честно.

– Хе-хе, – произнес Гейр, застигнутый врасплох, и уставился в свой бокал. – Многие выбирают самую удачную фотку. Значит, тебе нужен мужчина. Какой именно?

– Тот, что хочет не работать и сидеть дома с тремя детьми. – Она бросила взгляд на часы.

– Хе-хе...

Пот выступил не только на лбу, но и по всей большой, гладко выбритой голове Гейра. И скоро у него появятся круги пота под мышками на черной обтягивающей рубашке (странный выбор, ведь он не был ни особенно стройным, ни мускулистым). Гейр повертел бокал в руках.

– Именно такое чувство юмора мне по вкусу, Элиса. Но моя семья – это моя собака, и мне этого пока достаточно. Ты любишь животных?

«Tanrımlı^[2], не пора ли выложить карты на стол?» – подумал Мехмет.

– Если встречу нужного человека, я почувствую, что мы подходим друг другу здесь...

– И здесь. – Он улыбнулся, понизил голос и указал на ширинку. – Но сначала надо выяснить, подходим ли мы друг другу здесь. Что скажешь, Элиса?

Мехмет содрогнулся. Гейр ринулся в бой, и по его самоуверенности, скорее всего, будет нанесен удар.

Женщина отодвинула в сторону свой бокал, наклонилась к Гейру, и Мехмету пришлось напрячься, чтобы услышать:

– Можешь пообещать мне одну вещь, Гейр?
– Конечно. – Его взгляд и голос были оживленными, как у щенка.
– Обещай, что, после того как я сейчас выйду отсюда, ты никогда не попытаешься связаться со мной.

– Конечно.

Мехмет восхитился тем, что Гейр смог выдавить из себя улыбку.

Женщина откинулась назад:

– Это не потому, что ты похож на преследователя, Гейр, просто, видишь ли, у меня есть опыт нескольких неудачных свиданий. Один из парней начал меня преследовать. Он угрожал другим моим ухажерам. Надеюсь, ты понимаешь, что теперь я стараюсь быть осторожной.

– Понимаю. – Гейр поднял свой бокал и осушил его. – Да, мы уже говорили, что вокруг полно сумасшедших. Но не бойся, ты в безопасности. По статистике, шансов быть убитым у мужчины в четыре раза больше, чем у женщины.

– Спасибо за вино, Гейр.

– Если одному из нас троих...

Мехмет быстро отвернулся, когда Гейр показал на него пальцем.

– ...предстоит быть убитым сегодня вечером, то шансы, что это будешь ты, составляют один к восьми. Или погоди-ка, надо разделить на...

Она поднялась:

– Надеюсь, ты справишься с вычислениями. Всего хорошего.

После ее ухода Гейр какое-то время сидел, уставившись в свой бокал, и кивал в такт мелодии «Fix You», словно пытался убедить Мехмета и других возможных свидетелей, что он уже отбросил все воспоминания о случившемся и что эта женщина была трехминутной попсовой песенкой, которая забывается в один миг. Потом он, не прикоснувшись к бокалу, встал и покинул бар. Мехмет огляделся. Ковбойские сапоги и парень, домучивший свои пол-литра, тоже ушли. Он был один. И кислород опять появился. С помощью мобильного телефона Мехмет поменял плей-лист на свой. «Bad Company» с участниками групп «Free», «Mott The Hoople» и «King Crimson»^[3] были беспроектным вариантом. А с вокалом Пола Роджерса – беспроектным абсолютно. Мехмет увеличил громкость, и бокалы за стойкой начали позвякивать, соприкасаясь друг с другом.

Элиса шла по улице Торвальда Мейера между простыми четырехэтажными домами, где когда-то жили представители рабочего класса в бедном районе бедного города, а сейчас квадратный метр жилья здесь стоил столько же, сколько в Лондоне или Стокгольме. Сентябрь в

Осло. Наконец вернулась мгла, а раздражающе светлые летние ночи с истеричными, веселыми и безумными проявлениями жизни остались позади. В сентябре Осло вновь становится самим собой: меланхоличным, сдержанным, эффективным. Прочный фасад не без темных мест и тайн. Так же говорили и о ней, Элисе. Она ускорила шаг. Воздух был пропитан дождем, мелким дождиком, будто Господь чихнул, как заявил, силясь казаться поэтичным, один из тех, с кем она встречалась. Она уберет свой профиль из «Тиндера». Завтра же. Хватит. Хватит похотливых мужиков, которые назначали свидание в барах и своими взглядами заставляли ее чувствовать себя проституткой. Хватит чокнутых психов и преследователей, которые, устроившись поудобнее, высасывали из нее время, энергию и чувство безопасности. Хватит высокопарных неудачников, заставлявших ее думать, что она – одна из них.

Говорят, что свидания по Интернету – новый способ знакомиться с людьми, что этого больше не стоит стыдиться, что так делают все. Но это неправда. Люди знакомятся на работе, в читальном зале, у друзей, в спортивных клубах, в кафе и барах, в самолетах, автобусах и поездах. Они встречаются так, как положено, – не напрягаясь, не испытывая давления, и эти встречи создают у них романтические иллюзии о невинности, чистоте и персте судьбы. Элиса хотела окружить себя иллюзиями. Она удалит свой профиль. Она и раньше давала себе такое обещание, а теперь выполнит его, и прямо сегодня вечером.

Элиса перешла улицу Софиенберггата и достала ключ от двери подъезда рядом с овощным магазином. Она толкнула дверь, шагнула во тьму. И резко остановилась.

Их было двое.

За несколько секунд ее глаза достаточно привыкли к темноте, и она смогла рассмотреть, что у них в руках. У обоих мужчин были расстегнуты ширинки, а их члены торчали наружу.

Она попятилась, не оборачиваясь, уповая на то, что позади никого нет.

– Ох, черт, сорри...

В юном голосе смешались облегчение и извинение. Лет восемнадцать-двадцать, прикинула Элиса. Нетрезвые.

– Эй, – произнес другой, смеющийся голос, – ты обоссал мои ботинки!

– Это брызги!

Элиса плотнее закуталась в пальто и прошла мимо парней, отвернувшихся к стене.

– Здесь вам не писсуар, – бросила она.

– Сорри, не могли терпеть. Больше не повторится, блин.

Гейр быстро шагал по улице Шлеппегрельс-гате и размышлял. Совершенно неверно, что из двух мужчин и одной женщины именно у женщины шансы быть убитой составляют один к восьми, это уравнение намного сложнее. Все постоянно оказывалось намного сложнее.

Он миновал улицу Румсдалсгата, как вдруг что-то заставило его обернуться. Метрах в пятидесяти позади него шел какой-то человек. Гейр не был уверен, но разве это не тот же мужчина, что стоял на другой стороне улицы и смотрел на окна бара «Ревность», когда он выходил оттуда? Гейр ускорил шаг. Он шел на восток, в сторону района Дэлененга и шоколадной фабрики, в этой части города людей на улицах не было, только на остановке стоял автобус – наверное, опередил расписание и теперь выжидает нужное время. Гейр бросил взгляд назад. Мужчина все еще находился на том же расстоянии. Гейр боялся людей с темной кожей, всегда боялся, но этого мужчину он никак не мог разглядеть. Они покидали белый, реконструированный район и направлялись туда, где располагалось социальное жилье и селились иммигранты. Гейр уже видел подъезд собственного дома, до которого оставалось метров сто. Но, обернувшись, он заметил, что мужчина перешел на бег. Мысль о том, что по пятам за ним следует сомалиец, получивший глубокие душевные травмы в Могадишо, заставила его взять ноги в руки. Гейр не бегал уже много лет, и всякий раз, когда его пятки ударялись об асфальт, у него сотрясалась кора головного мозга, а картинка перед глазами начинала подергиваться. Он добежал до дому, с первой попытки вставил ключ в замок, вломился в подъезд и захлопнул за собой тяжелую деревянную дверь. Прислонился к влажному дереву, ощущая жжение в легких и мышечную боль от молочной кислоты в бедрах. Затем обернулся и выглянул через стекло в верхней части двери. Там, на улице, он никого не увидел. Возможно, это все-таки был не сомалиец. Гейр рассмеялся. Черт возьми, надо же, каким пугливым становишься после того, как немного поболтаешь об убийствах. А что там Элиса говорила об этом преследователе?

Гейр вошел в квартиру, однако дыхание так и не восстановилось. Он достал из холодильника пиво, увидел, что окно в кухне, выходящее на улицу, распахнуто, и закрыл его. Потом прошел в кабинет и зажег лампу.

Он нажал клавишу на компьютере, и большой двадцатидюймовый монитор загорелся.

Гейр набрал в поисковой строке «Порнхаб» и «французский» и начал просматривать фотографии, пока не нашел женщину, у которой хотя бы волосы были того же цвета, что и у Элисы, и такая же прическа. В квартире

были тонкие стены, поэтому, прежде чем дважды кликнуть на картинку, он воткнул наушники в гнездо компьютера. Затем расстегнул брюки и спустил их с бедер. Женщина так мало походила на Элису, что Гейр закрыл глаза и сосредоточился на ее столах, пытаясь вообразить маленький строгий рот Элисы, ее насмешливый взгляд, ее совершенно обычную, но оттого еще более сексуальную блузку. Ему никогда не заполучить ее. Никогда. Никаким другим способом, кроме этого.

Гейр остановился. Открыл глаза. Выпустил из рук свой член, почувствовав, как вздыбились волосы на затылке от дуновения холодного воздуха за спиной. Из двери, которую он плотно закрыл за собой. Он поднял руку, чтобы снять наушники, хотя знал, что уже слишком поздно.

Элиса накинула цепочку на дверь, сбросила в коридоре туфли и, как обычно, провела рукой по фотографии сбоку от зеркала, на которой была запечатлена вместе с Ингвиль, дочкой ее тети. Смысл этого ритуала был ей не до конца ясен, но, видимо, он отвечал на какую-то глубинную человеческую потребность, как отвечают истории о том, что ждет нас после смерти. Элиса вошла в гостиную своей маленькой, но принадлежащей ей на правах собственности уютной двухкомнатной квартиры и улеглась на диван. Она проверила телефон. Сообщение с работы о переносе завтрашней утренней встречи. Парню, с которым Элиса виделась сегодня вечером, она не сказала о том, что работает адвокатом пострадавшей стороны в делах об изнасилованиях. И что его статистика, говорившая, что мужчин убивают чаще, была всего лишь полуправдой. В преступлениях на сексуальной почве вероятность того, что жертвой станет женщина, в четыре раза выше. В частности, по этой причине, купив квартиру, Элиса первым делом сменила замки и установила дверную цепочку, что было совершенно не по-норвежски, и она до сих пор не слишком ловко управлялась с этой конструкцией.

Она открыла «Тиндер». Сайт утверждал, что у нее совместимость с тремя мужчинами, профили которых она сегодня вечером отложила вправо. Вот что прекрасно: с ними не надо было встречаться, достаточно просто знать, что они существуют и хотят с ней познакомиться. Может быть, она все-таки позволит себе последний письменный флирт с двумя участниками этой виртуальной троицы, перед тем как полностью стереть свой профиль и удалить приложение?

Нет. Стереть сейчас.

Она вошла в меню, заполнила графы, и наконец на экране появился вопрос, действительно ли она хочет удалить свой профиль.

Элиса посмотрела на указательный палец. Он дрожал. Господи, неужели у нее развилась зависимость? Зависимость от подтверждения того, что существует некто, совершенно не догадывающийся о том, кто она или какая она, во всяком случае некто, кому она интересна такой, какая она есть. По крайней мере, какая она есть на аватарке. Полная зависимость или легкая? Это она запросто выяснит, если сейчас же сотрет свой профиль и пообещает себе месяц не пользоваться «Тиндером». Один месяц, а если это ей не удастся, значит с ней что-то не так. Дрожащий палец приблизился к клавише «удалить».

Если у нее все-таки имеется так называемая зависимость, насколько это опасно? Каждому из нас надо ощущать, что у нас кто-то есть и что мы есть у кого-то. Элиса читала, что грудные дети могут умереть при отсутствии минимального тактильного контакта. Она сомневалась, что это правда, но, с другой стороны, какой смысл жить, если живешь только для себя, ради работы, пожирающей тебя, и ради друзей, связи с которыми, честно говоря, она поддерживала преимущественно из чувства долга, а также потому, что гложущий страх одиночества был хуже их утомительных жалоб на детей и мужей или на отсутствие минимум одной из этих составляющих. А вдруг ее мужчина как раз сейчас находится в «Тиндере»? В общем, хорошо, последний раз. Первую появившуюся фотографию она отложила влево. В мусорное ведро, в группу «Я тебя не хочу». То же и со второй. И с третьей.

Мысли ее блуждали. Она ходила на лекцию, где психолог, близко общавшийся с некоторыми наиболее опасными насильниками в стране, рассказывал, что мужчины совершают убийства из-за секса, денег и власти, а женщины – из ревности и страха.

Она остановилась на очередном изображении. Что-то в узком лице было ей смутно знакомо, несмотря на нечеткий и темноватый снимок. Такое происходило и раньше, «Тиндер» сводил людей, которые были очень близко друг от друга. И по сведениям «Тиндера», этот мужчина находился в каком-нибудь километре от нее; более того, исходя из известных ей данных, он мог проживать в том же квартале, что и она. Размытость фотографии свидетельствовала о том, что он, во всяком случае, не изучал советы о правильной тактике поведения в «Тиндере», а это само по себе – плюс. Его сообщение было простым: «Привет». Никаких попыток выделиться. И если уж без особой фантазии, то точно с уверенностью в себе. Да, ей бы определенно понравилось, если бы на какой-нибудь вечеринке к ней подошел мужчина и просто сказал «привет», глядя на нее спокойным твердым взглядом, говорившим: «Ты готова зайти дальше?»

Элиса переместила фотографию вправо. В группу «Мне любопытно, кто ты».

И тут же ее айфон радостно звякнул, сообщив, что найдена еще одна совместимость.

Гейр тяжело задышал носом.

Он натянул брюки и медленно повернулся на стуле.

Комнату освещал только монитор, и в его свете были видны туловище и руки человека, стоявшего позади. Лица Гейр не различал, только белые руки, что-то протягивавшие ему. Черный кожаный ремень. С петлей на конце.

Человек сделал шаг вперед, и Гейр машинально подался назад.

– Ты знаешь единственное, что, как мне кажется, примитивнее тебя? – прошептал голос в темноте, пока руки протягивали ремень.

Гейр сглотнул.

– Сука, – произнес голос. – Чертова сука, с которой ты пообещал делать все, что положено. Которая срет на полу в кухне, потому что ее никто не в состоянии выгулять.

Гейр кашлянул:

– Но, Кари...

– Идите погуляйте. И не трогай меня, когда будешь ложиться.

Гейр взял собачий ошейник, и дверь за женщиной захлопнулась.

Он сидел в темноте и моргал.

Девять, подумал он. Двое мужчин и одна женщина, одно убийство. Шанс того, что жертвой станет женщина, составляет один к девяти, а не один к восьми.

Мехмет осторожно ехал на старом «БМВ» из центра по направлению к району Хельсос, к виллам, видам на фьорд и более чистому воздуху. Он свернул на тихую, сонную улочку и увидел, что у гаража перед домом стоит черный «Ауди Р8». Мехмет сбросил скорость и на мгновение задумался, не дать ли снова газу, не продолжить ли движение. Он знал, что это будет всего лишь отсрочкой. С другой стороны, именно это ему и было нужно. Отсрочка. Но Бэнкс снова найдет его, а сейчас, возможно, настал нужный момент: темно, тихо и никаких свидетелей. Мехмет припарковался у тротуара. Он открыл бардачок и посмотрел на предмет, который положил туда несколько дней назад, предполагая, что возникнет как раз такая ситуация. Мехмет убрал предмет в карман пиджака и сделал вдох. Затем вышел из машины и направился к дому.

Дверца «ауди» распахнулась, и из машины выбрался Даниал Бэнкс. Когда они встречались в ресторане «Жемчужина Индии», Мехмет знал, что пакистанское имя и английская фамилия, скорее всего, такая же фальшивка, как и автограф этого человека на так называемом документе, который они подписали. Однако наличные в чемодане, который он передвинул через стол, были очень даже настоящими.

Галька перед гаражом скрипела под подошвами Мехмета.

– Хороший дом, – сказал Даниал Бэнкс, прислонившись к машине и сложив руки на груди. – Твой банк не захотел принять его в качестве залога?

– Я тут снимаю, – ответил Мехмет. – Подвальный этаж.

– Вот не повезло мне, – протянул Бэнкс. Он был намного ниже Мехмета, но когда поигрывал бицепсами под пиджаком, так не казалось. – Ведь тогда нам нет смысла сжигать его дотла, чтобы ты получил деньги по страховке и вернул свой долг, верно?

– Никакого смысла.

– И тебе не повезло, потому что это означает, что мне придется применить болезненные методы. Хочешь узнать какие?

– А ты не хочешь сначала узнать, могу ли я расплатиться?

Бэнкс покачал головой и вынул из кармана некий предмет:

– Срок платежа истек три дня назад, а я ведь говорил, что пунктуальность – это все. Чтобы не только ты, но и остальные мои заемщики знали, что подобное неприемлемо, мне придется реагировать, не делая исключений.

Он поднес предмет к свету гаражного фонаря. У Мехмета перехватило дыхание.

– Понимаю, что это не особенно оригинально, – сказал Бэнкс и склонил голову набок, разглядывая кусачки. – Однако это действует.

– Но...

– Можешь выбрать палец. Большинство предпочитает мизинец на левой руке.

Мехмет почувствовал, как забурлили чувства. Его переполнял гнев, и грудь поднялась, когда он втянул воздух в легкие.

– У меня есть решение получше, Бэнкс.

– Вот как?

– Я понимаю, что это не особенно оригинально, – произнес Мехмет, опустил правую руку в карман пиджака, вынул то, что там лежало, и протянул это Бэнксу, держа обеими руками. – Однако это действует.

Бэнкс удивленно посмотрел на него. Медленно кивнул.

– Ты прав, – сказал он, взял пачку купюр, которую протягивал ему Мехмет, и снял с нее резинку.

– Это покроет очередной взнос и колебание курса кроны, – уточнил Мехмет. – Ну давай уже пересчитывай.

Звоночек.

Совместимость в «Тиндере».

Триумфальный звон телефона, когда кто-то, кого ты уже отправил направо, отправляет направо твою фотографию.

В голове у Элисы зашумело, сердце понеслось галопом.

Ей было знакомо хорошо известное воздействие звука поисковика совместимости в «Тиндере»: учащенное сердцебиение как следствие возбуждения. Этот звук высвобождал целый ряд гормонов счастья, от которых тоже может возникнуть зависимость. Но сердце ее застучало не поэтому.

Дело в том, что этот звоночек издал не ее телефон.

Но он звякнул в тот же миг, когда она перенесла фотографию вправо. Фотографию человека, который, по сведениям «Тиндера», находился от нее на расстоянии меньше километра.

Элиса посмотрела на закрытую дверь в спальню и сглотнула.

Должно быть, звук донесся из соседней квартиры. Здесь живет много одиноких людей, много потенциальных пользователей «Тиндера». А сейчас везде стояла полная тишина, даже этажом ниже, где у девчонок вечеринка была в полном разгаре, когда Элиса уходила из дому. Но существует всего один способ избавиться от воображаемых чудовищ – посмотреть им в лицо.

Элиса поднялась с дивана и сделала четыре шага, отделявшие ее от двери в спальню. Она помедлила. В голове у нее пронеслась информация из нескольких дел о нападении, над которыми она работала.

Потом она собралась и открыла дверь.

Она стояла в дверях и судорожно ловила ртом воздух. Потому что воздуха не было. Во всяком случае, ей не удавалось его вдохнуть.

Над кроватью горел свет, и первое, что она увидела, – подошвы ковбойских сапог, закинутых на спинку кровати, джинсы и пару длинных перекрещенных ног. Мужчина, лежавший на кровати, выглядел как на аватарке: в темноте, почти не в фокусе. Но он расстегнул на себе рубашку и обнажил грудь. А на груди было нарисовано или вытатуировано лицо. Именно оно приковало взгляд Элисы. Беззвучно кричащее лицо. Как будто оно застряло и пыталось вырваться наружу. Элиса тоже не смогла

закричать.

Когда человек, лежавший на кровати, поднял глаза, свет экрана мобильного телефона упал ему на лицо.

– Вот мы и встретились снова, Элиса, – прошептал он.

Услышав этот голос, она поняла, почему фотография профиля показалась ей знакомой. Цвет волос изменился. А лицо, должно быть, подверглось операции, на нем еще виднелись следы швов.

Он поднял руку и положил что-то в рот.

Элиса неотрывно смотрела на него, отступая назад. Потом она развернулась и втянула в легкие воздух, зная, что этот воздух надо потратить на бег, а не на крик. До входной двери было всего пять, максимум шесть шагов. Она услышала, как скрипнула кровать, но ему предстояло проделать более длинный путь. Если только ей удастся выскочить на лестницу, она закричит, и придет помощь. Очутившись в коридоре, у входной двери, она повернула ручку и толкнула дверь, но дверь не хотела открываться полностью. Цепочка. Элиса захлопнула дверь и взялась за цепочку, но слишком медленно, как в кошмарном сне, понимая, что уже слишком поздно. Что-то закрыло ей рот, и ее потащило назад. В отчаянии Элиса высунула руку через входную дверь над цепочкой, ухватила за внешнюю фрамугу, попыталась закричать, но большая, пахнущая никотином рука слишком крепко зажимала ей рот. Потом ее оторвало от косяка, и дверь захлопнулась у нее перед носом. Над ухом раздался шепот:

– Я тебе не понравился? Ты тоже не так хороша, как на фотографии с сайта, детка. Нам надо познакомиться получше, ведь в прошлый раз н-нам это не удалось.

Голос. И почти незаметное заикание. Однажды она уже слышала его. Элиса стала брыкаться, пытаясь высвободиться, но ее как будто зажало в тиски. Он волок ее мимо зеркала, положив голову ей на плечо.

– Не твоя вина, что меня осудили, Элиса, доказательств было предостаточно. Я здесь не поэтому. Поверишь ли ты, если я скажу, что это случайность? – Он улыбнулся.

Элиса уставилась на его рот. Его зубные протезы из железа, выкрашенные в черный цвет и снабженные острыми клыками на верхней и нижней челюсти, напоминали лисьи капканы.

Они тихо поскрипывали, когда он раскрывал рот, – наверное, были на пружинах.

Теперь она вспомнила подробности того дела. Фотографии с места преступления. И поняла, что скоро умрет.

Тогда он укусил.

Элиса Хермансен попыталась заорать в его ладонь, увидев, как из ее шеи брызнула струя крови.

Он снова поднял голову и посмотрел в зеркало. Ее кровь стекала по его бровям и челке на подбородок.

– Вот это я называю с-совместимостью, детка, – прошептал он.

И снова укусил.

У Элисы закружилась голова. Сейчас он держал ее совсем не крепко. Мог и не держать, потому что парализующий холод и незнакомый мрак окутали пространство вокруг и внутри Элисы. Она высвободила руку и протянула ее к фотографии у зеркала. Попыталась коснуться карточки, но не смогла дотянуться кончиками пальцев.

Глава 2

Четверг, первая половина дня

Яркий утренний свет падал в окна гостиной и проникал в коридор.

Следователь по особо важным делам Катрина Братт в молчаливой задумчивости стояла перед зеркалом и разглядывала фотографию, воткнутую в раму. На ней женщина и маленькая девочка сидели в обнимку на камнях. У обеих мокрые волосы, обе обмотаны большими полотенцами, словно только что искупались нежарким норвежским летом и пытаются согреться, прижимаясь друг к другу. Но теперь их кое-что разделяло. Их разделила струйка крови, сбегавшая по поверхности зеркала через фотографию, прямо между двумя улыбающимися лицами. У Катрины Братт не было детей. Возможно, однажды она захочет детей, но не сейчас. Сейчас она – недавно разведенная женщина, нацеленная на карьеру, и ей это нравится. Разве нет?

Услышав тихое покашливание, Катрина подняла голову и встретила взглядом с человеком, лицо которого было покрыто шрамами, а линия волос на выпуклом лбу начиналась на удивление высоко. Трульс Бернтсен.

– В чем дело, инспектор? – спросила она.

Его лицо скривилось после ее намеренного напоминания о том, что, несмотря на пятнадцать лет службы в полиции, он все еще оставался в низком чине инспектора первого класса и по этой причине – и ряду других причин – никогда не смог бы занять должность следователя в отделе по расследованию убийств. Если бы его не устроил туда друг детства, начальник полиции Микаэль Бельман.

Бернтсен пожал плечами:

– Да в общем, ни в чем. Это ведь вы ведете расследование. – Он посмотрел на нее холодным собачьим взглядом, покорным и злобным одновременно.

– Опросите соседей, – сказала Братт. – Начните с тех, что живут этажом ниже. Нам особенно интересно знать, что они слышали и видели вчера и сегодня ночью. Но поскольку Элиса Хермансен жила одна, мы также хотим знать, с какими мужчинами она общалась.

– То есть вы полагаете, что это сделал мужчина и что они были знакомы прежде?

Только сейчас она заметила молодого человека, паренька, стоявшего рядом с Бернтсеном. Открытое лицо, светлые волосы. Красавчик.

– Андерс Виллер, приступил к работе сегодня.

Голос у него был высоким и звонким, глаза улыбались, и Катрина подумала, что он наверняка осознает силу своего очарования. Характеристика, написанная его бывшим начальником в Управлении полиции Тромсё, выглядела как настоящее признание в любви. Но в этом не было ничего странного, так как послужной список Виллера подтверждал изложенное в характеристике. Самые высокие оценки на экзаменах в Полицейской академии, которую он окончил два года назад, и хорошие результаты в должности так называемого инспектора второго класса с полномочиями следователя в Тромсё.

– Идите вперед, Бернтсен, – велела Катрина.

Тот зашаркал ногами по коридору, словно выражая пассивный протест против приказов начальницы-женщины, которая к тому же моложе его.

– Добро пожаловать, – сказала Катрина, протягивая пареньку руку. – Приношу свои извинения за то, что мы не были на месте и не приняли тебя как следует в твой первый день.

– Мертвые имеют преимущество перед живыми, – произнес Виллер.

Катрина узнала слова Харри Холе. Она заметила, что Виллер внимательно смотрит на ее руку, и сообразила, что до сих пор не сняла латексные перчатки.

– Они не прикасались ни к чему ужасному, – сказала она.

Виллер улыбнулся. Белые зубы. Десять дополнительных баллов.

– У меня аллергия на латекс, – ответил он.

Минус двадцать баллов.

– Ладно, Виллер, – произнесла Катрина Братт, по-прежнему протягивая ему руку. – Эти перчатки без присыпки, они произведены без использования аллергенных и эндотоксиновых материалов, и, если ты будешь работать в отделе по расследованию убийств, тебе придется надевать их довольно часто. Но конечно, мы можем перевести тебя в отдел экономических преступлений или...

– Ну уж нет, – рассмеялся он и пожал ей руку.

Она почувствовала, как по латексу растеклось тепло.

– Меня зовут Катрина Братт, я руковожу расследованием этого дела.

– Я знаю. Вы работали в группе Харри Холе.

– В группе Харри Холе?

– В Котельной.

Катрина кивнула. Она никогда не думала о них как о группе Харри Холе, это была всего лишь маленькая следственная группа из трех человек, созданная по особому случаю, чтобы вести независимое расследование

убийств полицейских... Хотя название, конечно, все объясняло. После этого Харри вернулся в Полицейскую академию в качестве преподавателя, Бьёрн – в Брюн, в криминалистический отдел, а она сама – в отдел по расследованию убийств, где стала старшим следователем.

Глаза Виллера светились и по-прежнему улыбались.

– Жалко, что Харри Холе не...

– Жалко, что сейчас у нас нет времени поболтать, Виллер, нам надо убийство расследовать. Иди с Бернтсеном, слушай и учись.

Андерс Виллер криво улыбнулся:

– Вы хотите сказать, что *инспектор* Бернтсен может многому меня научить?

Братт приподняла бровь. Молодой, самоуверенный, бесстрашный. Это хорошо, но она понадеялась, что он не станет очередным подражателем Харри Холе.

Трульс Бернтсен нажал большим пальцем кнопку звонка, услышал, как за дверью в квартиру загудело, подумал, что пора прекращать обкусывать ногти, и отнял руку от кнопки.

Когда он пошел к Микаэлю и попросил перевести его в отдел убийств, Микаэль поинтересовался, зачем ему это надо. И Трульс прямо ответил: он хочет находиться немного выше в пищевой цепочке и при этом не работать до посинения. Любой другой начальник полиции, естественно, вышвырнул бы Трульса за дверь, но этот не мог. Эти двое слишком много знали друг о друге. Когда они были молоды, их связывало некое подобие дружбы, а позже – общая польза, которая объединяет рыбу-прилипалу и акулу. Но сейчас их намертво связывали общие грехи и обещания молчать о них. Именно поэтому Трульсу Бернтсену даже не приходилось задумываться, выдвигая свои требования.

Однако он начал сомневаться, насколько устраивают его эти притязания. В отделе убийств было две категории сотрудников: следователи и аналитики. И когда начальник подразделения Гуннар Хаген сказал, что Трульс может сам выбирать, кем быть, Трульс понял, что едва ли его предназначение состоит в том, чтобы нести ответственность. В общем-то, это его устраивало. Но все же он был вынужден признать, что ему резало слух, когда старший следователь Катрина Братт, показывая ему отдел, постоянно называла его «инспектор» и особенно долго объясняла, как работает кофейный автомат.

Дверь открылась. На пороге стояли три молоденькие девушки и смотрели на него с выражением ужаса на лице. Наверняка они знали, что

случилось.

– Полиция, – сказал Трульс, предъявляя удостоверение. – У меня есть несколько вопросов. Вы слышали что-нибудь между...

– Вопросов, на которые мы надеемся получить у вас ответы, – раздался голос у него за спиной.

Новичок. Виллер. Трульс заметил, что девичьи лица стали менее испуганными и даже почти засияли.

– Конечно, – кивнула та, что отперла дверь. – Вы знаете, кто... кто сделал... это?

– Об этом мы, конечно, ничего вам не скажем, – ответил Трульс.

– Но вот что мы можем сказать, – подхватил Виллер. – У вас совершенно нет причин бояться. Можно я угадаю? Наверное, вы студентки и вместе снимаете квартиру?

– Да, – произнесли они хором, будто каждая хотела ответить первой.

– А можно нам войти?

Трульс подумал, что у Виллера такая же белозубая улыбка, как и у Микаэля Бельмана.

Девушки провели их в гостиную. Две из них быстро собрали со стола пустые пивные бутылки и бокалы и исчезли.

– У нас здесь вчера была вечеринка, – сказала та, что отперла дверь, извиняющимся тоном. – Это ужасно.

Трульс не понял, что она имела в виду: убийство соседки или то, что во время убийства они здесь веселились.

– Слышали ли вы что-нибудь вчера вечером между девятью и полночью? – спросил Трульс.

Девушка отрицательно покачала головой:

– Если бы Эльса...

– Элиса, – поправил ее Виллер, который вытащил блокнот и ручку.

Трульс подумал, что ему тоже стоило взять с собой блокнот и ручку. Он кашлянул:

– У вашей соседки был постоянный парень?

– Не знаю, – ответила девушка.

– Спасибо, это все, – сказал Трульс и повернулся к двери, собираясь уходить.

В этот момент в комнату вернулись две другие девушки.

– Возможно, нам стоит послушать, что они могут рассказать, – заметил Виллер. – Ваша подруга говорит, что вчера ничего не слышала и что не знает мужчин, с которыми Элиса Хермансен встречалась регулярно или в последнее время. Можете что-нибудь добавить?

Девушки посмотрели друг на друга, а потом повернулись к полицейским и одновременно покачали белокурыми головами. Трульс видел, что все их внимание отдано молодому следователю. Его это не беспокоило, он привык быть незаметным. Привык к легкому покалыванию в груди, которое возникало в те мгновения, когда в старших классах школы в Манглеруде Улла наконец обращалась к нему, но только для того, чтобы поинтересоваться, где Микаэль. Или – поскольку это происходило до эпохи мобильных телефонов – может ли он передать Микаэлю то или другое. Однажды Трульс ответил, что это может быть затруднительно, поскольку Микаэль отправился в поход с подружкой. Не потому, что это было правдой, а потому, что он желал хотя бы один раз увидеть ту же боль, свою боль, в ее глазах.

– Когда вы в последний раз видели Элису? – спросил Виллер.

Три девушки снова переглянулись.

– Мы ее не видели, но...

Одна из них хихикнула и испуганно прикрыла рот, поняв, насколько это неуместно. Девушка, открывшая дверь, кашлянула:

– Энрике звонил сегодня утром и сказал, что он и Альф писали в подъезде, когда уходили домой.

– Ну это уже чересчур, – фыркнула самая крупная из них.

– Они просто слегка перебрали, – пояснила третья и снова хихикнула.

Девушка, открывшая дверь, бросила на своих подруг строгий взгляд, призывая их к порядку.

– В общем, пока они там стояли, в подъезд зашла женщина, и они позвонили, чтобы извиниться, на тот случай если их поведение выставило нас в дурном свете.

– Как мило с их стороны, – сказал Виллер. – И они думают, что эта женщина...

– Они *знают*. Они прочитали в Интернете, что «женщина лет тридцати убита», увидели фотографию нашего дома, погуглили и нашли в Сети ее фотку в одной из газет.

Трульс хрюкнул. Он ненавидел журналистов. Чертовы падальщики, все до одного. Он подошел к окну и выглянул на улицу. И там, за полицейской лентой оцепления, стояли они, к их камерам были привинчены большие объективы, напоминавшие Трульсу клювы грифов, когда репортеры приставляли их к лицу в надежде на мгновение узреть труп, который будут выносить из дома. Рядом с ожидающей «скорой» стоял мужчина в зелено-желто-красной растаманской шапке и беседовал с одетыми в белое ассистентами-криминалистами. Бьёрн Хольм из

криминалистического отдела. Он кивнул своим людям и снова зашел в здание. Он как-то странно сутулился и сгибался, как будто у него болел живот, и Трульсу стало интересно, уж не связано ли это с тем, что, по слухам, ходившим в отделе, Катрина Братт недавно порвала с этим круглолицым уроженцем Тутена с рыбьими глазами. Отлично. Значит, кто-то еще почувствовал, что такое быть растерзанным на куски. Звонкий голос Виллера звучал будто издалека:

– Итак, их зовут Энрике и...

– Нет-нет, – засмеялись девушки, – Хенрик. И Альф.

Трульс поймал взгляд Виллера и кивнул в сторону двери.

– Большое спасибо, девушки, это все, – сказал Виллер. – Кстати, можно я запишу телефоны?

Девушки посмотрели на него с чем-то вроде наслаждения, смешанного с ужасом.

– Хенрика и Альфа, – добавил он, криво улыбнувшись.

Катрина стояла в спальне за спиной у судмедэксперта, сидевшей на корточках у кровати. Элиса Хермансен лежала на спине на стеганом одеяле. Но кровь растеклась по белой блузке так, что было понятно: когда лилась кровь, женщина стояла. Почти наверняка она стояла перед зеркалом в коридоре: там ковер настолько пропитался кровью, что намертво прилип к паркету. Следы крови между коридором и спальней, а также скромное ее количество в кровати говорили о том, что сердце Элисы прекратило биться еще в коридоре. Исходя из температуры тела и *rigor mortis*^[4], судмедэксперт определила, что смерть наступила между двадцатью тремя и часом ночи и что причиной смерти точно явилась кровопотеря, поскольку сонная артерия была проколота в одном или нескольких местах сбоку на шее прямо над левым плечом.

Брюки и трусы были стянуты до лодыжек.

– Я взяла соскобы с ногтей, но невооруженным глазом никаких следов кожи не обнаружила, – сказала судмедэксперт.

– Когда это вы начали работать за криминалистов? – спросила Катрина.

– Когда Бьёрн нас попросил, – ответила та. – Он умеет просить.

– Вот как? А другие повреждения?

– У нее царапина на левом предплечье и деревянная заноза на внутренней стороне указательного пальца.

– Следы насилия?

– Никаких видимых следов повреждения в области половых органов,

но это... – Она рассматривала живот жертвы через лупу. Катрина заглянула в нее и увидела тонкую прозрачную полоску. – Это может быть слюной ее или кого-нибудь другого, но больше похоже на предэякулят или семя.

– Будем надеяться, – пробормотала Катрина.

– *Надеяться* на изнасилование? – В комнату вошел Бьёрн Хольм и встал за спиной у Катрины.

– Если это было изнасилование, все свидетельствует о том, что оно произошло после смерти, – сказала она, не оборачиваясь. – Так что она все равно ничего не почувствовала. И я хочу получить немного семени.

– Я шучу, – тихо произнес Бьёрн на своем теплом тутенском диалекте.

Катрина закрыла глаза. Естественно, он знал, что в таких случаях семя – это ключ к разгадке. И естественно, он пытался подшучивать, пытался разрядить то странное, болезненное напряжение, которое существовало между ними все три месяца, прошедшие с того времени, как она съехала. Она пыталась вести себя так же, только у нее не получалось.

Судмедэксперт посмотрела на них снизу вверх.

– Я здесь закончила, – сказала она, поправляя хиджаб.

– «Скорая» здесь, мои люди вынесут тело, – сказал Бьёрн. – Спасибо за помощь, Захра.

Судмедэксперт кивнула и поспешила к выходу, словно она тоже ощутила напряжение.

– Ну и?.. – спросила Катрина и заставила себя посмотреть на Бьёрна.

Заставила себя не реагировать на пристальный взгляд, скорее грустный, чем действительно умоляющий.

– Да особо нечего сказать, – произнес Бьёрн и почесал пышные рыжие бакенбарды, выступающие из-под шапки-растаманки.

Катрина ждала, надеясь, что они все еще обсуждают убийство.

– Судя по всему, она не слишком заботилась о чистоте. Мы обнаружили волосы нескольких людей, преимущественно мужчин, но вряд ли все они были здесь вчера вечером.

– Она была адвокатом пострадавшей стороны, – сказала Катрина. – Одинокая женщина на такой ответственной работе, вполне возможно, не придавала первостепенного значения чистоте, в отличие от тебя.

Он легко улыбнулся, не вступая с ней в спор. И Катрина снова почувствовала укол нечистой совести, которую ему всегда удавалось пробудить у нее. Конечно, они никогда не ссорились из-за уборки, потому что Бьёрн всегда быстро мыл посуду, лестницу, стиральную машину, ванную, сушилку без всяких упреков или обсуждений. То же и в других случаях. Ни одной чертовой ссоры за весь год, что они прожили вместе, –

он этого всегда избегал. А когда она больше не могла выдерживать, он был рядом, внимательный, самоотверженный, неутомимый, как чертова раздражающая машина, и чем выше он возводил этот пьедестал, тем больше она ощущала себя идиотской принцессой.

– Откуда ты знаешь, что эти волосы мужские? – вздохнула она.

– Одинокая женщина на ответственной работе... – произнес Бьёрн, глядя на нее.

Катрина сложила руки на груди:

– Что ты пытаешься сказать, Бьёрн?

– А? – Его бледное лицо слегка порозовело, а глаза выпучились больше обычного.

– Что я во всех вижу себя? Хорошо, если хочешь знать...

– Нет! – Бьёрн выставил руки перед собой, словно обороняясь. – Я не это имел в виду! Это просто неудачная шутка.

Катрина знала, что должна испытывать сочувствие. И в общем, она его испытывала. Но не то сочувствие, когда хочется кого-то обнять. Ее сочувствие более походило на презрение – презрение, которое пробуждало в ней желание ударить его, унижить. И именно потому, что она не хотела видеть Бьёрна Хольма, этого замечательного мужчину, униженным, она ушла от него. Катрина Братт сделала вдох.

– Значит, мужские?

– Почти все волосы короткие, – сказал Бьёрн. – Посмотрим, подтвердит ли это экспертиза. В любом случае у нас достаточно ДНК, чтобы на какое-то время занять Институт судебной медицины.

– Хорошо, – кивнула Катрина и снова повернулась к труп. – Есть какие-то мысли насчет того, что он воткнул в нее? Или чем он ее исколот: на ней множество близко расположенных уколов.

Теперь, когда они вернулись к разговорам о работе, Бьёрн явно испытал облегчение. «Черт, какая же я испорченная», – подумала Катрина.

– Ну, это не так-то легко разглядеть, но раны составляют рисунок, – сказал он. – Точнее, два рисунка.

– Да?

Бьёрн подошел к труп. и указал на шею под короткими белокурыми волосами:

– Видишь, уколы образуют две немного вытянутые полуокружности, соединяющиеся друг с другом здесь и здесь.

Катрина склонила голову набок:

– Когда ты так говоришь...

– Как укус.

– Вот черт! – вырвалось у Катрины. – Зверь?

– Кто знает. Подумай: кожа сжимается и сворачивается в складку, когда сходятся верхняя и нижняя челюсти. И тогда остается след, как здесь... – Бьёрн Хольм достал из кармана кусочек полупрозрачной бумаги, и Катрина сразу узнала упаковку от бутербродов, которые он каждое утро готовил перед выходом на работу. На ней были углубления той же овальной формы. Он поднес бумагу к уколам на шее. – Во всяком случае, похоже на укусы тутенца.

– Человек не может так прокусить шею.

– Согласен. Но этот отпечаток похож на человеческий.

Катрина облизала губы:

– Существуют люди, которые затачивают зубы.

– Если это зубы, то мы, возможно, найдем слюну у ран. Так или иначе, если они стояли на ковре в коридоре, когда он ее укусил, то следы говорят нам, что он стоял позади нее и что он выше ростом.

– Судмедэксперт ничего не нашла у нее под ногтями, поэтому я думаю, что он крепко держал ее, – сказала Катрина. – Сильный, среднего или выше среднего роста мужчина с зубами хищника.

Они стояли и молча смотрели на труп. Как стоит молодая пара на художественной выставке, размышляя над увиденным, чтобы вскоре впечатлить друг друга своими рассуждениями, подумала Катрина. С той только разницей, что Бьёрн не стремился никого впечатлить. А вот она – да.

Катрина услышала шаги в коридоре.

– Сюда больше никому не входить! – прокричала она.

– Просто хотели сообщить, что дома были жильцы всего лишь двух квартир и никто из них ничего не видел и не слышал, – раздался высокий голос Виллера. – Но я только что разговаривал с двумя парнями, которые видели, как Элиса Хермансен возвращалась домой. Они говорят, она была одна.

– А эти парни...

– Ранее не привлекались и имеют чек из такси, который подтверждает, что они уехали отсюда около двадцати трех тридцати. Они сказали, что она застукала их, когда они писали в подъезде. Привезти их на допрос?

– Это не они сделали, но допросить их можно.

– Хорошо.

Шаги Виллера удалились.

– Она пришла одна, а никаких признаков взлома не видно, – сказал Бьёрн. – Думаешь, она добровольно егопустила?

– Только если она его хорошо знала.

– Да?

– Элиса работала адвокатом пострадавшей стороны по делам преступлений против нравственности, и ей все известно о рисках, а цепочка на входной двери выглядит довольно новой. Мне кажется, она была осторожной девочкой.

Катрина присела на корточки рядом с трупом и стала разглядывать занозу, торчащую из пальца Элисы, и царапину на предплечье.

– Адвокат потерпевшей стороны, – произнес Бьёрн. – А где?

– В «Холлумсен и Скири». Это они известили полицию, когда она не явилась на судебное заседание и не ответила на телефонный звонок. Нет ничего необычного в том, что насильники угрожают адвокатам потерпевшей стороны.

– Считаешь, один из...

– Нет, как я уже говорила, не думаю, что она кого-топустила в квартиру. Но... – Катрина нахмурилась. – Ты согласен, что эта щепка бело-розового цвета?

Бьёрн склонился к ней:

– Во всяком случае, она белая.

– Бело-розовая, – повторила Катрина, поднимаясь. – Пойдем.

Они вышли в коридор, Катрина открыла входную дверь и указала на занозистый дверной косяк со стороны лестницы:

– Бело-розовый.

– Ну раз ты так говоришь... – протянул Бьёрн.

– Ты что, не видишь? – спросила она с недоверием.

– Исследования показывают, что женщины обычно различают больше оттенков цвета, чем мужчины.

– Но *это* ты видишь? – спросила Катрина, поднимая дверную цепочку, висящую на внутренней стороне двери.

Бьёрн нагнулся ниже. Его запах вызвал у нее испуг. Возможно, дело было просто в неожиданной близости.

– Ободранная кожа, – сказал Бьёрн.

– Царапина на предплечье. Понимаешь?

Он медленно кивнул:

– Она поцарапалась о дверную цепочку, которая, следовательно, была закрыта. Это не он ворвался в квартиру мимо нее, это она боролась за то, чтобы выбраться наружу.

– Мы в Норвегии не пользуемся дверными цепочками, мы запираем дверь на замок, и этого нам вполне достаточно. А если онапустила его в дом, если, к примеру, этот сильный мужчина был ей знаком...

– Она бы не стала возиться с дверной цепочкой *после* того, как сняла ее, чтобы впустить его. Тогда она бы чувствовала себя в безопасности. Следовательно...

– Следовательно, – перебила его Катрина, – когда она пришла домой, он уже находился в квартире.

– И она об этом не знала, – подхватил Бьёрн.

– Вот почему она закрыла дверь на цепочку: она думала, что опасность таится *снаружи*.

Катрина содрогнулась. Вот что называют восторгом, граничащим с ужасом. Чувство, возникающее у следователя, расследующего убийство, когда он внезапно начинает *видеть* и *понимать*.

– Харри был бы сейчас доволен тобой, – сказал Бьёрн и рассмеялся.

– Что такое? – спросила она.

– Ты покраснела.

«Я действительно испорченная», – подумала Катрина.

Глава 3

Четверг, вторая половина дня

Катрина никак не могла сосредоточиться во время пресс-конференции, на которой было сделано короткое сообщение о личности убитой, о ее возрасте, о том, где и когда был обнаружен труп, и это, пожалуй, все. На первой пресс-конференции сразу после убийства полиция обычно старается сказать как можно меньше, просто *присутствовать* во имя современной открытой демократии.

Рядом с Катриной сидел начальник отдела по расследованию убийств Гуннар Хаген. Вспышки фотоаппаратов отсвечивали от блестящей лысины в венчике темных волос, пока он читал короткие предложения, которые они сочинили вместе. Катрина была рада, что слово держал Хаген. Не то чтобы она боялась света прожекторов, но всему свое время. Ее назначили на должность следователя по особо важным делам совсем недавно, поэтому ей казалось надежнее предоставить говорить Хагену, а самой учиться, как это делать. Наблюдать, как опытному полицейскому руководителю, который больше использует язык тела и интонацию, чем факты, удастся убедить окружающий мир в том, что полиция контролирует ситуацию.

Она сидела и смотрела поверх голов приблизительно тридцати журналистов, собравшихся в зале для совещаний на четвертом этаже, на картину, которая занимала всю противоположную стену. На ней были изображены обнаженные купающиеся люди, по большей части молодые щуплые мальчики. Прекрасная невинная сцена из тех времен, когда еще не все истолковывалось в худшем смысле. И сама она была ничуть не лучше, поскольку считала художника педофилом. Хаген в ответ на какой-то вопрос журналиста повторил свою мантру: «На это мы ответить не можем». Эту фразу он повторял с незначительными вариациями, чтобы она не звучала высокомерно или даже комично: «В настоящее время мы не можем это прокомментировать». Или более дружелюбно: «К этому мы еще вернемся».

Катрина слышала шуршание ручек и клавиатур, записывающих вопросы, куда более красочные, чем ответы: «Можно ли назвать состояние трупа ужасающим? Есть ли на нем признаки сексуального насилия? Есть ли у полиции подозреваемый, и если да, то был ли этот человек близок с жертвой?»

Если ответить «без комментариев» на такие спекулятивные вопросы, можно вызвать раздражение, а то и что-нибудь похуже.

В дверях в самом конце зала появился знакомый силуэт. На одном глазу этого человека красовалась черная повязка, а одет он был в мундир начальника полиции, который, как было известно Катрине, всегда висел наглаженным в шкафу в его кабинете. Микаэль Бельман. Не заходя в зал, он просто стоял и наблюдал. Катрина заметила, что Хаген тоже увидел его и немного выпрямил спину под взглядом более молодого начальника Полицейского управления.

– На этом мы закончим, – произнес пресс-секретарь.

Катрина увидела, как Бельман подал знак, что хочет поговорить с ней.

– Когда следующая пресс-конференция? – прокричала Мона До, криминальный репортер газеты «ВГ»^[5].

– К этому мы еще...

– Когда у нас будет новая информация, – перебил Хаген пресс-секретаря.

«Когда», отметила про себя Катрина, а не «если». Этот маленький, но важный штрих сигнализировал о том, что слуги правового государства неустанно трудятся, что мельница справедливости вращается, а поимка виновных – всего лишь вопрос времени.

– Есть что-нибудь новое? – спросил Бельман, когда они шагали через атриум здания Полицейского управления.

Прежде его почти девичья красота, подчеркнутая длинными ресницами, ухоженными, немного длинноватыми волосами и смуглой кожей с характерными пигментными пятнами, иногда производила впечатление манерности, даже слабости. Но повязка на глазу, которую, конечно, можно было принять за театральный реквизит, на деле создавала противоположное впечатление. Она создавала впечатление силы – силы человека, которого не остановить даже ценой потери глаза.

– Криминалисты обнаружили кое-что в ранах, – сказала Катрина, проходя вслед за Бельманом через шлюз приемной.

– Слюну?

– Ржавчину.

– Ржавчину?

– Да.

– Как в... – Бельман нажал на кнопку вызова лифта.

– Мы не знаем, – сказала Катрина, становясь рядом с ним.

– И вам все еще неизвестно, как преступник попал в квартиру?

– Нет. Ее замок нельзя вскрыть, и ни двери, ни окна не взломаны. По-прежнему существует вероятность того, что жертва сама впустила убийцу,

но в это нам слабо верится.

– Возможно, у него был ключ.

– В этом кондоминиуме такие замки, что ключ подходит к замку на двери в подъезд и к замку квартиры. В соответствии с журналом регистрации ключей кондоминиума от квартиры Элисы Хермансен существует всего один ключ. И он был у нее. Бернтсен и Виллер опросили двоих молодых людей, которые находились в подъезде, когда она возвращалась домой, и оба совершенно уверены в том, что она сама отперла дверь, то есть она не звонила в домофон, чтобы кто-то находящийся в ее квартире открыл ей дверь в подъезд.

– Понимаю. А убийца не мог просто сделать дубликат ключей?

– В таком случае ему пришлось бы раздобыть оригинал и найти мастера, который умеет изготавливать системные ключи и не чувствует угрызений совести, делая ключи без письменного согласия кондоминиума. Это крайне маловероятно.

– Хорошо, но я хотел поговорить с тобой не об этом...

Двери лифта перед ними раскрылись, и двое полицейских, выходявших из кабины, машинально оборвали смех, увидев начальника полиции.

– Речь о Трульсе, – сказал Бельман, галантно пропустив Катрину перед собой в пустую кабину. – О Бернтсене.

– Вот как?

Катрина уловила слабый запах лосьона после бритья. Ей уже некоторое время казалось, что мужчины перестали бриться начисто и пренебрегают косметическими средствами. Бьёрн пользовался электробритвой и не добавлял никаких запахов, а те, которые были после него... ну что сказать, в паре случаев она предпочла бы удушливый одеколон, а не их естественный запах.

– Как он осваивается?

– Бернтсен? Хорошо.

Они стояли рядом, лицом к дверям лифта, но в наступившей тишине боковым зрением Катрина уловила кривую улыбку на лице Бельмана.

– Хорошо? – наконец повторил он.

– Бернтсен исполняет порученные ему обязанности.

– Могу предположить, что их не очень много.

Катрина пожала плечами:

– У него нет опыта работы следователем. А его назначили в крупнейшее подразделение по расследованию убийств, если не считать Крипоса^[6]. В таком случае человека, как говорится, за руль не посадишь.

Бельман кивнул и почесал подбородок.

– Вообще-то, я просто хотел удостовериться, что он справляется. Что он не... что он следует правилам игры.

– Насколько мне известно, да. – (Лифт затормозил.) – А кстати, о каких правилах игры мы говорим?

– Я просто хочу, чтобы ты приглядела за ним, Братт. У Трульса Бернтсена были тяжелые времена.

– Вы думаете о травмах, которые он получил во время взрыва?

– Я думаю о его *жизни*, Братт. Он немного... как бы выразиться...

– Ущербный?

Бельман хмыкнул и кивнул в сторону открывшихся дверей:

– Твой этаж, Братт.

Пока Катрина Братт шла по коридору в сторону отдела по расследованию убийств, Бельман разглядывал ее хорошо натренированный зад и дал свободу фантазии на те несколько секунд, пока не закрылись двери лифта. А потом его мысли вернулись к проблеме. Которая, естественно, представляла собой не проблему, а возможность. Но тут возникала дилемма. Микаэль получил осторожный и в крайней степени неофициальный запрос из канцелярии премьер-министра. Совершенно очевидно, что в правительстве грядут перестановки и на кону, помимо прочих, стоит пост министра юстиции. У него спрашивали, что он – чисто гипотетически – ответил бы, если бы ему предложили этот пост. Вначале он был ошеломлен. Но после раздумий на эту тему понял, что их выбор логичен. В должности начальника полиции Бельман не только нес ответственность за разоблачение теперь всемирно известного Убийцы полицейских, но и сам лишился глаза в пылу борьбы и в определенном смысле стал звездой национального и международного масштаба. Имеющий юридическое образование и умеющий хорошо говорить сорокалетний начальник полиции, который уже с успехом защищает столицу от убийств, наркотиков и преступности, – разве не настало время дать ему более серьезное задание? И разве так уж плохо, что он хорошо выглядит, разве это привлечет *меньше* женщин в его партию? И Бельман ответил, что – чисто гипотетически – он бы согласился.

Он вышел из лифта на седьмом, последнем этаже и прошел мимо череды портретов бывших начальников полиции.

Но до тех пор пока они не определятся, он должен позаботиться о том, чтобы не подмочить свою репутацию. Чтобы Трульс не вляпался в то, что может бросить тень на него, Бельмана. Он содрогнулся при мысли о

газетных заголовках: «Начальник полиции покрывает коррумпированного полицейского, своего друга».

Явившись к нему в кабинет, Трульс положил ноги на стол и прямо сказал, что, если его вышвырнут из полиции, он, по крайней мере, утешится тем, что вместе с ним в пропасть полетит такой же замаранный начальник полиции. Поэтому решение удовлетворить пожелание Трульса работать в отделе по расследованию убийств далось Бельману легко. Особенно потому, что, как сейчас подтвердила Братт, на него не будут возлагать ответственных поручений и он не сможет снова во что-нибудь вляпаться.

– В кабинете сидит ваша красавица-жена, – сказала Лена, когда Микаэль Бельман вошел в свою приемную.

Лене было хорошо за шестьдесят, и, когда четыре года назад Бельман вступил в должность, первым делом она попросила не называть ее ассистентом, как написано в обновленной должностной инструкции. Потому что она, Лена, была и будет секретарем приемной.

Улла сидела на диване у окна. Лена права, у него красивая жена. Она была гибкой и изящной, и трое родов не смогли этого изменить. Но что еще важнее, она обеспечивала ему тыл, понимая, что его карьере необходимы забота, поддержка, свобода. И что тот или иной необдуманный поступок в личной жизни объясним, если учесть, что человек живет в постоянном стрессе, вызванном сложной работой.

Была в ней какая-то неиспорченность, почти наивность, из-за которой все ее мысли и эмоции можно было прочесть у нее на лице. И сейчас он прочитал отчаяние. Поначалу Бельман подумал, уж не случилось ли чего с детьми, и уже собирался задать ей вопрос, как вдруг заметил тень злости. И он понял, что она что-то обнаружила. Опять. Проклятье.

– Ты такая серьезная, моя дорогая, – произнес он спокойно и направился к платяному шкафу, расстегивая мундир. – Это касается детей?

Улла отрицательно покачала головой. Бельман вздохнул с преувеличенным облегчением:

– Не то чтобы я не рад тебя видеть, но всегда вздрагиваю, если ты являешься без предупреждения.

Он повесил мундир в шкаф и сел в кресло напротив нее.

– Итак?

– Ты снова с ней встречался, – сказала Улла.

Он услышал, что она обдумывала, как произнесет эту фразу. И что планировала не расплакаться. Но слезы уже стояли в ее голубых глазах.

Бельман отрицательно покачал головой.

– Не отпирайся, – произнесла она глухим голосом. – Я проверила твой телефон. Ты звонил ей три раза только на этой неделе, Микаэль. Ты обещал...

– Улла... – Он потянулся через стол и взял ее за руку, но она высвободилась. – Я разговаривал с ней, потому что мне был нужен совет. Исабелла Скёйен сейчас работает советником по вопросам коммуникации в компании, которая специализируется на политическом лоббировании. Она знает политические дебри, она сама была в них. И она знает меня.

– *Знает?* – Лицо Уллы исказила гримаса.

– Если я... если мы собираемся сделать это, мне надо воспользоваться любыми преимуществами, чтобы быть на голову впереди тех, кто хочет получить эту должность. Правительство, Улла. Нет ничего выше этого.

– Даже семья? – Она шмыгнула носом.

– Ты прекрасно знаешь, что я никогда не предаю нашу семью...

– Никогда не предашь? – закричала Улла со всхлипыванием. – Да ты уже...

– ...и я надеюсь, что ты тоже не собираешься делать это, Улла. Во всяком случае, из-за беспочвенной ревности к женщине, с которой я обсуждаю по телефону чисто карьерные вопросы.

– Эта тетка всего лишь недолгое время была местным политиком, Микаэль. Что она может рассказать тебе?

– Помимо прочего – чего *не* следует делать, если хочешь продержаться в политике. Именно этот опыт они купили, взяв ее на работу. Например, человек не должен предавать собственные идеалы. Своих близких. Свои обязанности и свою ответственность. А если человек совершает ошибку, ему следует извиниться и попытаться в следующий раз сделать все правильно. Человек может ошибаться. Но не может предавать. И я этого не сделаю, Улла. – Он снова взял ее за руку, и на этот раз она не успела ее отдернуть. – Я понимаю, что после случившегося у меня нет права просить о многом, но, если я хочу справиться, мне нужны твое доверие и поддержка. Ты должна быть уверена во мне.

– Как я смогу...

– Иди сюда.

Бельман поднялся, не выпуская из руки ее ладонь, увлек ее за собой к окну и повернул лицом к городу. Он встал позади нее и положил руки ей на плечи. Поскольку Полицейское управление располагалось на вершине холма, они видели половину Осло, купающегося внизу под ними в солнечном свете.

– Хочешь ли ты быть со мной, чтобы что-то изменить, Улла? Хочешь

ли ты помочь мне создать более безопасное будущее для наших детей? Для соседских детей, для этого города. Для нашей страны.

Он почувствовал по ней, что его слова возымели действие. Господи, да они и на него самого подействовали, прямо скажем, он растрогался. Хотя слова эти были более или менее точно позаимствованы из заметок, которые он делал для прессы. С того момента, как его спросят, не хочет ли он занять пост министра юстиции, и он согласится, и до того, как телевидение, радио и газеты начнут обрывать его телефон, чтобы получить комментарий, пройдет совсем немного времени.

После пресс-конференции Трульс Бернтсен вместе с Виллером вышел в атриум, и тут его остановила невысокая женщина.

– Мона До, «ВГ». Я видела вас раньше... – Она повернулась к спутнику Трульса. – А вы, наверное, новичок в отделе убийств?

– Точно, – улыбнулся Виллер.

Трульс оглядел Мону До с ног до головы. В общем-то, у нее было милое лицо. Широкое, немного саамское, может быть. Но он никак не мог понять, что у нее за фигура. Красочные широкие облачения, которые она носила, делали ее больше похожей на оперного критика старой школы, чем на матерого криминального репортера. Хотя ей не могло быть больше тридцати пяти, Трульсу казалось, что она была всегда – сильная, настойчивая и широкая. Свалить Мону До с ног было нелегко. Кроме того, от нее пахло мужчиной. По слухам, она пользовалась лосьоном после бритья «Олд-спайс».

– Не много же вы нам рассказали на пресс-конференции. – Мона До улыбнулась.

Так улыбаются журналисты, когда хотят что-то получить. Но в данной ситуации казалось, что она охотится не только за информацией. Взгляд ее был прикован к Виллеру.

– У нас больше ничего и нет, – сказал Виллер, улыбаясь ей в ответ.

– Я процитирую вас, – небрежно произнесла Мона До, делая заметки. – Имя?

– Процитируете что?

– Что у полиции на самом деле нет ничего, кроме того, что Хаген и Братт выложили на пресс-конференции.

Трульс заметил, как в глазах Виллера мгновенно вспыхнула паника.

– Нет-нет, я не это имел в виду... я... Не пишите ничего, пожалуйста.

Продолжая писать, Мона ответила:

– Я представилась журналистом, и всем должно быть понятно, что я

нахожусь здесь в связи со своей работой.

Виллер посмотрел на Трульса в поисках помощи, но Трульс ничего не сказал. Сейчас мальчишка не казался таким крутым, как в тот момент, когда он очаровывал тех девушек, нет.

Виллер прокашлялся и попытался перевести свой высокий голос в более низкий регистр:

– Я не разрешаю вам использовать эту цитату.

– Понимаю, – ответила До. – Тогда это я тоже процитирую. То, как полиция пытается цензурировать прессу.

– Я... нет, это...

Румянец залил щеки Виллера, и Трульс еле сдержался, чтобы не расхохотаться.

– Расслабься, я просто подшучиваю над тобой, – сказала Мона До.

Какое-то мгновение Андерс Виллер пристально смотрел на нее, а потом выдохнул с облегчением.

– Добро пожаловать в игру. Мы играем жестко, но честно. И если можем, мы помогаем друг другу. Правда ведь, Бернтсен?

Трульс прохрюкал в ответ то, что они могли истолковать как хотели.

До полистала свой блокнот:

– Не буду повторять вопрос о том, есть ли у вас подозреваемый, – он для ваших начальников, но позвольте спросить вас об общем ходе расследования.

– Давайте, – согласился Виллер и улыбнулся, снова почувствовав себя на коне.

– Правда ли, что при расследовании подобных преступлений следствие всегда рассматривает бывших возлюбленных или любовников в качестве подозреваемых?

Андерс Виллер хотел было ответить, но Трульс предостерегающе положил руку ему на плечо:

– Я уже вижу вашу статью, До: «Руководители следствия не хотят информировать о наличии подозреваемых, но источник в полиции сообщил „ВГ“, что следствие будет проверять бывших возлюбленных и любовников жертвы».

– Ого, – произнесла Мона До, не прекращая делать пометки. – Не знала, что вы такой проницательный, Бернтсен.

– А я не знал, что вы знаете мое имя.

– О, понимаете ли, каждый полицейский обладает репутацией. А отдел убийств не настолько велик, чтобы я не успевала следить за происходящим. Но я ничего не знаю о тебе, новичок.

Андерс Виллер невыразительно улыбнулся.

– Вижу, ты решил держать язык за зубами, но скажи хотя бы, как тебя зовут.

– Андерс Виллер.

– А вот информация обо мне. – Она протянула визитку ему и, помедлив мгновение, Трульсу. – Как я уже говорила, у нас есть традиция помогать друг другу. А мы хорошо платим за хорошую информацию.

– Ну, наверное, полицейским-то вы не платите? – произнес Виллер, запихивая ее визитку в карман джинсов.

– Почему бы и нет? – сказала Мона До, скользнув взглядом по Трульсу. – Информация есть информация. Так что, если что-нибудь вспомните, звоните. Или забегайте в спортивный клуб «Гейн», я бываю там с девяти вечера и допоздна почти каждый день. И можем вместе попотеть... – Она улыбнулась Виллеру.

– Предпочитаю потеть на воздухе, – ответил Виллер.

Мона До кивнула:

– Бегаешь с собакой. Я думаю, ты собачник. Мне это нравится.

– Почему?

– У меня аллергия на кошек. Ладно, мальчики, в духе взаимопомощи обещаю позвонить, если я обнаружу что-нибудь, что, по моему мнению, сможет вам помочь.

– Спасибо, – сказал Трульс.

– Но тогда мне нужен номер, по которому я могу позвонить, – заметила Мона До, не отводя взгляда от Виллера.

– Да, конечно, – ответил он.

– Записываю.

Виллер диктовал цифру за цифрой, пока Мона не оторвала взгляд от блокнота:

– Это номер коммутатора Полицейского управления.

– Здесь я и работаю, – кивнул Андерс Виллер. – И кстати, у меня кот.

Мона До захлопнула блокнот.

– Увидимся.

Трульс проследил за тем, как она вперевалку, будто пингвин, направилась к выходу, к необычной тяжелой металлической двери с иллюминатором.

– Собрание начинается через три минуты, – сказал Виллер.

Трульс посмотрел на часы. Послеобеденные собрания следственной группы. Отдел по расследованию убийств был бы прекрасным местом, если бы не убийства. Убийство – это дерьмо. Убийство означало

сверхурочную работу, написание рапортов, бесконечные собрания и стресс у людей. Но зато работающим сверхурочно полагалась бесплатная еда в столовой. Трульс вздохнул, повернулся, чтобы пройти к шлюзам, и остолбенел.

Это была она.

Улла.

Она направлялась к выходу, и взгляд ее скользнул по Трульсу, но она сделала вид, что не заметила его. Случалось, она так делала. Возможно, ей становилось нехорошо, когда они изредка встречались вдвоем, без Микаэля. Таких моментов оба они избегали даже в молодости. Он – потому что начинал потеть, и потому что сердце его колотилось слишком быстро, и потому что впоследствии он переживал по поводу того, какие глупости он ей сказал и какие умные, правильные вещи не сказал. Она – потому что... ну, наверное, потому, что он потел, сердце его колотилось слишком быстро и он либо молчал, либо говорил глупости.

И все-таки ему захотелось прокричать ее имя на весь атриум.

Но она уже подошла к металлической двери. Скоро она выйдет на улицу, и солнце поцелует ее красивые белокурые волосы.

И он прошептал ее имя про себя: «Улла».

Глава 4

Четверг, ранний вечер

Катрина Братт оглядела совещательную комнату, которую они называли КО-комнатой.

Восемь следователей, четыре аналитика, один криминалист. Все они были в ее распоряжении. И все следили за ней соколиным взглядом. Новый старший следователь, к тому же женщина. Катрина знала, что наибольшими скептиками из собравшихся были ее коллеги-женщины. И часто задумывалась над тем, не отличается ли она как-то фундаментально от других женщин. У них уровень тестостерона составляет пять-десять процентов от уровня их коллег-мужчин, а у нее – почти двадцать пять процентов. Пока еще это не сделало ее волосатым клубком мышц с клитором размером с пенис, но, насколько Катрина помнила, она была более возбуждима, чем некоторые ее подруги, по их собственному признанию. Или «безумно возбуждима», как выражался Бьёрн, когда она особенно распалялась и прямо посреди рабочего дня срывалась с места и неслась в Брюн только для того, чтобы заставить его взять ее в пустом складском помещении за лабораторией, да так, чтобы зазвенели коробки с колбами и трубками.

Катрина прокашлялась, включила запись на телефоне и начала:

– Итак, шестнадцать часов, четверг, двадцать второе сентября. Мы собрались в совещательной комнате номер один в отделе по расследованию убийств, и это первое собрание временной следственной группы, расследующей убийство Элисы Хермансен.

Катрина увидела, как опоздавший Трульс Бернтсен проскользнул в комнату и сел у самого входа.

Она продолжила рассказывать то, что уже было известно большинству собравшихся: Элиса Хермансен утром найдена мертвой, вероятная причина смерти – потеря крови, явившаяся следствием укуса в шею. Еще ни один свидетель не дал о себе знать. Пока что у них нет ни подозреваемого, ни подтвержденных материальных улик. Обнаруженный в квартире органический материал, который может принадлежать людям, отправлен на экспертизу ДНК, и надо надеяться, что ответ будет получен в течение недели. Остальные потенциальные материальные улики находятся на исследовании у криминалистов и судебных медиков. Или другими словами: у них ничего нет.

Катрина увидела, что несколько человек сложили руки на груди и тяжело вздохнули, почти что зевнули. И она знала, что они думают: это очевидные вещи, бессодержательные повторы, без веских причин забыть о других делах, над которыми они работают. Она еще раз рассказала, как дедуктивным методом пришла к выводу, что убийца к моменту прихода Элисы уже находился в квартире, но сама поняла, что это прозвучало как самовосхваление, как мольба нового начальника об уважении. Она почувствовала, как подступает отчаяние, и вспомнила о том, что ответил Харри, когда она позвонила ему, чтобы попросить совета.

«Поймай убийцу», – ответил он.

«Харри, я не об этом спрашивала, я спросила, как руководить следственной группой, которая не испытывает к тебе доверия».

«Я ответил тебе».

«Поимка того или иного убийцы не решает...»

«Она решает все».

«Все? И что она решила для тебя, Харри? Вот лично для тебя?»

«Ничего. Но ты спросила о руководстве».

Катрина окинула взглядом комнату, закончила еще одну лишнюю фразу, сделала вдох и заметила, как чья-то рука застучала пальцами по подлокотнику.

– Если Элиса Хермансен впустила этого человека ранним вечером и оставила его в квартире, пока сама отсутствовала, значит мы ищем человека, которого она знала. Поэтому мы проверили ее телефон и компьютер. Торд?..

Торд Грен встал. У него было прозвище Кулик, без сомнения, потому, что он походил на болотную птицу из-за чересчур длинной шеи и маленького клювообразного носа. На птицу, размах крыльев которой намного превышал длину тела. Архаичные круглые очки и длинные кудрявые волосы, обрамлявшие узкое лицо, наводили на мысли о семидесятих годах.

– Мы вошли в ее айфон и просмотрели список входящих и исходящих вызовов и звонков за последние три дня, – сказал Торд, не отводя глаз от своего планшета, поскольку он вообще избегал смотреть кому-либо в глаза. – Мы обнаружили только разговоры по работе. С коллегами и клиентами.

– А с друзьями? – спросил Магнус Скарре, следователь-тактик. – С родителями?

– Думаю, только с теми, о ком я сказал, – ответил Торд не то чтобы недружелюбно, а просто в порядке уточнения. – То же самое касается

электронной почты. Только по работе.

– Адвокатская фирма подтверждает, что Элиса много работала сверхурочно, – добавила Катрина.

– Одинокие женщины так и делают, – заметил Скарре.

Катрина удрученно посмотрела на невысокого плотного следователя, хотя и знала, что этот комментарий не направлен против нее. Для этого Скарре не был ни достаточно коварным, ни достаточно находчивым.

– Ее компьютер не защищен паролем, но в нем мы тоже не обнаружили ничего интересного, – продолжил Торд. – Она в основном просматривала новости и искала данные. Она посещала несколько порносайтов, но совершенно обычных, и нет никаких следов того, что она связывалась с кем-нибудь посредством этих сайтов. Самое сомнительное ее действие за последние пару лет – скачивание фильма «Дневник памяти» с сайта «Попкорн тайм».

Поскольку Катрина не слишком хорошо знала компьютерного эксперта, она не поняла, что он имеет в виду под словами «сомнительное действие»: скачивание фильма с пиратского сервера или собственно выбор фильма. Сама она предпочла бы последнее. Хотела бы она иметь «Попкорн тайм».

– Я попробовал пару очевидных паролей, чтобы получить доступ к ее странице в «Фейсбуке», – сказал Торд. – Не сработало. Я отправил запрос о заморозке страницы в Крипос.

– Запрос о чем? – переспросил Андерс Виллер, сидевший в первом ряду.

– Обращение в суд, – пояснила Катрина. – Запросы о доступе к страницам «Фейсбука» направляются через Крипос и суд первой инстанции, и даже если они нас поддержат, запрос должен также пройти через суд в США и, возможно, через сам «Фейсбук». В лучшем случае это займет недели, а скорее, месяцы.

– У меня все, – сказал Торд Грен.

– Еще один вопрос от новичка, – подал голос Виллер. – Как вы вошли в ее телефон? При помощи отпечатка пальца трупа?

Торд на миг поймал взгляд Виллера, отвел глаза и отрицательно покачал головой.

– А как? Код на старых айфонах состоит из четырех цифр. Это дает нам десять тысяч различных...

– Микроскоп, – прервал его Торд и набрал что-то на планшете.

Катрина знала метод Торда, но не остановила его. Торд Грен не имел полицейского образования, как, в общем-то, и другого. Он несколько лет

изучал информационные технологии в Дании, но никаких экзаменов не сдавал. И все же его довольно скоро нанял отдел информационных технологий Полицейского управления и назначил на должность аналитика, отвечающего за все технологические улики. Просто потому, что он был лучше всех остальных.

– Даже на самом прочном стекле остаются микроскопические углубления на тех местах, которых чаще всего касаются пальцы, – сказал Торд. – Я просто выясняю, где самые глубокие, и вот тебе код. То есть четыре цифры дают двадцать четыре варианта комбинаций.

– Телефон ведь блокируется после трех ошибочных попыток ввести код, – не унимался Андерс, – значит надо делать...

– Я угадал со второй, – сказал Торд и улыбнулся, но Катрина не поняла чему: то ли этому факту, то ли тому, что увидел на планшете.

– Ого! – произнес Скарре. – Вот это я называю удачей.

– Совсем наоборот, неудачей было то, что я не угадал с первой попытки. Когда код содержит цифры один и девять, как в данном случае, это, как правило, обозначение года. Тогда остается всего две возможности скомбинировать цифры.

– Довольно об этом, – вмешалась Катрина. – Мы разговаривали с сестрой Элисы, и она говорит, что у Элисы уже много лет не было постоянного мужчины. И что, по всей вероятности, она не хотела таких отношений.

– «Тиндер», – сказал Виллер.

– Что?

– У нее в телефоне было приложение «Тиндер»?

– Да, – ответил Торд.

– Мальчишки, которые видели Элису в подъезде, отметили, что она была нарядно одета. Значит, шла не с тренировки, не с работы и вряд ли от подруги. Если она не хотела иметь постоянного партнера...

– Хорошо, – сказала Катрина. – Торд?..

– Мы проверили приложение, и в нем было, мягко говоря, много совместимостей. Но «Тиндер» привязан к «Фейсбуку», так что доступ к возможной дальнейшей коммуникации с подписчиками «Тиндера» мы получим не скоро.

– Подписчики «Тиндера» встречаются в барах, – раздался чей-то голос.

Катрина удивленно подняла голову. Голос принадлежал Трульсу Бернтсену.

– Если у нее был с собой телефон, то надо всего лишь проверить базовые станции, а потом – бары в районе, где она находилась.

– Спасибо, Трульс, – сказала Катрина. – Мы уже проверили базовые станции. Стина?..

Одна из аналитиков выпрямила спину и кашлянула:

– В соответствии с выпиской из центра управления «Теленора» Элиса Хермансен начала перемещение от площади Янгсторге, где она работает, между половиной седьмого и семью. Она отправилась в район Бентсебрюа. Потом...

– Сестра сообщила, что Элиса ходила в спортклуб в Центре Мюренса, – вмешалась Катрина. – В клубе подтвердили, что Элиса отметила карточку в девятнадцать тридцать две и в двадцать один четырнадцать. Прошу прощения, Стина.

Стина немного скованно улыбнулась:

– Потом Элиса поехала в район своего местожительства, где она – или, по крайней мере, ее телефон – находилась до тех самых пор, пока не обнаружили ее тело. Таким образом, сигналы двух близко расположенных базовых станций перекрывали друг друга, что подтверждает: она перемещалась, но на расстояние не более нескольких сотен метров от своего дома в районе Грюнерлёкка.

– Ну прекрасно, значит нам предстоит пройти по барам, – сказала Катрина.

Ответом ей было хихиканье Трульса, белозубая улыбка Андерса Виллера и гробовое молчание всех остальных.

Она подумала, что могло быть и хуже.

Лежащий перед ней телефон начал ползти к краю стола.

Она взглянула на дисплей и увидела, что звонит Бьёрн.

Речь могла идти о технических уликах, в таком случае хорошо бы сообщить о них остальным сотрудникам здесь и сейчас. С другой стороны, если он звонит по работе, то должен связываться со своим коллегой из криминалистического отдела, который сидит в этой комнате, а не с Катриной. Так что звонок мог быть частным.

Она уже собиралась нажать на «отклонить», когда сообразила: Бьёрну прекрасно известно, что сейчас она находится на совещании; в таких вопросах у него всегда был порядок.

Катрина поднесла трубку к уху:

– У нас сейчас совещание следственной группы, Бьёрн.

Она пожалела о том, что ответила на звонок, когда увидела, что взгляды всех присутствующих прикованы к ней.

– Я нахожусь в Институте судебной медицины, – сказал Бьёрн. – Мы только что получили результаты экспресс-теста прозрачного вещества,

которое было у жертвы на животе. В нем нет человеческой ДНК.

– Черт! – вырвалось у Катрины.

Она все время держала это в голове: если та полоска – семя, преступление может быть раскрыто в пределах магического срока, то есть в течение первых сорока восьми часов. Весь ее опыт подсказывал, что по истечении этого срока раскрыть преступление будет сложнее.

– Но сам факт все равно может указывать на то, что у него был с ней сексуальный контакт, – сказал Бьёрн.

– И что заставляет тебя так думать?

– Эта полоска – смазка. Наверняка с презерватива.

Катрина снова чертыхнулась. И поняла по взглядам присутствующих, что до сих пор не произнесла ничего такого, из чего бы им стало ясно: этот разговор не носит личного характера.

– Значит, ты считаешь, что преступник воспользовался презервативом? – произнесла она громко и отчетливо.

– Он или кто-то другой, с кем она встречалась вчера вечером.

– Хорошо, спасибо.

Она собиралась завершить разговор, но, перед тем как отключиться, услышала, что Бьёрн выкрикивает ее имя.

– Да? – спросила она.

– Я позвонил тебе не из-за этого.

Она сглотнула:

– Бьёрн, у нас тут...

– Орудие убийства, – выпалил он. – Мне кажется, я выяснил, что это. Можешь задержать группу еще минут на двадцать?

Он лежал на кровати в квартире и читал новости в телефоне. Он уже просмотрел все газеты. И был разочарован: они пропустили все детали и не написали ни о чем, что имело художественную ценность. Либо потому, что эта руководительница расследования, Катрина Братт, не хотела им ничего сообщать, либо потому, что она просто-напросто не сумела разглядеть в этом красоту. Но вот он, полицейский со взглядом убийцы, смог бы. Возможно, он, как и Братт, оставил бы это при себе, но уж точно оценил бы.

Он изучил фотографию Катрины Братт в газете.

Она красива.

Разве им не предписано надевать полицейскую форму на пресс-конференции? Может быть, только рекомендовано. Она не надела. Наплевала. Она ему нравилась. Он представил ее в форме.

Очень красива.

К сожалению, ее не было в повестке дня.

Он отложил газеты и провел рукой по татуировке. Время от времени ему казалось, что она настоящая, что она разрывается, что кожа на груди натягивается и готова лопнуть.

Ему тоже хотелось наплевать.

Он напряг мышцы живота и поднялся с кровати без помощи рук, посмотрел на себя в зеркало на дверце раздвижного шкафа. В тюрьме он занимался спортом. Не в спортивном зале – он не собирался лежать на скамейках и матах, пропитанных чужим потом. В камере. Не для того, чтобы накачать мускулы, а чтобы приобрести *настоящую* силу. Выносливость. Напряжение тела. Баланс. Способность терпеть боль.

Его мать была крупной женщиной с большим задом. Ближе к концу она позволила себе распуститься. Слабая. Наверное, тело и обмен веществ он унаследовал от отца. И силу.

Он отодвинул дверцу платяного шкафа.

Там висела форма. Он провел по ней рукой. Скоро он использует ее.

Он подумал о Катрине Братт. В форме.

Сегодня вечером он отправится в бар. В популярный, набитый людьми бар, не похожий на бар «Ревность». Он нарушит правило выходить в люди только для того, чтобы заpastись едой, сходить в баню и заняться делами, стоящими на повестке дня. Он будет скользить между людьми, возбуждающе анонимный и одинокий. Потому что ему это нужно. Нужно для того, чтобы не сойти с ума. Он тихо засмеялся. Сойти с ума. Психологи говорили, что ему необходимо наблюдаться у психиатра. И он прекрасно понимал, что они имели в виду: ему нужен человек, который может выписать лекарство.

Он достал с полки для обуви пару начищенных ковбойских сапог и мельком взглянул на женщину в шкафу. Она сохраняла вертикальное положение благодаря крюку на задней стенке шкафа, и ее глаза неподвижно смотрели сквозь висящую одежду. От нее слабо пахло лавандовыми духами, которыми он натирал ее грудь. Он задвинул дверцу.

Сумасшедший? Все они никчемные идиоты, все как один. В одной энциклопедии он прочитал определение расстройства личности: это психическое расстройство, которое приводит к «неприятным ощущениям и сложностям для больного или для окружающих». Ладно. В его случае речь шла исключительно об окружающих. Он же обладал именно той личностью, какую хотел. Потому что если у тебя есть питье, то что может быть лучше, рациональнее и нормальнее, чем испытывать жажду?

Он посмотрел на часы. Через полчаса на улице будет уже достаточно темно.

– Вот что мы обнаружили вокруг ран на шее... – Бьёрн Хольм указал на фотографию на экране. – Эти три фрагмента слева – ржавчина, а этот справа – черная краска.

Катрина села к остальным собравшимся. Бьёрн прибежал запыхавшись, его бледные скулы все еще блестели от пота.

Он постучал клавишами на своем компьютере, и на экране появилась увеличенная фотография повреждений на шее.

– Видите, места проколов на коже образуют определенный рисунок, будто ее укусил человек, но его зубы должны были быть острыми как шило.

– Сатанист какой-нибудь, – предположил Скарре.

– Катрина высказала идею, что кто-то просто заточил зубы, но мы проверили: в тех местах, где зубы почти прокусили кожную складку, они не сомкнулись, а очень точно встали между зубами другой челюсти. Следовательно, вряд ли это обычный человеческий прикус, когда зубы верхней и нижней челюсти расположены так, что просто соприкасаются друг с другом, зуб над зубом. А обнаруженная ржавчина наводит меня на мысль, что был использован какой-то железный зубной протез.

Бьёрн застучал клавишами.

Катрина ощутила, как по комнате пролетел тихий вздох.

На экране появился объект, с первого взгляда показавшийся Катрине похожим на старый ржавый капкан, который она однажды видела у дедушки в Бергене. Дедушка называл его «медвежьими ножницами». Острые зубцы были расположены зигзагом, а верхняя и нижняя челюсть скреплялись чем-то вроде пружинного механизма.

– Этот предмет из одной частной коллекции в Каракасе относится, по всей вероятности, ко временам рабства, когда проводились бои, на которые делались ставки. Двум рабам вставляли такие челюсти, а руки связывали за спиной, после чего бойцов выводили на ринг. Выживший отправлялся на следующий поединок. Я так думаю. Но дело в том...

– Спасибо, – сказала Катрина, напоминая ему о сути дела.

– Я попытался выяснить, где можно достать железный зубной протез вроде этого. И оказалось, что его не так-то просто заказать в интернет-каталоге. Так что если мы найдем человека, продававшего такие штучки в Осло или в других местах Норвегии, и выясним, кому он их продавал, то мы получим не очень длинный список.

Катрина сделала вывод, что Бьёрн вышел далеко за рамки обязанностей криминалиста, но не стала это комментировать.

– И еще одно, – сказал Бьёрн. – Крови не хватает.

– Не хватает?

– Содержание крови в теле взрослого человека в среднем составляет семь процентов от его веса. Существуют индивидуальные различия, но пусть даже жертва находилась на низком уровне шкалы, все равно: если сложить кровь, оставшуюся в теле, на ковре в коридоре, на паркете, и то немного, что было в кровати, не хватает почти полулитра. Так что если убийца не унес недостающее в ведре...

– ...то он его выпил, – закончила Катрина.

На три секунды в совещательной комнате установилась тишина.

Виллер кашлянул:

– А что насчет черной краски?

– На оборотной стороне кусочка краски обнаружена ржавчина, так что краска от того же предмета, – ответил Бьёрн, отсоединяя компьютер от проектора. – Но краска не очень старая. Я проведу анализ ночью.

Оглядев собравшихся, Катрина поняла, что они не очень поняли насчет краски и до сих пор думают о крови.

– Спасибо, Бьёрн. – Катрина поднялась и посмотрела на часы. – Теперь поход по барам. Вообще-то, сейчас время ложиться спать, поэтому давайте отправим домой тех, у кого есть дети, а мы, неплодовитые, останемся и разделимся.

Никто не ответил, не засмеялся, даже не улыбнулся.

– Прекрасно, так и поступим, – заключила Катрина.

Она почувствовала усталость, но стряхнула ее с себя. У нее появилось смутное осознание того, что это только начало. Железная челюсть и отсутствие ДНК. Пол-литра пропавшей крови.

Ножки стульев закрипели.

Катрина собрала свои бумаги, на мгновение подняла глаза и увидела, как спина Бьёрна исчезает за дверью. Она вновь ощутила странную смесь облегчения, нечистой совести и презрения к себе. И подумала, что это... неправильно.

Глава 5

Четверг, вечер и ночь

Мехмет Калак рассматривал пару, стоявшую перед ним. Глядя на женщину, у которой было красивое лицо с горящими глазами и точеная фигура в облегающей хипстерской одежде, совершенно не казалось невероятным, что она может подцепить привлекательного молодого человека лет на десять моложе ее. Вот именно таких клиентов он и хотел у себя видеть, поэтому, когда они вошли в дверь бара «Ревность», он улыбнулся им самой широкой из своих улыбок.

– Что скажете? – спросила женщина.

Она говорила на бергенском диалекте. Он запомнил только фамилию из предъявленного удостоверения: Братт.

Мехмет снова опустил глаза и посмотрел на фотографию, которую они положили на стойку перед ним.

– Да, – сказал он.

– Да?

– Да, она была здесь вчера вечером.

– Вы уверены?

– Она сидела примерно там, где вы сейчас стоите.

– Здесь? Одна?

Мехмет заметил, что женщина пытается скрыть возбуждение. Почему люди так поступают? Что опасного в том, чтобы показать свои чувства? Ему не нравилось, что приходится сдавать своего единственного постоянного клиента, но они предъявили удостоверения сотрудников полиции.

– Она была вместе с парнем, который сюда заходит. А что случилось?

– Вы что, газет не читаете? – спросил светловолосый коллега Братт высоким голосом.

– Нет, предпочитаю новостные материалы, – ответил Мехмет.

Братт улыбнулась:

– Сегодня утром ее обнаружили убитой. Расскажите нам об этом мужчине. Что они здесь делали?

Мехмету показалось, что на голову ему вылили ведро ледяной воды. *Убита?* Женщина, меньше суток назад сидевшая здесь, прямо перед ним, теперь труп? Он взял себя в руки. И устыдился, когда в голове у него

промелькнула мысль: если его бар будет упомянут в газетах, хорошо или плохо это скажется на бизнесе? Но ведь все-таки существует граница, ниже которой бизнес опуститься не может.

– Свидание по «Тиндеру», – сказал Мехмет. – Обычно он встречается здесь с женщинами. Он называет себя Гейром.

– *Называет* себя?

– Могу предположить, что это его настоящее имя.

– Разве он не расплачивается картой?

– Конечно.

Братт кивнула на кассовый аппарат:

– Вы сумеете отыскать его вчерашний счет?

– Думаю, это возможно, – хмуро улыбнулся Мехмет.

– Они ушли отсюда вместе?

– Точно нет.

– И это значит?..

– Что у Гейра, как обычно, были завышенные ожидания. В действительности она его послала еще до того, как я успел им налить. Кстати, вы хотите что-нибудь...

– Нет, спасибо, – отказалась Братт. – Мы на работе. Получается, она ушла отсюда одна?

– Да.

– Вы не заметили, кто-нибудь выходил вслед за ней?

Мехмет отрицательно покачал головой, поставил на стойку два бокала и взял бутылку яблочного сидра:

– Это от заведения, свежавыжатый, местного производства. Однажды вечером вы вернетесь сюда и получите по кружке пива от заведения. Первая бесплатно, знаете ли. То же самое касается ваших коллег из полиции, если вы решите позвать их с собой. Вам нравится эта музыка?

– Да, – ответил светловолосый полицейский. – «U2» – это...

– Нет, – перебила его Братт. – Скажите, женщина говорила или делала что-нибудь такое, что могло бы нас заинтересовать?

– Нет. Впрочем, раз уж вы завели об этом речь, она упоминала о типе, который ее преследовал. – Мехмет оторвал взгляд от бокалов. – Музыка играла тихо, а она говорила громко.

– Да, конечно. Находился ли в баре кто-нибудь еще, кто проявлял к ней интерес?

Мехмет покачал головой:

– Вечер был тихий.

– Такой, как сегодня?

Мехмет пожал плечами:

– Двое других посетителей ушли еще раньше Гейра.
– Тогда, наверное, не так сложно найти номера и их банковских карт?
– Я помню, что один из них заплатил наличными. А второй ничего не заказывал.

– Хорошо. Где вы сами находились между двадцатью двумя и часом ночи?

– Я? Я был здесь. Или дома.

– Кто-то может это подтвердить? Просто чтобы мы сразу проверили это и забыли.

– Да. Или нет.

– Да или нет?

Мехмет задумался. Втягивание в это дело ранее осужденного ростовщика могло создать дополнительные проблемы. Он прибережет свой козырь до той поры, когда он может понадобится.

– Нет. Я живу один.

– Спасибо. – Братт подняла бокал, и Мехмет вначале подумал, что этим жестом она хочет поблагодарить его, но потом понял, что она указывает на кассовый аппарат. – Мы выпьем напиток из местных яблок, пока вы ищете, хорошо?

Трульс разобрался со своими барами и ресторанами очень быстро. Он показывал фотографию барменам и официантам и уходил, как только получал ожидаемый ответ «нет» или «не знаю». Если человек не знает, значит не знает, а этот день и так был слишком длинным. Кроме того, в списке дел имелся еще один пункт.

Трульс нажал клавишу, чтобы поставить последнюю точку, и посмотрел на короткий, но, с его точки зрения, содержательный рапорт. «См. в приложении список баров и ресторанов, обойденных нижеподписавшимся с указанием времени визита. Никто из сотрудников, работающих сегодня, не сообщил, что видел Элису Хермансен в вечер убийства». Он нажал «отправить» и встал.

Раздалось тихое гудение, и замигала лампочка на стационарном телефоне. Трульс увидел номер дежурного на дисплее. В отделении принимали информацию по делу и перенаправляли сюда только то, что казалось важным. Черт, сейчас у него не было времени на разговорчивых людей. Можно сделать вид, что он не слышал звонка. С другой стороны, если это информация по делу, возможно, он сумеет неплохо ею распорядиться.

Он взял трубку:

– Бернтсен.

– Наконец-то! Никто не отвечает, где все?

– В барах.

– Разве у вас нет убийства, которое...

– А что случилось?

– Тут один человек говорит, что вчера вечером был с Элисой Хермансен.

– Переключи его.

Раздался щелчок, и Трульс услышал громкое и быстрое дыхание, свидетельствовавшее об одном: человек боялся.

– Инспектор Бернтсен, отдел по расследованию убийств. Что вы хотели?

– Меня зовут Гейр Селле. Я увидел фотографию Элисы Хермансен на сайте газеты «ВГ». Я звоню, чтобы сообщить, что вчера вечером у меня состоялось очень короткое свидание с похожей на нее женщиной. И она называла себя Элисой.

Гейр Селле смог за пять минут рассказать о встрече в баре «Ревность», о том, что потом он отправился напрямик домой, куда явился еще до полуночи. Трульс смутно помнил, что писающие мальчики видели Элису живой после 23:30.

– Кто-нибудь может подтвердить, во сколько вы вернулись домой?

– Вход в мой компьютер. И Кари.

– Кари?

– Моя жена.

– У вас есть семья?

– Жена и собака.

Трульс услышал, как человек сглотнул.

– Почему вы не позвонили раньше?

– Я только сейчас увидел фотографию.

Трульс сделал пометки, ругаясь про себя. Селле не убийца, просто человек, которого надо вычеркнуть из списка подозреваемых, но это в полной мере означало написание еще одного рапорта, а следовательно, он выйдет отсюда не раньше десяти.

Катрина шла по улице Марквейен. Она отправила Андерса Виллера домой – отдыхать после первого рабочего дня. Она улыбнулась, подумав, что этот день он не забудет до конца жизни. Офис, потом прямо на место убийства, настоящего убийства. Не какой-нибудь унылой наркоманской

поножовщины, которая выветрится из памяти на следующий день, а случая из числа тех, которые Харри называл «это могло быть мое убийство». Это было убийство так называемого обычного человека в обычных условиях, именно такие собирают полные залы во время пресс-конференций и непременно появляются на первых полосах газет. Потому что знакомые обстоятельства давали публике возможность больше сопереживать. Вот поэтому пресса больше внимания уделила теракту в Париже, чем теракту в Бейруте. А пресса подобна прессу. Вот поэтому начальник полиции Бельман был так хорошо осведомлен о деле. Ему будут задавать вопросы. Не сразу, но, если убийство молодой, хорошо образованной женщины, вносящей свою лепту в жизнь общества, не будет раскрыто в течение ближайших дней, ему придется объясняться.

Отсюда до квартиры Катрины в районе Фрогнер пешком около получаса, но это нормально, ей надо проветрить голову. И тело. Катрина вынула из кармана мобильный и открыла приложение «Тиндер». Она шла, глядя одним глазом под ноги, а другим – в телефон, и распределяла картинки направо и налево.

Итак, их догадка оказалась верна, Элиса Хермансен вернулась домой со свидания по «Тиндеру». Мужчина, которого описал бармен, казался довольно безобидным, но по собственному опыту Катрина знала, что у некоторых мужчин существует странное мнение о том, что короткое свидание дает им право требовать от женщины чего-то большего. Архаичное представление о том, что женщина обязана подчиняться, переходящее, возможно, в чисто сексуальную область. Но Катрина знала, что множество женщин имеют столь же архаичное представление о том, что после получения благосклонного разрешения проникнуть в их половые органы у мужчины автоматически должны возникать моральные обязательства. Ладно, бог с ними, у нее только что получилось совпадение.

«Я в десяти минутах от бара „Нокс“ на площади Сулли», – набрала она.

«Хорошо, тогда я уже буду на месте», – получила она ответ от Ульриха, который, судя по фотографии и тексту профиля, был простым человеком.

Трульс Бернтсен стоял и смотрел, как Мона До разглядывает себя.

Она больше не напоминала ему пингвина. То есть она напоминала ему пингвина, перетянутого посередине.

Трульс отметил некоторое нежелание одетой по-спортивному девушки за стойкой спортклуба «Гейн» впустить его, чтобы осмотреться. То ли потому, что она не поверила его словам о раздумьях по поводу членства в

клубе, то ли потому, что они не хотели видеть типов вроде него среди своих членов. То ли потому, что долгая жизнь человека, вызывающего неодобрение ближних – и в основном не без веских причин, приходилось признать, – научила Трульса Бернтсена видеть неодобрение на большинстве встречающихся ему лиц. В любом случае после прочесывания аппаратов для подтягивания живота и ягодич, зала для занятий всякими пилатесами, зала для растяжки и зала с истеричными инструкторами по аэробике (у Трульса были смутные догадки, что эти упражнения больше не назывались аэробикой) он отыскал Мону в той части клуба, которая предназначалась для мальчиков. В силовой зоне. Мона До занималась поднятием тяжестей. Короткие, широко расставленные ноги по-прежнему напоминали о пингвине. А вот сочетание широкой задницы и широкого кожаного пояса, сильно затягивающего талию, из-под которого и снизу и сверху все торчало, делало ее больше похожей на цифру восемь.

Мона До издала низкий, почти пугающий вопль, выпрямляя спину и делая рывок. Она посмотрела на отражение собственного раскрасневшегося лица в зеркале. Блины на штанге ударялись друг о друга, отрываясь от земли. Штанга не прогибалась, как Трульс видел по телевизору, но то, что она тяжелая, было понятно по отвисшим челюстям двух молодых пакистанцев, которые качали бицепсы, чтобы их размеры соответствовали вычурным бандитским татуировкам. Черт, как он их ненавидел. Черт, как они его ненавидели.

Мона До опустила штангу, взревела и снова подняла. Вниз. Вверх. Четыре подхода.

После этого она стояла и дрожала, улыбаясь, как та ненормальная дамочка из Лира после оргазма. Если бы она была чуточку менее жирной и жила чуточку ближе, может быть, у них что-нибудь и вышло бы. Она сказала, что бросила его, потому что начала в него влюбляться. И что один раз в неделю – это слишком мало. В тот момент Трульс испытал облегчение, но продолжал время от времени думать о ней. Конечно, не так, как он думал об Улле, но она была веселушкой, этого у нее не отнять.

Мона До заметила его в зеркале. Она вытащила из ушей наушники:

– Бернтсен? Разве у вас в Полицейском управлении нет своего спортзала?

– Есть, – ответил Трульс, подходя ближе.

Он бросил на пакисов взгляд, говоривший «я полицейский, держитесь подальше», но они, судя по всему, не поняли. Возможно, он в них ошибся. Некоторые из этой молодежи теперь учились даже в Полицейской академии.

– Так что же привело вас сюда?

Она ослабила ремень, и Трульс ничего не мог с собой поделаться – он паялился на нее, чтобы узнать, раздуется ли она снова до размеров обычного пингвина.

– Я подумал, что мы могли бы немного помочь друг другу.

– Как именно? – Она села на корточки перед штангой и развинтила винты, удерживавшие блины.

Трульс присел рядом с ней и сказал, понизив голос:

– Вы говорили, что хорошо платите за информацию.

– Да, платим, – ответила она, не понижая голоса. – Что у вас есть?

Он кашлянул:

– Это стоит пятьдесят тысяч.

Мона До громко рассмеялась:

– Мы хорошо платим, Бернтсен, но не настолько хорошо. Десять тысяч – максимум, и в этом случае информация должна быть конфеткой.

Трульс медленно кивнул, облизывая губы:

– Это не конфетка.

– Что ты сказал?

Трульс слегка повысил голос:

– Я сказал: это не конфетка.

– Что же тогда?

– Обед из трех блюд.

– Это проблема! – проорала Катрина, пытаясь перекрыть какофонию голосов, и пригубила свой коктейль «Белый русский». – У меня есть сожитель, и он дома. А ты где живешь?

– На Гюльденлёве-гате. Но там нечего выпить, не убрано и...

– Есть чистое постельное белье?

Ульрих пожал плечами.

– Ты поменяешь белье, пока я принимаю душ, – сказала она. – Я прямо с работы.

– А кем ты...

– Скажем так: все, что тебе надо знать о моей работе, – это то, что мне завтра рано вставать, поэтому мы... – Она кивнула в сторону выхода.

– Да, конечно, но, может, сначала допьем?

Катрина посмотрела на свой коктейль. Единственная причина, по которой она начала пить «Белый русский», – его пил Джефф Бриджес, когда играл Большого Лебовски.

– Хороший вопрос, – сказала она.

– Вопрос?

– Смотря какое влияние алкоголь оказывает на... тебя.

Ульрих рассмеялся:

– Боишься, что я не смогу, Катрина?

Она слегка вздрогнула, услышав, как ее имя произносят чужие губы.

– А ты боишься, что не сможешь, Ульрих?

– Нет, – усмехнулся он. – Но знаешь, сколько стоили эти напитки?

Она улыбнулась. Ульрих был совсем неплох. В меру стройный. Это было первое и, пожалуй, единственное, на что она обратила внимание, просматривая его профиль. Вес. И рост. Она вычислила индекс массы тела так же быстро, как игрок в покер высчитывает свои шансы. Двадцать шесть с половиной, вполне нормально. До тех пор, пока не встретила Бьёрна, она была уверена, что не согласится ни на кого с индексом больше двадцати пяти.

– Мне надо в туалет, – сказала Катрина. – Вот мой номерок из гардероба, черная кожаная куртка, жди у дверей.

Она поднялась и пошла, предполагая – поскольку ему впервые представился шанс увидеть ее сзади, – что сейчас он рассматривает то, что во времена ее детства называлось жопой. Она знала, что он остался доволен увиденным.

В задней части помещения люди стояли плотнее, и ей пришлось проталкиваться, поскольку слово «простите» не возымело действия «Сезам, откройся», как, по ее мнению, происходит в более цивилизованных районах мира. Например, в Бергене. И должно быть, между потными телами ее зажало крепче, чем могло показаться, потому что внезапно у нее перехватило дыхание. Она высвободилась, и через несколько шагов ощущение, что кислород кончился, прошло.

В коридоре, как обычно, перед женским туалетом выстроилась очередь, а перед мужским было пусто. Катрина снова взглянула на часы. Руководитель следствия. Ей бы хотелось стать первым человеком, кто придет завтра в офис. Не просто человеком, а первой женщиной. Да черт с ним. Она решительно распахнула дверь в мужской туалет, вошла, проследовала мимо писсуаров, где стояло двое мужчин, не заметивших ее, и заперлась в одной из кабинок. Те несколько подруг, что у нее имелись, всегда говорили, что они никогда не войдут в мужской туалет и что там всегда намного грязнее, чем в женском. Опыт Катрины говорил о другом.

Она стянула брюки и присела, как вдруг услышала осторожный стук в дверь. Это показалось ей забавным, поскольку снаружи должно было быть видно, что кабинка занята, а если человек думал, что она свободна, то зачем

стучать? Катрина посмотрела вниз. В щелку между дверью и полом она увидела носки узких сапог из змеиной кожи. Следующей ее мыслью было то, что, наверное, этот человек видел, как она заходила в мужской туалет, и последовал за ней в надежде, что она из тех, кому нравятся эксперименты.

– Идите к... – начала она, но не смогла договорить, потому что ей стало не хватать воздуха.

Ей что, становится плохо? Неужели один день руководства расследованием, которое может стать крупным делом об убийстве, превратил ее в задыхающуюся невротичку? О господи...

Она услышала, как открылись двери и в туалет вошли двое громкоголосых парней.

– Это, блин, вообще уже.

– Абсолютно глупо.

Носки сапог исчезли из-под двери. Катрина прислушалась, но шагов не услышала. Она закончила свои дела, открыла дверь кабинки и пошла к раковине. Разговор между парнями у писсуаров стих, когда она открыла кран.

– Что ты здесь делаешь? – спросил один из них.

– Писаю и мою руки, – ответила она. – Обратите внимание на порядок действий.

Она стряхнула влагу с ладоней и вышла.

Ульрих стоял у дверей, держа в руках ее куртку. Он напоминал виляющую хвостом собаку с палкой в зубах. Катрина заставила себя мысленно стереть эту картину.

Трульс ехал домой. Он включил радио и услышал песню группы «Motörhead», которая, как ему казалось, называлась «Ace of Spade»^[7], пока Микаэль на одной из вечеринок в старших классах не рассказал об этом всем: «Бивис думает, что Лемми^[8] поет „ace of... spade“!» Он до сих пор слышал раскаты смеха, заглушившие музыку, и видел свет, мерцающий в красивых, влажных от смеха глазах Уллы.

Ну и ладно. Трульс и теперь думал, что название «Ace of Spade» звучит лучше, чем «Ace of Spades»^[9]. Однажды Трульс решился сесть в столовой за стол, где уже сидели люди, и Бьёрн Хольм на своем смехотворном тутенском диалекте заявил, что, по его мнению, более поэтичным со стороны Лемми было бы дожить до семидесяти двух лет. Когда Трульс поинтересовался почему, Бьёрн ответил просто: «Семь и два, два и семь, не так ли? Моррисон, Хендрикс, Джоупин, Кобейн, Уайнхаус, вся

компания»^[10].

Трульс тоже просто кивнул, когда увидел, как кивают другие. Он до сих пор не понимал, что все это означало. Понимал только, что он среди них не свой.

Но свой не свой, сегодня вечером Трульс стал на тридцать тысяч богаче, чем Бьёрн чертов Хольм и все его кивающие товарищи по столовке.

Мона по-настоящему загорелась только после того, как он выложил ей информацию об укусах, или о железных протезах, как выразился Хольм. Она позвонила своему редактору и заверила его в том, что информация была именно тем, что Трульс обещал. Обедом из трех блюд. Закуска: Элиса Хермансен ходила на свидание по «Тиндеру». Основное блюдо: убийца, вероятно, находился в ее квартире, когда она вернулась домой. Десерт: он убил ее, перекусив сонную артерию железными зубами. Десять тысяч за каждое блюдо. Тридцать. Три и ноль, ноль и три, не так ли?

«Ace of spase, ace of spase», – голосили Трульс и Лемми.

– Проблема, – сказала Катрина, натягивая брюки. – Если у тебя нет презерватива, можешь забыть об этом.

– Но я проверялся две недели назад, – произнес Ульрих, садясь в постели. – Честное слово, отсохни мой язык.

– Свой язык можешь... – Катрине пришлось сделать вдох, чтобы застегнуть пуговицу на брюках. – Кроме того, это не защитит меня от беременности.

– А ты ничем не пользуешься, девочка?

Девочка? Ну да, ей нравился Ульрих. Не поэтому. А потому... Да черт его знает почему.

Она вышла в коридор, обулась, вспомнила, где повесила свою кожаную куртку, и отметила про себя, что дверь закрыта на обычный поворотный замок. Да, она молодец, у нее всегда готов план отступления. Она вышла из квартиры, спустилась по лестнице и оказалась на Гюльденлёве-гате. Свежий осенний воздух пах свободой и освобождением. Катрина рассмеялась и пошла по тропинке между деревьями посреди широкой безлюдной аллеи. Черт, какая же она испорченная. Но если ей на самом деле так хорошо давались отступления, если она действительно подготовила себе путь для отхода уже в тот момент, когда они только съехались с Бьёрном, почему она не установила спираль или, по меньшей мере, не начала принимать противозачаточные? Более того, она помнит разговор, во время которого объясняла Бьёрну, что ее и без того хрупкой психике совершенно не нужны перепады настроения, к чему, безусловно,

приведут эти гормональные манипуляции. Вот так она перестала принимать противозачаточные сразу после того, как начала жить с Бьёрном. Ход ее мыслей прервала мелодия телефонного звонка, первого куплета композиции «O My Soul» группы «Big Star». Эту мелодию, конечно, установил Бьёрн, а потом очень эмоционально объяснил ей, насколько хороша эта забытая группа семидесятых годов из южных штатов, и пожаловался, что документальный фильм на «Нетфликсе» лишил его многолетней миссионерской деятельности. «Черт бы их побрал, половина радости от представления неизвестной группы состоит в том, что эта группа *вправду* неизвестна!» Этот мужчина еще не скоро повзрослеет.

Она ответила на звонок:

– Да, Гуннар?

– «Убита железными зубами»? – Голос обычно спокойного начальника подразделения звучал раздраженно.

– Прошу прощения?

– Это заглавная статья на сайте газеты «ВГ». Там написано, что убийца находился в квартире Элисы Хермансен, когда она вернулась домой, и что он перекусил ее сонную артерию. Они получили эту информацию от надежного источника в полиции – так тут написано.

– Что-о?

– Бельман уже звонил. Он... как бы это сказать? В ярости.

Катрина остановилась и попыталась обдумать это.

– Во-первых, мы не знаем, что он был внутри, и не знаем, укусил ли он, мы даже не знаем, был ли это «он».

– Значит, источник в полиции не такой уж надежный, но мне плевать! Мы должны разобраться в этом. Кто информатор?

– Это мне неизвестно, но я знаю, что «ВГ» из принципа будет защищать свой источник.

– Принципы принципами, но они хотят сохранить свой источник неприкосновенным, потому что уверены, что получают от него больше информации. Мы должны заткнуть эту пробойну, Братт.

Катрина уже собралась с мыслями.

– Бельман беспокоится, что утечка может навредить следствию?

– Он беспокоится, что весь отдел будет выставлен в плохом свете.

– Могу себе представить.

– Что ты можешь себе представить?

– Сами знаете и думаете так же, как и я.

– Займемся этим завтра с утра, – сказал Хаген.

Катрина Братт положила телефон в карман куртки и посмотрела на

тропу. Одна из теней зашевелилась. Всего лишь дуновение ветра в кронах деревьев.

Она на миг задумалась, не перейти ли дорогу и не пойти ли по освещенному тротуару, но потом приняла решение и быстро зашагала вперед.

Микаэль Бельман стоял у окна гостиной. Отсюда, из окон их виллы в районе Хёйенхалл, ему был виден весь центр Осло, вытянувшийся с востока на запад к низинам под Хольменколленом. Сегодня вечером город сверкал в лунном свете как бриллиант. Его бриллиант.

Дети его спокойно спали. Город его спал относительно спокойно.

– В чем дело? – спросила Улла, поднимая глаза от книги.

– Это убийство, его надо раскрыть.

– Все убийства надо раскрывать.

– К этому приковано много внимания.

– Убита женщина.

– Дело не в этом.

– Дело в том, что «ВГ» так много о нем пишет?

Он услышал в ее голосе нотку презрения, но его это не тревожило. Она успокоилась и снова заняла свое место. Потому что где-то в глубине души Улла знала свое место. И она не была человеком, постоянно ищущим ссоры. Больше всего на свете его жена любила заботиться о своей семье, болтать с детьми и читать свои книжки. Поэтому невысказанная критика в ее голосе на самом деле не требовала ответа. Да она и не поняла бы его. Ведь прослыть хорошим королем можно в двух случаях. Ты можешь быть королем в хорошие времена, тебе может повезти, и урожай в твоей стране будет богатым. Или же ты можешь быть королем, выводящим страну из кризиса. А если никакого кризиса нет, то ты всегда можешь его придумать – например, начать войну и показать, в каком глубоком кризисе окажется твоя страна, если *не* вступит в войну. В этом случае важно преувеличить трудности. Война может быть совсем небольшой, главное в ней – победить. Микаэль Бельман пошел вторым путем, когда перед СМИ и городским руководством преувеличил количество имущественных преступлений, совершаемых приезжими из прибалтийских государств и Румынии, и сделал мрачные прогнозы на будущее. И получил дополнительные средства для того, чтобы выиграть эту в реальности маленькую, но в прессе – огромную войну. А через двенадцать месяцев, приведя последние цифры, он косвенно провозгласил себя победителем.

Но это новое убийство было войной, которую он не режиссировал, а

после сегодняшней вечерней публикации в «ВГ» он понял, что эта война уже не маленькая. Потому что все они пляшут под дудку прессы. Он вспомнил, как на Свальбарде сошла лавина. Двое погибли, а кто-то остался без крыши над головой. Несколькими месяцами ранее во время пожара в таунхаусах в городке Недре-Эйкер погибли трое и несколько человек лишились жилья. Последнему происшествию уделялось скромное внимание, обычное для пожаров в жилых домах и автоаварий. А вот лавина на далеком острове оказалась гораздо более интересной для прессы, в точности как этот железный укус. Это привело к тому, что журналисты возвели происшествие в ранг национальной катастрофы, и премьер-министр, всегда подпрыгивающая по команде прессы «Барьер!», обратилась к нации в прямом телеэфире. Телезрителям и жителям таунхаусов в Недре-Эйкере оставалось только догадываться, где она была, когда горели их дома. Она и ее советники всегда лежали, припав ушами к земле и прислушиваясь к вибрациям в мире СМИ. А в случае с Недре-Эйкером таких вибраций не было.

Но Микаэль Бельман знал, что сейчас земля сотрясается.

И что сейчас, когда он в качестве успешного начальника полиции имеет шанс войти в коридоры власти, это уже стало войной, которую нельзя проиграть. Он должен уделить все внимание этому конкретному убийству, словно оно представляло собой волну преступности, по той простой причине, что Элиса Хермансен являлась твердо стоящей на ногах, хорошо образованной этнической норвежкой тридцати лет, и потому что орудием убийства послужил не железный прут, нож или пистолет, а зубы из железа.

Поэтому Микаэль Бельман принял решение, которое ему очень не нравилось. По многим причинам. Но другого пути не было.

Он должен позвать этого человека.

Глава 6

Пятница, утро

Харри проснулся. Эхо сна – крик – окончательно затихло. Он закурил сигарету и задумался о том, что это было за пробуждение. На самом деле существует пять основных типов пробуждений. Первое – пробуждение на работу. Долгое время оно было лучшим из всех. Тогда он моментально включался в дело, которое расследовал. Иногда сон что-то делал с восприятием, и Харри мог лежать и обдумывать все имевшиеся на тот момент сведения, одно за другим, под иным углом зрения. Если ему везло, он мог заметить что-то новое, увидеть кусочек обратной стороны луны. И не потому, что луна передвинулась, а потому, что передвинулся он.

Второе – это одинокое пробуждение. Его характеризовало осознание того факта, что он один в постели, один в жизни, один в мире, и такое пробуждение иногда наполняло его сладким чувством свободы, а иногда – меланхолией, которую, наверное, можно назвать одиночеством, но которая была всего лишь взглядом на человеческую жизнь *как она есть*, то есть как на путешествие от пуповинной привязанности к смерти, окончательно отделяющей человека от всех и от всего. Взглядом, брошенным в секунду пробуждения, до того как все наши защитные механизмы и утешительные иллюзии займут свои места и мы сможем встретиться с жизнью во всей ее неправде.

Потом шло пробуждение от страха. Обычно оно случалось, когда он пил не просыхая больше трех дней подряд. Он мог испытывать страх разной степени, но страх приходил всегда. Сложно было найти внешнюю опасность или угрозу, вызвавшую этот страх. Он, скорее, представлял собой панику по поводу необходимости бодрствования, проживания жизни, нахождения здесь. Но иногда Харри чувствовал внутреннюю угрозу. Страх, что он никогда больше не сможет испугаться. Что окончательно и бесповоротно сойдет с ума.

Четвертый вид имел сходные черты с пробуждением от страха. Пробуждение с мыслью «здесь кто-то есть». В этом случае мозг начинал работать в двух направлениях. Взгляд в прошлое: как, черт возьми, это случилось? Взгляд в будущее: как мне отсюда убраться? Иногда эта реакция «сражайся или беги» быстро проходила, но возвращалась позже, уже не попадая в категорию пробуждений.

И наконец, пятый вид. Этот вид пробуждения был для Харри Холе в

новинку. Пробуждение в состоянии удовлетворения. Вначале он очень удивлялся, что можно просыпаться счастливым, и машинально перебирал все параметры того, из чего состояло это идиотское «счастье», если оно не было всего лишь отголоском прекрасного глупого сна. Но сегодня ночью ему не снилось ничего прекрасного, и крик, эхо которого он слышал, просыпаясь, исходил от демона, и лицо, которое он видел на сетчатке глаза, принадлежало непойманному убийце. И все-таки Харри Холе проснулся счастливым, правда ведь? Да. Со временем, когда подобные пробуждения стали постоянно повторяться, утро за утром, он начал привыкать к мысли, что он на самом деле очень довольный мужчина, который обрел счастье где-то к пятидесяти годам и вроде бы умудрился закрепить в этой недавно завоеванной стране.

Главная причина всего этого лежала ближе чем на расстоянии вытянутой руки от него и дышала равномерно и спокойно. Волосы ее разметались по подушке, как лучи солнца цвета воронова крыла.

Что такое счастье? Харри читал статью об исследовании счастья, где доказывалось, что если исходить из счастья в крови, то есть из уровня серотонина, то некоторые внешние события могут со временем повысить или понизить этот уровень. Человек может лишиться ноги, может узнать о своем бесплодии, его дом может сгореть. Уровень серотонина мгновенно понижается, но через шесть месяцев человек приблизительно настолько же счастлив или несчастлив, как до печального события. То же самое происходит, если человек покупает дом большей площади или более дорогую машину.

Но ученые обнаружили, что кое-какие вещи действительно имеют значение для счастья. Самая важная из них – удачный брак.

Именно такой брак был у Харри. Это звучало настолько банально, что он смеялся, когда порой формулировал для себя или, что случалось реже, для очень немногих людей, которых он называл друзьями и с которыми тем не менее почти не общался: «Нам с женой хорошо вместе».

Да, он держал счастье в руках. Если бы он мог, то с большим удовольствием произвел бы операцию «копировать-вставить» с теми тремя годами, что прошли с их свадьбы, и заново проживал бы каждый день. Но так ведь нельзя, и, наверное, именно это являлось причиной небольшого беспокойства, которое он испытывал, несмотря ни на что? Беспокойства из-за того, что время невозможно остановить, что происходят события, что жизнь – как дым от сигареты, который будет двигаться даже в плотно запечатанной комнате, будет меняться самым невообразимым образом. А поскольку сейчас у него все великолепно, значит любая перемена ухудшит

ситуацию. Да, так обстояли дела. Счастье – это как передвижение по тонкому льду: лучше уж плыть в холодной воде, мерзнуть, стараться выбраться, чем стоять и ждать, когда провалишься. Поэтому он начал программировать себя на более раннее пробуждение, чем требовалось. Как сегодня, когда его лекция о расследовании убийств начиналась в одиннадцать часов. Пробуждение только для того, чтобы было время полежать и ощутить это необычное счастье, пока оно существует. Он отогнал от себя образ того, кого не поймали. Харри не отвечал за это. Это не его охотничьи угодья. И человек с лицом демона все реже и реже появлялся в его снах.

Харри выскользнул из постели тихо, как только мог, хотя дыхание жены уже не было равномерным и он догадывался, что она лишь притворяется спящей, потому что не хочет ему мешать. Он натянул брюки, спустился на первый этаж, положил капсулу с ее любимым кофе в эспрессо-машину, налил воды и открыл маленькую баночку растворимого кофе для себя. Он покупал маленькие баночки, потому что свежий, только что открытый растворимый кофе очень вкусен. Включив чайник, Харри всунул босые ноги в ботинки и вышел на крыльцо.

Он втянул в себя резкий осенний воздух. Ночи здесь, на улице Хольменколлвейен в расположенном на холме районе Бессеруд, стали уже совсем холодными. Харри посмотрел вниз, на город и фьорд, по которому все еще сновали парусные лодки, казавшиеся белыми треугольниками на синей воде. Через пару месяцев, если не через несколько недель, здесь, наверху, выпадет первый снег. Но ничего страшного, ведь этот большой, покрытый коричневой морилкой бревенчатый дом был построен для зимы, не для лета.

Харри закурил вторую за день сигарету и пошел по крутой, покрытой гравием подъездной дорожке, высоко поднимая ноги, чтобы не наступить на развязанные шнурки. Он мог бы надеть куртку или хотя бы футболку, но в том и заключалась радость от возвращения в теплый дом: надо было немного замерзнуть. Он остановился у почтового ящика и вынул из него газету «Афтенпостен».

– Доброе утро, сосед.

Харри не слышал, как по асфальтированной подъездной дорожке соседа проехала «тесла». Окно со стороны водителя было приоткрыто, и он увидел фру Сивертсен, которая всегда красила волосы в одинаковый блондинистый цвет. Харри, парню из восточных районов, имевшему относительно небольшой опыт проживания здесь, на западе города, она представлялась классической женой из района богачей. Она сидела дома,

имела двоих детей и двух помощников по хозяйству и совершенно не собиралась работать, несмотря на то что норвежское государство спонсировало ей пятилетнее университетское образование. Иными словами, то, что другие называли свободным временем, она называла работой: поддерживать себя в хорошей форме (Харри увидел только спортивную куртку, но знал, что под ней она носит плотно облегающую спортивную одежду, и да, она выглядела чертовски хорошо для женщины за сорок), заниматься логистикой (когда и кто из помощников по хозяйству должен заниматься детьми, а если семья собирается отправиться в отпуск, то куда: в домик неподалеку от Ниццы, на дачу на лыжном курорте Хемседал или на летнюю дачу на юге Норвегии), а также поддерживать контакты (ланчи с подругами, обеды с родственниками и потенциально полезными людьми). Но самая важная ее работа уже была выполнена: она обеспечила себя мужем, у которого хватало денег на финансирование этой ее так называемой работы.

В этом отношении Ракель капитально провалилась. Хотя она выросла в большом бревенчатом доме в Бессеруде, где люди рано учатся искусству маневрирования по жизни, и хотя она была умной и красивой и могла заполучить кого хотела, она связала свою жизнь с человеком, который раньше был спившимся следователем по особо важным делам с низкой зарплатой, а сейчас трезвым преподавателем Полицейской академии с еще более низкой зарплатой.

– Тебе надо бросить курить, – сказала фру Сивертсен, изучая его взглядом. – Больше мне нечего покритиковать. Где ты занимаешься спортом?

– В подвале, – сказал Харри.

– Вы построили там спортзал? Кто твой персональный тренер?

– Я, – ответил Харри, глубоко затянулся сигаретой и посмотрел на свое отражение в заднем окне автомобиля.

Худой, но не такой тощий, как несколько лет назад. Плюс три килограмма за счет мышц. Плюс два килограмма за счет правильного распорядка дня. Более здоровый образ жизни. Но лицо, которое он видел в отражении, говорило о том, что так было не всегда. Дельты тонких красных кровеносных сосудов на белках глаз и под кожей лица рассказывали о его прошлом, полном алкоголя, хаоса, бессонницы и вредных привычек. Шрам от уха к уголку рта – об отчаянных ситуациях и невозможности контролировать свою импульсивность. А тот факт, что он зажимал сигарету между указательным пальцем и кольцом на безымянном, потому что на этой руке у него не хватало среднего пальца, напоминал еще об одной

истории убийства и мерзости, запечатлевшейся в его плоти и крови.

Он взглянул на «Афтенпостен», увидел слово «убийство» прямо над сгибом газеты, и на мгновение эхо крика снова раздалось у него в ушах.

– Я и сама думаю построить спортзал, – говорила фру Сивертсен. – Ты не мог бы заскочить ко мне как-нибудь утром на следующей неделе и что-нибудь посоветовать?

– Мат, гантели и перекладина для виса, – ответил Харри. – Вот мои советы.

Фру Сивертсен широко улыбнулась и понимающе кивнула:

– Хорошего тебе дня, Харри.

«Тесла» пошелестела своей дорогой, а он пошел обратно к дому.

Войдя в тень от больших елей, он остановился и оглядел дом. Дом был прочным. Не неприступным, нет ничего неприступного, но взять его непросто. На толстой дубовой двери три замка, а на окнах железные решетки. Господин Сивертсен жаловался. Он говорил, что дом, похожий на форт, напоминает ему о Йоханнесбурге, что из-за этого дома их безопасный район кажется опасным и цены на жилье не растут. Решетки установил отец Ракели после войны. Работа Харри в полиции однажды подвергла Ракель и ее сына Олега опасности. С той поры Олег стал взрослым, съехал от них, стал жить с девушкой и учиться в Полицейской академии. Пусть Ракель сама решает, когда снять решетки. Больше они не нужны. Теперь он всего лишь низкооплачиваемый преподаватель.

– О, пят-рак, – пробормотала Ракель с улыбкой, преувеличенно громко зевнула и уселась в кровати.

Харри поставил поднос на одеяло перед ней.

Слово «пят-рак» они выдумали сами для обозначения того часа, что они проводили в постели по пятницам, когда у него занятия начинались поздно, а у нее, юриста Министерства иностранных дел, был выходной.

Харри заполз под одеяло и, как обычно, дал ей часть «Афтенпостен» с норвежскими и спортивными новостями, себе же оставил международные новости и культуру. Он надел очки для чтения, с необходимостью носить которые ему пришлось смириться, и набросился на рецензию последнего альбома Суфьяна Стивенса, обдумывая тот факт, что Олег пригласил его на концерт группы «Sleater-Kinney» на следующей неделе. Вообще-то, Олегу нравилась более тяжелая музыка, поэтому Харри был особенно признателен ему за заботу.

– Что нового? – спросил Харри, листая газету.

Он знал, что она читает статью об убийстве, которую он видел на первой полосе, и что она не станет ему об этом говорить. Таков был один

из их молчаливых договоров.

– Более тридцати процентов американских пользователей «Тиндера» состоят в браке, – сказала Ракель. – Но «Тиндер» это отрицает. Что у тебя?

– Похоже, новая вещь Отца Джона Мисти не достигла цели. Либо же рецензент постарел и стал недовольным. Мне кажется, скорее второе. Его хвалили в «Моджо» и «Анкате»^[11].

– Харри...

– Предпочитаю молодых и недовольных. Которые медленно, но верно с возрастом становятся добрее. Как я. Ты не согласна?

– Ты бы ревновал, если бы я зарегистрировалась на «Тиндере»?

– Нет.

– Нет? – Она подтянулась повыше. – Почему?

– У меня же нет фантазии. Я глупый, и я думаю, что меня тебе более чем достаточно. Быть глупым не так уж и глупо, понимаешь?

Она вздохнула:

– Ты что, никогда не ревнуешь?

Харри перевернул страницу:

– Я ревную, но Столе Эуне совсем недавно привел мне несколько причин, чтобы стараться свести это к минимуму, милая. Я пригласил его сегодня прочитать моим студентам лекцию об извращенной ревности.

– Харри... – По ее игривому тону он понял, что она не собирается сдаваться.

– Не начинай фразу с моего имени, будь так добра, ты ведь знаешь, что я начинаю нервничать.

– Для этого у тебя есть основания, потому что я собиралась спросить, хочешь ли ты когда-нибудь кого-нибудь, кроме меня.

– Собиралась? Или сейчас спрашиваешь?

– Я спрашиваю сейчас.

– Хорошо.

Его взгляд упал на фотографию начальника полиции Микаэля Бельмана с женой на кинопремьере. Бельману шла черная повязка на глазу, и Харри знал, что Бельману это известно. Молодой начальник полиции сказал, что пресса и детективные фильмы создают искаженное впечатление об Осло, что за то время, пока он служит начальником полиции, в городе стало спокойнее, чем когда-либо. По статистике, шансов на то, что ты совершишь самоубийство, намного больше, чем на то, что тебя убьют.

– Ну... – сказала Ракель, и он почувствовал, как она подползла ближе. – Ты хочешь других?

– Да, – ответил Харри, подавив зевок.

– Все время? – спросила она.

Он оторвал взгляд от газетных страниц и уставился перед собой, нахмутив лоб. Смакуя ее вопрос.

– Нет, не все время.

Он возобновил чтение. Новый музей Мунка и Дейхманская библиотека, строившиеся рядом со зданием Оперы, начали приобретать очертания. Столица страны рыбаков и крестьян, которые на протяжении двух веков посылали всех мрачных отщепенцев с художественными амбициями в Копенгаген и Европу, скоро станет культурным городом. Кто бы мог подумать? Или, точнее, кто в это верил?

– Если бы ты мог выбирать, – дразняще ворковала Ракель, – причем без всяких последствий, провести следующую ночь со мной или с женщиной твоей мечты?

– А разве тебе не надо собираться на прием к врачу?

– Всего одна ночь. И никаких последствий.

– В этом месте я должен сказать, что женщина моей мечты – это ты?

– Попробуй еще раз.

– Ты должна помочь мне с кандидатками.

– Одри Хепбёрн.

– Некрофилия?

– Не уходи от ответа, Харри.

– Ладно. Я подозреваю, что ты предлагаешь мне мертвую женщину, потому что считаешь, будто я думаю, что ты воспримешь женщину, с которой я в реальности не могу провести ночь, как не слишком большую угрозу. Но хорошо, с твоей помощью, манипуляторша, и с «Завтраком у Тиффани» я громко и оглушительно отвечаю «да».

Ракель издала глухой возглас.

– Так почему ты просто не сделаешь это? Почему не сходишь налево?

– Во-первых, я не знаю, согласится ли женщина моей мечты, а я плохо переношу отказы. Во-вторых, из-за отсутствия предпосылок для «никаких последствий».

– Да?

Харри вновь сосредоточился на газете:

– Ты могла бы уйти от меня. В любом случае твое отношение ко мне испортилось бы.

– Ты мог бы держать все в тайне.

– Я бы не смог.

Исабелла Скёйен, бывший член городского совета Осло, отвечавший за социальную политику, выступила с критикой нынешнего состава совета

за отсутствие плана действий в чрезвычайных ситуациях, таких как так называемый тропический шторм, который, по прогнозам, должен обрушиться на западное побережье в начале следующей недели. Это будет шторм такой силы, какого еще не видели в Норвегии. Еще более необычно то, что шторм достигнет Осло всего через несколько часов, практически не утратив своей силы. Скёйен сказала, что ответ руководителя городского совета («Мы находимся не в тропиках, поэтому мы, разумеется, не заложили в бюджет средства на борьбу с тропическими штормами») свидетельствует о высокомерии и безответственности, граничащей с несознательностью. «Он наверняка считает, что климатические изменения – это то, чем занимаются люди за границей», – сказала Скёйен, удачно позируя фотографу, и это навело Харри на мысль о том, что она планирует вернуться в политику.

– Когда ты говоришь, что не смог бы держать поход налево в тайне, ты хочешь сказать «не вынес бы»? – спросила Ракель.

– Я хочу сказать «не стал бы заморачиваться». Тайны очень утомляют. И потом, у меня была бы нечиста совесть. – Он пролистал газету. Страницы кончились. – Совесть утомляет.

– Утомляет тебя. А как насчет меня? Ты не думал о том, как мне было бы больно?

Харри взглянул на кроссворд, положил газету на одеяло и повернулся к Ракели:

– Если бы ты не знала о походе налево, ты бы ничего не чувствовала, милая.

Ракель схватила его за подбородок, а второй рукой провела по брови:

– А если бы я узнала? Или ты узнал бы о том, что я была с другим мужчиной. Разве это не причинило бы тебе боль?

Харри почувствовал саднящую боль, когда она выдернула несомненно случайный седой волосок из его брови.

– Гарантированно, – ответил он. – И угрызения совести, если бы все было наоборот.

Она отпустила его подбородок.

– Да ну тебя, Харри, ты говоришь так, будто дедуктивным методом расследуешь убийство. Ты что, ничего не чувствуешь?

– Да ну тебя? – Харри усмехнулся и взглянул на нее поверх очков. – А что, еще говорят «да ну тебя»?

– Отвечай... или... иди ты в баню.

Харри рассмеялся:

– Я чувствую, что пытаюсь как можно честнее ответить на твой

вопрос. Но чтобы это сделать, мне надо подумать и взглянуть в лицо реальности. Если бы я поддался своему первому эмоциональному побуждению, я бы ответил то, что, на мой взгляд, ты хотела бы услышать. Но вот мое предостережение. Я не честный, я изворотливый. Эта моя честность – всего лишь долгосрочная инвестиция в мою верность. Потому что может настать день, когда мне действительно потребуется солгать, и тогда будет хорошо, если ты подумаешь, что я говорю правду.

– Сотри эту ухмылочку, Харри. На самом деле ты говоришь, что был бы неверной свиньей, если бы это не было так хлопотно?

– Кажется, так.

Ракель толкнула его, спустила ноги с кровати, надела тапки и, презрительно фыркая, вышла за дверь. Харри услышал, как она фыркнула снова, спускаясь по лестнице.

– Вскипятишь еще воды для кофе? – громко спросил он.

– Кэри Грант! – прокричала она. – И Курт Кобейн. В одном лице.

Харри услышал, как она копошится внизу, услышал бульканье чайника. Он положил газету на тумбочку и закинул руки за голову. Он улыбался. Счастье. Когда он вставал, его взгляд скользнул по ее части газеты, оставленной на подушке. На фотографии он увидел место преступления, оцепленное полицейской лентой, закрыл глаза и подошел к окну. Там он вновь разомкнул веки и посмотрел на ели. Он знал, что сейчас он сможет. Сможет забыть имя того, кого не поймали.

Он проснулся. Ему опять снилась мама. И мужчина, который утверждал, что он – его отец. Он подумал о том, что это за пробуждение. Он выспался. Он спокоен. Он удовлетворен. Основная причина этого лежала на расстоянии меньше вытянутой руки от него. Он повернулся к ней. Вчера он охотился. Он не собирался, но когда увидел в баре ее, ту женщину из полиции, ему показалось, что судьба на мгновение взяла бразды правления в свои руки. Осло – маленький город, люди постоянно натыкаются друг на друга, но все же... Однако он не потерял контроля над собой, он научился искусству самообладания. Он разглядывал черты лица, волосы, руки той, что лежала под немного неестественным углом. Она была холодна и не дышала, запах лаванды почти улетучился, но это ничего, она выполнила свою работу.

Он отбросил одеяло в сторону и подошел к платяному шкафу. Вынул форму и почистил ее. Он уже чувствовал, что кровь быстрее побежала по жилам. Будет еще один хороший день.

Глава 7

Пятница, первая половина дня

Харри Холе шел по коридору Полицейской академии вместе со Столе Эуне. Харри, рост которого составлял сто девяносто три сантиметра, был почти на двадцать сантиметров выше своего друга, который был на двадцать лет его старше и значительно круглее.

– Меня удивляет, что именно ты не можешь распутать такое очевидное дело, – сказал Эуне и проверил, в порядке ли его галстук-бабочка в крапинку. – Это никакая не загадка: ты стал преподавателем, потому что твои родители были преподавателями. Или, точнее, твой отец был преподавателем. Даже после его смерти ты ищешь отцовского одобрения, которого не удостоился, пока работал полицейским, но в роли полицейского оно тебе было не нужно, потому что ты восстал против отца и не хотел быть таким, как он, ведь ты считал его жалким человеком, не сумевшим спасти жизнь твоей матери. Ты перенес собственное несовершенство на него и стал полицейским, чтобы хорошо делать эту работу. Ты тоже не мог спасти свою мать и поэтому захотел спасти всех нас от смерти, а точнее, от убийц.

– Мм... Сколько тебе платят в час за это?

Эуне рассмеялся:

– Кстати, о часах; что там с Ракелью и ее головной болью?

– Примерно час в день, – ответил Харри. – Ее отец в пожилом возрасте начал страдать мигренью.

– Наследственность. Это как заказать предсказание и пожалеть об этом. Нам, людям, никогда не нравилось неизбежное. Например, смерть.

– Наследственность – это не неизбежность. Дедушка говорил, что, как и его отец, стал алкоголиком с первого раза, едва попробовал алкоголь. А вот мой отец наслаждался – да, наслаждался – алкоголем всю свою жизнь, а алкашом не стал.

– Значит, алкоголизм проскочил одно поколение, так бывает.

– Или же генетика – всего лишь приятное оправдание моей слабохарактерности.

– Это так, но, черт возьми, должно же у человека быть право объяснять генетикой в том числе свой слабый характер.

Харри улыбнулся, и студентка, шедшая им навстречу, неправильно истолковала его улыбку и ответила на нее.

– Катрина прислала мне фотографии с места преступления в Грюнерлёкке, – сказал Эуне. – Что ты об этом думаешь?

– Я не читаю криминальную хронику.

Перед ними находилась открытая дверь в аудиторию номер два. Лекция входила в программу студентов последнего курса, но Олег сказал, что он и еще пара студентов первого курса попробуют пробраться на нее. Все верно, аудитория была переполнена. Студенты и даже некоторые преподаватели сидели на ступеньках лестниц и стояли вдоль стен.

Харри подошел к кафедре и включил микрофон. Он оглядел собравшихся, машинально выискивая физиономию Олега. Разговоры стихли, наступила тишина. Харри облизал губы. Самым странным было не то, что он стал преподавателем, а то, что ему это нравилось. Он, кого большинство людей воспринимали как молчаливого, замкнутого человека, чувствовал себя более раскованным перед группой требовательных студентов, чем перед парнем за кассой в магазине «Севен-элевен». Тот положил на прилавок пачку «Кэмел лайт», и Харри открыл было рот, чтобы повторить свой заказ, «Кэмел», но услышал позади себя ропот в очереди. Тогда так и случилось (как, бывало, случалось в плохие дни с нервами на пределе), что он вышел из магазина с пачкой «Кэмел лайт», выкурил одну сигарету, а остаток пачки выкинул в урну. А сейчас он пребывал в зоне комфорта. Его предмет. Убийство. Харри прокашлялся. Он не обнаружил вечно серьезного лица Олега, зато увидел другого хорошо знакомого человека. С черной повязкой на глазу.

– Вижу, некоторые из вас перепутали аудиторию, это лекция третьего курса по полицейским расследованиям для студентов-выпускников.

Смех. Никто и не подумал покинуть место преступления.

– Ладно, – сказал Харри. – Тех из вас, кто пришел на очередную сухую лекцию о расследовании убийств, я, к сожалению, должен расстроить. Сегодня у нас в гостях многолетний консультант отдела по расследованию убийств Полицейского управления и наиболее публикуемый скандинавский психолог, специализирующийся на вопросах насилия и убийств. Но прежде чем передать слово Столе Эуне, поскольку я знаю, что он добровольно не отдаст его обратно, напоминаю, что в следующую среду у нас снова состоится перекрестный допрос. Дело о пентаграмме. Описание обстоятельств дела, протокол осмотра места преступления и выписки допросов, как обычно, находятся по адресу ПА – косая черта – расследование. Столе?

Разразились аплодисменты, и Харри направился к лестнице, а Эуне прошествовал к кафедре, выпятив вперед брюшко и довольно улыбаясь.

– Синдром Отелло! – прокричал Эуне и, подойдя к микрофону, понизил голос. – Синдром Отелло – это профессиональное обозначение того, что мы называем болезненной ревностью, которая является мотивом большинства убийств, совершаемых в нашей стране. Точно так же, как в пьесе Уильяма Шекспира «Отелло». Родриго влюблен в новоиспеченную жену генерала Отелло Дездемону, а хитрый офицер Яго ненавидит Отелло, потому что думает, что генерал обошел его при назначении нового лейтенанта. Яго видит возможность проложить путь для своей карьеры, уничтожив Отелло, поэтому он помогает Родриго поссорить Отелло и его жену. Хитрец Яго заражает мозг и сердце Отелло вирусом, опасным и живучим вирусом, способным принимать различные формы, – ревностью. Отелло болеет все сильнее и сильнее, ревность вызывает у него припадок эпилепсии, он лежит на сцене и трясется. В итоге Отелло убивает свою жену и в завершение кончает жизнь самоубийством. – Эуне подтянул рукава твидового пиджака. – Я пересказал вам полное содержание пьесы не потому, что Шекспир входит в программу обучения в Полицейской академии, а потому, что вам тоже необходимо получить чуточку общего образования.

Смех.

– Так что же такое, мои неревнивые дамы и господа, синдром Отелло?

– Чему обязаны визитом? – прошептал Харри. Он стоял в задней части аудитории рядом с Микаэлем Бельманом. – Интересуешься ревностью?

– Нет, – ответил Бельман. – Я хочу, чтобы ты расследовал последнее убийство.

– Тогда, боюсь, ты пришел напрасно.

– Я хочу, чтобы ты сделал то, что делал раньше: возглавил маленькую группу, ведущую параллельное расследование и независимую от основной следственной группы.

– Благодарю, начальник полиции, но мой ответ – нет.

– Ты нужен нам, Харри.

– Да. Здесь.

Бельман коротко рассмеялся:

– Я не сомневаюсь, что ты хороший учитель, но ты не незаменимый. Однако так уж вышло, что ты – незаменимый следователь.

– Я покончил с убийствами.

Микаэль Бельман, улыбаясь, покачал головой:

– Да ладно тебе, Харри. Как долго, по-твоему, ты сможешь прятаться здесь и делать вид, что ты не тот, кто ты есть на самом деле? Ты не травоядное животное, как вон тот, за кафедрой, Харри. Ты – хищник. В

точности как я.

– Ответ – нет.

– А у хищников, как известно, острые зубы. Это возводит их на самый верх пищевой цепочки. Вижу, там сидит Олег. Кто бы мог подумать, что он поступит в Полицейскую академию?

Харри почувствовал, как зашевелились на затылке волосы, посылая ему предостережение.

– Я живу так, как хочу, Бельман. Я не могу вернуться назад, и это окончательный ответ.

– Особенно учитывая, что чистая биография является обязательным требованием для поступления.

Харри не ответил. Эуне еще раз рассмешил аудиторию, и Бельман тоже посмеялся, потом положил руку на плечо Харри, наклонился к нему и еще больше понизил голос:

– Хотя прошло уже несколько лет, у меня остались связи среди людей, которые смогут подтвердить, что видели, как Олег в те времена покупал героин. Срок – два года. Вряд ли его посадят, но полицейским он никогда не станет.

Харри покачал головой:

– Даже ты никогда бы так не поступил, Бельман.

Бельман хмыкнул:

– Разве? Возможно, это все равно что стрелять из пушки по воробьям, но, честно говоря, мне очень важно, чтобы это дело было раскрыто.

– Если я откажусь, ты все равно ничего не выиграешь, навредив моей семье.

– Может, и нет, но давай не забывать, что я... как бы это выразиться? *Ненавижу* тебя.

Харри уставился на спины стоящих перед ним:

– Ты не тот человек, который позволяет чувствам брать над собой верх, Бельман, у тебя их слишком мало. Что ты ответишь, когда выяснится, что ты долгое время обладал информацией о студенте Полицейской академии Олеге Фёуке и не давал ей ходу? Не стоит блефовать, когда противник знает, что у тебя плохие карты, Бельман.

– Если ты готов поставить будущее мальчишки на то, что я блефую, то пожалуйста, Харри. Речь только об этом конкретном деле. Раскрой его для меня, и мы забудем обо всем остальном. Даю тебе срок ответа до вечера.

– Чисто из любопытства, Бельман. Почему именно это дело так важно для тебя?

Бельман пожал плечами:

– Политика. Хищникам нужно мясо. Помни, что я тигр, Харри. А ты – всего лишь лев. Тигры весят больше, и на каждый килограмм их тела приходится больше мозга. Римляне знали это, поэтому, когда они выпускали на арену Колизея льва против тигра, они знали, что лев будет убит.

Харри увидел, как впереди одна голова повернулась в их сторону. Олег улыбнулся и поднял вверх большой палец. Мальчику скоро исполнится двадцать два. У него губы и глаза матери, а темные блестящие волосы – от русского отца, которого он уже не помнил. Харри ответил ему поднятым вверх большим пальцем и попытался улыбнуться. Когда он повернулся туда, где стоял Бельман, того уже не было.

– Синдромом Отелло страдают преимущественно мужчины, – раздавался голос Столе Эуне. – В то время как мужчины-убийцы с синдромом Отелло действуют преимущественно руками, Отелло-женщины используют ударное оружие или нож.

Харри прислушался к тонкому-претонкому льду над черной водой прямо у него под ногами.

– Выглядишь таким серьезным, – сказал Эуне, вернувшись из туалета в кабинет Харри, допил содержимое кофейной чашки и надел пальто. – Тебе понравилась лекция?

– Да-да. Там был Бельман.

– Я видел его. Что ему понадобилось?

– Он пытался угрозами заставить меня взяться за расследование этого нового убийства.

– И что ты ответил?

– Нет.

Эуне кивнул:

– Хорошо. Частые и близкие контакты с чистым злом, какие были у нас с тобой, поедают душу. Может быть, другие этого не замечают, но какая-то часть нас уже сожрана. А теперь настало время дорогим и близким нам людям получить то внимание, которое мы раньше оказывали социопатам. Наша вахта закончена, Харри.

– Ты сейчас говоришь, что сдаешься?

– Да.

– Мм... Я понимаю твои общие доводы, но не скрывается ли за ними что-то более конкретное?

Эуне пожал плечами:

– Только то, что я слишком много работал и слишком мало бывал дома.

А когда я работаю над убийствами, я все равно не дома, хоть и нахожусь у себя дома. Да ты все об этом знаешь, Харри. И Аврора, она... – Эуне надул щеки и выдохнул. – Учителя говорят, что дела обстоят немного лучше. Бывает, что дети в ее возрасте замыкаются. И экспериментируют. Наличие у них шрама на запястье еще не означает, что они систематически занимаются членовредительством, на самом деле это может свидетельствовать о совершенно нормальном любопытстве. Но у отца всегда вызывает беспокойство тот факт, что он не может достучаться до своего ребенка. Может быть, это расстраивает намного больше, когда отец – знаменитый психолог.

– Ей сейчас пятнадцать, верно?

– И прежде чем ей исполнится шестнадцать, все может пройти и забыться. Фазы, фазы – вот что происходит в этом возрасте. Но если ты хочешь заботиться о своих близких, нельзя откладывать это на время после следующего дела, после следующего рабочего дня, это надо делать *сейчас*. Или я не прав, Харри?

Харри, сжав небритую верхнюю губу большим и указательным пальцем, медленно кивнул:

– Мм... Конечно.

– Тогда я пошел, – сказал Эуне, взял свою сумку и вынул из нее пачку фотографий. – Кстати, вот снимки с места преступления, которые прислала Катрина; мне они ни к чему.

– А мне они зачем? – спросил Харри, бросив взгляд на труп женщины, лежащий на окровавленной кровати.

– Я думал, для преподавания. Я слышал, ты упомянул дело о пентаграмме, а это значит, что ты используешь настоящие дела и подлинные документы.

– Это ключ ко всему, – сказал Харри, пытаясь оторвать взгляд от фотографий женщины. Что-то во всем этом было ему знакомо. Как эхо. Видел ли он ее раньше? – Как зовут жертву?

– Элиса Хермансен.

Имя ничего не сказало ему. Харри посмотрел на следующую фотографию:

– А эти раны на шее, что это такое?

– Ты что, правда ни слова не читал об этом деле? Оно на всех первых полосах, неудивительно, что Бельман пытается заарканить тебя. Это железные зубы, Харри.

– Железные зубы? Это сатанисты или что-то в этом духе?

– Если считаешь «ВГ», то узнаешь, что они ссылаются на твит моего

коллеги Халлстейна Смита, утверждающего, что это работа вампириста.

– Вампириста? То есть вампира?

– Если бы все было так просто, – сказал Эуне и вынул из сумки вырванную из «ВГ» страницу. – Вампир, по крайней мере, связан с зоологией и вымыслом. А вампирист, по мнению Смита и некоторых других психологов, – это человек, получающий удовлетворение от потребления крови. Почитай здесь...

Харри прочитал сообщение из «Твиттера», которое показывал ему Эуне. Взгляд его задержался на последнем предложении: «Вампирист нанесет следующий удар».

– Мм... То, что этих психологов мало, еще не означает, что они не могут быть правы.

– Да ладно тебе, я люблю тех, кто идет против течения, и мне нравятся амбициозные люди вроде Смита. К сожалению, во время учебы он допустил ошибку, из-за которой получил прозвище Обезьянка, и, боюсь, это до сих пор мешает ему пользоваться безграничным доверием в среде психологов. Но он был, вообще-то, весьма многообещающим психологом, пока не увлекся этим вампиризмом. Его статьи тоже были очень неплохи, хотя, конечно, он не мог публиковать их в научных журналах. Но вот сейчас у него получилось кое-что опубликовать. В «ВГ».

– А почему ты не веришь в вампиристов? – спросил Харри. – Ты же сам говорил, что если представить себе какое-нибудь отклонение, то окажется, что оно у кого-то уже есть.

– Да-да, все существует. Наша сексуальность – это то, что мы в состоянии думать и чувствовать. А это практически безгранично. Дендрофилия – сексуальное возбуждение от деревьев. Какоррафиофилия – возбуждение от неудач. Но чтобы назвать какое-нибудь явление словом, заканчивающимся на «филия» или «изм», оно должно быть достаточно распространенным и иметь общий знаменатель. Смит и его соратники, психологи-мифоманы, создали свой собственный «изм». Они ошибаются: не существует группы так называемых вампиристов, следующих определенной поведенческой модели, о которой они или другие могли бы судить. – Эуне застегнул пальто и направился к двери. – А вот тот факт, что ты страдаешь страхом интимности и не можешь обнять на прощание лучшего друга, – прекрасная пища для психологической теории. Передай от меня привет Ракели и скажи, что я заклинаю ее головную боль. Харри?

– Что? Да, конечно. И ты передавай привет. Надеюсь, с Авророй все будет хорошо.

После ухода Эуне Харри остался сидеть, глядя перед собой. Вчера

вечером он зашел в гостиную, когда Ракель смотрела кино. Он взглянул на экран и поинтересовался, не фильм ли это Джеймса Грея. На экране была совершенно нейтральная картинка, изображающая городскую улицу, без актеров, без машин, и камера практически не двигалась. Две секунды фильма, который Харри раньше не смотрел. То есть картинка, конечно, не бывает совершенно нейтральной, но Харри действительно не знал, откуда у него возникла мысль о том, что перед ним фильм именно этого режиссера. Единственная зацепка: он смотрел один из фильмов Джеймса Грея несколько месяцев назад. Все могло быть просто – обычное автоматическое объединение впечатлений. Просмотренный фильм, а потом – двухсекундный отрывок, содержащий одну или две детали, которые проносились через мозг с быстротой, не позволяющей определить, что именно вызвало узнавание.

Харри взял в руки мобильный телефон.

Он помедлил, а потом отыскал номер Катрины Братт и отметил, что с момента их последнего контакта прошло больше шести месяцев – тогда она прислала ему сообщение с поздравлениями по случаю дня рождения. Он ответил ей «спасибо». Без заглавной буквы и точки. Она, конечно, знала, что это не означает равнодушия с его стороны, а означает только то, что он не любит писать длинные текстовые сообщения.

Она не ответила на его звонок.

Харри позвонил по ее внутреннему телефону в отдел расследования убийств, и ему ответил Магнус Скарре.

– Ого, сам Харри Холе! – Ирония была настолько неприкрытой, что Харри не пришлось напрягаться, чтобы распознать ее. У Харри никогда не было большого числа поклонников в отделе убийств, и Скарре тоже не принадлежал к их числу. – Нет, сегодня я Братт не видел. Что довольно странно, ведь она недавно руководит следствием, а у нас тут полно работы.

– Мм... Можешь передать ей, что я...

– Лучше перезвони, Холе, нам тут есть чем заниматься.

Харри повесил трубку и постучал пальцами по столу. Он посмотрел на стопку студенческих работ, лежащих с одной стороны стола, и на пачку фотографий – с другой. Он вспомнил, как Бельман сравнил его с хищником. Лев? Да, а почему бы и нет? Харри читал, что львы, охотящиеся в одиночку, достигают успеха лишь в пятнадцати процентах всех случаев. А когда лев нападает на крупную дичь, он не может перегрызть ей горло и вынужден ее душить. Он сжимает зубы на горле дичи и передавливает трахею. Такой способ убийства может занять время. Если лев поймает крупное животное, например водяного буйвола, он может повиснуть у него

на шее и часами мучить и себя, и буйвола и все равно в итоге разжимает челюсти. Вот так же и с расследованиями. Тяжелая работа – и никакой награды.

Он обещал Ракели не возвращаться туда. Обещал самому себе.

Харри снова взглянул на пачку фотографий. Посмотрел на изображение Элисы Хермансен. Ее имя он запомнил машинально, как и детали фотографии, где она лежала на кровати. Но дело было не в деталях. Дело было в общей картине. Кстати, Ракель в тот вечер смотрела фильм «Общак», режиссером которого оказался вовсе не Джеймс Грей. Харри ошибся. Пятнадцать процентов. И все же...

Что-то было в том, как она лежала. Или как ее уложили. Композиция. Как эхо из забытого сна. Крик в лесу. Голос мужчины, имя которого он пытался забыть. Имя того, кого не поймали.

Харри вспомнил, какие у него когда-то были мысли. Если он срывался, открывал бутылку и делал первый глоток, то решение сделать это принималось не в тот самый момент, как он полагал. Оно принималось намного раньше, после чего предстояло лишь найти повод. А повод всегда находился, и в какой-то момент времени бутылка оказывалась перед ним. И она ждала его. А он – ее. Все остальное – противоположные заряды, магнетизм, неизбежность физических законов.

Черт, черт.

Харри резко поднялся, схватил свою кожаную куртку и выбежал из кабинета.

Он посмотрелся в зеркало: куртка сидела как надо. Он в последний раз прочитал описание женщины. Она ему уже не нравилась. В ее имени была буква «Э», а не простая «Е», как в его имени. Одно это было поводом наказать ее. Он предпочел бы другую жертву, которая больше отвечала бы его вкусу. Как Катрина Братт. Но он уже принял решение. Женщина с буквой «Э» в имени ждала его.

Он застегнул пуговицы на куртке и вышел на улицу.

Глава 8

Среда, день

– Как Бельману удалось тебя уговорить? – Гуннар Хаген стоял у окна спиной к Харри.

– Ну, – прозвучал позади него голос, не похожий ни на какой другой, – он сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться.

В голосе Харри, с тех пор как Хаген слышал его в последний раз, появилось больше хрипотцы, но он был таким же глубоким и спокойным. Однажды Хаген слышал, как женщины из его отдела говорили: единственное, что в Харри есть красивого, – это голос.

– Что же это за предложение?

– Пятьдесят процентов за сверхурочные и двойные пенсионные начисления.

Начальник отдела рассмеялся:

– И ты не ставишь никаких условий?

– Только одно: я сам отберу людей в свою группу. Мне нужны всего трое.

Гуннар Хаген повернулся. Харри сидел на стуле перед письменным столом Хагена, вытянув вперед длинные ноги. На его узком лице появилось больше морщин, а густые короткие светлые волосы немного побелели на висках. Но он был не таким худым, как во время их последней встречи. Белки ярких синих глаз были, возможно, не совсем чистыми, но на них больше не имелось сетки красных сосудов, как в худшие времена.

– Ты по-прежнему на просушке, Харри?

– Сухой, как норвежские нефтяные скважины, шеф.

– Хм... Тебе же известно, что норвежские нефтяные скважины не высохли, они законсервированы до тех пор, пока цены на нефть не начнут расти.

– Именно это я и хотел сказать, да.

Хаген покачал головой:

– А я-то думал, что с годами ты повзрослеешь.

– Какое разочарование, а? Мы не становимся умнее, только старше. От Катрины все еще ничего нет?

Хаген посмотрел на свой телефон:

– Нет.

– Позвоним ей еще раз?

– Халлстейн! – раздался крик из гостиной. – Дети хотят, чтобы ты снова стал ястребом!

Халлстейн Смит удрученно, но довольно вздохнул и положил «Альманах о сексе» Франсиса Твинна на кухонный стул. Было бы, конечно, интересно узнать, считается ли принятое на острове Тробрианд у берегов Новой Гвинеи покусывание женских ресниц актом страсти, но он не нашел в книге ничего, на что можно сослаться в докторской диссертации, а значит, бóльшую радость он получит, если порадует своих детей. То, что он устал после предыдущей игры, тоже было не важно: в конце концов, день рождения только раз в году. То есть четыре раза в году, если у тебя четверо детей. Шесть, если они настаивают, чтобы на праздновании дней рождения родителей устраивали детский стол. Двенадцать, если отмечать раз в полгода. Он направлялся в гостиную, где дети уже ворковали голубиными голосами, ожидая его появления, и тут раздался звонок в дверь.

Как только Халлстейн Смит открыл дверь, женщина, стоявшая на крыльце, откровенно вытаращилась на его голову.

– Съел позавчера что-то с орехами, – объяснил он, почесывая раздраженную, покрытую крапивницей кожу на лбу. – Через пару дней пройдет.

Он посмотрел на женщину и понял, что ее внимание привлекла не сыпь на коже.

– А, это, – сказал он, снимая головное украшение. – Это должно изображать голову ястреба.

– Вообще-то, больше похоже на курицу, – заметила женщина.

– На самом деле это пасхальный цыпленок, но мы называем его ястребом-тетеревятником.

– Меня зовут Катрина Братт, я из отдела по расследованию убийств полиции Осло.

Смит склонил голову набок:

– Да, конечно, я ведь видел вас вчера в новостях по телевизору. Это насчет того сообщения в «Твиттере»? Телефон у меня разрывается, я совершенно не собирался поднимать столько шума.

– Я могу войти?

– Конечно, но надеюсь, вы ничего не имеете против немного... э-э... шумных детей.

Смит попросил детей некоторое время самим побыть ястребами и прошел на кухню вместе с женщиной из полиции.

– Судя по вашему внешнему виду, вам необходима чашка кофе, –

сказал Смит и, не дожидаясь ответа, налил ей кофе.

– Вчерашний день неожиданно получился очень длинным, – произнесла женщина. – Я проспала и пришла к вам, буквально выскочив из постели. К тому же я умудрилась забыть дома свой мобильный, поэтому хотела попросить разрешения воспользоваться вашим, чтобы позвонить на работу.

Смит протянул ей свой телефон и заметил, как она растерянно смотрит на антикварный аппарат «Эрикссон».

– Дети называют его телефоном для дураков. Помочь вам?

– Думаю, я еще помню, как им пользоваться, – сказала Катрина. – Расскажите мне, что вы видите на этой картинке.

Пока она набирала номер, Смит разглядывал фотографию, которую она дала ему.

– Железная челюсть, – сказал он. – Из Турции?

– Нет, из Каракаса.

– Вот как. Я просто знаю, что похожая железная челюсть находится в археологическом музее в Стамбуле. Считается, что такие челюсти использовали солдаты армии Александра Македонского, но эта теория подвергается сомнению историками, полагающими, что железными челюстями представители высших классов пользовались в неких садомазохистских играх. – Смит почесал сыпь. – Значит, он воспользовался такой челюстью?

– Мы не знаем наверняка. Мы делаем выводы, основываясь на ранах на шее жертвы, ржавчине и остатках черной краски.

– Ага! – воскликнул Смит. – Тогда нам надо в Японию.

– Вот как? – Братт приложила телефон к уху.

– Возможно, вы видели японских женщин с выкрашенными в черный цвет зубами? Нет? Эта традиция называется охагуро, что означает «тьма, наступившая после заката солнца». Начало ей было положено во время периода Хэйан около восьмого века нашей эры. И... э-э... мне продолжать?

Женщина выразила согласие взмахом руки.

– Утверждают, что в Средние века на севере жил один могол, который заставлял своих солдат использовать выкрашенные в черный цвет железные челюсти. Эти зубы нужны были прежде всего для устрашения, но их также можно было применять в ближнем бою. Если враг подходил так близко, что ни оружие, ни руки и ноги не могли помочь, зубы все еще можно было использовать, чтобы рвать ему горло.

Женщина подала знак, что дозвонилась.

– Привет, Гуннар, это Катрина. Я просто хотела сказать, что прямо из

дому поехала побеседовать с профессором Смитом... Да, это он написал сообщение в «Твиттере». А мой телефон остался дома, и если кто-то пытался со мной связаться... – Она какое-то время слушала. – Ты шутишь.

Она слушала еще несколько секунд.

– Харри Холм просто вошел в дверь и заявил, что хочет поработать над этим делом? Поговорим об этом позже. – Она вернула телефон Смит. – А теперь расскажите мне, что такое вампиризм?

– Тогда, – сказал Смит, – мне кажется, нам стоит пройтись.

Катрина шла рядом с Халлстейном Смитом по гравийной дорожке от главного фермерского дома к хлеву. Он поведал ей, что хутор и девять гектаров земли они с женой получили в наследство и что всего лишь два поколения назад по этой земле в Грини ходили коровы и лошади, а ведь отсюда всего несколько километров до центра Осло. Однако небольшой участок земли с лодочным сараем на острове Несэя, которые тоже были частью наследства, представляли собой бóльшую ценность – во всяком случае, судя по предложениям о покупке, которые они получали от своих сказочно богатых соседей.

– До острова далеко, и это непрактично, но мы не будем продавать, пока не припрет. У нас всего лишь дешевая алюминиевая лодка с мотором в двадцать пять лошадей, но я люблю ее. Не говорите моей жене, но я больше люблю море, чем эту крестьянскую землю.

– Я сама девочка с побережья, – сказала Катрина.

– Из Бергена, так ведь? Обожаю бергенский диалект. Я год проработал в психиатрическом отделении больницы в Саннвикене. Там красиво, но дождливо.

Катрина медленно кивнула:

– Да, я попадала под дождь в Саннвикене.

Они подошли к хлеву. Смит вынул ключ и отпер навесной замок.

– Солидный замок у вас на хлеве, – заметила Катрина.

– Предыдущий был слишком маленьким, – сказал Смит, и Катрина услышала горечь в его голосе.

Она перешагнула через порог и вскрикнула, наступив на что-то податливое. Она посмотрела вниз и увидела металлическую пластину длиной два с половиной метра и шириной в метр, врезанную в цементный пол и расположенную на одном уровне с ним. Ощущение было такое, что пластина стояла на пружинах и легко дрожала и дребезжала, соприкасаясь с цементом, пока не приходила в состояние покоя.

– Пятьдесят восемь килограммов, – сказал Смит.

– Что?

Он кивнул налево, где большая стрелка на полукруглой шкале колебалась где-то между отметками 50 и 60, и Катрина поняла, что стоит на старомодных весах для взвешивания крупного скота. Она прищурилась:

– Пятьдесят семь и шестьдесят восемь сотых.

Смит рассмеялся:

– В любом случае вам далеко до забойного веса. Должен признаться, что каждое утро пытаюсь перепрыгнуть через эти весы: мне не нравится мысль о том, что любой день может стать для меня последним.

Они прошли мимо ряда стойл и остановились у двери конторского вида. Смит отпер ее. В офисе находился письменный стол с компьютером, окно с видом на уголья, рисунок, изображавший человека-вампира с большими тонкими крыльями, как у летучей мыши, длинной шеей и квадратным лицом. Полки за столом были лишь наполовину заполнены папками и несколькими десятками книг.

– Все, что когда-либо издавалось на тему вампиризма, вы видите здесь, – сказал Смит, проводя рукой по книгам, – так что можно составить полную картину. Но если мы должны ответить на ваш вопрос о том, что такое вампиризм, давайте начнем с издания Ванденберга и Келли тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года.

Он взял с полки книгу, раскрыл ее и прочитал:

– «Вампиризм – это действие по извлечению крови из объекта, обычно из объекта, к которому испытываешь чувство любви, ради достижения сексуального возбуждения и удовлетворения». Это сухое определение. Но вы хотите знать больше, не так ли?

– Думаю, да, – произнесла Катрина, разглядывая изображение человека-вампира.

Красивое произведение искусства. Простое. Одинокое. И от него так веяло холодом, что она машинально плотнее закуталась в куртку.

– Давайте немного углубимся, – сказал Смит. – Во-первых, вампиризм не является какой-то новомодной находкой. Название, естественно, отсылает к мифам о кровожадных существах в людском облике, существовавших давным-давно преимущественно в Восточной Европе и Греции. Но современное представление о вампирах возникло прежде всего благодаря роману «Дракула» Брэма Стокера, вышедшему в тысяча восемьсот девяносто седьмом году, и первым фильмам о вампирах тысяча девятьсот тридцатых годов. Некоторые ученые живут в заблуждении, что вампирист, который является обычным, но больным человеком, вдохновляется прежде всего этими мифами. Они забывают, что вампиризм

упоминается уже у... – Он вытащил старую книгу в коричневом рассыпающемся переплете. – У Рихарда фон Крафт-Эбинга в его «Сексуальной психопатии» тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, то есть до того, как мифы получили широкую известность.

Смит аккуратно поставил книгу обратно на полку и достал другую.

– Мои собственные исследования основываются на том, что вампиризм состоит в родстве, например, с некрофагией, некрофилией и садизмом. Так же считает и автор вот этой книги, Бургиньон. – Смит начал листать страницы. – В тысяча девятьсот восемьдесят третьем году он пишет: «Вампиризм – это редкое компульсивное расстройство личности, характеризующееся непреодолимой потребностью поглощать кровь. Вампирист проходит через ритуал, совершенно необходимый для достижения ментального успокоения, но – как и при других навязчивых состояниях – сам вампирист не понимает значения этого ритуала».

– То есть вампирист просто делает то, что делают вампиристы? Проще говоря, они не могут поступать иначе?

– Это сильное упрощение, но примерно так.

– Какая-нибудь из этих книг может помочь нам составить психологический портрет убийцы, извлекающего кровь из своих жертв?

– Нет, – ответил Смит, убирая книгу Бургиньона обратно на полку. – Вообще-то, она написана, но ее нет на этой полке.

– Почему?

– Потому что она не издана.

Катрина посмотрела на Смита:

– Ваша?

– Моя, – улыбнулся Смит, но глаза его были грустными.

– Что случилось?

Смит пожал плечами:

– Профессиональная среда не была готова к такой радикальной психологии. А я дошел прямо до сути этого. – Он указал на один из книжных корешков. – Хершел Принс и его статья тысяча девятьсот восемьдесят пятого года в «Британском журнале психиатрии». Такое не проходит без последствий. Мне отказали по той причине, что мои результаты основываются на изучении конкретных эпизодов, а не на эмпирических исследованиях. Но иное невозможно, потому что случаев настоящего вампиризма крайне мало, и немногие встречающиеся случаи часто диагностируются как шизофрения, но все из-за недостатка знаний. Привлечь внимание к изучению вампиризма также оказалось невозможно. Я пытался, но даже те газеты, которые более чем охотно пишут об

американских знаменитостях второй категории, посчитали вампиризм чем-то несерьезным, папахивающим сенсацией. А когда я наконец собрал достаточно научных результатов, чтобы разбить в пух и прах все возражения, произошло это ограбление. У меня не просто украли компьютер – у меня похитили все. – Смит махнул рукой в сторону пустых полок. – Все мои записи о пациентах, весь архив пациентов, все подчистую. А теперь некоторые злобные коллеги утверждают, что меня спас гонг, что, если бы мои материалы опубликовали, надо мной бы смеялись еще больше, потому что всем стало бы очевидно, что вампиристов не существует.

Катрина провела пальцем по рамке картинки с изображением человека-вампира:

– Кто способен вломиться в дом, чтобы украсть сведения о пациентах?

– Да кто его знает. Я подумал, что кто-то из коллег. Ждал, что кто-нибудь обнародует мои теории и результаты, но ничего подобного не произошло.

– Может, чтобы перехватить ваших пациентов?

Смит рассмеялся:

– Ну да! Они настолько сумасшедшие, что никому не нужны, уж поверьте мне. Они полезны только для научных исследований, но не могут прокормить. Если бы моя жена не зарабатывала так хорошо на своих школах йоги, мы бы не смогли сохранить ферму и лодку. Кстати, у меня там гости собрались на день рождения и ждут ястреба.

Они вышли из офиса, и, пока Смит запирает дверь, Катрина обратила внимание на небольшую камеру слежения высоко на стене над стойлами.

– Вы же знаете, что полиция больше не занимается мелкими кражами? – сказала она. – Даже если у вас будут изображения с камеры слежения.

– Да-да, – вздохнул Смит. – Это для меня. Если они вернутся, я хочу знать, с кем из коллег я имею дело. У меня есть камеры снаружи и на воротах.

Катрина не могла не улыбнуться:

– Я думала, что академические ученые – очень умные, приятные люди, которые не отрывают голову от своих исследований, а не простые воры.

– О, боюсь, мы совершаем такие же глупости, как и предположительно менее умные люди, – произнес Смит, грустно покачивая головой. – Включая меня самого, чтобы вы знали.

– Вот как?

– Ничего интересного. Простая ошибка, за которую коллеги наградили

меня прозвищем. Но это было давно.

Возможно, это и было давно, но Катрина заметила тень боли, скользнувшую по его лицу.

На крыльце главного фермерского дома Катрина протянула Смитру свою визитку:

– Я буду очень признательна, если вы не станете рассказывать журналистам о нашем разговоре. Люди испугаются, если подумают, что, по мнению полиции, на свободе разгуливает вампир.

– О, журналисты вряд ли будут мне звонить, – сказал Смит, читая ее визитку.

– Почему же? «ВГ» опубликовала ваш твит.

– Но они не стали меня интервьюировать. Кто-то помнит, что я и раньше кричал «волки!».

– Кричал «волки!»?

– В девяностых годах произошло одно убийство, и я был совершенно уверен, что это дело рук вампириста. Потом еще одно дело три года назад, не знаю, помните ли вы его.

– Нет.

– Нет... В то время оно тоже не появилось на первых полосах газет. К счастью, можно сказать.

– Значит, сейчас вы кричите «волки!» в третий раз?

Смит медленно кивнул, глядя на нее:

– Да. Это в третий раз. Так что вы понимаете: у меня длинный список грехов.

– Халлстейн! – раздался женский голос из дома. – Ты идешь?

– Сию минуту, милая! Включайте противоястребиную сирену! Кра-кра-кра!

По пути к воротам Катрина слышала усиливающийся крик нескольких глоток, доносившийся из дома. Истерика, предшествующая массовому убийству голубей.

Глава 9

Пятница, вторая половина дня

В 15:00 у Катрины прошла встреча с криминалистическим отделом, в 16:00 – с судебно-медицинскими экспертами, и обе они оказались удручающими. В 17:00 у нее была назначена встреча с Бельманом в кабинете начальника полиции.

– Я рад, что ты положительно восприняла наше решение пригласить Харри Холе, Братт.

– Что в этом плохого? Харри – наш самый заслуженный следователь по убийствам.

– Некоторые руководители могли воспринять это – как бы поточнее выразиться? – как вызов: позволить старой звезде заглянуть в свои карты.

– Без проблем, я всегда играю с открытыми картами, господин начальник полиции, – улыбнулась Катрина.

– Хорошо. В любом случае Харри будет руководить своей маленькой независимой группой, так что тебе не стоит беспокоиться: он не станет вмешиваться в твои дела. Просто немного здоровой конкуренции. – Бельман соединил кончики пальцев, и Катрина обратила внимание на то, что одно из розовых пигментных пятен на его коже сформировало еще одно кольцо под обручальным. – И конечно же, я буду болеть за женщину. Надеюсь, мы можем ожидать быстрых результатов, Братт.

– Ну конечно, – произнесла Катрина бесстрастным голосом и посмотрела на часы.

– Что «ну конечно»? – спросил он с раздражением.

– Ну конечно вы надеетесь на быстрые результаты.

Она понимала, что намеренно провоцирует начальника полиции. Не потому, что ей этого хотелось. А потому, что иначе она не могла.

– Вам тоже стоило бы на это надеяться, инспектор Братт. Такие должности, как ваша, на деревьях не растут, и женское квотирование здесь ни при чем.

– Раз так, постараюсь честным трудом добиться результатов.

Она не отводила взгляда от его лица. Казалось, глазная повязка оттеняет неповрежденный глаз, его яркость и красоту. И жесткую, беспощадную ярость.

Катрина задержала дыхание.

Неожиданно Бельман громко расхохотался:

– Ты мне нравишься, Катрина. Но я должен дать тебе несколько советов.

Она ждала, готовая к чему угодно.

– Я думаю, что на следующей пресс-конференции говорить должна ты, а не Хаген. И ты должна сделать упор на то, что дело это крайне трудное, ведь у нас нет никаких ниточек, и мы должны быть готовы к тому, что расследование продлится долго. Тогда журналисты не будут так нетерпеливы и дадут нам больше пространства для действий.

Катрина сложила руки на груди:

– Это может также придать храбрости убийце и заставить его нанести новый удар.

– Вряд ли убийца руководствуется написанным в газетах, Братт.

– Ну раз вы так считаете, то ладно. Но сейчас мне надо готовиться к следующему заседанию следственной группы.

Катрина заметила безмолвное предостережение в его взгляде.

– Хорошо. И сделай так, как я сказал. Скажи прессе: это самое трудное дело из всех, что у тебя были.

– Я...

– Своими словами, конечно. Когда следующая пресс-конференция?

– Мы отменили сегодняшнюю, потому что у нас нет ничего нового.

– Ладно. Помни, что, если мы представим дело трудным, нам будет больше чести за его раскрытие. И мы не врем, у нас ведь ничего нет, правда? Кроме того, пресса любит большие страшные тайны. Смотри на это как на беспроигрышную ситуацию, Братт.

«Черта с два», – думала Катрина, спускаясь по лестнице на шестой этаж, в отдел по расследованию убийств.

В 18:00 Катрина начала заседание следственной группы, подчеркнув, как важно писать рапорты и вовремя сохранять их в общей компьютерной системе. Поскольку этого не было сделано после первого допроса Гейра Селле, того человека, который познакомился с Элисой Хермансен в «Тиндере» и встречался с ней в вечер убийства, другой следователь вновь связался с ним.

– Одно дело, что это дополнительная работа, а другое дело – у людей создается впечатление, что в Полицейском управлении правая рука не знает, что делает левая.

– Наверное, это ошибка компьютера или системы, – сказал Трульс Бернтсен, хотя Катрина не упомянула его имени. – Я все написал и отправил.

– Торд?

– В последние сутки не поступало сообщений об ошибках системы, – произнес Торд Грен, поправил очки и поймал умоляющий взгляд Катрины, который истолковал правильно. – Но вполне возможно, что-то случилось с твоим компьютером, Бернтсен, я проверю его.

– Раз уж ты начал, Торд, не мог бы ты рассказать нам о твоём последнем гениальном ходе?

Компьютерный эксперт покраснел, кивнул и начал говорить зажатым неестественным голосом, как будто читал по бумажке:

– Локализация. Большинство людей, имеющих мобильные телефоны, позволяют некоторым приложениям, установленным на их аппаратах, собирать данные об их местоположении в каждый момент времени. Многие даже не знают, что позволяют.

Пауза. Торд сглотнул, и Катрина сообразила, что именно это он и делает: он написал себе доклад, выучил его наизусть и теперь читает по памяти, хотя Катрина не просила его выступать на заседании группы.

– Условием установки многих приложений является то, что они свободно могут продавать сведения о локализации абонента коммерческим третьим лицам, но не полиции. Таким коммерческим третьим лицом является компания «Геопард». Она собирает сведения о локализации, и в ее уставе нет никаких запретов на дальнейшую продажу этих сведений государственным органам, то есть полиции. При выходе из тюрьмы лиц, отбывавших срок за сексуальные преступления, у них берут контактные данные, то есть адрес, номер мобильного телефона и адрес электронной почты, поскольку мы рутинно проверяем этих людей при расследовании преступлений, схожих с теми, за которые они были осуждены. Это делается, поскольку считается, что у преступников, совершивших преступление на сексуальной почве, крайне велик риск рецидива. Но современные исследования полностью это опровергают: риск того, что изнасилование повторится, крайне низок. Радио-4 Би-би-си недавно сообщило, что вероятность того, что преступник снова попадет за решетку, составляет шестьдесят процентов в США и пятьдесят процентов в Великобритании. И часто за то же самое преступление. Но только не за изнасилование. По статистике американского Министерства юстиции, снова попадают за решетку за такое же преступление в течение трех лет семьдесят восемь и восемь десятых процента людей, пойманных за угон автотранспорта, семьдесят семь и четыре десятых процента осужденных за хранение и сбыт краденого и так далее. Что касается изнасилований, то обратно за решетку попадает лишь два с половиной процента

преступников.

Торд остановился, видимо заметив, что терпение членов группы к подобного рода отступлениям на исходе. Он кашлянул:

– Ну да ладно. Когда мы направляем в «Геопард» эти контактные данные, компания может предоставить нам карту местонахождения телефона интересующих нас людей, при условии, что они используют функцию локализации в определенный период времени, например в среду вечером.

– Насколько точную? – выкрикнул Магнус Скарре.

– Несколько квадратных метров, – ответила Катрина. – Но GPS двумерен, так что мы не можем видеть в высоту, то есть на каком этаже находился телефон.

– А это правда законно? – спросила Гина, женщина-аналитик. – Я хочу сказать, правила защиты личной информации...

– ...не успевают идти в ногу со временем, – прервала ее Катрина. – Я говорила с полицейским адвокатом, который утверждает, что это в серой зоне, но едва ли нарушает действующее законодательство. А то, что не является незаконным, как известно... – Она махнула рукой, но никто из собравшихся не захотел закончить предложение за нее. – Продолжай, Торд.

– После юридического согласования с полицейским адвокатом и экономического согласования с Гуннаром Хагеном мы купили сведения о локализации. Карты ночи убийства дают нам GPS-координаты девяносто одного процента ранее осужденных за сексуальные преступления... – Торд остановился и задумался. – Да.

Катрина поняла, что на этом написанный доклад заканчивался. Вот только она не поняла, почему по комнате не прокатилась волна восторженного шепота.

– Люди, вы что, не понимаете, сколько рабочего времени мы сэкономили? Если бы мы пользовались старыми методами, чтобы исключить стольких потенциальных подозреваемых...

Раздалось тихое покашливание. Вольф, самый старший из присутствующих. Ему давно пора на пенсию.

– Раз ты говоришь «исключить», значит эти карты не выявили совпадений с адресом Элисы Хермансен?

– Да, – сказала Катрина и развела руками. – И нам осталось проверить, есть ли алиби всего лишь у восьми процентов.

– Ну, местоположение твоего телефона не предоставляет тебе настоящего алиби, – заметил Скарре, оглядываясь в поисках одобрения.

– Ты понимаешь, что я имею в виду, – удрученно произнесла Катрина.

Что случилось с этими людьми? Они собрались здесь, чтобы расследовать убийство, а не чтобы высасывать энергию друг из друга.

– Криминалистический отдел, – сказала она и села в зал, чтобы некоторое время не видеть этих людей.

– Не так много, – ответил Бьёрн Хольм, поднимаясь. – Лаборатория изучила краску из раны. Это довольно специфическая вещь. Мы думаем, что это железная стружка, растворенная в уксусе, с добавлением растительного танина из чая. Мы проверили: это может иметь отношение к старинной японской традиции красить зубы в черный цвет.

– Охагуро, – сказала Катрина. – «Тьма, наступившая после заката солнца».

– Да, верно, – ответил Бьёрн, бросив на нее такой же ободряющий взгляд, как во время завтраков в кафе, когда ей изредка удавалось обставить его, отвечая на вопросы викторины из газеты «Афтенпостен».

– Спасибо, – произнесла Катрина.

Бьёрн сел на место.

– Теперь перейдем к самому главному. К тому, что «ВГ» называет источником, а мы называем стукачом.

В зале, и без того тихом, воцарилась полная тишина.

– Одно дело – это вред, который уже нанесен: убийца знает, что нам известно, и может принять меры. Гораздо хуже то, что мы, собравшиеся в этом зале, не знаем, можем ли мы доверять друг другу. Поэтому сначала я спрошу прямо: кто разговаривал с «ВГ»?

К своему удивлению, она увидела поднятую руку.

– Да, Трульс?

– Мы с Мюллером говорили с Моной До сразу после вчерашней пресс-конференции.

– Ты имеешь в виду Виллера?

– Я имею в виду того новичка. Никто из нас ничего не сказал. Но дамочка дала тебе визитку, так ведь, Мюллер?

Все взгляды устремились на Андерса Виллера, лицо которого под светлой челкой покраснело, как мак.

– Я... да. Но...

– Мы все знаем, что Мона До – криминальный репортер из «ВГ», – сказала Катрина. – Никакая визитная карточка не нужна, ведь можно просто позвонить на коммутатор и связаться с ней.

– Это ты, Виллер? – спросил Магнус Скарре. – Признавайся, у всех новичков есть право на определенную квоту ошибок.

– Но я не разговаривал с «ВГ», – произнес Виллер с отчаянием в

голосе.

– Бернтсен только что сообщил, что вы разговаривали! – выкрикнул Скарре. – Хочешь сказать, что Бернтсен врет?

– Нет, но...

– Тогда выкладывай!

– В общем, она сказала, что у нее аллергия на кошек, а я сказал, что у меня кошка.

– Вот видишь, значит, вы разговаривали! Что еще?

– Возможно, источник – это ты, Скарре, – раздался из дальнего конца зала глубокий спокойный голос, и все обернулись.

Никто не слышал, как он вошел. Этот высокий человек скорее лежал, чем сидел на стуле у задней стены зала.

– Кстати, о кошках, – сказал Скарре. – Смотрите, во что они нас втянули. Я не разговаривал с «ВГ», Холе.

– Ты или кто угодно из присутствующих мог непреднамеренно дать слишком много информации кому-нибудь из свидетелей, с которыми разговаривал. А тот мог позвонить в газету и рассказать, что слышал это прямо из ваших уст. Вот отсюда «источник в полиции». Такое происходит постоянно.

– Прости, но в это здесь никто не верит, Холе, – фыркнул Скарре.

– А надо бы, – заметил Харри. – Потому что никто из присутствующих все равно не признается, что разговаривал с «ВГ», а если вы все будете ходить и думать, что среди вас крот, то все ваше расследование застынет.

– Что он вообще здесь делает? – спросил Скарре у Катрины.

– Харри создаст проектную группу, которая будет работать параллельно с нами, – ответила Катрина.

– И пока состоит только из одного человека, – сказал Харри. – Я пришел, чтобы заказать материалы. Те восемь процентов, которые неизвестно где находились в момент убийства. Можно получить список этих людей и распределить их в соответствии с продолжительностью последнего срока, к которому их приговорили?

– Это я могу организовать! – ответил Торд, осекся и вопросительно посмотрел на Катрину.

Она кивнула, давая понять, что все в порядке:

– Что еще?

– Список преступников, совершивших изнасилование, которых Элиса Хермансен отправила за решетку. Это все.

– Записано, – сказала Катрина. – Но уж поскольку ты здесь, поделись

первыми впечатлениями?

– Ну что же... – Харри огляделся. – Я знаю, что судмедэкспертиза обнаружила смазку, скорее всего оставленную преступником, но нельзя исключать, что основной мотив – месть, а сексуальные действия – бонус. Очевидность того, что убийца находился в квартире, когда Элиса вернулась домой, не бесспорна, она могла впустить его, или они могли быть лично знакомы. Поэтому на столь ранней стадии я бы не стал устанавливать подобные рамки. Но наверное, над этим вы и сами долго думали.

Катрина криво улыбнулась:

– Так или иначе, хорошо, что ты вернулся, Харри.

Лучший, а может быть, и худший, но несомненно овеванный мифами следователь по расследованию убийств полиции Осло умудрился поклониться из своего полулежачего положения:

– Спасибо, шеф.

– Ты говорил серьезно, – сказала Катрина, когда они с Харри ехали в лифте.

– Ты о чем?

– Ты назвал меня шефом.

– Конечно, – ответил Харри.

Они вышли в гараже, и Катрина нажала кнопку на ключах от машины. Где-то в темноте мелькнул огонек и раздался писк. Именно Харри убедил ее в необходимости пользоваться служебной машиной, которая автоматически предоставлялась в ее распоряжение при расследовании убийств, подобных этому. Убедил и в том, что она должна отвезти его домой, а по дороге – в ресторан «Шрёдер».

– Что случилось с твоим таксистом? – спросила Катрина.

– Эйстейном? Уволен.

– Тобой?

– Нет, ни в коем случае. Владелец такси. Был один случай.

Катрина кивнула, вспомнив Эйстейна Эйкеланна, длинноволосого скелета с зубами как у торчка и голосом как у любителя виски, который выглядел лет на семьдесят, но на самом деле был другом детства Харри. Одним из двух, по словам Харри. Второго звали Треской, и он был, если такое вообще возможно, еще более экстравагантным типом: тучным неприятным офисным служащим, который в ночное время суток преображался в мистера Хайда и играл в покер.

– А что случилось? – спросила Катрина.

– Мм... Ты хочешь знать?

- Да ладно тебе, рассказывай.
- Эйстейн не выносит свирель.
- Да ты что, а кто выносит?

– В общем, он отправился в длительную поездку в Тронхейм с одним человеком, который может путешествовать только на такси, поскольку испытывает страх перед самолетами и поездами. Кроме того, у парня проблемы с контролем гнева, и он всегда возит с собой диск с записями старых поп-хитов, которые исполняются на свирели. Он должен слушать этот диск, когда делает дыхательные упражнения для того, чтобы не слететь с катушек. И вот однажды посреди ночи, где-то на Доврском плоскогорье, когда свирельная версия «Careless Whisper» пошла на седьмой круг, Эйстейн выхватывает диск из проигрывателя, открывает окно и вышвыривает диск. Начинается рукопашная.

– Рукопашная – хорошее слово. А песня и в исполнении Джорджа Майкла не очень.

- В итоге Эйстейн вытолкнул парня из машины.
- На ходу?

– Нет. Но в самом пустынном месте Доврского плоскогорья, посреди ночи, в двадцати километрах от ближайшего жилья. В свою защиту Эйстейн говорит, что дело было в июле, что прогноз обещал погоду без осадков и что вряд ли у парня мог быть вдобавок ко всему остальному страх ходьбы.

Катрина рассмеялась:

– И теперь он безработный? Тебе бы следовало нанять его личным водителем.

– Я пытаюсь найти ему работу, но Эйстейн, по его собственным словам, создан для того, чтобы быть безработным.

Ресторан «Шрёдер», несмотря на название, был скорее баром, чем рестораном. Обычные послеобеденные клиенты уже находились на своих местах и благосклонно кивали Харри, не выражая ничего вербально.

Официантка же, напротив, засияла так, словно увидела вернувшегося блудного сына, и подала ему кофе, который определенно не был причиной того, что иностранные туристы в последнее время стали считать Осло одним из городов, где подают лучший в мире кофе.

- Жалко, что у вас с Бьёрном не срослось, – сказал Харри.
- Да.

Катрина не знала, хочет ли он, чтобы она углубилась в эту тему. И хочется ли ей самой углубляться. Поэтому она просто пожала плечами.

- Ну что же... – произнес Харри, поднося кофейную чашку ко рту. –

Как живется вновь одинокой?

– Интересуешься жизнью одиноких?

Он засмеялся. И ей внезапно стало ясно, что она скучала по этому смеху. Скучала по возможности вызывать этот смех, потому что он всегда звучал как награда.

– Одинокая жизнь хороша, – сказала Катрина. – Я встречаюсь с мужчинами.

Она посмотрела на него в ожидании реакции. Надеюсь ли она на реакцию?

– В таком случае надеюсь, что Бьёрн тоже встречается с женщинами. Так лучше для него.

Катрина кивнула. Но на самом деле она об этом не думала. И тут, как ироничное отступление, прозвучал веселый звоночек «Тиндера», и Катрина заметила, как женщина, одетая в отчаянно красное, поспешила к выходу.

– Почему ты вернулся, Харри? Последнее, что ты мне сказал, – ты никогда больше не будешь работать над убийствами.

Харри покрутил в руках чашку:

– Бельман пригрозил выгнать Олега из Полицейской академии.

Катрина покачала головой:

– Бельман действительно самый большой козел на двух ногах со времен императора Нерона. Он хочет, чтобы я соврала журналистам и сказала им, что это дело раскрыть почти невозможно. Хочет выставить себя в более выгодном свете, когда мы его раскроем.

Харри посмотрел на часы:

– Что ж, может, Бельман и прав. Убийца, кусающий железными зубами и выпивающий из жертвы пол-литра крови, – тут уж речь идет больше о самом убийстве, чем о жертве. И тогда дело автоматически усложняется.

Катрина кивнула. На улице светило солнце, и все же ей показалось, что она слышала отдаленные раскаты грома.

– Фотография трупа Элисы Хермансен на месте убийства, – произнес Харри. – Она вызвала у тебя какие-нибудь ассоциации?

– Укусы на шее? Нет.

– Я говорю не о деталях, я говорю... – Харри обернулся и посмотрел в окно, – о целостной картине. Иногда слушаешь музыку, которую никогда раньше не слышал, в исполнении неизвестной тебе группы – и все равно понимаешь, кто написал песню. Потому что в этом есть нечто. Нечто, чему сложно дать определение.

Катрина посмотрела на его профиль. Щетка коротко стриженных светлых волос была такой же своенравной, как раньше, хотя, возможно, не

такой густой. На лице появилось несколько новых линий, углубления и впадины стали глубже, и даже несмотря на то, что вокруг глаз появились мимические морщинки, брутальность его лица стала заметнее. Она никогда не понимала, почему считала его таким красивым.

– Нет, – повторила она, покачав головой.

– Ладно.

– Харри...

– Мм?

– Ты действительно вернулся из-за Олега?

Харри повернулся и посмотрел на нее, приподняв бровь:

– Почему ты об этом спрашиваешь?

И сейчас, так же как и раньше, она ощутила: этот взгляд бьет ее, словно электрическим током. Харри, умевший быть таким далеким, таким отстраненным, только посмотрев на тебя одну секунду, мог враз отмести все остальное, потребовать – и получить – твое внимание полностью и безраздельно. Слово в ту секунду во всем мире существовал только один мужчина.

– В самом деле, – сказала она и хохотнула, – почему я спрашиваю об этом? Поехали дальше.

– Эва через «э». Мама с папой хотели, чтобы я была единственной в своем роде. А потом выяснилось, что это имя довольно обычное в странах железного блока.

Она засмеялась и отпила пива из полулитровой кружки, потом открыла рот и большим и указательным пальцем стерла помаду из уголков рта.

– Железный занавес и восточный блок, – сказал мужчина.

– Чего?

Она посмотрела на него. Ну разве он не симпатяга? Гораздо симпатичнее тех, кто обычно с ней совпадает. Значит, с ним что-то не так, и постепенно станет ясно, что именно, как всегда и бывает.

– Ты медленно пьешь, – добавила она.

– Ты любишь красное. – Мужчина кивнул на пальто, которое она повесила на спинку стула.

– Как и тот парень-вампир, – сказала Эва, указывая на один из огромных телевизионных экранов, по которому шли новости. Футбольный матч закончился, и бар, пять минут назад забитый до отказа, начал пустеть. Она чувствовала, что немного пьяна, всего чуть-чуть. – Ты читал «ВГ»? Он *выпил* ее кровь, представляешь?

– Да, – кивнул мужчина. – А знаешь, где она выпила свой последний

бокал? В ста метрах отсюда, в баре «Ревность».

– Правда?

Эва огляделась. Похоже, большинство остальных гостей были увлечены друг другом. Она еще раньше обратила внимание на мужчину, который сидел в одиночестве и смотрел на нее, но сейчас он уже исчез. И это был не Проныра.

– Конечно правда. Еще кружечку?

– Да, она точно не будет лишней, – пробормотала Эва, вздрогнув. – Уф...

Она сделала знак бармену, но тот отрицательно покачал головой. Минутная стрелка миновала магическую границу.

– Видимо, придется оставить на другой раз, – сказал мужчина.

– А теперь, раз уж ты сумел напугать меня до смерти, – произнесла Эва, – тебе придется проводить меня домой.

– Конечно, – ответил мужчина. – Ты ведь живешь в районе Тёйен, да?

– Пошли, – сказала она, натягивая красное пальто на красную блузку.

На улице ее стало немного покачивать, совсем чуть-чуть, и она почувствовала, как он деликатно поддерживает ее.

– Был у меня один такой преследователь, – сказала она. – Я называю его Пронырой. Я встречалась с ним один раз, и мы... да, мы насладились друг другом, как говорится. Но когда я не захотела снова встретиться с ним, он заревновал, ага, и стал появляться в местах, где я встречалась с другими.

– Должно быть, неприятно.

– Да уж, – засмеялась она. – Но и круто тоже: знать, что можешь кого-то околдовать до такой степени, что он не в состоянии думать ни о ком другом, кроме тебя. – Она закашлялась.

Мужчина позволил ей просунуть руку ему под локоть. Он вежливо выслушивал ее рассказы о других околдованных ею мужчинах.

– Я, видишь ли, была красивой. Поэтому поначалу я не слишком удивилась, когда он появился. Подумала, что он, наверное, следил за мной. Но потом до меня дошло: он никоим образом не мог знать, что я приду в то место. И знаешь что? – Она резко остановилась и закачалась.

– Э-э... нет.

– Иногда мне казалось, что он *бывал* в моей квартире. Ты же понимаешь, мозг регистрирует запах людей и распознает его, даже когда мы не отдаем себе в этом отчета.

– Точно.

– Подумай только, а вдруг это он – вампир?

– Да, ну и совпадение получилось бы. Ты здесь живешь?

Эва удивленно посмотрела на фасад дома, перед которым они остановились:

– Да, здесь! Надо же, быстро дошли.

– Как известно, в хорошей компании время летит незаметно, Эва. Ну, тогда спасибо за...

– А не мог бы ты подняться наверх? Мне кажется, у меня в буфете есть бутылочка.

– Думаю, нам обоим уже хватит.

– Просто чтобы убедиться, что его там нет. Пожалуйста.

– Ну уж это крайне маловероятно.

– Смотри, в кухне свет, – сказала она, указывая на окна первого этажа. – Я уверена, что выключила его перед уходом!

– Уверена? – спросил мужчина, пряча зевок.

– Ты мне не веришь?

– Слушай, прости, но мне действительно пора домой, в постель.

Эва холодно посмотрела на него:

– Куда подевались настоящие джентльмены?

Он осторожно улыбнулся:

– Они... скорее всего, ушли домой и легли спать?

– Ха! Ты женат и соблазнился, а теперь сожалеешь об этом, да?

Мужчина оценивающе оглядел Эву, как будто жалел ее.

– Да, – ответил он. – Все именно так. Спокойной ночи.

Она вошла в подъезд, поднялась по ступенькам на высокий первый этаж и прислушалась, но ничего не услышала. Она совершенно не помнила, выключала ли она свет в кухне, а сказала это, чтобы он пошел с ней. Но теперь, после того как она произнесла эти слова вслух, ей показалось, что так все и было. И возможно, Проныра действительно находится в квартире.

Она услышала шарканье из-за двери в подвал, а потом звук открывающегося замка, и в подъезд вошел мужчина в форме охранника. Он запер дверь белым ключом, повернулся, заметил Эву и слегка вздрогнул.

– Я не слышал вас, – усмехнулся он. – Простите.

– Проблемы?

– За последнее время произошло несколько взломов подвальных кладовок, поэтому администрация дома заказала патрулирование.

– Значит, вы работаете на нас? – Эва слегка склонила голову набок. Он тоже был совсем не плох. Не так молод, как большинство охранников. – В таком случае я могу попросить вас проверить мою квартиру? Понимаете, у меня тоже был взлом. А теперь я увидела, что в квартире горит свет, хотя я

выключала его перед уходом.

Охранник пожал плечами:

– Вообще-то, мы не должны заходить в квартиры, ну да ладно.

– Наконец-то мужчина, который на что-то годен, – произнесла она, еще раз окинув его взглядом.

Взрослый охранник. Наверняка не самый умный, но солидный, надежный. И с ним нетрудно поладить. Общим знаменателем всех мужчин в ее жизни было то, что они имели все: они происходили из хороших семей, у всех были хорошие шансы получить большое наследство, хорошее образование, светлое будущее. И они боготворили ее. Но к сожалению, еще они пили так много, что все их общее светлое будущее улетучилось как дым. Возможно, настало время попробовать что-то новое. Эва встала к охраннику боком, изогнув бедро, и стала искать в сумочке связку ключей. Господи, как много у нее ключей. И возможно, она пьянее, чем ей казалось раньше.

Эва нашла нужный ключ, отперла дверь и, не скинув туфель в прихожей, прошла на кухню. Она услышала, что охранник вошел следом за ней.

– Здесь никого, – сказал он.

– Кроме нас с тобой, – произнесла Эва, облокотившись спиной о кухонный стол.

– Уютная кухня. – Охранник стоял в дверях и оглаживал свою форму.

– Спасибо. Если бы я знала, что у меня будут гости, я бы прибрала здесь.

– А может, и вымыла бы, – улыбнулся он.

– Да-да, в сутках всего двадцать четыре часа. – Она убрала со лба прядь волос и переступила ногами в туфлях на высоком каблуке. – Но если ты будешь так добр и проверишь остальные комнаты, я за это время смешаю нам по коктейлю. Что скажешь?

Она положила ладонь на новый миксер для смузи.

Охранник посмотрел на часы:

– Я должен быть по следующему адресу через двадцать пять минут, но мы проверим, не прячется ли у тебя кто-нибудь.

– Многое может случиться за это время, – сказала она.

Охранник поймал ее взгляд, тихо засмеялся, провел рукой по подбородку и вышел.

Он направился в сторону комнаты, где, по всей вероятности, находилась спальня. Его удивило, насколько хорошая здесь слышимость.

Он различал слова, которые мужской голос произносил в соседней квартире. Он открыл дверь. Темнота. Он нашел выключатель в комнате. Загорелась неяркая лампа.

Пустота. Неубранная постель. Опорожненная бутылка на тумбочке.

Он прошел дальше и открыл дверь в ванную. Грязные плитки. Задернутая облезлая штора.

– Кажется, ты в безопасности! – крикнул он в направлении кухни.

– Присаживайся в гостиной! – прокричала в ответ женщина.

– Хорошо, но через двадцать минут мне надо идти.

Он прошел в гостиную и уселся на диван с прогнутой спинкой. Из кухни донесся звон бутылок и прозвучал ее пронзительный голос:

– Хочешь что-нибудь выпить?

– Да.

Он подумал, что у нее и правда неприятный голос. Чтобы не слышать такой, хочется иметь в руках пульт управления. Однако женщина была пышной, ее внешность наводила на мысли о материнстве. Он потерял что-то в кармане формы, но вещь зацепилась за подкладку.

– У меня есть джин, белое вино, – раздался из кухни голос. Как сверло. – Немного виски. Что будешь?

– Кое-что другое, – тихо пробормотал он себе под нос.

– Что ты сказал? Я принесу все!

– Д-давай, куколка, – прошептал он, отцепив предмет от подкладки кармана, и положил его на стол в гостиной, где она его точно заметит.

Он почувствовал, как подступает эрекция, и сделал глубокий вдох. Казалось, в комнате закончился кислород. Он откинулся на спинку дивана и положил ноги в ковбойских сапогах на стол рядом с железной челюстью.

Катрина Братт скользила усталыми глазами по фотографиям в свете настольной лампы. По этим лицам невозможно было сказать, что на снимках насильники, что они насиловали женщин, мужчин, детей, стариков, в некоторых случаях пытали их, в других – убивали. Да, если бы вам рассказали о содеянном ими в мельчайших ужасных подробностях, вы бы, конечно, разглядели что-нибудь в отупелых, часто испуганных взглядах этих заключенных. Но, встретив их на улице, вы бы просто прошли мимо, даже не подозревая, что, возможно, за вами следят, вас оценивают и, к счастью, приходят к выводу, что вы не годитесь в качестве жертвы. Некоторые имена она помнила со времен работы в отделе нравов, другие были ей незнакомы. Она видела много новых имен. Насильник рождается каждый день. Невинное, крошечное человеческое дитя, детский крик,

заглушаемый криками роженицы, связь с жизнью через пуповину, дар, заставляющий родителей плакать от счастья, дитя, которое в своей дальнейшей жизни распорет влагалище связанной женщины, дрожа при этом, и женские крики заглушат его хриплые стоны.

Половина следственной группы начала обзванивать этих насильников, сначала тех, кто совершил наиболее тяжкие преступления. Полицейские собирали алиби и проверяли их, но до сих пор не удалось установить, что кто-либо из известных полиции насильников находился поблизости от места преступления. Вторая половина группы допрашивала бывших любовников, друзей, коллег и родственников. Статистика убийств в Норвегии свидетельствует: в восьмидесяти процентах случаев убийца был знаком с жертвой, и даже в девяноста процентах случаев, если жертвой оказывалась женщина, убитая в собственном доме. И все же Катрина не надеялась отыскать «своего» в этой статистике. Потому что Харри прав, это не тот тип убийства. Личность жертвы – второстепенный фактор. Полицейские также изучили список сексуальных преступников, против которых свидетельствовали клиенты Элисы, но Катрина слабо верила в то, что насильник – такой, каким его видел Харри, – убил одним выстрелом двух зайцев: сладость мести и сексуальное удовлетворение. Впрочем, почему удовлетворение? Она попыталась представить себе насильника, который лежит после совершения преступления, обнимая жертву, держит в зубах сигарету и с улыбкой шепчет: «Это было прекрасно». Харри же, напротив, говорил о сексуальном разочаровании серийного убийцы, который боится, что никогда не получит всего, что хочет, и это заставляет его продолжать охоту в надежде, что со следующей жертвой у него получится, все будет превосходно, им разрешатся, он будет вновь рожден под крики роженицы, после чего перережет пуповину, связывающую его с человечностью.

Катрина опять обратилась к фотографии лежащей на кровати Элисы Хермансен, пытаясь увидеть то же, что сумел разглядеть Харри. Или расслышать. Музыка, разве не так он сказал? Она сдалась и закрыла лицо руками. Что заставило ее поверить, будто ее психика подходит для подобной работы? «Биполярное расстройство может быть на руку только людям искусства», – сказал психиатр в последний раз, когда она была у него, а потом выписал ей новый рецепт на маленькие розовые таблеточки, держащие ее на плаву.

Были выходные дни, и нормальные люди занимались нормальными делами, они не сидели в офисах и не разглядывали кошмарные фотографии с места преступления и лица кошмарных преступников, которые могли им

что-нибудь сообщить, а потом не договаривались о встрече с совпадением из «Тиндера», чтобы переспать с ним и забыть. Именно сейчас она отчаянно искала пуповину, которая связывала ее с нормальностью. Субботний ужин. Когда они жили вместе, Бьёрн несколько раз приглашал ее на субботние ужины к своим родителям в Скрейю. Ехать туда всего полтора часа, но она всякий раз находила какие-то отговорки. А вот сейчас ей больше всего на свете хотелось бы сидеть за столом с семьей своего мужа, передавать картошку, жаловаться на погоду, нахваливать новый диван, жевать сухой стейк из оленины и участвовать в медленном, но безопасном разговоре, при котором взгляды и кивки будут добрыми, шутки – старыми, а раздражающие моменты можно будет спокойно пережить, да что там, сейчас ей хотелось, чтобы не обошлось без них.

– Привет.

Катрина вздрогнула. В дверном проеме стоял мужчина.

– Я проверил последнего человека из моей стопки, он ни при чем, – сообщил Андерс Виллер. – Так что, если дел больше нет, я пойду домой и немного посплю.

– Конечно. Ты уходишь последним?

– Кажется, да.

– А Бернтсен?

– Он рано закончил и уехал. Видимо, он работает более эффективно.

– Именно, – сказала Катрина и чуть было не рассмеялась, но не решилась. – Прости, что приходится тебя об этом просить, Виллер, но ты не мог бы перепроверить его стопку? Мне кажется...

– Я только что это сделал. Вроде все в порядке.

– *Все* в порядке?

Катрина поручила Виллеру и Бернтсену связаться с различными телефонными операторами, получить списки номеров телефонов и фамилий абонентов, которые разговаривали с жертвой в течение последних шести месяцев, разделить их между собой и проверить алиби.

– Ну да. Только один парень из Онебю в Ниттедале, у него еще имя оканчивается на «и». В начале лета он часто называл Элисе, и я перепроверил его алиби.

– Оканчивается на «и»?

– Ленни Хелл. Подумайте только, что за имечко!

– Да уж. Ты подозреваешь людей в зависимости от букв, на которые заканчиваются их имена?

– Помимо прочего. Факт в том, что имена, оканчивающиеся на «и», занимают большое место в криминальной статистике.

– Так что...

– Так что, когда я заметил, что Бернтсен записал алиби Ленни – в момент убийства Элисы Хермансен он сидел вместе с другом в кафе «Онебю пицца и гриль» – и что это алиби подтвердил только владелец кафе, я связался с местным ленсманом^[12] и опросил его.

– Потому что парня зовут Ленни?

– Потому что владельца пиццерии зовут Томми.

– И что сказал ленсман?

– Что Ленни и Томми – два весьма законопослушных гражданина, которым можно доверять.

– Значит, ты ошибся.

– Это еще неизвестно. Ленсмана зовут Джимми.

Катрина громко рассмеялась. Ей это было нужно. Андерс Виллер улыбнулся в ответ. Улыбка, наверное, тоже была ей нужна. Все хотят произвести благоприятное первое впечатление, но ей вдруг пришло в голову, что, если бы она не спросила, Виллер не рассказал бы, что сделал, помимо своей, работу Бернтсена. И это доказывало, что Виллер, как и она сама, не доверяет Трульсу Бернтсену. Поначалу Катрина отбросила эту мысль, но потом передумала.

– Войди и закрой за собой дверь.

Виллер сделал, как было велено.

– Прости, но я должна попросить тебя еще об одной вещи, Виллер. Утечка в «ВГ». Ты будешь плотнее всех работать с Бернтсеном. Ты мог бы...

– Держать уши и глаза открытыми?

Катрина вздохнула:

– Что-то в этом роде. Это останется между нами, и если ты что-нибудь заметишь, то расскажешь об этом только мне. Понятно?

– Понятно.

Виллер ушел, и Катрина, подождав несколько секунд, взяла со стола телефон и набрала номер Бьёрна. Она заложила в телефон его фотографию, и та появилась на экране телефона вместе с номером. Он улыбался. Бьёрн Хольм не был похож на наливное яблоко. Лицо его было бледным, немного опухшим, а посреди рыжей шевелюры появилась сияющая белая лысина. Но это был Бьёрн. Противоядие от фотографий всех тех, других. И чего, собственно говоря, она так боится? Раз уж Харри Холе может жить с другим человеком, почему не может она? Ее указательный палец почти коснулся символа «набрать номер» рядом с цифрами, и тут в ее голове вновь прозвучал предупреждающий сигнал. Предупреждение Харри Холе и

Халлстейна Смита. Следующая жертва.

Она отложила телефон и снова сосредоточилась на фотографиях.

Следующая.

Что, если убийца уже думает о следующей жертве?

– Ты должна лучше б-бороться, Эва, – прошептал он.

Он ненавидел, когда они не пытались бороться.

Когда они не убирали свои квартиры. Когда не заботились о своем теле. Когда не могли удержать мужчину, от которого забеременели. Когда не кормили детей ужином, когда запирали их в чулане и велели сидеть тихо, обещая за это шоколадку, а сами принимали мужчин, которые получали ужин, шоколад, вообще все, с которыми они играли, визжа от радости, как мать никогда не играла со своим ребенком.

Ну и ладно.

А теперь ребенок поиграет с мамой. И с такими, как мама.

И он играл. Играл жестко. До тех пор, пока однажды его не заперли в чулане на улице Йоссингвейен, 33. Тюрьма Ила и отделение предварительного содержания. В уставе учреждения говорилось, что это норвежская тюрьма предварительного содержания для заключенных-мужчин с «особой потребностью в посторонней помощи».

Один из тамошних психологов-гомиков объяснил ему, что и изнасилования, и заикание вызваны психологическими травмами, полученными во время взросления. Вот идиот. Заикание он унаследовал от отца, которого никогда не видел. Заикание и грязный костюм. И он мечтал о том, что будет насиловать женщин, сколько себя помнит. И он сделал то, чего не смогли эти женщины. Он хорошо боролся. Он почти перестал заикаться. Он изнасиловал тюремную врачиху-дантиста. И сбежал из Илы. И продолжил играть. Жестче, чем когда-либо. А то, что за ним охотилась полиция, лишь обостряло игру. До тех самых пор, пока в один прекрасный день он не оказался лицом к лицу с тем полицейским и не разглядел в его глазах решимость и ненависть. И он понял, что этот человек сможет его поймать. Сможет отправить его обратно во мрак детства в запертом чулане, где он пытался дышать как можно осторожнее, чтобы не вдыхать вонь от пота и табака, исходившую от толстого засаленного отцовского шерстяного костюма, висевшего прямо перед ним. Мать говорила, что не выбрасывает его на тот случай, если отец однажды вдруг вернется. Он знал, что не сможет снова оказаться взаперти. И он спрятался. Спрятался от полицейского со взглядом убийцы. Сидел, не высываясь, три года. Три года без игр. До тех пор, пока и такая жизнь не начала походить на

запертый чулан. И вот ему выпал этот шанс. Возможность играть спокойно. Не *слишком* спокойно, конечно. Ему требовалось ощущать запах страха, чтобы по-настоящему распалиться. Своего собственного страха и их страха. Не имел значения ни их возраст, ни то, как они выглядели, ни то, были они крупными или маленькими. Лишь бы они были женщинами. Или потенциальными матерями, как сказал один психиатр-идиот. Он склонил голову набок и посмотрел на женщину. Между квартирами здесь были тонкие стены, но его это больше не беспокоило. Только сейчас, только при этом свете и на таком близком расстоянии он обратил внимание на маленькие прыщики вокруг открытого рта Эвы через букву «Э». Она, без сомнения, пыталась закричать, но это ей все равно не удалось бы, как бы она ни старалась. Потому что под открытым ртом у нее образовался второй – окровавленная открытая дыра в горле, в том месте, где раньше у нее была гортань. Он прижимал ее к стене гостиной. Розовые кровавые пузыри надувались и лопались там, где торчала оторванная трахея. Мышцы ее горла напряглись и расслабились, как у человека с обструктивной болезнью легких, когда она отчаянно пыталась глотнуть воздуха. А поскольку легкие в тот момент еще работали, ей предстояло прожить еще несколько секунд. Но сейчас его завораживало не это, а то, что он с помощью железных зубов поставил окончательную точку в ее невыносимой болтовне, перекусив напополам ее голосовые связки.

И когда свет в ее глазах начал меркнуть, он попытался отыскать в ее взгляде что-нибудь говорящее о страхе смерти, о желании прожить еще одну секунду. Но он ничего не нашел. Она должна была лучше бороться. Возможно, у нее была плохая фантазия. Или она не радовалась жизни. Он ненавидел, когда они так легко расставались с жизнью.

Глава 10

Суббота, утро

Харри бежал. Он не любил бегать. Наверняка некоторые люди бегают, потому что любят бегать. Харуки Мураками вот любил. Харри нравились книги Мураками, кроме той, о беге, ту он не дочитал. Харри бежал, потому что ему нравилось останавливаться. Ему нравились ощущения *после* бега. Ему могли бы понравиться силовые упражнения, более конкретная боль, ограниченная выносливостью мышц, а не желанием ощутить боль. Возможно, это говорило о слабости его характера, о склонности к побегу и к приему обезболивающих еще до наступления боли.

Тощая охотничья собака, каких содержали обеспеченные жители Хольменколлена, ходившие на охоту по выходным раз в два года, отскочила с тропинки. Ее владелец бежал в ста метрах позади нее. Последняя коллекция спортивной одежды «Under Armour». Харри успел рассмотреть технику его бега, когда они разминулись, как два поезда, идущие навстречу друг другу. Жаль, что они бегут не в одном направлении. Харри держался бы прямо за ним, дышал бы ему в затылок, сделал бы вид, что отстает, а потом обогнал бы на холмах у озера Триванн. Показал бы ему изношенные подметки своих кроссовок «адидас», купленных двадцать лет назад. Олег говорил, что во время бега Харри ведет себя совсем по-ребячески, и даже когда они договаривались спокойно бежать всю дорогу, кончалось все предложением Харри посоревноваться в покорении вершины последнего на дистанции холма. В защиту Харри необходимо сказать, что он находился в заведомо проигрышном положении, потому что Олег унаследовал от мамы несправедливо высокое усвоение кислорода.

Две женщины, страдающие ожирением, скорее шли, чем бежали, болтали и так тяжело дышали, что не слышали приближения Харри. Он свернул на узкую тропинку и внезапно оказался на незнакомой территории. Деревья здесь стояли плотнее, преграждая путь утреннему свету, и Харри успели охватить какие-то детские воспоминания, но потом он снова выбежал на открытую территорию. Ему был знаком страх заблудиться и никогда не найти дорогу домой. Но сейчас он твердо знал, куда ему надо, где его дом.

Некоторым людям нравился свежий воздух этого высоко расположенного района, мягкие, бегущие по пригоркам лесные тропинки, тишина и запах еловой хвои. Харри нравился вид, открывающийся на

город, нравился его звук и его запах, ощущение, что к нему можно прикоснуться, нравилось знание, что в нем можно утонуть, погрузившись на самое его дно. Недавно Олег спросил, как бы Харри хотел умереть. Харри ответил, что хотел бы умереть во сне. Олег выбрал внезапную и относительно безболезненную смерть. Харри же соврал. Он бы хотел напиться до смерти в одном из баров города, раскинувшегося внизу. И он знал, что Олег тоже соврал, что он бы тоже выбрал свой бывший ад и рай и вколол бы себе смертельную дозу героина. Алкоголь и героин. Две любовницы, которых они могли оставить, но не могли забыть, сколько бы времени ни прошло.

Харри совершил последний рывок по подъездной дорожке, слушая, как гравий вылетает из-под кроссовок и падает на землю. За занавесками в окне соседнего дома он различил силуэт госпожи Сивертсен.

Харри принял душ. Ему нравилось мыться под душем. Кому-нибудь стоило написать книгу о том, что такое душ.

Вымывшись и вернувшись в спальню, он увидел стоящую у окна Ракель в одежде для работы в саду – в резиновых сапогах, рабочих перчатках, старых джинсах и поношенной шляпе. Она развернулась вполоборота и убрала пару темных прядей, выбившихся из-под шляпы. Харри задумался, знает ли она, как мило выглядит в этом наряде. Вероятно.

– И-и-и, – тихо сказала она и улыбнулась. – Голый мужчина.

Харри встал позади нее, опустил руки ей на плечи и начал массировать их легкими движениями.

– Что ты делаешь?

– Смотрю в окно. Как ты думаешь, нам надо что-нибудь сделать до прихода «Эмилии»?

– Эмилии?

Ракель рассмеялась.

– Что?

– Ты так резко прекратил массаж, любимый. Расслабься, к нам придет не человек. Всего лишь ураган.

– Ах эта «Эмилия»... Послушай, наша крепость способна выдержать пару природных катаклизмов.

– Именно так мы, жители этой горы, и думаем, да?

– Что мы думаем?

– Что наша жизнь – это крепость. Непрístupная. – Она вздохнула. – Мне надо съездить купить еды.

– Домашний ужин? Мы еще не были в том перуанском ресторане на улице Бадстюгата. Там не очень дорого.

Одной из холостяцких привычек Харри, к которой он пытался приобщить Ракель, было не готовить ужины дома. Она вроде бы купилась на его аргументы, что рестораны – одна из хороших идей цивилизации. Что уже в каменном веке люди понимали, что большая кухня и совместные приемы пищи гораздо разумнее, чем три часа, потраченные ежевечерне каждым человеком на планирование, закупку продуктов, их приготовление и мытье посуды. На возражения Ракели, что это слегка отдаст декадансом, он отвечал, что семьи с двумя детьми, оборудующие себе кухни за миллионы крон, – *вот* настоящий декаданс. И что здоровое, недекадентское использование ресурсов – это заплатить получившим образование поварам то, что им полагается, за приготовление пищи на большой кухне, чтобы те, в свою очередь, платили Ракели за юридические услуги или Харри за обучение полицейских.

– Сегодня моя очередь, я плачу, – сказал он, обнимая ее правой рукой. – Останься.

– Мне надо в магазин, – ответила она и скорчила гримасу, когда он прижал ее к своему еще влажному телу. – Придут Олег с Хельгой.

Он прижал ее еще крепче:

– Да? Мне показалось, ты сказала, что люди к нам не придут?

– Ты сможешь провести пару часов с Олегом и...

– Я шучу. Мне будет приятно. Но может, мы лучше...

– Нет, мы не будем приглашать их в ресторан. Хельга здесь еще не бывала, а я хочу по-настоящему с ней познакомиться.

– Бедная Хельга, – прошептал Харри и собрался укунить Ракель за мочку уха, как вдруг заметил кое-что между ее грудью и шеей.

– Что это? – Он осторожно прикоснулся кончиком пальца к красному пятнышку.

– Где? – спросила она и пощупала сама. – А, это. Врач брал анализ крови.

– Из шеи?

– Не спрашивай почему. – Она рассмеялась. – Ты такой милый, когда беспокоишься.

– Я не беспокоюсь, – возразил Харри. – Я ревную. Это моя шея, и я знаю, что ты испытываешь слабость к врачам.

Ракель рассмеялась, а он крепче сжал ее в объятиях.

– Нет, – произнесла она.

– Нет? – переспросил он и услышал, как ее дыхание мгновенно стало более тяжелым. Почувствовал, как ее тело словно поддалось.

– Черт бы тебя побрал, – простонала Ракель.

Она страдала тем, что сама называла «мучениями от быстрого возбуждения», а ругательства были первым признаком его наступления.

– Может, нам стоит на этом остановиться, – прошептал Харри, отпуская ее. – Садик не прибран.

– Поздно, – прохрипела Ракель.

Он расстегнул ее джинсы и стянул вместе с трусиками ниже колена, прямо до голенищ сапог. Она наклонилась вперед, ухватила одной рукой за подоконник и хотела другой рукой снять шляпу.

– Нет, – прошептал Харри, наклонившись вперед так, что его голова оказалась рядом с ее. – Пусть она останется.

В его уши полился ее тихий клопочущий смех. Боже, как он любил этот смех. Другой звук примешался к смеху – жужжание вибрирующего телефона, лежащего на подоконнике рядом с ее рукой.

– Брось его на кровать, – прошептал он, отгоняя желание взглянуть на дисплей.

– Это Катрина Братт, – сказала она.

Ракель натягивала джинсы, глядя на Харри.

Его лицо стало очень сосредоточенным.

– Как давно? – спросил он. – Понимаю.

Она видела, как он уходит от нее, прислушиваясь к звуку голоса другой женщины в телефоне. Ракель хотела протянуть к нему руки, но было уже поздно, он был не с ней. Обнаженное стройное тело с мускулами, извивающимися, как корни, под бледной кожей, все еще стояло перед ней. Взгляд глаз синего цвета, почти вымытого из радужной оболочки годами злоупотребления алкоголем, был по-прежнему устремлен на нее. Но ее он больше не видел, взгляд его был направлен внутрь. Накануне вечером Харри объяснил ей, почему ему пришлось взяться за это дело. Она не протестовала. Потому что, если Олега выгонят из Полицейской академии, он снова может попасть в порочный круг. А если бы ей пришлось выбирать между потерей Харри и потерей Олега, она выбрала бы потерю Харри. Она несколько лет тренировалась терять Харри, она знала, что может жить без него. Она не знала, может ли жить без своего сына. Но когда он объяснял, что делает это ради Олега, его слова отдались у нее в голове эхом недавно произнесенной им фразы: «Потому что может настать день, когда мне действительно потребуется солгать, и тогда будет хорошо, если ты подумаешь, что я говорю правду».

– Я сейчас же приеду, – сказал Харри. – Адрес?

Он положил трубку и начал одеваться. Быстро, ловко, точно

выверенными движениями. Как машина, наконец-то делающая то, для чего была построена. Ракель наблюдала за ним, запоминая все, как запоминают любовника, с которым предстоит разлука.

Он промчался мимо Ракели, не взглянув на нее и не попрощавшись. Она была вытеснена, удалена из его мыслей одной из двух его настоящих любовниц. Алкоголь и убийство. И их она боялась больше всего.

Харри стоял перед оранжевыми и белыми заградительными лентами, как вдруг окно первого этажа дома распахнулось и из него показалась голова Катрины Братт.

– Пропустите его! – прокричала она молодому полицейскому в форме, преграждавшему путь Харри.

– У него нет документов, – возразил полицейский.

– Это Харри Холм! – прокричала Катрина.

– Правда? – Полицейский окинул Харри взглядом с головы до ног, прежде чем поднять ленту. – Я думал, что это всего лишь слухи, – добавил он.

Харри поднялся по трем ступенькам, ведущим к открытой двери в квартиру. В помещении он прошел по тропинке из миниатюрных белых флажков, расставленных криминалистами в местах обнаружения улик. Один из криминалистов стоял на коленях и ковырялся в трещине в полу.

– Где?..

– Там, дальше, – ответил тот.

Харри остановился перед дверью, на которую ему указали. Он сделал вдох и освободил разум от мыслей. А потом вошел.

Он вбирал в себя все, что мог: свет, запахи, интерьер, все, что там было. Все, чего там *не было*.

– Доброе утро, Харри, – сказал Бьёрн Хольм.

– Можешь отодвинуться? – тихо произнес Харри.

Бьёрн отступил от дивана, над которым склонялся, и взгляду Харри открылся труп. Вместо того чтобы подойти поближе, Харри отошел на шаг назад. Сцена. Композиция. Целостность. Потом он приблизился и стал разглядывать детали. Женщина сидела на диване, раскинув ноги так, что были видны ее черные трусики. Голова была откинута на спинку дивана, длинные крашенные светлые волосы свисали с нее. Часть горла отсутствовала.

– Ее убили вон там, – сказал Бьёрн, указывая на стену у окна.

Взгляд Харри скользил по обоям и неисследованным планкам паркета.

– Меньше крови, – заметил Харри. – В этот раз он не прокусил сонную

артерию.

– Может, промахнулся, – ответила Катрина, проходя в комнату из кухни.

– Если он кусал, то у него сильные челюсти, – сказал Бьёрн. – Средняя сила человеческого укуса составляет семьдесят килограммов, но здесь, судя по всему, он вырвал гортань и часть трахеи одним укусом. Даже имея острые железные зубы, для этого надо приложить значительные усилия.

– Или значительную ярость, – произнес Харри. – Ты видишь в ране ржавчину и краску?

– Нет, но их отставшие частицы, возможно, удалились, когда он кусал Элису Хермансен.

– Мм, либо так, либо здесь использовались не железные зубы, а что-то другое. И труп не перенесли на кровать.

– Я понимаю, к чему ты клонишь, Харри, но это тот же самый убийца, – сказала Катрина. – Иди взгляни.

Харри пошел за ней в кухню. Один из криминалистов брал пробы со стеклянной колбы блендера, стоявшей в раковине.

– Он сделал себе смузи, – сказала Катрина.

Харри сглотнул и взглянул на колбу. Ее внутренняя поверхность была красной.

– Из крови. И из того, что похоже на лимоны из холодильника. – Она указала на остатки желтой кожуры, валявшиеся на столешнице.

Харри почувствовал приступ тошноты. Он подумал, что это как первая рюмка, от которой трясет и хочется блевать. Еще две рюмки, и остановиться уже невозможно. Он кивнул и вышел из кухни. Быстро осмотрел ванную и спальню, а потом вернулся в гостиную. Закрыв глаза и прислушался. Женщина, поза тела, способ его расположения. Способ расположения Элисы Хермансен. И вот оно пришло, эхо. Это был он. Должен быть он.

Когда Харри снова открыл глаза, он увидел перед собой молодого человека со светлой челкой, который, кажется, был ему знаком.

– Андерс Виллер, – сказал парень. – Следователь.

– Да, конечно, – кивнул Харри. – Ты окончил Полицейскую академию год назад? Или два года?

– Два.

– Поздравляю с отличными оценками.

– Спасибо. Здорово, что вы помните мои оценки.

– Я не помню, это чистая дедукция. Ты работаешь в отделе по расследованию убийств в должности следователя всего после двух лет

службы.

Андерс Виллер улыбнулся:

– Скажите, если я буду вам мешать, и я уйду. Дело в том, что я начал работать два с половиной дня назад, и если здесь у нас серия, то вряд ли у кого-то будет время в ближайшее время меня обучать. И я хотел спросить, нельзя ли мне на некоторое время сесть вам на хвост, чтобы я мог поучиться. Но только если вы не возражаете.

Харри посмотрел на парня и вспомнил, что тот нередко заходил к нему в кабинет и задавал много вопросов. Так много и порой настолько не по делу, что можно было заподозрить его в холеголовии. Холеголовыми в Полицейской академии называли студентов, влюбленных в миф о Харри Холе. В некоторых исключительных случаях именно эта влюбленность становилась основной причиной их поступления в академию. Харри бегал от таких студентов как от чумы. Холеголовый или нет, но Андерс Виллер, по мнению Харри, мог далеко пойти со своими оценками, амбициями, с этой улыбочкой и способностью легко осуществлять социальные маневры. И прежде чем Виллер начнет свое возможное восхождение, такой смысленный парень может успеть сделать что-нибудь полезное, например раскрыть несколько убийств.

– Не возражаю, – сказал Харри. – Первый урок: твои новые коллеги тебя разочаруют.

– Разочаруют?

– Ты стоишь здесь такой вышколенный и гордый, потому что думаешь, будто очутился на самом верху пищевой цепочки полиции. Так что вот тебе первый урок: следователи, расследующие убийства, такие же люди, как все. Мы не слишком умны, кое-кто из нас просто глуп. Мы совершаем ошибки, много ошибок, и не особенно хорошо на них учимся. Когда мы устаем, мы иной раз предпочитаем выспаться, а не продолжать охоту, хотя и знаем, что разгадка может оказаться за следующим поворотом. Так что, если ты полагаешь, что мы откроем тебе глаза, вдохновим тебя и покажем тебе совершенно новый мир следственно-технического искусства, ты будешь разочарован.

– Все это мне уже известно, Харри.

– Вот как?

– Я два дня проработал с Трульсом Бернтсеном. Я просто хочу узнать, как работаете вы.

– Ты ходил на мои лекции о расследованиях убийств.

– И я знаю, что вы работаете не так. О чем вы думали?

– Думал?

– Да, когда стояли вон там с закрытыми глазами. Сомневаюсь, что об этом вы рассказывали на лекциях.

Харри увидел, что Бьёрн разогнулся, а Катрина встала в дверях, скрестила руки на груди и одобрительно кивнула.

– Ладно, – произнес Харри. – У всех методы разные. Мой заключается в том, чтобы попытаться поймать мысли, проносящиеся в мозгу, когда я в первый раз появляюсь на месте преступления. Все вроде бы незначительные выводы, которые автоматически делает мозг, когда впитывает впечатления от места, где ты оказался впервые. Эти мысли мы очень быстро забываем, потому что не успеваем сформулировать их до того, как внимание отвлекается на что-то другое, подобно снам, которые исчезают, когда ты пробуждаешься и начинаешь впитывать окружающую тебя обстановку. Девять из десяти таких мыслей бесполезны. Но ты надеешься, что десятая что-нибудь да значит.

– А сейчас? – сказал Виллер. – Какая-нибудь из мыслей имела значение?

Харри помедлил, поймав изучающий взгляд Катрины.

– Не знаю. Но мне кажется, что убийца озабочен чистоплотностью.

– Чистоплотностью?

– Свою предыдущую жертву он перенес с места, где ее убил, на кровать. Серийные убийцы обычно ведут себя однотипно, так почему же он оставил эту женщину в гостиной? Единственное отличие ее спальни от спальни Элисы Хермансен заключается в том, что у нее грязное постельное белье. Я осмотрел квартиру Хермансен вчера, когда криминалистический отдел забирал ее белье. Оно пахло лавандой.

– Значит, он занимался с этой женщиной некрофилией в гостиной, потому что не переносит несвежего постельного белья?

– Мы дойдем до этого, – ответил Харри. – Ты видел блендер в кухне? Хорошо, а ты видел, что после использования он положил его в раковину?

– Куда?

– В мойку, – вмешалась Катрина. – Молодежь не знает, что посуду можно мыть руками, Харри.

– В мойку, – повторил Харри. – Его было не обязательно туда ставить, преступник ничего не собирался мыть. Так что, скорее всего, это было бессознательное действие. Возможно, он страдает рипофобией? Или мизофобией? Обычно у людей, занимающихся серийными убийствами, фобий хоть отбавляй. Но он не выполнил действия, не помыл, он даже не открыл кран и не залил колбу водой, чтобы остатки кроваво-лимонного смузи потом было легче отмыть. Почему?

Андерс Виллер покачал головой.

– Хорошо, давай и к этому вернемся позже, – сказал Харри и кивнул в сторону трупа. – Как ты видишь, на этой женщине...

– Сосед опознал в ней Эву Долмен, – сказала Катрина. – Эва через «Э».

– Спасибо. На Эве, как ты видишь, надеты трусы, в отличие от Элисы, с которой они были сняты. В мусорном ведре в ванной сверху лежали открытые коробочки из-под тампонов, так что, мне кажется, у Эвы была менструация. Катрина, можешь взглянуть?

– Судмедэксперт в пути.

– Просто чтобы убедиться, что все так, как я думаю, что тампон все еще в ней.

Катрина нахмурилась и сделала то, о чем просил Харри, в то время как трое мужчин отвернулись.

– Здесь торчит шнурок от тампона, да.

Харри вынул пачку «Кэмела» из кармана куртки.

– А это означает, что убийца – если только он не вернул тампон на место – не насиловал ее вагинально. Потому что он... – Харри указал сигаретой на Андерса Виллера.

– Чистоплотный, – ответил Виллер.

– Во всяком случае, это один из вариантов, – продолжал Харри. – Второй вариант – он не любит крови.

– Не любит крови? – удивилась Катрина. – Он *пьет* ее, черт возьми!

– С лимоном, – произнес Харри и взял в рот неприкуренную сигарету.

– Что?

– Этот же вопрос я задаю себе, – сказал Харри. – Что? Что это означает? Что кровь была сладкой?

– Ты пытаешься шутить? – спросила Катрина.

– Нет, просто мне кажется любопытным, что человек, который, по-видимому, получает сексуальное удовлетворение от питья крови, не выпил свой любимый напиток чистым. Люди используют лимон к джину и к рыбе, они утверждают, что он подчеркивает вкус. Но это не так, лимон парализует вкусовые рецепторы и заглушает все остальные вкусы. Мы добавляем лимон, чтобы *подавить* вкус того, что на самом деле нам не нравится. Так что, возможно, нашему вампиристу совсем не нравится вкус крови, возможно, прием крови внутрь тоже является бессознательным действием.

– Или он суеверен и пьет кровь, чтобы получить силу своих жертв, – предположил Виллер.

– Так или иначе, он – преступник, руководствующийся сексуальным безумием, но в этом случае он не стал трогать половые органы женщины. *Возможно*, потому, что у нее кровотечение.

– Вампирист, не переносящий менструальной крови, – пробормотала Катрина. – Лабиринты человеческого разума...

– Что возвращает нас обратно к колбе блендера, – сказал Харри. – Есть ли у нас какие-нибудь другие физические следы преступника, кроме нее?

– Входная дверь, – ответил Бьёрн.

– Дверь? – спросил Харри. – Я взглянул на замок, когда пришел, и мне показалось, он не поврежден.

– Взлома не было. Ты не видел внешнюю сторону.

Трое коллег стояли на лестнице и смотрели, как Бьёрн развязывает веревку, удерживающую дверь в открытом положении. Она медленно закрылась, и стала видна ее внешняя сторона.

Харри взглянул. У него гулко забилося сердце в груди и пересохло во рту.

– Я привязал дверь, чтобы никто из вас не прикоснулся к ней при входе, – пояснил Бьёрн.

На двери была нарисована почти метровая буква «В». Внизу буквы имелись потеки в тех местах, где пролилась использованная для ее изображения кровь.

– Вот поэтому нас и вызвали, – сказала Катрина. – Сосед услышал, как кот Эвы мяукает в подъезде. Соседи привыкли, что кот оставался на лестнице, и, когда Эва слишком долго не открывала, обычно забирали его к себе. По их словам, постепенно котик стал не совсем понимать, где же его дом. Короче, когда они хотели забрать кота, то увидели, что он стоит и лижет дверь. А поскольку коты обычно не любят вкуса краски, соседи поняли, что буква «В», вероятно, нарисована кровью.

Четверо полицейских молча разглядывали дверь.

Бьёрн первым нарушил тишину:

– «В» значит «виктория», победа?

– «В» – это «вампирист», – сказала Катрина.

– А может, он просто отметил очередную жертву, – предположил Виллер.

Трое коллег посмотрели на Харри.

– Ну? – нетерпеливо спросила Катрина.

– Я не знаю, – ответил Харри.

Он снова поймал ее острый взгляд.

– Давай, я же вижу, что ты о чем-то думаешь.

– Мм... «В» – «вампирист» звучит не так уж плохо. Возможно, он тратит так много энергии именно для того, чтобы рассказать нам это.

– Что «это»?

– Что он особенный. Железные зубы, блендер, эта буква. Он воспринимает себя как нечто уникальное и подбрасывает нам кусочки мозаики, чтобы мы тоже смогли это понять. Он хочет, чтобы мы подобрались поближе.

Катрина кивала.

Виллер помедлил, как будто понимая, что время, отведенное ему на высказывания, уже использовано, но все-таки решился:

– Вы хотите сказать, что где-то в глубине души убийца хочет, чтобы мы раскрыли его личность?

Харри не ответил.

– Не личность, а кем он является, – сказала Катрина. – Он поднимает флаг.

– Могу ли я спросить, что это значит?

– Пожалуйста, – ответила Катрина. – Спроси у нашего специалиста по серийным убийствам.

Харри пристально смотрел на букву. В голове у него больше не звучало эхо крика, звучал сам крик. Крик демона.

– Это значит... – сказал Харри, чиркнул зажигалкой, поднес ее к сигарете, сделал глубокую затяжку и выпустил изо рта дым, – что он хочет поиграть.

– Ты думал, что «В» означает что-то другое, – заметила Катрина, когда они вдвоем с Харри выходили из квартиры час спустя.

– Правда? – сказал Харри, оглядывая улицу с обеих сторон.

Тёйен. Часть города, где живут иммигранты. Узкие улочки, пакистанские продуктовые магазины, брусчатка, учителя норвежского языка на велосипедах, турецкие кафе, идущие вперевалку мамыши в хиджабах, молодые люди, обремененные кредитами на обучение, воздух и любовь, малюсенький музыкальный магазин, торгующий винилом и тяжелым роком. Харри любил Тёйен. Настолько, что иногда спрашивал себя, что он делает там, на холме, среди мещан.

– Ты просто не хотел говорить этого вслух, – сказала Катрина.

– Знаешь, что обычно говорил мой дедушка, когда ловил меня на ругательствах? «Черта помянешь, он тут как тут». Вот...

– Что «вот»?

– Хочешь, чтобы черт появился?

– У нас второе убийство, Харри, возможно, это серийный убийца.

Могут ли дела идти хуже?

– Да, – сказал Харри. – Могут.

Глава 11

Суббота, вторая половина дня

– Мы полагаем, что имеем дело с серийным убийцей, – сказала старший инспектор Катрина Братт и оглядела КО-комнату, где собралась следственная группа в полном составе.

Плюс Харри. Они договорились, что он будет участвовать в собраниях, пока не соберет свою собственную группу.

На предыдущих собраниях царило другое, более напряженное настроение. Конечно, дело в развитии событий, но Катрина была совершенно уверена в том, что присутствие Харри тоже сыграло свою роль. Разумеется, он был спившимся наглым «анфан террибль» отдела по расследованию убийств, человеком, который напрямую и косвенно был виновен в смерти коллег и чьи рабочие методы были весьма сомнительными. Но все равно из-за него они прямее сидели на стульях. Потому что он по-прежнему обладал этим мрачным, почти пугающим излучением, а результаты его труда не подвергались сомнению. Навскидку она вспомнила только одного человека, кого ему не удалось поймать. Возможно, слова Харри о том, что даже бандерша добьется уважения, если проработает достаточно долго, были правдой.

– Такого убийцу очень трудно поймать по нескольким причинам, но прежде всего потому, что он хорошо планирует, выбирает случайных жертв и оставляет на месте преступления только те следы, которые мы должны обнаружить. Существует причина, по которой папки с отчетами криминалистического отдела, судебно-медицинской экспертизы и тактической группы довольно тонкие. Нам до сих пор не удалось привязать никого из известных сексуальных преступников ни к Элисе Хермансен, ни к Эве Долмен, ни к одному из мест преступления. Но нам удалось привязать к убийствам один метод. Торд?

Компьютерный эксперт неуместно хихикнул, как будто слова Катрины его позабавили, а потом ответил:

– Эва Долмен отправила со своего мобильного телефона сообщение, и оно рассказало нам, что у нее было свидание по «Тиндеру» в спортивном баре под названием «Дики»...

– «Дики»? – прервал его Магнус Скарре. – Но ведь он находится на другой стороне улицы наискосок от бара «Ревность».

Раздался общий стон.

– Таким образом, если метод убийцы заключается в том, что он пользуется «Тиндером» и встречается в барах района Грюнерлёкка, то у нас кое-что есть, – сказала Катрина.

– И что же именно? – спросил один из следователей.

– Представление о том, как все произойдет в следующий раз.

– А что, если никакого следующего раза не будет?

Катрина вздохнула:

– Харри?..

Харри откинулся на спинку стула:

– Ну что же... Обычно серийному убийце, который разучивает свой шедевр, требуется большой промежуток времени между первыми убийствами. Их могут разделять месяцы, а то и годы. Классическое объяснение – после убийства наступает период остывания, после чего нарастание сексуальной фрустрации начинается по новой. Обычно эти циклы между убийствами становятся короче и короче. При таком коротком цикле, как два дня, будет закономерным предположить, что подобные преступления он совершает не впервые.

В зале стояла тишина, все ждали продолжения, но его не последовало.

Катрина кашлянула:

– Проблема в том, что мы не нашли никаких жестоких сексуальных преступлений в Норвегии, совершенных в течение последних пяти лет, которые имели бы какое-либо сходство с этими двумя убийствами. Мы связались с Интерполом, чтобы проверить, не решил ли какой-либо из подходящих преступников сменить пастбище и перебраться откуда-нибудь в Норвегию. Есть дюжина кандидатов, но в последнее время они вели себя тихо. Так что мы не знаем, кто он. Но мы знаем по опыту, что это произойдет вновь. И в нашем случае – скоро.

– Как скоро? – раздался голос.

– Трудно сказать, – произнесла Катрина и взглянула на Харри, который тихо подавал ей знак. – Но возможно, это произойдет в течение ближайших суток.

– И мы ничего не можем предпринять, чтобы остановить его?

Катрина сменила тон:

– Мы связались с начальником полиции и попросили разрешения выступить с официальным предупреждением для жителей города на пресс-конференции в восемнадцать часов. Мы надеемся, что убийца отменит или, по крайней мере, отложит планы нового убийства, если поймет, что люди стали более бдительными.

– Неужели он это сделает? – спросил Вольф.

– Я думаю... – начала Катрина, но ее прервали:

– При всем уважении, Братт, этот вопрос был адресован Холе.

Катрина сглотнула и постаралась не раздражаться.

– Что скажешь, Харри? Сможет ли официальное предупреждение его остановить?

– Понятия не имею, – сказал Харри. – Забудьте то, что вы видели по телевизору. Серийные убийцы – это не одинаково запрограммированные роботы, следующие определенному плану действий, они настолько же разные и непредсказуемые, как и все остальные люди.

– Разумный ответ, Холе.

Собравшиеся обернулись к двери, где, прислонившись к косяку, стоял только что пришедший начальник полиции Бельман со сложенными на груди руками.

– Никому не известно, какой эффект могло бы произвести официальное предупреждение. Может быть, оно только раззадорило бы нашего больного убийцу, подарило бы ему чувство контроля над ситуацией, осознание того, что он неуязвим и может продолжать свое дело. Зато нам известно, что официальное предупреждение создаст впечатление, будто мы, Полицейское управление, потеряли контроль над ситуацией. И единственными, кого это действительно испугает, будут жители нашего города. Напугает еще больше, стоит добавить. Тем из вас, кто читал, что в последние часы пишут сетевые газеты, ясно: они уже спекулируют на связи между двумя убийствами. Поэтому у меня есть предложение получше.

Микаэль Бельман подтянул рукава белой рубашки, так что они стали видны из-под рукавов пиджака.

– А давайте-ка возьмем этого парня сейчас, до того как он совершит еще одно преступление. – Он улыбнулся собравшимся. – Или как, ребята?

Катрина увидела, что некоторые закивали.

– Хорошо, – сказал Бельман и посмотрел на часы. – Продолжайте, старший инспектор Братт.

Звон колоколов сообщил о наступлении восьми часов вечера, когда полицейский автомобиль без опознавательных знаков марки «фольксваген-пассат» медленно проехал мимо здания Ратуши.

– Это самая ужасная пресс-конференция из всех, что мне довелось проводить, – пожаловалась Катрина, направляя «пассат» в сторону улицы Королевы Мод.

– Двадцать девять раз, – сказал Харри.

– Что?

– Ты произнесла фразу «мы не можем это прокомментировать» двадцать девять раз, – ответил Харри. – Я считал.

– Я чуть было не брякнула: «Простите, но начальник полиции заткнул нам рот». Что делает Бельман? Не предупредить, не сказать прямо, что по улицам ходит серийный убийца и что люди должны быть бдительными?

– Он прав, это приведет к распространению иррационального страха.

– Иррационального? – фыркнула Катрина. – Смотри! Сейчас субботний вечер, и половина женщин, которых ты видишь на улице, выходят из дому, чтобы встретиться с незнакомым мужчиной, с принцем, который, как они надеются, изменит их жизнь. И если твое предположение об одних сутках верно, одна из них окажется *чертовски* права.

– Ты знала, что в центре Лондона произошла крупная автобусная авария в тот же день, когда в Париже случился теракт? Погибших было почти столько же, сколько в Париже. Норвежцы, у которых есть знакомые в Париже, звонили им, потому что боялись, как бы они не оказались в числе погибших. Но никто особенно не думал о друзьях и знакомых в Лондоне. После теракта люди боялись ездить в Париж, несмотря на то что полиция была приведена в наивысшую степень готовности. И никто не боялся ездить на лондонских автобусах, несмотря на то что безопасность движения не улучшилась.

– Что ты хочешь сказать?

– Что люди боятся больше, чем предполагает вероятность встретиться с вампиристом. Потому что это написано на первых полосах газет и потому что они прочитали, что он выпьет их кровь. И в то же время они совершенно спокойно прикуривают сигареты, которые совершенно точно лишат их жизни.

– Скажи мне, ты поддерживаешь Бельмана?

– Нет, – ответил Харри и посмотрел на улицу. – Я просто ворчу. Я пытаюсь поставить себя на место Бельмана, чтобы понять, чего он хочет. Бельман всегда хочет чего-нибудь добиться.

– И чего же?

– Я не знаю. Но в любом случае он хочет как можно меньше раздувать это дело и как можно быстрее его раскрыть. Как боксер, защищающий свой титул.

– О чем ты сейчас говоришь, Харри?

– Когда у тебя уже есть пояс чемпиона, ты по возможности стараешься избегать поединков. Потому что лучшее, чего ты можешь достигнуть, – это сохранить то, что у тебя уже есть.

– Интересная теория. Как насчет другой твоей теории?

- Я говорил, что не уверен.
- Он нарисовал «В» на двери Эвы Долмен. Это его буква, Харри. И ты сказал, что узнал места преступлений тех времен, когда он был активным.
- Да, но, как я уже говорил, не могу конкретизировать, что именно я узнал.

Харри помедлил немного, в то время как в его памяти промелькнула нейтральная картинка, изображающая городскую улицу.

– Послушай, Катрина: укус в горло, железные зубы, питье крови – это не его метод. Серийные насильники и убийцы, возможно, непредсказуемы в деталях, но методов они не меняют.

- У него много методов, Харри.
- Ему нравится их боль и страх. А не кровь.
- Ты сказал, что убийца добавил в кровь лимон, потому что ему не нравился ее вкус.

– Катрина, даже уверенность в том, что это действительно он, нам не поможет. Вы с Интерполом охотитесь за ним сколько лет?

- Скоро будет четыре.
- И поэтому я считаю контрпродуктивным информировать других об этой догадке, рискуя сузить поиск преступника одним этим человеком.
- Или же ты хочешь оставить его себе.
- Что?

– Ты вернулся из-за него, Харри, так ведь? Ты с самого начала почуял, что это он. Олег стал всего лишь предлогом.

- Давай не будем об этом, Катрина.
- Потому что Бельман никогда бы не обнародовал информацию о прошлом Олега. Если бы стало известно, что он столько лет знал и молчал, это бы негативно сказалось на нем самом.

Харри повернул ручку громкости на радио:

- Слышала это? Аврора Акснес^[13], довольно ми...
- Ты ненавидишь электронику, Харри.
- Закончим этот разговор.

Катрина вздохнула. Они остановились на красный сигнал светофора. Он склонился к лобовому стеклу:

- Смотри. Полнолуние.

– Полнолуние, – сказала Мона До, разглядывая холмистый пейзаж в окно кухни. Благодаря лунному свету поверхность земли мерцала, словно покрытая свежевypавшим снегом. – Повышает ли оно вероятность того, что убийца в третий раз нанесет удар уже сегодня вечером?

Халлстейн Смит улыбнулся:

– Едва ли. Исходя из того, что вы рассказали мне о тех двух убийствах, у этого вампириста парафилия, некрофилия и садизм выражены сильнее, чем мифомания или представление о том, что он является неземным существом. Но то, что он нанесет новый удар, – это абсолютно точно.

– Интересно. – Мона До сделала пометку в блокноте, лежавшем на кухонном столе рядом с чашкой свежесваренного чилийского зеленого чая. – А где и как это произойдет, как вы думаете?

– Вы сказали, что последняя жертва тоже ходила на свидание по «Тиндеру»?

Мона До кивнула, продолжая записывать. Большинство ее коллег пользовались диктофонами, но, хотя Мона была представителем молодого поколения криминальных репортеров, она пользовалась старыми методами. Официально она объясняла, что в гонке за тем, чтобы первой опубликовать новость, экономит время, поскольку, в отличие от других, начинает редакторскую правку уже в момент записи. Особенно полезным это было, когда ей приходилось писать о пресс-конференциях. Впрочем, на сегодняшней вечерней пресс-конференции в Полицейском управлении не понадобились ни диктофоны, ни блокноты. Повторяющаяся рефреном фраза Катрины Братт «мы не можем это прокомментировать» в конце концов вывела из себя даже опытных криминальных репортеров.

– Мы еще не писали в газете о том, что это было свидание по «Тиндеру», но один источник в полиции сообщил нам, что Эва Долмен послала текстовое сообщение подруге о том, что она пошла на свидание по «Тиндеру» в бар «Дики» в Грюнерлёкке.

– Понятно. – Смит поправил очки. – Я уверен в том, что он будет придерживаться метода, который до сих пор его не подводил.

– И что вы скажете людям, которые собираются встретиться с незнакомыми мужчинами из «Тиндера» в ближайшие дни?

– Чтобы они подождали с этим до поимки вампириста.

– Как вы думаете, будет ли он продолжать пользоваться «Тиндером», прочитав это и поняв, что все знают о его методе?

– Это психоз, его не может остановить рациональная оценка рисков. Это не классический серийный убийца, спокойно планирующий свои действия, хладнокровный психопат, не оставляющий следов, который умеет прятаться по щелям и углам, который вьет свою сеть и выжидает время после каждого убийства.

– Согласно нашему источнику, руководство следствия полагает, что речь идет о классическом серийном убийце.

– Это иная форма сумасшествия. Убийство второстепенно; кровь – вот что им движет. И ему просто хочется продолжать, он сейчас весь кипит, психоз в расцвете. Мы надеемся на то, что его личность, в отличие от личностей классических серийных убийц, установят и его быстро возьмут, потому что он совершенно потерял контроль и ему все равно, поймают его или нет. Классический серийный убийца и вампирист оба являются природными катастрофами в том смысле, что они совершенно обычные люди с больной душой. Но если серийный убийца – это непогода, которая все бушует и бушует, и ты понятия не имеешь, когда она закончится, то вампирист – это камнепад. Он все сделает за короткое время. Но за это время камнепад может смести с лица земли целую деревню, не так ли?

– Так, – произнесла Мона, записывая: «смести с лица земли целую деревню». – Тогда я хочу поблагодарить вас, Смит, у меня есть все, что нужно.

Смит всплеснул руками:

– Да не за что! На самом деле я удивлен, что вы проделали такой путь только ради этого.

Мона До достала свой айпад:

– Нам все равно надо было приехать, чтобы получить фотографию, поэтому я тоже поехала. Вилли?..

– Я хотел бы сделать фотографию на улице, на фоне природы, – сказал фотограф, до этого сидевший тихо и слушавший интервью. – Смотрите, сельский пейзаж и свет от полной луны.

Мона, конечно, знала, о чем думает фотограф. Одинокий мужчина на черной земле, полная луна, вампир. Она незаметно кивнула ему. Иногда лучше не рассказывать моделям о своих идеях, чтобы они не начали противиться.

– А возможно ли, чтобы на фотографии я был вместе с женой? – спросил Смит, выглядевший по-настоящему обеспокоенным. – «ВГ» – это для нас большое дело, знаете ли.

Мона До не смогла сдержать улыбку. Мило. На мгновение в ее мозгу появилась мысль о том, что они могли бы снять, как психолог кусает свою жену в шею, наглядно иллюстрируя дело, но это, конечно, было бы уже слишком, чересчур балаганно для серьезного материала об убийстве.

– Мои редакторы хотели бы видеть вас одного, – сказала она.

– Я понимаю, но я должен был спросить, – улыбнулся Смит, извиняясь.

– Я останусь здесь и напишу статью, и, возможно, она появится в Сети еще до того, как мы от вас уедем. У вас в доме есть беспроводной

Интернет?

Мона получила пароль, «freundgammen», и уже почти закончила работу, когда заметила вспышки фотоаппарата на улице.

Неофициально ее нежелание пользоваться диктофоном объяснялось тем, что диктофон мог неопровержимо доказать, что было сказано *на самом деле*. Нельзя утверждать, будто Мона До когда-либо сознательно писала то, что расходилось с мнением объектов ее интервью, как она его понимала. Но у нее была возможность, как говорится, отточить формулировку. Перевести цитаты на язык таблоида, который был понятен читателю. На который читатель клюнет.

«Психолог: „Вампирист может истреблять целые деревни!“»

Она посмотрела на часы. Трульс Бернтсен сказал, что позвонит в десять, если появится новая информация.

– Не люблю научно-фантастических фильмов, – сказал мужчина, сидевший перед Пенелопой Раш. – Больше всего раздражает звук, который раздается при прохождении космического корабля перед камерой. – Он сложил губы трубочкой и быстро издал звук «вжих». – В космическом пространстве нет воздуха, там нет звуков, только полная тишина. Нам врут.

– Аминь, – засмеялась Пенелопа и подняла бокал с водой.

– Я люблю Алехандро Гонсалеса Иньярриту, – сказал мужчина, поднимая свой бокал, тоже наполненный минеральной водой. – Больше люблю «Бьютифул» и «Вавилон», чем «Бёрдмен» и «Выживший». Боюсь, он скоро станет мейнстримом.

Пенелопа радостно вздрогнула. Не столько потому, что он только что назвал два ее любимых фильма, сколько потому, что он назвал *полное* имя Иньярриту. А перед этим он говорил о ее любимом писателе (Кормак Маккарти) и о городе, куда она больше всего любила ездить (Флоренции).

Дверь открылась. Они были единственными посетителями маленького, спрятанного от посторонних глаз ресторанчика, который выбрал он, а сейчас в помещение зашла еще одна пара. Он повернулся. Не к двери, чтобы посмотреть, кто вошел, а в другую сторону. И у Пенелопы появилась пара секунд, чтобы незаметно рассмотреть его. Она уже сделала вывод, что он худой, практически одного с ней роста, у него приятные манеры, он хорошо одет. Красив ли он? Трудно сказать. Совершенно точно он не был некрасивым, но было в нем что-то скользкое. И что-то заставляло ее усомниться, что ему только сорок, как он утверждал. Казалось, что его кожа натянута вокруг глаз и шеи, как будто он делал подтяжку лица.

– Я не знала об этом ресторане, – сказала она. – Тихое место.

– С-слишком тихое? – улыбнулся он.

– Тихое – это хорошо.

– В следующий раз можем пойти в одно известное мне место, где подают пиво «Кирин» и черный рис, – сказал он. – Если ты его любишь.

Она чуть не взвизгнула. Удивительно. Откуда он мог узнать, что она *обожает* черный рис? Опять же большинство ее друзей даже не догадываются, что такой существует. Руар его ненавидит, он утверждает, что на вкус черный рис напоминает здоровую еду и снобизм. И то и другое было, в общем-то, правдой, черный рис действительно содержит больше антиоксидантов, чем черника, и он использовался для приготовления запретных суши, предназначенных для императора и его семьи.

– Я обожаю его, – сказала она. – А что ты еще любишь?

– Свою работу, – ответил он.

– И что это за работа?

– Я художник.

– Как интересно! Что...

– Инсталляции.

– Руар... то есть мой бывший, он тоже художник, может, ты с ним знаком?

– Вряд ли. Я работаю за рамками устоявшихся художественных кругов. И я учился сам, можно сказать.

– Но если ты можешь зарабатывать искусством на жизнь, странно, что я о тебе не слышала. Осло – маленький город.

– Я делаю другое для того, чтобы выжить.

– Например?

– Работаю охранником.

– Но тыставляешься?

– Провожу преимущественно закрытые показы для немногочисленных профессионалов, на которые пресса не допускается.

– Ой, как интересно, что ты проводишь эксклюзивные показы, я говорила Руару, что ему тоже стоит так делать. А какие материалы ты используешь в инсталляциях?

Он обтер свой стакан салфеткой:

– Моделей.

– Моделей в смысле... живых людей?

Он улыбнулся:

– И да и нет. Расскажи мне о себе, Пенелопа. Что ты любишь?

Она прижала палец к подбородку. Да, что она любит? В данный момент у нее было ощущение, что он уже все перечислил. Как будто

прочитал книгу о ней.

– Я люблю людей, – сказала она. – И честность. И семью. И детей.

– Чтобы тебя крепко держали, – сказал он, бросив взгляд на пару, севшую через два столика от них.

– Прости?

– Ты любишь, чтобы тебя крепко держали, и любишь жесткие игры. – Он перегнулся через стол. – Я вижу это по тебе, Пенелопа. И это нормально, я тоже это люблю. Здесь становитсялюдно, не пойти ли нам к тебе домой?

Пенелопе потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что он не шутит. Она посмотрела вниз и увидела, что он положил свою руку так близко к ее, что кончики их пальцев почти соприкасаются. Она сглотнула. Что с ней такое, отчего ей в конце концов всегда попадаются ненормальные мужчины? Ее подружки говорили, что лучший способ забыть Руара – это встречаться с другими мужчинами. И она пыталась, но ей подворачивались либо социально беспомощные увальни-компьютерщики, с которыми все разговоры приходилось вести ей самой, или же такие, как этот, мужчины, ищущие быстрого секса.

– Я думаю, что пойду домой одна, – сказала она, оглядываясь в поисках официанта. – Слушай, я заплачу по счету.

Они просидели здесь каких-то двадцать минут, но это, по словам ее подруг, было третьим и важнейшим правилом «Тиндера»: «Don't play games, leave if you dont't click»^[14].

– За две бутылки минералки заплачу я, – улыбнулся мужчина, поправляя воротничок голубой рубашки. – Беги, Золушка.

– Ладно, спасибо.

Пенелопа схватила сумку и поспешила к выходу. Резкий осенний воздух приятно коснулся ее горячих щек. Она шла по улице Бугстадвейен. По причине субботнего вечера на улицах было полно людей в приподнятом настроении, а на стоянке такси выстроилась очередь. Ничего страшного, в Осло цены на такси были такими, что она старалась им не пользоваться, если только не лил проливной дождь. Она миновала улицу Соргенфригата, где в одном из красивых домов мечтала поселиться с Руаром. Они оба были согласны с тем, что квартира не обязательно должна быть больше семидесяти-восемидесяти квадратных метров, только бы была отремонтированной, хотя бы ванная. Они понимали, что квартира будет стоить безумно дорого, но их с Руаром родители пообещали помочь им деньгами. Под «помочь» они, конечно, имели в виду заплатить за всю квартиру. Ведь Пенелопа была новоиспеченным дизайнером, ищущим

работу, а художественный рынок еще не распознал огромного таланта Руара. Кроме той чертовой галерейщицы, расставившей свою ловушку. Первое время после того, как Руар съехал, Пенелопа была уверена в том, что он раскусит эту дамочку, поймет, что она – сморщенная пума и ей всего лишь нужен трофей в виде молоденького мальчика, с которым она сможет забавляться какое-то время. Но этого не произошло. Наоборот, они объявили о так называемой помолвке, создав идиотскую инсталляцию из сахарной ваты.

На станции метро района Майорстуа Пенелопа прыгнула в первый же состав, следовавший на запад. Она вышла в Ховсетере, известном также как восточная окраина западной части Осло. Кучка многоэтажек с относительно недорогими квартирами, где они с Руаром снимали самую дешевую из них. Ванная там была ужасной.

Руар утешал ее и дал почитать «Просто дети» Патти Смит, автобиографический рассказ о двух амбициозных художниках, питавшихся надеждами, воздухом и любовью в Нью-Йорке семидесятых годов. Герои, разумеется, добивались успеха. Ну ладно, друг друга они все же потеряли.

Она шла от станции метро к дому, возвышавшемуся впереди. Казалось, над ним образовался нимб. И Пенелопа сообразила, что сегодня полнолуние и, должно быть, прямо за домом находится луна. Четверо. Она спала с четырьмя мужчинами после того, как Руар ушел от нее одиннадцать месяцев и тринадцать дней назад. Двое из них были лучше Руара, двое хуже. Но она любила Руара не за секс. За то, что он... ну, был Руаром, черт его подери.

Она отметила, что ускорила шаг, проходя мимо небольшого леска слева от дороги. В Ховсетере люди исчезали с улиц вечером, но Пенелопа была высокой спортивной девушкой и никогда раньше даже не задумывалась о том, что здесь может быть опасно после наступления темноты. Может, все дело в этом убийце, о котором пишут газеты. Или нет, не в этом, а в том, что кто-то побывал в ее квартире. Это случилось три месяца назад, и поначалу в душе ее зародилась надежда, что это Руар соскучился по ней. Она поняла, что кто-то был в квартире, когда обнаружила комки земли на полу в коридоре. Они точно отвалились не от ее обуви. А когда она обнаружила комок на полу в спальне перед комодом, то пересчитала свои трусики в идиотской надежде, что Руар забрал одни из них. Но нет, оказалось, не забрал. А потом она поняла, что пропало: коробочка с помолвочным кольцом, которое Руар купил ей в Лондоне. Может быть, все-таки к ней забрался обычный вор? Нет, это был Руар. Он пробрался сюда, забрал кольцо и подарил той долбанутой галеристке!

Пенелопа, естественно, пришла в ярость, позвонила Руару и выложила ему все. Но он сказал, что не был в квартире, и утверждал, что потерял ключи во время переезда, а иначе он, разумеется, отправил бы их Пенелопе. Ложь, конечно, как и все остальное, но она позаботилась о смене замков в дверях в подъезд и в квартиру на четвертом этаже.

Пенелопа достала из сумочки ключи, которые лежали рядом с раздобытым ею баллончиком с перцовым газом, открыла дверь в подъезд, услышала тихое шипение гидравлической помпы, закрывающей за ней дверь, увидела, что лифт находится на седьмом этаже, и начала подниматься по лестнице на четвертый. Она прошла мимо двери Амундсенов. Остановилась. Почувствовала, что запыхалась. Странно, она в отличной форме и никогда раньше не уставала, поднимаясь по этой лестнице. Что-то не так. Но что?

Она уставилась на дверь своей квартиры.

Эти старые дома строились для существовавшего в те времена рабочего класса Западного Осло, и на освещении здесь экономили. Одно простенькое стальное бра на каждом этаже, закрепленное высоко на стене над лестницей. Пенелопа задержала дыхание и прислушалась. С тех пор как Пенелопа вошла в подъезд, она не слышала ни звука.

Последним услышанным ею звуком было шипение дверной помпы.

И больше ничего.

Вот что не так.

Она не слышала, как за ней закрылась дверь.

Пенелопа не успела обернуться, не успела пошарить в сумочке, ничего не успела до того, как появившаяся сзади рука сдавила ей грудь и руки так крепко, что остановилось дыхание. Ее сумочка упала на лестницу, и когда Пенелопа начала судорожно бить ногами во все стороны, то попала только по ней. Она беззвучно кричала в ладонь, закрывшую ей рот. Ладонь пахла мылом.

– Тише, тише, Пенелопа, – прошептал голос ей в ухо. – В космическом пространстве никто тебя не ус-лышит, знаешь ли.

Он прошипел «вжих».

Внизу раздался стук, и на минуту ее озарила надежда, что в подъезд кто-то зашел, но потом она поняла, что это сумочка вместе с перцовым газом провалилась через прутья лестничной решетки и упала на пол первого этажа.

– Что там? – спросила Ракель, не поворачиваясь и не прекращая резать лук для салата.

В отражении оконного стекла она увидела, что Харри прекратил накрывать на стол и подошел к окну гостиной.

– Мне показалось, я что-то слышал, – сказал он.

– Это наверняка Олег и Хельга.

– Нет, что-то другое. Это было... что-то другое.

Ракель вздохнула:

– Харри, ты только что вернулся домой и уже мечешься. Ты же знаешь, как это на меня действует.

– Только одно это дело, и все. – Харри подошел к разделочному столу и поцеловал ее в шею. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – соврала она.

Тело болело, голова болела. Сердце болело.

– Ты врешь, – сказал он.

– Я хорошо вру?

Он улыбнулся и помассировал ей затылок.

– Если бы меня не стало, – начала Ракель, – ты нашел бы себе другую?

– Нашел? Это так утомительно. Я и тебя-то едва сумел убедить.

– Такую, что помоложе. Такую, с которой ты мог бы иметь детей. Знаешь, я бы не стала ревновать.

– Ты врешь не слишком хорошо, милая.

Она рассмеялась, выпустила из рук нож и наклонила голову вперед, ощущая, как его сухие теплые пальцы прогоняют боль и дают ей передышку от мучений.

– Я люблю тебя, – сказала она.

– Мм?

– Я люблю тебя. Особенно если ты приготовишь мне чашку чая.

– Ай-ай, шеф.

Харри отпустил ее, и Ракель стояла и ждала. Надеялась. Но нет, боль появилась снова, подобная удару кулака.

Харри стоял, опершись обеими руками о разделочный стол, и смотрел на чайник. Он ждал, когда раздастся тихое бульканье, которое будет становиться все громче и громче, пока весь чайник не затрясется. Это как крик. Он слышал крик. Молчаливый крик, заполнивший его голову, комнату, его тело. Харри переминался с ноги на ногу. Крик, который хотел вырваться наружу, который *должен был* вырваться наружу. Он что, сходит с ума? Харри поднял глаза и посмотрел в окно. Все, что он увидел в темноте, – это собственное отражение. Это был он. Он был там, снаружи. Он ждал их. Он пел. «Выходите, поиграем!»

Харри закрыл глаза.

Нет, он ждал не *их*. Он ждал его, Харри. «Выходи, поиграем!»

Он знал, что она не такая, как те, другие. Пенелопа Раш хотела жить. Она была крупной и сильной. А сумка с ключами от квартиры лежала тремя этажами ниже. Он почувствовал, что она выпустила воздух из легких, и усилил обхват ее груди. Как удав. Констриктор. Мышца, напрягающаяся все больше всякий раз, когда добыча выпускает воздух из легких. Он хотел, чтобы она была живой. Живой и теплой. Со своим прекрасным желанием выжить, которое он мало-помалу уничтожит. Но как? Даже если ему удастся протащить ее в таком положении до самого низа, чтобы взять ключи от квартиры, существовал риск, что кто-нибудь из соседей услышит их и поднимет тревогу. Он почувствовал приближение ярости. Ему надо было пропустить Пенелопу Раш. Надо было принять такое решение еще три дня назад, когда он обнаружил, что она сменила замки. Но потом ему повезло, он установил с ней контакт в «Тиндере», она согласилась встретиться в том тихом местечке, и он подумал, что у него все равно получится. Проблема в том, что, когда находишься в маленьком тихом месте, его немногочисленные посетители запоминаются намного лучше. Один из посетителей смотрел на него слишком долго. И он занервничал, захотел как можно скорее уйти оттуда и чересчур поспешил. Пенелопа заартачилась, отказала ему и ушла.

Он учитывал эту возможность: его автомобиль находился поблизости. Ехал он быстро. Не настолько быстро, чтобы его могла остановить полиция, но достаточно быстро, чтобы занять позицию в леске до того, как она выйдет из метро. Она не поворачивалась ни когда он шел за ней, ни когда доставала из сумочки ключи и заходила в подъезд. Ему удалось вставить ногу в дверь до того, как та захлопнулась.

Он почувствовал, как по телу Пенелопы пробежала дрожь. Он знал, что скоро она потеряет сознание. Его эрегированный член упирался в ее зад. В мясистый, широкий женский зад. У его матери была такая же попа.

Он знал, что мальчик явился, что сейчас он начнет действовать, что он кричит там, внутри, что его надо накормить. Сейчас. Здесь.

– Я люблю тебя, – прошептал он ей в ухо. – Это правда, Пенелопа, и поэтому я сделаю тебя порядочной женщиной до того, как мы продолжим.

Она обмякла в его руках, и он, поддерживая ее одной рукой, второй быстро залез в карман куртки.

Пенелопа Раш очнулась и поняла, что была в отключке. Стало темнее.

Она пошевелилась, ее руки что-то стягивало и сжимало, что-то врезалось в запястья. Она подняла взгляд. Наручники. И что-то матово блестело на безымянном пальце.

Потом она ощутила боль между ног и посмотрела вниз в тот момент, когда он вынимал из нее руку.

Его лицо было наполовину в тени, но она увидела, как он поднес пальцы к носу и втянул в себя воздух. Она попыталась закричать, но не смогла.

– Хорошо, моя возлюбленная, – сказал он. – Ты чиста, значит можем начинать.

Он расстегнул куртку, рубашку, распахнул ее и обнажил грудь. Перед глазами Пенелопы предстала татуировка – лицо человека, кричащего так же беззвучно, как и она. Он стоял, выпячивая грудь вперед, как будто хотел продемонстрировать ей эту татуировку. Или наоборот. Возможно, показывали ее. Показывали этому ослабившемуся дьявольскому изображению.

Он опустил руку в карман куртки, вынул что-то и показал ей. Черное. Железное. Зубы.

Пенелопа вдохнула немного воздуха. И закричала.

– Вот так, да, возлюбленная, – засмеялся он. – Вот так, да, музыка для работы.

Потом он широко раскрыл рот и вставил в него челюсть.

Звуки этой музыки эхом отдавались от стен. Его смех и ее крик.

В редакции «ВГ» гул голосов смешивался со звуками новостных международных программ, показываемых на больших настенных телеэкранах на стенах. Редактор новостей и редактор первой полосы занимались постоянным обновлением сетевой версии газеты.

Мона До и ее фотограф склонились над столом редактора новостей и изучали изображение на его мониторе.

– Я старался как мог, но у меня просто-напросто не получилось сделать его зловещим, – вздохнул фотограф.

И Мона констатировала, что он прав. Халлстейн Смит выглядел слишком жизнерадостным, хотя над ним и сияла полная луна.

– Все равно может сойти, – сказал редактор новостей. – Посмотрите, сколько просмотров. Девятьсот в минуту.

Мона взглянула на счетчик справа на мониторе.

– У нас есть победитель, – произнес редактор. – Мы переместим статью на самый верх. Может, спросить дежурного редактора, не хочет ли

она поменять первую полосу?

Фотограф протянул Моне кулак, и она безропотно позволила своим костяшкам коснуться его. Ее отец утверждал, что этот жест сделали популярным Тайгер Вудс и его кедди. Они меняли обязательный жест «дай пять», после того как кедди повредил руку своего игрока слишком жестким «дай пять» после питча Тайгера в шестнадцатую лунку в последнем круге турнира «Мастерс». Для отца Моны настоящим горем был ее врожденный дефект бедра, ведь из-за него она не могла стать игроком в гольф, о чем мечтал отец. Сама же Мона возненавидела гольф с первого раза, как отец привел ее на тренировочное поле, но, поскольку уровень спортсменов был до смешного низким, Мона умудрилась победить, произведя короткий уродливый удар. Тренер национальной молодежной сборной отказался взять ее в команду, сказав, что лучше проиграет с командой, которая, по крайней мере, похожа на команду, играющую в гольф. Поэтому Мона убрала клюшки для гольфа в подвал к папе и пошла в зал для силовых упражнений, где никто не возражал против способа, которым она поднимала сто двадцать килограммов. Количество килограммов, количество ударов, количество просмотров. Успех можно измерить в цифрах, утверждавшие иное просто боялись правды и совершенно серьезно верили, что среднестатистическому человеку необходим самообман. Но в данный момент Мону больше интересовали комментарии. Потому что после слов Смита о том, что вампирист не думает о риске, ей в голову пришла одна мысль. Возможно, он читает «ВГ». И возможно, он напишет в Интернете комментарий.

Ее взгляд скользил по комментариям по мере их поступления.

Но все они были обычными.

Их писали люди, выражавшие свое сочувствие жертвам.

Доморощенные социологи, которые объясняли, почему та или иная политическая партия несет вину за то, что общество производит тот или иной тип нежелательных личностей, в данном случае – вампириста.

Еще были палачи, призывающие к смертной казни и кастрации по любому подходящему поводу.

И конечно, имелись юмористы-неудачники, которые пытались подражать своим кумирам-комикам и отстаивали точку зрения, что шутить можно над чем угодно. «Посоветовать хорошую музыку? „Wampire“!!!»^[15]. «Срочно продавайте акции „Тиндера“!»

Но если бы Мона нашла подозрительный комментарий, что бы она сделала? Сообщила Катрине Братт и компании? Возможно. Она задолжала это Трульсу Бернтсену. Или же она могла позвонить блондину Виллеру и

сделать его своим должником. Даже не регистрируясь в «Тиндере», люди распределяют друг друга направо и налево.

Мона зевнула, подошла к своему письменному столу и взяла сумку.

– Я поеду на тренировку! – прокричала она дежурному редактору.

– На тренировку в такое время? Но скоро ночь!

– Позвони мне, если что-нибудь произойдет.

– Твоя смена закончилась час назад, До, теперь другие...

– Это мое дело, и ты позвонишь мне, хорошо?

Закрывая за собой дверь, она услышала смех. Может, он был вызван ее походкой, а может, ее высокомерием, говорящим «способная девочка все сделает сама». Ей было плевать. Она ходит странно. И она сделает все сама.

Лифт, шлюз, крутящаяся дверь, и вот она вышла из стеклянного здания прессы на свет полной луны. Мона сделала вдох. Должно произойти что-то серьезное, она просто знала это. И знала, что будет принимать в этом участие.

Трульс Бернтсен припарковал машину рядом с крутой извилистой дорогой. В темноте под ним находились безмолвные кирпичные здания – уничтоженная промышленность Осло – и железнодорожные пути с проросшей между шпалами травой. А позади этого – новый архитектурный конструктор, квартал «Штрихкод», похотливость нового бизнеса, контрастирующая с серьезностью исчезнувшей рабочей жизни, в которой минимализм являл собой экономную функциональность, а не эстетический идеал.

Трульс посмотрел на дом на вершине холма, купающийся в лунном свете.

В окнах горел свет, и Трульс знал, что Улла находится там. Может быть, она, как обычно, сидит на диване, подогнув под себя ноги, и читает книгу. Если он поднимется на горку в лесу и возьмет с собой бинокль, он сможет это выяснить. А если она действительно читает, он увидит, как она заправляет светлые пряди волос за ухо, как будто все время должна прислушиваться. Не проснулись ли дети. Не нужно ли чего Микаэлю. Или просто не подходит ли дикое животное, например газель, к водопою.

Рация шипела и трещала, в ней раздавались короткие сообщения, потом все стихало. Звуки города, врывавшиеся на полицейскую волну, успокаивали его больше, чем музыка.

Трульс смотрел на только что открытый бардачок. Бинокль лежал за служебным пистолетом. Он дал себе слово, что покончит с этим, ведь

время пришло, ему это больше не нужно, потому что он обнаружил, что в море водятся и другие рыбы. Ну да. Морской черт, керчак да морской дракон. Трульс услышал собственное хрюканье. Именно из-за этого смеха он получил прозвище Бивис. Из-за смеха и массивной нижней челюсти. А там, наверху, сидит она, запертая в слишком большом дорогом доме с террасой. Заливая ее фундамент, Трульс во влажном цементе похоронил труп наркодилера – труп, о котором было известно только Трульсу и из-за которого у него не было ни единой бессонной ночи.

Резкий звук рации. Голос из экстренного центра:

– У нас есть машина в районе Ховсетера?

– Тридцать первый в Скёйене.

– Ховсетервейен, сорок четыре, подъезд «Б». У нас тут истеричные жильцы говорят, что у них на лестнице какой-то псих напал на женщину из их дома, но они не решаются вмешаться, потому что он разбил лампочку на лестнице и там совсем темно.

– Напал с оружием?

– Они не знают. Они говорят, что видели, как он ее кусает, а потом стало темно. Звонивших зовут Амундсены.

Трульс среагировал мгновенно и нажал кнопку на рации:

– Инспектор Трульс Бернтсен на связи, я ближе, я проверю.

Он завел двигатель, нажал на газ, вырулил на дорогу и услышал сердитое бибиканье следовавшего за ним автомобиля.

– Хорошо, – ответил экстренный центр. – Где вы, Бернтсен?

– Совсем рядом, как я сказал. Тридцать первый, будете на подхвате, так что, если приедете первыми, подождите. Есть подозрения, что преступник вооружен. Повторяю, вооружен.

Субботний вечер, движения почти нет. Если он поедет на полной скорости по Оперному туннелю, по прямой линии, пересекающей центр города под Осло-фьордом, он приедет на семь-восемь минут позже тридцать первого. Эти минуты, конечно, могли быть решающими как для жертвы, так и для поимки преступника, зато инспектор Трульс Бернтсен мог стать полицейским, арестовавшим вампириста. Не говоря уже о том, сколько заплатит «ВГ» за интервью первому прибывшему на место преступления. Он посигналил, и «вольво» освободил ему путь. Две полосы. Три полосы. Полный газ. Сердце бьется о ребра. Вспышка камеры, регистрирующей скорость в туннеле. Полицейский на службе, лицензия на то, чтобы послать всех в этом гребаном городе к чертовой матери. На службе. Кровь пульсирует в венах, замечательное чувство, как будто наступает сексуальное возбуждение.

– Ace of space! – воскликнул Трульс. – Ace of space!

– Да, это тридцать первый, мы ждем уже несколько минут. – Мужчина и женщина стояли позади патрульной машины, припаркованной прямо у подъезда «Б».

– Медленно едущий грузовик не хотел меня пропускать, – сказал Трульс, удостоверившись в том, что пистолет заряжен, а магазин полон. – Слышали что-нибудь?

– Внутри тихо. Никто не входил и не выходил.

– Тогда мы входим. – Трульс указал на полицейского: – Ты пойдешь со мной. Возьми фонарик. – Он кивнул женщине. – Ты останешься здесь.

Двое мужчин подошли к входной двери. Трульс заглянул через стекло в темный подъезд и нажал на кнопку звонка с фамилией Амундсен.

– Да? – прошептал голос.

– Полиция. Слышали что-нибудь после того, как позвонили нам?

– Нет, но он еще может быть там.

– Хорошо. Открывайте.

В замке загнуло, и Трульс открыл дверь.

– Иди вперед и свети.

Трульс услышал, как полицейский сглотнул:

– Я думал, вы сказали, на подхвате, а не в первых рядах.

– Радуйся, что пришел не один, – прошептал Трульс. – Вперед!

Ракель посмотрела на Харри.

Два убийства. Новый серийный убийца. Такая охота – для него.

Он сидел и ел, делая вид, что следит за застольным разговором, был вежлив с Хельгой, с очевидным интересом слушал Олега. Может быть, она ошибается, может быть, ему интересно. Может быть, он не совсем захвачен охотой, может быть, он изменился.

– Контроль за оружием станет бессмысленным, люди со временем смогут купить 3D-принтеры и сделать себе пистолеты, – сказал Олег.

– Как я понял, 3D-принтеры могут делать вещи только из пластика, – заметил Харри.

– Домашние принтеры – да. Но пластика вполне достаточно, если тебе требуется простое одноразовое стрелковое оружие для совершения убийства. – Олег живо склонился над столом. – Тебе не надо иметь собственный оригинальный пистолет, чтобы сделать копию, можно одолжить его у кого-нибудь на пять минут, разобрать и сделать восковой слепок деталей. Слепки используются для создания трехмерного файла,

который, в свою очередь, загружается в компьютер, управляющий принтером. После совершения убийства можно просто расплавить пистолет. А если полиция все равно поймет, что это орудие убийства, то пистолет ни на кого не зарегистрирован.

– Мм... Но его, наверное, можно проследить до принтера, на котором он был создан. Криминалистическому отделу на самом деле удастся отслеживать некоторые чернильные принтеры.

Ракель бросила взгляд на Хельгу, которая казалась немного потерянной.

– Мальчики... – сказала Ракель.

– В любом случае, – продолжал Олег, – верится с трудом, но на них можно сделать все. Пока в Норвегии продано чуть больше двух тысяч принтеров, но только представь, что будет, когда они появятся у всех, когда террористы смогут изготавливать водородные бомбы на 3D-принтерах.

– Мальчики, не могли бы мы поговорить о чем-нибудь приятном? – Ракель почувствовала, что задыхается. – Хотя бы раз о чем-нибудь более культурном, раз уж у нас гости.

Олег и Ракель повернулись к Хельге, которая улыбалась и пожимала плечами, словно говоря, что у нее все нормально.

– Ладно, – сказал Олег. – Как насчет Шекспира?

– Звучит приятнее, – откликнулась Ракель и подозрительно посмотрела на сына, прежде чем передать Хельге картошку.

– Ладно, тогда поговорим о Столе Эуне и синдроме Отелло, – сказал Олег. – Я не рассказывал, что мы с Иисусом записали всю лекцию. Я спрятал микрофон и передатчик под рубашкой, а Иисус сидел в комнате для коллоквиумов и записывал. Как думаешь, Столе не будет возражать, если мы выложим запись в Сеть? Или как, Харри?

Харри не ответил. Ракель внимательно посмотрела на него. Он что, снова уходит от них?

– Харри? – произнесла она.

– На этот вопрос я, конечно, не могу ответить, – сказал он, обращаясь к тарелке. – Но почему вы просто не записали лекцию на телефон? Записывать лекции для личного использования не запрещено.

– Они упражнялись, – ответила Хельга.

Остальные повернулись в ее сторону.

– Иисус и Олег мечтают работать агентами под прикрытием, – произнесла она.

– Вина, Хельга? – Ракель подняла бутылку.

– Спасибо. А вы не будете?

– Я приняла таблетку от головной боли, – сказала Ракель. – А Харри не пьет.

– Так называемый алкоголик, – отозвался Харри. – А жаль, потому что это вино должно быть очень хорошим.

Ракель увидела, как по щекам Хельги разливается краснота, и поспешила спросить:

– Значит, Столе рассказывает вам о Шекспире?

– И да и нет, – ответил Олег. – Выражение «синдром Отелло» намекает на то, что причиной убийства в пьесе является ревность, а это не так. Мы с Хельгой вчера прочитали «Отелло»...

– Вы читали вместе? – Ракель положила ладонь на руку Харри. – Ну разве они не прелестны?

Олег закатил глаза:

– Короче, я понял так, что настоящая, глубинная причина всех убийств – не ревность, а зависть и амбиции уязвленного человека. А именно Яго. Отелло всего лишь марионетка. Пьеса должна бы называться «Яго», а не «Отелло».

– И ты с этим согласна, Хельга? – Ракели нравилась эта милая, немного анемичная, хорошо воспитанная девушка, к тому же она быстро ориентировалась.

– Мне нравится название «Отелло». И возможно, нет никакой глубинной причины. Возможно, все так, как говорит сам Отелло: виновата полная луна, она сводит людей с ума.

– «No reason, – произнес Харри торжественным голосом с безупречным английским произношением. – I just like doing things like that»^[16].

– Впечатляет, Харри, – сказала Ракель. – Ты цитируешь Шекспира?

– Это Уолтер Хилл, – ответил Харри. – «Воины», тысяча девятьсот семьдесят девятый год.

– Ага, – засмеялся Олег. – Лучший фильм про банды ever^[17].

Ракель и Хельга тоже рассмеялись. Харри поднял стакан с водой и посмотрел через стол на Ракель. Он улыбнулся. Смех за семейным ужином. А она подумала, что вот в эту минуту он здесь, с ними. Она попыталась удержать его взгляд, удержать его. Но незаметно, как незаметно море меняет цвет с зеленого на синий, это случилось. Его взгляд снова устремился вглубь. И она знала, что еще до того, как стихнет смех, он опять уплывет туда, во мрак, прочь от них.

Трульс поднимался по ступенькам в темноте, пригнувшись, с пистолетом в руках, позади крупного полицейского в форме, с фонариком. Тишину нарушал только звук, похожий на тиканье часов, раздававшийся где-то наверху. Луч света в форме кегли, казалось, сгущал темноту впереди них, делал ее более плотной и тяжелой, как снег, который Трульс с Микаэлем в юности сбрасывали с крыш у пенсионеров в Манглеруде. Потом они выхватывали стошки из их дрожащих костлявых пальцев и говорили, что вернутся со сдачей. Если старики этого ждали, то прождали до сих пор.

Под ногами хрустнуло.

Трульс схватился за куртку полицейского, тот остановился и посветил вниз. Засверкали осколки стекла, и среди них Трульс заметил нечеткие отпечатки ботинка на том, что, по его убеждению, являлось кровью. Каблук и передняя часть подошвы были явственно разделены, но ему показалось, что след слишком велик для женщины. Следы вели вниз, и он подумал, что заметил бы их, если бы внизу они тоже были. Тиканье стало громче.

Трульс подал полицейскому знак продолжать подъем. Он следил за лестницей и видел, что кровавые следы стали более четкими. Трульс посмотрел наверх, остановился и поднял пистолет. Он позволил полицейскому продолжить подъем. И тут что-то увидел. Что-то попало в луч света. Попало и сверкнуло. Что-то красное. Они слышали не тиканье, а звуки падения на пол капель крови.

– Посвети наверх, – велел он.

Полицейский остановился, обернулся и, казалось, на мгновение растерялся оттого, что коллега, который должен был находиться прямо у него за спиной, на самом деле стоял ниже и осматривал потолок. Но он сделал, как велел Трульс.

– Святой Иеремия, – прошептал он.

– Аминь, – сказал Трульс.

На стене над ними висела женщина.

Ее клетчатая рубашка задралась так, что были видны белые трусики. Из большой раны на бедре на уровне головы полицейского капала кровь. Она стекала по ноге в туфлю. Туфля наверняка была переполнена, потому что кровь вытекала из нее, собиралась в капли на носике и оттуда падала в красную лужу на лестничной площадке. Руки были подняты над склоненной вперед головой, запястья сцеплены странными наручниками, пропущенными через стальной держатель светильника. Тот, кто поднял ее туда, обладал большой силой. Волосы закрывали лицо и шею, поэтому Трульс не мог разглядеть, есть ли у нее следы от укусов, но количество

крови в луже на полу и медленный темп падения капель сказали ему, что она в любом случае уже пуста, суха.

Трульс осмотрел ее, запоминая каждую деталь. Она была похожа на картину. Он хотел использовать это описание в разговоре с Моной До. «Как картина, висящая на стене».

На лестничной площадке прямо над ними приоткрылась дверь, и показалось бледное лицо.

– Он ушел?

– Кажется, да. Амундсен?

– Да.

Свет ворвался на лестницу, когда открылась дверь на другой стороне площадки. Они услышали испуганный вздох.

Пожилой мужчина, шаркая, вышел из квартиры, а испуганная женщина, скорее всего его жена, осталась стоять на пороге.

– Сам дьявол приходил к нам, – сказал мужчина. – Посмотрите, что он сотворил.

– Не подходите ближе, будьте так добры, – попросил Трульс. – Это место совершения убийства. Кто-нибудь знает, куда подевался преступник?

– Если бы мы знали, что он ушел, мы бы вышли посмотреть, нельзя ли что-нибудь сделать, – сказал старик. – Но в окно гостиной мы видели мужчину. Он вышел из нашего дома и направился к станции метро. Мы не знаем, он ли это, потому что он шел очень спокойно.

– Как давно это было?

– Максимум четверть часа назад.

– Как он выглядел?

Мужчина повернулся к жене в поисках помощи:

– Расскажи.

– Выглядел обычно, – произнесла она.

– Да, – согласился мужчина. – Ни высокий, ни низкий. Ни светлые, ни темные волосы. Костюм.

– Серый, – добавила жена.

Трульс кивнул полицейскому, который понял намек и начал разговор по рации, прикрепленной к нагрудному карману:

– Просим помощи на Ховсетервейен, сорок четыре. Подозреваемого видели пятнадцать минут назад, он шел пешком в направлении станции метро. Рост около ста семидесяти пяти, возможно, этнический норвежец, серый костюм.

Госпожа Амундсен вышла из дверей. Она ходила еще хуже своего мужа, шаркая тапками по полу, и ее дрожащий палец указывал на женщину

на стене. Она напомнила Трульсу тех пенсионеров, у которых они сбрасывали снег с крыш. Он повысил голос:

– Вы не должны подходить ближе, я сказал!

– Но... – начала женщина.

– Идите домой! Место убийства нельзя засорять до того, как здесь поработают криминалисты. Мы позвоним, если у нас возникнут вопросы.

– Но... но она не мертва.

Трульс обернулся. В свете, падавшем из открытой двери, он увидел, что правая нога женщины легко подрагивает, как в судороге. И ему в голову сразу же пришла одна мысль. Женщина заражена. Она стала вампиром. И теперь она просыпается.

Глава 12

Суббота, вечер

Штанга опустилась на подставку над узкой скамейкой, и раздался грохот от соприкосновения двух металлических поверхностей. Для некоторых просто шум, а Моне До этот звук казался таким же прекрасным, как перезвон колоколов. К тому же в спортклубе «Гейн» она никого не беспокоила. Клуб начал работать круглосуточно полгода назад, возможно вдохновляясь примером спортклубов Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, но Моне еще не приходилось видеть, чтобы кто-то занимался здесь после полуночи. Дело в том, что норвежцы работают не настолько долго, чтобы не выкроить время на тренировку в дневное время. Она была исключением. Она хотела быть исключением. Мутантом. Все как в эволюции: именно исключения двигают мир вперед. Совершенствуют его.

Зазвонил телефон, и она поднялась со скамейки.

Это была Нора. Мона вставила в ухо наушник и сняла трубку.

– Тренируешься, гадина, – простонала ее подруга.

– Чуть-чуть.

– Врешь, я вижу, что ты находишься там уже два часа.

Мона, Нора и еще несколько их подруг по студенчеству могли отслеживать друг друга по GPS в мобильных телефонах, активировав услугу по добровольному отслеживанию телефонов других абонентов. Это способствовало общению и давало ощущение безопасности. Но Мона считала, что иногда это немного напрягает. Профессиональное братство – это хорошо и прекрасно, но им было не обязательно следовать по пятам друг за другом, как четырнадцатилетние подростки, которые даже в туалет ходят вместе. Пора уже признать, что карьерные двери широко распахнуты перед молодыми способными женщинами, и единственное, что останавливало их от того, чтобы отважно войти в эти двери, было их собственное мужество и настоящие амбиции – желание сделать что-то иное, а не просто добиться признания другими своих способностей.

– Я тебя немножко ненавижу, когда думаю о всех тех калориях, которые сейчас с тебя стекают, – сказала Нора. – А я сижу здесь на своей жирной заднице и утешаюсь очередной пинаколадой. Слушай...

Мона уже собиралась выдернуть наушники из ушей, когда ее барабанные перепонки прорезал звук втягиваемой через трубочку жидкости. Нора утверждала, что пинаколада – единственное противоядие

от ранней осенней депрессии.

– А нам есть о чем поговорить, Нора? Я сейчас занимаюсь...

– Ага, – сказала Нора. – О работе.

Нора и Мона вместе учились в Высшей школе журналистики. Несколько лет назад правила приема в эту школу были самыми строгими в стране, поскольку казалось, что мечтой каждой второй способной норвежской девочки или мальчика было получить собственную колонку в какой-нибудь газете или показать себя на телевидении. Во всяком случае, такие цели ставили перед собой Мона и Нора. Исследованиями рака и управлением страной пусть занимаются другие, не такие способные люди. Но Мона стала обращать внимание на то, что конкуренцию Высшей школе журналистики начали составлять все региональные вузы, получающие государственное финансирование. Они предлагали норвежской молодежи обучение по популярным специальностям: журналистика, кинематография, музыка и индустрия красоты, не учитывая при этом, в каких специалистах общество испытывает потребность. В результате такого подхода самая богатая страна в мире импортировала продукцию из более трудолюбивых стран, в то время как безработные и беззаботные сыны и дочери отчизны, получившие высшее образование в области кинематографии, сидели по домам, запустив трубочку в государственный молочный коктейль, и просматривали, а если осмеливались, то и критиковали зарубежные фильмы. Другой причиной снижения требований к поступающим стало, конечно, то, что мальчики и девочки открыли для себя рынок блогов, и им не было необходимости трудиться и зарабатывать хорошие оценки, чтобы получить такое же внимание, какое могут предложить телевидение и газеты. Мона написала статью о том, что СМИ больше не предъявляют профессиональных требований к своим журналистам и им это не нужно, потому что новое медиаобщество со своим постоянно растущим вниманием к знаменитостям свело роль журналистов к роли деревенской сплетницы. Мона приводила в пример свою собственную, самую крупную в Норвегии газету. Статью так и не напечатали. «Потому что она слишком длинная», – сказал редактор и отправил ее к редактору воскресного приложения. «Потому что так называемые критические издания не выносят критики в свой адрес», – объяснил дружелюбно настроенный коллега. Но Мона подозревала, что редактор воскресного приложения попала в точку, сказав: «Но, Мона, в твоей статье не цитируется ни одной знаменитости».

Мона подошла к окну и посмотрела на Фрогнер-парк. Небо затянуло тучами, и, за исключением освещенных пешеходных дорожек, парк окутывала тяжелая, почти осязаемая темнота. Осенью всегда бывало так,

до того как с деревьев опадет листва, и через их ветви будет далеко видно, и город снова станет жестким и холодным. Но с конца августа до конца сентября Осло был мягким и теплым медвежонком, которого ей постоянно хотелось тискать.

– Я вся внимание, Нора.

– Речь о вампиристе.

– Тебе поручили пригласить его в качестве гостя? Думаешь, он участвует в ток-шоу?

– Последний раз повторяю: «Воскресный журнал» – это дискуссионная программа, Мона. Я звонила Харри Холе, но он вежливо отказался и сказал, что расследованием руководит эта дамочка, Катрина Братт.

– А чем она плоха? Ты постоянно жалуешься на то, как трудно найти интересных гостей женского пола.

– Да, но Харри Холе вроде как наш самый известный следователь. Помнишь ту передачу, на которую он пришел пьяным? Скандал, конечно, но людям это нравится!

– Ты ему об этом сказала?

– Нет, но я намекнула, что телевидению нужны знаменитости и что знакомое лицо привлечет больше внимания к работе, которую ведет полиция в этом городе.

– Ловко. Но он не купился?

– Он сказал, что, если я приглашу его в качестве представителя полиции на шоу «Танцы со звездами», он в то же утро начнет репетировать фокстрот. Но в нашем случае речь идет о серьезном убийстве, у Катрины Братт больше информации и больше полномочий давать комментарии.

Мона рассмеялась.

– Что?

– Нет, ничего, просто представила себе Харри Холе в «Танцах со звездами».

– Что? Ты думаешь, он говорил *серьезно*?

Мона захохотала еще громче.

– Я звоню, потому что ты все время варишься в этом котле и я хочу узнать твое мнение о Катрине Братт.

Мона взяла с подставки пару легких гантелей и сделала несколько упражнений на бицепсы, чтобы не останавливать циркуляцию крови и вывести шлаки из мускулатуры.

– Братт умная. И хорошо говорит. Может, немного строгая.

– Как ты думаешь, она сможет говорить с экрана? На записях с пресс-

конференций она кажется немного...

– Серой? Да, но она может быть красавицей, если захочет. Некоторые парни из криминальной редакции считают ее самой сексуальной в Полицейском управлении. Но она из тех, кто приглушает это, чтобы выглядеть профессионалом.

– Я чувствую, что уже слегка ненавижу ее. А как насчет Халлстейна Смита?

– Вот он – потенциальный ключевой гость. В меру эксцентричный, в меру разговорчивый, но умный. Действуй.

– Хорошо, спасибо. Sisters are doing it for themselves^[18], верно?

– Разве мы не договаривались больше не произносить эту фразу?

– Да, но теперь я говорю это с иронией.

– Ах вот как, ха-ха.

– Сама ты «ха-ха». Слушай-ка...

– Да?

– Он все еще на свободе.

– Я знаю.

– Я имею в виду, буквально. От Ховсетера до Фрогнер-парка не так уж далеко.

– О чем это ты?

– Ой, ты еще не слышала? Он снова нанес удар.

– Проклятье! – закричала Мона и краем глаза заметила, как парень за стойкой поднял взгляд. – Эта чертова дежурная обещала позвонить мне. Она отдала историю кому-то другому. Пока, Нора.

Мона прошла в гардероб, запихала верхнюю одежду в сумку и сбежала по лестнице на улицу. Она зашагала по направлению к зданию «ВГ», высматривая по дороге свободное такси. Ей повезло, и она поймала машину на красном сигнале светофора. Мона плюхнулась на заднее сиденье, достала мобильный телефон и набрала номер Трульса Бернтсена. После двух звонков она услышала странный хрюкающий смех.

– Что? – спросила она.

– Мне просто было интересно, сколько времени тебе потребуется, – ответил Трульс Бернтсен.

Глава 13

Суббота, поздний вечер

– Она потеряла больше полутора литров крови, прежде чем ее доставили сюда, – сообщил врач, который вел Харри и Катрину по коридору больницы «Уллевол». – Если бы он прокусил артерию на бедре чуть повыше, где она толще, вопроса о спасении жизни не стояло бы. Обычно мы не позволяем полиции опрашивать пациентов в ее состоянии, но если жизни других людей грозит опасность...

– Спасибо, – сказала Катрина. – Мы не будем спрашивать ни о чем, кроме самого необходимого.

Врач открыл дверь, и они с Харри остановились на пороге, а Катрина подошла к кровати и сидящей около нее сиделке.

– Это впечатляет, – сказал врач. – Вы так не думаете, Харри?

Харри повернулся к нему, приподняв бровь.

– Вы ведь не возражаете, что я обращаюсь к вам по имени? – произнес врач. – Осло – маленький город, а я лечу вашу жену, видите ли.

– Правда? Я не знал, что тот прием у врача был в больнице «Уллевол».

– Я понял это, когда она заполняла один из наших бланков и указала вас в качестве ближайшего родственника. А ваше имя я помню из газет.

– Значит, у вас хорошая память... – Харри посмотрел на именной бейжке на белом халате, – главный врач Джон Д. Стеффенс, потому что мое имя упоминалось в них довольно давно. Что вас так впечатлило?

– То, что человек способен прокусить бедро вот таким образом. Многие считают, что у современного человека слабая сила укуса, но по сравнению с большинством млекопитающих у нас довольно сильный укус, вы знали?

– Нет.

– Как вы думаете, с какой силой мы кусаем, Харри?

Через несколько секунд Харри сообразил, что Стеффенс действительно ожидает ответа.

– Ну, криминалист сказал, семьдесят килограммов.

– В таком случае, Харри, вам известно, что у нас большая сила укуса.

Харри пожал плечами:

– Эта цифра ни о чем мне не говорит. Если бы мне сказали, что эта сила составляет сто пятьдесят килограммов, я бы удивился не больше. Кстати, о цифрах: откуда вам известно, что Пенелопа Раш потеряла именно

полтора литра крови? Я думал, что пульс и кровяное давление не слишком точные показатели.

– Я получил фотографии с места преступления, – объяснил Стеффенс. – Я покупаю и продаю кровь, у меня необычайно хороший глазомер.

Харри хотел поинтересоваться, что он имеет в виду, но в этот момент Катрина махнула ему рукой.

Харри вошел в палату и встал рядом с Катриной.

Лицо Пенелопы Раш было таким же белым, как наволочка на подушке. Глаза были открыты, но взгляд затуманен.

– Мы не будем вас долго мучить, Пенелопа, – сказала Катрина. – Мы поговорили с полицейским, который беседовал с вами на месте преступления, и мы знаем, что вы встречались с преступником ранее тем же вечером в городе, что он напал на вас в подъезде и что он пользовался железными челюстями, когда кусал вас. Но можете ли вы рассказать нам подробнее о том, кто он? Он называл какое-нибудь имя, кроме Видара? Он говорил, где живет, где работает?

– Видар Хансен. Я не спрашивала, где он живет, – ответила Пенелопа. Ее голос навел Харри на мысли о тонком фарфоре. – Он говорил, что он художник, но работает охранником.

– Вы верите ему?

– Не знаю. Он вполне мог бы быть охранником. Во всяком случае, тем, кому дают ключи, потому что он бывал в моей квартире.

– Что?

С невероятным усилием она вынула левую руку из-под одеяла и подняла вверх:

– Помолвочное кольцо, которое мне подарил Руар. Преступник взял его из моего комода.

Катрина недоверчиво посмотрела на матовое золотое кольцо:

– Вы хотите сказать... он надел его на вас в подъезде?

Пенелопа кивнула и снова плотно зажмурила глаза:

– Последнее, что он сказал...

– Да?

– Он не такой, как другие мужчины, он вернется, чтобы жениться на мне. – Она всхлипнула.

Харри заметил, что Катрину это потрясло, но она оставалась сосредоточенной.

– Как он выглядит, Пенелопа?

Пенелопа открыла рот и снова закрыла. Она с отчаянием смотрела на

них.

– Я не помню. Я... я, наверное, забыла. Как... – Она закусила нижнюю губу, и глаза ее налились слезами.

– Все в порядке, – сказала Катрина. – В вашем положении это вполне нормально, вы вспомните позже. Помните, во что он был одет?

– В костюме. И рубашку. Он расстегнул ее. У него... – Она замолчала.

– Да?

– Татуировка на груди.

Харри увидел, как Катрина хватается ртом воздух.

– Что за татуировка, Пенелопа?

– Лицо.

– Как будто демон пытается вырваться наружу?

Пенелопа кивнула. Одинокая слеза сбежала по ее щеке. Как будто на две слезы не хватило жидкости, подумал Харри.

– И казалось, что он... – Пенелопа всхлипнула. – Что он хочет ему меня показать.

Харри закрыл глаза.

– Теперь ей нужно отдохнуть, – сказала сиделка.

Катрина кивнула и положила ладонь на белую как молоко руку Пенелопы:

– Спасибо, Пенелопа, вы нам очень помогли.

Харри с Катриной были уже у выхода из палаты, как вдруг их окликнула сиделка. Они вернулись к кровати.

– Я помню еще одну вещь, – прошептала Пенелопа. – Казалось, что у него прооперировано лицо. И меня кое-что заинтересовало...

– Да? – сказала Катрина и наклонилась, чтобы разобрать почти неслышный голос.

– Почему он меня не убил?

Катрина взглянула на Харри в поисках поддержки. Он сделал вдох, кивнул ей и склонился к Пенелопе.

– Потому что не смог, – ответил он. – Потому что вы ему не позволили.

– Теперь мы полностью уверены, что это он, – сказала Катрина, когда они шли по коридору к выходу.

– Мм... Но он изменил свой метод. И предпочтения.

– И что ты чувствуешь в этой связи?

– В какой? В той, что это он? – Харри пожал плечами. – Нет никаких чувств. Это убийца, которого необходимо поймать, и точка.

– Не ври, Харри, только не мне. Ты здесь из-за него.

– Потому что он может забрать другие жизни. Важно поймать его, но в этом нет ничего личного, понятно?

– Я слышу тебя.

– Прекрасно, – сказал Харри.

– Раз он говорит, что вернется и женится на ней, ты думаешь...

– Что это метафора? Да. Он будет являться ей в снах.

– Но это означает, что он...

– Сознательно не забрал ее жизнь.

– Ты соврал ей.

– Я соврал.

Харри открыл дверцу, и они уселись в машину, ожидавшую их прямо у входа: Катрина спереди, Харри сзади.

– В управление? – спросил Андерс Виллер с водительского сиденья.

– Да, – ответила Катрина и взяла мобильный телефон, стоявший на зарядке. – Бьёрн прислал сообщение, что следы крови на лестнице являются отпечатками ковбойских сапог.

– Ковбойские сапоги, – повторил Харри с заднего сиденья.

– Такие с узкими высокими каблуками и...

– Я знаю, как выглядят ковбойские сапоги. Они упоминались в показаниях одного из свидетелей.

– Кого же? – спросила Катрина, пролистывая другие сообщения, поступившие ей, пока она находилась в больнице.

– Бармена из бара «Ревность». Мехмета как-то-там.

– Память у тебя не ухудшилась, этого у тебя не отнимешь. Здесь пишут, что меня хотят пригласить на программу «Воскресный журнал», чтобы поговорить о вампиристе.

Она стала набирать сообщение.

– Что ты отвечаешь?

– «Нет», конечно. Бельман четко заявил, что хочет привлекать к этому делу как можно меньше внимания.

– Даже если оно будет раскрыто?

Катрина повернулась к Харри:

– Что ты имеешь в виду?

Харри пожал плечами:

– Во-первых, начальник полиции по телевидению может на всю страну похвастаться тем, что прояснил дело за три дня. Во-вторых, чтобы поймать преступника, нам может потребоваться внимание публики.

– Мы раскрыли дело? – Виллер поймал взгляд Харри в зеркале заднего вида.

– Прояснили, – уточнил Харри. – Не раскрыли.

Виллер повернулся к Катрине:

– Что он хочет сказать?

– Что мы знаем, кто убийца, но задание не будет выполнено, пока длинная рука закона не схватит его. А в нашем случае оказалось, что у закона недостаточно длинная рука. Этого человека разыскивают три года по всему миру.

– Кто он?

Катрина тяжело вздохнула:

– Я даже не в состоянии произнести его имя. Скажи ты, Харри.

Харри смотрел в окно. Конечно, Катрина права. Он мог отказаться, но он был здесь по одной эгоистичной причине. Не из-за жертв, не из-за благополучия города, не из-за престижа полиции. Даже не из-за собственного престижа. Не из-за чего другого, только по одной причине: тому человеку удалось улизнуть. Да, Харри испытывал чувство вины за то, что не остановил его раньше, за всех этих жертв, за каждый проведенный преступником на свободе день. И теперь он мог думать только об одном: он должен схватить его. Он, Харри, должен схватить его. Он не знал почему. Неужели для того, чтобы наполнить свою жизнь смыслом и придать ей направление, ему был необходим самый жуткий серийный убийца и насильник? Черт его знает. Черт его знает, а может, все наоборот. Вдруг этот человек выбрался из своего убежища из-за него, из-за Харри? Он нарисовал букву «В» на дверях Эвы Долмен и показал татуировку с демоном Пенелопе Раш. Пенелопа спросила, почему он ее не убил. И Харри соврал. Преступник не убил ее потому, что хотел, чтобы она все рассказала. Рассказала, что видела. Сообщила Харри то, что он и так уже знал. Что ему надо выйти и поиграть.

– Ну что же... – заговорил Харри. – Вам какую версию: длинную или короткую?

Глава 14

Воскресенье, утро

– Валентин Йертсен, – сказал Харри Холе и указал на лицо, смотревшее на следственную группу с трехметрового экрана.

Катрина изучала узкое лицо. Каштановые волосы, глубоко посаженные глаза. Однако, возможно, так только казалось, потому что он выставил вперед лоб, чтобы свет падал на него определенным образом. Катрине показалось странным, что полицейский фотограф удовлетворился этим снимком Валентина. И еще выражение лица. На фотографиях, сделанных после ареста, обычно видны страх, смятение или смирение. Но это лицо выражало радость. Как будто Валентину Йертсену было известно нечто неизвестное им. Пока неизвестное.

Харри выждал несколько секунд после исчезновения лица с экрана и продолжил:

– Осужден в возрасте шестнадцати лет за приставания к девятилетней девочке, которую он обманом заманил в свою лодку. В семнадцать лет соседка подала на него заявление в полицию за попытку изнасилования в подвале. Когда Валентину Йертсену было двадцать шесть и он отбывал наказание за нападение на малолетних, он попал на прием к зубному врачу в тюрьме Ила. Он воспользовался одной из бормашин врача, чтобы заставить ее снять с себя нейлоновые колготки и надеть их на голову. Сначала он изнасиловал ее во врачебном кресле, а потом поджег колготки.

Харри нажал кнопку на клавиатуре, и на экране появилась новая картинка. Зал приглушенно застонал, и Катрина заметила, что даже некоторые очень опытные следователи опустили глаза.

– Я показываю вам это не для развлечения, а для того, чтобы вы поняли, с какой личностью мы имеем дело. Кстати, он позволил тому зубному врачу жить. Точно так же, как Пенелопе Раш. Я не думаю, что он не довел дело до конца. Я думаю, что Валентин Йертсен затеял с нами игру.

Харри постучал по клавишам, и появилась та же фотография Валентина, размещенная на странице Интерпола.

– Валентин бежал из Илы почти четыре года назад вызывающим способом. Он избил заключенного Юдаса Юхансена до неузнаваемости, вытатуировал на груди у трупа копию демонического лица, которое имеется на его собственной груди, и спрятал труп в библиотеке, где он работал, и когда Юдас не явился на переключку, его объявили сбежавшим.

Той ночью, когда Валентин сам бежал, он облачил труп Юдаса в свою одежду и положил его на пол в своей камере. Тюремные надзиратели, обнаружив неопознанный труп и принимая за данность, что это Валентин, не особенно удивились. Как и всех осужденных за педофилию, Валентина Йертсена ненавидели остальные заключенные. Тогда даже не стали проверять отпечатки пальцев трупа и не сделали анализ ДНК. Поэтому мы долго думали, что Валентин Йертсен – это дела давно минувших дней. Думали до тех самых пор, пока он не появился снова в связи с другим убийством. Мы, конечно, не знаем, скольких человек Валентин Йертсен убил или на скольких он напал. Но их точно больше, чем жертв преступлений, за которые он был осужден или в которых его подозревали. Мы знаем, что одной из его последних жертв до исчезновения стала Ирья Якобсен, у которой он снимал жилье.

Снова стук клавиш.

– Вот фотографии из дома, где она жила и пряталась от Валентина. Если я не ошибаюсь, то первым на место преступления прибыл ты, Бернтсен. Мы нашли ее задушенной под штабелем детских досок для серфинга, на которых, как вы видите, были изображены акулы.

С заднего ряда раздался хрюкающий смех:

– Точно. Доски были ворованными, и их никак не могли сбыть те несчастные торчки.

– Ирью Якобсен, конечно, убили за то, что она предоставила полиции сведения о Валентине. Это объясняет, почему так трудно заставить кого-нибудь сказать хоть слово о возможном местонахождении Валентина. Те, кто его знает, просто-напросто не решаются. – Харри кашлянул. – Другая причина, по которой Валентина невозможно было обнаружить, – это то, что после побега он произвел несколько обширных пластических операций. Тот человек, которого вы видите на фотографии, не похож на того, чье нечеткое изображение мы получили с камеры слежения стадиона «Уллевол» во время футбольного матча. А это изображение он позволил нам получить намеренно, и, учитывая то, что его не нашли, мы подозреваем, что после этого он произвел еще несколько пластических операций, вероятнее всего где-то за границей, потому что мы проверили всех до единого пластических хирургов Скандинавии. Подозрения об изменении внешности подкрепляются тем, что Пенелопа Раш не узнала Валентина на предъявленных ей фотографиях. К сожалению, она не в состоянии дать его хорошее альтернативное описание, а изображения так называемого Видара из «Тиндера» в ее телефоне вряд ли принадлежат ему.

– Торд, кстати, проверил профиль этого Видара в «Фейсбуке», –

сказала Катрина. – Он, что неудивительно, фальшивый, создан недавно на компьютере, который нам не удастся отследить. Последнее, по мнению Торда, свидетельствует о том, что он разбирается в компьютерах.

– Или что ему помогали, – подхватил Харри. – Но у нас тут есть человек, который видел Валентина и разговаривал с ним прямо перед тем, как он исчез с наших радаров три года назад. К сожалению, Столе ушел на пенсию и больше не работает консультантом отдела по расследованию убийств, но он согласился встретиться с нами сегодня.

Столе Эуне поднялся и застегнул пуговицу на твидовом пиджаке.

– Я имел сомнительную радость короткое время консультировать пациента, называвшего себя Полом Ставнесом. Страдая шизофренией и психопатией, он отличался тем, что осознавал свою болезнь, во всяком случае до определенной степени. Ему также удавалось манипулировать мной, и я так и не догадался о том, кем он был и чем занимался. До того дня, когда он случайно раскрыл себя и сделал попытку убить меня, после чего бесследно исчез.

– Описание Столе послужило основой для создания вот этого фоторобота. – Харри нажал на клавишу. – Сейчас он уже устарел, но он все-таки лучше изображения с камеры слежения.

Катрина склонила голову набок. У изображенного на рисунке были другие волосы, нос и форма глаз, а овал лица острее, чем на фотографии. Но радость никуда не исчезла. Предполагаемая радость. Такую же, наверное, выражает улыбка крокодила.

– Как он стал вампиром? – раздался вопрос из ряда у окна.

– Прежде всего, я еще не убежден в том, что вампиры существуют, – сказал Эуне. – Но естественно, может существовать целый ряд причин, по которым Валентин Йертсен пьет кровь, хотя я здесь и сейчас их вам не назову.

Последовало долгое молчание.

Харри кашлянул:

– Мы не наблюдали признаков укусов или питья крови ни в одном из прошлых дел, по которым проходил Валентин Йертсен. И да, насильники, как правило, придерживаются определенной схемы, они снова и снова воплощают одну и ту же фантазию.

– Насколько мы уверены в том, что это действительно Валентин Йертсен, а не человек, который пытается убедить нас в том, что это он? – спросил Скарре.

– На восемьдесят девять процентов, – ответил Бьёрн Хольм.

Скарре рассмеялся:

– Так точно?

– Да. На наручниках, которыми приковали Пенелопу Раш, мы обнаружили волос с тела, возможно с руки. Анализ ДНК довольно быстро подтверждает совпадение с вероятностью в восемьдесят девять процентов, а вот последние десять процентов требуют времени. Окончательный ответ у нас будет через два дня. Наручники, кстати, из тех, что продаются в Интернете, копия средневековых. Поэтому они из железа, а не из стали. Определенно пользуются особой популярностью у людей, которым нравится обустривать любовные гнездышки, похожие на средневековые темницы.

Только один из присутствующих издал хрюкающий смех.

– А что с этими железными зубами? – спросила одна из следователей. – Откуда он мог их взять?

– Это сложнее, – сказал Бьёрн Хольм. – Мы не нашли ни одного производителя подобных зубов, по крайней мере из железа. Возможно, он заказал их у какого-нибудь кузнеца. Или сделал сам. Во всяком случае, это что-то новое, мы никогда не видели, чтобы кто-то пользовался такими зубами.

– Новое в поведении, – произнес Эуне и расстегнул пуговицу на пиджаке, освобождая живот. – Основополагающих изменений в поведении не происходит почти никогда. Люди предсказуемы, они постоянно совершают одни и те же ошибки, даже при наличии новых вводных. Это мой постулат, и он является настолько спорным в психологических кругах, что ему выпала честь называться постулатом Эуне. Когда мы наблюдаем изменение поведения индивида, оно вызвано изменениями окружающего мира, под которые индивид подстраивается. В то же время основополагающая мотивация поведения индивида остается неизменной. Если сексуальный преступник обнаруживает новые фантазии и наслаждения, то это не уникально, это происходит потому, что у него постепенно развивается вкус, а не потому, что индивид проходит через фундаментальные изменения. Когда я был подростком, мой отец сказал, что когда я стану старше, то начну ценить Бетховена. В то время я ненавидел Бетховена и был совершенно уверен, что он ошибается. У Валентина Йертсена уже в юном возрасте был довольно широкий круг сексуальных интересов. Он насиловал молодых и старых женщин, возможно и мальчиков, о взрослых мужчинах нам неизвестно, но, видимо, по вполне понятным причинам: взрослые мужчины в состоянии лучше сопротивляться. Педофилия, некрофилия, садизм – все это есть в меню Валентина Йертсена. Если не считать Свейна «Жениха» Финне, Валентин

Йертсен – это человек, которого полиция Осло связывает с наибольшим количеством преступлений на сексуальной почве. То, что теперь он попробовал кровь на вкус, свидетельствует о его приверженности тому, что мы называем «орепness», открытость новому опыту. Я говорю «попробовал на вкус», потому что некоторые наблюдения, например добавление в кровь лимона, указывают на то, что Валентин Йертсен скорее экспериментирует с кровью, чем одержим ею.

– Не одержим?! – закричал Скарре. – У него по жертве в день! Пока мы тут сидим, он наверняка уже вышел на охоту. Или как, профессор?

Научное звание было произнесено с нескрываемой иронией.

Эуне взмахнул короткими руками:

– И опять же я не знаю. Мы не знаем. Никто не знает.

– Валентин Йертсен, – произнес Микаэль Бельман. – И мы совершенно в этом уверены, Братт? В таком случае дай мне две минуты поразмыслить над делом. Да, я понимаю, что дело срочное.

Бельман прервал разговор и положил мобильный телефон на стеклянный стол. Исабелла только что рассказала ему, что это стекло специально выдувалось на фабрике «КлассиКон» и что стоит оно больше пятидесяти тысяч крон. И что она предпочитает иметь несколько образцов высококачественной мебели, а не заполнять новую квартиру хламом. Со своего места Бельман видел искусственный пляж и паромы, входящие в Осло-фьорд и покидающие его. Резкие порывы ветра хлестали фиолетовое море, вдали пенились белые барашки.

– Ну? – спросила Исабелла из кровати у него за спиной.

– Руководитель следствия интересуется, соглашаться ли ей на участие в сегодняшнем выпуске «Воскресного журнала». Тема, естественно, убийства вампириста. Мы знаем, кто убийца, но не знаем, где он может находиться.

– Все просто, – сказала Исабелла Скёйен. – Если бы парня поймали, тебе нужно было бы участвовать самому, но при частичном успехе правильнее послать своего представителя. Напомни ей, что она должна говорить «мы», а не «я». И не случится ничего страшного, если она намекнет, что преступник мог перебраться через границу.

– Через границу? Почему это?

Исабелла Скёйен вздохнула:

– Не прикидывайся более глупым, чем ты есть, любовь моя, это нервирует.

Бельман встал и подошел к двери на террасу. Он стоял и смотрел вниз

на толпу туристов, пришедших в воскресенье на остров Тьювхольмен. Одни собирались посетить Музей современного искусства Аструп-Фернли, другие – посмотреть на суперсовременную архитектуру и выпить чашечку слишком дорогого капучино. А кое-кто – помечтать об одной из еще не проданных и до смешного дорогих квартир. Кстати, он слышал, что в музее выставили «мерседес» с коричневым затвердевшим человеческим дерьмом вместо звезды «Мерседеса» на капоте. Ну и нормально, для многих твердые экскременты – символ статуса. Другим, для того чтобы чувствовать себя статусно, требовалась самая дорогая квартира, самый новый автомобиль или самая большая яхта. И были люди вроде Исабеллы и его самого, которым требовалось абсолютно все. Власть, но без удушающих обязательств. Почет и уважение, но с достаточной степенью анонимности, чтобы быть в состоянии свободно передвигаться. Семья, дарующая рамки безопасности и передающая гены следующему поколению, и одновременно свободный доступ к сексу за пределами четырех стен дома. Квартира и машина. И твердые экскременты.

– Итак, – начал Микаэль Бельман, – ты думаешь, что если Валентин Йертсен теперь на некоторое время исчезнет, то общественность автоматически решит, что он ускользнул за границу, а не что полиция Осло оказалась не в состоянии поймать его. Но если мы его поймаем, значит мы быстро работаем. А если он совершит новое убийство, то все сказанное нами все равно забудут.

Он повернулся к Исабелле. Почему она решила поставить большую двуспальную кровать в гостиной, хотя в квартире имелась нормальная спальня, он не понимал. Особенно потому, что соседи могли видеть, что здесь происходит. Хотя он подозревал, что именно поэтому. Исабелла Скёйен была крупной женщиной, ее мощные длинные члены раскинулись под тяжелой золотистой шелковой простыней, драпирующей ее сочные формы. Один этот вид вновь возбудил в нем желание.

– Ты произносишь всего лишь одно слово, и ты уже посеял мысль о загранице, – сказала она. – В психологии это называется укоренением. Это просто и срабатывает всегда. Потому что люди *просты*. – Она скользнула взглядом вниз по его телу и широко улыбнулась. – Особенно мужчины.

Она одним рывком сбросила шелковую простыню на пол.

Бельман уставился на нее. Иногда ему казалось, что вид ее тела нравится ему больше, чем прикосновения к нему, а вот с собственной женой все было наоборот. Что странно, поскольку тело Уллы объективно было красивее тела Исабеллы. Но неистовая, яростная похоть Исабеллы заводила его больше, чем нежность Уллы и ее тихие, прерываемые слезами

оргазмы.

– Дрочи, – приказала Исабелла, развела ноги в стороны, так что колени стали похожи на два распростертых крыла хищной птицы, и коснулась двумя крепкими пальцами своих половых органов.

Он сделал, как она велела. Закрыв глаза. И услышал постукивание по стеклу. Черт, он уже забыл о Катрине Братт. Бельман схватил вибрирующий телефон:

– Да?

Женский голос что-то сказал, но Бельман ничего не услышал из-за оглушительного гудка парома, раздавшегося в тот же момент.

– Ответ «да»! – прокричал он нетерпеливо. – Ты должна участвовать в «Воскресном журнале». Я сейчас занят, но я позвоню тебе позже и дам несколько инструкций, хорошо?

– Это я.

Микаэль Бельман остолбенел.

– Сокровище мое, это ты? Я подумал, звонит Катрина Братт.

– Ты где?

– Где? Разумеется, в офисе.

Во время последовавшей за этим слишком долгой паузы до него дошло, что она, конечно, тоже слышала гудок парома и поэтому задала такой вопрос. Он тяжело выдохнул через рот, глядя вниз на опускающийся член.

– Ужин будет готов не раньше половины шестого, – сообщила она.

– Ну хорошо, – ответил он. – Что...

– Говяжий стейк, – сказала она и дала отбой.

Харри и Андерс Виллер вышли из машины перед домом 33 по улице Йоссингвейен. Харри закурил и посмотрел на красное кирпичное здание, обнесенное высоким забором. Когда они отъезжали от Полицейского управления, светило солнце, заставляя осенние краски сверкать, но пока ехали сюда, собрались тучи, и теперь они, как потолок цементного цвета, едва не задевали землю и высасывали краски из окружающего мира.

– Значит, это тюрьма Ила, – сказал Виллер.

Харри кивнул и глубоко затянулся.

– Почему его называют Женихом?

– Потому что жертвы его насилия беременели и он угрозами заставлял их обещать, что они выносят ребенка.

– А если нет?

– Он вернется и самолично сделает кесарево сечение. – Харри

затянулся в последний раз, затушил сигарету о пачку и убрал в нее окурок. – Давай уже покончим с этим делом.

– Правила запрещают нам приковывать его наручниками, но мы будем наблюдать за вами через камеры слежения, – сказал тюремный надзиратель, который пропустил их через шлюз и довел до конца длинного коридора с выкрашенными в серый цвет стенами и железными дверьми по обе стороны. – У нас правило не приближаться к нему ближе чем на метр.

– Господи, – пробормотал Виллер. – Он что, нападает на вас?

– Нет, – ответил надзиратель и сунул ключ в замок последней двери. – У Свейна Финне нет ни единого замечания за те двадцать лет, что он провел здесь.

– Но?..

Тюремный надзиратель пожал плечами и повернул ключ в замке.

– Думаю, вы поймете, что я имею в виду.

Он открыл дверь, отступил в сторону, и Виллер с Харри вошли в камеру.

Человек, сидевший на койке, находился в тени.

– Финне, – сказал Харри.

– Холе. – Голос из тени звучал как скрежет перемалываемого камня.

Харри махнул рукой в сторону единственного стула в помещении:

– Ничего, если я присяду?

– Если ты считаешь, что у тебя есть для этого время. Слышал, у тебя появились кое-какие дела.

Харри уселся. Виллер встал у него за спиной возле двери.

– Мм... Это он?

– Кто «он»?

– Ты знаешь, о ком я.

– Я отвечу тебе на этот вопрос, если ты честно ответишь на мой. Тебе не хватает этого?

– Не хватает чего, Финне?

– Товарища по играм твоего уровня. Как в случае со мной.

Человек в тени наклонился вперед и попал в луч света из окна, расположенного высоко под потолком, и Харри услышал, как участилось дыхание Виллера у него за спиной. Тень от прутьев решетки ложилась на рябое лицо с красно-коричневой, похожей на выделанную кожей. Борозды на лице частые, глубокие и четкие, словно их ножом прорезали до самых костей. Вокруг головы повязан красный платок, как у индейца. Усы, толстые влажные губы. Зрачки карих глаз маленькие, а белки – желтоватые,

но тело мускулистое и стройное, как у двадцатилетнего юноши. Харри сосчитал. Свейну «Жениху» Финне должно было исполниться семьдесят пять.

– Человек никогда не забывает своего первого. Или как, Холе? Мое имя всегда будет стоять первым в списке твоих побед. Я лишил тебя девственности, разве не так? – Он засмеялся, словно прополоскал рот гравием.

– Ну что же... – произнес Харри, сложив на груди руки. – Если ответом на мою честность станет твоя, то мой ответ – нет, я не испытываю нехватки. И я никогда не забуду тебя, Свейн Финне. Как и никого из тех, кого ты искалечил и убил. Вы регулярно посещаете меня по ночам.

– Меня тоже. Они такие преданные, мои невесты.

Толстые губы Финна разомкнулись, когда он одновременно ухмыльнулся и прикрыл правой рукой правый глаз. Харри услышал, как Виллер сделал шаг назад и наткнулся на дверь. Глаз Финне смотрел на Виллера через отверстие в ладони, достаточно большое, чтобы через него мог пройти мячик для гольфа.

– Не бойся, мальчик, – сказал Финне. – Это своего шефа ты должен бояться. Он был таким же молодым, как ты сейчас, а я все положил на землю и не мог защищаться. И тем не менее он приставил свой пистолет к этой руке и выстрелил. У твоего шефа черное сердце, мальчик, помни это. И сейчас твой шеф снова испытывает жажду. Как и тот человек, там. А эта ваша жажда подобна пожару, поэтому ее надо *потушить*. Пока не потушишь, она будет пожирать все, к чему прикасается. Разве это не так, Холе?

Харри кашлянул:

– Твоя очередь, Финне. Где прячется Валентин?

– Вы уже приходили сюда и спрашивали об этом, и я могу только повторить свой ответ. Я едва перебросился словом с Валентином, когда он здесь сидел. А он уже почти четыре года как сбежал.

– Его методы похожи на твои. Кое-кто утверждает, что это ты его обучил.

– Чушь. Валентин уже родился обученным. Поверь мне.

– Где бы ты спрятался, если бы был им?

– Так близко, чтобы находиться в поле твоего зрения, Холе. На этот раз я был бы готов к встрече с тобой.

– Он живет в городе? Ходит по городу? Новые документы? Он один или сотрудничает с кем-нибудь?

– Сейчас он действует по-другому, правда? Это кусание, питье крови.

Может, это не Валентин?

– Это Валентин. Так как же мне его поймать?

– Ты его не поймаешь.

– Не поймаю?

– Он скорее умрет, чем снова окажется здесь. Для него фантазировать недостаточно, он должен претворить свои фантазии в жизнь.

– Кажется, ты его все-таки знаешь.

– Я знаю, из чего он сделан.

– Из того же, из чего ты? Из гормонов ада?

Старик пожал широкими плечами:

– Всем известно, что свободный моральный выбор – это иллюзия, что существуют только химические процессы в мозгу, управляющие твоим и моим поведением, Холе. Чье-то поведение получает диагноз СДВГ^[19], или тревожность, и лечится лекарствами и заботой. Другие получают диагноз «преступник и зло», их сажают за решетку. Но причина одна. Неудачное сочетание химических веществ в мозгу. Я за то, чтобы нас сажали за решетку. Мы же, черт возьми, насилием ваших дочерей. – Финне засмеялся надтреснутым смехом. – Так что уберите нас с улиц, угрожайте нам наказанием, чтобы мы не вели себя так, как нам велит химия нашего мозга. Таким печальным все становится из-за того, что вы малодушные и, для того чтобы упрятать нас за решетку, вам требуется моральный предлог. Вы сочиняете для себя лживые истории о свободе выбора и о Божественном наказании, которое является частью так называемой небесной справедливости, основанной на универсальной вечной морали. Но мораль ни универсальна, ни вечна, она крайне зависима от духа времени, Холе. Мужики, трахающие мужиков, были совершенно нормальным явлением несколько тысяч лет назад, потом их стали сажать в тюрьму, а теперь политики ходят вместе с ними на парады. Решающее значение имеют потребности общества в определенный момент времени, мораль изменчива и должна приносить пользу. Моя проблема в том, что я родился в то время и в той стране, где мужчины, настолько безудержно распространяющие свое семя, нежелательны. Но после пандемии, когда потребуется восстановить вид, Свейн «Жених» Финне стал бы столпом общества и спасителем человечества. Или не так, Холе?

– Ты угрозами брал с женщин обещание родить твоих детей, – сказал Харри. – Валентин их убивает. Так почему же ты не хочешь помочь мне поймать его?

– А я не помогаю?

– Ты кормишь меня общими ответами и не слишком умной моральной

философией. Если ты нам поможешь, я замолвлю словечко за сокращение твоего срока.

Харри услышал, как Виллер переминается с ноги на ногу.

– Правда? – Финне погладил усы. – Несмотря на то, что ты знаешь, что я снова начну насиловать, как только окажусь на свободе? Я понимаю, как для тебя важна поимка Валентина, раз ты готов пожертвовать честью стольких невинных женщин. Но ты ведь иначе не можешь. – Он коснулся пальцем виска. – Химия...

Харри не ответил.

– Не важно, – сказал Финне. – Во-первых, мой срок заканчивается в первую субботу марта следующего года, поэтому с приемлемым сокращением срока ты опоздал. Во-вторых, пару недель назад я был в отпуске, и знаешь что? Я хотел вернуться сюда. Так что спасибо, но нет. Расскажи-ка мне лучше, как твои дела, Холе. Слышал, ты женился. И у тебя есть сукин сын, да? Вы живете в безопасности?

– Мм... У тебя все, Финне?

– Да. Но я буду следить за вами с интересом.

– За мной и Валентином?

– За тобой и твоей семьей. Надеюсь увидеть тебя среди членов комитета, встречающих меня из тюрьмы. – Смех Финне перешел в тяжелый кашель.

Харри поднялся и подал знак Виллеру, чтобы тот постучал в дверь.

– Благодарю за твое драгоценное время, Финне.

Финне поднял правую руку к лицу и помахал:

– До свидания, Холе. Рад, что мы обменялись своими планами на будущее.

Харри видел, как его ухмылка мелькает за дыркой в ладони.

Глава 15

Воскресенье, вечер

Ракель сидела у кухонного стола. Шум и рассеянность от обилия дел заглушали боль, но игнорировать ее становилось все труднее каждый раз, когда она делала перерыв. Ракель почесала руку. Вчера вечером сыпь была почти не видна. Когда врач спросил, регулярное ли у нее мочеиспускание, она автоматически ответила утвердительно, но теперь, когда она обратила на это внимание, то поняла, что практически не писала в течение последних двух суток. И еще дыхание. Как будто она в плохой форме, но это не так.

У входной двери зазвенели ключи, и Ракель поднялась.

Дверь открылась, и вошел Харри. Он выглядел бледным и усталым.

– Заскочил, чтобы переодеться, – сказал он, погладил ее по щеке и направился к лестнице.

– Как дела? – спросила она, глядя ему в спину, пока он поднимался по лестнице и пропадал в их спальне.

– Хорошо! – прокричал он. – Мы знаем, кто это.

– Значит, пора возвращаться домой? – спросила она негромко, нерешительно.

– Что?

Она услышала топанье и поняла, что он стягивает с себя брюки, подпрыгивая, как подросток или пьяница.

– Если ты и твой большой, выпирающий из головы мозг распутали дело...

– Вот именно.

Харри показался в дверях комнаты на втором этаже. Он надел тонкое шерстяное белье и, облокотившись о дверной косяк, стал натягивать пару тонких шерстяных носков. Ракель дразнила его, говоря, что только старички носят шерсть и зимой и летом. Он отвечал, что лучшей стратегией выживания является копирование стариков во всем, ведь они, как ни крути, победили, потому что выжили.

– Я ничего не распутал. Он сам раскрыл свою личность.

Харри выпрямился и похлопал по карманам.

– Ключи, – сказал он и снова исчез в спальне. – Я встретился в «Уллеволе» с доктором Стеффенсом! – прокричал он. – Стеффенс сказал, что лечит тебя.

– Вот как? Послушай, любимый, по-моему, тебе стоит поспать несколько часов, твои ключи торчат во входной двери.

– Ты вроде говорила, что тебя обследовали?

– А в чем разница?

Харри вышел из комнаты и сбежал вниз по лестнице. Он обнял жену.

– «Обследовали» – это прошедшее время, – прошептал он ей в ухо. – «Лечит» – настоящее. А лечение, по моим представлениям, начинается после того, как обследование что-либо выявит.

Ракель рассмеялась и прижалась к нему:

– Головную боль я выявила сама, и требуется лечение, Харри. Оно называется «таблетки от головной боли».

Он отстранил Ракель от себя и пристально посмотрел на нее:

– Ты бы не стала ничего от меня скрывать, правда?

– Значит, на эту ерунду у тебя есть время? – Ракель нагнулась вперед, заставляя боль отступить, прикусила Харри за ухо и подтолкнула в сторону входной двери. – Иди и сейчас же закончи эту работу, а потом сразу возвращайся домой к мамочке. Если ты этого не сделаешь, то я напечатаю себе на 3D-принтере мужчину-домоседа из белого пластика.

Харри улыбнулся, подошел к двери, вынул связку ключей из замка, остановился и уставился на нее.

– Что? – спросила Ракель.

– У него были ключи от квартиры Элисы Хермансен, – сказал Харри, захлопывая за собой дверцу со стороны пассажирского сиденья. – И скорее всего, от квартиры Эвы Долмен.

– Да? – произнес Виллер, снял машину с ручника и покатился вниз по подъездной дорожке. – Мы проверили всех зарегистрированных в городе мастеров, занимающихся изготовлением ключей, но никто из них не делал новых системных ключей для какого-либо из интересующих нас зданий.

– Потому что он изготовил их сам. Из белого пластика.

– Белого пластика?

– На обычном 3D-принтере за пятнадцать тысяч крон, как тот, что стоит у тебя на письменном столе. Все, что ему было нужно, – доступ к оригинальным ключам на несколько секунд. Он мог сфотографировать их или сделать восковой слепок, чтобы составить компьютерную программу. Так что, когда Элиса Хермансен вернулась домой, он уже вошел в ее квартиру и запер за собой дверь. Вот поэтому Элиса и накинула на дверь цепочку: она думала, что находится в квартире одна.

– А как, по-твоему, он получил доступ к ключам? Ни в одном из

интересующих нас домов не пользовались услугами охранников, у них собственные вахтеры. У всех есть алиби, и все отрицают, что давали кому-либо ключи.

– Я знаю. И я не знаю, как это произошло, знаю только, что *произошло*.

Харри не надо было даже смотреть на молодого коллегу, чтобы разглядеть его скептицизм. Существовали сотни других объяснений тому факту, что дверь Элисы Хермансен была закрыта на цепочку. Дедукция Харри не исключала ни одного из них. Треска, приятель Харри и игрок в покер, говорил, что в учебнике написано: научиться рассчитывать вероятности и способы разыграть собственные карты проще простого. То, что отличает очень хороших игроков от хороших, – это способность понимать образ мышления противника, а для этого требовалось переработать такое количество информации, что понять результат этих размышлений – все равно что расслышать шепот сквозь вой ревущей бури.

Возможно. Потому что за ревущей бурей всего того, что Харри знал о Валентине Йертсене, за всеми отчетами, за опытом работы над другими серийными убийствами, за призраками всех жертв, которых он не смог спасти за все эти годы, он слышал шепот. Голос Валентина Йертсена. Валентин говорил, что подобрался к ним изнутри и находится в поле их зрения.

Харри достал телефон. Катрина ответила со второго звонка.

– Я сижу на гриме, – сказала она.

– Я думаю, что у Валентина есть 3D-принтер. И этот принтер может вывести нас на него.

– Как?

– Магазины, торгующие электронным оборудованием, регистрируют имена клиентов и их адреса, если сумма покупки превышает определенный порог. В Норвегии продано всего около двух тысяч 3D-принтеров. Если все члены следственной группы оставят свои нынешние дела, то в течение суток мы сможем составить общую картину, а за двое суток сумеем установить непричастность девяноста пяти процентов покупателей. В таком случае у нас останется список из двадцати покупателей. Фальшивые или выдуманные имена мы определим, не обнаружив их в Регистре населения по указанному адресу или позвонив людям, которые станут отрицать покупку такого принтера. В большинстве магазинов, торгующих электронным оборудованием, имеются камеры слежения, и мы сможем проверить подозреваемых по времени совершения покупки. Нет никаких причин думать, что он не пошел в ближайший к своему дому магазин, и тогда у нас будет район поиска. А при помощи фотографий, сделанных с

камер слежения, люди смогут помочь нам двигаться в нужном направлении.

– Как ты додумался до этого 3D-принтера, Харри?

– Я разговаривал с Олегом о принтерах и оружии и...

– Оставят свои нынешние дела, Харри? Чтобы сосредоточить все усилия на том, что пришло тебе в голову во время разговора с Олегом?

– Да.

– Вот именно такие альтернативные версии ты и должен проверять со своей партизанской группой, Харри.

– Она по-прежнему состоит из меня одного, и мне нужны твои ресурсы.

Катрина загоготала:

– Если бы тебя звали не Харри Холе, я бы уже повесила трубку.

– Тогда хорошо, что меня так зовут. Послушай, мы три года безуспешно искали Валентина Йертсена. Это наш единственный новый след.

– Дай мне подумать над этим после окончания телешоу; мы скоро выходим в эфир, и моя голова забита вещами, о которых я должна сказать и о которых не должна говорить. А в животе у меня трепыхаются бабочки, если уж совсем честно.

– Мм...

– Советы теленовичку?

– Откинься назад и будь расслабленной, гениальной и остроумной.

Он почти услышал, как она улыбается.

– Именно так ты обычно вел себя на телевидении?

– Я не обладал ничем из перечисленного. И да, будь трезвой.

Харри спрятал телефон в карман. Они приближались к *тому месту*. К месту, где улица Шлемдалсвейен пересекает улицу Расмуса Виндеренса в районе Виндерен. Загорелся красный. Они остановились. И Харри не смог сохранить спокойствие. Ему никогда не удавалось сохранять здесь спокойствие. Он бросил взгляд на перрон на другой стороне рельсов метро. Место, где он полжизни назад потерял контроль над полицейской машиной во время погони, перелетел через трамвайные пути и врезался в бетон. Его коллега, находившийся на пассажирском сиденье, погиб. Насколько Харри был пьян? Его так и не проверили на содержание алкоголя в крови, а в составленном рапорте значилось, что он находился на пассажирском сиденье, а не на водительском. Все для блага подразделения.

– Вы сделали это, чтобы спасти жизни?

– Что именно? – спросил Харри.

– Стали работать в отделе убийств, – пояснил Виллер. – Или чтобы ловить убийц?

– Мм... Ты думаешь о том, что сказал Жених?

– Я помню ваши лекции. Я думал, что вы стали следователем по раскрытию убийств, потому что просто любили эту работу.

Харри покачал головой:

– Я поступил так потому, что только это я умею делать хорошо. Я ненавижу эту работу.

– В самом деле?

Харри пожал плечами, и тут загорелся зеленый. Они поехали дальше в направлении района Майорстуа и ночной мглы, которая ползла в их сторону из котлована, где располагался Осло.

– Высади меня вон у того бара, – сказал Харри. – У бара первой жертвы.

Катрина стояла за кулисами и рассматривала маленький пустынный островок, расположенный прямо в круге света. Островок представлял собой черную площадку с тремя стульями и столиком. На одном из стульев сидел ведущий программы «Воскресный журнал», который вскоре представит ее в качестве первого гостя. Катрина пыталась не думать о море глаз, готовых устремиться на нее. Не думать о том, как сильно бьется ее сердце. Не думать о том, что Валентин в данный момент находится где-то там и, хотя они никогда не были так уверены в том, что это он, ничего не могли сделать, чтобы помешать ему. Вместо этого она повторяла про себя инструкции Бельмана: быть убедительной и уверенной, когда она будет говорить о том, что дело раскрыто, но преступник остается на свободе и существует вероятность того, что он сбежал за границу.

Катрина посмотрела на выпускающего редактора с папкой в руках и в гарнитуре, стоявшую между камерами и морем глаз. Она прокричала, что до эфира осталось десять секунд, и начала обратный отсчет. И совершенно неожиданно Катрине в голову пришла мысль об одной идиотской мелкой ерунде, случившейся раньше в тот же день. Возможно, мысль пришла оттого, что Катрина устала и нервничала, а возможно, мозг просто отдыхал с помощью такой ерунды, ведь то, на чем он должен сосредоточиться, велико и ужасно. Ерунда заключалась в том, что Катрина заскочила к Бьёрну в криминалистический и попросила его поторопиться с анализом технических улик с лестницы, чтобы она могла воспользоваться результатами на телешоу для пущей убедительности. Вполне естественно, в воскресенье в криминалистическом отделе народу было немного, а те, кто

там находился, занимались убийствами вампириста. Возможно, из-за пустоты в помещении ситуация выбила Катрину из колеи. Когда она, как обычно, зашла прямо в узкий кабинет Бьёрна, перед его стулом стояла женщина, да, она почти склонялась над ним. По всей вероятности, было сказано или произошло что-то веселое, потому что и женщина, и Бьёрн смеялись. Они повернулись в сторону Катрины, и она поняла, что женщина – это недавно назначенная начальником криминалистического отдела как-ее-там Лиен. Катрина вспомнила, что, когда Бьёрн рассказал ей об этом назначении, она подумала, что девушка слишком молода и неопытна и что должность должна была достаться Бьёрну. Или, точнее, Бьёрну следовало согласиться на эту должность, потому что ему предлагали занять ее. Но в том ответе был весь Бьёрн Хольм: зачем избавляться от довольно неплохого криминалиста, чтобы получить довольно плохого начальника? С этой точки зрения фру или фрекен Лиен стала хорошим выбором; Катрина, во всяком случае, не слышала, чтобы какая-нибудь Лиен отличилась в профессиональном плане в Полицейском управлении. Когда Катрина высказала свою просьбу об ускоренном проведении анализа, Бьёрн спокойно ответил, что решать будет его шеф, потому что приоритеты расставляет она. И как-ее-там Лиен с как бы доброжелательной улыбкой сказала, что спросит у других криминалистов, когда они смогут закончить работу. В этот момент Катрина немного громче, чем надо, пояснила, что «спросить» недостаточно, что сейчас главным делом полиции являются убийства вампириста и что это понимают все имеющие мало-мальский опыт. И будет не слишком хорошо, если с экрана телевизора ей придется сказать, что она не может ответить, поскольку новая начальница криминалистического отдела считает это дело недостаточно важным.

И Берна Лиен – вот теперь она вспомнила ее имя, потому что оно было похоже на имя Бернадетт из «Теории Большого взрыва», малышки в очках и со слишком большой грудью, – ответила: «А если я дам этому делу приоритет, *обещаете* никому не говорить, что я считаю издевательства над ребенком в Акере и убийства чести в Стовнере недостаточно важными?» Катрина не поняла, что ее умоляющий тон – игра, пока Лиен не сказала нормальным, серьезным голосом: «Я, конечно, согласна, что это очень срочно, если это может помешать совершению новых убийств, Братт. Но только это, а не ваше выступление по телевидению может повлиять на мои оценки. Я свяжусь с вами через двадцать минут, хорошо?»

Катрина Братт только кивнула и ушла. Она поехала прямо в Полицейское управление, заперлась в женском туалете и смыла косметику,

нанесенную перед поездкой в криминалистический отдел.

Заиграла музыка заставки, и ведущий программы, прямо сидевший на стуле, еще больше выпрямил спину, разминая при этом мышцы лица при помощи преувеличенно широкой улыбки, которую, исходя из тематики программы, сегодня вечером ему использовать не придется.

Катрина почувствовала, как в кармане брюк завибрировал мобильный. В качестве руководителя следствия, который должен быть постоянно доступен, она проигнорировала запрет на включенные телефоны во время всего прямого эфира. Пришло сообщение от Бьёрна.

«Определили отпечатки пальцев с двери в подъезд Пенелопы. Валентин Йертсен. Смотрю ТВ. Break a leg»^[20].

Катрина кивнула стоявшей рядом девушке, которая повторила, что ей надо будет пройти к ведущему сразу после того, как она услышит свое имя, и сесть вон на тот стул.

«Break a leg». Как будто она выходила на театральные подмостки. Но тем не менее про себя Катрина улыбалась.

Харри остановился в дверях бара «Ревность». И сразу понял, что звук шумной толпы обманчив, ведь если в кабинках, расположенных вдоль одной стены, никто не сидел, то он был единственным гостем заведения. А шум исходит из телевизора позади барной стойки, по которому показывают футбольный матч. Харри уселся на один из стульев у стойки и стал смотреть.

– «Бешикташ» – «Галатасарай», – улыбнулся бармен.

– Турецкие, – сказал Харри.

– Да, – удрученно произнес бармен. – Интересуетесь?

– Не особенно.

– Ничего. В любом случае это просто сумасшествие. Если ты болельщик команды гостей и твоя команда выигрывает матч, после игры ты должен молнией нестись домой, если не хочешь, чтобы тебя застрелили.

– Мм... Дело в религиозных или классовых различиях?

Бармен прекратил протирать полулитровую пивную кружку и посмотрел на Харри:

– Дело в победе.

Харри пожал плечами:

– Конечно. Меня зовут Харри Холм, я... был старшим инспектором в отделе по расследованию убийств. Меня снова наняли в связи с...

– Элисой Хермансен.

– Точно. В одних свидетельских показаниях я прочитал, что в одно

время с Элисой и ее кавалером у вас находился гость в ковбойских сапогах.

– Было такое.

– Можете рассказать что-нибудь о нем?

– Вообще-то, нет. Насколько я помню, он вошел сразу после Элисы Хермансен и уселся вон в той кабинке.

– Вы видели его?

– Да, но не настолько долго и хорошо, чтобы дать описание. Как вы понимаете, кабинки отсюда плохо видны, а он ничего не заказывал до тех пор, пока внезапно не исчез. Они часто так поступают, им кажется, что здесь слишком тихо. В барах так и происходит: нужны люди, чтобы заманить других людей. Но я не видел, когда он ушел, и больше о нем не думал. И потом, ее ведь убили в собственной квартире, да?

– Да.

– Вы считаете, что он мог проследить за ней до дому?

– Такое возможно. – Харри взглянул на бармена. – Мехмет, не так ли?

– Точно.

Что-то в этом парне инстинктивно нравилось Харри, и он решился вслух сказать то, что думает:

– Если мне не нравится вид бара, я разворачиваюсь в дверях, а если захожу, то покупаю что-нибудь, а не просто сижу в уголке. Он мог проследить за ней до этого места, а когда просчитал ситуацию и понял, что скоро она уйдет домой, причем без парня, он мог отправиться в ее квартиру и поджидать ее там.

– Правда? Большой человек. И бедная девочка. Кстати, о бедных: вот парень, с которым она встречалась в тот вечер.

Мехмет кивнул на дверь, и Харри повернулся. Болельщики «Галатасарая» заглушили явление лысого полноватого мужчины в дутой жилетке и черной рубашке. Он подсел к стойке и с каменным выражением лица кивнул бармену:

– Пол-литра.

– Гейр Селле? – спросил Харри.

– Лучше бы нет, – ответил мужчина и глухо засмеялся, не меняя выражения лица. – Журналист?

– Полиция. Я бы хотел спросить у вас обоих, узнаете ли вы этого мужчину. – Харри положил на стойку бара копию фоторобота Валентина Йертсена. – После этого он произвел несколько пластических операций на лице, поэтому включайте фантазию.

Мехмет и Селле изучили изображение. Оба отрицательно покачали головой.

– Кстати, забудь о пол-литре, – сказал Селле. – Я вспомнил, что мне нужно домой.

– Как видишь, кружка уже налита, – ответил Мехмет.

– Мне собаку надо выгулять, отдай пиво полицейскому, его, кажется, мучает жажда.

– Мм... Ответьте на последний вопрос, Селле. В свидетельских показаниях говорится, что Элиса рассказывала вам о том, кто ее преследовал и угрожал мужчинам, с которыми она встречалась. Вам эти рассказы показались правдой?

– Правдой?

– Она сказала это не для того, чтобы отпугнуть вас?

– Хе-хе, вот что. Ну да. У нее были свои методы избавления от лягушек. – Попытка Гейра Селле улыбнуться исказила его лицо гримасой. – Вроде меня.

– Мм... Вы считаете, что ей пришлось поцеловать много лягушек?

– «Тиндер» может разочаровать, но человек не перестает надеяться, верно?

– Этот преследователь, как вам показалось из ее слов, был случайным психом или мужчиной, с которым ее раньше связывали отношения?

– Нет. – Гейр Селле застегнул молнию на дутой жилетке до самого подбородка, хотя на улице было довольно тепло. – Я пошел.

Когда за ним захлопнулась дверь, Харри положил на стойку сто крон.

– Мужчина, с которым ее раньше связывали отношения? – произнес бармен, давая ему сдачу. – Я думал, что в истории с этими убийствами речь идет только о питье крови. И о сексе.

– Возможно, – сказал Харри. – Но как правило, в таких случаях замешана ревность.

– А если нет?

– Возможно, речь идет о том, о чем сказали вы.

– О крови и сексе?

– О победе. – Харри посмотрел на кружку. Пиво всегда насыщало его и утомляло. Ему нравились первые глотки, но потом пиво становилось печальным на вкус. – Кстати, о победах. Кажется, «Галатасарай» проигрывает, поэтому не будете ли вы возражать, если мы переключимся на «Воскресный журнал» на «НРК-1»? [\[21\]](#)

– А что, если я болею за «Бешикташ»?

Харри кивнул на угол верхней зеркальной полки:

– Тогда вы не стали бы вешать вымпел «Галатасарая» за бутылкой «Джима Бима» вон там, Мехмет.

Бармен посмотрел на Харри. Потом улыбнулся, покачал головой и нажал кнопку пульта.

– Мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что человек, напавший вчера на женщину в Ховсетере, – это тот же человек, который убил Элису Хермансен и Эву Долмен, – сказала Катрина и вдруг заметила, как *тихо* стало в студии, будто всё вокруг обратилось в слух. – Но я могу утверждать, что у нас есть физические улики и свидетельские показания, которые привязывают ко вчерашнему нападению вполне определенного человека. А поскольку он и так является разыскиваемым беглым преступником, осужденным за сексуальные преступления, мы решили обнародовать его имя.

– И в первый раз вы сделаете это здесь, в «Воскресном журнале»?

– Да, сделаю. Его настоящее имя – Валентин Йертсен, но он наверняка пользуется другим именем.

Катрина заметила, что ведущий программы был слегка разочарован тем, что она так быстро назвала преступника, ведь ему хотелось бы дать больше словесной барабанной дробы перед этим моментом.

– А это так называемый фоторобот, на котором видно, как он выглядел три года назад, – сказала она. – После этого он, вероятно, произвел несколько пластических операций, но вы можете получить приблизительное представление о его внешности.

Катрина подняла рисунок так, чтобы он был виден маленькой трибуне, где находилось человек пятьдесят зрителей, нужных, по выражению редактора, для придания программе «нерва». Катрина подождала, увидела, как прямо перед ней над камерой загорелась красная лампочка, и дала время людям, сидящим в своих гостиных, запомнить рисунок. Ведущий смотрел на нее блаженным взглядом.

– Всех, у кого есть сведения об этом человеке, мы просим позвонить по телефону горячей линии, – сказала она. – Фоторобот, все известные имена преступника, а также номер телефона горячей линии можно найти на сайте Полицейского управления Осло.

– И конечно, дело срочное, – произнес ведущий, обращаясь к камере. – Потому что существует риск того, что вампирист может нанести новый удар уже сегодня вечером. – Он повернулся к Катрине. – Причем прямо в этот миг, не так ли?

Катрина поняла, что он ждет ее помощи, чтобы создать в воображении зрителей живой образ вампириста, пьющего свежую кровь температуры тела.

– Мы ничего не будем исключать, – сказала она. Именно эту формулировку Бельман вбил в нее слово за словом. Он объяснил, что если во фразе «мы ничего не можем исключать» заменить «не можем» на «не будем», то у зрителя создается впечатление, что полиция Осло обладает информацией, позволяющей исключить целый ряд факторов, но предпочитает этого не делать. – Но у меня имеются сведения, указывающие на то, что Валентин Йертсен мог покинуть страну в промежуток между последним нападением и получением результатов экспертиз, установивших его личность. Вполне возможно, у него имеется убежище за пределами Норвегии, где он прятался все то время, что находился в розыске.

Бельману не было надобности объяснять ей эти слова, она быстро училась. «У меня имеются сведения» наводит на мысли о слежке, тайных информаторах и основательной полицейской работе, но тот факт, что она говорила о легкодоступном расписании авиарейсов, поездов и паромов, не означал того, что она лгала. Утверждение о том, что он, вполне возможно, находится за границей, не было ложным до тех пор, пока они не установят обратное, и к тому же деликатно снимало с них ответственность за то, что Валентина Йертсена не поймали за все те годы, что он находился «за границей».

– И как же отыскать вампириста? – спросил ведущий программы и повернулся в другую сторону. – У нас в гостях Халлстейн Смит, профессор психологии и автор ряда статей о вампиризме. Вы можете ответить на этот вопрос, Смит?

Катрина посмотрела на Смита, сидевшего на третьем стуле, который пока не попадал в кадр. На психологе были большие очки и праздничный пестрый пиджак, сшитый, судя по всему, на заказ. Облик Смита сильно контрастировал со строгими черными облегающими кожаными брюками Катрины, ее элегантным черным жакетом из латекса и зачесанными назад блестящими волосами. Она знала, что хорошо выглядит и что вечером, когда зайдет на сайт, увидит комментарии и приглашения. Но ей было все равно, Бельман ничего не говорил о внешнем виде. Зато она надеялась, что ее видит как-ее-там сучка Лиен.

– Э-э... – произнес Смит и глуповато улыбнулся.

Катрина заметила, что ведущий беспокоится, не остолбенел ли психолог, и хочет вмешаться.

– Во-первых, я не профессор, я еще работаю над своей докторской диссертацией. Но если я защищусь, то обязательно вам об этом сообщу.

Зрители рассмеялись.

– Во-вторых, статьи, которые я написал, не публиковались в

профессиональных изданиях, только в сомнительных журналах, исследующих малоизвестные пограничные области психологии. Один из таких журналов называется «Психо», как фильм. Кстати, самое низкое падение в моей академической карьере.

Опять раскат смеха.

– Но я действительно психолог, – сказал Смит, обращаясь к публике. – Я окончил Университет Миколаса Ромериса в Вильнюсе с оценками выше среднего. И у меня есть кушетка, на которой вы можете лежать и смотреть в потолок, платя при этом полторы тысячи крон в час за то, что я делаю вид, будто записываю.

На какое-то мгновение показалось, что и смешливая публика, и ведущий программы забыли о серьезности темы. Но Смит вернул их обратно:

– Но я не знаю, как ловят вампиристов.

Тишина.

– По крайней мере, не знаю общих правил. Вампиристы встречаются редко, и еще реже они выходят на поверхность. Позвольте мне сначала сказать, что нам следует различать два вида вампиристов. Один из них относительно безопасен: это люди, увлеченные мифом о бессмертном кровососущем полубоге, на этом мифе строятся современные истории о вампирах, например о Дракуле. Данная форма вампиризма имеет явную эротическую окраску. Ее даже комментировал наш дорогой Зигмунд Фрейд. Она редко забирает жизни. И есть люди, страдающие тем, что мы называем клиническим вампиризмом, или синдромом Ренфилда, то есть они озабочены поглощением крови. Большинство статей на эту тему опубликовано в судебно-психиатрических журналах, поскольку там, как правило, описываются крайне жестокие преступления. Но вампиризм как феномен не признан в мире психиатрии, его воспринимают как область сенсаций и поле для деятельности шарлатанов. Да, вампиризм даже не указан в психиатрической энциклопедии. Нас, исследователей вампиризма, обвиняют в том, что мы занимаемся типом человека, которого не существует. Последние три дня мне очень хотелось, чтобы обвинители были правы. К сожалению, они ошибаются. Вампиров не существует, но вампиристы есть.

– Как человек становится вампиристом, Смит?

– На этот вопрос, разумеется, не существует общего ответа, но, как правило, все начинается с ключевого события в детстве, во время которого человек переживает ситуацию, когда у него самого или у кого-либо другого происходит обильное кровотечение. Или кто-то пьет кровь. И

происходящее всем кажется интересным. Например, известного вампириста и серийного убийцу Джона Джорджа Хэя наказывала крайне религиозная мать. Она била его щеткой для волос, и после избиений он обычно слизывал с себя кровь. Позже, в пубертатном периоде, кровь, как правило, воспринимается в качестве источника сексуального возбуждения. В это время будущий вампирист начинает экспериментировать с кровью. Сначала он занимается так называемым автовампиризмом – режет себя и пьет собственную кровь. Потом он может убить, например, мышь, крысу или кошку и выпить ее кровь. В какой-то момент он делает решительный шаг и выпивает кровь другого человека. Обычным является также то, что после выпивания крови он убивает донора. После этого он становится полнокровным вампиристом. Э-э... игра слов не намеренная.

– А изнасилование – в какой момент появляется оно? Мы знаем, что Элиса Хермансен подверглась сексуальному насилию.

– Да, но хотя сексуальная составляющая никогда не исчезает, ощущение власти и контроля имеет для взрослого вампириста не меньшее значение. Джон Джордж Хэй, например, не очень интересовался сексом, он говорил, что просто обязан выпить кровь своих жертв. Он пил ее, кстати говоря, из бокала. И я совершенно уверен, что для вампириста из Осло кровь важнее сексуального удовлетворения.

– Старший инспектор Братт?..

– Э-э... да?

– Вы согласны? Правда ли, что кровь для этого вампириста важнее, чем секс?

– Это комментировать я не могу и не буду.

Катрина поняла, что ведущий программы принял быстрое решение, повернувшись обратно к Смиту. Он догадывался, что из Смита можно вытащить больше.

– Смит, а вампиристы думают, что они вампиры? Иными словами, что они бессмертны до тех пор, пока избегают солнечного света, что они заражают других через укусы, ну и так далее?

– Только не клинический вампир с синдромом Ренфилда. С этой точки зрения неудачной шуткой кажется то, что синдром назвали именем Ренфилда, слуги графа Дракулы из истории Брэма Стокера. Его следовало бы назвать именем Нолла, психиатра, который первым описал этот синдром. С другой стороны, Нолл тоже не принимал вампиризм всерьез, и его статья, посвященная синдрому, носила пародийный характер.

– Можно ли предположить, что этот человек не то чтобы болен, но принимает наркотик, который вызывает жажду человеческой крови, так же,

как наркотик МДПВ, также называемый «солью для ванн», заставлял подсевших на него нападать на других людей и есть их тела в Майами и Нью-Йорке в две тысячи двенадцатом году?

– Нет. Когда употребляющие МДПВ становятся каннибалами, они находятся в состоянии психоза, они не в состоянии мыслить рационально или планировать; полиция берет их с поличным, и они даже не пытаются спрятаться. Для типичного вампириста жажда крови тоже является сильным движущим фактором, и мысли о том, как скрыться, не стоят у него на первом месте. Но в нашем случае вампирист, он или она, так хорошо планирует, что даже не оставляет за собой следов, если верить «ВГ».

– Она?

– Я... э-э... просто хотел быть политкорректным. Вампирист, как правило, мужчина, по крайней мере в тех случаях, которые сопряжены с нападением и насилием, как в нашем случае. Вампирист-женщины чаще довольствуются автовампиризмом, ищут близких по духу, с кем можно обмениваться кровью, добывают кровь с боев или болтаются поблизости от банков крови. Кстати, у меня была одна пациентка в Литве, которая живьем поела канареек своей матери...

Впервые за вечер зрители дружно ахнули, а кто-то засмеялся, но тут же оборвал смех.

– Мы с коллегами сначала полагали, что речь идет о так называемой *species dysphoria*, то есть пациентка думает, что она рождена представителем не того вида и на самом деле она – кошка. Но потом мы поняли, что перед нами случай вампиризма. К сожалению, журнал «Психология сегодня» с нами не согласился, так что, если вы захотите прочитать статью об этом случае, надо отправиться на сайт Hallstein.Psykolog.com.

– Старший инспектор Братт, можем ли мы с уверенностью утверждать, что перед нами серийный убийца?

Катрина подумала пару секунд перед тем, как ответить:

– Нет.

– Но «ВГ» пишет, что Харри Холе, небезызвестный эксперт по серийным убийствам, тоже работает над делом. Разве это не означает...

– Бывает, что мы консультируемся с пожарными, даже когда в деле нет пожара.

Единственным, кто засмеялся, был Смит:

– Отличный ответ! Психиатры и психологи умерли бы с голоду, если бы к ним обращались только нездоровые пациенты.

Ответом на эту шутку стал смех, и ведущий программы благодарно улыбнулся Смигу. Катрине пришло в голову, что из них двоих повторно на программу, скорее всего, пригласят Смита.

– Серийный убийца перед нами или нет, но как вам кажется, Братт и Смит, вампирист нанесет новый удар? Или будет ждать следующего полнолуния?

– Я не буду рассуждать на эту тему, – отрезала Катрина и увидела во взгляде ведущего намек на раздражение.

Какого черта, он что, ждал, что она будет участвовать в его таблоидных играх?

– Я тоже не стану рассуждать, – сказал Халлстейн Смит. – Мне и не надо, потому что я *знаю* ответ. Парафил – так мы не совсем точно называем человека с сексуальными извращениями, – который не лечится, редко останавливается по собственной воле. А вампирист – никогда. Кроме того, мне кажется, что совпадение последней попытки убийства с полнолунием порадовало СМИ больше, чем вампириста, но это чистая случайность.

Казалось, ведущего программы совершенно не задела колкость Смита. Он спросил, серьезно нахмутив лоб:

– Не хотите ли вы сказать, Смит, что полиция заслуживает критики, поскольку сразу не предупредила общественность о том, что вампирист начал поход, как вы сами сделали на страницах «ВГ»?

– Хм... – Смит поморщился и посмотрел вверх, на один из прожекторов. – Это вопрос о том, следует людям знать или нет? Вампиризм, как уже было сказано, находится в темных закоулках психологии, куда еще не проник свет, и мы, несмотря ни на что, не можем требовать, чтобы полиция профессионально разбиралась в любых вещах между небом и землей. Так что нет. Я бы сказал, это не очень удачно, но не заслуживает критики.

– Однако теперь полиция знает. Что ей следует предпринять?

– Добыть знания о предмете.

– И напоследок. Скольких вампиристов вы встречали?

Смит надул щеки и выпустил воздух.

– Настоящих?

– Да.

– Двоих.

– Как вы сами реагируете на кровь?

– Мне плохо от ее вида.

– И все же вы ведете исследования и пишете о ней.

Смит криво улыбнулся:

– Может быть, именно поэтому. Все мы немного сумасшедшие.

– И вы тоже, старший инспектор Братт?

Катрина вздрогнула, на мгновение забыв, что она не смотрит телевизор, а находится в телевизоре.

– Что – я?

– Немного сумасшедшая?

Катрина попыталась найти ответ. Остроумный и гениальный, как советовал Харри. Она знала, что придумает что-нибудь, когда будет ложиться спать сегодня вечером. И хотелось бы, чтобы это произошло поскорее, потому что потребность во сне усиливалась по мере того, как сокращалось производство адреналина от волнения перед этим выступлением.

– Я... – начала она, сдалась и отделалась коротким: – Кто знает?

– Достаточно сумасшедшая, чтобы повстречаться с вампиром? Не с убийцей, как в этом трагическом случае, но с тем, кто немного покусают вас?

Катрина догадывалась, что это шутка, возможно, намек на ее кожаный костюмчик в стиле садомазо.

– Немного? – повторила она, приподняв узкую, подведенную черным бровь. – Да, почему бы и нет?

И, даже не стараясь, она на этот раз тоже вызвала смех аудитории.

– Удачи в охоте, Братт. Последнее слово вам, Смит. Вы так и не ответили на вопрос, как найти вампириста. Есть ли у вас совет для Братт?

– Вампиризм – это настолько экстремальная парафилия, что она часто сопутствует другим психиатрическим диагнозам. Поэтому я призываю всех психологов и психиатров помочь полиции, проверив списки своих пациентов и подумав, есть ли у них пациенты, подходящие под критерии клинического вампира. Мне кажется, мы все согласимся с тем, что в данном случае врачебная тайна может быть нарушена.

– И на этом наш «Воскресный журнал»...

Экран телевизора позади барной стойки погас.

– Жуткие вещи, – сказал Мехмет. – Но ваша коллега была хороша.

– Мм... Здесь всегда так малоллюдно?

– Да нет. – Мехмет оглядел помещение и прокашлялся. – Или да.

– Мне это нравится.

– Правда? Вы не притронулись к пиву. Смотрите, оно уже совсем мертвое.

– Хорошо, – ответил полицейский.

– Могу дать вам кое-что более живое. – Мехмет кивнул в сторону вымпела «Галатасарая».

Катрина быстро шла по лабиринтам пустых коридоров телецентра, как вдруг услышала у себя за спиной тяжелые шаги и сопение. Она полуобернулась, не останавливаясь. Оказалось, это Халлстейн Смит. Катрина поняла, что он либо сознательно развил технику бега, настолько же неординарную, как и его исследования, либо на удивление кривоног.

– Братт! – прокричал Смит.

Катрина остановилась и подождала его.

– Во-первых, я должен попросить у вас прощения, – сказал Смит, стоя перед ней и тяжело дыша.

– За что?

– За то, что я слишком много говорил. Внимание всегда приводит меня в радостное возбуждение, моя жена все время мне это говорит. Но что еще важнее, тот фоторобот...

– Да?

– Я не мог сказать этого там, в прямом эфире, но, возможно, он был моим пациентом.

– Валентин Йертсен?

Смит покачал головой:

– Я не уверен, прошло уже года два, и если это он, то у нас была всего пара сеансов терапии в офисе, который я снимал в городе. Сходство даже не слишком явное, но я думал только об одном этом пациенте, когда вы упомянули о пластических операциях. Потому что я помню шрамы от стежков у него под подбородком.

– Он был вампиром?

– Откуда я знаю? Он об этом ничего не говорил, иначе я бы, конечно, включил его в свои исследования.

– Может быть, он пришел именно к вам из любопытства, зная, что вы исследуете его... как это называется?

– Парафилия. Совершенно не исключаю. Я, как уже говорил, совершенно уверен, что мы имеем дело с умным вампиром, знающим о собственном заболевании. В любом случае теперь особенно горько осознавать, что весь мой пациентский архив похищен.

– Вы не помните, как этот пациент называл себя, где работал или где жил?

Смит тяжело вздохнул:

– Боюсь, моя память уже не та, что когда-то.

Катрина кивнула:

– Будем надеяться, что он обращался к другим психиатрам и что они его помнят. И что в отношении врачебной тайны они не слишком фанатичные католики.

– Немного католицизма не так уж и плохо.

Катрина подняла бровь:

– Что вы имеете в виду?

Смит прикрыл глаза с таким видом, словно мысленно выругал себя:

– Ничего.

– Да ладно вам, Смит.

Психолог всплеснул руками:

– Я просто сложил два и два, Братт. Я соединил вашу реакцию на вопрос ведущего программы, сумасшедшая ли вы, с вашими словами о том, как вы промокли в Саннвикене. Мы часто неосознанно сообщаем что-то, и вы неосознанно сообщили, что были пациентом психиатрической больницы в Саннвикене. И для вас, руководителя отдела по расследованию убийств, соблюдение врачебной тайны должно являться нормой, поскольку она защищает тех, кто обратился за помощью в решении проблем, чтобы позже они не помешали строить карьеру.

Катрина Братт почувствовала, как у нее открывается рот, и безуспешно попыталась сформулировать какую-нибудь мысль.

– Вам, кстати, не обязательно отвечать на мои идиотские предположения, – сказал Смит. – Я ведь тоже обязан соблюдать тайну, должен заметить. Хорошего вечера, Братт.

Катрина стояла и смотрела, как Халлстейн Смит топает по коридору своими ногами иксом, как у Эйфелевой башни, и тут у нее зазвонил телефон.

Звонил Бельман.

Обнаженный, он потерялся в непрозрачном раскаленном тумане, обжигаящем участки тела, на которых он так разодрал кожу, что на деревянную скамейку под ним сочилась кровь. Он закрыл глаза и почувствовал, как они наполняются слезами, и представил себе, как все произойдет. Чертовы правила. Ограниченное удовольствие, ограниченная боль не позволяли ему выразить себя так, как он бы предпочел. Но придут другие времена. Тот полицейский получил его послания и теперь охотится на него. Прямо сейчас. Пытается подобраться к нему, но не может. Потому что он чист.

Он вздрогнул, услышав кашель в тумане, и понял, что уже не один.

– Karatiyoguz^[22].

– Yes, – ответил Валентин Йертсен невнятным голосом, продолжая сидеть и глотать слезы.

Заведение закрывается.

Он осторожно прикоснулся к своему половому органу. Он точно знал, где она. Как с ней играть. Он был готов. Валентин втянул влажный воздух в легкие. А Харри Холле думает, что охотник – это он.

Валентин Йертсен рывком поднялся и направился к двери.

Глава 16

Воскресенье, ночь

Аврора поднялась с кровати и тихо проскользнула в коридор. Она прошла мимо двери в спальню родителей и мимо лестницы вниз, в гостиную. Она не могла не прислушаться к урчащему молчаливому мраку внизу, прежде чем войти в ванную и зажечь свет. Аврора закрыла дверь, стянула трусики и села на унитаз. Она ждала, но ничего не происходило. Ей так захотелось писать, что она не могла спать, так почему же теперь у нее ничего не выходит? Может, это потому, что на самом деле ей не требовалось в туалет, но она уверила себя, что именно из-за этого не может спать? И потому, что здесь светло и безопасно? Она заперла дверь. Когда она была маленькой, родители просили ее этого не делать, если в доме не было гостей. Потому что им надо будет попасть внутрь, если с ней что-нибудь случится.

Аврора закрыла глаза и прислушалась. Что, если у них гости? Ее ведь разбудил какой-то звук, сейчас она это вспомнила. Звук скрипнувших ботинок. Нет, сапог. Сапог с длинными острыми носками, которые сгибаются и скрипят, когда он крадется вперед. Вот он остановился и ждет у двери ванной. Ждет ее. Аврора почувствовала, что не может дышать, и машинально взглянула на щель под дверью. Но ее скрывал порожек, и она не могла видеть, падает ли с другой стороны какая-нибудь тень. В любом случае там, снаружи, совершенно темно. Впервые она увидела его, когда пряталась в кустах в саду. Он попросил стакан воды и почти зашел в дом следом за Авророй, но исчез, когда услышал звук приближающейся маминной машины. Во второй раз он оказался в женском туалете во время гандбольного турнира.

Аврора прислушалась. Она знала, что он там. В темноте по ту сторону двери. Он сказал, что вернется, если она что-нибудь скажет. И она ничего не сказала. Так было безопаснее всего. И она знала, почему сейчас не может пописать. Тогда он узнает, что она находится здесь.

Она закрыла глаза и прислушалась изо всех сил. Нет. Ничего. И она снова задышала. Он ушел.

Аврора натянула трусики, отперла дверь и быстро вышла из ванной. Она пробежала мимо лестницы к двери в спальню родителей. Осторожно открыла ее и заглянула в комнату. Полоска лунного света падала на папино лицо через щель между шторами. Аврора не видела, дышит ли он, но лицо

его было таким белым, как у бабушки, когда та лежала в гробу. Аврора подобралась поближе к кровати. Мамино дыхание было похоже на звук, издаваемый синим резиновым насосом, которым они на даче надували матрасы, когда Аврора нажимала на него ногой. Она подошла к папе, поднесла ухо так близко к его рту, как смогла, и почувствовала, как сердце запрыгало от радости, когда она ощутила его теплое дыхание на своей коже.

Она лежала в своей постели, и ей казалось, что ничего никогда не происходило. Что у нее просто случился кошмар, а теперь она может закрыть глаза и спокойно заснуть.

Ракель открыла глаза.

Ей приснился кошмар. Но разбудило ее не это. Кто-то находился на первом этаже дома. Она бросила взгляд на вторую половину кровати. Харри там не было. Значит, это он пришел. Теперь она слышала его шаги на лестнице и автоматически попыталась расслышать в них знакомое. Но нет, это были другие шаги. Они не были похожи и на шаги Олега, если вдруг он решил заскочить домой.

Ракель уставилась на закрытую дверь спальни.

Шаги приближались.

Дверь открылась.

Большой темный силуэт заполнил пространство двери.

И теперь Ракель вспомнила, что ей снилось. Стояла полная луна, и он приковал себя к кровати, простыня на которой была изодрана в клочья. Он бился от боли, дергал цепи, выл раненым зверем в ночное небо и в конце концов содрал с себя кожу. Под ней проявилось его второе «я». Оборотень с когтями и клыками, в синих сумасшедших глазах которого – охота и убийство.

– Харри? – прошептала она.

– Я тебя разбудил? – Его глубокий спокойный голос был все тем же, обычным.

– Мне снился сон про тебя.

Он скользнул в комнату, не зажигая света, расстегнул ремень и снял через голову футболку.

– Про меня? Выброшенное на ветер время, я и так твой.

– Где ты был?

– В баре.

Необычный ритм шагов.

– Ты пил?

Он лег в постель рядом с ней.

– Да, я пил. А ты рано легла.

Она задержала дыхание:

– Что ты пил, Харри? И сколько?

– Две чашки. Турецкого кофе.

– Харри! – Она стукнула его подушкой.

– Прости, – рассмеялся он. – Ты знала, что кофе по-турецки нельзя доводить до кипения? И что в Стамбуле три больших футбольных клуба в течение ста лет испытывают ненависть друг к другу, но уже забыли, по какой причине. Кроме той, что для человека очень типично ненавидеть кого-то за то, что тот ненавидит тебя.

Она придвинулась к нему и положила руку ему на грудь:

– Все это для меня полная новость, Харри.

– Я знаю, что тебе нравятся регулярные вводные лекции на тему о том, как устроен мир.

– Не представляю, как бы я жила без этого.

– Ты не ответила, почему так рано легла.

– Ты не спрашивал, ты просто констатировал.

– Теперь спрашиваю.

– Я очень устала. А завтра перед работой у меня ранний прием в «Уллеволе».

– Ты об этом ничего не говорила.

– Нет, меня вызвали только сегодня. Доктор Стеффенс сам позвонил.

– Ты уверена, что это прием, а не предлог?

Ракель тихо рассмеялась, повернулась к нему спиной и погрузилась в его объятия.

– Ты уверен, что не разыгрываешь ревность, только чтобы порадовать меня?

Он осторожно укусил ее в шею. Ракель закрыла глаза и понадеялась, что головную боль скоро победит желание, исполненное сладости болеутоляющее желание. Но желание не приходило. И возможно, Харри это заметил, во всяком случае, он лежал спокойно и просто обнимал ее. Его дыхание было ровным и глубоким, но она знала, что он не спит. Он находится в другом месте. У своей любовницы.

Мона До бежала по беговой дорожке. Из-за дефекта бедра она бегала как краб, поэтому никогда не вставала на беговую дорожку, не убедившись, что вокруг никого нет. Но она любила пробежать несколько километров после тяжелой тренировки, почувствовать, как молочная кислота выходит

из мускулатуры, и посмотреть на погруженный во мрак Фрогнер-парк. «The Rubinoos», пауэр-поп-группа из семидесятых, которая записала саундтрек к любимому фильму ее детства, «Месть придурков», пела горько-сладкие песни в наушниках, подсоединенных к ее телефону, пока их не прервал звонок.

Она знала, что подсознательно ждала его.

Не то чтобы ей *хотелось*, чтобы он снова нанес удар. Ей ничего не хотелось. Она просто сообщала о произошедшем. По крайней мере, так она уговаривала себя.

На мониторе высветилось «неизвестный номер». Значит, звонили не из редакции. Мона помедлила: во время таких больших дел об убийстве на свет вылезает множество странных людей, – но любопытство победило, и она сняла трубку.

– Добрый вечер, Мона, – произнес мужской голос. – Думаю, мы одни.

Мона машинально огляделась. Девушка за стойкой приема гостей сидела, погрузившись в собственный телефон.

– Что вы хотите сказать?

– В твоём распоряжении целый спортивный клуб, а в моём – весь Фрогнер-парк. Да, на самом деле в нашем распоряжении весь Осло, Мона. Ты с твоими очень информативными статьями, и я, главный герой твоих статей.

Мона бросила взгляд на пульсометр на запястье. Пульс увеличился, но ненамного. Все ее друзья знают, что по вечерам она занимается здесь и что из клуба открывается вид на парк. Ее не в первый раз пытаются обмануть и наверняка не в последний.

– Я не знаю ни кто вы, ни что вам нужно. У вас есть десять секунд, чтобы убедить меня не прекращать разговора.

– Я не слишком доволен тем, как освещается дело, некоторые детали моих произведений, кажется, ускользнули от вас. Давай встретимся, и я попробую рассказать, что именно пытаюсь вам показать. И что случится в ближайшем будущем.

Пульс увеличился чуть больше.

– Заманчиво, должна признаться. Только вот вы вряд ли хотите, чтобы вас арестовали, а я не хочу, чтобы меня покусали.

– В контейнерном порту у острова Ормёйя стоит старая заброшенная клетка из зоопарка Кристиансанна. На ней нет замка, так что ты возьмешь с собой навесной замок и запрешь в клетке, а потом я подойду и буду говорить с тобой, стоя с другой стороны. Это означает, что ты будешь под моим контролем и в то же время будешь в безопасности. Можешь взять с

собой оружие для защиты, если хочешь.

– Что-то вроде гарпуна?

– Гарпуна?

– Ну да, раз мы собираемся поиграть в белую акулу и ныряльщика в клетке.

– Ты не воспринимаешь меня всерьез.

– А вы воспринимали бы себя всерьез на моем месте?

– Если бы я был на твоем месте, то, прежде чем принять решение, я бы попросил предоставить информацию об убийствах, которую может знать только тот, кто их совершил.

– Давайте.

– Я воспользовался блендером Эвы Долмен, чтобы приготовить себе коктейль, «Кровавую Эву», если хочешь. Можешь проверить у своего источника в полиции, потому что я не помыл за собой посуду.

Мона задумалась. Это сумасшествие. И это могло стать сенсацией нашего времени, стать определяющим событием для всей ее дальнейшей журналистской работы.

– Хорошо, я сейчас свяжусь с источником. Могу я перезвонить вам через пять минут?

Тихий смех.

– Доверие не строят на дешевых трюках, Мона. Это я перезвоню тебе через пять минут.

– Ладно.

Трульс Бернтсен взял трубку не сразу. Он был сонным.

– Я думала, вы на работе, – сказала Мона.

– Кто-то должен и отдыхать.

– У меня всего один вопрос.

– На несколько вопросов действует скидка.

Повесив трубку, Мона поняла, что нашла золотую жилу. Или, точнее, золотая жила нашла ее.

И когда вновь раздался звонок с неизвестного номера, у нее было два вопроса. Где и когда.

– Улица Хавнегата, три. Завтра в восемь вечера. И, Мона...

– Да?

– Не говори ни слова ни одной живой душе, пока мы не закончим. Помни: я могу постоянно видеть тебя.

– А есть ли причины, по которым мы не можем просто поговорить по телефону?

– Я хочу видеть тебя все это время. А ты будешь видеть меня.

Хороших снов. Если ты уже закончила на беговой дорожке.

Харри лежал на спине и пялился в потолок. Конечно, можно было свалить вину за это на те две чашки черного, как асфальт, кофе Мехмета, но он знал, что причина не в этом. Он снова находился там – там, где невозможно отключить мозг до тех пор, пока все не закончится, где мозг будет работать не останавливаясь, пока преступник не будет пойман, а в некоторых случаях – еще долгое время после этого. Три года. Ни единого признака жизни за три года. Или признака смерти. Но теперь Валентин Йертсен явил себя. Не просто махнул кончиком своего дьявольского хвоста, но добровольно выставил себя в свете прожекторов, как самовлюбленный актер, автор сценария и режиссер в одном лице. Потому что в его действиях присутствовала режиссура, они не были результатом деятельности полностью спятившего психа. Им не удастся поймать его по случайности. Они могут только ждать его следующего хода и молиться Богу, чтобы Йертсен допустил ошибку. А пока им остается искать в надежде заметить ту маленькую оплошность, которую он уже совершил. Потому что оплошности совершают все. Почти все.

Харри прислушался к ровному дыханию Ракели, потом выскользнул из-под одеяла, тихо дошел до двери и спустился в гостиную.

Трубку сняли после второго звонка.

– Я думал, ты спишь, – сказал Харри.

– И тем не менее позвонил? – произнес Столе Эуне сонным голосом.

– Ты должен помочь мне найти Валентина Йертсена.

– Помочь тебе? Или помочь нам?

– Мне. Нам. Городу. Человечеству, черт возьми! Его надо остановить.

– Я уже сказал, моя вахта закончилась, Харри.

– Он не спит, и сейчас он бродит по улицам, Столе. А мы лежим и спим.

– С нечистой совестью. Но мы спим. Потому что мы устали. Я устал, Харри. Слишком устал.

– Мне нужен человек, способный понять его, предсказать его следующий ход, Столе. Увидеть, где он сделает ошибку. Найти его слабое место.

– Я не могу...

– Халлстейн Смит, – перебил его Харри. – Что ты думаешь о нем?

Возникла пауза.

– Ты позвонил совсем не для того, чтобы уговорить меня, – произнес Столе, и Харри понял, что Столе чувствует себя слегка задетым.

– Это план Б, – ответил Харри. – Халлстейн Смит первым сказал, что это вампирист и что он нанесет новый удар. Он был прав в том, что Валентин будет действовать тем методом, который ему удастся, то есть при помощи свиданий по «Тиндеру». Прав в том, что он рискнет и оставит улики. Прав в том, что Валентину все равно, раскроют его личность или нет. К тому же он давно говорит, что полиция должна искать сексуальный мотив. До сих пор Смит угадывал очень хорошо. То, что он плывет против течения, хорошо, потому что я собираюсь использовать его в моей маленькой группе, плывущей против течения. Но что самое важное, ты говорил мне, что он хороший психолог.

– Да, это так. Да, Халлстейн Смит может стать правильным выбором.

– Меня интересует только одна вещь. То прозвище, которое он получил...

– Обезьянка?

– Ты сказал, что оно приклеилось и из-за него коллеги Смита не слишком ему доверяют.

– Господи, Харри, это было полжизни назад.

– Рассказывай.

Казалось, Столе размышляет. Потом он тихо рассмеялся в телефон:

– Боюсь, это прозвище – моя вина. Но конечно же, его тоже. Во время учебы здесь, в Осло, мы обнаружили недостачу денег в маленьком сейфе бара студентов-психологов. Наши подозрения пали на Халлстейна, потому что у него внезапно появились деньги, чтобы все-таки отправиться вместе с нами в студенческую поездку в Вену, от чего он прежде отказывался из-за сложной финансовой ситуации. Проблема в том, что невозможно было доказать, что Халлстейн раздобыл код от сейфа, ведь до денег он мог добраться только таким образом. И я расставил ловушку на обезьян.

– Расставил что?

– Папа! – раздался немного резкий голос молодой девушки на другом конце провода. – Все в порядке?

Харри услышал, как рука Столе прикрывает микрофон.

– Я не хотел разбудить тебя, Аврора. Я разговариваю с Харри.

Голос мамы Ингрид:

– Но ты выглядишь такой испуганной, девочка моя. Кошмар? Давай я пойду с тобой и укрою тебя. Или можем сделать чай.

Звук босых ног, ступающих по полу.

– На чем мы остановились? – спросил Столе Эуне.

– Ловушка на обезьян, – сказал Харри.

– Точно. Ты читал «Дзен и искусство ухода за мотоциклом» Роберта

Пирсига?

– Я только знаю, что там довольно мало говорится об устройстве мотоцикла.

– Да, эта книга прежде всего о философии, но также немного о психологии и о борьбе между разумом и чувствами. Как ловушка для обезьян. Ты делаешь в кокосовом орехе отверстие такого размера, чтобы обезьяна могла просунуть в него лапку. Ты наполняешь кокос пищей и привязываешь к столбу. Потом ты прячешься и выжидаешь. Обезьяна чувствует запах пищи, подходит, засовывает лапку в отверстие, хватается еду, и в этот момент появляешься ты. Обезьяна хочет убежать, но понимает, что не может вытащить лапку из кокоса, не выпустив из нее пищу. Интересно, ведь у обезьяны должно хватить ума понять, что, если ее поймают, ей вряд ли удастся насладиться пищей, но она все равно отказывается выпустить еду из лапки. Инстинкт, голод, желание сильнее разума. И так обезьяна гибнет. Каждый раз. Так что мы с директором бара подготовили большую психологическую викторину и пригласили всех студентов, изучающих предмет. Пришло очень много народу, все активно участвовали в игре, напряжение было велико. Когда мы с директором бара проверили ответы, я объявил, что два самых острых ума среди студентов-психологов, Смит и некий Улавсен, набрали абсолютно одинаковое количество очков, поэтому все решится во время проверки способностей будущих психологов определять ложь. И я представил одну девушку официанткой, усадил ее на стул и дал претендентам задание определить как можно больше цифр от кодового замка сейфа. Смит и Улавсен уселись напротив нее, и девушку начали спрашивать о первой цифре четырехзначного кода, перечисляя цифры от нуля до девяти в случайном порядке. Потом о второй и так далее. Девушке было велено отвечать «нет, это неверная цифра» на каждый вопрос, а Смит и Улавсену предстояло наблюдать за языком тела, величиной зрачков, признаками учащения пульса, произвольными движениями глаз, то есть за всем тем, что амбициозные психологи должны уметь правильно толковать. Победителем должен был стать тот, кто угадает больше правильных цифр. И вот они оба сидят, делают записи, пока я задаю сорок вопросов. Только подумай, что стояло на кону. Титул второго по способностям психолога университета!

– Да, потому что все понимали, что самый способный...

– ...не мог принять участие, поскольку был организатором викторины, да. Когда я закончил, оба участника протянули мне листочки со своими ответами. Оказалось, что Смит верно отгадал все четыре цифры. Овации зала! Это было очень впечатляюще. Подозрительно впечатляюще, можно

сказать. Уровень интеллекта Халлстейна Смита выше, чем у среднестатистической обезьяны, и я даже предполагаю, что он понял, для чего вообще вся эта викторина. И все-таки он не смог выпустить из рук победу. Он просто не смог! Возможно, потому, что на тот момент Халлстейн Смит был незаметным, небогатым, прыщавым юношей, не привлекающим женщин и вообще непривлекательным, – короче говоря, человеком, которому такая победа нужнее, чем всем остальным. Или же потому, что он знал: эта победа может навести на подозрения в том, что это он взял деньги из сейфа, но не сможет *доказать* это, ведь могло же случиться так, что он на самом деле фантастически хорошо разбирается в людях и умеет толковать многочисленные сигналы тела. Но...

– Мм...

– Что?

– Ничего.

– Да ладно, говори.

– Девушка на стуле. Она не знала кода.

Столе хмыкнул:

– Она даже не работала в баре.

– Откуда ты знал, что Смит попадет в твою ловушку для обезьян?

– Ну, на самом деле я фантастически хорошо разбираюсь в людях и так далее. Вопрос в том, что ты думаешь сейчас, когда тебе известно, что твой кандидат в прошлом был вором.

– О какой сумме шла речь?

– Если я правильно помню, о двух тысячах крон.

– Не много. И ты сказал, что в сейфе обнаружилась недостача, то есть он не опустошил его, верно?

– В то время мы думали: он надеялся, что кража не обнаружится.

– Но позже ты предположил, что он взял ровно столько, сколько ему было надо, чтобы поехать вместе со всеми остальными в студенческую поездку.

– Ему вежливо предложили уйти из университета и пообещали взамен не подавать заявления в полицию. И он поступил на психологический факультет в Литве.

– После твоего шоу он отправился в изгнание с прозвищем Обезьянка.

– Он вернулся обратно, продолжил образование в Норвегии, посещал курсы, получил профессию психолога. Он справился.

– Мне кажется, ты испытываешь угрызения совести.

– А мне кажется, что ты собираешься нанять вора.

– Я никогда ничего не имел против воров с приемлемыми мотивами.

– Ха! – вырвалось у Столе. – Теперь он нравится тебе еще больше. Потому что тебе все ясно про ловушку для обезьян и ты тоже не способен отдать победу, Харри. Ты теряешь большое, потому что не в силах отказаться от малого. Ты просто *обязан* поймать Валентина Йертсена, и хотя понимаешь, что придется заплатить за это дорогой ценой, включая потерю собственной жизни и жизни окружающих, ты просто не можешь выпустить его из рук.

– Интересная параллель, но ты ошибаешься.

– Да неужели?

– Да.

– В таком случае я рад. Мне надо пойти посмотреть, как дела у моих женщин.

– Конечно. Если Смит присоединится к нам, не мог бы ты кратко объяснить ему, что потребуется от него как от психолога?

– Разумеется. Это самое меньшее, что я могу сделать.

– Для отдела по расследованию убийств? Или для того, кому ты дал прозвище Обезьянка?

– Спокойной ночи, Харри.

Харри поднялся наверх и лег в постель. Не прикасаясь к Ракели, он лег настолько близко, чтобы ощущать тепло, которое излучало ее спящее тело. Он закрыл глаза.

«Дзен и искусство ухода за мотоциклом».

И через какое-то время он улетел. Улетел из постели, через окно, через ночь вниз к сверкающему городу, огни которого не гаснут никогда, вниз на улицы, вниз в переулки, вниз к мусорным бакам, туда, куда свет города никогда не пробирается. И там, там стоял он. Его рубашка была расстегнута, и с обнаженной груди на Харри кричало лицо, которое пыталось разорвать кожу и выбраться наружу.

Это лицо он знал.

Охотник и дичь, испуганный и голодный, ненавидимый и ненавидящий.

Харри резко распахнул глаза.

Он увидел свое собственное лицо.

Глава 17

Понедельник, утро

Катрина смотрела на бледные лица членов собравшейся следственной группы. Кое-кто из присутствующих работал всю ночь, а те, кто не работал, тоже спали не особенно долго. Они изучили список известных контактов Валентина Йертсена, состоявший преимущественно из преступников. Некоторые из них отбывали срок, некоторые уже умерли, как выяснилось. После этого Торд Грен рассказал им о списках, предоставленных коммуникационной компанией «Теленор», где имелись имена всех, с кем три жертвы имели телефонный контакт в часы и дни, предшествовавшие убийствам. Пока что совпадений по телефонным номерам, подозрительных разговоров или сообщений не обнаружилось. Единственным возможно подозрительным моментом был неотвеченный звонок с неизвестного номера, поступивший на телефон Эвы Долмен за два дня до убийства. Это был звонок с одноразового телефона, отследить который не представлялось возможным, что означало: этот аппарат отключен, или уничтожен, или из него удалена сим-карта, а может, на счету просто закончились деньги.

Андерс Виллер представил предварительные результаты по проданным 3D-принтерам, заключив, что их просто-напросто слишком много и процент покупателей, чьи имена и адреса не были зарегистрированы в магазинах, слишком велик, чтобы имелся хоть какой-то смысл искать след среди них.

Катрина взглянула на Харри, который покачивал головой, слушая результаты, но утвердительно кивнул, сигнализируя, что согласен с выводом.

Бьёрн Хольм объяснил, что сейчас, когда физические улики с мест преступления вывели на подозреваемого, криминалисты сосредоточатся на том, чтобы обеспечить доказательства, которые прочнее смогут привязать Валентина Йертсена к трем местам и жертвам.

Катрина приготовилась раздать задания на сегодня, как вдруг Магнус Скарре поднял руку и взял слово прежде, чем она ему позволила.

– Почему вы решили обнародовать, что Валентин Йертсен – подозреваемый?

– Почему? – повторила Катрина. – Конечно же, для того, чтобы получить информацию о его местонахождении.

– И теперь к нам обратятся сотни или тысячи информантов,

посмотревших на карандашный рисунок физиономии, которая могла принадлежать двоим из моих дядей. И мы должны будем проверить каждый звонок, иначе представьте, что начнется, если потом выяснится, будто полиция уже обладала информацией о новой личности Валентина Йертсена и месте его жительства, когда он до смерти покусал жертв номер четыре и пять. Тогда здесь полетят некоторые головы.

Скарре огляделся, словно ища у окружающих поддержки. Или же, сообразила Катрина, у него уже есть поддержка других и он выступает от имени многих.

– Это всегда дилемма, Скарре, но мы так решили.

Скарре кивнул одной даме-аналитику, принявшей эстафетную палочку.

– Скарре прав, Катрина. Честно говоря, нам бы не помешал покой для работы. Мы и раньше просили людей предоставить информацию о Валентине Йертсене, и это ни к чему не привело, только отвлекло наше внимание от того, что *могло бы* привести нас к цели.

– И еще одно, – сказал Скарре. – Теперь он знает, что мы знаем, и, возможно, мы его спугнули. У него есть нора, где он прятался три года, и теперь существует риск, что он вернется в свое убежище. Я просто хотел сказать об этом. – Скарре с победным выражением лица скрестил руки на груди.

– Риск? – раздался голос из дальнего конца помещения, а потом послышался фыркающий смех. – Вот кто рискует, так это все те женщины, которых ты, Скарре, хотел использовать в качестве приманки, в то время как мы будем хранить в тайне, что знаем, кто это. А если мы не возьмем этого дьявола, то, по мне, совсем неплохо, если мы загоним его обратно в нору.

Скарре, улыбаясь, покачал головой:

– Ты узнаешь, Бернтсен, когда проработаешь в отделе немного подольше, что люди вроде Валентина Йертсена не останавливаются. Он просто будет делать то, что делает, в другом месте. Ты слышал, как наш руководитель, – он произнес «наш руководитель» преувеличенно четко, – выступала вчера вечером по телевидению. Она сказала, что Валентин, возможно, уже находится за границей. Но если ты думаешь, что он сидит у себя дома с попкорном и вязаньем в руках, то, надеюсь, чуть больше *опыта* заставит тебя понять, что ты ошибаешься.

Трульс Бернтсен посмотрел на свои руки и пробормотал что-то, Катрина не разобрала его слов.

– Мы не слышим тебя, Бернтсен! – крикнул Скарре, не поворачиваясь в его сторону.

– Я говорю, что фотографии той дамочки Якобсен под досками для серфинга, недавно продемонстрированные вами, не показывали всего, – произнес Трульс Бернтсен громким голосом. – Когда я приехал на место, она еще дышала. Но она не могла говорить, потому что он клещами вырвал у нее язык и засунул его в одно место. Знаешь, сколько всего еще вылезает наружу, когда язык вырываешь, а не вырезаешь, Скарре? Во всяком случае, могло показаться, что она просит меня застрелить ее. И если бы у меня был с собой пистолет, я бы над этим, черт возьми, подумал. Но она вскоре умерла, так что все нормально. Просто упомянул, это, кстати, об опыте.

В тишине, которая наступила, когда Трульс замолчал, Катрина подумала, что в один прекрасный день ей может начать нравиться инспектор Бернтсен. Но эта мысль моментально исчезла, когда Трульс Бернтсен закончил свое выступление:

– И насколько мне известно, в зону нашей ответственности входит Норвегия, Скарре. Если Валентин будет коцать америкосов или черножопых в других странах, то пусть они этим и занимаются. Лучше так, чем он будет нападать на наших девушек...

– На этом мы и остановимся, – прервала его Катрина. Раскрытые рты собравшихся говорили ей, что теперь они, по крайней мере, больше не спят. – Мы собираемся на вечернюю летучку в шестнадцать часов, пресс-конференция в восемнадцать, я буду стараться все время быть доступной для всех по телефону, поэтому, когда будете докладывать, говорите коротко и по существу. И напомним, чтобы мы все понимали: дело срочное. То, что он не нанес удара вчера, не означает, что он не нанесет его сегодня. Бог тоже взял выходной в воскресенье.

Комната для совещаний быстро освободилась. Катрина собрала бумаги, сложила ноутбук и хотела уйти вслед за остальными.

– Мне нужны Виллер и Бьёрн, – сказал Харри.

Он все еще сидел, сложив руки за головой и вытянув вперед ноги.

– Виллер – хорошо, а что касается Бьёрна, то ты должен спросить у той новенькой из криминалистической лаборатории, как-ее-там Лиен.

– Я спросил Бьёрна, он сказал, что поговорит с ней.

– Да уж, поговорит, – вырвалось у Катрины. – Разговаривал с Виллером?

– Да. Он очень оживился.

– Кто будет последним?

– Халлстейн Смит.

– Правда?

– А почему нет?

Катрина пожала плечами:

– Эксцентричный тип с аллергией на орехи, не имеющий опыта работы в полиции?

Харри откинулся на спинку стула, засунул руку в карман брюк и достал мятую пачку «Кэмела».

– Если в джунглях завелся новый зверь под названием вампирист, я хочу, чтобы со мной постоянно находился тот, кто больше всех знает об этом звере. Но ты считаешь, что аллергия на орехи говорит против него?

Катрина вздохнула:

– Я просто думаю, что начинаю уставать от аллергиков. У Андерса Виллера аллергия на латекс, он не может пользоваться латексными перчатками. Или презервативами, судя по всему, только подумай.

– Лучше не буду, – сказал Харри, посмотрел на пачку и засунул в рот сигарету. Ее сломанный кончик грустно свисал вниз.

– Почему ты не убираешь свои сигареты в карман пиджака, как все остальные, Харри?

Харри пожал плечами:

– Поломанные сигареты вкуснее. Кстати, я прав, предполагая, что, поскольку Котельная не является официальным офисным помещением, там не действует закон о курении?

– Мне очень жаль, – сказал Халлстейн Смит по телефону. – Спасибо за предложение.

Он отключился, положил телефон в карман и посмотрел на свою жену Май, сидевшую по другую сторону стола в кухне.

– Что-то не так? – спросила она с озабоченным выражением лица.

– Это из полиции. Они спрашивали, не хочу ли я поработать в маленькой группе, которая должна изловить этого вампириста.

– И?..

– И у меня подходит срок сдачи докторской диссертации. У меня нет времени. И мне неинтересна такого типа охота на людей. Мне достаточно ястребов и голубей дома.

– Ты так им и сказал?

– Да. Про ястребов и голубей не упоминал.

– Что они ответили?

– Он. Это был один человек. Харри. – Халлстейн Смит рассмеялся. – Он сказал, что понимает меня и что полицейское расследование на самом деле – скучная и кропотливая работа с мелочами, а вовсе не то, что показывают по телевизору.

- Вот как, – произнесла Май, поднося чашку к губам.
- Вот так, – сказал Халлстейн и сделал то же самое.

Шаги Харри и Андерса Виллера отдавались эхом и заглушали мягкий звук падающих с потолка подземного туннеля капель воды.

– Где мы? – спросил Виллер, тащивший монитор и клавиатуру стационарного компьютера устаревшей модели.

– Под парком где-то между Полицейским управлением и следственным изолятором Бутсен, – сказал Харри. – Мы называем этот переход Кишкой.

- И здесь находится тайный офис?
- Не тайный. Просто свободный.
- Кто захочет работать здесь, под землей?
- Никто. Поэтому он и свободен.

Харри остановился перед железной дверью, вставил в нее ключ, повернул и дернул за ручку.

- Не открывается? – спросил Виллер.
- Разбухла.

Харри уперся ногой в стену рядом с дверью и дернул.

На них пахло теплой влажностью и запахом каменного подвала. Харри жадно вдохнул его. Возвращение в Котельную.

Он нажал выключатель внутри помещения. После нескольких секунд раздумий длинная лампа на потолке замигала голубым. Когда напряжение стабилизировалось, они оглядели квадратную комнату с линолеумным полом, без окон, с голыми бетонными стенами. Харри бросил взгляд на Виллера. Ему было интересно, не приглушит ли вид рабочего помещения ту спонтанную радость, которую молодой полицейский испытал, когда Харри пригласил его в партизанскую группу. Вроде бы нет.

- Рок-н-ролл, – сказал Андерс Виллер и улыбнулся.
- Мы первые, поэтому можешь выбирать. – Харри кивнул в сторону трех письменных столов.

На одном из столов стояли кофеварка с подпалинами, емкость для воды и четыре белые кружки с написанными от руки именами.

Виллер только-только подключил компьютер, а Харри включил кофеварку, когда дверь снова рывком распахнулась.

– Ой, по моим воспоминаниям, она открывалась тяжелее, – рассмеялся Бьёрн Хольм. – А это Халлстейн.

Из-за спины Бьёрна Хольма показался мужчина в больших очках, с взъерошенными волосами и в клетчатом пиджаке.

– Смит... – произнес Харри, протягивая ему руку. – Я рад, что ты передумал.

Халлстейн Смит пожал руку Харри.

– Я слаб в реверсивной психологии, – сказал он. – Если речь об этом. Если нет, то ты – самый плохой телефонный продавец, какого я встречал. Во всяком случае, я впервые перезваниваю телефонному продавцу, чтобы принять его предложение.

– Нет смысла подталкивать кого-либо, нам нужны люди мотивированные, – заметил Харри. – Ты любишь крепкий кофе?

– Нет, лучше немного... я хочу сказать, я буду то, что пьете вы.

– Хорошо. Кажется, это твоя чашка. – Харри протянул Смиту одну из белых кружек.

Смит поправил очки и прочитал надпись маркером:

– «Лев Выготский»?

– А эта – для нашего криминалиста, – произнес Харри, протягивая другую кружку Бьёрну Хольму.

– По-прежнему «Хэнк Уильямс», – удовлетворенно прочитал Бьёрн. – Это значит, чашки три года не мыли?

– Водостойкая тушь, – ответил Харри. – Это твоя, Виллер.

– «Попай Дойл»? Кто это?

– Полицейский всех времен. Поищи информацию о нем.

Бьёрн повернулся к четвертой кружке:

– А почему на твоей кружке написано не «Валентин Йертсен», Харри?

– Наверное, по недосмотру. – Харри вытащил колбу из кофеварки и разлил кофе во все четыре чашки.

Бьёрн повернулся к двум другим лицам, на которых читался вопрос:

– Традиция предписывает, чтобы на наших кружках были написаны имена наших героев, а на кружке Харри – имя главного подозреваемого. Инь и ян.

– В общем, ничего страшного, – заговорил Смит, – но я просто хочу сказать, что Лев Выготский не является моим любимым психологом. Конечно, он был пионером, однако...

– Тебе досталась чашка Столе Эуне, – пояснил Харри и поставил на место последний стул, так что они образовали круг в середине комнаты. – Итак, у нас есть свобода, мы сами себе начальники, и мы ни перед кем не отчитываемся. Но мы держим в курсе Катрину Братт, а она – нас о своем расследовании. И давайте для начала каждый из нас совершенно честно скажет, что думает об этом деле. Основывайтесь на фактах и опыте, а не на интуиции, одной-единственной идиотской детали или абсолютно ни на

чем. Ничто из того, что вы скажете, не будет впоследствии использовано против вас, и разрешается героизировать. Кто хочет начать?

Все четверо уселись на стулья.

– Решаю, конечно, не я, – сказал Смит, – но, по-моему... э-э... начать должен ты, Харри. – Смит обхватил руками туловище, словно он замерз, несмотря на то что они сидели за стеной от котлов, обогревающих все здание тюрьмы. – Может, расскажешь, почему ты думаешь, что это не Валентин Йертсен?

Харри посмотрел на Смита, сделал небольшой глоток из чашки.

– Хорошо, я начну. Я *не* думаю, что это *не* Валентин Йертсен. Хотя такая мысль меня посещала. Убийца совершает два убийства, не оставив ни единого следа. Для этого требуется планирование и холодная голова. Но потом он внезапно совершает преступление и оставляет кучу следов и доказательств, указывающих на Валентина Йерксена. Есть в этом какая-то настойчивость, как будто преступник озабочен тем, чтобы раскрыть свою личность. И это, разумеется, пробуждает подозрения. Кто-то пытается манипулировать нами, чтобы указать на другого? В таком случае Валентин Йертсен – великолепный козел отпущения.

Харри посмотрел на остальных, отметил сосредоточенный взгляд широко раскрытых глаз Андерса Виллера, почти сонный взгляд Бьёрна Хольма, дружелюбные, приглашающие глаза Халлстейна Смита, будто он в данных обстоятельствах машинально вошел в роль психолога.

– Валентин Йертсен вполне очевидный подозреваемый, с его-то прошлым, – продолжал Харри. – Кроме того, убийца знает, что мы вряд ли найдем Валентина, поскольку мы уже долго пытались и не добились никакого результата. Или потому что убийце известно, что Валентин Йертсен мертв и захоронен. Потому что он сам его убил и похоронил. Потому что тайно погребенный Валентин не сможет развеять подозрения предоставлением алиби или чем-то подобным, но из могилы будет продолжать отвлекать внимание от альтернативных преступников.

– Отпечатки пальцев, – возразил Бьёрн Хольм. – Татуировка с лицом демона. ДНК на наручниках.

– Хорошо. – Харри сделал еще один глоток. – Отпечатки убийца мог оставить, отрезав палец от руки Валентина и принеся его в Ховсетер. Татуировка может быть фальшивой копией, которая легко смывается. Допустим, волосы на наручниках – от трупа Валентина Йерксена, а наручники оставлены намеренно.

Тишину Котельной нарушил только последний всхлип кофеварки.

– Вот ведь блин! – рассмеялся Андерс Виллер.

– Это прямиком вошло в мой список десяти лучших теорий заговора от параноидальных пациентов, – заметил Смит. – Э-э... рассматривай как комплимент.

– И поэтому мы здесь, – сказал Харри, наклоняясь вперед. – Мы должны думать альтернативно, рассматривать возможности, мимо которых проходит следственная группа Катрины. Потому что они создали сценарий произошедшего, и чем больше группа, тем труднее ей отвлечься от главенствующих идей и выводов. Работа этой группы в чем-то напоминает религию: человек невольно думает, что столько окружающих его людей не могут ошибаться. Хорошо. – Харри поднял кружку без надписи. – Но они могут ошибаться. И они ошибаются. Постоянно.

– Аминь, – произнес Смит. – Э-э... двойной смысл тут ненамеренно.

– Давайте перейдем к следующей ошибочной теории, – сказал Харри. – Виллер?

Андерс Виллер посмотрел на дно своей кружки, сделал вдох и заговорил:

– Смит, на телевидении вы рассказывали, как вампирист проходит разные фазы развития. У нас в Скандинавии над молодыми людьми осуществляется такой плотный контроль, что если бы у них проявились подобные экстремальные тенденции, то служба здравоохранения обнаружила бы их до достижения последней фазы. Вампирист не норвежец, он из другой страны. Вот моя теория. – Он поднял взгляд.

– Спасибо, – сказал Харри. – Я могу добавить, что в задокументированной истории криминалистики в разделе о серийных убийствах нет ни одного пьющего кровь скандинава.

– Атласское убийство в Стокгольме в тысяча девятьсот тридцать втором году, – напомнил Смит.

– Мм... Не знаю такого.

– Это потому, что вампириста так и не нашли, но решили, что он был серийным убийцей.

– Интересно. А жертвой была женщина, как и у нас?

– Лилли Линдестрём, тридцать два года, проститутка. И я готов съесть соломенную шляпу, которая лежит у меня дома, если она была единственной жертвой. Позже это убийство стали называть «Вампирским убийством».

– Детали?

Смит дважды моргнул, глаза его наполовину открылись, и он начал говорить, словно вспоминая слово за словом:

– Четвертое мая, Вальпургиева ночь, площадь Святого Эрика,

одиннадцать, однокомнатная квартира. Лилли принимала в своей квартире мужчину. Она спустилась к подруге на первый этаж и попросила одолжить ей презерватив. Когда полиция ворвалась в квартиру Лилли, она была мертва и лежала на оттоманке. Ни отпечатков пальцев, ни других следов. Было очевидно, что убийца прибрал за собой, и даже одежда Лилли была аккуратно сложена. На кухне, в раковине, обнаружили ложку для соуса, вымазанную кровью.

Бьёрн обменялся взглядом с Харри, прежде чем Смит продолжил:

– Ни одно из имен в ее записной книжке, которая, естественно, содержала множество имен без фамилий, не вывело полицию ни на какого подозреваемого. Они даже близко не подошли к вампиристу, начавшему поход.

– Но если бы это был вампирист, он бы нанес новый удар? – спросил Виллер.

– Да, – ответил Смит. – А кто говорит, что он этого не сделал? И еще тщательнее убрал за собой.

– Смит прав, – сказал Харри. – Количество пропавших в год людей превышает количество зарегистрированных убийств. Но возможно, Виллер прав в том, что у нас в Скандинавии будущего вампириста обнаружили бы довольно рано?

– На телевидении я рассказывал о типичном развитии, – произнес Смит. – Существуют люди, обнаружившие в себе вампириста в более позднем возрасте, точно так же как обычные люди не сразу определяют свою подлинную сексуальную ориентацию. Одному из самых известных вампиристов в истории, Петеру Кюртену, так называемому вампиру из Дюссельдорфа, было сорок пять лет, когда он впервые выпил кровь живого существа, лебедя, которого убил за городом в тысяча девятьсот двадцать девятом году. Меньше чем через два года он убил девять человек и попытался убить еще семерых.

– Мм... Значит, по-твоему, нет ничего странного в том, что в ужасающей истории Валентина Йертсена ранее отсутствовали упоминания о выпивании крови и каннибализме?

– Нет.

– Хорошо. Что думаешь ты, Бьёрн?

Бьёрн Хольм выпрямился на стуле и потер глаза:

– То же, что и ты, Харри.

– А именно?

– Что убийство Эвы Долмен – это копия того убийства в Стокгольме. Диван, все прибрано, а то, из чего он пил кровь, оставлено в раковине.

– Правдоподобно звучит, Смит? – спросил Харри.

– Копия? В таком случае у нас что-то новенькое. Э-э... парадокс здесь получается не намеренно. Действительно, существуют вампиристы, считающие себя реинкарнацией графа Дракулы, но чтобы вампирист считал себя возрожденным Атласским убийцей? Звучит не очень правдоподобно. Скорее, речь здесь идет об определенных чертах личности, которые типичны для вампиристов.

– Харри считает, что наш вампирист чрезвычайно озабочен чистотой, – заметил Виллер.

– Вот смотрите, – сказал Смит. – Вампирист Джон Джордж Хэй был озабочен мытьем рук и ходил в перчатках и зимой и летом. Он ненавидел грязь и пил кровь своих жертв из только что вымытых бокалов.

– А ты, Смит, как думаешь, кто наш вампирист? – спросил Харри.

Смит зажал губами указательный и средний пальцы и стал водить ими вверх-вниз, издавая хлопающий звук при каждом вдохе и выдохе.

– Я думаю, что он, как и многие другие вампиристы, умный мужчина, который с юных лет пытал животных, а может, и людей. Он из семьи с определенным образом жизни, в которой только он не привык к общему укладу. Скоро ему снова потребуется выпить крови, и мне кажется, что он получает сексуальное удовлетворение не только от питья, но и от вида крови. Он ищет идеальный оргазм и думает, что его может дать комбинация насилия и крови. Петер Кюртен, убийца лебедя из Дюссельдорфа, объяснял, что в тех случаях, когда он убивал своих жертв-женщин ножом, все зависело от количества вытекшей крови, которое определяло скорость наступления у него оргазма.

В кабинете воцарилась мрачная тишина.

– А где и как нам найти такого человека? – спросил Харри.

– Может быть, вчера на телевидении Катрина была права, – сказал Бьёрн. – Возможно, Валентин слинял за границу. Пошел прогуляться по Красной площади, например.

– В Москве? – удивленно спросил Смит.

– В Копенгагене, – ответил Харри. – Мультикультурный Нёрребро. Там есть парк, за которым следят те, кто занимается торговлей людьми. Преимущественно импортом, немного экспортом. Ты садишься на скамейку или качели и поднимаешь вверх билет на автобус или на самолет, в общем, любой билет. К тебе подходит человек и спрашивает, куда тебе надо. Потом он задает другие вопросы, ничем не выдавая себя, а в это время его коллега, который находится в другом месте парка, уже сфотографировал тебя с этим парнем так, что ты этого не заметил, и

проверил по Интернету, что ты тот, за кого себя выдаешь, а не переодетый полицейский. Это туристическое агентство очень скромное и дорогое, но никто из его клиентов не путешествует бизнес-классом. Самые дешевые места находятся в контейнерах.

Смит покачал головой:

– Но вампиристы не так рационально оценивают риски, как мы, поэтому я сомневаюсь, что он сбежал.

– Я тоже, – кивнул Харри. – Так где же он? Он живет один? Общается ли с другими людьми? Прячется ли он в толпе или живет в пустынном месте? Есть ли у него друзья? Можно ли предположить, что у него есть девушка?

– Я не знаю.

– Здесь все понимают, что никто не может этого знать, Смит, ни психолог, ни любой другой человек. Я просто прошу тебя сказать первое, что придет в голову.

– Мы, исследователи, не слишком хорошо умеем фантазировать. Но он одинок. В этом я совершенно уверен. Даже очень одинок. Одиночка.

В дверь постучали.

– Дергайте сильнее и входите! – крикнул Харри.

Дверь открылась.

– Добрый день, доблестные охотники на вампиров, – сказал Столе Эуне и вошел животом вперед, держа за руку сутулую девочку, лицо которой было завешено таким количеством темных волос, что Харри не мог его разглядеть. – Я пообещал прочитать вам молниеносный вводный курс о роли психолога в полицейской работе, Смит.

Смит просиял:

– Я очень ценю это, дорогой коллега.

Столе Эуне покачался на каблуках:

– И это правильно. Но я бы не хотел снова работать в этих катакомбах, и Катрина одолжила нам свой кабинет. – Он положил руку на плечо девочки. – Аврора поехала со мной, потому что ей нужен новый паспорт. Ты не мог бы провести ее без очереди, пока я буду беседовать со Смитом о работе, Харри?

Девочка отвела волосы в сторону. Харри сначала не поверил, что бледное лицо с жирной кожей и красными прыщами принадлежит милой маленькой девчушке, которую он видел всего пару лет назад. Судя по темной одежде и обильному макияжу, в настоящее время она была готом или тем, кого Олег называл эмо. Но в ее взгляде не было ни строптивости, ни бунтарства. Не было и подростковой скуки или признаков радости от

встречи с Харри, ее любимым не-дядей, как она его называла. В ее взгляде не было ничего. Или нет, кое-что было. Что-то, чего Харри не мог определить.

– Очередь обойдем, этот уровень коррупции мы допускаем, – сказал Харри и увидел намек на улыбку на лице Авроры. – Давай поднимемся в паспортный отдел.

Они вчетвером вышли из Котельной. Харри и Аврора молча шагали по Кишке, Столе Эуне и Халлстейн Смит чуть отставали от них.

– У меня был пациент, который настолько завуалированно рассказывал о своих настоящих проблемах, что я его не понял, – сказал Эуне. – Когда я по случайности обнаружил, что он – это разыскиваемый Валентин Йертсен, он напал на меня физически. Если бы Харри не пришел мне на выручку, он бы меня убил.

Харри заметил, как Аврора вздрогнула.

– Он скрылся, но, пока он мне угрожал, у меня сложилось более четкое представление о нем. Он держал нож у моего горла, пытаясь узнать у меня свой диагноз. Он называл себя «бракованным товаром». И угрожал, что, если я ему не отвечу, он выпустит из меня всю кровь, а его член в то же время нальется.

– Интересно. А вы не видели, у него действительно была эрекция?

– Нет, но я ее ощутил. Как и лезвие его охотничьего ножа с зазубринами. Помню, я надеялся, что двойной подбородок может меня спасти. – Столе усмехнулся.

Харри расслышал подавленное всхлипывание Авроры, полуобернулся и посмотрел на Эуне выразительным взглядом.

– О, прости, девочка моя! – воскликнул отец.

– О чем вы говорили? – спросил Смит.

– О многом, – ответил Столе и добавил тише: – Его беспокоили голоса на заднем плане в песне «Dark Side of the Moon» группы «Пинк Флойд».

– Теперь я вспомнил! То есть, мне кажется, он называл себя не Полом. Но к сожалению, записи о моих пациентах были похищены.

– Харри, Смит говорит...

– Я слышал.

Они поднялись по лестнице на первый этаж, где Эуне и Смит остались ждать лифта, а Харри с Авророй пошли дальше по атриуму. Листок, прикрепленный к окошку, сообщал, что фотокамера не работает и пришедшим за паспортом необходимо сфотографироваться в автомате, расположенном в дальнем конце помещения.

Харри провел Аврору к киоску, похожему на уличный туалет,

отодвинул занавеску в сторону и дал Авроре несколько монеток. Она села перед камерой.

– Ах да, – сказал он. – Не показывай зубы.

И задернул занавеску.

Аврора смотрела на свое зеркальное отражение в черном стекле, скрывавшем камеру.

Она чувствовала, как подступают слезы.

Утром ей казалось хорошей идеей попроситься с папой в Полицейское управление, чтобы встретиться с Харри. Ей ведь нужен новый паспорт, потому что ее класс собирается в школьную поездку в Лондон. Папа все равно не следит за такими вещами, ими занимается мама. По плану Аврора должна была найти предлог, чтобы остаться с Харри наедине на пару минут и рассказать ему все. Но теперь, когда они были одни, она все-таки не смогла. В туннеле папа говорил о ноже, и это так ее напугало, что ее снова стало трясти, а ноги чуть не подкосились. Это был нож с зазубринами, который тот мужчина прижимал к ее горлу. И он вернулся. Аврора закрыла глаза, чтобы не видеть собственного перепуганного лица. Он вернулся, и, если она заговорит, он убьет их всех. И даже если она заговорит, как это поможет? Она не знала ничего, что могло бы помочь найти его. Это не спасет ни папу, ни кого-то другого. Аврора вновь открыла глаза, оглядела маленькую кабинку, похожую на кабинку туалета на стадионе в тот раз. Ее взгляд машинально скользнул вниз и нашел то, что искал, – место, где кончается занавеска. Носки сапог на полу прямо за дверью. Они ждали ее, хотели войти внутрь, хотели...

Аврора рванула занавеску в сторону и промчалась мимо Харри к выходу. Она услышала, как он выкрикивает ее имя. И вот она уже снаружи, на открытой территории, при свете дня. Она побежала по траве через парк в сторону района Грэнланнслейре. Ее истеричный плач смешивался с хриплым дыханием, как будто даже здесь ей не хватало воздуха. Но она не остановилась. Она бежала. Она знала, что не остановится, пока не упадет.

– Пол, то есть Валентин, не рассказывал мне о какой-то особенной тяге к крови как таковой, – произнес Эуне, занявший место за столом Катрины. – А принимая во внимание его историю, мы можем с уверенностью утверждать, что он не тот человек, у которого имеются преграды, когда речь идет о реализации своих сексуальных предпочтений. Такой человек редко обнаруживает у себя совершенно новые стороны сексуальности в зрелом возрасте.

– Возможно, предпочтения у него были всегда, – сказал Смит. – Но он не находил способа реализовать свои фантазии. Если его настоящим желанием было кусать людей до крови и пить прямо из источника, так сказать, то, возможно, находка этих железных зубов позволила ему реализовать желаемое.

– Пить кровь других людей – древний ритуал, связанный с забираемостью силы и способностей этих людей, часто своих врагов, не так ли?

– Совершенно верно.

– Если вы будете создавать портрет этого серийного убийцы, Смит, то я рекомендую основываться на том, что этим человеком движет потребность осуществлять контроль, как это наблюдается у более традиционных насильников и маньяков. Или, точнее, завоевать контроль и власть, когда-то отнятые у него. Восстановление.

– Благодарю, – сказал Смит. – Восстановление. Я согласен, и я, безусловно, учту этот аспект.

– Что значит «восстановление»? – спросила Катрина, сидя на подоконнике.

Ей было разрешено пребывать в кабинете во время беседы двух психологов.

– Все мы хотим исправить полученные нами повреждения, – сказал Эуне. – Или отомстить, что одно и то же. Я, например, решил стать гениальным психологом, так как настолько плохо играл в футбол, что никто не хотел брать меня в свою команду. Харри был мальчишкой, когда умерла его мать, и он решил стать следователем по расследованию убийств, чтобы наказывать тех, кто отнимает жизнь.

Заскрипела дверь.

– А если говорить о солнце... – продолжал Эуне.

– Прости, что перебиваю, – сказал Харри. – Но Аврора убежала. Не знаю, что было не так, но что-то было не так.

По лицу Столе Эуне как будто прошла зона пониженного давления, и он со стоном поднялся со стула:

– Бог их разберет, этих подростков. Мне надо найти ее. Это ненадолго, Смит, позвоните мне, и мы продолжим.

– Есть что-нибудь новое? – спросил Харри, когда Эуне вышел.

– И да и нет, – ответила Катрина. – Институт судебной медицины подтверждает, что ДНК с наручников на сто процентов принадлежит Валентину Йертсену. После призыва Смита проверить списки пациентов с нами связались всего один психолог и два сексолога, но тех, кого они назвали, мы уже проверяли и установили их непричастность. И, как и

ожидалось, мы получили несколько сотен сообщений от людей, рассказывающих обо всем, от жутких соседей и собак с отметинами от укусов вампира до оборотней, гномов и троллей. Но некоторые сообщения стоит проверить. Кстати, звонила Ракель и спрашивала тебя.

– Да, я вижу, что она пыталась до меня дозвониться, в нашем бункере неважно со связью. Можно что-нибудь с этим сделать?

– Спрошу Торда, можно ли там поставить роутер или что-нибудь еще. Мой кабинет снова мой?

Харри и Смит ехали в лифте вдвоем.

– Ты избегаешь смотреть в глаза, – сказал Смит.

– Так принято вести себя в лифте, разве нет? – ответил Харри.

– Я имел в виду, вообще.

– Если не искать контакта глаза в глаза означает избегать его, то ты, безусловно, прав.

– И еще ты не любишь ездить в лифте.

– Мм... Это так заметно?

– Язык тела не врет. И еще ты считаешь, что я слишком много болтаю.

– Сегодня твой первый день, возможно, ты слегка нервничаешь.

– Нет, я такой почти все время.

– Хорошо. Кстати, я не поблагодарил тебя за то, что ты передумал.

– Да что ты, это я должен извиниться за то, что моя первая реакция была такой эгоистичной, хотя на карту поставлены человеческие жизни.

– Я прекрасно понимаю, как важна для тебя докторская степень.

Смит улыбнулся:

– Да, ты понимаешь, потому что ты – один из нас.

– Один из кого?

– Из чокнутой элиты. Возможно, ты слышал о дилемме Голдмана из восьмидесятых. Элитным спортсменам задавали вопрос, хотят ли они принимать допинг, благодаря которому завоюют золотые медали, но умрут через пять лет. Больше половины ответило утвердительно. Когда обычным людям задавали тот же вопрос, утвердительно отвечали только двое из двухсот пятидесяти. Я знаю, что для большинства это звучит дико, но только не для таких, как ты и я, Харри. Потому что ты пожертвовал бы собственной жизнью ради поимки этого убийцы, не так ли?

Харри пристально посмотрел на психолога. Он слышал эхо слов Столе: «Потому что тебе все ясно про ловушку для обезьян и ты тоже не способен отдать победу».

– Ты хочешь еще о чем-нибудь спросить, Смит?

– Да. Она набрала вес?
– Кто?
– Дочка Столе.
– Аврора? – Харри приподнял бровь. – Ну-у... Раньше она была стройнее.

Смит кивнул:

– Мне кажется, что следующий вопрос ты воспримешь болезненно, Харри.

– Давай проверим.

– Как ты думаешь, у Столе Эуне могут быть инцестные отношения с дочерью?

Харри уставился на Смита. Он выбрал этого психолога, потому что ему нужны были люди, мыслящие оригинально, и, пока Смит приносил результаты, Харри был согласен принять почти все. *Почти* все.

Смит поднял руки перед собой:

– Я вижу, ты разозлился, Харри, но я спрашиваю только потому, что она демонстрирует все классические симптомы.

– Хорошо, – тихо произнес Харри. – У тебя двадцать секунд на то, чтобы спустить весла на воду. Используй их с толком.

– Я всего лишь говорю...

– Восемнадцать.

– Хорошо, хорошо. Нанесение себе телесных повреждений. На ней была футболка с длинными рукавами, скрывающими шрамы на запястьях, которые она постоянно чесала. Гигиена. Если стоять близко к ней, то можно почувствовать, что личной гигиене она уделяет не слишком большое внимание. Еда. Переедание или голодание типично для жертв сексуальных преступлений. Ментальное состояние. Она производит депрессивное впечатление, возможно боится. Я понимаю, что одежда и косметика могут в данном случае сбить с толку, но язык тела и выражение лица не лгут. Интимность. Я прочитал по языку твоего тела, что ты был готов обнять ее там, в Котельной. Но она сделала вид, что не понимает этого, именно поэтому она скрыла лицо за волосами, перед тем как войти. Вы хорошо знаете друг друга, обнимались раньше, так что она предвидела ситуацию. Жертвы насилия избегают интимности и телесного контакта. Мое время вышло?

Лифт резко остановился.

Харри сделал шаг вперед. Он перегнулся через Смита и нажал кнопку, препятствующую открытию дверей.

– Давай на мгновение представим, что ты прав, Смит. – Харри понизил

голос до шепота. – Какое отношение это имеет к Столе? Помимо того, что в свое время он выгнал тебя с психологического факультета в Осло и присвоил тебе прозвище Обезьянка?

Харри увидел слезы боли в глазах Смита, как будто тот получил пощечину.

– Господи... Ты, конечно, прав, Харри. Я просто вижу то, что хочу видеть, потому что в глубине души я все еще зол. Это была фантазия, а мне они, как я уже говорил, не слишком удаются.

Харри медленно кивнул:

– И ты знаешь это, потому что это не первая твоя фантазия. Что ты увидел?

Халлстейн Смит выпрямился:

– Я увидел отца, который вел свою дочь какого возраста? Лет шестнадцати-семнадцати? И моя первая мысль: как мило, что они до сих пор ходят вместе, и я надеюсь, что буду ходить со своими дочерьми еще долго после того, как они достигнут подросткового возраста.

– Но?..

– Но можно взглянуть на это и по-другому: отец проявляет контроль и власть, крепко держит ее, удерживает на месте.

– И что навело тебя на такие мысли?

– То, что она улизнала от него, как только представилась возможность. Я работал над делами, в которых существовали подозрения в инцесте, Харри, и побег из дома как раз является одним из важных факторов. Перечисленные мной симптомы могут означать тысячи других вещей, но если существует хоть один минимальный шанс, что дома ей причиняют вред, то профессиональным упущением будет не проверить эту мысль, ты не согласен? Я так понимаю, что ты – друг семьи, но именно поэтому я обсуждаю свою мысль с тобой. Ты тот, кто может поговорить с ней.

Харри отпустил кнопку, двери открылись, и Халлстейн Смит вышел из лифта.

Харри продолжал стоять в лифте, пока двери не начали закрываться, вставил между ними ногу, вышел и направился вслед за Смитом вниз по лестнице к Кишке, но тут у него в кармане завибрировал телефон.

Он принял звонок.

– Привет, Харри. – Низкий, но воркующий и дразнящий голос Исабеллы Скёйен не узнать было невозможно. – Ты снова на коне, как я слышала.

– Не могу с уверенностью сказать.

– Какое-то время мы скакали вместе, Харри. Было приятно. Могло

быть еще приятнее.

– Мне кажется, что приятнее быть уже не могло.

– В любом случае столько воды утекло с тех пор, Харри. Я звоню, чтобы попросить об услуге. Наше коммуникационное бюро работает немного на Микаэля, и ты, возможно, видел, что «Дагбладет» только что опубликовала на своем сайте статью, наносящую ему значительный вред.

– Нет.

– Пишут, цитирую: «Город платит за то, что полиция Осло под руководством Микаэля Бельмана не в состоянии исполнять обязанности полиции, то есть ловить людей, подобных Валентину Йертсену. Настоящим скандалом является то, что Йертсен играет с полицией в кошки-мышки уже три года. Это свидетельствует о несостоятельности полиции. И теперь он уже не желает быть мышкой, теперь он продолжает игру как кошка». Что скажешь?

– Можно было написать и получше.

– Мы хотим, чтобы кто-нибудь выступил и публично объяснил, насколько несостоятельна эта критика в адрес Микаэля, чтобы напомнил о проценте раскрываемости крупных дел при Бельмане. Это должен быть человек, который сам участвовал в расследовании убийств и имеет авторитет. Поскольку ты сейчас преподаешь в Полицейской академии, тебя нельзя обвинить в том, что ты говоришь о своей больной матери. Ты идеальный кандидат, Харри. Что скажешь?

– Конечно, я помогу вам с Бельманом.

– Правда? Замечательно.

– Тем способом, которым я владею лучше всего. Я найду Валентина Йертсена. И этим я как раз сейчас очень занят, поэтому прошу меня извинить, Скёйен.

– Я знаю, что вы там напряженно работаете, Харри, но это ваше дело может занять некоторое время.

– А почему именно сейчас так срочно понадобилось подправить репутацию Бельмана? Позволь мне сэкономить время нам обоим. Я *никогда* не буду стоять перед микрофоном и говорить текст, написанный пиарщиком. Если мы положим трубки прямо сейчас, то сможем сказать: у нас состоялся цивилизованный разговор, который не закончился тем, что мне пришлось послать тебя ко всем чертям.

Исабелла Скёйен громко рассмеялась:

– Хорошо держишься, Харри. Все еще помолвлен с той соблазнительной черноволосой юристкой?

– Нет.

– Нет? Может, выпьем как-нибудь вечером?
– Мы с Ракелью больше не помолвлены, потому что мы женаты.
– Ага. Смотри-ка! А это нам помешает?
– Мне – да. А для тебя это, наверное, вызов?
– Женатые мужчины – лучшие, они никогда не доставляют неприятностей.

– Как Бельман?
– Микаэль чертовски мил, и целуется он лучше всех в этом городе. Но мне уже наскучил этот разговор, Харри, поэтому я отключаюсь. У тебя есть мой номер.

– Нет, у меня его нет. До свидания.
– Хорошо, но если ты не хочешь петь дифирамбы Микаэлю, могу ли я, по крайней мере, передать ему привет и сказать, что ты с радостью наденешь наручники на этого бедного извращенца?

– Говори что хочешь. Великолепного тебе дня.
Связь прервалась. Ракель. Он забыл, что она ему звонила. Он искал ее номер и ради смеха размышлял о предыдущем разговоре. Если бы приглашение Исабеллы Скёйен сработало каким-либо образом, возбудился бы он хоть немного? Нет. Да. Немного. Имеет ли это какое-нибудь значение? Нет. Это означает так мало, что он даже не стал задумываться, какая он свинья. Не в том дело, что он не был свиньей, но вот это крошечное возбуждение, этот произвольно возникший, почти вымышленный кусочек сцены – ее длинные ноги и широкие бедра, – появившийся и тут же исчезнувший, не был достоин обвинительного приговора. Нет, черт возьми. Он отказал ей. Хотя он знал, что именно из-за отказа Исабелла Скёйен позвонит ему снова.

– Телефон Ракели Фёуке. Вы говорите с доктором Стеффенсом.
Харри ощутил покалывание на затылке.

– Это Харри Холе. Ракель там?
– Нет, Холе, ее нет.

У Харри перехватило горло, и подкралась паника. Лед треснул. Он сосредоточился на дыхании.

– Где она?
Во время последовавшей за его вопросом паузы, которая, как показалось Харри, была намеренной, он успел подумать о многом. И из всех выводов, автоматически сделанных мозгом, был один, который он наверняка запомнит. Что сейчас все прекратится, что у него больше не будет того единственного, чего он желал. Что сегодняшний и завтрашний дни будут копией вчерашнего.

– Она в коме.

В растерянности или в полном отчаянии мозг пытался сказать ему, что кома – это название страны или города.

– Но она пыталась дозвониться до меня. Меньше часа назад.

– Да, – сказал Стеффенс. – А вы не ответили.

Глава 18

Понедельник, день

Бессмысленно. Харри сидел на жестком стуле и пытался сосредоточиться на том, что говорил мужчина, сидящий за письменным столом. Но слова имели столь же мало смысла, как и птичьи трели за открытым окном позади мужчины в очках и белом халате. Бессмысленно, как синее небо, как решение солнца именно в этот день греть жарче, чем на протяжении нескольких предыдущих недель. Бессмысленно, как плакаты на стенах, где были изображены люди с красной кровеносной системой и серыми органами, и как висевшее рядом с плакатами распятие с истекающим кровью Христом.

Ракель.

Она была единственным, что имело смысл в его жизни.

Ни наука, ни религия, ни справедливость, ни лучший мир, ни наслаждение, ни опьянение, ни отсутствие боли, ни даже счастье. Только эти шесть букв. Р-а-к-е-л-ь. Если бы ее не было, это бы не значило, что на ее месте была бы другая. Если бы не было ее, не было бы никого.

И не было никого лучше ее.

Они не могут отнять у тебя никого.

Так что в конце концов Харри прервал поток слов:

– Что это означает?

– Это означает, – сказал главный врач Джон Д. Стеффенс, – что мы не понимаем. Мы знаем, что почки работают не так, как надо. Это происходит по ряду причин, но, как я и говорил, мы уже исключили наиболее очевидные.

– Но что вы думаете?

– Синдром, – ответил Стеффенс. – Проблема в том, что их существуют тысячи, один малоизвестнее и реже другого.

– И это значит?..

– Что мы просто должны продолжать искать. А пока мы, как я уже говорил, ввели ее в кому, поскольку у нее возникли проблемы с дыханием.

– Как долго...

– Сколько будет необходимо. Мы не просто должны выяснить, чем страдает ваша жена, мы должны также вылечить ее. Только когда мы будем уверены в том, что она может дышать самостоятельно, мы выведем ее из комы.

– А она... она...

– Да?

– Она может умереть, пока находится в коме?

– Этого мы не знаем.

– Нет, знаете.

Стеффенс соединил кончики пальцев. Он молчал, как будто хотел перевести разговор в более медленный темп.

– Она может умереть, – сказал он наконец. – Мы все можем умереть, в какой-то момент времени сердце может перестать биться, но это, конечно, вопрос вероятности.

Харри понимал, что ярость, которая начинала в нем бурлить, на самом деле была вызвана не врачом и не оттарабаненными им вероятностями. Он разговаривал со многими родственниками жертв убийств и знал, что фрустрации необходима цель, а то, что цели он не находил, приводило его в еще большую ярость. Он сделал глубокий вдох:

– О каких вероятностях мы говорим?

Стеффенс развел руками:

– Как я уже сказал, мы не знаем, чем вызвано нарушение функции почек.

– Вы не знаете и потому называете это вероятностью, – сказал Харри. Замолчал. Сглотнул. Понизил тон. – Поэтому просто скажите мне, что вы думаете, исходя из того немногого, что знаете.

– Нарушение функции почек – не болезнь, а симптом. Это может быть заболевание крови или отравление. Сейчас сезон грибных отравлений, но ваша жена сказала, что вы ничего такого не ели в последнее время. К тому же вы ели одно и то же. Вы себя плохо чувствуете, Холл?

– Да.

– Вы... Хорошо, я понимаю. Так что у нас остаются синдромы, это крайне серьезные вещи.

– Больше или меньше пятидесяти процентов, Стеффенс?

– Я не могу...

– Стеффенс, – прервал его Харри. – Я знаю, что мы на территории гадания, но я прошу вас. Пожалуйста.

Врач оценивающе посмотрел на Харри долгим взглядом, прежде чем принять решение.

– Как мне представляется в настоящее время, на основании анализов, шансы, что мы можем потерять ее, составляют чуть больше пятидесяти процентов. Не намного больше, но чуть-чуть. Причина, по которой я не люблю называть родственникам эти проценты, заключается в том, что они,

как правило, придают им слишком большое значение. Если пациент умирает во время операции, риск умереть во время которой составлял, по нашим оценкам, двадцать пять процентов, они часто обвиняют нас в том, что мы неверно их информировали.

– Сорок пять процентов? Сорок пять, что она выживет?

– В данный момент. Ее состояние ухудшается, так что немного меньше, если мы не найдем причину в течение двух суток.

– Спасибо.

Харри поднялся. У него кружилась голова. И машинально пришла надежда – надежда, что наступит полная темнота. Быстрый и безболезненный уход, идиотский и банальный, и все же не более бесполезный, чем все остальное.

– Кстати, хотелось бы знать, легко или трудно нам будет с вами связаться, если...

– Я позабочусь о том, чтобы круглосуточно быть на связи, – сказал Харри. – Я пойду к ней, если это все, что мне нужно знать.

– Позвольте проводить вас, Холе.

Они пошли по коридору обратно в палату 301. Коридор тянулся к сияющему свету и утонул в нем. Должно быть, в конце его располагалось окно, в которое светило низкое осеннее солнце. Они шли мимо медсестер, похожих на белых призраков, и пациентов в халатах, медленно бредущих к свету походкой живых мертвецов. Вчера они с Ракелью обнимали друг друга, лежа на большой кровати со слишком мягким матрасом, а теперь жена была здесь, в искусственной коме, среди привидений и призраков. Он должен позвонить Олегу. Он должен придумать, как сказать мальчику. Он должен выпить. Харри не знал, откуда появилась эта мысль, но она пришла, как будто кто-то громко прокричал об этом, она звучала в его ушах. Эту мысль надо заглушить, причем быстро.

– Почему вы были врачом Пенелопы Раш? – громко спросил он. – Она ведь здесь не лежала.

– Потому что ей требовалось переливание крови, – ответил Стеффенс. – А я – гематолог и директор банка. А еще я дежурю в приемном отделении.

– Директор банка?

Стеффенс посмотрел на Харри. И возможно, он понял, что мозгу Харри требуется разгрузка, небольшой отдых от того, чем он занят.

– Местного филиала банка крови. То есть меня надо было бы называть банщиком. Нам передали бывшую баню для страдающих ревматизмом в подвале этого здания, и теперь мы называем ее Кровавой баней. Так что не

надо здесь говорить, что у гематологов нет чувства юмора.

– Мм. Значит, вот что вы имели в виду, когда говорили, что покупаете и продаете кровь.

– Простите?

– Вы сказали, что по этой причине вы в состоянии определить, сколько крови потеряла Пенелопа Раш, по фотографии места преступления в ее подъезде. Глазомер.

– У вас хорошая память.

– Как ее дела?

– О, Пенелопа Раш восстанавливается физически. Но ей потребуется помощь психолога. Встретиться с вампиром...

– С вампиром.

– ...это предостережение, знаете ли.

– Предостережение?

– Да-да. Он предсказан и описан в Ветхом Завете.

– Вампир?

Стеффенс скупно улыбнулся:

– Притчи, глава тридцатая, стих четырнадцатый. «Есть род, у которого зубы – мечи, и челюсти – ножи, чтобы пожирать бедных на земле и нищих между людьми». Вот мы и пришли.

Стеффенс придержал дверь, и Харри вошел в палату. В ночь. По другую сторону задвинутых штор сияло солнце, но здесь единственным светом была зеленоватая полоска, скачущая вверх-вниз по черному монитору. Харри посмотрел на лицо Ракели. Она казалась такой умиротворенной. И находилась очень-очень далеко, плыла по темному космосу, где он не мог добраться до нее. Он сел на стул у кровати и дождался, пока у него за спиной не закроется дверь. Тогда он взял ее за руку и зарылся лицом в одеяло.

– Только не уходи дальше, милая, – шептал он. – Только не дальше.

Трульс Бернтсен передвинул разделительные стены в их открытом офисе таким образом, что уголок, который он делил с Андерсом Виллером, стал недоступен для чужих глаз. Поэтому его раздражало, что единственный человек, у которого был доступ сюда, а именно Андерс Виллер, чертовски любопытен. Особенно его интересовало, с кем Трульс разговаривает по телефону. Но в настоящее время эта ищайка находилась в одном салоне тату и пирсинга. Им сообщили, что этот салон занимается импортом вампирского реквизита, включая украшения, похожие на челюсти из металла с клыками, и Трульс собирался насладиться

отсутствием Виллера в полной мере. Он загрузил последнюю серию второго сезона «Щита» и включил звук на такую громкость, чтобы никто не мог его слышать. Поэтому ему, конечно, не понравилось, что мобильный телефон засветился и начал скакать, как вибратор, по столу, исполняя вступление к песне Бритни Спирс «I'm Not a Girl», которая по неясным причинам нравилась Трульсу. Следующая строчка о том, что она еще не женщина, пробуждала смутные представления о девочке, не достигшей возраста половой зрелости, но Трульс надеялся, что не по этой причине сделал эту песню мелодией звонка своего телефона. Или?.. Бритни Спирс в школьной форме: это извращение – дрочить на нее? Ладно, значит, он извращенец. Но еще больше Трульса тревожило то, что высветившийся на телефоне номер был ему смутно знаком. Налогово-финансовый отдел? Спецотдел внутренних расследований? Старый сомнительный контакт, за которым он когда-то подчищал концы? Во всяком случае, этот номер не принадлежал Моне До. Вероятнее всего, ему звонили по работе, и после такого звонка ему точно придется что-нибудь делать. Вывод был таков: вряд ли он выиграет от того, что ответит на этот звонок. Трульс убрал телефон в ящик и сосредоточился на Вике Мэкки и его коллегах по ударной группе. Ему нравился Вик. «Щит» был единственным полицейским сериалом, авторы которого понимали, как мыслят настоящие полицейские. И вдруг, совершенно случайно, он понял, почему ему показался знакомым этот номер. Он рывком открыл ящик стола и схватил телефон.

– Следователь Бернтсен.

Секунды две на другом конце провода не раздавалось ни звука, и Трульс подумал, что она положила трубку. Но потом прямо у его уха послышался голос, мягкий и щекочущий:

– Привет, Трульс, это Улла.

– Улла?..

– Улла Бельман.

– О, привет, Улла, это ты? – Трульс надеялся, что его слова прозвучали убедительно. – Чем я могу тебе помочь?

Она тихо рассмеялась:

– Помочь не помочь, но я на днях видела тебя в атриуме Полицейского управления и вспомнила, что мы очень давно не разговаривали по-настоящему. Знаешь, так, как раньше.

«Мы никогда не разговаривали по-настоящему», – подумал Трульс.

– Не встретиться ли нам как-нибудь?

– Ну конечно. – Трульс попытался подавить свой фыркающий смех.

– Прекрасно. Как насчет вторника? Дети в этот день будут у мамы.

Выпьем по бокальчику или поедим.

Трульс не верил собственным ушам. Улла хотела с ним встретиться. Чтобы снова расспросить его о Микаэле? Нет, ей должно быть известно, что сейчас они видятся не очень часто. И, кроме того: бокальчик или ужин?

– Замечательно. Ты хотела поговорить о чем-то конкретном?

– Просто было бы приятно повидаться, не так много людей, с кем я долго поддерживаю контакты.

– Ну ладно, – сказал Трульс. – Тогда где?

Улла засмеялась:

– Я годами не выходила в люди. И уже не знаю, какие места есть в Манглеруде. Ты ведь по-прежнему живешь там, да?

– Да. Э-э... «Ульсен» в районе Брюн еще работает.

– Правда? Да, конечно. Так и договоримся. В восемь?

Трульс молча кивал, пока не пришел в себя и не выговорил «да».

– И, Трульс...

– Да?

– Пожалуйста, не рассказывай о нашей договоренности Микаэлю.

Трульс закашлялся:

– Нет?

– Нет. Значит, увидимся во вторник в восемь.

Он смотрел на телефон, хотя она уже повесила трубку. Это было на самом деле или же это только эхо мечтаний, которые обуревали его лет в шестнадцать-семнадцать? Ощущение счастья было таким интенсивным, что Трульсу казалось: у него разорвет грудь. А потом наступила паника. Все пойдет к чертям. Да, конечно, так или иначе, но все пойдет к чертям.

Все шло к чертям.

Разумеется, это не могло длиться долго, его выкинут из рая, это всего лишь вопрос времени.

– Пива, – сказал он и посмотрел на молодую веснушчатую девушку, стоявшую у его столика.

Она была не накрашена, волосы ее были собраны в простой конский хвост, а рукава белой рубашки засучены, как будто она готовилась к тяжелой работе.

Она записывала в блокнотик, как будто ожидала более длинного заказа, и это заставило Харри подумать, что она работает здесь недавно, потому что находились они в «Шрёдере», где девять из десяти заказов ограничивались этим. Первые недели она будет ненавидеть эту работу. Грубые шуточки посетителей-мужчин, плохо скрываемая ревность

распьянувших посетительниц. Скромные чаевые, нет ни музыки, под которую можно, пританцовывая, ходить по залу, ни симпатичных парней, бросающих на тебя взгляды, а только старые ворчливые алкаши, которых придется выставлять за дверь после закрытия. Она задумается, стоит ли того этот дополнительный заработок к студенческому кредиту, дающий ей средства жить в студенческом общежитии в самом центре города. Но Харри знал, что, если она справится с работой во время первого месяца, не сдастся и не уволится, постепенно все изменится. Она начнет смеяться над бессмысленным юмором комментариев и научится отвечать в том же духе. Когда женщины поймут, что она не представляет для них угрозы, они начнут откровенничать с ней. И она будет получать чаевые. Не много, но это будут настоящие чаевые, простое поощрение, будничное объяснение в любви. И они дадут ей имя. Имя, которое может быть до неприятного метким, тем не менее будет ласковым, и оно облагородит ее в этом неблагородном обществе. Коротышка Кари, Ленин, Подсобка, Топтыжка. В ее случае будет что-то связанное с веснушками или рыжими волосами. И поскольку в общежитие люди постоянно въезжают и выезжают, а предполагаемые возлюбленные приходят и уходят, эти люди со временем станут ее семьей. Доброй, щедрой, раздражающей, пропащей семьей.

Девушка оторвала взгляд от блокнота:

– Это все?

– Да, – улыбнулся Харри.

Она поспешила к стойке, как будто кто-то следил, сколько времени она потратит на это. Хотя кто знает, может, стоявшая за стойкой Нина и следила.

Андерс Виллер прислал сообщение, что ждет Харри в «Тату и пирсинге» на улице Стургата. Харри начал писать ему в ответ, чтобы Андерс разобрался сам, когда услышал, как кто-то плюхнулся на стул напротив него.

– Привет, Нина, – сказал он, не поднимая глаз.

– Привет, Харри. Тяжелый день?

– Да. – Он по-старомодному, с помощью двоеточия и правой скобки, напечатал смайлик.

– И ты пришел сюда, чтобы сделать его еще тяжелее?

Харри не ответил.

– Знаешь, что я думаю, Харри?

– Что ты думаешь, Нина? – Его палец искал кнопку «отправить».

– Я думаю, что это срыв.

– Я только что заказал пиво Веснушке Фии.

– Которую мы пока называем Мартой. И я отменила твой заказ на пиво. Дьявол за твоим правым плечом, возможно, хотел бы выпить, Харри. Но ангел за твоим левым плечом направил тебя в заведение, где не подают крепкий алкоголь и где есть Нина, которая, как ты знаешь, подаст тебе кофе вместо пива, поболтает с тобой немного и попросит тебя пойти домой к Ракели.

– Она не дома, Нина.

– Ага, вот в чем дело. Харри Холе опять умудрился напортчить. У вас, мужиков, это неплохо получается.

– Ракель больна. И мне нужно выпить пива перед тем, как звонить Олегу.

Харри посмотрел на телефон в поисках кнопки «отправить» и вдруг почувствовал, как пухлая теплая ладонь Нины легла на его руку.

– Обычно все в конце налаживается, Харри.

Он посмотрел на нее:

– Нет, обычно не налаживается. Или ты знакома с пережившими смерть?

Она рассмеялась:

– В конце – это между тем, что тебя тяготит сегодня, и тем днем, когда нас уже ничего не будет тяготить, Харри.

Харри бросил еще один взгляд на телефон. А потом передумал, набрал имя Олега и нажал на кнопку вызова.

Нина встала и отошла от него.

Олег ответил после первого звонка:

– Хорошо, что ты позвонил! У нас коллоквиум, и мы обсуждаем Двдцдтудую стдттью Здкддн о поллдццл. Тдт согласен, чтд еед следудет понлдмдт тдк, чтд еелд слдуддцд тдгд требудет, тд лдудой поллдцейсклй обддддн подчлднлдтдд стдрдшему по звднлудю и лсполнлдт егд прлдкддд, дддд еелд онл рдбдтддт не в одном подрдздделенлд и дддд не в одном поллдцейском учдстке? Двддцдтд стдттьд удтверждддт, чтд звднле рддддт все, еелд этд требудетд в слдждвдшейсд крлдтлдческой слдуддцл. Дддддй скджд, чтд я прдв! Я тдлькд чтд пдспорлд нд круждку плдвд с двдмд прлддуркдм...

Харри услдшдл рдддстнй смех егд друзей-студентов нд заднем плдне.

Он здкрлд глдзд. Конечндо, естд нд чтд надедтдсд и к чтдму стремлдтдсд: ко времел, котордое ндстудплт послд тдгдт сегоднлдшнего днд. К тдму дндю, когдд ндс нлдчего не буддт тдгдтлдт.

– Плдхле ндвдстл, Олед. Мдмуд поллдждл в бдльнлцу «Уллелвол».

– Я возьму рыбу, – сказала Мона официанту. – Картошки, соуса и овощей не надо.

– Значит, только рыба, – произнес официант.

– Точно, – ответила Мона, возвращая ему меню.

Она оглядела людей, собравшихся на ланч в этом недавно открывшемся, но уже популярном ресторане, где им достался последний столик на двоих.

– Только рыба? – спросила Нора, заказавшая салат «Цезарь» без заправки, но Мона уже знала, что ее подруга капитулирует и закажет десерт к кофе.

– Считаю калории, – объяснила Мона.

– Считаешь?

– Нужно убрать подкожный жир, чтобы мускулы стали лучше видны. Через три недели чемпионат Норвегии.

– По бодибилдингу? Ты правда будешь участвовать?

Мона рассмеялась:

– С моим-то бедром, хочешь ты сказать? Надеюсь, что ноги и туловище наберут достаточно очков. И конечно, мой характер победителя.

– Ты вроде нервничаешь.

– Конечно.

– До чемпионата еще три недели, и ты никогда не нервничаешь. Что случилось? Это связано с убийствами вампириста? Кстати, спасибо за наводку, Смит оказался красавчиком. Братт тоже была по-своему хороша. Во всяком случае, она хорошо выглядела. Ты видела Исабеллу Скёйен, которая раньше входила в городской совет? Она позвонила нам и спросила, не хочет ли «Воскресный журнал» пригласить в гости Микаэля Бельмана.

– Чтобы он смог ответить на критику по поводу того, что полиция не смогла поймать Валентина Йертсена? Спасибо, да, она нам тоже звонила по этому делу. Активная дамочка, блин!

– И вы не захотели взять это дело? Господи, да любая статья, начинающаяся со слова «вампирист», теперь попадает на первую полосу.

– Я не захотела взять это дело. Но мои коллеги не такие привередливые. – Мона вошла в свой айпад и протянула его Норе.

Нора начала читать вслух первую полосу «ВГ»:

– «Бывший член городского совета Исабелла Скёйен отвергает критику в адрес полиции Осло и утверждает, что начальник полиции взял дело под контроль: „Микаэль Бельман и его коллеги уже раскрыли личность убийцы-вампириста и в настоящее время задействовали все ресурсы для его поимки. Начальник полиции, кроме прочего, привлек к

расследованию небезызвестного следователя Харри Холе, который охотно согласился помочь своему бывшему начальнику и с радостью ожидает момента, когда наденет наручники на несчастного извращенца“». – Нора вернула айпад. – Довольно безвкусно. Кстати, а что ты думаешь о Холе? Ты бы выгнала его из постели?

– Конечно. А ты – нет?

– Ну не знаю... – Нора задумчиво посмотрела вверх. – Не выгнала бы. Может, легонько вытолкнула. «Иди, иди, пожалуйста, и не трогай меня здесь и здесь и только не здесь». – Нора хихикнула.

– Господи, – сказала Мона, качая головой. – Вот такие, как ты, увеличивают статистику изнасилований по недопониманию.

– Изнасилование по недопониманию? Это такое понятие? Оно имеет смысл?

– You tell me^[23]. Никто никогда не понимал меня неправильно.

– И это напомнило мне, что я наконец выяснила, почему ты пользуешься «Олд-спайсом».

– Нет, ты не могла, – расстроилась Мона.

– Да! Защита от изнасилования! Что, не так? Лосьон после бритья, пахнущий тестостероном. Он их отпугивает так же эффективно, как и перцовый спрей. Но ты не задумывалась над тем, что он отпугивает и других мужчин, Мона?

– Сдаюсь, – простонала Мона.

– Да, сдавайся и рассказывай!

– Все из-за моего отца.

– Что?

– Он пользовался «Олд-спайсом».

– Конечно! Вы же были так близки. Тебе не хватает его, бедняжка...

– Я использую его как постоянное напоминание о самом важном, чему он меня научил.

Нора заморгала:

– Как бриться?

Мона хохотнула и взяла стакан с водой:

– Никогда не сдаваться. Никогда!

Нора склонила голову набок и серьезно посмотрела на подругу:

– Ты нервничаешь, Мона. В чем проблема? И почему ты не взяла дело Скёйен? Убийства вампириста – это *твое* дело.

– Потому что у меня есть bigger fish to fry^[24]. – Мона убрала руки со стола, когда к ним вернулся официант.

– Искренне на это надеюсь, – сказала Нора, глядя на жалкую порцию филе, которую официант поставил перед ее подругой.

Мона поковыряла его вилкой:

– И я так нервничаю, потому что за мной наверняка будут следить.

– Ты о чем?

– Да, о чем я? Этого я не могу рассказать тебе, Нора. Как и никому другому. Потому что таков уговор и потому что я знаю, что нас сейчас прослушивают.

– Нас прослушивают? Ты шутишь! А я-то сказала, что Холе... – Нора прикрыла рот рукой.

Мона улыбнулась:

– Едва ли это будет использовано против тебя. Дело в том, что, возможно, я скоро совершу самое великое деяние в криминальной журналистике. Да что там, самое великое деяние всех времен.

– Ты должна рассказать мне!

Мона решительно покачала головой:

– Я могу сказать тебе только то, что у меня есть пистолет. – Она похлопала по своей сумочке.

– Ты пугаешь меня, Мона! А если они услышат, что у тебя есть пистолет?

– Я хочу, чтобы они это услышали. Тогда они поймут, что им не стоит морочить мне голову.

Нора застонала в отчаянии:

– Но почему ты должна делать все одна, раз это так опасно?

– Потому что только в этом случае я войду в историю журналистики, дорогая Нора. – Мона широко улыбнулась и подняла стакан с водой. – Если все пройдет как надо, я плачу за наш следующий ланч. И несмотря на чемпионат Норвегии, в следующий раз мы будем пить шампанское.

– Да!

– Прошу прощения за опоздание, – сказал Харри, закрывая за собой двери салона «Тату и пирсинг».

– Мы изучаем каталог товаров, – улыбнулся Андерс Виллер, стоя за столом и листая каталог вместе с бородатым кривоногим мужчиной, одетым в бейсболку с ушами и черную футболку с надписью «Hüsker Dö»^[25]. Его борода наверняка отросла задолго до того, как делающие все синхронно хипстеры прекратили бриться.

– Я не буду вам мешать, – сказал Харри и остался у двери.

– Как я уже говорил, – произнес бородач, указывая на каталог, – эти

используются тоже только для украшения, их нельзя вставить в рот. И зубы не заострены, только клыки.

– А вот эти?

Харри огляделся. В магазине не было других посетителей, да им тут и не хватило бы места. Здесь был задействован каждый квадратный, если не сказать кубический метр. Посреди помещения стояло кресло для татуирования, с потолка свисали футболки, штативы с украшениями для пирсинга и витрины с крупными украшениями, черепами и фигурками из комиксов, сделанными из хромированного металла. Все свободное пространство стен было завешано рисунками и фотографиями татуировок. На одной из фотографий Харри узнал русскую тюремную татуировку – пистолет Макарова. Посвященные знали ее значение: ее обладатель убил полицейского. Нечеткие линии могли указывать на то, что она была сделана старомодным способом: при помощи гитарной струны, прикрепленной к бритвенной машинке, расплавленной обувной подошвы и мочи.

– Это все твои татуировки? – спросил Харри.

– Не, не все мои, – ответил мужчина. – Мы их повсюду собирали. Крутые, да?

– Мы скоро закончим, – сказал Андерс.

– Не торопитесь...

Харри внезапно замолчал.

– Прошу прощения, что не смог помочь вам, – сказал бородач Виллеру. – То, о чем ты спрашивал, скорее можно найти в магазине всяких сексуальных фетишей.

– Спасибо, но его мы уже проверили.

– Вот как. Но скажите, если я чем-то еще...

– Вообще-то, можешь.

Они повернулись к долговязому полицейскому, указывавшему пальцем на один рисунок высоко на стене.

– Откуда у вас это?

– Из тюрьмы Ила, – ответил бородач. – Это один из рисунков, оставленных заключенным Рико Хэрремом, который делал татуировки. Он умер в Паттайе, в Таиланде, сразу после того, как вышел из тюрьмы два-три года назад. От сибирской язвы.

– Вы кому-нибудь делали такую татуировку? – спросил Харри и почувствовал, как кричащий рот на лице демона притягивает к себе его взгляд.

– Никогда. Никто об этом и не просил, это не совсем то, что хочется носить на себе.

– Никто?

– Я, по крайней мере, таких не видел. Но когда вы спрашиваете, я вспоминаю, что был на самом деле один парень, который работал здесь какое-то время. Он обмолвился, что видел эту татуировку. Он называл ее *сін*. Я помню, потому что *сін* и *seytan*^[26] – это два турецких слова, которые я помню до сих пор. *Сін* значит демон.

– А он говорил, где ее видел?

– Нет, и он уехал обратно в Турцию. Но если это важно, то у меня есть его телефонный номер.

Харри и Виллер подождали, пока мужчина принесет им из служебного помещения бумажку с записанным от руки телефонным номером.

– Но предупреждаю, он едва говорит по-английски.

– Как...

– Язык жестов, мой лепешечно-турецкий и его кебаб-норвежский, который он наверняка тоже забыл. Я бы посоветовал воспользоваться переводчиком.

– Спасибо, – сказал Харри. – И я боюсь, нам придется забрать этот рисунок.

Он огляделся в поисках стула, чтобы дотянуться до рисунка, но увидел, что Виллер уже подставил ему стул.

Харри посмотрел на своего улыбающегося молодого коллегу, а потом залез на стул.

– Что делаем теперь? – спросил Виллер, когда они стояли на улице Стургата и мимо них мчался трамвай.

Харри спрятал рисунок во внутренний карман пиджака и посмотрел на эмблему Синего креста, расположенную над ними на фасаде здания.

– Теперь мы идем в бар.

Он шел по больничному коридору, держа перед собой букет цветов так, чтобы он скрывал часть лица. Никто из встреченных им посетителей и людей в белом не обратил на него внимания. У него был пульс как в спокойном состоянии. Когда ему было тринадцать, он упал со стремянки, когда собирался подсматривать через забор за соседкой. Он ударился головой о цементный пол террасы и потерял сознание. Когда он очнулся, мама лежала, прижимая ухо к его груди, и он ощутил ее запах – запах лавандовых духов. Она сказала, что подумала, будто он умер, потому что не слышала его сердца и не могла нащупать пульс. Трудно было понять, чего в ее голосе было больше – облегчения или разочарования. Во всяком случае, она отвела его к молодому врачу, который после длительных поисков

нашел у него пульс и сказал, что он на удивление медленный, а при сотрясении мозга пульс, как правило, учащается. Его все равно положили в больницу, и он неделю пролежал в белой кровати, где ему снились ослепительно-белые сны, похожие на передержанные фотографии, почти как в кино показывают жизнь после смерти. Белые, как ангелы. Ничто в больнице не подготавливает к тому, что впереди тебя ожидает чернота.

Чернота, которая сейчас ожидала ту, что лежала в палате, номер которой ему называли.

Чернота, которая ожидает полицейского с тем взглядом, когда он узнает, что произошло.

Чернота, которая ожидает всех нас.

Харри рассматривал бутылки на зеркальной полке. Смотрел, как желтое содержимое тепло мерцает в отблесках света. Ракель спит. Она сейчас спит. Сорок пять процентов. Шанс на выживание и процент содержания алкоголя почти одинаковые. Спать. Он мог бы быть там, с ней. Он посмотрел в другую сторону, на губы Мехмета, на губы, формирующие непонятные слова. Харри где-то читал, что турецкая грамматика считается третьей по сложности в мире. Телефон, по которому он разговаривал, принадлежал Харри.

– Sag olun^[27], – сказал Мехмет и вернул телефон Харри. – Он говорит, что видел лицо *sin* на груди у мужчины в турецкой бане «Кагалоглу-хамам» в районе Сагене. Он говорит, что видел того мужчину несколько раз, последний раз меньше года назад, прямо перед тем, как вернулся домой, в Турцию. Этот мужчина обычно ходил в халате, даже в парной. Единственный раз он видел его без халата в *hararet*.

– Хара-что?

– В турецкой парной. Дверь открылась, пар на несколько секунд ушел в сторону, и он увидел его. Он говорит, что такую татуировку не забудешь, это как увидеть, что сам *seytan* пытается вырваться наружу.

– Мм... А вы спросили его об особых приметах?

– Да. Он не обратил внимания ни на шрамы под подбородком, о которых вы говорили, ни на что-то другое.

Харри задумчиво кивнул. Мехмет отошел, чтобы сварить им еще кофе.

– Установить наблюдение за баней? – спросил Виллер, сидевший на барном стуле рядом с Харри.

Харри покачал головой:

– Мы не знаем, когда он появится и появится ли вообще, а если появится, то мы даже не знаем, как в настоящее время выглядит Валентин

Йертсен. И он достаточно умен, чтобы прикрывать свою татуировку.

Мехмет вернулся и поставил на стойку перед ними чашки с кофе.

– Спасибо за помощь, Мехмет, – произнес Харри. – Мы бы потратили целый день на то, чтобы найти переводчика с турецким языком.

Мехмет пожал плечами:

– Я чувствую, что должен помочь. Ведь Элиса приходила сюда перед смертью.

– Мм... – Харри уставился в чашку с кофе. – Андерс?

– Да? – Голос Андерса Виллера прозвучал радостно, возможно оттого, что Харри впервые назвал его по имени.

– Можешь пойти взять машину и подогнать ее к входу?

– Да, но она ведь стоит...

– А я подойду.

Когда Виллер вышел за дверь, Харри сделал глоток кофе.

– Это не мое дело, но у вас что, проблемы, Мехмет?

– Проблемы?

– У вас нет криминального прошлого, я проверял. А вот у парня, который был здесь и убрался, как только заметил нас, есть. И хотя он со мной не поздоровался, мы с Даниалом Бэнксом старые знакомые. Вы у него в когтях?

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что вы недавно открыли бар и в вашей декларации написано, что ваше состояние равно нулю. Бэнкс специализируется на одалживании денег таким, как вы.

– Таким, как я?

– Тем, кому отказали в банке. То, чем он занимается, незаконно, вы знаете это? Ростовщичество, статья двести девяносто пятая Уголовного кодекса. Вы можете подать на него заявление и избавиться от него. Позвольте мне помочь вам.

Мехмет посмотрел на голубоглазого полицейского. Потом кивнул:

– Вы правы, Харри...

– Хорошо.

– ...это не ваше дело. Кажется, ваш коллега уже ждет вас.

Он закрыл за собой дверь больничной палаты. Жалюзи были опущены, и внутрь попадало совсем немного света. Он положил букет цветов на тумбочку у изголовья и посмотрел на спящую женщину. Она казалась такой одинокой в своей кровати.

Он задвинул шторы, сел на стул у кровати, достал из кармана пиджака

шприц и снял колпачок с острия. Он взял ее руку. Посмотрел на кожу. Настоящая кожа. Он обожал настоящую кожу. Ему захотелось поцеловать ее, но он знал, что должен держать себя в руках. План. Держаться плана. И он воткнул острое шприца в руку женщины. Почувствовал, как жидкость потекла, не встречая сопротивления.

– Вот так, – тихо прошептал он. – Теперь я заберу тебя у него. Теперь ты моя. Только моя.

Он до конца продвинул поршень, глядя, как темное содержимое исчезает, вливаясь в женщину. Наполняя ее чернотой. И сном.

– В Полицейское управление? – спросил Виллер.

Харри посмотрел на часы. Два. Он договорился встретиться с Олегом в больнице через час.

– В больницу «Уллевол», – сказал он.

– Вам плохо?

– Нет.

Виллер подождал, но, поскольку продолжения не последовало, включил двигатель и поехал.

Харри смотрел в окно, размышляя, почему он никому ничего не сказал. Он должен был рассказать Катрине, конечно из практических соображений. Помимо всего остального. Нет, почему?

– Я вчера загрузил Отца Джона Мисти, – сказал Виллер.

– Зачем?

– Наверное, потому, что вы посоветовали.

– Правда? Тогда это хорошо.

Больше ничего сказано не было, пока они плавно не влились в поток машин, движущихся по улице Уллеволсвейен мимо собора Святого Улава и улицы Нурдала Брюна.

– Остановись у той автобусной остановки, – попросил Харри. – Я вижу знакомую.

Виллер затормозил и свернул вправо у остановки, где толкались подростки, у которых, судя по всему, только что закончились занятия. Школа «Катта», да, сюда она и ходила. Она стояла немного поодаль от болтающей толпы, лицо ее закрывали волосы. Не имея никакого конкретного плана разговора, Харри открыл окно и прокричал:

– Аврора!

По телу длинноногой девочки прокатилась дрожь, и, как испуганная антилопа, она побежала прочь.

Харри сидел и наблюдал за ней в зеркало заднего вида. Она бежала по

улице Уллеволсвейен к собору.

– Вы всегда производите такое впечатление на юных девушек? – спросил Виллер.

Харри отметил, что она бежит в направлении, противоположном потоку, в котором они сюда ехали. Ей даже не пришлось задумываться, потому что она все взвесила заранее. Если убегать от человека, приехавшего на машине, надо бежать в направлении, противоположном движению автомобиля. Но что это означало, он понятия не имел. Возможно, какой-то подростковый страх. Или *фаза*, по выражению Столе.

Движение на Уллеволсвейен рассосалось.

– Я подожду в машине, – сказал Андерс, останавливаясь у входа в корпус три на больничной территории.

– Это займет какое-то время, – ответил Харри. – Может, тебе лучше подождать в комнате для посетителей?

Андерс, улыбаясь, покачал головой:

– У меня плохие воспоминания о больницах.

– Мм... Мама?

– Как вы узнали?

Харри пожал плечами:

– Это должен быть очень близкий тебе человек. Я тоже потерял маму в больнице, когда был маленьким.

– В этом тоже был виноват врач?

Харри покачал головой:

– Ее нельзя было вылечить. Поэтому вину я принял на себя.

Виллер криво улыбнулся:

– А в случае с моей мамой был самопровозглашенный бог в белом халате. Поэтому ноги моей там не будет.

Заходя в здание, Харри обратил внимание на человека с букетом цветов у самого лица, потому что, вообще-то, обычно видишь, как цветы несут в больницу, а не на улицу из больницы.

Олег ждал его, сидя на диване. Они обнялись под тихие разговоры окружающих их пациентов и посетителей и шорох без интереса просматриваемых старых журналов. Олегу не хватало всего пары сантиметров, чтобы быть одного роста с Харри. И случалось, Харри забывал, что мальчишка уже совсем вырос и что он на самом деле мог бы выигрывать у Харри соревнования в беге.

– Они сказали еще что-нибудь? – спросил Олег. – О том, что с ней и опасно ли это?

– Нет, – ответил Харри. – Но, как я и говорил, тебе не стоит слишком

волноваться, они знают, что делают. Ее ввели в кому и постоянно контролируют. Понятно?

Олег открыл рот. Потом закрыл его и кивнул. И Харри увидел, что Олег понял: Харри защищает его от правды. И позволил ему сделать это.

К ним подошел медбрат и сообщил, что они могут пройти в палату.

Харри вошел первым.

Жалюзи были опущены.

Он подошел к кровати и посмотрел на бледное лицо. Казалось, она где-то очень далеко.

Слишком далеко.

– Она д-дышит?

Это был голос Олега. Он стоял прямо за спиной Харри, как в детстве, когда им надо было пройти мимо одной из многочисленных больших собак района Хольменколлен.

– Да, – сказал Харри, кивнув в сторону мигающих аппаратов.

Они уселись по разные стороны кровати и стали бросать быстрые взгляды на зеленую прыгающую полосу – когда думали, что другой не видит.

Катрина смотрела вверх леса рук.

Пресс-конференция началась меньше пятнадцати минут назад, а напряжение в зале для совещаний уже ощущалось. Ей было интересно, что больше всего приводит их в негодование: отсутствие новостей об охоте полиции за Валентином Йертсеном или отсутствие новостей об охоте Валентина на новую жертву. С момента последнего нападения прошло сорок шесть часов.

– Боюсь, мне придется повторить мои ответы на одни и те же вопросы, – произнесла она. – Так что если новых вопросов...

– Как вы относитесь к тому, что теперь имеете дело с тремя, а не с двумя убийствами? – выкрикнул журналист из дальнего конца зала.

Катрина заметила, как беспокойство расходится по помещению, словно круги по воде. Она повернулась к Бьёрну Хольму, сидевшему в первом ряду, но ответом ей было лишь пожатие плечами. Она наклонилась к микрофонам:

– Возможно, кто-то в этом зале обладает информацией, которая еще не дошла до меня, так что к этому вопросу мы еще вернемся.

Другой голос:

– Только что пришло сообщение из больницы. Пенелопа Раш умерла.

Катрина понадеялась, что на ее лице не отразилась в полной мере та

растерянность, которую она испытала. Ведь Пенелопа Раш была вне опасности.

– На этом мы закончим. Продолжим, когда у нас будет больше информации.

Катрина собрала бумаги, быстро спустилась со сцены и вышла в боковую дверь.

– Когда у нас будет больше информации, чем у вас, – бормотала она, ругаясь про себя.

Она зашагала по коридору. Что, черт возьми, случилось? Что-то пошло не так во время лечения? Она надеялась на это. Надеялась на медицинское объяснение: непредвиденные осложнения, ухудшение состояния, даже врачебную ошибку. Все, кроме альтернативы: Валентин сдержал свое обещание и вернулся. Нет, это невозможно, они поместили Пенелопу в секретную палату, номер которой сообщили только ее ближайшим родственникам.

Бьёрн догнал ее бегом и пошел рядом.

– Я только что разговаривал с «Уллеволом». Там говорят, что это отравление, которого не распознали, но в любом случае ничего нельзя с этим поделать.

– Отравление? От укуса или уже в больнице?

– Неясно, они говорят, что будут знать больше завтра.

Чертов хаос. Катрина ненавидела хаос. И где же Харри? Черт, черт.

– Поосторожнее, а то пробьешь каблуками напольные плиты, – тихо произнес Бьёрн.

Харри сказал Олегу, что врачи ничего не знают. Не уверены в том, что произойдет. Сказал о практических вещах, которые необходимо уладить, хотя таких было немного. В остальное время между ними пролежала тяжелая тишина.

Харри посмотрел на часы. Семь.

– Поезжай домой, – сказал он. – Поешь и ложись спать. Тебе завтра в академию.

– Только если я буду знать, что ты здесь, – ответил Олег. – Мы не можем оставлять ее одну.

– Я останусь здесь, пока меня не выгонят, а это произойдет уже скоро.

– Но до тех пор ты побудешь? Ты не поедешь на работу?

– На работу?

– Да. Ты теперь будешь находиться здесь, а не... заниматься тем делом?

– Конечно.

– Я знаю, каким ты становишься, когда расследуешь убийства.

– Правда?

– Я кое-что помню. И мама рассказывала.

Харри вздохнул:

– Сейчас я останусь здесь. Я обещаю, вот тебе крест. Мир будет вращаться без меня, но...

Он замолчал, но продолжение повисло между ними в воздухе: «...не без нее».

Харри задержал дыхание.

– Как ты себя чувствуешь?

Олег пожал плечами:

– Мне страшно. И больно.

– Я знаю. А теперь иди и возвращайся завтра после занятий. Я буду здесь с утра.

– Харри...

– Да?

– Завтра будет лучше?

Харри посмотрел на него. У этого кареглазого темноволосого парня не было ни капли крови Харри, и все равно ему казалось, что, глядя на него, он смотрится в зеркало.

– А сам как думаешь?

Олег покачал головой, и Харри увидел, что он борется со слезами.

– Ладно, – сказал Харри. – Я сидел так, как ты сейчас, со своей мамой, когда она болела. Час за часом, день за днем. Я был мальчишкой, и это поело меня изнутри.

Олег вытер глаза тыльной стороной ладони и шмыгнул носом:

– Ты бы хотел, чтобы этого не было?

Харри покачал головой:

– Вот это-то и странно. Мы не слишком много разговаривали, она была очень слабой. Она просто лежала и едва улыбалась... и постепенно исчезала, как краски на картине выцветают на солнце. Это мое худшее и одновременно лучшее воспоминание из детства. Ты можешь это понять?

Олег медленно кивнул:

– Думаю, да.

Они обнялись на прощание.

– Папа... – прошептал Олег, и Харри почувствовал, как на его шею упала теплая слезинка.

Сам он плакать не мог. Не хотел плакать. Сорок пять процентов, сорок

пять *хороших* процентов.

– Я здесь, мой мальчик, – сказал Харри.

Твердый голос. Оцепеневшее сердце. Он чувствовал себя сильным. Он справится.

Глава 19

Понедельник, вечер

На Моне До были кроссовки, и все равно ее шаги эхом разносились между контейнерами. Она припарковала свой маленький электромобиль у ворот и прошла прямо на погруженную во мрак пустынную контейнерную территорию, которая в реальности представляла собой кладбище того, что когда-то было активной портовой деятельностью. Ряды контейнеров служили надгробными памятниками мертвым и забытым отправлениям, обанкротившимся получателям или тем, кто не хотел признаваться в том, что является получателем товара от несуществующих более отправителей, неспособных принять возврат. И вот теперь товары находились в вечном транзите здесь, у острова Ормёйя. Они резко контрастировали с обновленным и облагороженным районом Бьёрвика, расположенным прямо за островом. Там одно дорогое красивое здание росло за другим, а похожее на айсберг здание Оперы венчало эту корону. Мона была уверена, что эти постройки станут памятником эпохе нефти, Тадж-Махалом социал-демократии.

Для того чтобы отыскать дорогу, Мона пользовалась прихваченным с собой фонариком. Нарисованные на асфальте цифры и буквы указывали ей путь. Она надела черные лосины и черную спортивную куртку. В одном кармане у нее был перцовый спрей и навесной замок, в другом – пистолет, девятимиллиметровый «вальтер», который она без спроса одолжила у отца. После окончания медицинского факультета он год прослужил лейтенантом санитарной службы и так и не вернул пистолет после увольнения.

А под всем этим, под тонким шерстяным бельем, под поясом-пульсометром, ее сердце колотилось все быстрее и быстрее.

Участок H23 располагался между двумя рядами контейнеров высотой в три контейнера.

Там действительно находилась клетка.

Ее размер свидетельствовал о том, что клетку использовали для перевозки чего-то крупного. Слона, жирафа или бегемота. Вся короткая сторона клетки открывалась, но она была заперта на огромный, коричневый от ржавчины навесной замок. Однако посередине длинной стороны клетки имелась маленькая незапертая дверца, предназначенная, по-видимому, для тех, кто кормил зверя и убирал за ним.

Когда Мона схватилась за прут решетки и потянула дверцу, петли

заскрипели. Она в последний раз огляделась. Наверняка он уже здесь, прячется в тени или позади одного из контейнеров, чтобы проследить, пришла ли она одна, как договаривались.

Но теперь больше не было места сомнениям и промедлению. Мона сделала то, что делала перед поднятием тяжести во время соревнований: сказала себе, что решение принято, что все будет просто, что время думать уже миновало и осталось только время действовать. Она вошла внутрь, достала из кармана принесенный с собой навесной замок и зацепила его за дверь и один из прутьев, заперла и убрала ключ в карман.

В клетке пахло мочой, то ли звериной, то ли человеческой. Мона встала посреди клетки.

Он мог подойти справа или слева, с одной из коротких сторон. Мона подняла глаза. Или же он мог забраться на штабель контейнеров и разговаривать с ней сверху. Мона включила диктофон в телефоне и положила его на вонючий железный пол. Потом она задрала рукав куртки на левой руке и посмотрела на часы. 19:59. Она задрала рукав на правой руке. Пульсометр показывал 128.

- Привет, Катрина, это я.
- Хорошо, что ты позвонил, Харри, я пыталась тебя найти, ты не получал сообщения? Ты где?
- Дома.
- Пенелопа Раш умерла.
- Осложнения. Я читал в сетевом выпуске «ВГ».
- И?..
- Мне надо было думать о других вещах.
- Вот как? И о чем же?
- Ракель положили в «Уллевол».
- Ох... Что-то серьезное?
- Да.
- Господи, Харри, серьезное – это значит...
- Мы не знаем. Но я больше не могу участвовать в следствии. Я пока буду находиться в больнице.
- Пауза.
- Катрина?
- Да? Да, конечно. Прости, но слишком много информации сразу. Я, конечно, полностью тебя понимаю и сочувствую. Но, господи, Харри, там есть кто-нибудь, с кем ты можешь поговорить? Хочешь, чтобы я приехала?..
- Спасибо, Катрина, но тебе надо ловить одного мужчину. Я

распускаю группу, и тебе придется работать с тем, что есть. Используй Смита. У него, конечно, социальные антенны еще короче моих, но он ничего не боится и осмеливается мыслить, выходя за рамки привычного. И Андерс Виллер интересен. Дай ему уже сейчас больше ответственности и посмотри, что из этого выйдет.

– Я думала над этим. Звони, если что случится, что угодно.

– Ага.

Они закончили разговор, и Харри встал и подошел к кофеварке, прислушиваясь к звуку собственных шагов. Он раньше не шаркал, никогда. Стоя с кофейником в руке, он оглядел пустую кухню. Куда делась кофейная чашка? Харри отставил кофейник, уселся за кухонный стол и набрал номер Микаэля Бельмана. Автоответчик. Ничего страшного, он не собирался много говорить.

– Это Холе. Жена заболела, и я ухожу. Решение окончательное.

Он сидел и смотрел в окно на огни города.

Он думал о водяном буйволе весом в одну тонну, на шее у которого повис одинокий лев. Рана буйвола кровоточит, но крови в нем еще достаточно, и если ему удастся стряхнуть с себя льва, он легко сумеет затоптать хищника до смерти своими копытами и насадить его на рога. Но надо торопиться, трахея пережата, а ему требуется воздух. Другие львы на подходе, стая почуяла запах крови.

Харри видел огни, но думал, что никогда они не были так далеки.

Помолвочное кольцо. Валентин дал ей кольцо и вернулся. Совсем как Жених. Проклятье. Харри отогнал от себя эту мысль. Настала пора отрубить голову. Погасить свет, запереть и пойти домой.

Вот так, да.

Часы показывали 20:14, когда Мона услышала звук. Он донесся из темноты, которая, пока она сидела в клетке, постепенно становилась плотнее. Мона заметила движение. Что-то направлялось в ее сторону. Она повторила несколько подготовленных вопросов и задумалась, чего она боится больше: того, что он придет, или того, что он не придет. Но теперь она не сомневалась. Мона чувствовала биение пульса в горле. Она обхватила в кармане рукоятку пистолета. Она тренировалась стрелять в подвале у родителей и с шести метров попадала в цель – оборванный плащ, висевший на крючке.

Существо явилось из темноты на свет яркого прожектора грузового судна, пришвартованного у бетонных элеваторов в нескольких сотнях метров.

Собака.

Она трусцой подбежала к клетке и уставилась на Мону.

Похоже, собака была бездомной, во всяком случае, на ней не было ошейника, а сама она оказалась такой тощей и чесоточной, что трудно было представить другое место ее обитания, кроме этого порта. Именно такая собака, как надеялась маленькая девочка Мона с аллергией на кошек, однажды будет провожать ее до дому и никогда ее не оставит.

Мона посмотрела в близорукие глаза собаки, и ей показалось, что она прочла мысли животного. «Человек в клетке». Она услышала, как собака беззвучно засмеялась.

Псина разглядывала ее некоторое время, затем встала боком к клетке, задрала заднюю лапу и пустила струю на прутья решетки и пол.

Потом она потрусилась в другую сторону и исчезла во мраке.

Не наострив ушей и не принюхиваясь.

И до Моны дошло.

Никто не придет.

Она посмотрела на пульсометр. 119. Снижается.

Здесь его не было. Так где же он?

Харри заметил что-то в темноте на улице.

Прямо посреди двора, за пределами пятен света из окон и фонаря над крыльцом, он различил очертания человека, неподвижно стоящего с опущенными вдоль тела руками. Человек смотрел в окно кухни, на Харри.

Харри наклонил голову и взглянул в кофейную чашку, как будто не видел человека за окном. Его служебный пистолет лежал на втором этаже.

Может, сбегать за ним?

С другой стороны, если дичь действительно приближается к охотнику, нельзя ее спугнуть.

Харри поднялся и потянулся, зная, что его прекрасно видно в хорошо освещенном кухонном окне. Он прошел в гостиную, окна которой тоже выходили во двор, взял книгу, а потом сделал два быстрых шага в сторону входной двери, схватил садовый секатор, который Ракель положила рядом со своими сапогами, распахнул дверь и сбежал вниз по крыльцу.

Человек по-прежнему не шевелился.

Харри остановился.

Прищурился.

– Аврора?

Харри рылся в кухонном шкафу.

– Кардамон, корица, каркаде. У Ракели много разных чаев на букву «К», а я пью в основном кофе, поэтому не знаю, что тебе посоветовать.

– Корица подойдет, – сказала Аврора.

– Вот, – произнес Харри, протягивая ей упаковку.

Она вынула чайный пакетик. Харри сидел и смотрел, как она погружает его в дымящуюся чашку.

– На днях ты убежала из Полицейского управления, – сказал он.

– Да, – ответила она, выжимая пакетик о ложку.

– А сегодня днем – с автобусной остановки.

Аврора молча опустила голову, волосы закрыли ее лицо.

Харри уселся и сделал глоток кофе, предоставляя ей необходимое время и не наполняя тишину словами, требующими ответа.

– Я не видела, что это ты, – сказала она наконец. – То есть я увидела, но к тому моменту уже перепугалась, а мозгу часто требуется время, чтобы убедить тело в том, что опасности нет. И за это время тело успело убежать.

– Мм... Тебя кто-то напугал?

Она кивнула:

– Папа.

Харри подобрался, он не хотел идти дальше, не хотел углубляться. Но он был обязан.

– Что сделал папа?

Ее глаза наполнились слезами.

– Он изнасиловал меня и сказал, чтобы я никогда никому об этом не рассказывала. Потому что тогда он умрет...

Тошнота подступила так резко, что Харри на мгновение задохнулся, а горло его наполнилось кислотой, когда он сглотнул.

– Папа сказал, что он умрет?

– Нет! – Ее внезапный злобный выкрик коротким звонким эхом разнесся по кухне. – Человек, который меня изнасиловал, сказал, что он убьет папу, если я когда-нибудь кому-нибудь скажу хоть слово. Он сказал, что однажды уже чуть не убил папу и что в следующий раз его никто не сможет остановить.

Харри заморгал, пытаясь переварить горькую смесь облегчения и шока.

– Тебя изнасиловали? – переспросил он с напускным спокойствием.

Аврора кивнула, шмыгнула носом и вытерла глаза:

– В женском туалете, когда мы участвовали в турнире по гандболу. Это было в тот же день, когда вы с Ракелью поженились. Он сделал это, а потом ушел.

Ощущения Харри были похожи на ощущения от свободного падения.

– Куда можно это выбросить? – Она держала над чашкой капающий пакетик, болтающийся на нитке.

Харри просто протянул ей руку.

Аврора неуверенно посмотрела на него, прежде чем опустить пакетик в его ладонь. Харри сжал кулак и почувствовал, как вода обжигает кожу и течет между пальцев.

– Он нанес тебе повреждения?

Она покачала головой:

– Он держал меня, и у меня остались синяки. Я сказала маме, что получила их во время гандбольного матча.

– То есть ты до сегодняшнего дня хранила все это в себе?

Она кивнула.

Харри поднялся, обошел вокруг стола и заключил ее в объятия. Но другая мысль успела проникнуть в его сознание – слова Смита о близости и интимности.

– А почему ты пришла ко мне и рассказала все сейчас?

– Потому что он убивает других людей. Я видела рисунок в газете. Это он, тот мужчина со странными глазами. Ты должен помочь мне, дядя Харри. Ты должен помочь мне защитить папу.

Харри закивал, хватая воздух открытым ртом.

Аврора склонила голову набок, явно обеспокоенная:

– Дядя Харри...

– Да?

– Ты плачешь?

Уголком рта Харри почувствовал соленый вкус первой слезинки. Черт.

– Прости, – произнес он невнятно. – Как тебе чай?

Он посмотрел на Аврору и поймал ее взгляд, который совершенно изменился, словно ее красивые глаза утратили непроницаемость и что-то прорвалось, словно Аврора впервые за долгое время вышла наружу, а не спряталась внутрь, как во время их последних встреч.

Аврора встала, отодвинула чашку, обошла вокруг стола, склонилась над Харри и обняла его.

– Все хорошо, – сказала она, – все хорошо.

Марта Руд подошла к посетителю, который только что вошел в двери опустевшего кафе «Шрёдер».

– Простите, но мы прекратили подавать пиво полчаса назад и через десять минут закрываемся.

– Дайте мне кофе, – сказал он с улыбкой. – Я быстро выпью.

Она вернулась на кухню. Повар ушел домой больше часа назад, как и Нина. Обычно по понедельникам вечером они оставляли в зале только одного официанта, и, хотя было тихо, Марта немного волновалась, потому что впервые работала вечером одна. Нина должна была зайти сразу после закрытия, чтобы помочь ей снять кассу.

Марте потребовалось несколько секунд, чтобы вскипятить в чайнике воду на одну чашку. Она добавила растворимый кофе, вернулась в зал и поставила чашку перед мужчиной.

– Могу я задать вам один вопрос? – спросил он, глядя на дымящуюся чашку. – Раз уж здесь только мы с вами.

– Да, – ответила Марта, хотя собиралась ответить «нет».

Она хотела всего лишь, чтобы он выпил свой кофе, ушел и позволил ей запереть дверь и дожидаться Нины, а потом пойти домой. Первая пара начинается завтра в четверть девятого.

– Это сюда заходит тот известный следователь? Харри Холе.

Марта кивнула. Честно говоря, она не слышала о Холе до тех пор, пока он не появился к ним. Высокий мужчина со страшным шрамом на лице. Тогда Нина подробно рассказала ей о Харри Холе.

– А где он обычно сидит?

– Говорят, вон там, – сказала Марта, указывая на угловой столик у окна. – Но сейчас он приходит не так часто, как раньше.

– Ну, если он собирается надеть наручники на того «несчастливого извращенца», как он выражается, то у него нет времени расслаиваться здесь. Но это по-прежнему его место. Вы понимаете?

Марта кивнула и улыбнулась, хотя совершенно не была уверена, что понимает.

– Как вас зовут?

Марта помедлила, не зная, нравится ли ей, какое направление принимает эта беседа.

– Мы закрываемся через шесть минут, так что если хотите успеть допить свой кофе, то...

– А знаешь, почему у тебя появились веснушки, Марта?

Она остолбенела. Откуда ему известно ее имя?

– Да, понимаешь ли, ты была маленькая, и у тебя не было веснушек, но однажды ночью ты проснулась. У тебя случился *kabuslar*, кошмар. Тебе стало страшно, и ты побежала в спальню к маме, чтобы она рассказала тебе, что монстров и привидений не существует. Но там, в ее комнате, на груди у мамы сидел голый иссиня-черный скрючившийся мужчина. У него

были длинные острые уши, а из уголков рта текла кровь. Ты остановилась и уставилась на него, а он надул щеки и, прежде чем ты успела отскочить, изверг из себя всю кровь, что была у него во рту, и твое лицо и грудь обдало маленькими капельками. И эта кровь, Марта, так никуда и не исчезла, сколько бы ты ни оттирала и ни отмывала ее. – Мужчина подул на кофе. – Вот ответ на вопрос, откуда у тебя веснушки. Но есть еще вопрос *почему*. И ответ на этот вопрос настолько же прост, насколько неудовлетворителен, Марта. Потому что ты оказалась не в том месте не в то время. Мир вообще не слишком справедлив.

Он поднес чашку к губам, широко раскрыл рот и залил все еще дымящуюся черную жидкость в рот. Марта сделала судорожный вдох от ужаса, от нехватки воздуха, от страха, что произойдет нечто, о чем она еще не знает. И она не замечала струю, хлынувшую из его рта, до тех пор, пока теплый кофе не ударил ей в лицо.

Ослепленная, она повернулась, поскользнулась на кофе, ударилась коленом об пол, но поднялась и рванула к входной двери, перевернув за собой стул, чтобы задержать его, при этом часто моргая, чтобы смахнуть кофе с глаз. Марта схватилась за ручку двери и рванула ее на себя. Заперто. Он запер на французский замок. Она услышала скрип шагов у себя за спиной, схватила большим и указательным пальцем задвижку, но больше ничего сделать не успела, потому что он ухватил ее за ремень и потянул назад. Марта упала на четвереньки. Она пыталась кричать, но у нее получалось только тихо скулить. Шаги. Он встал перед ней. Но она продолжала стоять на четвереньках и не хотела смотреть вверх, не хотела смотреть на него. В детстве ей не снились кошмары с иссиня-черными мужчинами, но она видела мужчин с собачьей головой. И она знала, что, если посмотрит вверх, именно такого человека она и увидит. И она опустила глаза вниз, на острые носки ковбойских сапог.

Глава 20

Ночь на вторник

– Да?

– Харри?

– Да.

– Я не была уверена, правильный ли у меня номер. Это Нина. Из «Шрёдера». Я знаю, что сейчас полвторого, и прошу прощения, что разбудила тебя.

– Я не спал, Нина.

– Я звонила в полицию, но они... да, они были здесь и уже ушли.

– Не волнуйся, Нина. Что случилось?

– Это насчет Марты, новой официантки, которую ты видел, когда был здесь в последний раз.

Харри вспомнил засученные рукава рубашки и нервное рабочее возбуждение девушки.

– И что с ней?

– Она пропала. Я пришла сюда незадолго до полуночи, чтобы помочь ей с кассой, но здесь никого не оказалось. А вот дверь была не заперта. Марта аккуратная девушка, и у нас был уговор. Она не просто ушла, не заперев дверей. Она не отвечает на телефон, и ее парень говорит, что домой она не приходила. Полицейские проверили «скорую» и больницу, и ничего. Женщина-полицейский сказала, что такое происходит постоянно, что люди исчезают странным образом, а потом появляются спустя несколько часов с убедительными объяснениями. И чтобы я позвонила, если Марта не объявится в течение двенадцати часов.

– Мм... Они говорят правду, Нина, и они следуют определенной процедуре.

– Да. Но... алло?

– Я здесь, Нина.

– Когда я убирала и собиралась закрывать, то обнаружила, что кто-то написал кое-что на скатерти. Кажется, помадой. Как раз такого цвета, какой пользуется Марта.

– Вот как. Что там написано?

– Ничего.

– Ничего?

– Как будто просто кружочки. Формой похожи на букву «В». И

нарисованы они на твоём месте.

Три часа ночи.

Рык сорвался с губ Харри и заметался между голыми стенами подвала. Харри смотрел на железную штангу, которая могла вот-вот сорваться и раздавить его. Его жизнь отделяли от штанги только его дрожащие руки. С последним усилием он поднял килограммы до самого верха, и блины зазвенели, ударяясь друг о друга, когда он опустил штангу на подставку. Он лежал на скамейке и тяжело дышал.

Он закрыл глаза. Слишком поздно для Авроры. Слишком поздно для Марты. Но он должен сделать это ради тех, кто ещё не стал жертвой, кого ещё можно спасти от Валентина.

Ведь он делает это ради них, да?

Харри взялся за штангу, ощутив железо мозолями на руках.

«То, для чего тебя можно использовать».

Так говорил его дедушка. Все, что тебе надо, – это то, для чего тебя можно использовать. Когда бабушка собиралась рожать отца Харри, она потеряла так много крови, что акушерка вызвала врача. Дедушка, которому сказали, что он ничем не может помочь, не в силах слушать стоны жены, вышел на улицу, запряг лошадь в плуг и стал пахать. Он гнал лошадь вперед кнутом и криком, и эти звуки заглушали вопли, доносившиеся из дома, и даже сам толкал плуг, когда верная, но старая лошадь начала шататься в упряжи. Когда крики роженицы прекратились и доктор вышел из дома и сообщил, что мать и дитя выживут, дедушка упал на колени, поцеловал землю и поблагодарил Бога, в которого не верил.

В ту же ночь лошадь упала в хлев и умерла.

Сейчас в кровати лежала Ракель. Молча. А он должен был принять решение.

«То, для чего тебя можно использовать».

Харри поднял штангу с подставки и опустил ее на грудь, сделал глубокий вдох, напряг мышцы и закричал.

Часть II

Глава 21

Вторник, утро

На часах было 07:30. В воздухе висел мелкий дождь, когда Мехмет, собираясь перейти улицу, обратил внимание на человека, стоящего перед «Ревностью». Человек сложил ладони в форме бинокля и приложил их к окну, чтобы лучше видеть, что происходит внутри. Первой мыслью Мехмета было то, что это Даниал Бэнкс пришел ни свет ни заря, чтобы потребовать очередной взнос, но, подойдя ближе, Мехмет увидел, что этот человек выше ростом и к тому же белокур. И ему пришло в голову, что это, должно быть, кто-то из старых клиентов-алкашей вернулся назад. Наверное, надеется, что заведение по-прежнему открывается в семь утра.

Но когда мужчина повернулся в сторону улицы и затыкнулся торчащей во рту сигаретой, он увидел, что это полицейский, Харри.

– Доброе утро, – сказал Мехмет, вынимая ключи. – Жажда?

– И это тоже. Но я пришел с предложением.

– Что за предложение?

– Такое, от которого можно отказаться.

– Тогда мне интересно, – ответил Мехмет, пропустил полицейского в бар, зашел следом за ним и запер дверь.

Он включил свет за барной стойкой.

– На самом деле это хороший бар, – сказал Харри, положил локти на стойку и втянул в себя воздух.

– Хотите купить? – сухо поинтересовался Мехмет, наливая воду в джезву, особую турецкую кофеварку.

– Да, – ответил Харри.

Мехмет рассмеялся:

– Ваше предложение?

– Четыреста тридцать пять тысяч.

Мехмет нахмурился:

– Откуда такая сумма?

– От Даниала Бэнкса. Я встречался с ним сегодня утром.

– Сегодня утром? Но сейчас только...

– Я рано встал. И он тоже. То есть мне пришлось разбудить его и вытащить из постели.

Мехмет посмотрел в налитые кровью глаза полицейского.

– Образно говоря, – сказал Харри. – Я знаю, где он живет. Я позвонил

в дверь и сделал ему предложение.

– Какое предложение?

– Другого типа. От которого нельзя отказаться.

– То есть?

– Я выкупил долги бара «Ревность» по номинальной стоимости в обмен на обещание не натравливать на него экономическую полицию по обвинению по статье двести девяносто пять, ростовщичество.

– Вы шутите!

Харри пожал плечами:

– Возможно, я преувеличиваю и он мог отказаться. Вообще-то, он мог сказать мне, что, к сожалению, статью двести девяносто пять отменили пару лет назад. Что станет с этим миром, когда преступники будут лучше разбираться в юридических вопросах, чем полиция? Так или иначе, он посчитал, что кредитное соглашение с вами не стоит тех беспокойств, которые я пообещал устроить ему в других сферах его деятельности. И вот этот документ... – полицейский положил на стойку исписанный от руки листок, – подтверждает, что Даниал Бэнкс продает, а я, Харри Холе, становлюсь гордым обладателем долга в четыреста тридцать пять тысяч крон Мехмета Калака, залогом по которому служит выручка и документы на собственность бара «Ревность».

Мехмет прочитал несколько строк и покачал головой:

– Ни черта себе! И у вас было с собой полмиллиона крон, которые вы прямо там отдали Бэнксу?

– В свое время я занимался выбиванием долгов в Гонконге. Это... хорошо оплачивалось. Так что я сколотил себе капитал. Бэнкс получил чек и выписку со счета.

Мехмет рассмеялся:

– Значит, теперь *вы* будете вымогать у меня деньги, Харри?

– Не буду, если вы согласитесь на мое предложение.

– И в чем оно заключается?

– Мы превратим долг в собственный капитал.

– Вы заберете бар?

– Я стану совладельцем. Мы станем партнерами, и у вас будет право выкупить мою долю, когда пожелаете.

– А что я должен сделать взамен?

– Пойти в турецкую баню, а мой товарищ пока присмотрит за баром.

– Что?

– Вы пропотеете и понежитесь в «Кагалоглу-хамаме», пока будете ждать появления Валентина Йертсена.

- Я? Почему именно я?
- Потому что после смерти Пенелопы Раш вы и еще одна пятнадцатилетняя девочка – единственные известные мне живые люди, которые знают, как сейчас выглядит Валентин Йертсен.
- Знаю ли я...
- Вы узнаете его.
- Почему вы так думаете?
- Я читал рапорт. Вы сказали, цитирую: «Я смотрел на него недолго и не очень внимательно, чтобы суметь описать его».
- Вот именно.
- У меня была коллега, которая помнила каждое когда-либо виденное ею лицо. Она объяснила мне, что способность различать и узнавать миллион лиц находится в одном месте в мозгу, которое называется fusiform gyrus^[28], и что без этой способности мы вряд ли выжили бы как вид. Вы можете описать последнего гостя, который был здесь вчера?
- Э-э... нет.
- И все же вы за сотую долю секунды узнали бы его, если бы он сейчас вошел в бар.
- Конечно.
- Вот на это я и ставлю.
- Вы ставите на это четыреста тридцать пять тысяч собственных средств? А что, если я его не узнаю?
- Харри выпятил нижнюю губу:
- Тогда я в любом случае стану владельцем бара.

В 07:45 Мона До открыла дверь редакции «ВГ» и вразвалку вошла в помещение. У нее выдалась плохая ночь. Несмотря на то что из контейнерного порта она поехала прямо в клуб «Гейн» и занималась так интенсивно, что у нее болело все тело, ей не удалось поспать. В конце концов она решила рассказать все редактору, не вдаваясь в детали. Спросить у него, есть ли у источника право на защиту, если источник бессовестно облапошил журналиста. Иными словами, может ли она теперь обратиться в полицию? Или же имеет смысл подождать и посмотреть, не выйдет ли он снова на связь? Ведь, несмотря ни на что, у него могла быть веская причина не явиться.

– Выглядишь усталой, До! – прокричал начальник редакции. – На вечеринке была?

– I wish^[29], – тихо сказала Мона, опустила спортивную сумку на пол

рядом со своим столом и включила компьютер.

– Может быть, вечеринка была немного экспериментальная?

– I wish, – громко повторила Мона.

Она подняла голову и увидела, как из-за мониторов в офисе высунулось несколько голов. Радостно осклабившиеся, любопытные лица.

– Что? – прокричала она.

– Только стриптиз или секс с животными? – прозвучал тихий голос, который она не успела идентифицировать до того, как две девушки разразились неудержимым смехом.

– Проверь свою электронную почту, – сказал начальник редакции. – Некоторые из нас получили копии.

Мона похолодела. У нее появилось леденящее душу предчувствие, и она принялась колотить, а не стучать по клавиатуре.

Отправителем значился отделубийств@ослопол.но.

Текста не было, только фотография, сделанная, конечно, с помощью светочувствительной камеры, поскольку никаких вспышек она не видела. Возможно, с телескопической линзой. На переднем плане находилась писающая на клетку собака, а посреди клетки стояла Мона, напряженно таращась, как дикий зверь.

Ее обманули. Никакой вампирист ей не звонил.

В 08:15 Смит, Виллер, Хольм и Харри собрались в Котельной.

– У нас есть дело об исчезновении, за которым может стоять вампирист, – сообщил Харри. – Марта Руд, двадцати четырех лет, исчезла из ресторана «Шрёдер» вчера около полуночи. Катрина сейчас информирует следственную группу.

– Криминалисты уже на месте преступления, – сказал Бьёрн Хольм. – Пока никаких следов. Кроме того, о чем ты говорил.

– И что это? – спросил Виллер.

– Буква «В», нарисованная на скатерти губной помадой. Форма окружностей такая же, как на двери Эвы Долмен.

Его прервал звук гавайской гитары, в котором Харри узнал вступление к «Your Cheatin' Heart» Хэнка Уильямса в исполнении Дона Хелмса.

– Ничего себе, у нас связь появилась, – сказал Бьёрн Хольм, вынимая телефон из кармана. – Хольм. Что? Не слышу. Подождите.

Бьёрн Хольм исчез за дверью.

– Вполне может оказаться, что этот киднеппинг имеет отношение ко мне, – сказал Харри. – Это мой ресторан и мой столик.

– Нехорошо, – произнес Смит, качая головой. – Он потерял контроль.

– А разве нехорошо, что он потерял контроль? – спросил Виллер. – Разве это не означает, что он стал неосторожным?

– Возможно, в этой части новости хорошие, – ответил Смит. – Но теперь, когда он подсел на ощущение власти и контроля, никому не будет позволено забрать у него это ощущение. Все правильно, ему нужен ты, Харри. И знаете, по какой причине?

– Статья в «ВГ», – кивнул Виллер.

– Ты называешь его несчастным извращенцем, которого ты... как там было?

– На которого вы наденете наручники, – подсказал Виллер.

– Называя его несчастным, ты грозишься отнять у него контроль и власть.

– Его так назвала Исабелла Скёйен, а не я, но сейчас это не важно, – произнес Харри, почесывая шею. – Ты думаешь, он будет использовать девушку, чтобы добраться до меня, Смит?

Смит покачал головой:

– Она мертва.

– Почему ты в этом уверен?

– Он не хочет никакой конфронтации, он просто хочет показать тебе и всем остальным, обладающим властью, что он может прийти в твое место и забрать одного из твоих людей.

Харри резко прекратил чесаться.

– Одного из *моих* людей?

Смит не ответил.

Бьёрн Хольм с грохотом вернулся в Котельную:

– Звонили из «Уллевола». Прямо перед смертью Пенелопы Раш к администратору подошел мужчина и предъявил документы, подтверждающие, что он один из тех, кого ты указал в качестве близких, какой-то Руар Вик, бывший жених.

– Это он купил помолвочное кольцо, которое Валентин украл из квартиры, – сказал Харри.

– Они связались с ним, чтобы спросить, не заметил ли он чего странного, – продолжал Бьёрн Хольм. – Но Руар Вик говорит, что не ходил в больницу.

В Котельной наступила тишина.

– Не жених... – сказал Смит. – Но тогда...

Колесики стула Харри громко заскрипели, стул опустел и на полной скорости помчался к кирпичной стене.

Сам Харри был уже в дверях.

– Виллер, вперед!

Харри бежал.

Больничный коридор тянулся и удлинялся, удлинялся быстрее, чем он бежал, как расширяющаяся вселенная, которую не могут догнать ни свет, ни даже мысль.

Ему удалось не столкнуться с мужчиной, который вышел из какой-то двери, держась за штатив с капельницей.

«Одного из твоих людей».

Валентин взял Аврору, потому что она была дочерью Столе Эуне.

Марту Руд, потому что она работала в любимом ресторане Харри.

Пенелопу Раш, чтобы продемонстрировать им, что он это может.

«Одного из твоих людей».

301-я.

Харри обхватил в кармане рукоятку пистолета. «Глок-17» почти два с половиной года пролежал нетронутым, запертым в ящике на втором этаже. Сегодня утром Харри взял его с собой. Не потому, что собирался воспользоваться им, а потому, что впервые за три года не был уверен, что оружие ему не понадобится.

Он распахнул дверь левой рукой, одновременно выставив вперед руку с пистолетом.

Палата была пуста. Опустошена.

Ракели не было. Кровати не было.

Харри хватал ртом воздух.

Он подошел к месту, где стояла кровать.

– Прощу прощения, но вы опоздали, – произнес голос у него за спиной.

Харри развернулся. Главный врач Стеффенс стоял в дверях, пряча руки в карманах белого халата. Он поднял бровь, увидев пистолет.

– Где она? – прохрипел Харри.

– Я расскажу, если вы уберете вот это.

Харри опустил пистолет.

– На обследовании, – сказал Стеффенс.

– Она... она в порядке?

– Состояние не изменилось, стабильно нестабильное. Но она переживет сегодняшний день, если вас это волнует. А отчего столько драматизма?

– Ее надо охранять.

– В настоящее время она под присмотром пяти человек из нашего

медперсонала.

– Мы разместим вооруженного полицейского у ее двери. Возражения?

– Нет, но это не моя епархия. Вы боитесь, что сюда может прийти убийца?

– Да.

– Потому что она замужем за человеком, который на него охотится? Мы не сообщаем номер палаты никому, кроме близких.

– Это не остановило человека, который выдал себя за жениха Пенелопы Раш, чтобы выяснить номер ее палаты.

– Вот как?

– Я посижу здесь, пока не приедет охрана.

– В таком случае вы, возможно, захотите чашечку кофе.

– Вам не надо...

– Нет, но *вам* надо. Минуточку, у нас тут прямо в дежурке есть удивительно плохой кофе.

Стеффенс покинул палату, и Харри огляделся. Стулья, на которых они сидели с Олегом, стояли на тех же местах, что и вчера, по обе стороны отсутствующей кровати. Харри сел на один из них и уставился вниз, на серое напольное покрытие. Он чувствовал, как успокаивается пульс. И все же у него оставалось ощущение, что в палате не хватает воздуха. Полоска солнца падала через щель между шторами на пол между стульями, и он заметил на напольном покрытии светлый волосок. Он подобрал его. Мог ли Валентин заходить сюда в поисках Ракели, но опоздать? Харри сглотнул. Сейчас не было никаких причин думать об этом, она находилась в безопасности.

Вошел Стеффенс и протянул Харри картонный стаканчик, глотнул из своего и уселся на второй стул, так что двое мужчин оказались друг против друга на расстоянии одного метра.

– Ваш мальчик заходил, – сказал Стеффенс.

– Олег? Он не должен был приходить до окончания занятий.

– Он спрашивал о вас. Мне показалось, он был возмущен тем, что вы оставили его мать одну.

Харри кивнул и отхлебнул кофе.

– В этом возрасте они часто злятся и испытывают моральное возмущение, – произнес Стеффенс. – За все, что идет не так, они возлагают вину на своих отцов, и тот, на кого им когда-то хотелось быть похожими, внезапно становится тем, кем они стать не хотят.

– Вы основываетесь на собственном опыте?

– Конечно, мы всегда так делаем. – Улыбка Стеффенса исчезла так же

быстро, как и появилась.

– Мм... Можно задать вам личный вопрос, Стеффенс?

– Пожалуйста.

– В результате вы остаетесь в плюсе?

– Простите?

– Радость от спасения жизни минус отчаяние от потери тех, кого ты мог спасти.

Стеффенс встретился глазами с Харри. Наверное, дело было в сложившейся ситуации: двое мужчин сидят друг против друга в темной комнате, – и поэтому задать такой вопрос показалось естественным. Стеффенс снял очки и провел руками по лицу, будто хотел стереть с него усталость. Он покачал головой:

– Нет.

– Но вы продолжаете этим заниматься?

– Это призвание.

– Да, я видел распятие у вас в кабинете. Вы верите в призвание.

– Думаю, вы тоже, Харри. Я видел вас. Может быть, не Бог призвал вас, но призвание вы ощущаете.

Харри посмотрел в чашку. Стеффенс был прав, говоря об удивительно плохом кофе.

– Означает ли это, что вы не любите свою работу?

– Я ненавижу свою работу, – улыбнулся главный врач. – Если бы я мог выбирать, я бы стал концертирующим пианистом.

– Мм... А вы хороший пианист?

– В этом и заключается проклятие – когда человек недостаточно хорош для того, чем он любит заниматься, и хорош для того, чем он заниматься ненавидит, не так ли?

Харри кивнул:

– Это проклятие. Мы делаем то, для чего нас можно использовать.

– А ложь заключается в том, что того, кто следует своему призванию, ждет награда.

– Возможно, иногда работа является достаточной наградой.

– Только для концертирующего пианиста, который любит музыку, или для палача, обожающего кровь. – Стеффенс указал на бейдж с именем на халате. – Я родился и вырос среди мормонов в Солт-Лейк-Сити, меня называли в честь Джона Дойла Ли, богобоязненного, миролюбивого человека, который осенью тысяча восемьсот семьдесят пятого года получил приказ от вышестоящих членов паствы совершить убийство группы эмигрантов-безбожников, вторгшихся на их территорию. Он описал

свои душевные муки в дневнике, и в частности отметил, что этот ужасный призыв судьбы ему остается только принять.

– Резня в Маунтин-Мидоуз.

– Вот видите. Вы знаете историю, Холе.

– Я изучал серийные убийства в ФБР и основательно познакомился с самыми известными массовыми убийствами. Но должен признаться, я не помню, что случилось с вашим тезкой.

Стеффенс посмотрел на часы:

– Награда, будем надеяться, ждала его на небесах, потому что на земле все предали Джона Дойла Ли, включая нашего духовного наставника Бригама Янга. Джона Дойла приговорили к смерти. Тем не менее мой отец считал примером для подражания отречение от людской любви, которую так легко купить, во имя следования призыву, который ты ненавидишь.

– Возможно, он не настолько его ненавидел, как утверждал.

– Что вы хотите сказать?

Харри пожал плечами:

– Алкаш ненавидит и проклинает спирт, потому что он разрушает его жизнь. И одновременно спирт является его жизнью.

– Интересная аналогия. – Стеффенс поднялся, подошел к окну и раздвинул шторы. – А как у вас, Харри? Ваше призвание по-прежнему разрушает вас и является вашей жизнью?

Харри прикрыл глаза рукой и попытался посмотреть на Стеффенса, но внезапно хлынувший свет слепил его.

– А вы по-прежнему мормон?

– А вы по-прежнему в деле?

– Вроде да.

– Мы не можем иначе, так ведь? Мне надо работать, Харри.

После того как Стеффенс ушел, Харри набрал номер Гуннара Хагена.

– Привет, шеф. Мне нужна полицейская охрана в больнице «Уллевол», – сказал он. – Сейчас же.

Виллер стоял там, где ему было велено, за кузовом автомобиля, припаркованного прямо поперек выхода.

– Я видел, как вошел полицейский, – сказал он. – Все в порядке?

– Мы установили пост у ее двери, – ответил Харри, усаживаясь на пассажирское сиденье.

Виллер засунул служебный пистолет в кобуру и сел за руль.

– А что с Валентином?

– Бог его знает. – Харри вынул из кармана волосок. – Разумеется, это

просто паранойя, но попроси судмедэкспертов провести экспресс-анализ вот этого, просто чтобы исключить совпадения с найденными на местах преступлений уликами, хорошо?

Они скользили по улицам. Пейзаж за окном напоминал замедленную обратную перемотку того, что они видели, когда двадцать минут назад неслись с бешеной скоростью по этой же дороге, но в противоположном направлении.

– А мормоны вообще используют крест? – спросил Харри.

– Нет, – ответил Виллер. – Они считают, что крест символизирует смерть и что это язычество. Они верят в Воскресение.

– Мм... Значит, мормон с распятием на стене – это почти как...

– Мусульманин с изображением Мухаммеда.

– Точно.

Харри увеличил громкость радио. «The White Stripes»^[30]. Композиция «Blue Orchid». Гитара и барабаны. Нагота. Ясность.

Он сделал еще громче, не зная наверняка, что именно он пытается заглушить.

Халлстейн Смит сидел сложа руки. В Котельной он был один, а без присутствия остальных сделать мог не так много. Он закончил писать краткий психологический портрет вампириста, потом погулял по Сети и почитал, что пишут об убийствах вампириста. Да, еще он пошел назад во времени и прочитал, что писали газеты за пять дней, предшествовавших первому убийству. Халлстейн Смит подумывал о том, не использовать ли выдавшееся время для работы над докторской диссертацией, но тут зазвонил его телефон.

– Алло?

– Смит? – произнес женский голос. – Это Мона До из «ВГ».

– Слушаю вас.

– Вы удивлены.

– Только потому, что я не думал, что здесь, на нижнем этаже, у нас есть связь.

– Кстати, о связи; вы можете подтвердить, что вампирист наверняка имеет отношение к исчезновению сотрудницы ресторана «Шрёдер», которое произошло сегодня ночью?

– Подтвердить? Я?

– Да, вы же сейчас работаете на полицию, так ведь?

– Ну да, работаю, но я не вправе высказываться.

– Потому что не знаете или потому что не имеете права?

– Наверное, по обеим причинам. Если бы я что-нибудь сказал, мои слова должны были бы носить общий характер. Как эксперт по вампиристам, я имею в виду.

– Прекрасно! У меня тут будет подкаст...

– Что?

– Радио. У «ВГ» есть собственный радиоканал.

– Ах вот как...

– Могла бы я пригласить вас на программу поговорить о вампиристе?

В очень *общих* чертах, разумеется.

Халлстейн Смит задумался.

– Я должен получить разрешение от руководства следствия.

– Отлично, тогда я жду от вас звонка. И совершенно другая тема, Смит.

Я написала статью о вас, которой, я надеюсь, вы были удовлетворены. Косвенным образом это я привела вас в центр событий.

– Ну да.

– Можете ли вы за это сказать мне, кто из полицейских заманил меня вчера в контейнерный порт?

– Заманил вас куда?

– Ну ладно. Хорошего дня.

Халлстейн Смит сидел и смотрел на телефон. Контейнерный порт? О чем она говорит?

Трульс Бернтсен скользил взглядом по фотографиям Меган Фокс на мониторе компьютера. Она так подурнела, что это почти пугало. Дело только в фотографиях или же в том, что ей уже перевалило за тридцать, о чем он знал? Знал, что рождение ребенка делает с женским телом, которое в «Трансформерах» 2007 года было безупречным. Или же дело в том, что сам он за последние два года сбросил восемь килограммов жира, заменив их на четыре килограмма мышц, и оттрахал девять женщин? И это сделало несбыточную мечту о Меган Фокс чуть-чуть менее несбыточной? Ведь один световой год длится меньше, чем два. Или дело было просто-напросто в мысли о том, что через десять часов он будет сидеть рядом с Уллой Бельман, единственной женщиной, которую он желал больше, чем Меган Фокс?

Раздалось покашливание, и Трульс посмотрел вверх.

Над ним, облокотившись на разделительную стену, стояла Катрина Братт.

После того как Виллер переехал вниз, в тот смехотворный мальчишеский клуб в Котельной, Трульс смог далеко продвинуться в

просмотре «Щита». Он просмотрел все доступные сезоны и надеялся, что дело, с которым к нему пришла Катрина Братт, не будет мешать его безделью.

– С тобой хочет поговорить Бельман, – сказала она.

– Хорошо.

Трульс выключил компьютер, встал и прошел мимо Катрины Братт. Прошел настолько близко, что должен был почувствовать запах ее духов, если бы она ими пользовалась. Он считал, что женщина вполне может нанести на кожу немного духов. Не столько, сколько наносит большинство, – тогда духи начинают пахнуть хуже растворителя, – а немного. Столько, чтобы включилась фантазия и мужчина попытался представить себе, как женщина пахнет *на самом деле*.

Пока он ждал лифт, у него было время подумать, чего от него хочет Микаэль. Но в мозгу было пусто.

Только стоя в кабинете начальника полиции, он понял, что его раскрыли. Он увидел спину Микаэля, стоящего у окна, и услышал, как тот сказал без всяких предисловий:

– Ты предал меня, Трульс. Та шлюха связалась с тобой или наоборот?

Трульсу показалось, что ему на голову вылили ведро ледяной воды. Что, черт возьми, случилось? Улла сломалась и созналась из-за угрызений совести? Или Микаэль ей угрожал? И что, блин, он должен теперь отвечать?

Он прочистил горло:

– Это она связалась со мной, Микаэль. Она этого хотела.

– Разумеется, она хотела, шлюхи берут все, что могут. Но чтобы она обратилась к тебе, моему самому доверенному лицу, после всего того, через что мы прошли!

Трульс не мог поверить, что он говорит в подобном тоне о своей жене и матери своих детей.

– Я подумал, что не могу отказаться встретиться с ней и поговорить, и больше ничего не должно было произойти.

– Но что-то еще произошло, разве не так?

– Ничего не произошло.

– *Ничего?* Ты что, не понимаешь, что ты держал убийцу в курсе того, что мы знаем и чего не знаем? Сколько она тебе заплатила?

Трульс заморгал:

– Заплатила? – У него в голове прояснилось.

– Я полагаю, что Мона До получала информацию не бесплатно? Отвечай и не забывай, что я знаю тебя, Трульс.

Трульс Бернтсен осклабился. Он соскочил с крючка.

– Ничего не произошло, – повторил он.

Микаэль повернулся, гневно ударил кулаком по столу и прошипел:

– Ты нас что, за идиотов считаешь?

Трульс увидел, как большие бледные пигментные пятна на лице Микаэля меняют цвет с белого на красный и обратно, будто кровь приливает к ним и отливает. С годами пятна выросли, как змея, меняющая кожу.

– Можно узнать, что, по-твоему, тебе известно? – спросил Трульс и сел, не спрашивая разрешения.

Микаэль изумленно посмотрел на него. Потом он тоже опустился на стул. Возможно, он заметил во взгляде Трульса, что тот не испугался. И если бы Трульса перебросили через стол, он увлек бы за собой Микаэля Бельмана. На самое дно.

– Я знаю, – произнес Микаэль, – что Катрина Братт появилась в моем офисе сегодня рано утром и заявила, что, поскольку я просил ее особо приглядывать за тобой, она поручила одному из своих коллег приглядывать за тобой. Тебя уже тогда начали подозревать в утечке, Трульс.

– И кто этот коллега?

– Она не сказала, а я не спрашивал.

«Конечно, – подумал Трульс. – На случай, если ты попадешь в ситуацию, когда на тебя будут давить и тебе будет выгодно заявить, что ты ничего не знал». Трульс, возможно, не был самым умным человеком в мире, но он не был и настолько глуп, как считали окружающие. Мало-помалу он начал понимать образ мыслей Микаэля и других высокопоставленных лиц.

– Этот коллега Братт оказался активным, – сказал Микаэль. – Он проверил и установил, что у тебя был телефонный контакт с Моной До минимум два раза в течение последней недели.

Коллега, который проверяет разговоры, подумал Трульс. Который находится на связи с телефонными операторами. Инспектор Андерс Виллер. Трульсик не так уж глуп, нет.

– Чтобы доказать, что ты являешься источником Моны До, он позвонил ей. Он выдал себя за вампириста и, чтобы доказать это, попросил ее связаться со своим источником, чтобы уточнить одну деталь, которую могли знать только преступник и полиция.

– Блендер со смузи.

– Значит, ты признаешь?

– Что Мона До звонила мне? Да.

– Хорошо, потому что этот коллега разбудил Катрину Братт сегодня ночью и поведал ей, что у него имеется список разговоров от телефонного оператора, доказывающий, что Мона До позвонила тебе сразу после его ложного звонка. Этому будет сложно дать разумное объяснение, Трульс.

Трульс пожал плечами:

– А нечего и объяснять. Мона До позвонила мне, спросила о блендере и смузи, я, конечно, отказался комментировать и направил ее к руководству следствия. Разговор закончился через десять-двадцать секунд, что наверняка подтверждают сведения от телеоператора. Возможно, Мона До догадывалась, что случилось то, что случилось, а именно что ее пытаются развести, чтобы выяснить, кто ее источник. И она позвонила мне, а не своему источнику.

– По словам коллеги, позже она явилась на условленное место в контейнерном порту, чтобы встретиться с вампиром, и он даже сфотографировал ее там. Значит, кто-то подтвердил сведения о блендере.

– Возможно, Мона До сначала договорилась о встрече, а потом встретила с источником лицом к лицу. И полиции, и журналистам известно, что получить информацию о том, кто кому и когда звонил, несложно.

– Кстати, у тебя было еще два телефонных разговора с Моной До, один из которых длился несколько минут.

– Проверь выписки. Мона До звонила мне, я же никогда не звонил ей. То, что такому питбулю, как До, необходимо несколько минут понять, прежде чем она поймет, что не разживется информацией, и то, что она все равно звонит по новой, чтобы посмотреть, не получится ли вскрыть гнойник, – это ее проблема. Бывает, у меня днем выдается свободное время.

Трульс откинулся на спинку стула, сложил на груди руки и посмотрел на Микаэля, который сидел и кивал, словно впитывал сказанное Трульсом и размышлял над тем, какие еще моменты они не предусмотрели. Едва заметная улыбка и определенное потепление карих глаз указывали на то, что это может прокатить, что они могут снять Трульса с крючка.

– Хорошо, – сказал Микаэль. – Но теперь, когда оказалось, что источник не ты, Трульс, то кто это может быть, по-твоему?

Трульс надул губы, как его научила делать его жирная толстопузая французская интернет-подружка. Она делала так каждый раз после того, как задавала ему сложный вопрос: «Когда мы снова увидимся?»

– Неизвестно. Никто не хочет, чтобы его увидели болтающим с журналистами вроде До о таком деле. Нет, единственный, кого я с ней видел, – это инспектор Виллер. Но погоди, если я не ошибаюсь, он дал ей

номер телефона, по которому она может ему звонить. И она ведь говорила ему, где ее найти, в этом спортивном клубе «Гейн».

Микаэль Бельман посмотрел на Трульса с удивленной слабой улыбкой, как у супруга, который после многих лет совместной жизни внезапно узнает, что его половинка умеет петь, принадлежит к дворянскому роду или имеет университетское образование.

– Ты намекаешь, Трульс, что утечка наверняка произошла от человека, работающего здесь без году неделя. – Бельман задумчиво провел по подбородку указательным и средним пальцем. – Естественное предположение, ведь проблема утечек возникла совсем недавно и поэтому... как бы это сказать... не отражает культуру поведения, принятую в полиции Осло в последние годы. Но кто это сделал или кто этого не делал, мы не узнаем, поскольку журналист обязан хранить тайну своего источника.

Трульс рассмеялся своим хрюкающим смехом:

– Прекрасно, Микаэль.

Микаэль кивнул. Он наклонился вперед и, прежде чем Трульс успел среагировать, схватил его за ворот рубашки и притянул к себе:

– Так сколько эта шлюха тебе заплатила, Бивис?

Глава 22

Вторник, вторая половина дня

Мехмет плотнее завернулся в халат. Он пялился на экран мобильного и делал вид, что не видит входящих и выходящих из простенькой раздевалки. Билет в баню «Кагалоглу-хамам» не имел ограничений по времени. Но понятно, что, если человек часами сидит в раздевалке и разглядывает других обнаженных мужчин, он рискует стать непопулярным. Поэтому Мехмет через равные промежутки времени выходил в бани – в сухую сауну и в вечно затуманенную парную, в бассейны с разной температурой воды, от горячей до ледяной. Была тому и практическая причина: все помещения были связаны между собой дверьми и гости в принципе могли проскользнуть мимо него, если бы он не перемещался. Но сейчас в раздевалке стало настолько холодно, что он захотел вернуться в тепло. Мехмет посмотрел на часы: четыре. Турецкий татуировщик упоминал, что видел мужчину с вытатуированным лицом демона в бане в первой половине дня, и, вполне вероятно, серийный убийца соблюдает определенные ритуалы.

Харри Холе объяснил, что Мехмет идеально подходит на роль шпиона. Во-первых, он один из всего двоих человек, которые могут узнать Валентина Йертсена в лицо. Во-вторых, он турок и поэтому не будет выделяться среди посетителей бани, куда приходили в основном его земляки. В-третьих, Валентин, по словам Харри, моментально вычислил бы полицейского. Кроме того, у них в отделе по расследованию убийств завелся крот, сливавший информацию «ВГ» и бог знает кому еще. Поэтому Харри с Мехметом были единственными людьми, знавшими об операции. Но Харри пообещал, что с того момента, когда Мехмет сообщит Харри, что видел Валентина, до момента, когда он прибудет на место с вооруженными полицейскими, пройдет не более пятнадцати минут.

С другой стороны, Харри также пообещал Мехмету, что Эйстейн Эйкеланн прекрасно заменит его в «Ревности». Когда этот мужчина зашел в двери, он показался Мехмету похожим на старое пугало, а в его поношенных джинсовых одеждах засел запах застарелого веселья и хиппи. И когда Мехмет спросил его, стоял ли он раньше за стойкой бара, Эйкеланн засунул в рот самокрутку и вздохнул:

– Стоял за стойкой годами, малыш. Стоял на ногах, на четвереньках и лежал. Хотя никогда не бывал с твоей стороны стойки.

Но Эйкеланн был доверенным лицом Харри, так что Мехмету пришлось поверить, что все не полетит в тартарары. Максимум неделя, сказал Харри. А потом он сможет вернуться в свой бар, у которого к тому же появился новый совладелец. Харри низко поклонился, получив ключ от бара на колечке с брелоком – сломанным пластмассовым сердечком, логотипом бара «Ревность», и сказал Мехмету, что им необходимо обсудить музыку. Что есть люди старше тридцати, которые не тащатся от новой музыки, и что на самом деле спасение есть даже для человека, увязшего в болоте «Bad Company»^[31]. Одна только мысль об этой дискуссии стоила минимум недельной скуки, подумал Мехмет, пролистывая сетевой выпуск «ВГ», хотя все заголовки он перечитал уже, наверное, раз десять. Он заметил один новый.

«Знаменитые вампиристы в истории». И пока он смотрел на экран и ждал появления текста статьи, случилось нечто странное. В какое-то мгновение Мехмет почувствовал, что не может дышать. Он поднял глаза. Дверь в парные закрылась. Он огляделся. В раздевалке находились те же трое мужчин, что и несколько минут назад. Кто-то вошел и прошел раздевалку насквозь. Мехмет убрал телефон в свой шкафчик, запер его, поднялся и пошел вслед за тем человеком.

Котлы в соседнем помещении тихо гудели. Харри посмотрел на часы. Пять минут пятого. Он отодвинул стул, сложил руки за головой и облокотился о каменную стену. Смит, Бьёрн и Виллер смотрели на него.

– С момента исчезновения Марты Руд прошло шестнадцать часов, – сказал Харри. – Есть ли новости?

– Волосы, – ответил Бьёрн Хольм. – Криминалисты обнаружили волосы у входной двери в «Шрёдере». Кажется, они могут совпасть с волосами Валентина Йертсена, обнаруженными на наручниках. Их отправили на исследование. Наличие волос свидетельствует о том, что там была борьба и что на этот раз он не прибрал за собой. Это, в свою очередь, означает, что там вряд ли пролилась кровь, и мы можем надеяться, что, когда они уезжали оттуда, Марта Руд была жива.

– Хорошо, – произнес Смит. – Существует только одна причина, по которой она может оказаться живой: он держит ее как корову.

– Корову? – спросил Виллер.

В Котельной стало тихо. Лицо Харри исказилось гримасой.

– То есть он... *доит* ее?

– Телу необходимы сутки, чтобы воспроизвести один процент красных кровяных телец, – сказал Смит. – В лучшем случае она может какое-то

время утолять его жажду крови. В худшем случае это означает, что он в еще большей степени увлечен восстановлением власти и контроля. И что он снова придет за теми, кто его унизил. То есть за тобой или твоими людьми, Харри.

– У моей жены круглосуточная полицейская охрана, и я оставил сообщение на автоответчике сына о том, что он должен проявлять осторожность.

– Значит, он может покушаться и на мужчин? – спросил Виллер.

– Безусловно, – ответил Смит.

Харри ощутил вибрацию в кармане брюк. Он вынул телефон:

– Да?

– Это Эйстейн. Как делают дайкири? У меня здесь трудный клиент, а Мехмет не отвечает.

– А я откуда знаю? А сам клиент не знает?

– Нет.

– Это что-то с ромом и лаймом. «Гугл», слышал о таком?

– Да, я же не идиот. Это в Интернете, правильно?

– Попробуй, тебе может понравиться. Я заканчиваю разговор. – Харри положил трубку. – Простите. Что-нибудь еще?

– Опрос свидетелей, находившихся поблизости от «Шрёдера», – сказал Виллер. – Никто ничего не видел и не слышал. Странно, это на улице с таким-то движением.

– В районе полуночи понедельника там может быть довольно пустынно, – ответил Харри. – Но пронести человека, в сознании или без, по этому району так, чтобы тебя не заметили? Вряд ли. Возможно, у него прямо перед «Шрёдером» был припаркован автомобиль.

– На Валентина Йертсена не зарегистрирован ни один автомобиль, и машины напрокат на его имя тоже не выдавались, – сказал Виллер.

Харри повернулся. Виллер вопросительно посмотрел на него:

– Разумеется, вероятность того, что он воспользовался собственным именем, стремится к нулю, но я на всякий случай проверил. Разве не...

– Да, это замечательно, – ответил Харри. – Пошли фоторобот в компании, дающие машины напрокат. Рядом со «Шрёдером» находится круглосуточное кафе «Дели де Лука»...

– Я был на утреннем собрании следственной группы, и они проверили камеры наблюдения на кафе, – вмешался Бьёрн. – Ничего.

– Хорошо. Еще что-нибудь об этом деле, что мне стоит знать?

– В США работают над получением доступа к IP-адресам жертв в «Фейсбуке» с использованием повестки, а не полного судебного ордера, –

сказал Виллер. – В этом случае мы не получим содержания переписки, а только адреса отправителей и получателей, и это, возможно, займет пару недель вместо месяцев.

Мехмет стоял у двери в hararet, турецкую парную. Когда он вышел из раздевалки в бани, то заметил, как закрывается дверь в hararet. И именно в hararet видели мужчину с татуировкой. Конечно, вероятность того, что Валентин появится уже сейчас, в первый день, ничтожно мала. Если только он не ходит сюда по несколько раз в неделю. Так чего же стоять и медлить?

Мехмет сглотнул.

А потом он открыл дверь в hararet и зашел внутрь. В плотном паре произошло движение, он закружился вихрями, вырываясь в дверь, и создал коридор, ведущий внутрь помещения. И на мгновение Мехмет увидел лицо мужчины, сидящего на втором полке прямо напротив него. Их взгляды встретились. А потом коридор снова затянуло, и лицо исчезло.

Но Мехмет увидел достаточно.

Это был он. Мужчина, заходивший тем вечером в его бар.

Может, выйти прямо сейчас или лучше ненадолго присесть? Мужчина видел, как Мехмет его разглядывал, и если выйти прямо сейчас, то у него, наверное, возникнут подозрения.

Мехмет стоял у двери.

Казалось, что вдыхаемый им пар закупоривает дыхательные пути. Он больше не мог ждать, он должен выйти. Мехмет аккуратно открыл дверь и выскользнул наружу. Он побежал по скользким плиткам маленькими быстрыми шажками, чтобы не поскользнуться, и добрался до раздевалки. Ругаясь, набрал код на своем навесном замке. Четыре цифры. 1683. Битва под Веной. Год, когда Османская империя стала повелительницей мира, по крайней мере той части мира, которой стоило повелевать. Когда империя больше не могла расширяться. И начался упадок. Разорение за разорением. Интересно, он поэтому выбрал эти цифры? Потому что они по-своему рассказывали и его историю – историю об обладании всем и утрате всего? Наконец Мехмет открыл замок. Он достал телефон, набрал номер и приложил трубку к уху. Глядя на закрывающуюся дверь в раздевалку, он ждал, что тот мужчина в любой момент может ворваться и напасть.

– Да?

– Он здесь, – прошептал Мехмет.

– Уверен?

– Да. В hararet.

– Приглядывай за ним, мы будем через пятнадцать минут.

– Что там у тебя? – спросил Бьёрн Хольм, отпуская сцепление, когда на Хаусманн-гате загорелся зеленый свет.

– Я нанял одного гражданского добровольца для посещения турецкой бани в районе Сагене, – сказал Харри, глядя в боковое зеркало легендарного «вольво-амазона» модели 1970 года, принадлежащего Бьёрну Хольму.

Первоначально белая, машина была перекрашена в черный цвет с проходящей по крыше и багажнику раллийной полоской в шашечку. Идущие сзади машины исчезли в облаке черного выхлопа.

– Не спрашивая нас? – Бьёрн включил сирену и обогнал «ауди» слева.

– Это не совсем по инструкции, поэтому у меня не было причин делать вас соучастниками.

– Если поедешь по Маридалсвейен, светофоров будет меньше, – сказал Виллер с заднего сиденья.

Бьёрн сбавил скорость и бросил «амазон» вправо. Харри почувствовал давление трехточечного ремня безопасности, который первым представил концерн «Вольво». Однако без роликового механизма этот ремень практически не позволял пристегнутому двигаться.

– Как дела, Смит? – прокричал Харри, стараясь перекрыть шум двигателя, и посмотрел в зеркало заднего вида.

При обычных обстоятельствах он не взял бы с собой временного сотрудника-эксперта на опасное задание вроде этого, но в последнюю минуту решил прихватить Смита на случай, если возникнет ситуация с захватом заложников или с осадой, при которой могут пригодиться его способности разбираться в психологии Валентина. Как он разобрался в Авроре. Как он разобрался в Харри.

– Немного укачало, – слабо улыбнулся Смит. – А что это за запах?

– Старое сцепление, обогреватель и адреналин, – объяснил Бьёрн.

– Слушайте внимательно, – сказал Харри. – Мы будем на месте через две минуты, поэтому я повторяю: Смит, ты остаешься в машине. Мы с Виллером войдем через главный вход. Бьёрн будет следить за запасным выходом. Ты понял, где он находится?

– Ага, – ответил Бьёрн. – А твой человек еще на связи?

Харри кивнул и приложил трубку к уху. Они свернули к старому кирпичному зданию. Харри сверился с чертежами. Раньше здесь была фабрика, а сейчас – типография, офисы, студия звукозаписи и хамам, в котором, помимо главного входа, был только один запасной выход.

– Оружие на взводе? – спросил Харри и выдохнул, отстегнув тугой

ремень безопасности. – Он нужен нам живым. Но если не получится...

Он посмотрел на зашторенные окна по обе стороны от входных дверей и услышал тихое бурчание Бьёрна:

– Полиция, предупредительный выстрел и следующий в эту сволочь. Полиция, предупредительный выстрел и...

– Пошли, – сказал Харри.

Они вышли из машины, пробежали по тротуару и разделились у входной двери.

Харри и Виллер поднялись по трем ступенькам и вошли в тяжелые двери. В коридоре за дверью пахло нашатырным мылом и типографской краской. На двух дверях висели начищенные позолоченные таблички с написанными затейливым шрифтом названиями подающих надежды маленьких адвокатских фирм, не имеющих средств, чтобы снимать офис в центре. На третьей двери имелась скромная табличка, на которой было написано «Кагалоглу-хамам» такими маленькими буквами, что могло создаться впечатление, будто заведению не нужны клиенты, не знающие, где оно находится.

Харри открыл дверь и вошел.

Он попал в коридор с облупленными стенами и простой стойкой, за которой широкоплечий мужчина с темной щетиной на щеках в тренировочном костюме сидел и читал журнал. Если бы Харри не знал, где он, то мог бы подумать, что пришел в боксерский зал.

– Полиция, – сказал Виллер, просовывая свое удостоверение между журналом и лицом мужчины. – Сидите тихо и никого не предупреждайте. Все закончится через пару минут.

Он двинулся дальше по коридору и увидел две двери. На одной было написано «Раздевалка», на другой – «Хамам». Харри зашел в баню и услышал, как сразу за ним зашел Виллер.

В длинном кишкообразном помещении располагались в ряд три небольших бассейна. Справа находилось углубление с массажными столами. Слева – две стеклянные двери, ведущие, как предположил Харри, в парные, и обычная деревянная дверь, за которой, как он помнил по чертежу, была раздевалка. В ближайшем бассейне двое мужчин подняли глаза и смирли их взглядом. Мехмет сидел на табуретке у стены и делал вид, что читает что-то в телефоне. Он поспешил к ним и указал на стеклянную дверь с запотевшей пластмассовой табличкой «Харарет».

– Он один? – тихо спросил Харри, пока они с Виллером доставали свои «глоки».

У них за спиной раздавались звуки отчаянного барахтанья в бассейне.

– Во всяком случае, никто не входил и не выходил с тех пор, как я позвонил, – прошептал Мехмет.

Харри подошел к двери и попытался заглянуть внутрь, но все было затянуто непрозрачной белизной.

Он подал знак Виллеру следить за дверью, а сам задержал дыхание, собираясь зайти внутрь, но передумал. Звук шагов. Не следует вызывать подозрения у Валентина, входя внутрь не босиком. Харри снял ботинки и носки свободной рукой, потянул на себя дверь и вошел внутрь. Пар заплясал вокруг него, как фата невесты. Ракель. Харри не знал, откуда взялась мысль о Ракели, но отмел ее. Прежде чем закрыть дверь, он успел разглядеть одинокий силуэт на деревянной скамейке, а потом вновь погрузился в белизну. Белизна и тишина. Харри задержал дыхание и прислушался к дыханию другого человека. Успел ли тот заметить, что вошедший полностью одет и держит пистолет? Испугался ли? Испугался ли так же, как Аврора, когда увидела ковбойские сапоги под дверцей туалетной кабинки?

Харри поднял пистолет и начал двигаться в том направлении, где видел силуэт. Там, на серо-белом фоне можно было разглядеть очертания сидящего человека. Харри начал давить на спусковой крючок, пока не встретил сопротивление.

– Полиция, – произнес он хриплым голосом. – Не шевелитесь, или я буду стрелять.

В его голове мелькнула новая мысль. В такой ситуации он обычно произносил: «Или мы будем стрелять». Простая психология: это производило впечатление, что их много, и увеличивало шансы на то, что преступник сдастся сразу. Так почему же он сказал «я»? И теперь, когда мозг начал задавать вопросы, они посыпались один за другим: почему он приехал сюда сам, а не вызвал «Дельту», которая специализируется на таких заданиях? Почему *на самом деле* он в полном секрете поместил сюда Мехмета и никого не информировал об этом до его звонка?

Харри ощутил легкое давление курка на указательный палец. Такое легкое.

Двое мужчин в одной комнате, где их никто не видит.

Кто усомнится в том, что Валентин, уже убивший несколько человек лишь при помощи рук и железных челюстей, напал на Харри и Харри был вынужден застрелить его в порядке самообороны?

– Вурма!^[32] – произнес человек и вытянул руки вперед.

Харри наклонился ближе.

Худой мужчина был обнаженным. Глаза его округлились от ужаса. А

грудь, покрытая седыми волосами, в остальном была совершенно чистой.

Глава 23

Вторник, вечер

– Какого черта! – заорала Катрина Братт, схватила со стола стирательную резинку и швырнула ее. Резинка попала в стену прямо над головой Харри Холе, ссутулившегося на стуле. – Как будто у нас и без того было мало проблем, так ты еще умудрился нарушить почти каждый чертов параграф из полицейской инструкции плюс пару норвежских законов. О чем ты думал?

«О Ракели, – сказал себе Харри и качнулся назад, так что спинка стула ударилась о стену. – Я думал о Ракели. И об Авроре».

– Ну?

– Я подумал, что, если существует способ быстро взять Валентина Йертсена на день раньше, это помогло бы спасти человеческую жизнь.

– Не дури мне голову, Харри! Ты, черт возьми, прекрасно знаешь, что это работает не так. Если бы все думали и делали...

– Ты права, я знаю. И знаю, что Валентин Йертсен был вот на столько от задержания. Он заметил Мехмета, вспомнил, что видел его в баре, понял, что происходит, и выскользнул через черный ход, пока Мехмет звонил мне из раздевалки. И я знаю, что, если бы при нашем появлении в турецкой парной сидел Валентин Йертсен, ты бы уже давно простила меня и пела бы дифирамбы активной и творческой работе полиции. Именно тому, для чего ты создала подразделение в Котельной.

– Идиот! – фыркнула Катрина и оглядела стол в поисках еще чего-нибудь, чем бы запустить в Харри, но, к счастью, отказалась от мысли метнуть степлер и папку с перепиской между американскими судебными инстанциями и «Фейсбуком». – Я не давала тебе лицензию на то, чтобы делать из нас ковбоев. Я еще не видела ни одной сетевой газеты, которая не написала бы на первой полосе о нападении на баню. Оружие в мирной бане, невинные гражданские на линии огня, голый девяностолетний старик, которому угрожают пистолетом. И никто не арестован! Это так... – она воздела руки к потолку, как будто предоставляла судить высшим инстанциям, – непрофессионально!

– Я уволен?

– Ты хочешь, чтобы тебя уволили?

Харри представил ее. Спящую Ракель, морщинки на тонких веках, подрагивающие, как будто передают морзянкой сообщение из страны Кома.

– Да, – сказал он. И представил Аврору, беспокойство и боль в ее взгляде, глубокую рану, которая никогда не залечится до конца. – И нет. А ты хочешь меня выгнать?

Катрина застонала, поднялась и подошла к окну.

– Да, я хочу выгнать, – сказала она, стоя к нему спиной, – но не тебя.

– Мм...

– Мм... – передразнила она.

– Не желаешь развить тему?

– Я хочу выгнать Трульса Бернтсена.

– Это понятно.

– Да, но не потому, что он несносный и ленивый. Это он разгласил информацию «ВГ».

– И как ты это выяснила?

– Андерс Виллер расставил ловушку. Он, конечно, зашел слишком далеко, думаю, у него какие-то свои счеты с Моной До. Впрочем, вряд ли у нас возникнут с ней проблемы, если она заплатила государственному служащему за сведения, которые, как ей должно быть известно, могут повлечь за собой обвинения в коррупции.

– Так почему ты до сих пор не выгнала Бернтсена?

– Угадай, – сказала она, возвращаясь к письменному столу.

– Микаэль Бельман?

Катрина бросила карандаш, но не в сторону Харри, а в закрытую дверь.

– Бельман явился, уселся на стул, на котором сидишь ты, и сказал, что Бернтсен убедил его в своей невиновности. А потом он намекнул, что Виллер сам мог снюхаться с «ВГ» и поэтому пытается переложить вину на Бернтсена. Но пока мы не можем ничего доказать, надо затаиться и поймать Валентина, это единственное, что имеет значение в настоящее время. Что скажешь?

– Ну что же... Возможно, Бельман прав, возможно, лучше отложить перетряхивание грязного белья на время после окончания боев в грязи.

Лицо Катрины исказилось в гримасе.

– Это ты сейчас придумал?

Харри достал пачку сигарет.

– Кстати, об утечке. Газеты пишут, что я был в той бане, и это нормально, меня узнали. Но, кроме тебя и котельной группы, никто не знает о роли Мехмета в этих событиях. Ради его безопасности я хочу, чтобы так оставалось и впредь.

Катрина кивнула:

– Я говорила об этом с Бельманом, он согласен. Он говорит, мы можем многое потерять, если станет известно, что мы используем гражданских для работы, которую должна выполнять полиция, потому что вся эта история свидетельствует о нашем отчаянии. Он сказал, что о Мехмете и его роли не следует рассказывать никому, даже следственной группе. Я думаю, это хорошо, даже притом что Трульс Бернтсен больше не ходит на собрания группы.

– Вот как?

Катрина улыбнулась уголком рта:

– У Трульса теперь собственный кабинет, где он будет заниматься архивацией отчетов по делам, не связанным с убийствами вампириста.

– Так ты его все-таки выгнала, – сказал Харри, засовывая сигарету в рот.

У него в кармане завибрировал телефон. Пришло сообщение от главврача Стеффенса:

«Обследования завершены. Ракель вернулась в 301-ю».

– Мне надо идти.

– Ты еще с нами, Харри?

– Я должен подумать.

Выйдя из Полицейского управления, Харри отыскал зажигалку, завалившуюся за подкладку кармана, и прикурил. Он смотрел на людей, проходивших мимо него по пешеходной дорожке. Они казались такими гармоничными, такими беззаботными. В этой картине было что-то успокаивающее. Где он? Где, черт возьми, находится Валентин?

– Привет, – сказал Харри, входя в 301-ю палату.

Олег сидел у кровати Ракели, которая вернулась на место. Он оторвал взгляд от книги, но не ответил.

Харри сел:

– Что нового?

Олег полистал книгу.

– Послушай... – Харри снял с себя пиджак и повесил его на спинку стула. – Я знаю, ты считаешь, что если я не сижу здесь, значит я больше беспокоюсь о работе, чем о ней. И что есть другие люди, которые могут раскрывать убийства, в то время как у нее есть только мы с тобой.

– А разве это не правда? – спросил Олег, не поднимая глаз от книги.

– Ей сейчас нет от меня пользы, Олег. Я никого не могу спасти в этой палате, а там я могу пригодиться. Я могу спасти жизни.

Олег закрыл книгу и посмотрел на Харри:

– Приятно слышать, что тобой движет филантропия. А то легко подумать, что кое-что другое.

– Что именно?

Олег убрал книгу в сумку.

– Честолюбие. Ты знаешь, это такое «Харри Холе вернулся и спас наш день».

– То есть ты думаешь, что дело в этом?

Олег пожал плечами:

– Важно, что ты так думаешь. Что тебе удастся убедить себя в этой фигне.

– Значит, вот как ты меня воспринимаешь? Как дешевого трепача?

Олег поднялся:

– Знаешь, почему я всегда хотел стать таким, как ты? Не потому, что ты был так хорош. А потому, что никого другого у меня не было. Ты был единственным мужчиной в доме. Но теперь, когда я узнал тебя получше, я понимаю, что должен приложить все усилия, чтобы не стать таким, как ты. Депрограммирование включено, Харри.

– Олег...

Но он уже скрылся за дверью.

Черт, черт!

Харри почувствовал, как в кармане завибрировал телефон, и отключил его, не взглянув на экран. Он прислушался к аппарату. Кто-то увеличил звук, и теперь каждый раз, когда зеленая полоска подпрыгивала, аппарат с запозданием издавал короткий писк.

Как часы, ведущие обратный отсчет.

Обратный отсчет для нее.

Обратный отсчет для кого-то там, в городе.

Харри представил, что Валентин прямо сейчас сидит и смотрит на часы, пока он сам ждет следующего звука.

Харри взял в руку телефон, но снова выпустил.

Он положил свою широкую ладонь на узкую руку Ракели, и в низко стелющейся косой полоске света его толстые синие вены отбросили тень на тыльную сторону ее ладони. Он старался не считать сигналы.

На восьмьсот шестом Харри больше не смог усидеть на стуле, поднялся и заходил по палате. Он вышел в коридор и отыскал в дежурке врача, который не захотел углубляться в детали, но сказал, что состояние Ракели стабильное и они обсуждают возможность вывести ее из комы.

– Кажется, это хорошие новости, – заметил Харри.

Врач помедлил с ответом.

– Мы только обсуждали это, – сказал он. – Против тоже есть аргументы. Ночью будет дежурить Стеффенс, можете поговорить с ним, когда он придет.

Харри нашел столовую, поел и вернулся в 301-ю. Полицейский на стуле у кровати кивнул ему.

В палате стало темно, и Харри включил лампу на столе у кровати. Он выбил из пачки сигарету, разглядывая веки Ракели, ее губы, ставшие такими сухими. Он попытался вспомнить их первую встречу. Он стоял во дворе перед ее домом, а она вышагивала ему навстречу, как балерина. Правильно ли он помнил после стольких лет? Первый взгляд. Первые слова. Первый поцелуй. Возможно, он неизбежно переиначивал все понемногу, и в конце концов его воспоминание стало рассказом со своей логикой, сюжетом и смыслом. Рассказом о том, что именно сюда они шли все это время. Рассказом, который они постоянно повторяли друг другу, подобно ритуалу, пока не поверили в него. И когда Ракель исчезла, когда исчез рассказ о Ракели и Харри, во что ему теперь верить?

Он прикурил сигарету.

Сделал затяжку, выдохнул и посмотрел, как струйка дыма потянулась к пожарной сигнализации, рассеиваясь по дороге.

Исчезнуть. Сигнал тревоги, подумал Харри.

Рука скользнула в карман и легла на холодный, выключенный телефон.

Черт, черт!

Призвание, о котором говорил Стеффенс, это оно и есть? Когда человек принимается за работу, которую ненавидит, потому что осознает, что он сделает эту работу лучше всех? «То, для чего тебя можно использовать». Как самоотверженное стадное животное. Или дело в его личном честолюбии, о котором говорил Олег? Хотел ли он быть там и блистать, пока его любимая лежит здесь и угасает? Ну, он никогда не замечал у себя чувства глубокой ответственности за общество. Ни признание коллег, ни признание общественности не имели для него большого значения. Что же оставалось?

Оставался Валентин. Оставалась охота.

Кто-то дважды постучал, и дверь тихо открылась. Бьёрн Хольм проскользнул внутрь и уселся на второй стул.

– Курение в больнице, – сказал он. – Наказание до шести лет, моему.

– Два года, – ответил Харри и протянул Бьёрну сигарету. – Сделай одолжение, стань моим соучастником.

Бьёрн кивнул в сторону Ракели:

– Не боишься, что у нее будет рак легких?

– Ракель обожает пассивное курение. Она говорит, ей нравится тот факт, что это бесплатно и что мое тело уже принимает в себя бóльшую часть вредных веществ до того, как я выпускаю дым. Я – комбинация ее бумажника и сигаретного фильтра.

Бьёрн сделал затяжку.

– Автоответчик на твоём телефоне отключен, и я подумал, что ты здесь.

– Мм... Для криминалиста у тебя всегда были хорошие дедуктивные способности.

– Спасибо. Как здесь дела?

– Они обсуждают, не вывести ли ее из комы. Я решил, что это хорошие новости. У тебя что-то срочное?

– Никто из опрошенных в бане не узнал Валентина на фотороботе. Парень, сидевший за стойкой, сказал, что в это время много людей приходило и уходило, но он думает, что наш человек может быть тем типом, который обычно приходит в надетом на халат пальто и в кепке, надвинутой на глаза, и всегда платит наличными.

– Чтобы оплата не оставляла электронных следов. Халат под пальто, тогда нет риска, что кто-нибудь увидит его татуировку, когда он переодевается. А как он возвращается из бани домой?

– Если у него есть машина, в кармане халата должны лежать ключи. Или деньги на автобус. В одежде, оставленной в раздевалке, не было абсолютно ничего, даже мелочи в карманах. Мы, возможно, найдем на ней ДНК, но она пахнет стиральным порошком. Я думаю, что даже пальто было недавно выстирано в стиральной машине.

– Это вполне соответствует его заботе о чистоте на местах преступлений. А то, что он взял ключи и деньги с собой в парилку, говорит о том, что он был готов к быстрому отступлению.

– Ага. Никто из свидетелей не видел мужчину в халате на улицах района Сагене, значит едва ли он уехал на автобусе.

– Его машина была припаркована прямо у черного хода. Он ведь не случайно умудрялся три года оставаться на свободе, он хорош. – Харри потер подбородок. – Ладно. Мы спугнули его. Что теперь?

– Проверим камеры наружного наблюдения в магазинах и на бензоколонках в районе бани, будем искать кепку и торчащий из-под пальто халат. Завтра утром я разрежу пальто. В кармане есть маленькая дырочка, может быть, что-нибудь небольшое провалилось за подкладку.

– Он избегает камер наблюдения.

– Ты думаешь?

– Да. И если мы увидим его на одной из них, значит он хотел, чтобы мы его увидели.

– Наверное, ты прав.

Бьёрн Хольм расстегнул куртку. Его бледный лоб был мокрым от пота. Харри выпустил сигаретный дым в сторону Ракели.

– В чем дело, Бьёрн?

– Что ты имеешь в виду?

– Тебе не надо было приезжать сюда, чтобы доложить об этом.

Бьёрн не отвечал. Харри ждал. Аппарат пищал и пищал.

– Это насчет Катрины, – сказал Бьёрн. – Я ничего не понимаю. Я увидел в списке звонков, что она звонила мне вчера ночью, но, когда я перезвонил ей, она сказала, что, наверное, случайно нажала на кнопку вызова.

– И?..

– В три часа ночи? Она не спит на телефоне.

– Почему же ты ее об этом не спросил?

– Не хотел надоедать. Ей нужно время. Пространство. Она немного похожа на тебя. – Бьёрн забрал у Харри сигарету.

– На меня?

– Одиночка.

Харри выдернул сигарету из рук Бьёрна, когда тот собирался затянуться.

– Ты ведь действительно такой, – запротестовал Бьёрн.

– Что тебе надо?

– Я схожу с ума, потому что ничего не понимаю. И я подумал... – Бьёрн судорожно почесал бакенбарды. – Вы с Катриной доверяете друг другу. Ты мог бы...

– Проверить, как обстоят дела?

– Вроде того. Я должен вернуть ее, Харри.

Харри потушил сигарету о ножку стула и посмотрел на Ракель:

– Конечно. Я поговорю с Катриной.

– Но так, чтобы она...

– Не поняла, что инициатива исходит от тебя.

– Спасибо, – сказал Бьёрн. – Ты хороший друг, Харри.

– Я? – Харри запихал окурок в пачку. – Я одиночка.

После ухода Бьёрна Харри закрыл глаза. Он слушал аппарат. Обратный отсчет.

Глава 24

Вторник, вечер

Его звали Ульсен, и он управлял «Ульсеном», но это заведение называлось так уже двадцать лет назад, когда он его купил. Некоторые считали это совпадение необычным, но так ли оно необычно, когда необычные вещи происходят постоянно, каждый день, каждую секунду? Кто-то обязательно сорвет джекпот в лотерею, и это единственное, что можно утверждать наверняка. Но все равно выигравший человек считает свой выигрыш не просто необычным – он считает его чудесным. Поэтому Ульсен не верил в чудеса. Однако этот случай был пограничным. Улла Сварт только что вошла и уселась за столик к Трульсу Бернтсену, который торчал в заведении уже двадцать минут. Чудо состояло в том, что у них было свидание. В том, что это свидание, у Ульсена не было никаких сомнений, он больше двадцати лет смотрел здесь на нервничающих мужчин, которые стоят и переминаются с ноги на ногу или сидят и постукивают пальцами по столу в ожидании девушки своей мечты. Чудом было то, что в юности Улла Сварт была самой красивой девушкой в Манглеруде, а Трульс Бернтсен – самым тупым лузером из всех, кто тусовался в центре Манглеруда и захаживал в «Ульсен». Трульс, или Бивис, был тенью Микаэля Бельмана, который тоже находился не в верхней части списка популярных личностей. Но у Микаэля имелись как минимум привлекательная внешность и способность разговаривать с людьми, и ему удалось подцепить девочку, от вида которой пускали слюни и хоккеисты, и мотоциклисты. А теперь он еще стал начальником полиции, значит что-то было в этом Микаэле, в отличие от Трульса Бернтсена. Единожды лузер – всегда лузер.

Ульсен пошел к их столу, чтобы принять заказ и послушать, о чем они говорят на таком невероятном свидании.

– Я пришел пораньше, – сказал Трульс и кивнул на почти опустошенную полулитровую кружку пива.

– Это я опоздала. – Улла стянула через голову ремешок сумочки и расстегнула пальто. – Я уже собиралась не приходить.

– Вот как? – Трульс сделал маленький быстрый глоток из кружки, чтобы скрыть дрожь.

– Да, это... это все не так просто, Трульс.

Улла улыбнулась и тут заметила Ульсена, который беззвучно оказался у нее за спиной.

– Я немного подожду, спасибо, – сказала она, и он исчез.

«Подожду?» – подумал Трульс. Она собирается выждать? Сбежать, если передумает? Если он не оправдает ее ожиданий? И что это за ожидания, они ведь, честно говоря, выросли вместе.

Улла огляделась:

– Господи, в последний раз я была здесь на встрече одноклассников десять лет назад, помнишь?

– Нет, – ответил Трульс. – Я не ходил.

Она сидела и теребила рукава свитера.

– Какое ужасное это дело, над которым вы сейчас работаете. Жаль, что вы не взяли его сегодня. Микаэль рассказал, что случилось.

– Ага, – произнес Трульс.

Значит, Микаэль. Первое, что она сделала, – рассказала о нем и прикрылась им, как щитом. Она просто нервничает или не знает, чего хочет?

– И что он рассказал?

– Что Харри Холм использовал бармена, который видел убийцу перед первым убийством. Микаэль очень разозлился.

– Бармена из бара «Ревность»?

– Вроде да.

– Использовал его для чего?

– Тот сидел в турецкой бане и следил, не придет ли убийца. Ты что, этого не знаешь?

– Я сегодня работал над... кое-какими другими убийствами.

– А, понятно. В любом случае приятно было повидаться с тобой. Я не могу долго задерживаться, но...

– Посидишь, пока я выпью еще одну кружку?

Он заметил, что она колеблется. Черт.

– Дело в детях?

– А?

– Они что, нездоровы?

Трульс видел, что Улла слегка растерялась, но потом она схватила спасательный круг, который он предложил ей. Предложил им обоим.

– Младший приболел. – Она поежилась, оглядываясь вокруг, словно хотела глубже забраться в свой свитер.

Люди сидели всего за тремя столиками, и Трульсу казалось, что она никого из них не знает; во всяком случае, просканировав зал, Улла немного

расслабилась.

– Слушай, Трульс...

– Да?

– Можно задать тебе странный вопрос?

– Конечно.

– Чего ты хочешь?

– Хочу? – Он сделал еще один глоток, давая себе тайм-аут. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, чего ты хочешь от жизни? Чего мы хотим?

«Я хочу снять с тебя всю одежду, трахнуть тебя и услышать, как ты орешь, что хочешь еще, – подумал Трульс. – А потом я хочу, чтобы ты пошла к холодильнику, открыла для меня холодное пиво, легла в мои объятия и сказала, что оставишь все ради меня. Детей, Микаэля, тот чертов дом, в котором я строил террасу, – все. Только ради того, чтобы получить возможность быть со мной, Трульсом Бернтсеном, потому что теперь, после этого, я не могу вернуться ни к кому, кроме тебя, тебя, тебя. И я хочу, чтобы после этого мы снова перетрахались».

– Мы хотим, чтобы нас ценили, верно?

Трульс сглотнул:

– Конечно.

– Чтобы нас ценили те, кого мы любим. Остальные не так важны, правда?

Трульс почувствовал, что его лицо исказилось гримасой, но сам не понял, что она означает.

Улла склонилась вперед и понизила голос:

– Иногда мы думаем, что нас не ценят, нас втоптывают в грязь, и у нас появляется желание втоптать в грязь обидчика, да?

– Да, – ответил Трульс и кивнул. – Тогда мы хотим втоптать в грязь обидчика.

– Но это желание мгновенно исчезает, когда мы осознаем, что нас все-таки ценят. И знаешь что? Сегодня вечером Микаэль сказал, что любит меня. Он сказал это косвенно, не прямо, но... – Она закусила нижнюю губу. Прекрасную, налитую кровью нижнюю губу, на которую Трульс пялился с шестнадцати лет. – Большого и не нужно, Трульс. Разве это не странно?

– Очень странно, – сказал Трульс, заглядывая в пустую пивную кружку.

И подумал, как сформулировать свои мысли. О том, что иногда, когда кто-то говорит тебе, что любит, это ни хрена не значит. Особенно когда это говорит Микаэль говнюк Бельман.

– Наверное, мне больше не стоит заставлять ждать младшего.

Трульс поднял глаза и увидел, что Улла с озабоченным видом смотрит на часы.

– Конечно, – сказал он.

– Я правда надеюсь, что в следующий раз у нас будет больше времени.

Трульсу удалось удержаться и не спросить ее, когда может случиться следующий раз. Он просто поднялся и постарался не обнимать ее дольше, чем она его. Когда за ней захлопнулась дверь, Трульс тяжело опустился на стул. Он почувствовал прилив ярости. Тяжелой, вязкой, болезненной и хорошей ярости.

– Еще пива? – снова беззвучно появился Ульсен.

– Да. Или нет. Мне надо позвонить. Ваш еще работает? – Он кивнул на кабинку за стеклянной дверью, где, по словам Микаэля, он стоя трахнул Стину Микаэльсен во время выпускного вечера, когда все нажрались в хлам и не видели ничего, что происходит на уровне ниже груди. И конечно, этого не видела Улла, которая стояла в очереди к барной стойке, чтобы купить им пива.

– Да, конечно.

Трульс зашел в кабинку и нашел номер телефона в своем мобильном.

Потом он набрал номер, нажимая на блестящие четырехугольные металлические кнопки телефона-автомата.

Он ждал. На нем была обтягивающая рубашка, призванная подчеркнуть, что по сравнению с тем, каким Улла его помнила, у него увеличилась грудная мускулатура и бицепсы, а талия сузилась. Но Улла почти и не взглянула на него. Трульс втянул в себя воздух и почувствовал, как коснулся плечами обеих стен в кабине. Здесь было теснее, чем в том чертовом кабинете, куда его сегодня запихнули.

Бельман. Братт. Виллер. Холе. Пусть все они горят в аду.

– Мона До.

– Бернтсен. Сколько ты заплатишь за информацию о том, что на самом деле произошло сегодня в бане?

– Намекнешь коротко?

– Ага. «Полиция Осло рискует жизнью невинного бармена, чтобы поймать Валентина».

– Мы договоримся.

Он стер пар с зеркала в ванной и посмотрел на себя.

– Кто ты? – прошептал он. – Кто ты?

Он закрыл глаза. Снова открыл их.

– Я Александр Дрейер. Зови меня просто Алекс.

Из гостиной за его спиной доносился сумасшедший смех, похожий на работающую машину или вертолет, а потом полные ужаса вопли, знаменующие переход от «Speak To Me» к «Breathe»^[33]. Именно такие вопли он пытался вызвать, но никто из них не хотел орать именно так.

Пар почти исчез с зеркала. Наконец-то он был чист. И он мог видеть татуировку. Многие, в основном женщины, спрашивали, почему он решил нацарапать на коже груди лицо демона. Как будто это он решил. Они ничего не знали. Ничего не знали о нем.

– Кто ты, Алекс? Я работаю агентом в страховом обществе «Стуретбранд». Нет, я не хочу говорить о страховках, давай лучше поговорим о тебе. А чем занимаешься ты, Туне? Ты покричишь для меня, если я отрежу тебе соски и съем их?

Он вышел из ванной в гостиную и посмотрел на фотографию, лежащую на письменном столе рядом с белым ключом. Туне. Она зарегистрирована в «Тиндере» уже два года и живет на улице Профессора Даля. Она работает в садовом хозяйстве и не особенно красива. И чуть-чуть полновата. Ему бы хотелось, чтобы она была немного стройнее. Марта была стройной. Ему понравилась Марта. Веснушки ей шли.

Но Туне так Туне. Он провел рукой по красной рукоятке револьвера.

Планы не изменились, хотя они возникли прямо перед тем, как сегодня он угодил в ловушку. Он не узнал мужчину, зашедшего в *hararet*, но было очевидно, что тот мужчина узнал его. Зрачки у него расширились, дыхание участилось, он остановился как вкопанный посреди разошедшегося пара у входной двери, а потом пулей вылетел из парной. Но не раньше, чем воздух сделался спертым от запаха его страха.

Машина, как обычно, была припаркована менее чем в ста метрах от черного хода, ведущего на улицу с небольшим движением. Разумеется, он не стал бы постоянно ходить в баню без подобного пути отступления. Или в баню, которая не была чистой. И он не вошел бы в баню без ключей в кармане халата.

Он размышлял, не застрелить ли Туне из пистолета после того, как он ее укусит. Просто чтобы вызвать небольшое замешательство и посмотреть, какие появятся заголовки в газетах. Но так он нарушит правила. Впрочем, тот, другой, уже разозлился на него за то, что он нарушил правила с официанткой.

Он прижал револьвер к животу, чтобы ощутить шок от прикосновения холодной стали, а потом отложил его. Насколько близко он подобрался, этот полицейский? Если верить статье в «ВГ», полиция надеется, что какое-

то судебное постановление заставит «Фейсбук» выдать адреса. Но в этом он совсем не разбирался да и не беспокоился на этот счет. Это не волновало ни Александра Дрейера, ни Валентина Йертсена. Мама говорила, что назвала его в честь Валентино, первого в истории и самого великого героя-любовника. Так что она сама виновата, что дала ему имя, которому приходится соответствовать. Поначалу риска практически не было. Ведь если изнасиловать девушку, когда тебе еще не исполнилось шестнадцати лет, а ошастливленная девушка уже достигла возраста сексуального согласия, то она должна быть достаточно взрослой, чтобы понимать: если суд установит, что имело место не изнасилование, а секс по обоюдному согласию, то это *девушка* рискует попасть под суд за секс с малолетним. После шестнадцати риск возрастает. Если только не изнасиловать ту, которая назвала тебя в честь Валентино, конечно. Изнасилование изнасилованием, но, когда она начала запира́ть дверь в свою комнату, он объяснил, что если не она, то будут соседские девочки, учительницы, тетуски или случайные жертвы на улице, и тогда она перестала закрываться. Психологи, которым он рассказывал об этом, ему не верили. Но мало-помалу они ему поверили, все до одного.

«Пинк Флойд» перешел к «On the Run». Судорожная барабанная дробь, пульсирующие синтезаторы, топот бегущих, убегающих ног. Убегающих от полиции. От наручников Харри Холе. «Несчастный извращенец»?

Он взял со стола бокал с лимонадом, сделал маленький глоток, посмотрел на него. А потом метнул его в стену. Бокал разбился, и желтая жидкость полилась по белым обоям. Из соседней квартиры слышались ругательства.

Потом он прошел в спальню и проверил прикрепленные к решетке кровати ножные кандалы и наручники. Он посмотрел на веснушчатую официантку, которая лежала и спала в его кровати. Дыхание ее было ровным. Наркотик действовал, как и положено. Снятся ли ей сны? Об иссиня-черном мужчине? Или они снились только ему? Один из психологов предположил, что постоянно возвращающийся кошмар был полузабытым детским воспоминанием и что он видел собственного отца, сидящего на матери в постели. Конечно, это полный бред, он никогда не видел собственного отца, который, по словам мамы, один раз изнасиловал ее и испарился. Как Дева Мария и Святой Дух. И это превращало его самого в Спасителя. А почему бы и нет? Он должен вернуться и вершить суд.

Он погладил Марту по щеке. Настоящая, живая женщина в последний

раз лежала в его кровати довольно давно. И он определенно предпочитал официантку Харри Холе своей постоянной мертвой японской подруге. Так что да, очень жаль, что придется отдать ее. Жаль, что он не может следовать воле демонов, а должен прислушаться к другому голосу – голосу рассудка. Голос рассудка был зол. Он дал подробные инструкции. Лес вдоль пустынной дороги к северо-востоку от города.

Он вернулся в гостиную и сел на стул. Гладкая кожа приятно касалась голого тела, которое все еще немного покалывало после горячего душа. Он включил новый телефонный аппарат, куда вставил выданную ему сим-карту. Приложения «Тиндер» и «ВГ» располагались рядом. Сначала он нажал на «ВГ». Подождал. Ожидание было частью приключения. По-прежнему ли он в самом верху новостных страниц? Он хорошо понимал знаменитостей категории «Б», готовых сделать что угодно, лишь бы попасть на первые полосы. Певичка готовит еду с телеповаром-комиком, потому что она должна *оставаться актуальной*.

На него угрюмо глядел Харри Холе.

«Полиция использовала бармена Элисы Хермансен».

Он нажал «читать полностью» под фотографией и пролистал статью.

«Источник утверждает, что бармена отправили в турецкую баню, чтобы шпионить для полиции...»

Тот тип в hararet. Человек полиции. Человек Харри Холе.

«...потому что он единственный из всех, с кем сотрудничает полиция, может с уверенностью опознать Валентина Йертсена».

Он поднялся, ощутив, как кожа отрывается от стула с хлюпающим звуком, и вернулся в ванную.

Он уставился в зеркало. «Кто ты? Кто ты? Ты единственный. *Единственный*, кто видел и знает лицо, которое я сейчас вижу».

Ни имени, ни какого-либо изображения того мужчины в газете не было. И он не обратил внимания на бармена в тот вечер, когда заходил в бар «Ревность». Потому что люди помнят тех, кому смотрели в глаза. Но теперь они взглянули в глаза друг другу. И он помнил. Он провел пальцем по лицу демона. То, что хочет наружу, должно выйти наружу.

В гостиной «On the Run» завершилось свистом падающего самолета и смехом сумасшедшего, после чего раздался ужасный долгий взрыв.

Валентин Йертсен закрыл глаза и представил себе пламя.

– Каков риск, если ее разбудить? – спросил Харри, глядя на распятого, висящего на кресте над головой главврача Стеффенса.

– На этот вопрос существует множество правильных ответов, – сказал

Стеффенс. – И один истинный.

– И какой же?

– Мы не знаем.

– Как и не знаете, что с ней такое.

– Да.

– Мм... А что же вы знаете?

– Если это общий вопрос, то нам известно многое. Но если бы люди знали, как много мы *не* знаем, они бы испугались, Харри. Напрасно испугались. Поэтому мы стараемся не привлекать внимания к этой части.

– Правда?

– Мы говорим, что занимаемся починкой, но прежде всего мы занимаемся утешением.

– Так зачем же вы рассказываете мне все это, Стеффенс, почему вы меня не утешаете?

– Потому что я в принципе уверен, что вы уже знаете: правда – это иллюзия. Как следователь по расследованию убийств, вы тоже продаете не то, что утверждаете. Вы даете людям почувствовать, что справедливость торжествует, что существуют порядок и безопасность. Но полной и объективной правды не существует, как не существует подлинной справедливости.

– Она испытывает боль?

– Нет.

Харри кивнул.

– Здесь можно покурить?

– В кабинете врача в государственной больнице?

– Это успокаивает, если курение настолько опасно, как говорят.

Стеффенс улыбнулся:

– Один медбрат сообщил мне, что уборщики нашли пепел на полу под кроватью в палате триста один. Я бы предпочел, чтобы вы делали это на улице. Кстати, как ваш сын воспринимает происходящее?

Харри пожал плечами:

– Расстроен. Напуган. Зол.

– Я видел, как он пришел. Олег, да? Он остался в триста первой и не захотел прийти сюда?

– Он не захотел идти сюда вместе со мной и не хочет разговаривать со мной. Он считает, что я предаю ее, потому что продолжаю расследование, в то время как она лежит здесь.

Стеффенс кивнул:

– Молодежь во все времена обладала достойной зависти уверенностью

в своих моральных суждениях. Но возможно, он в чем-то прав, ведь наращивание усилий полиции не всегда является наиболее эффективным средством борьбы с криминальными элементами.

– Вот как?

– Вы знаете, что снизило уровень преступности в США в девяностые годы?

Харри отрицательно покачал головой, уперся руками в подлокотники и посмотрел на дверь.

– Сделайте перерыв, отдохните от того, что перемалывает ваш мозг, – сказал Стеффенс. – Угадайте.

– Угадайте, угадайте... – проворчал Харри. – Общеизвестный факт, что к этому привела нулевая терпимость мэра Джулиани к преступности и как раз наращивание усилий полиции.

– И это не так. Потому что уровень преступности снизился не только в Нью-Йорке, но и по всей стране. А ответ – более либеральные законы об абортах, принятые в семидесятые годы. – Стеффенс откинулся на кресле и сделал паузу, словно для того, чтобы дать Харри время подумать и сделать собственные выводы, прежде чем выдать заведомо верное обоснование. – Одиноким распущенные женщины занимаются сексом с более или менее случайными мужчинами, которые бросают их на следующее утро или когда узнают о беременности. В результате этих беременностей столетиями, как на конвейере, производилось криминальное потомство. Дети без отцов, без ограничений, без обеспеченных матерей, способных дать им образование или моральные устои и направить по пути Господа. Эти женщины с удовольствием лишили бы своих зародышей жизни, если бы за это им не грозило наказание. И вот в семидесятые годы они получили то, что хотели. Плоды того холокоста, что появился в результате либеральных законов об абортах, в США пожинали спустя пятнадцать-двадцать лет.

– Мм... А что говорят на этот счет мормоны? Или вы не из их числа?

Стеффенс улыбнулся и соединил кончики пальцев на руках:

– Я во многом поддерживаю Церковь, Холе, но не в сопротивлении абортам, здесь я поддерживаю безбожников. В девяностые годы обычные люди вновь смогли ходить по улицам американских городов, не боясь быть ограбленными, изнасилованными или убитыми. Потому что тот, кто мог убить их, уже был выскоблен из матки своей матери, Холе. Но вот в чем я не поддерживаю либеральных безбожников, так это в их требовании о так называемом аборте по собственному желанию. Потенциал плода со всеми его положительными и отрицательными качествами лет через двадцать нанесет обществу вред или принесет пользу, поэтому решение об аборте

должно принимать общество, а не безответственная женщина, порхающая по городу в поисках партнера на одну ночь.

Харри посмотрел на часы:

– Вы предлагаете государственное регулирование абортов?

– Конечно, это не самая приятная работа. И тот, кто ее делает, разумеется, должен относиться к ней как... да, как к призванию.

– Вы шутите, да?

Стеффенс пару секунд смотрел прямо в глаза Харри. Потом он улыбнулся:

– Конечно. Я полностью и искренне верю в неприкосновенность личности.

Харри поднялся:

– Я рассчитываю на то, что вы уведомите меня, когда разбудите ее. Будет очень хорошо, если, очнувшись, она увидит перед собой знакомое лицо, верно?

– Это тоже ваше суждение, Харри. Попросите Олега зайти ко мне, если он захочет что-нибудь узнать.

Харри вышел из дверей больницы. Он поежился от холода, сделал две затяжки, решил, что сигарета не пошла, затушил ее и поспешил обратно в больницу.

– Как дела, Антонсен? – спросил он полицейского охранника у 301-й палаты.

– Спасибо, хорошо, – ответил Антонсен, подняв голову. – В «ВГ» ваша фотография.

– Да?

– Хотите посмотреть? – Антонсен достал свой смартфон.

– Только в том случае, если я потрясающе выгляжу.

Антонсен усмехнулся:

– Тогда, наверное, не захотите. Но должен сказать, вы там в отделе убийств даете жару. Навести пистолет на девяностолетнего старика в парилке и использовать бармена в качестве шпиона!

Харри резко остановился, положив ладонь на ручку двери:

– Повтори последнее!

Антонсен выставил телефон перед собой и прищурился, наверняка из-за дальноточности.

– «Барм...» – успел он прочитать, прежде чем Харри вырвал у него телефон.

Харри просканировал взглядом экран смартфона.

– Черт, черт! Твоя машина здесь, Антонсен?

– Нет, я езжу на велосипеде. Осло, в общем-то, маленький город, и можно немного позаниматься спортом, если...

Харри швырнул телефон Антонсену и распахнул дверь палаты. Олег приподнял глаза ровно настолько, чтобы убедиться, что вошел Харри, а потом снова опустил их в книгу.

– Олег, у тебя есть машина, и ты должен отвезти меня в Грюнерлёкку. Немедленно!

Олег фыркнул, не поднимая глаз:

– Щас.

– Это не вопрос, это приказ. Пошли.

– Приказ?! – Его лицо исказилось от ярости. – Ты мне даже не отец! И спасибо за это.

– Ты был прав. Звание действительно решает все. Ме^[34] – старший инспектор, уоу^[35] – студент Полицейской академии. Так что утри слезы и поднимай задницу.

У Олега отвисла челюсть.

Харри развернулся и быстро зашагал по коридору.

Мехмет Калак придержал «Coldplay» и «U2», решив протестировать на посетителях Яна Хантера.

Из динамиков раздалось «All the Young Dudes»^[36].

– Ну? – спросил Мехмет.

– Неплохо, но Дэвид Боуи спел это лучше, – сказал клиент.

Точнее, Эйстейн Эйкеланн, занявший место с другой стороны барной стойки, потому что его работа закончилась. И поскольку в помещении, кроме них, никого не было, Мехмет увеличил громкость.

– Как бы громко ты ни сделал, ты не оскорбишь Хантера! – прокричал Эйстейн и отсалютовал своим дайкири.

Это был его пятый коктейль. Эйстейн полагал, что, поскольку он смешал его сам, это должно считаться дегустацией, частью процесса обучения ремеслу бармена и, соответственно, расходом, направленным на приобретение дохода, а потому не подлежащим налогообложению. И хотя ему было предложено заплатить цену для персонала, он собирался потребовать налогового вычета, исходя из полной цены, и немного переборщил с количеством выпитого.

– Я бы хотел остановиться сейчас, но мне придется сделать себе еще один коктейль, если я хочу быть в состоянии платить за квартиру, – прогнусавил он.

– Ты лучше в качестве посетителя, чем в качестве бармена, – сказал Мехмет. – Я не имею в виду, что ты совсем плох как бармен, просто ты лучший из всех клиентов, что у меня были.

– Спасибо, дорогой Мехмет, я...

– А сейчас тебе пора домой.

– Пора?

– Пора.

Чтобы подчеркнуть, что он говорит серьезно, Мехмет выключил музыку.

Эйстейн покрутил головой и открыл рот, как будто у него что-то было на сердце и он рассчитывал, что это что-то обретет словесное выражение, если он откроет рот, но этого не произошло. Он застегнул свою таксистскую куртку, соскользнул с барного стула и нетвердой походкой направился к двери.

– А чаевых не будет? – со смехом прокричал Мехмет.

– Чаевые не выйд... не вход... черт, нет.

Мехмет взял бокал Эйстейна, капнул моющего средства и вымыл его под краном. Сегодня вечером посетителей было немного, и не имело никакого смысла включать посудомоечную машину. Засветился экран телефона, лежащего позади барной стойки. Харри. И пока Мехмет вытирал руки, чтобы ответить, ему пришло в голову, что что-то не так со временем. Со временем, прошедшим с того момента, как Эйстейн открыл дверь, до того момента, как она захлопнулась. Времени потребовалось чуть больше обычного. Кто-то несколько секунд держал дверь открытой. Мехмет поднял глаза.

– Тихий вечерок? – спросил мужчина, стоявший у барной стойки.

Мехмет пытался вдохнуть, чтобы ответить. Но не мог.

– Тишина – это хорошо, – произнес Валентин Йертсен.

Потому что это был он. Мужчина из парилки.

Мехмет молча протянул руку в поисках телефона.

– Если ты будешь так добр и не станешь отвечать, я окажу тебе услугу.

Мехмет ни за что не согласился бы на это предложение, если бы не большой револьвер, направленный на него.

– Спасибо, ты не пожалеешь. – Мужчина огляделся. – Плохо, что у тебя нет посетителей. Для тебя плохо. Меня-то это прекрасно устраивает, это означает, что все свое внимание ты уделишь мне. Ну, вообще-то, я и так его получил, потому что тебе, конечно, интересно, чего я хочу. Пришел ли я выпить или забрать твою жизнь. Да?

Мехмет медленно кивнул.

– Да, последняя мысль сразу приходит в голову, поскольку ты – единственный из ныне здравствующих, кто может меня опознать. Это факт, тебе известно? Даже пластический хирург, который... ну да ладно, хватит об этом. В любом случае, поскольку ты не ответил на звонок, а сдать меня полиции – это самое малое, чего можно потребовать от ответственного гражданина, я сделаю тебе одолжение. Ты согласен?

Мехмет снова кивнул. И попытался отогнать неизбежную мысль. Он умрет. Его мозг отчаянно искал другие варианты, но все время возвращался к одному: он умрет. Но, как ответ на его мысли, прозвучал стук в окно у входной двери. Мехмет посмотрел за спину Валентину. Пара рук и знакомое лицо прижались к стеклу, чтобы заглянуть внутрь. «Входи же, черт тебя подери, входи!»

– Не шевелись, – тихо сказал Валентин, не оборачиваясь.

Тело его заслоняло пистолет, так что человек у окна не мог его видеть.

Почему, черт возьми, он не заходит?

Ответ пришел в следующую секунду, когда раздался громкий стук в дверь.

Войдя, Валентин запер дверь на французский замок.

Лицо вернулось к окну, и Мехмет заметил, как человек машет руками, чтобы привлечь его внимание. Значит, он точно видит их через окно.

– Не двигайся, подай знак, что ты закрылся, – сказал Валентин без всяких признаков волнения в голосе.

Мехмет стоял прямо, руки его висели вдоль тела.

– Давай, а не то я убью тебя.

– Ты все равно меня убьешь.

– Ты не можешь быть уверен в этом на сто процентов. Но если ты не сделаешь, как я говорю, обещаю, что убью тебя. А потом того человека за дверь. Посмотри на меня. Я обещаю.

Мехмет посмотрел на Валентина. Сглотнул. Он наклонился в сторону, чтобы свет упал на него, чтобы человек за окном хорошо его видел, и отрицательно покачал головой.

Лицо задержалось у окна на пару секунд. Взмах рукой, едва заметный. И Гейр Селле ушел.

Валентин следил за ним в зеркале.

– Вот так, – сказал он. – На чем мы остановились? Да, одна хорошая новость и одна плохая. Плохая заключается в следующем: очевидная мысль, что я здесь для того, чтобы забрать твою жизнь, настолько очевидна, что... да, она должна оказаться правильной. Другими словами, в этом можно быть уверенным на сто процентов. Я пришел, чтобы убить

тебя. – Валентин посмотрел на Мехмета извиняющимся взглядом, а потом разразился веселым смехом. – Это самое длинное лицо из всех, что я сегодня видел! И я тебя понимаю, но не забывай и о хорошей новости. Одолжение. Оно заключается в том, что ты сможешь выбрать, как умереть. Вот альтернативы, слушай внимательно. Слушаешь? Хорошо. Тебе выстрелить в голову или проткнуть шею этой кровососущей трубочкой?

Валентин достал нечто похожее на металлическую соломинку для питья, одна сторона которой была обрезана под углом и заканчивалась острием.

Мехмет просто смотрел на Валентина. Все происходящее было настолько абсурдным, что он начал задумываться, не спит ли он и не проснется ли скоро. Или же он находится во сне человека, стоящего перед ним? Но вот призрак Валентина вытянул трубку вперед, и Мехмет машинально сделал шаг назад и уперся спиной в раковину.

Валентин прищелкнул языком:

– Значит, не трубка?

Мехмет осторожно кивнул, глядя, как металл острия сверкает в отблесках зеркальной полки. Укол. Объекты, проходящие сквозь кожу в тело, всегда были самым большим его страхом поэтому мальчишкой он сбегал из дому и прятался в лесу, когда ему надо было идти на прививки.

– Уговор есть уговор, не трубка – значит не трубка.

Валентин положил трубку на стойку и вынул из кармана пару черных старомодных наручников, ни на сантиметр не отводя дула пистолета от Мехмета.

– Протяни это за металлической штангой зеркальной полки, застегни на своих запястьях и опусти голову в раковину.

– Я...

Мехмет не заметил удара, только услышал хруст в голове, на мгновение наступила чернота, а потом, когда зрительная связь восстановилась, взгляд его оказался направленным в другую сторону. Он понял, что его ударили револьвером и что сейчас в висок ему упирается его дуло.

– Кровососущая трубка, – прошептал голос возле его уха. – Вот твой выбор.

Мехмет схватил странные тяжелые наручники и пропустил цепь за стойкой. Защелкнул наручники на запястьях. Он ощущал, как что-то теплое течет по носу и верхней губе. Сладкий металлический вкус крови.

– Хорошо? – спросил Валентин высоким голосом.

Мехмет поднял глаза и встретился с ним взглядом в зеркале.

– Сам я этого терпеть не могу, – улыбнулся Валентин. – Вкус железа и битья. Да, железа и битья. Своя кровь ладно, но чужая? И ты можешь почувствовать вкус того, что они ели. Кстати, о еде: у приговоренного к смерти есть последнее желание? Спрашиваю не потому, что я собираюсь подать тебе последнюю трапезу, а просто из чистого любопытства.

Мехмет заморгал. Последнее желание? Слова не укладывались в голове, но все же, как во сне, этот вопрос вызвал безвольный поток мыслей. Он хотел, чтобы бар «Ревность» однажды стал самым модным местом Осло. Чтобы «Бешикташ» выиграл чемпионат. Чтобы на его похоронах звучала песня Пола Роджерса «Ready for Love». Что-то еще? Он старался, но больше ничего не мог придумать. И он ощутил, что сейчас разразится горьким смехом.

Когда Харри направлялся в сторону бара «Ревность», он увидел, что оттуда быстрым шагом идет человек. Свет из большого окна, выходящего на улицу, падал на тротуар, но из бара не доносились звуки музыки. Харри подошел к окну сбоку и заглянул внутрь. Он различил очертания спины позади барной стойки, однако невозможно было понять, Мехмет ли это. Больше никого не было видно. Харри приблизился к двери и осторожно нажал на ручку. Заперто. Бар работал с пяти до полуночи.

Харри вынул связку ключей с разбитым пластмассовым сердцем. Осторожно вставил ключ в замок. Достал свой «Глок-17» правой рукой, а левой открыл дверь. Он вошел, держа пистолет перед собой двумя руками, и придержал ногой дверь, чтобы она не хлопнула. Но звуки вечерней Грюнерлёкки ворвались в помещение, и человек за стойкой выпрямился и посмотрел в зеркало.

– Полиция, – сказал Харри. – Не двигаться.

– Харри Холе.

На человеке была кепка с козырьком, и из-за угла отражения в зеркале Харри не видел его лица, но ему и не требовалось. Этот высокий голос он слышал больше трех лет назад, а казалось, что вчера.

– Валентин Йертсен, – произнес Харри и услышал дрожь в собственном голосе.

– Наконец-то мы снова встретились, Харри. Я думал о тебе. А ты думал обо мне?

– Где Мехмет?

– Ты взволнован, ты тоже думал обо мне. – Высокий смех. – Почему же? Из-за моего послужного списка? Или из-за жертв, как вы их называете? Нет, погоди-ка. Конечно, из-за *твоего* послужного списка. Я тот, кого ты

так и не поймал, да?

Харри не отвечал, стоя у двери.

– Это невыносимо, правда? Прекрасно! Вот поэтому ты так хорош. Ты такой же, как я, Харри, ты этого не выносишь.

– Я не такой, как ты, Валентин.

Харри перехватил пистолет, прицелился и задумался, что заставляет его не приближаться к Валентину.

– Нет? Ты не отвлекаешься на окружающих тебя людей, верно? У тебя eyes on the prize^[37], Харри. Посмотри на себя. Тебе нужны только твои трофеи, чего бы это тебе ни стоило. Жизнь других людей, твоя собственная – все это, если честно, для тебя на втором месте, да? Ты и я, нам стоило бы сесть и лучше познакомиться друг с другом, Харри. Потому что мы не часто встречаем людей, похожих на нас.

– Заткнись, Валентин. Стой спокойно, подними руки, чтобы я их видел, и скажи, где Мехмет.

– Если Мехметом зовут твоего шпиона, то мне придется пошевелиться, чтобы показать его тебе. Тогда ситуация значительно прояснится.

Валентин Йертсен сделал шаг в сторону. Мехмет полустоял-полувисел на наручниках, закрепленных на металлической штанге, горизонтально проходящей над зеркальной полкой. Голова его склонилась над раковиной, так что длинные черные кудри закрывали лицо. Валентин прижимал револьвер с длинным дулом к его затылку.

– Стой там, где стоишь, Харри. Как видишь, у нас тут интересный террористический баланс. От того места, где ты находишься, до меня где-то метров восемь-десять? Шанс на то, что твой первый выстрел настолько выведет меня из игры, что я не успею убить Мехмета, невелик, ты согласен? Если же я сначала застрелю Мехмета, ты успеешь сделать минимум два выстрела в меня, прежде чем я смогу направить револьвер на тебя. Мои шансы хуже. Другими словами, ситуация проигрышна для нас обоих, так что вопросы сводятся к одному, Харри: готов ли ты пожертвовать своим шпионом, чтобы взять меня сейчас? Или же мы спасем его, а ты поймаешь меня попозже? Что скажешь?

Харри смотрел на Валентина через мушку своего пистолета, понимая, что тот прав. В помещении было темно, а расстояние между ними слишком велико, чтобы уверенно застрелить его одним выстрелом в голову.

– Я трактую твое молчание как согласие, Харри. А поскольку вдалеке слышны полицейские сирены, я полагаю, у нас мало времени.

Харри думал попросить их не включать сирены, но тогда им потребовалось бы больше времени.

– Положи пистолет, Харри, и я сейчас же уйду отсюда.

Харри покачал головой:

– Ты здесь потому, что он видел твоё лицо, и ты застрелишь его, а потом меня, потому что я тоже увижу твоё лицо.

– Так сделай другое предложение. У тебя есть пять секунд, или я его застрелю и буду надеяться, что ты промахнешься до того, как я застрелю тебя.

– Соблюдение террористического баланса, – сказал Харри. – Но со сбалансированным разоружением.

– Ты пытаешься потянуть время, но обратный отсчет уже начался. Четыре, три...

– Мы оба одновременно перевернем пушки и будем держать их за дуло правой рукой, чтобы курок и рукоятка были на виду.

– Два...

– Ты пройдёшь к двери вдоль той стены, а я с той же скоростью пройду вдоль кабинок к барной стойке на противоположной стороне помещения.

– Один.

– Расстояние между нами все время будет таким же, как сейчас, и никто из нас не сумеет выстрелить быстрее, чем среагирует другой.

В баре стало тихо. Сирены приближались. И если Олег сделал то, о чем его просили, что велели, что приказали, он по-прежнему сидит в машине в двух кварталах отсюда и не двигается с места.

Свет внезапно погас, и Харри понял, что Валентин повернул переключатель за стойкой. И когда он в первый раз повернулся к Харри, было так темно, что Харри не смог разглядеть его лица под козырьком.

– Переворачиваем револьверы на счет «три», – сказал Валентин и поднял руки. – Раз, два... три.

Харри взял рукоятку левой рукой, а потом дуло правой и поднял пистолет вверх. Валентин сделал то же самое. Казалось, что он держит флаг, как на детском параде 17 мая^[38], потому что рукоятка «ругера редхока», торчащая из длинного дула, имела характерный красный цвет.

– Вот видишь, – сказал Валентин. – Кто еще, кроме двоих мужчин, которые действительно понимают друг друга, мог бы проделать такое? Ты мне нравишься, Харри. Ты мне правда нравишься. Теперь начинаем движение...

Валентин шел вдоль стены, а Харри – к кабинкам. Было так тихо, что Харри слышал скрип сапог Валентина, когда они описывали каждый свое полукружие, следя друг за другом, как два гладиатора, которые знают, что

первый же выпад будет означать смерть по крайней мере одного из них. Харри сообразил, что добрался до стойки, когда услышал низкое урчание холодильника, мерное капанье в раковине и гул усилителей музыкальной установки, похожее на гудение насекомых. Он пошарил в темноте рукой, не выпуская из поля зрения силуэт, вырисовывавшийся на фоне света, проникающего через окно. Вот он зашел за стойку, услышал звуки улицы из открывшейся двери и топот убегающих прочь ног.

Харри вынул из кармана телефон и приложил его к уху:

– Ты слышал?

– Я слышал все, – ответил Олег. – Я скажу патрульным полицейским машинам. Приметы?

– Короткая черная куртка, темные брюки, кепка с козырьком без логотипа, которую он уже наверняка выбросил. Лица я не видел. Он побежал налево, в сторону улицы Торвальда Мейера, где...

– ...много людей и транспорта. Я все передам.

Харри спрятал телефон в карман и положил руку на плечо Мехмета:

– Мехмет...

Он больше не слышал холодильника и усилителя. Только мерное капанье. Харри повернул ручку выключателя. Просунул руку под кудри Мехмета и осторожно поднял его голову из раковины. Лицо было бледным. Слишком бледным.

Что-то торчало из его горла.

Оно было похоже на трубочку из металла.

С конца трубки красные капли все еще капали в раковину, наполненную кровью.

Глава 25

Вторник, ночь

Катрина Братт выскочила из машины и направилась к оградительным лентам, натянутым вокруг бара «Ревность». Она заметила мужчину, который стоял, прислонившись к полицейскому автомобилю, и курил. Свет крутящейся синей мигалки периодически выхватывал из темноты его красивое лицо, обезображенное шрамом. Она вздрогнула и подошла к нему.

– Холодно! – сказала она.

– Зима приближается, – ответил Харри и выпустил сигаретный дым вверх, в синий свет.

– Это «Эмилия» приближается.

– Мм. Об этом я совсем забыл.

– Говорят, завтра доберется до Осло.

– Мм...

Катрина посмотрела на него. Она думала, что видела Харри во всех возможных видах. Но только не в этом. Он был опустошен, сломлен, покорен судьбе. Больше всего ей хотелось погладить его по щеке, обнять. Но она не могла. Существовало множество причин, мешавших сделать это.

– Что там произошло?

– У Валентина был «ругер редхок», и он заставил меня поверить, что я веду переговоры о человеческой жизни. Но когда я зашел в бар, Мехмет был уже мертв. В сонную артерию была воткнута металлическая трубка. Его взяли за жабры и выкачали кровь, как из чертовой рыбыны. Просто потому, что он... потому что я... – Харри начал быстро мигать и замолчал, наверняка для того, чтобы снять кусочек табака с языка.

Катрина не знала, что сказать, и промолчала. Вместо этого она посмотрела на хорошо знакомый черный «вольво-амазон» с полосками, парковавшийся на другой стороне улицы. Из машины вышел Бьёрн, и Катрина почувствовала, как дрогнуло ее сердце, когда со стороны пассажирского сиденья вылезла как-ее-там Лиен. Что делает начальница Бьёрна здесь, на месте преступления? Бьёрн предложил ей романтическую экскурсию по всем достопримечательностям места преступления? К черту. Бьёрн заметил их, и Катрина увидела, что они сменили курс и двинулись в их направлении.

– Я пойду внутрь, поговорим позже, – сказала она, пролезла под оградительной лентой и быстро прошла к двери под вывеской с разбитым

пластмассовым сердцем.

– Вот ты где, – сказал Бьёрн. – Я пытался поймать тебя сегодня вечером.

– Я был... – Харри сделал глубокую затяжку, – немного занят.

– Это Берна Лиен, новая начальница криминалистического отдела. Берна, это Харри Холе.

– Много слышала о вас, – улыбнулась женщина.

– А я о вас – ничего, – проговорил Харри. – Вы хороши?

Она неуверенно взглянула на Бьёрна:

– Хороша?

– Валентин Йертсен хорош, – сказал Харри. – А я недостаточно хорош, поэтому просто надеюсь, что здесь есть другие люди, лучше меня, иначе эта кровавая баня будет продолжаться.

– Возможно, у меня кое-что есть, – произнес Бьёрн.

– Да?

– Я поэтому и пытался тебя поймать. Пальто Валентина. Когда я его разрезал, то нашел за подкладкой пару вещей. Монетку в десять эре и две бумажки. Пальто стирали в машинке, и весь шрифт с наружной стороны смылся, но, когда я их развернул, внутри одной из них кое-что сохранилось. Немного, но достаточно, чтобы понять, что это квитанция за снятие денег в одном из банкоматов торгового центра «Осло-Сити». Все верно, если человек полностью избегает следов, которые оставляют банковские карты, и расплачивается наличными. К сожалению, разобрать номер карты, регистрационный номер или дату невозможно, но часть даты видна.

– Сколько цифр?

– Достаточно, чтобы понять, что это было в августе нынешнего года. У нас есть часть последней цифры в дате, и она не может быть ничем иным, кроме единицы.

– Значит, первое, одиннадцатое, двадцать первое или тридцать первое?

– Четыре возможные даты... Я связался с одной женщиной из фирмы «Нокас», которая обслуживает банкоматы банка «ДНБ». Она говорит, что имеется распоряжение хранить видео с камер наблюдения банкоматов три месяца, так что это снятие денег есть у них на пленке. Оно было произведено в банкомате на Центральном вокзале, в одном из самых оживленных мест Норвегии. Официальное объяснение этой активности – поблизости располагается множество торговых центров.

– Но?..

– Все принимают карты, приятель. Кроме...

– Мм... Торговцев наркотиками у вокзала и на реке.
– Самые востребованные автоматы производят более двухсот транзакций в сутки, – сказал Бьёрн.

– Четверо суток – значит меньше тысячи транзакций, – оживленно произнесла Берна Лиен.

Харри наступил на дымящийся окурок.

– Мы получим доступ к видеозаписям завтра рано утром, – сказал Бьёрн, – и при быстрой перемотке, делая паузы, мы сможем, я думаю, проверять минимум по две физиономии в минуту. То есть потратим семь-восемь часов, наверняка даже меньше. Когда мы опознаем Валентина, надо будет всего лишь сравнить время на видеозаписи со временем проведения транзакции...

– И вуаля, вот вам тайная личность Валентина Йертсена, – нетерпеливо прервала его Берна Лиен, гордая за свой отдел. – Что думаете, Холе?

– Я думаю, фру Лиен, жаль, что человек, который мог опознать Валентина, лежит там с опущенной в раковину головой и без пульса. – Харри застегнул пальто. – Но спасибо, что пришли.

Берна Лиен перевела раздраженный взгляд с Харри на Бьёрна, который смущенно откашлялся.

– Насколько я понял, ты находился лицом к лицу с Валентином.

Харри покачал головой:

– Я так и не видел его новой рожи.

Бьёрн медленно кивнул, не отводя взгляда от Харри:

– Понимаю. Жаль. Очень жаль.

– Мм... – Харри посмотрел вниз, на растоптанный окурок у носка своего ботинка.

– Ну ладно. Тогда мы пойдем внутрь и посмотрим, что там.

– Наслаждайтесь.

Он посмотрел им вслед. Фотографы из газет уже толклись за ленточным ограждением, начали прибывать и журналисты. Возможно, им что-то было известно, возможно, нет, возможно, они просто не решались, но к Харри Холе никто не подошел.

Восемь часов.

Восемь часов с сегодняшнего утра.

В течение суток, вполне вероятно, Валентин убил еще одного человека.

Черт, черт.

– Бьёрн! – закричал Харри, когда его коллега взялся за ручку двери

бара «Ревность».

– Харри, – произнес Столе Эуне, стоя в дверях. – Бьёрн.

– Прощу прощения, что мы пришли так поздно, – сказал Харри. – Можно нам войти?

– Конечно.

Эуне открыл дверь, и Харри с Бьёрном вошли в дом Эуне. Маленькая женщина, еще более худая, чем ее муж, но с копной волос точно такого же седого цвета, как и у него, приближалась к ним быстрыми упругими шагами.

– Харри! – пропела она. – Я услышала, что это ты, тебя так долго не было. Как дела у Ракели, есть ли новости?

Харри отрицательно покачал головой, подставляя Ингрид щеку для чмоканья.

– Кофе или уже совсем поздно? Зеленый чай?

Бьёрн и Харри хором ответили на вопросы соответственно «да, спасибо» и «нет, спасибо», и Ингрид скрылась в кухне.

Они прошли в гостиную и уселись в глубокие кресла. Стены комнаты были уставлены книжными стеллажами, на которых имелось все: от путеводителей и старых атласов до поэзии, комиксов и серьезной профессиональной литературы. Но больше всего – романов.

– Видишь, читаю книгу, которую получил от тебя, – сказал Столе, поднимая со стола у кресла тонкую открытую книжку. Он показал ее Бьёрну. – Эдуар Лёве. «Самоубийство». Харри подарил мне на шестидесятилетие. Видимо, посчитал, что время настало.

Бьёрн и Харри улыбнулись. Возможно, вымученно, потому что Столе нахмурился:

– Что-то не так, мальчики?

Харри прокашлялся и произнес:

– Валентин убил человека сегодня вечером.

– Больно слышать, – откликнулся Столе, покачивая головой.

– И у нас нет никаких причин думать, что он остановится.

– Да, это так, – подтвердил психолог.

– Поэтому мы сейчас здесь, и мне это нелегко, Столе.

Столе Эуне вздохнул:

– Халлстейн Смит не сработал и вы хотите, чтобы я его заменил?

– Нет. Нам нужен...

Харри осекся, когда в гостиную вошла Ингрид и поставила поднос с чаем на столик между молчащими мужчинами.

– Так звучит подписка о неразглашении, – заметила она. – Поговорим позже, Харри. Привет Олегу, и скажи ему, что мы думаем о Ракели.

– Нам нужен человек, который сможет опознать Валентина Йертсена, – сказал Харри, когда она удалилась. – И последний человек из ныне здравствующих, который видел его лицо...

Харри выдержал театральную паузу. Он не собирался сгущать атмосферу, просто хотел дать Столе ту секунду, которая необходима мозгу, чтобы сделать молниеносные, почти бессознательные и все же до неприятного точные выводы. Помощь была мизерной: так у боксера, в лицо которому летит перчатка, есть десятая доля секунды, чтобы *чуть-чуть* перенести свой вес, вместо того чтобы принять на себя всю тяжесть удара.

– ...это Аврора.

В наступившей тишине Харри слышал шелест. Столе по-прежнему держал в руках книгу и перебирал страницы кончиками пальцев.

– Что ты такое говоришь, Харри?

– В тот день, когда мы с Ракелью поженились и вы с Ингрид были на нашей свадьбе, Валентин пришел к Авроре на гандбольный турнир, в котором она участвовала.

Книга упала на ковер с приглушенным стуком. Столе непонимающе замигал:

– Она... она...

Харри выжидал, пока он свыкнется с мыслью.

– Он трогал ее? Он причинил ей вред?

Харри смотрел в глаза Столе, но не отвечал, ждал. Он видел, как Столе сопоставляет информацию. Понял, что последние три года предстали перед ним в новом свете. В свете, дававшем ответы.

– Да, – прошептал Столе, и его лицо исказила гримаса боли. Он снял очки. – Да, конечно, он это сделал. Как же я был слеп... – Он уставился в никуда. – Но как вы об этом узнали?

– Аврора вчера пришла ко мне и рассказала обо всем, – ответил Харри.

Взгляд Столе Эуне, как при замедленной съемке, вернулся к Харри.

– Ты... ты знал это со вчерашнего дня и ничего мне не сказал?

– Мне пришлось пообещать ей молчать.

Голос Столе Эуне стал не громче, а тише.

– Пятнадцатилетняя девочка подверглась насилию, и тебе прекрасно известно, что ей необходима любая доступная помощь, а ты решаешь держать все в тайне?

– Да.

– Но ради всего святого, Харри, почему?

– Потому что Валентин угрожал убить тебя, если она расскажет о случившемся.

– Меня? – У Столе вырвался всхлип. – Меня? Ну и что? Я мужчина, которому далеко за шестьдесят, у меня больное сердце, Харри. А она девочка, у которой вся жизнь впереди!

– Просто ты – человек, которого она любит больше всего в мире, и я дал ей слово.

Столе Эуне надел очки и направил трясущийся палец в сторону Харри:

– Да, ты дал ей слово! И ты держал его, пока тебе было все равно! Но теперь, когда ты понял, что можешь использовать ее, чтобы раскрыть еще одно «дело Харри Холе», твое обещание уже не имеет большого значения.

Харри не возражал.

– Выметайся, Харри! Ты не друг этого дома, и тебе здесь больше не рады.

– Дело срочное, Столе.

– Вон, сейчас же! – Столе Эуне поднялся.

– Она нужна нам.

– Я звоню в полицию! В *нормальную* полицию!

Харри посмотрел на него снизу вверх. Понял, что все бесполезно. Что надо ждать, что все должно идти своим чередом и они могут только надеяться, что Столе Эуне до завтрашнего дня увидит всю картину целиком.

Харри кивнул и выдернул себя из кресла.

– Мы найдем выход, – сказал он.

Проходя мимо кухни, Харри через дверь увидел бледное, застывшее лицо Ингрид.

Он зашнуровал ботинки в коридоре и уже собирался выйти из дома, как вдруг услышал тоненький голос:

– Харри...

Он обернулся и поначалу не понял, откуда донесся звук. Потом она вышла из темноты на свет и остановилась на лестничной площадке второго этажа. На девочке болталась полосатая пижама. Может быть, отцовская, подумал Харри.

– Прости, – сказал Харри. – Мне пришлось.

– Знаю, – ответила Аврора. – В Сети написано: того, кто умер, звали Мехмет. И я слышала ваш разговор.

В тот же момент в коридор выбежал Столе, из глаз его лились слезы, он замахал руками:

– Аврора! Ты не должна...

Голос его сорвался.

– Папа, – спокойно произнесла Аврора и села на ступеньку, – я хочу помочь.

Глава 26

Вторник, ночь

Мона До стояла у «Монолита»^[39] и смотрела, как из темноты вырастает фигура Трульса Бернтсена. Он торопливо шагал к монументу.

Когда они договаривались о встрече во Фрогнер-парке, она предложила пару других, более скромных, менее популярных композиций, потому что к «Монолиту» даже ночью приходят желающие его увидеть. Но после трех «чего?» она поняла, что «Монолит» – единственная известная Бернтсену скульптура.

Мона отвела его к западной стороне монумента, подальше от двух парочек, разглядывавших церковные шпили на востоке города. Она протянула Бернтсену конверт с деньгами, и он спрятал его в длинный пиджак от Армани, который на нем по какой-то причине совсем не был похож на пиджак от Армани.

– Есть что-нибудь новое? – спросила Мона.

– Больше информации не будет, – сказал Трульс, оглядываясь украдкой.

– Вот как?

Он посмотрел на нее, словно желая удостовериться, не шутит ли она:

– Мужчину же убили, черт возьми!

– Значит, в следующий раз найди менее... смертоносную информацию.

Трульс Бернтсен зафыркал и засмеялся:

– Ты сама себя слышишь, До? Мы только что привели Валентина к парню, который всего-то совершил пару неправильных поступков: содержал бар, в который заходила жертва Валентина, и согласился помочь полиции.

– Ты говоришь «мы» – значит ли это, что ты испытываешь угрызения совести?

– Ты что, считаешь меня психопатом? Конечно я считаю, что это жуткие дела.

– На первый вопрос отвечать не буду, но я согласна, что такие дела действительно ниже уровня нормы. Это означает, что ты больше не сможешь быть моим источником?

– Если я отвечу «нет», означает ли это, что ты больше не будешь меня защищать?

– Нет, не означает, – ответила Мона. – Мы не столько беспокоимся об

источниках, сколько о том, что скажут наши коллеги, если мы наплюем на источник. А что, кстати, говорят твои коллеги?

– Ничего. Они поняли, что источник – это я, поэтому меня изолировали. Мне не позволено участвовать в собраниях и знать хоть что-нибудь о ходе следствия.

– Вот как? Кажется, я совершенно утратила интерес к тебе, Трульс.

Трульс фыркнул:

– Ты цинична, но, по крайней мере, честна, Мона До.

– Спасибо. Думаю, да.

– Хорошо, возможно, я в последний раз могу тебе кое-что сообщить.

Но речь пойдет совершенно о другом.

– Выкладывай.

– Начальник полиции Бельман трахает довольно известную женщину.

– За такую информацию денег не платят, Бернтсен.

– Ладно, отдаю бесплатно, просто напиши об этом.

– Редакторы не любят историй об изменах, но если у тебя есть доказательства и ты сам выскажешься по делу, то, возможно, я смогу их уговорить. В таком случае мы приведем твои слова и твое полное имя.

– Полное имя? Это самоубийство, ты же понимаешь. Я могу сообщить вам, где они встречаются, а вы сможете подослать фотографа.

Мона До рассмеялась:

– Прости, так это не работает.

– Не работает?

– За границей пресса много пишет об изменах, но только не здесь, в маленькой Норвегии.

– Почему?

– Официальное объяснение – мы не опускаемся до этого.

– Но?..

Мона, дрожа от холода, пожала плечами:

– Поскольку на практике люди опускаются так низко, что и дна не видать, моя личная теория на этот счет гласит: это еще один пример синдрома «у всех есть скелеты в шкафу, поэтому помолчим».

– Человеческим языком, пожалуйста.

– Женатые редакторы изменяют так же часто, как и все остальные. Если обнародовать какую-либо информацию об измене, то каждый член небольшой норвежской общественности рискует, что ему отплатят той же монетой. Мы можем писать об изменах в огромном мире, можем упомянуть и о своей стране, если один публичный человек выступит с сомнительной критикой в адрес другого. Но журналистское расследование об изменах

власть имущих?.. – Мона До покачала головой.

Трульс с презрением выдул воздух через нос.

– Значит, нет способа это обнародовать? – спросил он.

– По-твоему, это необходимо обнародовать, поскольку данная информация подтверждает, что Бельман не создан для того, чтобы исполнять обязанности начальника полиции?

– Чего? Нет, наверное, не так.

Мона кивнула и посмотрела вверх, на «Монолит», на безжалостное стремление к вершине.

– Ты должен очень сильно ненавидеть этого человека.

Трульс не ответил. Казалось, он был слегка удивлен, словно никогда над этим не задумывался. А Мона размышляла, что происходит в голове этого человека, у которого такое малопривлекательное, покрытое шрамами лицо с выступающей нижней челюстью и колючими глазами. Она почти испытывала жалость к нему. Почти.

– Я пошла, Бернтсен. Еще поговорим.

– Правда?

– Может, и нет.

Мона довольно долго шагала по парку, затем обернулась и увидела Трульса Бернтсена в огнях фонарей у «Монолита». Он засунул руки в карманы и стоял, ссутулившись и наблюдая за чем-то. Он казался бесконечно одиноким там, наверху, таким же неподвижным, как и окружавшие его каменные изваяния.

Харри смотрел в потолок. Призраки не приходили. Возможно, сегодня ночью они и не придут. Никогда не знаешь. Но в их компании появился новичок. Любопытно, как будет выглядеть Мехмет, когда придет? Харри запер мысли в голове и прислушался к тишине. В районе Хольменколлен было тихо, что неудивительно с такими соседями. Слишком тихо. Ему больше нравилось звучание города внизу. Как ночь в джунглях, полная звуков, которые могли предостеречь тебя во мраке, рассказать тебе, что случится, а что нет. Тишина содержала слишком мало информации. Но дело было не в этом. Дело было в том, что рядом с ним в кровати никто не лежал.

Если посчитать, то ночи, в которые он делил постель с кем-либо, окажутся в очевидном меньшинстве. Так почему же он чувствовал себя таким одиноким, он, всегда искавший одиночества, он, кому никогда не нужны были другие люди?

Харри повернулся на бок и попытался закрыть глаза.

Сейчас ему тоже никто не был нужен. Ему никто не был нужен. Ему не был нужен *никто*.

Ему была нужна только она.

Что-то скрипнуло в бревенчатых стенах. Или это половая доска. Может быть, ураган добрался до них так рано. Или призраки пришли так поздно.

Харри повернулся на другой бок и снова закрыл глаза.

Что-то скрипнуло за дверью спальни.

Он встал, подошел к ней и открыл.

Это был Мехмет.

– Я видел его, Харри.

На месте глаз теперь зияли черные глазницы, в них что-то шипело и дымилось.

Харри вздрогнул и проснулся.

На тумбочке у кровати замурлыкал, как кот, телефон.

Харри ответил:

– Мм?

– Это доктор Стеффенс.

Харри почувствовал внезапный приступ боли в груди.

– Дело касается Ракели.

Естественно, Ракели. И Харри знал, что Стеффенс произнес это только для того, чтобы дать ему несколько секунд подготовиться к новостям.

– Нам не удастся вывести ее из комы.

– Что?

– Она не просыпается.

– А... она...

– Мы не знаем, Харри. Я понимаю, что у вас масса вопросов, но у нас тоже. Я действительно ничего не могу вам рассказать, кроме того, что мы работаем изо всех сил.

Харри прикусил щеку с внутренней стороны, чтобы удостовериться, что он не переживает премьерный показ нового кошмара.

– Хорошо, хорошо. Я могу ее увидеть?

– Не сейчас, она находится в отделении интенсивной терапии. Я позвоню, как только у меня будет новая информация. Но может понадобится время. Ракель, вполне вероятно, теперь на некоторое время останется в коме, так что не задерживайте дыхания, хорошо?

До Харри дошло, что Стеффенс прав: он не дышал.

Они закончили разговор. Харри уставился на телефон. «Она не просыпается». Естественно, она не хочет, кто же хочет просыпаться? Харри

встал, спустился вниз и пошарил по кухонным шкафчикам. Ничего. Пусто, опустошено. Он вызвал такси и поднялся наверх, чтобы одеться.

Он увидел синюю табличку, прочитал название и притормозил. Свернул на боковую дорогу, выключил двигатель, огляделся. Лес и дорога. Все это напомнило ему о тех ничего не говорящих, однотипных шоссе Финляндии, при движении по которым у тебя возникало ощущение, что ты едешь по лесистой пустыне, где деревья возвышаются по сторонам молчаливой стеной, а труп спрятать так же легко, как утопить в море. Он подождал, пока не проедет машина, посмотрел в зеркало и не увидел огней ни спереди, ни сзади. Потом вылез на обочину, обошел машину и открыл багажник. Она была такой бледной, что даже веснушки побледнели, а испуганные глаза над кляпом стали огромными и черными. Он поднял ее. Ему пришлось помочь ей устоять на ногах. Он схватил ее за наручники и повел через дорогу и придорожную канаву к черной стене деревьев. Зажег фонарик и почувствовал, что она дрожит так, что трясутся наручники.

– Тихо, тихо, я тебе ничего не сделаю, дорогая, – сказал он и почувствовал, что это правда.

Он действительно не хотел причинить ей вред. Больше не хотел. И возможно, она это знала, наверное, поняла, что он ее любит. Возможно, она дрожала потому, что на ней было только белье и неглиже его японской подруги.

Они вошли в лес, как будто в дом. Их окутала другая тишина, и одновременно появились новые звуки. Негромкие, но отчетливые неопределимые звуки. Хруст, вздох, крик. Грунт был мягким, его покрывал ковер из хвойных иголок, который приятно пружинил под ногами, когда они шли, бесшумно шагая, как жених с невестой по церкви во сне.

Досчитав до ста, он остановился. Поднял фонарик и посветил вокруг, и луч света мгновенно отыскал то, что было надо. Черное обгоревшее дерево, расколотое молнией надвое.

Он подтащил ее за собой к дереву. Она не сопротивлялась, когда он расстегнул наручники, обхватил ее руками ствол и снова застегнул наручники. Покорная, как баран, подумал он, глядя, как она стоит на коленях и обнимает дерево. Жертвенный агнец. Потому что он не был женихом, он был отцом, отдающим у алтаря свою дочь.

Он погладил ее по щеке в последний раз и развернулся, чтобы уйти, но тут из-за стены деревьев послышался голос:

– Она жива, Валентин.

Он остановился и машинально повернул фонарик в ту сторону, откуда

раздался звук.

– Убери его, – произнес голос из темноты.

Валентин сделал так, как велел голос, и сказал:

– Она хотела жить.

– А бармен не хотел?

– Он мог опознать меня. Нельзя было рисковать.

Валентин прислушался, но единственное, что он мог различить, был свист из ноздрей Марты при вдохе.

– Я приберу за тобой, но только один-единственный раз, – произнес голос. – У тебя с собой револьвер, который ты получил?

– Да, – ответил Валентин.

Послышалось ли ему что-то знакомое в голосе этого человека?

– Положи его рядом с ней и уходи. Скоро ты получишь его обратно.

Валентину в голову пришла мысль. Выхватить пистолет, найти другого с помощью фонарика и убить. Убить рассудок, замести следы, ведущие к нему, и снова позволить демону править. Аргументом против было то, что другой мог потребоваться Валентину.

– Где и когда? – прокричал Валентин. – Мы больше не можем пользоваться шкафчиком в раздевалке бани.

– Завтра. Ты получишь сообщение. Теперь, раз уж ты все равно слышал мой голос, я тебе позвоню.

Валентин вынул револьвер из кобуры и положил его перед девушкой. Бросил на нее последний взгляд. А потом ушел.

Снова усевшись в машину, он дважды сильно ударил лбом по рулю. Затем завел двигатель, помигал поворотником, хотя других машин не было видно, и спокойно уехал.

– Остановитесь вон там, – сказал Харри шоферу такси, указывая место.

– Сейчас три часа ночи, мужик, а этот бар кажется очень даже закрытым.

– Он мой.

Харри расплатился и вышел. Там, где несколько часов назад велась бурная деятельность, сейчас не было видно ни одного человека. Криминалисты закончили, но на дверь и дверной косяк была наклеена белая лента. Лента, украшенная изображением геральдического льва и текстом: «ПОЛИЦИЯ. ОПЕЧАТАНО. ПЕЧАТЬ НЕ ЛОМАТЬ, ИНАЧЕ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. § 343 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА».

Харри вставил ключ в замок и повернул его. Лента разорвалась, когда

он потянул на себя дверь и вошел внутрь.

Они оставили гореть лампочки под зеркальными полками. Харри зажмурил глаз и прицелился указательным пальцем в бутылки с того места, где он остановился у двери. Девять метров. Что, если бы он спустил курок? Как бы сложилась эта история? Невозможно сказать. Она сложилась так, как сложилась. С этим ничего не поделать. Можно было только забыть, конечно. Палец нашел бутылку «Джима Бима». Ее уже переставили на стойку для розлива. В чертовом свете, льющемся снизу, ее содержимое блестело, как золото. Харри прошел через помещение, завернул за стойку, взял стакан и поставил его под розлив.

Он почувствовал, как во всем теле напряглись мышцы, и на мгновение задумался, не проблеяться ли до того, как он сделает первый глоток. Но ему удалось удержать и содержимое желудка, и алкоголь до третьего глотка. Тогда Харри бросился к раковине, и пока желто-зеленая блевотина не шлепнулась о металл, он успел увидеть, что дно раковины все еще покрывает слой засохшей крови.

Глава 27

Среда, утро

Без пяти восемь кофеварка в Котельной заклокотала во второй раз за утро.

– Куда подевался Харри? – спросил Виллер, снова взглянув на часы.

– Я не знаю, – ответил Бьёрн Хольм. – Начнем без него.

Смит и Виллер кивнули.

– Хорошо, – сказал Бьёрн. – Прямо сейчас Аврора Эуне сидит в штаб-квартире «Нокаса» и смотрит записи вместе со своим отцом, представителем «Нокаса» и специалистом из отдела ограблений, который умеет работать с камерами наблюдения. По плану они должны максимум за восемь часов просмотреть записи за четыре дня. Если, конечно, найденная нами квитанция подтверждает операцию, которую Валентин провел лично, и если нам немного повезет, то его новая личность станет нам известна по истечении четырех часов. И в любом случае до восьми часов вечера.

– Но это же великолепно! – воскликнул Смит. – Э-э... разве нет?

– Да, но давайте не будем загадывать, – сказал Бьёрн. – Ты разговаривал с Катриной, Андерс?

– Да, и нам дали полномочия задействовать «Дельту». Они готовы к выезду.

– «Дельта» – это люди с автоматами, в противогазах и... э-э... так далее?

– Ты начинаешь разбираться в таких вещах, Смит, – улыбнулся Бьёрн и заметил, что Виллер снова взглянул на часы. – Беспокоишься, Андерс?

– Наверное, надо позвонить Харри.

– Давай.

Часы показывали девять, и Катрина только что отпустила следственную группу из зала заседаний. Она собирала бумаги, как вдруг заметила в дверях мужчину.

– Ну, Смит? – сказала она. – Интересный день или как? Чем вы там, в подвале, занимаетесь?

– Пытаемся найти Харри.

– Он еще не появился?

– И не отвечает на звонки.

– Должно быть, сидит в больнице, там нельзя держать телефоны

включенными. Говорят, что они могут помешать аппаратам и оборудованию, но это наверняка такая же чушь, как и то, что они могут помешать навигационному оборудованию самолета.

Она заметила, что Смит ее не слушает, а смотрит куда-то ей за спину.

Она повернулась и увидела, что на экране по-прежнему находится фотография с подключенного к нему компьютера. Фотография из бара «Ревность».

– Я знаю, – сказала она. – Не слишком красиво.

Смит покачал головой, как сомнамбула, не отводя взгляда от экрана.

– С вами все в порядке, Смит?

– Нет, – медленно произнес он. – Я не в порядке. Я не выношу крови, я не выношу насилия, и я не уверен, смогу ли я и дальше смотреть на страдания. Этот человек... Валентин Йертсен, он... я психолог, а он – случай в практике, к которому я пытаюсь относиться как профессионал, но мне кажется, что я его ненавижу.

– Никто из нас настолько не профессионален, Смит, и я бы не стала беспокоиться, если бы испытывала немного ненависти. Разве не приятно чувствовать, что тебе есть кого ненавидеть, как говорит Харри.

– Харри так говорит?

– Да. Или «Raga Rockers»^[40]. Или... Вы хотели что-то спросить?

– Я разговаривал с Моной До из «ВГ».

– Вот еще один человек, которого мы можем ненавидеть. Чего она хотела?

– Это я позвонил ей.

Катрина перестала собирать бумаги.

– Я рассказал ей, при каких условиях смогу дать интервью о Валентине Йертсене, – объяснил Смит. – При условии, что я буду говорить в общих чертах и ни словом не упомяну о расследовании. Это будет так называемый подкаст, радиопрограмма, где...

– Я знаю, что такое подкаст, Смит.

– В общем, тогда они не смогут меня неверно процитировать. То, что я скажу, то и прозвучит. Вы мне разрешаете?

Катрина задумалась.

– Мой первый вопрос: почему?

– Потому что люди напуганы. Моя жена напугана, мои дети напуганы, соседи и родители других детей в школе напуганы. И тогда я, как ученый, работающий в этой сфере, несу ответственность за то, чтобы они стали бояться немного меньше.

– Разве у них нет причин немного бояться?

– Вы не читаете газет, Катрина? Все запасы замков и сигнализаций в магазинах раскуплены за последнюю неделю.

– Все боятся того, чего не понимают.

– Всё сложнее. Они боятся, потому что думали, что мы имеем дело с человеком, которого я поначалу определил как чистого вампириста. Больной, растерянный индивид, нападающий из-за глубоких расстройств личности и парафилии. Но этот монстр оказался хладнокровным, циничным, расчетливым воином, способным размышлять взвешенно и рационально, способным при необходимости отступать, как в турецкой бане. И нападать, когда возможно, как... как на этой фотографии. – Смит закрыл глаза, а потом отвел взгляд в другую сторону. – И я признаю, что и сам напуган. Я лежал без сна всю ночь и размышлял над тем, как мог один и тот же человек совершить эти убийства, как это возможно? Как я мог так ошибаться? Этого я не понимаю. Но я *должен* понять, ни у кого нет лучших предпосылок понять его, чем у меня, я – единственный, кто может объяснить и показать им монстра. Потому что, когда они увидят монстра, им станет все понятно, и с их страхами можно будет работать. Он не исчезнет, но они поймут, что должны принимать разумные меры предосторожности, и почувствуют себя в большей безопасности.

Катрина уперла руки в бока:

– Давайте разберемся, правильно ли я поняла. Вы сами не знаете, что представляет собой Валентин Йертсен, но собираетесь объяснить его действие людям?

– Да.

– Солгать с целью успокоить?

– Надеюсь, что последнее мне удастся лучше, чем первое. У меня есть ваше благословение?

Катрина прикусила нижнюю губу:

– Вы правы в том, что, как ученый, несете ответственность за информацию, и, естественно, будет хорошо, если людей можно немного успокоить. Только если вы не затронете тему расследования.

– Конечно нет.

– Мы не можем позволить себе еще одну утечку. Я единственная на этом этаже знаю, чем сейчас занимается Аврора, это неизвестно даже начальнику полиции.

– Клянусь.

– Это он? А это он, Аврора?

– Папа, ты опять нудишь?

– Эуне, может быть, нам с вами переждать немного, чтобы они могли поработать спокойно.

– Спокойно? Это моя дочь, инспектор Виллер, и она хочет...

– Делай, как он говорит, папа. Я в порядке.

– Вот как? Ты уверена?

– Абсолютно уверена. – Аврора повернулась к женщине из банка и мужчине из отдела ограблений. – Это не он. Мотайте дальше.

Столе Эуне поднялся, возможно, немного резко, и из-за этого у него закружилась голова. А возможно, потому, что он не спал сегодня ночью. И не ел. И паялся в монитор три часа без перерыва.

– Если вы присядете на этот диван, я пойду проверю, можно ли раздобыть кофе, – сказал Виллер.

Столе Эуне просто кивнул.

Виллер ушел, а Столе сидел и смотрел через стеклянную стену на свою дочь, как она оживленно подает знаки, чтобы запись мотали дальше, остановили, отмотали назад. Он никогда не видел, чтобы она так заинтересованно работала. Вероятно, его реакция и озабоченность были преувеличены. Возможно, худшее уже позади, возможно, она уже как-то пережила случившееся, пока они с Ингрид пребывали в счастливом неведении.

И его юная дочь объяснила ему, как объясняет преподаватель психологии новенькому студенту, что такое обещание о неразглашении. Это она взяла его с Харри, и Харри его не нарушил, ведь Столе так же относился к своим обязанностям о неразглашении, пока не понял, что это может спасти человеческие жизни. А Аврора, несмотря ни на что, выжила. Смерть. В последнее время Столе думал о ней. Не о своей, а о том, что его дочь однажды тоже умрет. Почему эта мысль столь невыносима? Может быть, он будет по-другому относиться к этому, если они с Ингрид в один прекрасный день станут дедушкой и бабушкой, ведь человеческая психика подчиняется биологическим механизмам в той же степени, что и физическим, а желание передать свои гены, естественно, является предпосылкой выживания рода. Однажды, очень давно, он спросил Харри, не хочет ли тот ребенка, который биологически будет его собственным, но у Харри был четкий ответ. Он не обладает геном счастья, только геном алкоголизма, а этот ген, по его мнению, не стоит передавать по наследству. Возможно, он изменил мнение, в последние годы Харри совершенно очевидно был счастлив, если, конечно, он обладал способностью испытывать счастье. Столе достал телефон. Он хотел позвонить и рассказать об этом Харри прямо сейчас. Что Харри был хорошим

человеком, хорошим другом, отцом и супругом. Ладно, это немного похоже на эпитафию, но Харри должен услышать это. Он ошибался, когда полагал, что его непроизвольная тяга к охоте на убийц походила на алкоголизм. Им двигало не желание убежать, причем двигало больше, чем индивидуалист Харри Холе готов был признать это. Им двигало стадное чувство. Стадное чувство в *хорошем* смысле. Мораль и ответственность перед обществом. Харри, разумеется, всего лишь посмеется, если только ответит на этот проклятый звонок.

Столе увидел, как спина Авроры выпрямилась, а мышцы напряглись. Неужели это... Но потом она снова расслабилась и махнула рукой, чтобы мотали дальше.

Столе вновь приложил телефон к уху. «Отвечай же!»

– Успех в карьере, спорте и семейной жизни? Да, возможно. – Микаэль Бельман скользил взглядом по столу. – Но прежде всего я простой парень из Манглерада.

Накануне он беспокоился, что заученные клише прозвучат как пустые фразы, но Исабелла была права: нужно только чуть-чуть вжиться в роль, после чего даже самые очевидные банальности прозвучат убедительно.

– Мы рады, что вы выделили время для этого разговора, Бельман. – Партийный секретарь поднес салфетку ко рту, давая понять, что ланч закончен, и кивнул двум другим функционерам. – Процесс запущен, и, как я уже говорил, мы очень рады, что вы отнеслись к этому позитивно и согласились принять предложение, если таковое поступит.

Бельман кивнул.

– Под «мы», – вмешалась Исабелла Скёйен, – подразумевается также премьер-министр, не так ли?

– Мы бы не согласились прийти сюда, если бы со стороны офиса премьер-министра изначально не было положительного отношения, – сказал партийный секретарь.

Сначала они попросили Микаэля прийти для этого разговора в здание правительства, но, проконсультировавшись с Исабеллой, Микаэль вместо этого пригласил их встретиться на нейтральной территории. Пригласил на ланч за счет начальника полиции.

Партийный секретарь посмотрел на часы. На часы «Омега-Симастер», отметил про себя Бельман. Непрактично тяжелые. Из-за них становишься жертвой ограбления в каждом третьем городе мира. Останавливаются, если не носить их больше суток, а чтобы выставить время, надо крутить и крутить, но если после этого ты забудешь закрепить колесико и нырнешь в

свой бассейн, часам крышка, а ремонт будет стоить столько же, сколько покупка четырех новых качественных часов. Короче говоря, он просто обязан обзавестись такими часами.

– Но, как я уже говорил, обсуждается несколько кандидатур, министр юстиции – один из значимых министерских постов, и я не стану скрывать, что у человека, не поднимавшегося по политической лестнице, путь к этой должности будет дольше.

Микаэль рассчитал время так, чтобы отодвинуть стул и встать одновременно с партийным секретарем, и первым протянул руку и сказал «до встречи». Он был начальником полиции, черт возьми, и из них двоих именно он, а не этот серый бюрократ с дорогими часами спешил вернуться к своей ответственной работе.

Когда представители правительственной партии покинули ресторан, Микаэль и Исабелла Скёйен остались. У них был отдельный кабинет в одном из новых ресторанов в недавно возведенных жилых комплексах на окраине района Серенга. Позади них находился район Экебергосен, перед ними – здание Оперы и недавно построенная морская купальня. Фьорд покрылся мелкими крутыми волнами, и наклонные паруса на его фоне казались белыми запятыми. Последние сводки погоды сообщали, что ураган доберется до Осло еще до полуночи.

– Вроде все прошло хорошо? – спросил Микаэль, разливая остатки воды «Восс» по бокалам.

– «Если бы со стороны офиса премьер-министра изначально не было положительного отношения», – процитировала Исабелла и сморщила нос.

– С этим что-то не так?

– Да. Этого умеренного «изначально» они раньше не использовали. И то, что они ссылаются на офис премьер-министра, а не на самого премьер-министра, говорит мне, что они отдаляются.

– Почему они это делают?

– Ты слышал то же, что и я. Ланч, за которым они в основном расспрашивают тебя о деле вампириста и интересуются твоим мнением насчет того, как скоро его схватят.

– Да ладно тебе, Исабелла, сейчас весь город говорит об этом деле.

– Они спрашивают, потому что от этого сейчас зависит все, Микаэль.

– Но...

– Им не нужен ты, с твоей компетенцией или способностью управлять министерством, ты это понял?

– Сейчас ты преувеличиваешь, но да, это...

– Им нужны твоя повязка на глазу, статус героя, популярность, успех.

Потому что у тебя все это есть, а нынешнему правительству этого в настоящее время не хватает. Убери это – и ты не будешь представлять для них никакой ценности. И, честно говоря... – она отставила стакан в сторону и поднялась, – для меня тоже.

Микаэль недоверчиво улыбнулся:

– Что?

Исабелла сняла с вешалки короткую меховую куртку.

– Я не выношу проигравших, Микаэль, ты это прекрасно знаешь. Я связалась с прессой и удостоила тебя чести спасти день, сдув пыль с Харри Холе. До сего дня он арестовал голого девятидесятилетнего старика и довел до гибели невинного владельца бара. Благодаря этому проигравшим выглядишь не только ты, Микаэль, благодаря тебе такой же выгляжу и я. Мне это не нравится, и поэтому сейчас я тебя оставляю.

Микаэль Бельман рассмеялся:

– У тебя месячные, что ли?

– Раньше ты внимательнее следил за моим графиком.

– Ладно, – вздохнул Микаэль. – Поговорим позже.

– Мне кажется, ты трактуешь «оставлю» в узком смысле.

– Исабелла...

– Прощай. Мне понравилось то, что ты говорил об успешной семейной жизни. Продолжай в том же духе.

Микаэль сидел и смотрел на закрывшуюся за ней дверь.

Он попросил официанта, всунувшего голову в кабинет, принести счет и снова посмотрел на фьорд. Говорят, что проектировщики квартир у самой воды не приняли во внимание климатические изменения и подъем уровня моря. Сам же он, однако, подумал об этом, когда они с Уллой построили виллу высоко на горе в районе Хейенхалл. Подумал, что там они будут в безопасности, там море не сможет поглотить их, а нападающие не сумеют незаметно проникнуть внутрь и ни один ураган не сможет сдуть крышу с их дома. Черт возьми, но ему нужно больше. Он сделал глоток воды, поморщился и посмотрел на бокал. «Восс». Почему люди готовы платить втридорога за воду, которую на вкус не отличишь от воды из-под крана? Не потому, что она кажется им лучше на вкус, просто они зависят от чужого навязанного мнения. Поэтому они заказывают воду «Восс», когда идут в ресторан со слишком скучной женой-трофеем и слишком тяжелыми часами «Омега-Симастер». Не из-за этого ли иногда он чувствовал, что скучает по прошлому? По Манглеруду, по тому, чтобы субботним вечером надраться в «Ульсене», перегнуться через стойку и нацедить себе кружечку бесплатного пива, пока Ульсен смотрит в другую сторону, станцевать

последний танец, тесно прижав к себе Уллу, под свирепыми взглядами пятого номера «Манглеруд стар» и парней с «Кавасаки-750», зная, что скоро он уйдет отсюда вместе с Уллой, они выйдут вдвоем в ночь, на улицу Плугвейен, и зашагают в сторону катка и озера Эстеншёванне, и там он будет показывать ей звезды и рассказывать, как они доберутся до них.

Удалось ли им это? Возможно, но все было так же, как в те времена, когда он еще мальчишкой ходил с отцом в горы. Микаэль уставал и думал, что они наконец добрались до вершины, но вдруг обнаруживал, что за этой вершиной находится другая, более высокая.

Микаэль Бельман закрыл глаза.

Так же было и сейчас. Он устал. Мог ли он сейчас остановиться? Лечь, ощутить ветер, щекочущий лицо вереск, солнечное тепло касающихся кожи камней. Сказать, что хочет остаться здесь. И у него внезапно появилась забавная идея. Он позвонит Улле и скажет ей эти слова. «Мы останемся здесь».

Как ответ на его мысли, в кармане завибрировал телефон. Конечно, это наверняка Улла. Он ответил на звонок:

– Да?

– Это Катрина Братт.

– Ах да.

– Я только хочу проинформировать вас, что мы выяснили, под каким именем скрывается Валентин Йертсен.

– Что?

– Он снимал деньги в «Осло-Сити» в августе, и шесть минут назад нам удалось его опознать по записям с камер наблюдения. Карта, которой он воспользовался, выдана Александру Дрейеру, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения.

– И?..

– И тот Александр Дрейер погиб в автокатастрофе в две тысячи десятом.

– А адрес? Адрес у нас есть?

– Есть. «Дельта» предупреждена, они выдвинулись.

– Что-нибудь еще?

– Пока нет, но я полагаю, вы хотите, чтобы мы информировали вас о ходе операции?

– Да. Постоянно.

Оба повесили трубки.

– Простите, – произнес официант.

Бельман посмотрел на счет. Он набрал слишком высокую сумму на

машинке для банковских карт и нажал на ОК. Встал и выскочил на улицу. Поимка Валентина Йертсена сейчас откроет ему все двери.

Усталость как рукой сняло.

Джон Д. Стеффенс повернул выключатель. Световые трубки помигали несколько секунд, после чего стабилизировались и зажужжали, отбрасывая холодный свет.

Олег поморгал и зевнул.

– Это все *кровь*? – От его голоса в помещении возникло эхо.

Стеффенс улыбнулся, железная дверь за ними закрылась.

– Добро пожаловать в Кровавую баню.

Олег вздрогнул. Температура в помещении была пониженной, а голубоватый свет на белых потрескавшихся плитках усиливал ощущение того, что они находятся внутри холодильника.

– А это... это сколько? – спросил Олег и проследовал за Стеффенсом между рядов красных пластиковых мешков, свисающих со стоек по четыре штуки в ряд.

– Хватит, чтобы первые дни справляться с последствиями нападения на Осло индейцев-лакота, – ответил Стеффенс, спускаясь по лестнице на дно бассейна.

– Лакота?

– Ты, конечно, называешь их сиу, – сказал Стеффенс, прикоснулся к одному из мешков, пощупал его, и Олег увидел, как от этих действий кровь меняет цвет от темного к светлому. – То, что индейцы, которых встретили белые люди, были кровожадными, – это миф. Исключение составляют только лакота.

– Вот как? – сказал Олег. – А белые люди? Разве кровожадность не распределена равномерно между народами мира?

– Я знаю, что именно этому вас сейчас учат в школе, – ответил Стеффенс. – Никто не лучше, никто не хуже. Но поверь мне, лакота были и лучше, и хуже. Они были лучшими воинами. Апачи утверждали, что, если приходили шайены или черноногие, их воины отдыхали и справляться с врагами посылали молодежь и стариков. Но если приходили лакота, то не посылали никого. Тогда все до одного начинали петь песни смерти. И надеяться на быструю смерть.

– пытки?

– Когда лакота приговаривали своих пленников к костру, они сжигали их по кусочкам и на маленьком огне. – Стеффенс шел дальше, туда, где мешки с кровью висели плотнее и куда попадало меньше света. – А когда

несчастные не могли больше выносить мук, лакота устраивали перерыв, кормили и поили их, чтобы пытка могла продолжаться еще день или два. Едой иногда служило мясо, отрезанное от тел самих пленников.

– Это правда?

– Ну, это такая же правда, как и вся остальная история. Воин лакота по имени Луна За Облаками был печально известен тем, что выпивал абсолютно всю кровь абсолютно всех убитых им врагов. Очевидная фальсификация истории, ведь он убил очень многих и не выжил бы после таких попоек, потому что человеческая кровь в больших количествах ядовита.

– Да?

– Ты вводишь в организм больше железа, чем твой организм способен вывести. Но кое-чью кровь он пил, это я знаю. – Стеффенс остановился у одного из мешков с кровью. – В тысяча восемьсот семьдесят первом году мой прапрадедушка был найден обескровленным в лагере Луны За Облаками в Юте, где он миссионерствовал. В дневнике моей бабушки записано, что моя прапрабабушка благодарила Бога за массовое убийство лакота у Вундед-Ни в тысяча восемьсот девяностом. И кстати, о матерях...

– Да?

– Это кровь твоей матери. То есть теперь она принадлежит мне.

– Я думал, ей *вливали* кровь.

– У твоей матери очень редкий тип крови, Олег.

– Вот как? Мне казалось, у нее самый обычный тип крови.

– О, кровь – это намного больше, чем *тип*, Олег. К счастью, у нее кровь второй группы, поэтому я могу дать ей несколько десятков мешков отсюда. – Он обвел рукой хранилище. – Простую кровь, которую абсорбирует ее тело и перерабатывает в золотистые капли, которые являются кровью Ракели Фёуке. И кстати, о Фёуке; Олег Фёуке, я взял тебя сюда не для того, чтобы ты сделал перерыв в дежурстве у ее кровати. Я хотел спросить тебя, можно ли взять у тебя кровь на анализ, чтобы посмотреть, не производишь ли ты такую же кровь, как она.

– Я? – Олег задумался. – Да, если это может кому-нибудь помочь, то почему нет?

– Это может помочь мне, поверь. Ты готов?

– Здесь? Сейчас?

Олег встретился взглядом с главврачом Стеффенсом. Что-то заставляло его медлить, но он не знал, что именно.

– Ладно, – сказал Олег. – Моя кровь – ваша.

– Прекрасно.

Стеффенс засунул руку в правый карман своего белого халата и подошел на шаг ближе к Олегу. На его лбу появилась морщинка раздражения, когда из левого кармана раздалась веселая мелодия телефонного звонка.

– Я думал, здесь, внизу, связи нет, – пробормотал он, вынимая телефон. Экран телефона осветил лицо главврача и отразился от очков. – Да, кажется, звонят из Полицейского управления.

Он приложил трубку к уху:

– Главный врач Джон Дойл Стеффенс.

Олег слышал звук голоса в трубке.

– Нет, старший инспектор Братт, я сегодня не видел Харри Холе, и я совершенно уверен, что здесь его нет. Телефон положено отключать не только здесь, возможно, он сидит в самолете? – Стеффенс посмотрел на пожавшего плечами Олега. – «Мы нашли его»? Да, Братт, я передам ему это сообщение, если он появится. А кого вы, кстати, нашли? Спасибо, подписка о неразглашении, я знаю, что это такое, Братт, но я думал, для Холе будет хорошо, если я не стану разговаривать шифровкой. Он поймет, о ком идет речь? Хорошо, я передам Холе «мы нашли его» при встрече. Всего доброго, Братт.

Стеффенс опустил телефон обратно в карман. Увидев, что Олег закатал рукав рубашки, он схватил его за руку и быстрыми шагами потащил обратно к лестнице из бассейна.

– Спасибо, но на телефоне я увидел, что сейчас больше времени, чем я думал, и меня ожидает пациент. Мы возьмем твою кровь в другой раз, Фёуке.

Сиверт Фалькейд, командир «Дельты», сидел сзади в «гелендвагене» спецотряда и лающим голосом отдавал последние краткие распоряжения, пока они проталкивались по улице Тронхеймсвейен. В машине находилось восемь человек. Семь мужчин и одна женщина. И она не была членом спецотряда. В отряде никогда не числилось ни одной женщины. Условия приема в «Дельту» теоретически были гендерно нейтральными, но среди сотни желающих вступить в отряд в этом году не оказалось ни одной женщины, а на протяжении всей истории отряда было всего пять желающих, последняя в прошлом тысячелетии. Никто из них не пролез в игольное ушко. Но та, что сидела напротив него, казалась сильной и выносливой, и, возможно, у нее есть шанс.

– Значит, мы не знаем, дома ли этот Дрейер? – спросил Сиверт Фалькейд.

– Чтобы всем было понятно, это Валентин Йертсен, вампирист.
– Да я шучу, Братт, – улыбнулся Фалькейд. – Выходит, у него нет мобильного телефона, чтобы мы могли его запеленговать?

– Может, и есть, но ни один номер не зарегистрирован ни на Дрейера, ни на Йертсена. Это проблема?

Сиверт Фалькейд посмотрел на нее. Они загрузили план здания, полученный от Городского отдела планирования и строительства, и оно казалось нормальным. Сорокапятиметровая двухкомнатная квартира на втором этаже без запасного выхода и лестницы в подвал прямо из квартиры. По плану четверо должны были подойти к входной двери, двое – остаться снаружи на случай, если он прыгнет с балкона.

– Никаких проблем, – ответил Фалькейд.

– Прекрасно, – сказала Братт. – Тихий подход?

Его улыбка стала шире. Ему нравился ее бергенский диалект.

– Ты думала, мы вырежем стекло со стороны балкона, вежливо вытрем ноги и войдем?

– Я думала, что нет причин швыряться гранатами и дымовыми шашками, когда там только один человек, надеюсь без оружия, который не знает о нашем приходе. За тихую и не слишком драматичную операцию оценки будут выше, разве не так?

– Да, правда, – сказал Фалькейд, сверился с GPS и посмотрел на дорогу. – Но если мы ворвемся, то риск ущерба будет меньше как для нас, так и для него. Девять из десяти человек оказываются парализованными от грохота и вспышки брошенной гранаты, какими бы крутыми они себя ни считали. Я думаю, мы спасли больше задержанных, чем своих, пользуясь этой тактикой. Кроме того, у нас есть шоковые гранаты, которые надо использовать, пока у них не истек срок годности. А парни у меня неугомонные, им иногда нужен рок-н-ролл, а то в последнее время у нас одни баллады.

– Ты сейчас шутишь, правда? Вы не такие мальчишки-мачо?

Фалькейд ухмыльнулся и пожал плечами.

– Знаешь что? – Братт наклонилась к нему, облизала красные губы и понизила голос. – Мне это нравится.

Фалькейд рассмеялся. Он был удачно женат, но если бы не был, то не отказался бы отобедать с Катриной Братт, посмотреть в ее темные опасные глаза и послушать раскатистое бергенское «р», похожее на рычание хищника.

– Минута, – громко произнес он, и семеро мужчин почти синхронным движением задвинули забрала на шлемах.

- «Ругер редхок» – это то, что у него было?
- По словам Харри Холле, в баре у него было это оружие, да.
- Слышали, парни?

Они кивнули. Производитель утверждает, что пластик новых шлемов может выдержать удар девятимиллиметровой пули, выпущенной тебе в лицо, но не пулю из «редхока» большого калибра. И Фалькейд считал это нормальным: фальшивая уверенность в безопасности расслабляет.

- Что, если он окажет сопротивление? – спросила Братт.

Фалькейд кашлянул:

- Тогда мы его застрелим.
- Вы обязаны?

– Потом, конечно, кто-то задним умом может подумать иначе, но мы предпочитаем быть умными заранее и застрелить тех, кто, по нашему мнению, может застрелить нас. А зная, что это нормально, получаешь большее удовольствие от своей работы. Кажется, мы на месте.

Стоя у окна, он заметил два жирных пятна, оставленные на стекле пальцами. Отсюда открывался вид на город, но он ничего не видел, только слышал сирены. Причин для беспокойства нет, сирены слышны всегда. У людей случаются пожары, они поскользываются на полу в ванной, мучают своих возлюбленных, и тогда включаются сирены. Раздражающие, ноющие сирены, скромно, но настойчиво сигнализирующие, чтобы едущие впереди подвинулись и дали проехать.

За стенкой у кого-то был секс. Прямо посреди рабочего дня. Это измена. Супругу, работодателю, наверняка и тому и другому.

Сирены звучали то тише, то громче, перекрывая звук голосов, доносившихся из радио позади него. Они в пути, люди в форме, с авторитетом и правом преимущественного проезда, но без цели и смысла. Все, что они знали, – дело срочное, и если они не успеют, то произойдет нечто ужасное.

Бомба. Смотрите, вот сирена, которая что-то значит. Звук Судного дня. Отрадный звук, от которого волосы могут встать дыбом. Услышать этот вой, посмотреть на часы, увидеть, что сейчас не ровно двенадцать часов дня, понять, что это не проверка. Вот когда он разбомбил бы Осло – в двенадцать ноль-ноль; ни один человек не ринулся бы в бомбоубежище, люди стояли бы, удивленно глядя в небо, и размышляли, что это за непогода. Или лежали бы и трахались, испытывали бы при этом угрызения совести, но все равно не могли бы поступить иначе. Потому что мы другому не можем, мы делаем то, что должны, потому что мы те, кто мы

есть. Идею о силе воли, благодаря которой мы можем поступать не так, как диктует нам наша природа, понимают неверно. Все наоборот: единственное, что делает сила воли, – это следование нашей природе даже в тех случаях, когда обстоятельства это затрудняют. Изнасиловать женщину, побороть или перехитрить ее сопротивление, сбежать от полиции и от мести, прятаться день и ночь – разве это не означает преодолеть все преграды, чтобы заняться любовью с этой женщиной?

Звук сирен удалялся. Любовники закончили свои игры.

Он попытался вспомнить, каким был сигнал тревоги, означавший «важное сообщение, слушайте радио». Его еще используют? Когда он был маленьким, то существовала, в общем-то, одна радиостанция, но по какой из них сейчас передадут это невероятно важное сообщение и все же не такое драматичное, чтобы надо было бежать в бомбоубежище? Возможно, существует план действий при чрезвычайных ситуациях, и они приберут все радиостанции к своим рукам, и один голос объявит... что? Что уже слишком поздно. Что бомбоубежища закрыты, поскольку они вас все равно не спасут, ничто не спасет. Что сейчас срочно надо собрать вокруг себя тех, кого ты любишь, проститься и умереть. Потому что это он выучил. Многие люди посвящают всю свою жизнь одной цели: не умереть в одиночестве. Удастся это немногим, но, боже мой, какие жертвы они готовы принести из-за отчаянного страха переступить через этот порог в тот момент, когда некого будет подержать за руку. Ладно. Он держал их за руки. Сколько их было? Двадцать? Тридцать? Но при этом они не казались менее напуганными или одинокими. Даже те, кого он любил. Конечно, они не успели научиться любить его в ответ, но сейчас они в любом случае окружены любовью. Он подумал о Марте Руд. Ему стоило обращаться с ней получше, не увлекаться так. Он надеялся, что к этому времени она уже умерла и что это произошло быстро и безболезненно.

Он услышал, как за стенкой заработал душ, и увеличил громкость радио в телефоне.

– ...Когда вампиристов в профессиональной литературе описывают как умных людей без признаков ментальных расстройств или социопатологии, это создает впечатление, что мы имеем дело с сильным и опасным врагом. Но на самом деле так называемый вампир из Сакраменто, вампирист Ричард Чейз, более типичен. Он похож на Валентина Йертсена. У обоих мы наблюдаем ментальные расстройства с ранней юности, ночное недержание мочи, поджоги, импотенцию. У обоих диагностировали паранойю и шизофрению. Действительно, Чейз шел обычным путем и пил кровь животных, а кроме того, делал инъекции куриной крови и заболел, в

то время как Валентин в детстве больше любил мучить кошек. В деревне у дедушки Валентин прятал новорожденных котят и держал их в тайной клетке в сарае, чтобы мучить их так, что никто из взрослых не знал об этом. Но и Валентин Йертсен, и Чейз становятся одержимыми после первого вампиристского нападения. Чейз убивает всех своих в общей сложности семерых жертв в течение нескольких недель. И в точности как Йертсен, он убивает большинство жертв у них же дома, он бродит по Сакраменто в декабре тысяча девятьсот семьдесят седьмого года и дергает ручки дверей. Если дверь оказывается незапертой, он воспринимает это как приглашение зайти – так он позже объяснял на допросах. Одна из его жертв, Тереса Валлин, находилась на третьем месяце беременности, и, когда Чейз застал ее дома одну, он трижды выстрелил в нее и изнасиловал ее труп, втыкая в него нож, после чего выпил ее кровь. Звучит знакомо, не правда ли?

Да, подумал он. Но вот о чем ты не осмеливаешься упомянуть, так это о том, что Ричард Трентон Чейз вырезал у нее несколько внутренних органов, отрезал один из сосков, а потом принес собачье дерьмо с заднего двора и засунул ей в рот. Или что использовал пенис одной из жертв в качестве коктейльной трубочки, чтобы выпить кровь другой своей жертвы.

– И сходство на этом не заканчивается. Точно так же как Чейз, Валентин Йертсен скоро дойдет до конца пути. Я не представляю себе, что он продолжит убивать.

– Почему вы испытываете такую уверенность в этом, Смит? Вы сотрудничаете с полицией, у вас есть какие-то особенные улики?

– Моя уверенность не имеет никакого отношения к расследованию, которое я, разумеется, не могу комментировать ни прямо, ни косвенно.

– Так почему же?

Он услышал, как Смит делает вдох, и вспомнил этого рассеянного психолога, делающего какие-то записи, вспомнил, как тот увлеченно расспрашивал его о детстве, о ночном недержании мочи, о раннем сексуальном опыте, о подожженном лесу и особенно о кошачьей рыбалке, как он называл это. Он брал дедушкину удочку, пропускал леску через балку сарая, вводил крючок в подбородок котенку, поднимал его так, чтобы он болтался в воздухе, и наблюдал за безнадежными попытками зверька взобраться вверх или высвободиться.

– Потому что Валентин Йертсен не отличается ничем особенным, кроме того, что он очень злой. Он не совсем глуп, но и не слишком умен. Он не совершил ничего особенного. Для того чтобы что-то построить, требуется способность видеть, видение, но для того, чтобы разрушить, не

требуется ничего, лишь слепота. От опасности быть схваченным в последние дни Йертсена спас не ум, а чистой воды удача. До тех пор пока его вскорости не поймают, Валентин Йертсен, естественно, опасен для людей, так же как собаки с пеной в пасти. Но собака, больная бешенством, умирает, а Валентин Йертсен, несмотря на всю свою злобу, – выражаясь игривыми терминами Харри Холле, всего лишь несчастный, потерявший контроль извращенец, который вскоре совершит большую ошибку.

– Значит, вы хотите успокоить жителей Осло...

Он услышал что-то и выключил передачу. Прислушался. Звук топавших ног у входной двери. Кто-то готовится к действиям.

Четверо мужчин в черной форме «Дельты» стояли у входной двери Александра Дрейера. Катрина Братт находилась в двадцати метрах от них по коридору и наблюдала за происходящим.

Один из мужчин держал полутораметровый таран с двумя ручками, по форме напоминающий коробку «Принглз».

В закрытых забралах шлемах их нельзя было отличить друг от друга. Но она полагала, что мужчина в перчатках, поднявший вверх три пальца, был Сивертом Фалькейдом.

В тишине обратного отсчета она слышала музыку, доносившуюся из квартиры. «Пинк Флойд»? Она ненавидела «Пинк Флойд». Нет, не так: она просто питала глубокое недоверие к людям, которым нравился «Пинк Флойд». Бьёрн сказал, что ему нравится только одна песня «Пинк Флойд», достал альбом с картинкой, похожей на волосатое ухо, сказал, что песня была записана еще до того, как они прославились, и проиграл ей классический блюз, сопровождавшийся собачьим воем, из тех, что используют в телешоу, когда другие идеи заканчиваются. Бьёрн сказал, что он мгновенно амнистирует любую композицию с более или менее приличной игрой на бутылочных горлышках, и тот факт, что в ней не имелось партии двойных бас-барабанов, хриплого вокала и восхваления черных сил и изъеденных червями трупов, как нравилось Катрине, тоже был плюсом. Она скучала по Бьёрну. Здесь, когда Фалькейд загибал последний палец в сжатый кулак и когда они замахивались тараном, который должен был пробить дверь в квартиру того, кто за последние семь дней убил по меньшей мере четверых, а скорее всего, пятерых, она думала о мужчине, которого бросила.

Раздался грохот, когда замок и дверь были выбиты внутрь квартиры. Третий человек забросил внутрь световую и звуковую гранату, и Катрина Братт закрыла уши руками. Бойцы «Дельты» отбрасывали тени в коридоре

в луче света, проникшем из квартиры, это Катрина успела заметить за ту долю секунды, что предшествовала двум последовавшим ударам.

Трое мужчин вошли в квартиру, приставив к плечам МР-5, четвертый остался стоять снаружи, нацелив оружие на дверной проем.

Она отняла руки от ушей.

Световая и звуковая граната не заглушила «Пинк Флойд».

– Чисто! – Голос Фалькейда.

Полицейский, стоявший снаружи, повернулся к Катрине и кивнул.

Она сделала вдох и направилась к дверям.

Катрина вошла в квартиру. После разрыва гранаты в воздухе висел слабый дым, но, как это ни удивительно, он почти ничем не пах.

Коридор. Гостиная. Кухня. Первое, что ее поразило: все казалось совершенно нормальным. Как будто здесь жил обычный чистоплотный человек, любящий порядок. Он готовил еду, пил кофе, смотрел телевизор, слушал музыку. С потолка не свисали мясницкие крюки, на обоях не было брызг крови, на стенах не были развешаны газетные вырезки со статьями об убийствах и фотографиями жертв.

И ее осенило. Аврора ошиблась.

Она бросила взгляд на открытую дверь в ванную. Комната была ободранной, занавеска в душе отсутствовала, здесь не имелось никаких туалетных принадлежностей, за исключением одной вещи, лежавшей на полочке под зеркалом. Катрина шагнула внутрь. Это оказалась не туалетная принадлежность. На металле виднелись черные пятна краски и коричнево-красная ржавчина. Железные зубы были сомкнуты и образовывали зигзаг.

– Братт!

– Да? – Катрина вернулась в гостиную.

– Здесь, – раздался из спальни голос Фалькейда. Он звучал спокойно, сдержанно. Как будто что-то закончилось.

Катрина перешагнула через дверной порог, высоко подняв ногу, стараясь не прикасаться к двери, как будто она уже знала, что находится на месте преступления. Дверцы шкафа были открыты, бойцы «Дельты» стояли с двух сторон двуспальной кровати, направив стволы автоматов на обнаженное тело, лежавшее поверх одеяла с безжизненными глазами, устремленными в потолок. От того, что Катрина поначалу не смогла идентифицировать, исходил запах, и она склонилась ниже. Лаванда.

Катрина достала телефон и набрала номер. Ей ответили после первого звонка.

– Он у вас? – спросил Бьёрн Хольм запыхавшимся голосом.

– Нет, – ответила она. – Здесь лежит тело женщины.

– Мертвой?
– Во всяком случае, не живой.
– О черт! Это Марта Руд? погоди, что ты имеешь в виду под «не живой»?

– Не живая и не мертвая.

– Что...

– Это секс-кукла.

– Что-о?

– Кукла, которую можно трахать. Дорогая, кажется, сделана в Японии, очень правдоподобно сделана, я сначала, черт возьми, подумала, что это человек. Так или иначе, Александр Дрейер – это Валентин, железная челюсть здесь. Поэтому нам надо просто остаться и ждать, не появится ли он. От Харри есть что-нибудь?

– Нет.

Взгляд Катрины упал на плечики и трусы, валявшиеся на полу перед шкафом.

– Мне это не нравится, Бьёрн, в больнице его тоже не было.

– Никому это не нравится. Объявим его в розыск?

– Харри? А с какой целью?

– Ты права. Не наследите сверх меры, там могли остаться следы Марты Руд.

– Хорошо, но я думаю, что возможные следы смыты. Если судить по квартире, то Харри был прав, Валентин действительно очень чистоплотный и любит порядок. – Ее взгляд снова упал на плечики и трусы. – То есть...

– Да? – спросил Бьёрн после затянувшегося молчания.

– Вот черт, – произнесла Катрина.

– Это означает?..

– Он в полной спешке побросал одежду в сумку или чемодан и забрал туалетные принадлежности из ванной. Валентин знал, что мы идем...

Валентин открыл дверь и увидел, кто топчется у порога. Горничная, склонившаяся к замку его гостиничного номера с карточкой-ключом, выпрямилась.

– Oh, sorry, – улыбнулась она. – I didn't know the room was occupied...
[\[41\]](#)

– I'll take those, – сказал он и взял у нее из рук полотенца. – And could you please clean again?
[\[42\]](#)

– Sorry?..
[\[43\]](#)

– I'm not happy with the cleaning. There are fingermarks on the window

glass. Please clean the room again in, let's say, one hour?^[44]

Удивленное лицо горничной скрылось за дверью, когда он ее захлопнул.

Он положил полотенца на столик в гостиной, уселся в кресло и открыл сумку.

Сирены стихли. Если он слышал те самые сирены, то полиция, возможно, уже в его квартире, по прямой до Синсена было не больше двух километров. Тот, другой, позвонил меньше получаса назад и сообщил, что полиции известно, где он и какое имя он носит, и что ему надо убираться. Валентин собрал только самое важное и бросил машину, поскольку полицейские знали имя, на которое она зарегистрирована.

Он достал из сумки папку и пролистал ее. Взгляд его скользил по фотографиям и адресам. И ему в голову внезапно пришла мысль: он впервые за долгое время не знает, что ему делать.

В его ушах звучал голос психолога:

«...Всего лишь несчастный, потерявший контроль извращенец, который вскоре совершит большую ошибку».

Валентин Йертсен поднялся, разделся, взял полотенца и отправился в ванную, где включил в душе горячую воду. Он стоял перед зеркалом и, глядя, как пар покрывает зеркальную поверхность, ждал, когда вода станет очень горячей. Он смотрел на татуировку. Заверещал телефон, и он знал, кто звонит. Разум. Спасение. С новыми инструкциями и приказами. Может, не стоит отвечать? Не настало ли время перерезать пуповину, спасательный конец? Не пора ли полностью освободиться?

Он набрал в легкие воздуха. И закричал.

Глава 28

Среда, день

– Секс-куклы – это не новость, – сказал Смит и посмотрел на женщину из пластика и силикона на кровати. – Когда нидерландцы владычествовали на семи морях, моряки возили с собой игрушечные имитации вагины, сшитые из кожи. Они были настолько привычными, что китайцы называли их «Dutch wife»^[45].

– Правда? – спросила Катрина, глядя на облаченных в белое ангелов-криминалистов, осматривающих спальню. – Они говорили по-английски?

Смит рассмеялся:

– Got me^[46]. Статьи в профессиональной прессе публикуются на английском. В Японии есть бордели с секс-куклами. В самых дорогих из них есть нагревающиеся элементы, поддерживающие температуру тела, и скелеты, благодаря которым их руки и ноги можно сгибать в естественных и неестественных положениях, и у них автоматическая смазка...

– Спасибо, я думаю, этого достаточно, – перебила его Катрина.

– Конечно, простите.

– Бьёрн объяснил, почему остался в Котельной?

Смит покачал головой.

– У них с Лиен какие-то дела, – ответил Виллер.

– С Берной Лиен? Какие-то дела?

– Он только сказал, что, до тех пор пока это не считается местом предполагаемого убийства, он предоставит право работать другим.

– Дела, – пробормотала Катрина, выходя из спальни.

За ней по пятам шагали двое коллег. Они вышли из квартиры на парковку перед многоквартирными домами. Полицейские остановились позади синей «хонды», у которой два криминалиста проверяли багажник. В квартире они обнаружили ключи и удостоверились, что автомобиль зарегистрирован на Александра Дрейера. Небо над ними было серо-стального цвета, и Катрина видела, как на другой стороне волнистых, поросших травой лугов долины Торсховдален ветер треплет кроны деревьев. Последний прогноз погоды сообщал, что «Эмилия» всего в нескольких часах от Осло.

– Бросить машину было умно, – сказал Виллер.

– Угу, – промычала Катрина.

– Что вы имеете в виду? – спросил Смит.

– Проезд через пункты оплаты дорог, крытые парковки и уличные камеры, – объяснил Виллер. – Можно запустить программу распознавания регистрационных номеров на камерах, это занимает секунды.

– Brave new world, – сказала Катрина.

– О brave new world, that has such people in it^[47], – произнес Смит.

Катрина повернулась к психологу:

– Вы можете представить, куда мог сбежать такой человек, как Валентин?

– Нет.

– «Нет» означает «понятия не имею»?

Смит прижал очки к переносице.

– «Нет» означает «я не могу представить, чтобы он хотел сбежать».

– Почему нет?

– Потому что он зол.

Катрина поежилась:

– Вряд ли вы заставили его злиться меньше, если он слышал ваш подкаст с До.

– О да, – вздохнул Смит. – Возможно, я зашел слишком далеко. Снова. К счастью, у нас хорошие замки и камеры наблюдения после того взлома в хлеву. Но может быть...

– Что «может быть»?

– Может быть, мы чувствовали бы себя в большей безопасности, если бы у меня было оружие, пистолет или что-нибудь подобное.

– Правила не позволяют выдавать вам полицейское оружие без лицензии и прохождения курса.

– Вооружение по необходимости, – напомнил Виллер.

Катрина взглянула на него. Условия вооружения по необходимости, возможно, были соблюдены, а возможно, и нет. Но она представила себе заголовки в газетах после убийства Смита, когда выяснится, что он просил о вооружении по необходимости и получил отказ.

– Ты pomoжeшь Халлстейну затребовать пистолет?

– Да.

– Хорошо. Я попросила Скарре проверить поезда, паромы, самолеты, отели и пансионаты. Будем надеяться, что у Валентина нет документов на другие имена, кроме Александра Дрейера.

Катрина посмотрела на небо. У нее был любовник, занимавшийся параглайдингом, и он рассказывал, что, даже если на земле штиль, на высоте всего двухсот метров ветер может дуть со скоростью машин на

автобане. Дрейер. Dutch wife. Какие-то дела? Пистолет. Злость.

– И дома Харри тоже нет? – спросила она.

Виллер покачал головой:

– Я позвонил в дверь, обошел вокруг дома и заглянул во все окна.

– Пора сообщить Олегу, – сказала она. – У него наверняка есть ключи.

– Сейчас сделаю.

Катрина вздохнула:

– Если мы не найдем Харри там, то нам придется просить «Теленор» определить местоположение его телефона.

К ней подошел один из одетых в белое криминалистов.

– В багажнике кровь, – сказал он.

– Много?

– Да. И это. – Он держал в руках большой пакет для улик, сделанный из прозрачного пластика.

Внутри находилась блузка. Разорванная. Окровавленная. Белая, с кружевами. Так посетители описывали блузку Марты Руд в вечер ее исчезновения.

Глава 29

Среда, вечер

Харри открыл глаза и посмотрел во мрак.

Где он? Что случилось? Сколько времени он провел без сознания? Ощущение было такое, словно ему дали по голове железной трубой. Удары сердца монотонным ритмом отдавались в барабанных перепонках. Единственное, что ему удалось вспомнить, – это что он заперт. Насколько он мог судить, он лежал на полу из холодных плиток. Холодных, как холодильник изнутри. Он лежал на чем-то мокром и вязком. Он поднял руку и посмотрел на нее. Это кровь?

Мало-помалу до Харри стало доходить, что в барабанных перепонках отдаются не удары сердца.

Бас-гитара.

«Kaiser Chiefs»?^[48] Наверняка. Во всяком случае, одна из этих переоцененных английских групп, которые он забыл. Не то чтобы «Kaiser Chiefs» были плохи, но они не были исключительными и поэтому оказались в сером вареве произведений, которые он слышал больше года и меньше двадцати лет назад: они ничем не запомнились. Он помнил каждую ноту и строчку даже из самой дурацкой композиции восьмидесятых годов, а вот промежуток между тем временем и нынешним был как белый лист. Так же как и промежуток между вчера и сегодня. Ничего. Только этот настойчивый бас. Или удары сердца. Или кто-то колотит в дверь.

Харри снова закрыл глаза. Он понюхал свою руку в надежде, что это не кровь, не моча и не рвота.

Бас заиграл не в такт композиции.

Все-таки дверь.

– Закрыто! – прокричал Харри и пожалел об этом, потому что у него появилось ощущение, что голова вот-вот лопнет.

Песня закончилась, зазвучала группа «The Smiths». Харри понял, что он, должно быть, подключил свой собственный телефон к установке, когда устал от «Bad Company». «There Is a Light That Never Goes Out». Наверное, так и было. Стук в дверь продолжался. Харри закрыл уши руками. Но когда композиция дошла до финала, где звучат одни струнные, он услышал, как кто-то выкрикивает его имя. И поскольку вряд ли это был человек, узнавший, что нового владельца бара «Ревность» зовут Харри, да и голос был ему знаком, он поднял руки вверх, схватился за край барной стойки и

подтянулся. Сначала он встал на колени, потом поднялся согнувшись, но это должно было засчитываться как вертикальное положение, поскольку подошвы его ботинок находились на липком полу. Он увидел две пустые перевернутые бутылки «Джима Бима», горлышки которых торчали над краем стойки, и понял, что лежал и мариновался в собственном бургоне.

За окном Харри увидел ее лицо. Похоже, она была одна.

Он провел негнувшимся указательным пальцем по горлу, чтобы показать, что бар закрыт, но она ответила ему выпрямленным средним пальцем и принялась колотить в окно.

И поскольку при этом звуке ему казалось, что его бьют молотком по мягким частям мозга, Харри решил, что с тем же успехом может открыть дверь. Он отпустил стойку и сделал шаг. И упал. Обе ноги ускользнули из-под него, как это вышло? Он снова поднялся и, хватаясь за столы и стулья, добрался до двери.

– Господи! – простонала Катрина, когда он открыл. – Ты пьян!

– Возможно, – сказал Харри. – Хотя хотел бы быть попьянее.

– Мы искали тебя, придурок чертов! Ты был здесь все это время?

– Я не вполне понимаю, что означает «все это время», но на стойке лежат две пустые бутылки. Будем надеяться, что я не спеша получал удовольствие.

– Мы звонили без остановки.

– Мм... Наверное, поставил телефон на режим полета. Хороший плейлист? Слушай. Эта злая дамочка – Марта Уэйнрайт. «Bloody Mother Fucking Asshole». Ничего не напоминает?

– Черт знает что такое, Харри, о чем ты думаешь?

– Думаю, думаю. Я, как ты видишь, нахожусь в режиме полета.

Она схватила его за рукав пиджака:

– Там убивают людей, Харри. А ты стоишь здесь и пытаешься шутить?

– Я пытаюсь шутить каждый чертов день, Катрина. И знаешь, от этого люди не становятся ни здоровее, ни больнее. И похоже, это не имеет никакого влияния на количество убийств.

– Харри, Харри...

Он зашатался и сообразил, что Катрина схватила его за рукав прежде всего для того, чтобы помочь ему удержаться на ногах.

– Мы упустили его, Харри. Ты нужен нам.

– Хорошо. Только сначала я пропущу стаканчик.

– Харри!

– Ты кричишь очень... громко.

– Мы уходим. У меня машина снаружи.

– В моем баре «счастливый час», и я не очень готов работать, Катрина.
– Ты не будешь работать, ты поедешь домой и протрезвеешь. Олег тебя ждет.

– Олег?

– Мы попросили его открыть дом в Хольменколлене. И Олег испугался того, что может там увидеть, поэтому запустил первым Бьёрна.

Харри закрыл глаза. Черт, черт.

– Я не могу, Катрина.

– Чего ты не можешь?

– Позвони Олегу, скажи, что со мной все в порядке, и попроси вернуться к матери.

– Он был решительно настроен дожидаться тебя, Харри.

– Я не хочу, чтобы он увидел меня в таком состоянии. И ты ни для чего не можешь меня использовать. Прости, обсуждать тут нечего. – Он взялся за ручку двери. – Теперь уходи.

– Уйти? И оставить тебя здесь?

– Я справлюсь. С этого момента – только безалкогольные напитки. Может быть, еще немного «Coldplay».

Катрина покачала головой:

– Ты поедешь со мной домой.

– Я не поеду домой!

– Да не к тебе.

Глава 30

Среда, ночь

До полуночи оставался час, в «Ульсене» было полно взрослых посетителей, а от звуков саксофона Джерри Рафферти, доносившихся из динамиков, у стоявших поблизости развевались волосы.

– Звуки восьмидесятых! – прокричала Лиз. – Выпьем!

– Мне кажется, это из семидесятых, – сказала Улла.

– Да-да, но в Манглруд эта музыка пришла только в восьмидесятые.

Они рассмеялись. Улла заметила, как Лиз кивнула мужчине, который, проходя мимо их стола, вопросительно посмотрел на нее.

– На самом деле я здесь второй раз меньше чем за неделю, – сказала Улла.

– Вот как? В прошлый раз было так же весело?

Улла покачала головой:

– Нет ничего веселее, чем пойти куда-нибудь с тобой. Время идет, а ты все такая же.

– Да, – сказала Лиз, склонила голову набок и изучающе посмотрела на подругу. – Но ты изменилась.

– Да ну? Подурнела?

– Нет, и это на самом деле немного раздражает. Но ты больше не улыбаешься.

– Разве?

– Ты улыбаешься, но ты не улыбаешься. Не как Улла из Манглруда.

Улла покачала головой:

– Мы переехали.

– Ну да, у тебя муж, дети и вилла. Но это плохая замена улыбке, Улла. Что случилось?

– Да, что случилось?

Она улыбнулась Лиз, отпила из бокала и огляделась. Средний возраст посетителей соответствовал их собственному, и она не увидела знакомых лиц. Манглруд разросся, люди переезжают сюда и уезжают отсюда. Кто-то умер, кто-то просто исчез. А кто-то сидит дома. Умер и исчез.

– Будет жестоко, если я угадаю? – спросила Лиз.

– Давай угадывай.

Рафферти закончил куплет, и Лиз пришлось кричать, чтобы заглушить заигравший в полную силу саксофон.

– Микаэль Бельман из Манглера. Он украл твою улыбку.

– Это действительно довольно жестоко, Лиз.

– Да, но это правда, так ведь?

Улла вновь подняла бокал с вином.

– Да, наверное, правда.

– Он тебе изменяет?

– Лиз!

– Ну, на самом деле это не такая уж тайна...

– Что «не тайна»?

– Что Микаэль любит женщин. Да ладно, Улла, ты же не до такой степени наивна!

Улла вздохнула:

– Может, и нет. Но что делают в таких ситуациях?

– То, что я, – сказала Лиз, вынула бутылку белого вина из ведерка со льдом и налила им обоим. – Плати той же монетой. Твое здоровье!

Улла почувствовала, что ей пора переходить на воду.

– Я пыталась, но у меня не вышло.

– Попробуй еще раз!

– Но что хорошего это принесет?

– Поймешь, когда сделаешь. Ничто не починит развалившуюся сексуальную жизнь в семье так, как плохой секс со случайным человеком.

Улла рассмеялась:

– Дело не в сексуальной жизни, Лиз.

– А в чем тогда?

– В том... что я... ревную.

– Улла Сварт ревнует? Невозможно быть такой красивой и при этом ревнивой.

– Но это так, – протестовала Улла. – И это причиняет дьявольскую боль! Я хочу дать ему сдачи.

– Понятно, что ты должна дать ему сдачи, сестренка! Трахни его по больному месту... я хочу сказать...

Вино брызнуло во все стороны, когда они обе рассмеялись.

– Лиз, ты напилась!

– Я пьяна и счастлива, фру супруга начальника полиции. А ты пьяна и несчастна. Позвони ему!

– Позвонить Микаэлю? Сейчас?

– Да не Микаэлю, дурища! Позвони тому счастливцу, кому сегодня ночью достанется то, что у тебя между ног.

– Что? Нет, Лиз!

– Да, давай! Звони ему сейчас! – Лиз указала пальцем на телефонный закуток. – Позвони ему из кабинки, чтобы он тебя слышал! Да, из кабинки, это очень правильно.

– Правильно? – рассмеялась Улла и посмотрела на часы. Скоро ей надо ехать домой. – Почему это?

– Почему? Господи, Улла! Да потому, что там Микаэль в тот раз трахнул Стину Микаэльсен!

– В чем дело? – спросил Харри.

Комната вокруг него кружилась.

– Ромашковый чай, – сказала Катрина.

– Музыка, – ответил Харри и почувствовал, как выданный ему шерстяной свитер покалывает кожу.

Его собственная одежда сохла в ванной, и, хотя дверь в нее была закрыта, он улавливал сладковатый запах спирта. Значит, органы чувств действуют, а комната все-таки плывет.

– «Beach House». Не слышал раньше?

– Не знаю, – сказал Харри. – В этом-то и проблема. Я начал забывать.

Он ощущал грубое плетение покрывала, которого хватало на всю низкую кровать шириной два метра, единственный предмет мебели в комнате, за исключением письменного стола с одним стулом и старой доброй стереоустановки, на которой стояла одинокая стеариновая свечка. Харри предположил, что и шерстяной свитер, и стереоустановка принадлежат Бьёрну Хольму. Казалось, что музыка перемещается по комнате. С Харри такое уже случалось раньше несколько раз: после того как он достигал границы алкогольного отравления и снова начинал всплывать к поверхности, он мог испытывать хорошее опьянение, словно посещал все те места, в которых побывал по дороге вниз.

– Так и случается, – сказала Катрина. – Мы начинаем с того, что у нас все есть, а потом мало-помалу все теряем. Силу. Молодость. Будущее. Людей, которых любим...

Харри попытался вспомнить, что Бьёрн просил его сказать Катрине, но от него это ускользало. Ракель. Олег. И когда он почувствовал, как подступают слезы, их вытеснил приступ ярости. Конечно, черт возьми, мы их теряем, всех тех, за кого мы пытаемся держаться, сама судьба пренебрегает нами, делая нас маленькими и жалкими. И когда мы плачем о тех, кого теряем, мы плачем не из сострадания, потому что нам прекрасно известно, что они наконец избавились от боли. И все равно мы плачем. Мы плачем, потому что остаемся одни. Мы плачем из сострадания к самим

себе.

– Ты где, Харри?

Он почувствовал ее ладонь на своем лбу. Окно затрещало от внезапного порыва ветра. С улицы раздался звук удара чего-то рухнувшего на землю. Ураган. Он пришел.

– Я здесь, – ответил Харри.

Комната плыла. Он чувствовал тепло не только от руки, но и от всего ее тела, хотя они лежали на расстоянии полуметра друг от друга.

– Я хочу умереть первым, – сказал он.

– Что?

– Я не хочу потерять их. Пусть они потеряют меня. Пусть *они* хоть раз почувствуют это.

Ее смех был мягким.

– Харри, ты сейчас воруешь мои реплики.

– Правда?

– Когда я была в больнице...

– Да? – Харри закрыл глаза, когда ее рука просунулась под его шею, осторожно сжала ее и послала толчок в мозг.

– Мне все время меняли диагноз. Маниакальная депрессия, пограничное расстройство, биполярное расстройство. Но во всех отчетах повторялось одно: суицидальные наклонности.

– Мм...

– Но это проходит.

– Да, – сказал Харри. – А потом возвращается. Так ведь?

Катрина снова рассмеялась:

– Ничто не конечно, жизнь по определению временна и переменчива. Это больно, но именно из-за этого ее можно проживать.

– This too shall pass^[49].

– Будем надеяться. Знаешь что, Харри? Ты и я, мы похожи. Мы созданы для одиночества. Нас тянет к одиночеству.

– Мы оба избавляемся от тех, кого любим, ты хочешь сказать?

– А мы от них избавляемся?

– Я не знаю. Знаю только, что, когда иду по тончайшему льду счастья, я до смерти боюсь, я так боюсь, что хочу, чтобы все закончилось и я оказался в воде.

– И поэтому мы убегаем от наших любимых, – сказала Катрина. – Алкоголь. Работа. Случайный секс.

«То, для чего нас можно использовать, – подумал Харри. – Пока они истекают кровью».

– Мы не можем их спасти, – сказала Катрина, как бы в ответ на его мысли. – А они не могут спасти нас. Спасти себя можем только мы сами.

Харри почувствовал шевеление матраса и понял, что она повернулась к нему, ощутил ее теплое дыхание на своей щеке.

– В твоей жизни это было, Харри, у тебя был тот единственный человек, которого ты любил. У вас обоих это было. И я не знаю, кому из вас двоих я больше завидовала.

Что сделало его таким чувствительным, чего он наглотался, экстази или кислоты? И в таком случае откуда он это взял? Он понятия не имел, последние сутки были для него черной дырой.

– Говорят, что не надо горевать авансом, – сказала Катрина. – Но когда ты знаешь, что впереди тебя ждет одно только горе, то способность горевать авансом – твоя единственная подушка безопасности. А лучший аванс – это проживать каждый день так, будто он последний. Или как?

«Beach House». Он помнил эту композицию. «Wishes». Уже кое-что. И он помнил бледное лицо Ракели на белой подушке, на свету и одновременно во мраке, не в фокусе, близкое, но одновременно далекое, лицо под темной водой, прижимающееся ко льду снизу. И он помнил слова Валентина: «Ты такой же, как я, Харри, ты этого не выносишь».

– Что бы ты сделал, Харри, если бы знал, что скоро умрешь?

– Я не знаю.

– Ты бы...

– Я сказал, что не знаю.

– Чего ты не знаешь? – прошептала Катрина.

– Хотел бы я тебя трахнуть или нет.

В наступившей тишине он слушал скребущий звук металла, подгоняемого ветром по асфальту.

– Почувствуй, – прошептала она. – Мы умираем.

Харри перестал дышать. «Да, – подумал он. – Я умираю». Он ощутил, что она тоже перестала дышать.

Халлстейн Смит слышал, как ветер воет в водостоках на крыше, и чувствовал сквозняк, проходящий прямо сквозь стену. Хотя они сделали настолько хорошую изоляцию, насколько это было возможно, дом был и оставался хлевом. «Эмилия». Он читал, что во время войны вышел роман, в котором рассказывалось об урагане под названием «Мария», и что именно этот роман положил начало традиции называть ураганы женскими именами. Но эта система изменилась, когда в семидесятые годы умами завладела мысль о равноправии, и общественность настояла на том, чтобы

разрушительным катастрофам присваивали также и мужские имена. Он посмотрел на улыбающееся лицо над иконкой «Скайпа» на большом компьютерном мониторе. Голос слегка опережал движения губ:

– I think I have what I need, thank you so much for being with us, mister Smith. At what for you must very late, no? Here in LA it's nearly three p. m., and in Sweden?^[50]

– Norway. Almost midnight. – Халлстейн Смит улыбнулся. – No problem, I'm only glad the press finally realize vampyrism is for real and are seeking information about it^[51].

Они закончили разговор, и Смит снова залез в свой электронный почтовый ящик.

Тринадцать писем значились неп прочитанными, но по адресам отправителей и темам сообщений он видел, что это запросы об интервью и лекциях. Смит еще не открывал письма из журнала «Психология сегодня». Он знал, что это не к спеху. Он хотел попридержать это письмо. Насладиться им.

Смит посмотрел на часы. Он уложил детей в половине девятого и, как обычно, выпил чашку чая с Май за кухонным столом, они рассказали друг другу о своем дне, поделились маленькими радостями и горестями. В последние дни он, вполне естественно, мог рассказать больше, чем Май, однако он следил за тем, чтобы маленькие, но оттого не менее важные домашние дела занимали в разговоре столько же места, сколько и его работа. Потому что он говорил ей правду: «Я слишком много болтаю, а про того убогого вампириста можешь прочесть в газетах, дорогая».

Он посмотрел в окно: ему был виден краешек фермерского дома, в котором сейчас лежали в кроватях и спали все, кого он любил. Стены потрескивали. Луна то выплывала из-за темных туч, бегущих по небу все быстрее, то снова скрывалась, а нагие ветви мертвого дуба на лугу качались, словно хотели предупредить их, что надвигается нечто, грядут разрушение и новые смерти.

Смит открыл электронное письмо с приглашением стать основным докладчиком на психологическом семинаре в Лионе. В прошлом году тот же семинар прислал отказ на его заявку выступить. Сначала он сформулировал в голове ответ, в котором благодарил за приглашение, говорил, что это большая честь, но он вынужден отдать приоритет важным семинарам и поэтому должен отказаться от участия, пусть пригласят его в другой раз. Но потом он посмеялся и покачал головой, расстраиваясь от собственных мыслей. Не было никаких причин заирать нос, этот

внезапный интерес к вампиристам пройдет, как только прекратятся нападения. Он поблагодарил и согласился, зная, что мог бы выдвинуть более высокие требования и к транспорту, и к размещению, и к гонорару, но не решился. У него было то, в чем он нуждался, и он просто хотел, чтобы они его *выслушали*, чтобы они отправились вместе с ним в путешествие по дебрям человеческой психики, признали его работу и чтобы они вместе поспособствовали улучшению жизни людей. Вот и все. Смит посмотрел на часы. Без трех минут двенадцать. Он услышал какой-то звук. Конечно, это мог быть ветер. Смит бросил взгляд на картинки с камер наблюдения, выведенные на монитор. Первая картинка, которую он вывел, оказалась с камеры у ворот. Ворота были открыты.

Трульс наводил порядок.

Она позвонила. Улла позвонила.

Он положил грязную посуду в посудомойку, протер два винных бокала – у него сохранилась бутылка вина, которую он купил так, на всякий случай, для того вечера, когда они встречались в «Ульсене». Он сложил пустые коробки из-под пиццы, попытался закинуть их в мусорный мешок, но тот порвался. Черт. Трульс засунул их за ведро для мытья пола в углу шкафа. Музыка. Что она любит? Он стал вспоминать прошлое. Он слышал какие-то мелодии, но не представлял, что это за музыка. Что-то про баррикады. «Duran-Duran»? Так, немного похоже на «A-ha». Да, у него есть первая пластинка «A-ha». Свечи. Черт. Раньше к нему сюда уже приходили женщины, но в тех случаях атмосфера не играла такой роли. До «Ульсена» отсюда рукой подать. Несмотря на приближение урагана, найти такси в среду вечером будет несложно, поэтому она могла появиться в любой момент, а значит, он не мог залезть в душ, поэтому ему придется довольствоваться мытьем члена и подмышек. Или подмышек и члена, в таком порядке. Черт, какой же у него стресс! Он настроился на спокойный вечер со свиданием с Меган Фокс прошлых лет, как вдруг звонит Улла и спрашивает, нельзя ли заскочить к нему ненадолго. Что, кстати, она имеет в виду под «ненадолго»? Что она ускользнет, как в прошлый раз? Футболка. Та, из Таиланда, с надписью «SAME SAME, BUT DIFFERENT»?^[52] Она может не понять юмора. И возможно, Таиланд наведет ее на мысли о болезнях, передающихся половым путем. А как насчет рубашки от Армани из торгового центра MBK в Бангкоке? Нет, в синтетике он начнет потеть, и к тому же станет понятно, что на нем дешевая подделка. Трульс натянул белую футболку неизвестного происхождения и поспешил в ванную. Он заметил, что унитаз надо почистить щеткой. Но сначала самое главное...

Трульс стоял у раковины, держа в руках член, когда раздался звонок в дверь.

Катрина смотрела на звонящий телефон.

Приближалась полночь, сила ветра в последние минуты увеличилась, он дул порывами, от которых там, снаружи, выло, трещало и грохотало, но Харри спал не шевелясь.

Она сняла трубку.

– Это Халлстейн Смит. – Он говорил возбужденным шепотом.

– Я вижу, и что у вас?

– Он здесь.

– Кто?

– Я думаю, это Валентин.

– Что вы такое говорите?

– Кто-то открыл ворота, и я... боже мой, я слышу, как открывается дверь в хлев. Что мне делать?

– Ничего не делайте... Попытайтесь... Вы можете спрятаться?

– Нет. Я вижу его на камере в коридоре. Господи, это он! – Казалось, Смит вот-вот расплачется. – Что мне делать?

– Черт, дайте мне подумать... – простонала Катрина.

Из ее руки выхватили телефон.

– Смит? Это Харри, я с тобой. Ты запер дверь в кабинет? Хорошо, тогда запри и погаси свет. Тихо и спокойно.

Халлстейн Смит смотрел на монитор компьютера.

– Так, я заперся и выключил свет.

– Ты его видишь?

– Нет. Да, теперь я его вижу.

Халлстейн увидел силуэт мужчины, который появился в конце коридора, наступил на весы, покачался, восстановил баланс и пошел мимо загонов прямо на камеру. Когда мужчина проходил под одной из ламп, его лицо осветилось.

– Господи, это он, Харри! Это Валентин!

– Спокойно.

– Но... ворота запираются, значит у него есть ключи, Харри. Может быть, и от двери в кабинет тоже.

– Ага. У тебя там есть окно?

– Да, но оно слишком узкое и расположено слишком высоко.

– А что-нибудь тяжелое, чем можно ударить?

– Нет. У меня... у меня ведь есть пистолет.
– У тебя есть пистолет?
– Да, он здесь, в ящике. Но я не успел поупражняться с ним.
– Дыши, Смит. Как он выглядит?
– Э-э... черный. В Полицейском управлении сказали, что это какой-то «глок».

– «Глок-семнадцать». Магазин в нем?
– Да. И они сказали, он заряжен. Но я не вижу никакого предохранителя.

– Все нормально, он в спусковом крючке, так что, для того чтобы выстрелить, тебе потребуется лишь нажать на курок.

Смит прижал телефон ко рту и прошептал как мог тихо:

– Я слышу, как в замок вставляют ключ.

– Какое расстояние до двери?

– Два метра.

– Встань и возьми пистолет обеими руками. Помни, что ты в темноте, а у него свет за спиной, так что он будет видеть тебя не слишком хорошо. Если он безоружен, кричи «Полиция, встать на колени!». Если увидишь оружие, стреляй три раза. Три раза. Понятно?

– Да.

Дверь перед Смитом открылась.

И там стоял он, силуэт на фоне света, падающего из хлева у него за спиной. Халлстейну Смигу не хватало воздуха, казалось, его высосали из комнаты, когда мужчина, стоявший перед ним, поднял руку. Валентин Йертсен.

Катрина вздрогнула. Из телефонной трубки донесся грохот, несмотря на то что Харри плотно прижимал ее к уху.

– Смит? – прокричал Харри. – Смит, ты там?

Ответа не последовало.

– Смит!

– Валентин застрелил его! – простонала Катрина.

– Нет, – проговорил Харри.

– Нет? Ты велел, чтобы он выстрелил три раза, а он не отвечает!

– Там был звук «глока», а не «ругера».

– Но поче...

Катрина замолчала, услышав голос в телефоне. Она посмотрела на глубоко сосредоточенное лицо Харри, безуспешно пытаясь решить, кого он слушает: Смита или голос, который она слышала только на старых записях

допросов, высокий голос, от которого у нее случались кошмары. И сейчас он рассказывает Харри, что он собирается сделать с...

– Хорошо, – сказал Харри. – Ты взял его револьвер? Прекрасно, убери его в ящик и сядь так, чтобы хорошо видеть Валентина. Если он лежит в дверях, то пусть там и остается. Он шевелится? Он издает какие-нибудь звуки? Ну и ладно. Нет, никакой первой помощи. Если его ранили, то он только и ждет, чтобы ты подошел. Если он мертв, то уже поздно. А если он где-то посередине, то ему не повезло, потому что ты будешь просто сидеть и сторожить. Ты понял, Смит? Хорошо. Мы будем у тебя через полчаса, я позвоню из машины. Не отводи от него взгляда и позвони своей жене, скажи, чтобы они не выходили из дому и что мы едем.

Катрина взяла у него телефон и увидела, как Харри выскользнул из кровати и скрылся в ванной. Она думала, что он кричит, но потом поняла, что его рвет.

У Трульса так вспотели ладони, что он чувствовал это сквозь ткань брюк.

Улла была пьяна. И тем не менее она скованно сидела на самом краешке дивана и держала перед собой, как оружие, бутылку пива, которую он ей дал.

– Подумать только, я в первый раз у тебя дома, – произнесла она, слегка гнусава. – А мы с тобой знакомы... сколько лет?

– С пятнадцати лет, – ответил Трульс, который прямо сейчас был не в состоянии производить в уме сложные расчеты.

Улла задумчиво улыбнулась и кивнула, точнее, ее голова просто упала вперед.

Трульс прочистил горло:

– На улице реальный ветер. Эта «Эмилия»...

– Трульс...

– Да?

– Ты хотел бы переспать со мной?

Он сглотнул.

Она хихикнула, не поднимая головы:

– Трульс, я надеюсь, эта пауза не означает...

– Конечно я бы хотел, – ответил Трульс.

– Хорошо, – сказала Улла. – Хорошо. – Она подняла голову и посмотрела на него мутным взглядом. – Хорошо.

Ее голова покачивалась на тонкой шее, как будто была наполнена чем-то тяжелым. Тяжелым духом. Тяжелыми мыслями. Но сейчас Трульсу не

стоило об этом думать. Сейчас перед ним был его шанс. Лазейка, о которой он мечтал, но которую никогда не надеялся получить: разрешение трахнуть Уллу Сварт.

– У тебя есть спальня, где мы могли бы это сделать?

Он посмотрел на нее и кивнул. Она улыбнулась, хотя совсем не казалась радостной. Да и черт с ним. Радоваться может ее бабушка. Улла Сварт была возбуждена, и сейчас только это имело значение. Трульс хотел протянуть руку, погладить ее по щеке, но рука его не послушалась.

– Что-то не так, Трульс?

– Не так? Нет, что может быть не так?

– Ты кажешься таким...

Он ждал, но продолжения не последовало.

– Каким же? – спросил он.

– Потерянным. – Вместо его руки действовать начала ее рука, она погладила его по щеке. – Бедный, бедный Трульс.

Он чуть было не оттолкнул ее руку, не оттолкнул руку Уллы Сварт, которая после всех этих лет потянулась и прикоснулась к нему без презрения и отвращения. Что, черт возьми, с ним происходит? Баба хочет, чтобы ее трахнули, все просто и понятно, и эту работу он должен сделать, у этого парня никогда не было проблем со стояком, скажем так. Ему надо всего-навсего поднять ее с этого дивана, пройти в спальню, скинуть тряпки и проскользнуть в нее. И пусть она кричит, и стонет, и охает, он не остановится, пока она не...

– Ты плачешь, Трульс?

«Плачешь»? Баба настолько нажралась, что у нее начались видения.

Он увидел, как она отняла руку и прижала ее к губам.

– Настоящие соленые слезы, – сказала она. – Ты чем-то расстроен?

И теперь Трульс почувствовал. Почувствовал, как по его щекам течет что-то теплое. Почувствовал, что из носа тоже потекло. Почувствовал давление в горле, как будто он пытался проглотить что-то слишком большое, что может взорваться или задушить его.

– Это из-за меня? – спросила Улла.

Трульс покачал головой, будучи не в состоянии говорить.

– Из-за... Микаэля?

Вопрос был настолько идиотским, что Трульс почти разозлился. Конечно, дело не в Микаэле. Почему, черт возьми, в Микаэле? Он вроде бы считался лучшим другом Трульса, но с детства пользовался любой возможностью подразнить его перед другими, однако прикрывался Трульсом, когда им грозила драка. А позже, когда оба они работали в

полиции, Трульсу чертову Бивису приходилось исполнять грязную работу, которую надо было делать, чтобы Микаэль Бельман смог забраться туда, куда забрался. С чего бы это Трульсу сидеть и лить слезы о дружбе, которая на самом деле была всего лишь союзом двух прибившихся друг к другу аутсайдеров, один из которых добился успеха, а второй стал классическим неудачником? Ни за что. Так в чем же дело? Почему случилось так, что, когда неудачник может взять реванш и трахнуть жену второго, он начал хныкать, как старуха? Трульс увидел слезы в глазах Уллы. Улла Сварт. Трульс Бернтсен. Микаэль Бельман. Существовали они трое. А все остальные манглрудцы пускай катятся ко всем чертям. Потому что у них никого больше не было. Только они сами были друг у друга.

Улла вынула из сумочки носовой платок и аккуратно промокнула под глазами.

– Думаешь, мне надо уйти? – шмыгнула она носом.

– Я... – Трульс не узнавал собственного голоса. – Я ни черта не понимаю, Улла.

– Я тоже, – рассмеялась она, посмотрела на следы от косметики на носовом платке и убрала его обратно в сумочку. – Прости меня, Трульс. Это была плохая идея. Я пойду.

Трульс кивнул.

– В другой раз, – сказал он. – В другой жизни.

– Попал в точку, – ответила она, поднимаясь.

После того как за ней захлопнулась дверь, Трульс продолжал стоять в коридоре и прислушиваться к эху ее шагов на лестнице, постепенно становившихся все тише и тише. Потом он услышал, как внизу открылась дверь. И закрылась. Улла ушла. Совсем ушла.

Он почувствовал... да, что же он почувствовал? Облегчение. Но еще отчаяние, почти невыносимое, вызывающее боль в груди и животе, из-за которого он на мгновение подумал, что в шкафу в спальне у него есть оружие и он мог бы закончить все здесь и сейчас. Потом он опустился на колени и прижался лбом к дверному коврику. И рассмеялся. Фыркающий смех никак не затихал, а, наоборот, становился все громче и громче. Черт возьми, жизнь прекрасна!

Сердце Халлстейна Смита все еще громко колотилось.

Он сделал так, как велел Харри: не отводил взгляда и дула пистолета от неподвижного мужчины, лежащего на пороге двери. Смит почувствовал тошноту, когда увидел расплзающуюся по полу лужу крови. Он не должен начать блевать, не должен потерять самообладание. Харри сказал, чтобы он

выстрелил три раза. Стоило ли выпустить в него еще две пули? Нет, он мертв.

Дрожащими пальцами Смит набрал номер Май. Она ответила мгновенно:

– Халлстейн?

– Я думал, ты спишь, – сказал он.

– Я сижу на кровати с детьми. Они не могут заснуть из-за урагана.

– Понятно. Слушай, скоро сюда приедет полиция. С мигалками и, возможно, сиренами, так что не пугайтесь.

– Пугаться чего? – спросила она, и он услышал, что у нее задрожал голос. – Что происходит, Халлстейн? Мы слышали хлопок. Это ветер или... что-то другое?

– Май, успокойся. Все в порядке.

– Я слышу по твоему голосу, что не все в порядке, Халлстейн! Дети сидят и плачут!

– Я... я приду и все объясню.

Катрина вела машину по узкой гравийной дорожке, петляющей между лугами и рощами.

Харри положил телефон в карман.

– Смит ушел в фермерский дом, чтобы позаботиться о семье.

– Ну и ничего страшного, – сказала Катрина.

Харри не ответил.

Ветер все усиливался. Катрине приходилось объезжать упавшие ветки и другой мусор на дороге, идущей мимо рощ, а на открытых участках – крепко держать руль, когда порывы ветра настигали автомобиль.

Телефон Харри зазвонил, когда она свернула в распахнутые ворота поместья Смита.

– Мы на месте, – ответил Харри. – Когда прибудете, оцепите район, но ничего не трогайте, пока не приедут криминалисты.

Катрина остановилась у хлева и выскочила из машины.

– Показывай дорогу, – велел Харри и проследовал за ней в дверь хлева.

Она услышала, как Харри чертыхается у нее за спиной, когда она свернула направо, к кабинету.

– Прости, забыла предупредить о весах, – сказала Катрина.

– Дело не в этом, – откликнулся Харри. – Я вижу здесь на полу кровь.

Катрина остановилась у открытой двери в кабинет и уставилась на лужу крови на полу. Черт. Валентина не было.

– Позаботься о Смидах, – сказал Харри у нее за плечом.

– Что...

Она повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Харри выходит из хлева через левую дверь.

Когда Харри включил фонарик в телефоне и направил его свет на землю, на него напал ветер. Он восстановил равновесие. На светло-сером гравии виднелись пятна крови. Харри пошел по тонкому следу из пятен, который указывал, в какую сторону сбежал Валентин. Ветер в спину. К фермерскому дому.

Нет...

Харри достал «глок». Он не стал терять время на то, чтобы проверить, лежит ли револьвер Валентина в ящике стола в кабинете, поскольку все равно должен был исходить из того, что убийца вооружен.

Следы исчезли.

Харри покрутил телефоном и облегченно вздохнул, когда увидел, что они свернули с гравийной дорожки в сторону от дома, на сухую желтую траву, в поля. Здесь тоже было легко идти по кровавому следу. Ветер, должно быть, уже набрал полную силу урагана, и Харри почувствовал, как первые капли дождя ударили в щеку, будто снаряды. Когда хлынет ливень, он за несколько секунд смоет все следы.

Валентин закрыл глаза и стал ртом хватать ветер. Как будто он мог вдохнуть в него новую жизнь. Жизнь. Почему так, почему все обретает свою подлинную цену только тогда, когда всего можно лишиться? Ее. Свободы. А теперь и жизни.

Жизни, которая вот-вот из него вытечет. Он чувствовал, как кровь наполняет ботинки, холодит. Он ненавидел кровь. Это тот, другой, любил кровь. Другой, с кем он заключил пакт. И когда же он понял, что это не он, а тот, другой, кровавый человек был дьяволом? Что это он, Валентин Йертсен, продал и потерял свою душу? Валентин Йертсен поднял лицо к небу и рассмеялся. Ураган пришел сюда. Демон был свободен.

Харри бежал, держа «глок» в одной руке, а телефон – в другой.

Через открытое пространство, вниз по холму с попутным ветром. Валентин был ранен и выбрал самый легкий путь, чтобы как можно больше увеличить расстояние между собой и теми, кто скоро должен прийти. Харри чувствовал, как стук шагов отдается в голове, чувствовал, что желудок снова собирается вывернуться, но проглотил рвоту. Он думал о лесной тропинке. О парне в новом костюме «Under Armour» на тропинке

вперед. И бежал.

Приблизившись к роще, он сбросил скорость и понял, что, для того чтобы изменить направление, ему надо опереться на ветер.

Среди деревьев находился низкий полуразрушенный сарай. Гнилые доски, гофрированный металл. Может быть, место для инструментов, а может, убежище для скота на время дождя.

Харри направил свет на сарай. Он не слышал ничего, кроме урагана, было темно, а он едва умел различать запах крови в теплый день при нужном направлении ветра. И все же он *знал*, что Валентин здесь. Это знание посещало его через равные промежутки времени, но прежде он всегда ошибался.

Харри снова осветил землю. Расстояние между пятнами крови сократилось, и они стали не такими вытянутыми. Здесь Валентин тоже сбавил скорость. Потому что хотел обдумать ситуацию. Или потому что вымотался. Потому что *должен* был остановиться. А кровавые следы, которые до этого места шли прямой полосой, тут свернули. К сараю. Харри не ошибался.

Он прибавил ходу и рванул вперед, к роще справа от сарая. Пробежал немного между деревьями, остановился, выключил фонарик в телефоне, поднял «глок» и пошел по дуге, чтобы подойти к сараю с другой стороны. Потом он лег и пополз по земле вперед.

Сейчас ветер дул ему в лицо, и это уменьшало шансы на то, что Валентин его услышит. Наоборот, ветер относил звуки в сторону Харри, и он различил далекий вой полицейских сирен, перемежаемый порывами ветра.

Харри переполз через поваленное дерево. Бесшумная вспышка молнии. И там, у сарая, вырисовался силуэт. Это был Валентин. Он сидел между двумя деревьями спиной к Харри, всего в пяти-шести метрах от него.

Харри направил пистолет на силуэт:

– Валентин!

Его крик частично был заглушен запоздавшим раскатом грома, но он заметил, как силуэт перед ним замер.

– Ты у меня на мушке, Валентин. Положи оружие.

Казалось, ветер внезапно ослабел, и Харри услышал другой звук. Высокий. Смех.

– Харри, ты снова вышел поиграть.

– Не стоит прекращать игру, пока она не выиграна. Положи оружие.

– Ты перехитрил меня. Как ты догадался, что я снаружи сарая, а не

внутри?

– Потому что теперь я тебя знаю, Валентин. Ты думал, что сначала я обыщу самые очевидные места, и устроился снаружи, чтобы прикончить последнюю душу.

– Чтобы взять попутчика. – Валентин хрипло закашлялся. – Наши души – близнецы, и они отправятся в одно место, Харри.

– Положи оружие, или я стреляю.

– Я часто думаю о своей матери, Харри. А ты?

Харри видел, как затылок Валентина раскачивается в темноте из стороны в сторону. Внезапно его осветила новая вспышка молнии. Новая капля дождя. На этот раз тяжелая и крупная, упавшая вертикально. Они находились в оке урагана.

– Я думаю о ней, потому что она – единственный человек, которого я ненавидел больше, чем себя самого, Харри. Я пытаюсь уничтожить больше, чем уничтожила она, но не знаю, возможно ли это. Она уничтожила меня.

– И больше уже невозможно? Где Марта Руд?

– Нет, больше невозможно. Потому что я уникален, Харри. Ты и я, мы не такие, как они. Мы уникальные.

– Прости, что разочарую тебя, Валентин, но я не уникален. Где она?

– Две плохие новости, Харри. Первая: можешь забыть о рыжеволосой девчонке. Вторая: нет, ты уникален. – Снова смех. – Отвратительно думать об этом, не так ли? Ты сбегаешь в нормальность, в людскую усредненность, и думаешь, что обретаешь чувство принадлежности, становишься настоящим собой. Но настоящий ты сидишь сейчас здесь, Харри. И размышляешь, убить или нет. И ты пользуешься этими девчонками – Авророй, Мартой, – чтобы поддерживать огонь своей прекрасной ненависти. Потому что сейчас твоя очередь решать, жить кому-то или умереть, и ты наслаждаешься этим. Ты наслаждаешься тем, что ты бог. Ты мечтал быть мной. Ты ждал своей очереди стать вампиром. Ты испытываешь жажду, просто признай это, Харри. И однажды ты напьешься.

– Я не такой, как ты, – сказал Харри, сглотнув.

Он услышал шум в голове. Ощутил очередное дуновение ветра. И новую каплю дождя, разбившуюся о руку с пистолетом. Вот так. Скоро они покинут тихое око урагана.

– Ты такой же, как я, – сказал Валентин. – Поэтому тебя тоже обманывают. Ты и я, мы думаем, что мы умные черти, но в конце концов всех нас обманывают, Харри.

– Не...

Валентин резко повернулся, и Харри успел заметить направленное на него длинное дуло, прежде чем нажать на курок «глока». Один раз, два раза. Новая молния осветила лес, и Харри увидел тело Валентина, которое, подобно молнии, застыло в изломанной позе на фоне неба. Выпученные глаза, открытый рот, красная от крови рубашка на груди. В правой руке он держал отломанную ветку, которой целился в Харри. Потом он упал.

Харри встал и подошел к Валентину. Тот стоял на коленях, торс его поддерживало дерево, он смотрел в никуда. Он был мертв.

Харри поднес пистолет к груди Валентина и снова спустил курок. Раскат грома заглушил выстрел.

Три выстрела.

Не потому, что в этом был какой-то смысл, но потому, что того требовала музыка, так шло повествование. Должно быть три.

Приближалось нечто, звучащее как грохот копыт о землю, оно сгущало воздух перед собой и заставляло деревья клониться книзу.

А потом пришел дождь.

Глава 31

Среда, ночь

Харри сидел за кухонным столом Смитов с чашкой чая в руках и полотенцем на шее. Дождевая вода стекала с его одежды на пол. Ветер по-прежнему выл, а дождь бил в стекло, и мокрое окно искажало полицейские машины во дворе, похожие на НЛО с синими мигающими огнями. Казалось, что вода притормозила потоки воздуха. Луна. Пахло луной.

Харри подумал, что сидящий напротив него Халлстейн Смит по-прежнему пребывает в шоке. Зрачки его были расширенными, а взгляд – апатичным.

– Ты совершенно уверен в том...

– Да, теперь он точно мертв, Халлстейн, – сказал Харри. – Но не факт, что я остался бы в живых, если бы ты не забрал его револьвер, когда уходил.

– Не знаю, почему я это сделал, я думал, он умер, – прошептал Смит металлическим голосом робота и уставился на стол, куда рядом с пистолетом, из которого он ранил Валентина, положил красный длинноствольный револьвер. – Я думал, что попал ему прямо в грудь.

– Ты и попал, – сказал Харри.

Луна. Так рапортовали астронавты: Луна пахнет горелым порохом. Запах исходил частично от пистолета в куртке Харри, но в основном от пистолета «глок», лежавшего на столе. Харри поднял красный револьвер Валентина и понюхал дуло. Оно тоже пахло порохом, но не так сильно. В кухню вошла Катрина. С ее черных волос лилась дождевая вода.

– Криминалисты сейчас у Валентина Йертсена.

Она посмотрела на револьвер.

– Из него стреляли, – отметил Харри.

– Нет-нет, – прошептал Смит и механически покачал головой. – Он только направил его на меня.

– Не сейчас, – сказал Харри, глядя на Катрину. – Запах пороха сохраняется несколько дней.

– Марта Руд? – предположила Катрина. – Ты думаешь...

– Я выстрелил первым. – Смит поднял остекленевшие глаза. – Я выстрелил в Валентина. И теперь он мертв.

Харри наклонился вперед и положил руку ему на плечо:

– И поэтому ты жив, Халлстейн.

Смит медленно кивнул.

Харри взглядом велел Катрине позаботиться о Халлстейне и поднялся:

– Пойду в хлев.

– Только не дальше, – предупредила Катрина. – Они захотят поговорить с тобой.

Харри кивнул. Внутреннее расследование.

– Он знал, – прошептал Смит. – Он знал, где я.

Харри пробежал от фермерского дома к хлеву и все равно промок до нитки, прежде чем попал в кабинет. Он уселся за стол и стал оглядывать помещение. Взгляд его остановился на изображении человека с крыльями летучей мыши. Оно производило впечатление одиночества, а не чего-то неприятного. Возможно, поэтому оно казалось таким знакомым. Харри закрыл глаза.

Ему надо было выпить. Он отмел эту мысль и снова открыл глаза. Монитор компьютера был разделен на две части, по одному изображению с каждой камеры наблюдения. Харри взял мышку, навел стрелку на часы, промотал назад, на три минуты до полуночи, потому что где-то в это время позвонил Смит. Спустя приблизительно двадцать секунд в картинку перед воротами скользнул человек. Валентин. Он пришел слева. С главной дороги. Автобус? Такси? У него уже был наготове белый ключ, он отпер ворота и вошел. Ворота за ним закрылись, но замок не защелкнулся. Через пятнадцать-двадцать секунд Харри увидел Валентина на картинке с другой камеры, направленной на весы и стойла. Валентин чуть не потерял равновесие на металлической подставке, и стрелка весов позади него показала, что этот монстр, убивший столько людей, причем некоторых голыми руками, весил всего семьдесят четыре килограмма, на двадцать два меньше, чем Харри. Потом Валентин приблизился к камере и посмотрел, казалось, прямо в объектив, но не увидел его. До того как он исчез с картинки, Харри успел заметить, что он опустил руку в глубокий карман пальто. Теперь Харри видел только пустые стойла, стрелку на весах и верхнюю часть тени Валентина. Харри реконструировал секунды, он помнил каждое слово из разговора с Халлстейном Смитом. Остаток дня и часы, проведенные у Катрины, исчезли, но эти секунды засели прочно. Так бывало всегда, когда он пил, личный мозг накрывало тефлоном, а полицейский мозг сохранял оболочку из клея, как будто одна часть *хотела* забыть, а другая *должна* была помнить. Следователям из отдела внутренних расследований придется писать длинный рапорт, если они захотят включить в него все подробности, которые он помнил.

Харри увидел, как в картинку попал краешек двери, когда Валентин

открыл ее; увидел, как его тень поднимает руку, а потом падает.

Харри увеличил скорость просмотра.

Перед ним замаячила спина Халлстейна, шаркающего между стойлами к выходу.

Спустя минуту тем же путем протащился Валентин. Харри замедлил скорость. Валентин хватался за стойла, он в любую секунду готов был рухнуть. Но он двигался вперед, метр за метром. Он постоял, качаясь, на весах. Стрелка показала на полтора килограмма меньше, чем когда он входил. Харри бросил взгляд на лужу крови на полу за компьютером, потом снова перевел взгляд на Валентина, который пытался открыть дверь. Харри словно чувствовал его желание выжить. Или же это был просто страх перед поимкой? И Харри понял, что этот кусок записи рано или поздно станет утечкой и хитом «Ютьюба».

В дверном проеме показалось бледное лицо Бьёрна Хольма.

– Значит, это началось здесь. – Он вошел внутрь, и Харри снова поразило, как этот не особенно подвижный или элегантный криминалист, попадая на место преступления, начинает двигаться как балетный танцовщик. Бьёрн присел на корточки у лужи крови. – Мы его сейчас увезем.

– Мм...

– Четыре пулевые раны, Харри. Сколько из них...

– Три, – сказал Харри. – Халлстейн выстрелил только один раз.

Лицо Бьёрна Хольма исказила гримаса.

– Он стрелял в вооруженного человека, Харри. Что ты собираешься сказать следователям из внутренних расследований о своих выстрелах?

Харри пожал плечами:

– Правду, конечно. Что было темно и что Валентин держал палку, чтобы обмануть меня, заставить думать, что у него в руках оружие. Он знал, что его песенка спета, и хотел, чтобы я застрелил его, Бьёрн.

– И все же. Три выстрела в грудь невооруженного человека...

Харри кивнул.

Бьёрн вздохнул, оглянулся через плечо и понизил голос:

– Все понятно, было темно, дождь, ураган в полную силу там, у сарая. И если я сейчас отправлюсь туда один и немного порыскаю, то, может случиться, я найду пистолет в грязи рядом с тем местом, где лежал Валентин.

Они смотрели друг на друга, пока стены трещали под порывами ветра.

Харри взглянул на красные щеки Бьёрна Хольма. Он знал, чего ему это стоит. Знал, что Бьёрн предлагает ему больше, чем может сделать.

Предлагает ему все, что защищает. Их общую собственность, моральный кодекс. Свою, их душу.

– Спасибо, – сказал Харри. – Спасибо, друг, но я вынужден отказаться.

Бьёрн Хольм дважды моргнул. Сглотнул. Хрипло выдохнул и засмеялся резко, неуместно, облегченно.

– Мне надо возвращаться, – произнес он, поднимаясь.

– Давай, – откликнулся Харри.

Бьёрн Хольм стоял и медлил. Как будто хотел что-то сказать или сделать шаг вперед и обнять его. Харри снова склонился к компьютеру:

– Еще поговорим, Бьёрн.

На экране он проследил, как сутулая спина эксперта-криминалиста удаляется по коридору и исчезает за дверью на улицу.

Харри ударил кулаком по клавиатуре. Выпить. Черт, черт! Всего один глоток.

Взгляд его упал на человека – летучую мышь.

Что там сказал Халлстейн? «Он знал. Он знал, где я».

Глава 32

Среда, ночь

Микаэль Бельман стоял, сложив руки на груди, и думал о том, проводило ли когда-нибудь Полицейское управление Осло пресс-конференцию в два часа ночи. Он стоял, прислонившись к стене слева от подиума, и осматривал зал, где собралось разношерстное общество: ночные дежурные из газет, сотрудники главных редакций, журналисты, которым на самом деле было положено освещать опустошительный налет «Эмили», засыпающие журналисты, которых дежурные вытащили из постели. Мона До прибыла в дождевике и спортивном костюме. Она казалась совершенно бодрой.

Наверху, на подиуме, рядом с начальником отдела Гуннаром Хагеном сидела Катрина Братт и рассказывала о деталях операции в квартире Валентина Йертсена в Синсене и о последовавшей затем драме в имении Халлстейна Смита. Сверкали вспышки, и Бельман знал, что, хотя он и не сидит там, с ними, то одна, то другая камера нацеливалась на него, и он пытался придавать лицу то выражение, которое рекомендовала ему Исабелла Скёйен, когда он позвонил ей с дороги. Серьезное, с внутренним удовлетворением победителя.

– Помни, что погибли люди, – говорила Исабелла. – Так что никаких улыбок или откровенного торжества. Думай, что ты – генерал Эйзенхауэр после дня «Д», ты, как руководитель, отвечаешь за то, что стало и победой, и трагедией.

Бельман подавил зевок. Улла разбудила его, когда вернулась пьяная после выхода в город с подружками. Он не помнил, чтобы после молодых лет видел ее пьяной. Кстати, о пьянстве. Рядом с ним стоял Харри Холле, и если бы Бельман не знал его, он бы сказал, что бывший старший инспектор тоже пьян. Он выглядел более усталым, чем кто-либо из журналистов, и разве от его одежды не пахнет спиртным?

В помещении раздался ругаланнский диалект:

– Я понимаю, что вы не обнаружите имя полицейского, который стрелял в Валентина Йертсена и убил его, но вы способны сказать нам, был ли Валентин вооружен и стрелял ли он в ответ?

– Как мы уже говорили, следует подождать с оглашением деталей до тех пор, пока не прояснится вся картина, – ответила Катрина и указала на махавшую рукой Мону До.

– Но вы можете рассказать нам подробности о том, какую роль во всем этом сыграл Халлстейн Смит?

– Да, – кивнула Катрина. – Об этом нам все известно, поскольку у нас имеется запись с камер наблюдения и мы разговаривали со Смитом по телефону в то время, когда все происходило.

– Вы это упоминали, но с кем он разговаривал?

– Со мной... – она кашлянула, – и с Харри Холе.

Мона До склонила голову набок:

– Значит, вы с Харри Холе были здесь, в Полицейском управлении, когда все случилось?

Микаэль Бельман заметил, как Катрина взглянула на Гуннара Хагена, словно просила о помощи, но, судя по всему, начальник отдела не понял, чего она от него хочет. Как и Бельман.

– В данный момент мы не хотим углубляться в детали полицейских методов работы по этому делу, – сказал Хаген. – Чтобы не уничтожить доказательства и чтобы иметь возможность использовать эту тактику в будущих расследованиях.

Казалось, Мона До и собравшиеся на этом успокоились, но Бельман видел по Хагену, что тот понятия не имеет, что прикрывает.

– Уже поздно, и нам и вам надо работать, – сказал Хаген и посмотрел на часы. – Следующая пресс-конференция состоится завтра в двенадцать, надеюсь, к тому времени у нас будет больше информации для вас. А пока доброй ночи, теперь все мы можем спать спокойнее.

Вспышки засверкали чаще, когда Хаген и Братт встали, и журналисты начали выкрикивать новые вопросы. Некоторые фотографы навели объективы на Бельмана, и когда кто-то из встающих оказался между Бельманом и фотокамерами, он сделал шаг вперед, чтобы фотографам ничего не мешало.

– Подожди немного, Харри, – сказал Бельман, не глядя в сторону и не меняя эйзенхауэрского выражения лица.

Когда дождь вспышек закончился, он повернулся к Харри Холе, стоявшему у стены со сложенными на груди руками.

– Я не стану бросать тебя волкам, – произнес Бельман. – Ты выполнил свою работу, застрелил крайне опасного серийного убийцу. – Он положил руку на плечо Харри. – Мы позаботимся о своих. Хорошо?

Полицейский, который был выше Бельмана, выразительно посмотрел на свое плечо, и тот убрал руку. Голос Харри был более хриплым, чем обычно:

– Наслаждайся победой, Бельман, мне завтра утром на допрос, так что

спокойной ночи.

Бельман смотрел вслед Харри Холе. Тот шел к выходу широкими шагами, на слегка согнутых ногах, как моряк на палубе во время сурового шторма.

Бельман уже переговорил с Исабеллой, и они согласились, что у успеха не должно быть привкуса и будет лучше, если специальный отдел внутренних расследований придет к выводу, что Холе почти или совершенно не за что критиковать. Как именно они помогут следователям отдела прийти к этому выводу, они еще не знали, следователей нельзя было подкупить напрямую. Но совершенно ясно, что каждый думающий человек прислушивается к голосу разума. Что касается прессы и общественности, то, по мнению Исабеллы, в последние годы стало обычным делом, что полиция при задержании убивает преступника, совершившего массовые убийства, и пресса и общественность более или менее смирились с тем фактом, что общество именно так решает подобные проблемы – эффективно, быстро, способом, который апеллирует к чувству справедливости простого человека, и без головокружительных расходов, всегда сопровождающих суды по крупным делам об убийствах.

Бельман поискал Катрину Братт. Он знал, что они вдвоем будут представлять большой интерес для фотографов. Но ее уже не было.

– Гуннар! – прокричал он так громко, что несколько фотографов повернулись в его сторону.

Начальник отдела остановился в дверях и подошел к нему.

– Сделай серьезное лицо, – прошептал Бельман, протягивая ему руку. – Поздравляю, – громко произнес он.

Харри стоял под уличным фонарем на улице Борггата и пытался прикурить в последних порывах ветра «Эмилии». Он замерз так, что у него зуб на зуб не попадал, а сигарета моталась вверх и вниз между губами.

Он взглянул на двери Полицейского управления, откуда все еще выходили представители прессы и журналисты. Возможно, они были такими же усталыми, как и он, и потому не вели оживленных бесед друг с другом, а молчаливой вязкой массой текли по улице в сторону района Грёнланнслейре. Или же потому, что они тоже ощущали это. Пустоту. То, что наступает после достижения цели. Ты находишься в конце пути, и до тебя доходит, что дальше дороги нет. Не осталось земли для пахоты. Но твоя жена все еще в доме, с ней доктор и повитуха, и ты снова ничего не можешь сделать. Тебя ни для чего нельзя использовать.

– Чего ты ждешь?

Харри обернулся и увидел Бьёрна.

– Катрину, – ответил Харри. – Она сказала, что отвезет меня домой. Она забирает машину из гаража, так что если тебя тоже надо подвезти...

Бьёрн покачал головой.

– Ты поговорил с Катриной о том, что мы обсуждали?

Харри кивнул и предпринял новую попытку прикурить сигарету.

– Это означает «да»?

– Нет, – ответил Харри. – Я не спросил у нее, что́ она о тебе думает.

– Не спросил?

Харри на мгновение закрыл глаза. Может, и спросил, но ни этого, ни возможного ответа он не помнил.

– Я спрашиваю, потому что я подумал: если вы вдвоем в районе полуночи находились вместе, но не в Полицейском управлении, то, возможно, вы разговаривали не только о работе.

Харри прикрыл сигарету и щелкающую зажигалку ладонью, глядя на Бьёрна. Светло-голубые детские глаза уроженца Тутена выпучились больше, чем обычно.

– Я не помню ничего, кроме работы, Бьёрн.

Бьёрн Хольм смотрел вниз и притопывал ногой, как будто пытался запустить циркуляцию крови. Как человек, который не может сдвинуться с места.

– Я сообщу, Бьёрн.

Бьёрн Хольм кивнул, не поднимая глаз, развернулся и ушел.

Харри смотрел ему вслед. У него было чувство, что Бьёрн видел что-то, знал что-то неизвестное ему. Вот! Наконец-то загорелась.

Машина подъехала к нему и остановилась.

Харри вздохнул, бросил сигарету на землю, открыл дверцу и уселся в машину.

– О чем вы говорили? – спросила Катрина, поискала глазами Бьёрна и поехала в сторону объятую ночной тишиной района Грёнланнслейре.

– У нас был секс?

– Что?

– Я ничего не помню до вчерашнего вечера. Мы не трахались?

Катрина не ответила, сосредоточенно стараясь остановить машину точно на белой полосе перед красным сигналом светофора. Харри ждал.

Загорелся зеленый свет.

– Нет, – ответила Катрина, нажала на газ и отпустила сцепление. – У нас не было секса.

– Хорошо, – сказал Харри и стал тихо насвистывать мелодию.

– Ты был слишком пьян.

– Что?

– Ты был слишком пьян. Ты уснул.

Харри закрыл глаза:

– Черт.

– Я тоже так подумала.

– Да нет. Ракель в коме. А я...

– Делаешь что можешь, чтобы быть с ней там. Забудь это, Харри, произошло кое-что похуже.

По радио голос сухо сообщил, что Валентин Йертсен, так называемый вампирист, был застрелен в районе полуночи. И что Осло пережил свой первый тропический ураган и выстоял. Катрина и Харри в молчании проехали Майорстуа, Виндерен и подъехали к Хольменколлену.

– Что ты сейчас думаешь о Бьёрне? – спросил Харри. – Есть ли вероятность того, что ты захочешь дать ему еще один шанс?

– Это он просил тебя поинтересоваться? – прервала его Катрина.

Харри не ответил.

– Я думала, у него какая-то история с этой как-ее-там Лиен.

– Ничего об этом не знаю. Ну ладно. Останови вот здесь.

– Может, подъехать прямо к дому?

– Только разбудишь Олега. Вот так, да. Спокойной ночи.

Харри открыл дверцу, но не вышел из салона.

– Да?

– Мм... Ничего.

Он вылез из машины.

Харри проследил за тем, как задние фары автомобиля исчезают в темноте, и пошел по гравийной дорожке к дому.

Дом возвышался впереди и был чернее ночи. Без света. Без дыхания.

Харри вошел внутрь и прислушался.

У двери стояли ботинки Олега, но было тихо.

Харри снял с себя всю одежду в комнате, где стояла стиральная машина, и сложил в корзину для грязного белья. Он поднялся в спальню и нашел чистые вещи. Харри знал, что не сможет заснуть, поэтому спустился в кухню. Он поставил кофе и стал смотреть в окно.

У него появилось несколько мыслей. Он отмел их в сторону и налил кофе, хотя знал, что не сможет его выпить. Он мог снова поехать в «Ревность», но спиртное не полезет ему в глотку. Потом. Позже.

Мысли вернулись.

Их было всего две.

И они были простыми и громогласными.

Одна говорила, что, если Ракель не выживет, он отправится за ней, последует тем же путем.

Вторая была о том, что, если она выживет, он уйдет от нее. Потому что она заслуживает лучшего и потому что тогда ей не придется идти за ним.

Появилась третья мысль.

Харри закрыл лицо руками.

Мысль интересовалась, хотел ли он, чтобы она поправилась, или нет.

Черт, черт.

Потом четвертая мысль.

То, что Валентин сказал там, в лесу.

«В конце концов всех нас обманывают, Харри».

Он ведь имел в виду, что это Харри его обманул? Или что-то другое? Что кто-то обманул Валентина?

«Поэтому тебя тоже обманывают».

Он произнес это прямо перед тем, как обманул Харри, заставив поверить, что наводит на него оружие, но, возможно, он имел в виду совсем не это. Может, речь шла о чем-то большем.

Харри вздрогнул, когда ему на затылок легла рука.

За его стулом стоял Олег.

– Я не слышал, как ты вошел, – попытался сказать Харри нетвердым голосом.

– Ты спал.

– Спал? – Харри оторвал себя от стола. – Да нет же, я просто сидел и...

– Ты спал, папа, – перебил его Олег, улыбнувшись.

Харри заморгал, чтобы отогнать туман, огляделся, вытянул руку и потрогал чашку с кофе. Она была холодной.

– Мм... Черт, надо же.

– Я тут кое о чем думал, – сказал Олег, выдвигая стул и усаживаясь рядом с Харри.

Харри зачавкал, чтобы освободиться скопившейся во рту слюны.

– И ты прав.

– Да? – Харри глотнул холодного кофе, чтобы избавиться от вкуса застывшей желчи.

– Да. Ты несешь ответственность гораздо большую, чем ответственность за своих близких. Ты должен быть и с теми, кто тебе не слишком близок. И я не имею права требовать, чтобы ты всех их предал. А то, что убийства для тебя – это тоже наркотик, сути дела не меняет.

– Мм... И до этого ты додумался совершенно самостоятельно?

– Да. Хельга немного помогла. – Олег взглянул на свои руки. – Она лучше, чем я, умеет смотреть на вещи под другим углом. И я не то имел в виду, когда сказал, что не хочу становиться таким, как ты.

Харри положил руку на плечо Олегу, заметив, что на нем белая рубашка а-ля Элвис Костелло, которая перешла к нему от Харри и в которой он обычно спал.

– Мальчик мой...

– Да?

– Обещай, что ты не станешь таким, как я. Это единственное, о чем я тебя прошу.

Олег кивнул.

– И еще одно, – сказал он.

– Да?

– Стеффенс звонил. Это про маму.

Харри показалось, что в его сердце вонзился железный коготь, и он перестал дышать.

– Она проснулась.

Глава 33

Четверг, утро

- Да?
- Андерс Виллер?
- Да.
- Доброе утро, я звоню из судебно-медицинского.
- Доброе утро.
- Речь идет о волосе, который вы прислали нам на экспертизу.
- Да?
- Вы получили отчет, который я вам направил?
- Да.
- Это не полный отчет, но, как вы видите, есть связь между ДНК волоса и профилем ДНК, зарегистрированного по делу вампириста. А точнее, ДНК-профилем номер двести один.
- Да, я видел.
- Я не знаю, кто такой номер двести один, однако это не Валентин Йертсен. Но поскольку у нас частичное совпадение, а вы не выходили на связь, я хотел удостовериться, что вы получили результат. Потому что вы, наверное, хотите, чтобы мы сделали полный анализ?
- Нет, спасибо.
- Нет? Но...
- Дело раскрыто, а у вас в судебно-медицинском много работы. Кстати, а вы посылали отчет кому-нибудь еще, кроме меня?
- Нет, я не вижу, чтобы об этом просили. Вы хотите...
- Нет, не нужно. Можете на этом закончить. Спасибо за помощь.

Часть III

Глава 34

Суббота

Маса Канагава воспользовался кузнечными щипцами, чтобы вынуть из печи пылающий красный кусок железа. Он положил его на наковальню и начал бить по нему одним из маленьких молотков. Молоток был традиционной японской формы, и его ударная часть выступала далеко вперед, напоминая по форме виселицу. Маленькая кузница перешла к Маса от отца и деда, но, как и многие кузнецы Вакаямы, он с трудом сводил концы с концами. Производство стали, которое было экономическим стержнем города, переехало в Китай, и Маса пришлось сосредоточиться на нишевых продуктах. Таких как катана, самурайские мечи, крайне популярные в США, которые он изготавливал по прямым заказам от частных клиентов со всего мира. В Японии закон гласил, что мастер по производству мечей должен пройти пятилетнее обучение и получить лицензию. Мастер имел право изготавливать не более двух длинных мечей в месяц, и каждый из них необходимо зарегистрировать у властей. Маса был всего лишь простым кузнецом, который делал отличные мечи за небольшую часть стоимости меча лицензированного мастера, но он понимал, что его могут поймать, и поэтому он не должен высовываться. Для чего его клиенты использовали мечи, он не знал и знать не хотел, но надеялся, что для тренировок, украшения стен или для коллекций оружия. Зато он знал, что это кормит его и его семью и дает ему возможность содержать маленькую кузницу. Но Маса прямо сказал своему сыну, что ему надо выбрать другую профессию, что ему надо учиться, что работа кузнеца слишком тяжела и приносит слишком мало дохода. Сын последовал совету отца, но содержать его в университете стоило денег, и Маса брал все возможные заказы. Как сейчас, на изготовление копии железных зубов периода Хэйан. Клиент был из Норвегии и такой набор зубов заказывал во второй раз, первый раз полгода назад. У Масы Канагавы не было имени клиента, только адрес почтового ящика. Но ничего страшного, товар был оплачен авансом, а Маса заломил высокую цену. Не только потому, что ковать зубы по присланным клиентом чертежам было сложной работой, но и потому, что это казалось неправильным. Маса не мог толком объяснить, почему это казалось более неправильным, чем ковать мечи, однако, посмотрев на железные зубы, он содрогнулся. И когда он ехал домой по 370-му шоссе, по поющей дороге, где тщательно рассчитанные и

сконструированные бороздки на дорожном покрытии исполняли мелодию, когда по ним перекатывались колеса, он не слышал того, что обычно воспринимал как красивую успокаивающую хоровую песню. Он слышал предостережение, глубокое урчание, которое постоянно нарастало и переходило в крик. Крик демона.

Харри проснулся, закурил сигарету и задумался, что это было за пробуждение. Это не было пробуждением на работу. Сегодня суббота, первая лекция после зимних каникул состоится только в понедельник, а в баре работает Эйстейн.

Это не было одиноким пробуждением. Ракель спала рядом с ним. В первые недели после ее возвращения домой из больницы, когда он лежал, как сейчас, и смотрел, как она спит, он боялся, что она не проснется, что мистическое «оно», которое врачи так и не определили, вернется.

– Люди плохо справляются с сомнениями, – сказал Стеффенс. – Люди хотят думать, что такие, как мы с вами, Харри, знаем: осужденный виновен, диагноз верен. Признание в том, что мы сомневаемся, воспринимается как признание собственной неполноценности, а не сложности загадки или ограниченности предмета. Но правда в том, что мы никогда не узнаем наверняка, что случилось с Ракелью. У нее наблюдалось скопление мастоцитов, и я сначала подумал о мастоцитозе, а это в любом случае редкое заболевание крови. Но все следы исчезли, и многое указывает на то, что у нее было какого-то рода отравление. В таком случае вам не стоит беспокоиться, что болезнь вернется. Совсем как с этими убийствами вампириста, так ведь?

– Но мы знаем, кто убил тех женщин.

– Вот именно. Плохая аналогия.

Неделя шла за неделей, и Харри все реже и реже думал о том, что у Ракели может случиться рецидив.

Реже и реже думал о том, что произошло новое убийство вампириста, всякий раз когда звонил телефон.

Так что это не было пробуждением от страха.

Кое-кто посещал его после смерти Валентина Йертсена. Странно, но этого не было, пока его допрашивал отдел внутренних расследований, постепенно приходя к выводу, что Харри нельзя порицать за три выстрела в неясной ситуации с опасным преступником, который сам спровоцировал его. Только после этого Валентин и Марта Руд начали посещать его во снах. И она, а не он шептала ему на ухо: «Поэтому тебя тоже обманывают». Он убедил себя, что теперь другие несут ответственность за ее поиски. И когда

недели превратились в месяцы, их визиты стали более редкими. Ему помогало то, что он вошел в рабочий ритм в Полицейской академии и дома и, конечно, не прикасался к алкоголю.

И сейчас он наконец находился там, где должен быть. Потому что это был пятый тип. Пробуждение в состоянии удовлетворения. Он копирует и склеит еще один день, когда серотонин будет на нужном уровне.

Харри тихонько выскользнул из кровати, натянул брюки, спустился на первый этаж, опустил любимую капсулу Ракели в кофеварку эспresso, включил ее и вышел на крыльцо. Он почувствовал, как приятно снег пощипывает голые ноги, и втянул в себя зимний воздух. Покрытый белым город еще был темным, но новый день скромно краснел на востоке.

Харри надел ботинки и пуховик и пробрался по снегу к почтовому ящику.

В «Афтенпостен» пишут, что будущее лучше, чем новостная картина заставляет нас думать, и хотя средства массовой информации предоставляют нам все больше подробностей об убийствах, войнах и ужасах, недавно обнародованное исследование показывает, что количество людей, убитых другими людьми, находится на историческом минимуме и постоянно снижается. Да, возможно, однажды убийства перестанут существовать. Микаэль Бельман, который, по сведениям «Афтенпостен», на следующей неделе будет назначен на должность министра юстиции и приступит к исполнению своих обязанностей, в комментарии сказал, что нет ничего страшного в том, чтобы ставить себе высокие цели, а его личная цель – не безупречное общество, а *лучшее* общество. Харри невольно улыбнулся. Исабелла Скёйен была прекрасным суфлером. Харри вернулся к предположениям о том, что однажды убийства перестанут существовать. Почему это смелое утверждение вызвало у него беспокойство, которое, надо признать, вопреки удовлетворенности, он испытывал весь последний месяц, а может быть, и дольше? Убийство. Он сделал целью своей жизни борьбу с убийцами. Но если ему все удастся, если все они исчезнут, не исчезнет ли и он, Харри? Не похоронил ли он частичку себя вместе с Валентином? Не поэтому ли несколько дней назад Харри обнаружил себя стоящим у надгробного камня Валентина Йертсена? Или же дело в другом? В том, что Стеффенс говорил о невозможности справиться с сомнениями. Грызло ли его отсутствие ответов? Черт, Ракель была здорова, Валентин исчез, пора расслабиться.

Заскрипел снег.

– Хорошо провел зимние каникулы, Харри?

– Хорошо пережил, фру Сивертсен. А вы не слишком часто ходили на

лыжах, как я вижу?

– Лыжи лыжами, – сказала она, изогнув бедро. Лыжный костюм прилегал так плотно, что казался нарисованным. В одной руке она держала практически невесомые беговые лыжи так, будто они были палочками для еды. – Не хочешь по-быстрому пробежаться, Харри? Все остальные спят, мы могли бы рвануть к Триванну. – Она улыбнулась, отблеск уличного фонаря сверкнул на ее губах, покрытых кремом от мороза. – Очень хорошая... лыжня.

– У меня лыж нет, – улыбнулся Харри ей в ответ.

Она рассмеялась:

– Ты шутишь. Ты норвежец, и у тебя нет лыж?

– Государственная измена, я понимаю. – Харри бросил взгляд на газету и увидел дату, 4 марта.

– У вас и елки рождественской не было, насколько я помню.

– Вот видишь? О нас надо сообщить в полицию.

– Знаешь что, Харри? Иногда я тебе завидую.

Харри посмотрел на нее.

– Тебе нет дела, ты просто нарушаешь все правила. Хотела бы я время от времени позволять себе такие фrivольности.

Харри засмеялся:

– С тем типом смазки, который у тебя под рукой, фру Сивертсен, твои лыжи, как мне кажется, будут хорошо держаться на лыжне и скользить.

– Что?

– Счастливого пути!

Харри отдал ей честь сложенной газетой, приложив ее ко лбу, и пошел обратно к дому.

Он взглянул на фотографию Микаэля Бельмана, одноглазого. Возможно, именно из-за этого его взгляд казался таким твердым. У него был взгляд человека, который совершенно уверен в том, что знает правду. Взгляд священника. Взгляд, обращающий людей в веру.

В коридоре Харри остановился и посмотрел на себя.

«Правда в том, что мы никогда не узнаем наверняка».

«Даже тебя в конце концов обманут, Харри».

Были ли они видны, были ли видны сомнения?

Ракель сидела у кухонного стола, она налила им обоим кофе.

– Уже встала? – спросил он, целуя ее в голову.

Ее волосы слабо пахли ванилью и Спящей Ракелью, его любимый запах.

– Только что звонил Стеффенс, – сказала она, сжимая его руку.

– Что ему понадобилось в такую рань?

– Просто поинтересовался, как у меня дела. Он вызвал Олега по результатам анализа крови, который брал у него перед Рождеством. Он сказал, что никаких причин для беспокойства нет, но что было бы любопытно установить генетическую связь, объясняющую «это».

«Это». Она, он и Олег чаще обнимались первое время после возвращения Ракели из больницы. Больше разговаривали. Меньше планировали. Просто были вместе. После того как кто-то бросит в воду камень, поверхность ее постепенно становится прежней. Лед. И все же у него было ощущение, что там, внизу, на дне под ними, что-то подергивается.

– Никаких причин для беспокойства, – повторил Харри, не столько для нее, сколько для себя. – И это все равно тебя обеспокоило?

Ракель пожала плечами:

– Ты подумал хорошенько о बारे?

Харри уселся и отпил своего растворимого кофе.

– Когда я был там вчера, у меня мелькнула мысль, что, естественно, надо продавать. Я ничего не знаю о том, как работают бары, и не ощущаю призвания поить молодых людей с потенциально неудачными генами.

– Но?..

Харри застегнул молнию на пуховике.

– Эйстейн обожает там работать. И он не потребляет товары, предназначенные для продажи, это я знаю. Простой и безграничный доступ дисциплинирует некоторых. Ну и к тому же бар держится на плаву.

– Ничего удивительного, ведь это место может рекламировать себя при помощи двух вампиристских убийств, почти состоявшейся перестрелки и Харри Холе за стойкой.

– Мм... Нет, на самом деле я думаю, что сработала идея Олега о музыкальной теме. Например, сегодня вечером будут петь только самые стильные дамы за пятьдесят. Люсинда Уильямс, Эммилу Харрис, Патти Смит, Крисси Хайнд...

– Это было до меня, любимый.

– Завтра будет джаз шестидесятых годов, и, что самое странное, придут те же люди, что ходят на панковские вечера. Мы неделю будем играть Пола Роджерса в память о Мехмете. Эйстейн считает, что нам пора провести музыкальную викторину. И...

– Харри...

– Да?

– Мне почему-то кажется, что ты собираешься оставить «Ревность».

– Правда? – Харри почесал голову. – Черт, у меня ведь нет на это времени. Двое таких растяп, как мы с Эйстейном...

Ракель рассмеялась.

– Только если не...

– Если не что?

Харри не ответил, продолжая улыбаться.

– Нет-нет, забудь об этом, – сказала Ракель. – У меня дел достаточно, и я не...

– Всего один день в неделю. По пятницам у тебя все равно выходной. Немного бухгалтерии и другой бумажной работы. Ты получишь часть акций и станешь председателем правления.

– Председательницей.

– Договорились.

Смеясь, она хлопнула его по протянутой руке:

– Нет.

– Подумай об этом.

– Хорошо, прежде чем отказаться, я подумаю об этом. Не залезть ли нам обратно в постель?

– Устала?

– Мм... нет. – Она посмотрела на него поверх чашки полузакрытыми глазами. – Я думала о той части акций, которые, как я погляжу, не получила фру Сивертсен.

– Мм... Ты шпионишь. Хорошо, после вас, госпожа председательница.

Харри снова бросил взгляд на газетную полосу: 4 марта. День освобождения из мест заключения. Он пошел за женой к лестнице и, проходя мимо зеркала, не взглянул на него.

Свейн «Жених» Финне вошел на кладбище Спасителя. Сейчас, ранним утром, здесь было пустынно. Всего час назад он вышел из ворот тюрьмы Ила как свободный человек, и это стало его первым делом. На фоне снега черные маленькие округлые надгробные камни казались точками на белом листе.

Он шел по покрытой льдом тропинке маленькими осторожными шагами. Теперь он был стариком, который давно не ходил по гололеду. Он остановился у маленького надгробия с нейтральной белой надписью под крестом: «Валентин Йертсен».

Никаких памятных слов. Конечно. Никто не хочет напоминания. И никаких цветов.

Свейн Финне достал из кармана пальто перо, встал на колени и

воткнул его в снег перед надгробием. Индейцы племени чироки клали в гроб своих умерших перья орлов. Он избегал контактов с Валентином, когда они сидели в Иле. Не по той же причине, что и остальные заключенные, которые до смерти боялись Валентина, а потому, что Свейн Финне не хотел, чтобы этот молодой человек его узнал. Потому что он узнал бы рано или поздно, это Свейн понял, всего лишь раз взглянув на Валентина в день его прибытия в Илу. У него были узкие плечи и высокий голос матери, какой он ее помнил с той поры, когда стал ее женихом. Она была одной из тех, кто попытался сделать аборт, когда Свейн не следил за ней, и тогда он вломился к ней и жил у нее, чтобы охранять свое потомство. Она дрожала и плакала, лежа рядом с ним каждую ночь, пока не родила мальчика в прекрасной кровавой бане в комнате, а он перерезал пуповину собственным ножом. Его тринадцатый ребенок, его седьмой сын. И не тогда, когда узнал имя нового заключенного, Свейн уверился в этом на все сто процентов. А тогда, когда узнал подробности преступлений, за которые Валентин Йертсен был осужден.

Свейн Финне поднялся.

Мертвые мертвы.

А живые скоро умрут.

Он втянул воздух. Тот человек связался с ним. И пробудил в нем жажду, ту, от которой годы должны были исцелить его.

Свейн Финне посмотрел на небо. Скоро взойдет солнце. И город проснется, протрет глаза и стряхнет с себя кошмар об убийце, правившем здесь осенью. Улыбнется и увидит солнечный свет, пребывая в счастливом неведении о том, что должно произойти и что заставит осень казаться невыразительной прелюдией. Каков отец, таков и сын. Каков сын, таков и отец.

Полицейский. Харри Холе. Он был где-то там.

Свейн Финне развернулся и начал движение. Шаги его стали шире, быстрее, увереннее.

Так много предстояло сделать.

Трульс Бернтсен сидел на шестом этаже и смотрел, как красный свет солнца пытается перебраться через Экебергосен. В декабре Катрина Братт перевела его из собачьей конуры в кабинет с окном. Приятно. Но ему по-прежнему поручали архивировать отчеты и входящие материалы по раскрытым или отложенным делам. Так что причина, по которой он так рано приехал на работу, вероятно, заключалась в том, что при минус двенадцати градусах на работе было теплее, чем дома. Или в том, что в

последнее время он плохо спал.

В последние недели он, вполне естественно, занимался архивацией запоздалых сообщений и многословных свидетельских показаний по делу об убийствах вампириста. Кто-то утверждал, что на днях видел Валентина Йертсена, скорее всего те же, кто верил, что Элвис жив. Анализ ДНК трупа дал бесспорные доказательства того, что Харри Холе убил именно Валентина Йертсена, но это не помогало, ведь для некоторых факты были всего лишь раздражителем, мешающим их навязчивым идеям.

Мешающим их навязчивым идеям. Трульс Бернтсен не знал, почему к нему привязалась эта фраза, она находилась только у него в голове, он не произносил ее вслух.

Он взял следующий конверт с верха стопки. Как и все прочие, конверт был открыт, а содержание его прочитано другими инстанциями. На конверте был логотип «Фейсбука», штамп о том, что это заказное письмо, и прикрепленный скрепкой приказ об архивации, на котором под номером дела было написано: «Дело вампириста», а под «Исполнитель» стояло имя Магнуса Скарре и его подпись.

Трульс Бернтсен вынул содержимое конверта. Сверху лежало письмо на английском языке. Трульс не понял всего, но разобрал, что в письме имеется ссылка на постановление суда о доступе к информации, а приложения являются выписками с аккаунтов в «Фейсбуке» всех жертв убийств вампириста, а также по-прежнему числящейся пропавшей без вести Марты Руд. Он перелистал страницы, обратил внимание на то, что некоторые из них прилипают к соседним, и догадался, что Скарре не просмотрел всего. Ну и ладно, дело раскрыто, а преступник никогда не окажется на скамье подсудимых. Но, ясное дело, Трульс бы с удовольствием подловил этого скользкого гада Скарре. Он проверил имена людей, с которыми жертвы вступали в контакт. Он с надеждой искал сообщение от Валентина Йертсена или Александра Дрейера, которое можно было бы предъявить Скарре, обвинив его в том, что он их проглядел. Взгляд скользил по страницам, останавливаясь только на именах отправителей и получателей сообщений. Закончив чтение, Трульс вздохнул. И здесь нет ошибок. Единственными, кроме жертв, имена которых он узнал, были те, кого они с Виллером допрашивали по поводу общения по телефону. Вот, например, Эва Долмен и этот Ленни Хелл переписывались и в «Фейсбуке».

Трульс сложил документы обратно в конверт, встал и направился к архивному шкафу, потянул верхний ящик и отпустил. Ему нравилось, как ящик скользит со свистом, словно товарный поезд. Потом он остановил

ящик рукой.

Трульс посмотрел на конверт.

Долмен. Не Хермансен.

Трульс порылся в шкафу, нашел папку с протоколами допросов людей, имевших телефонные контакты с жертвами, и отнес ее и конверт обратно к своему столу. Он поискал в выписках и снова нашел это имя. Ленни Хелл. Трульс запомнил именно это имя, потому что оно навело его на мысли о Лемми, хотя голос парня, с которым он разговаривал по телефону, был похож на голос замученного размазни. Кроме того, в нем была дрожь, возникавшая у многих, вне зависимости от степени виновности, когда они слышали, что им звонят из полиции. Значит, Ленни Хелл общался в «Фейсбуке» с Эвой Долмен. С жертвой номер два.

Трульс открыл папку с материалами допросов и нашел протокол короткой беседы с Ленни Хеллом, которую проводил он сам. И протокол разговора с хозяином «Онебю пицца и гриль». И записку, о которой он не знал, с отчетом Виллера о том, что офис ленсмана в Ниттедале хорошо отзывается и о Ленни, и о владельце пиццерии, который подтвердил, что Ленни находился в его ресторане в момент убийства Элисы Хермансен.

Элиса Хермансен. Жертва номер один.

Они допросили Ленни, потому что он несколько раз звонил Элисе Хермансен. А в «Фейсбуке» он общался с Эвой Долмен. Вот она, ошибка. Ошибка Магнуса Скарре. И возможно, ошибка Ленни Хелла. Если, конечно, это не случайность. Одинокие мужчины и женщины одного возраста, ищущие друг друга в одном географическом районе малонаселенной маленькой страны. Бывают и более невероятные совпадения. И дело было раскрыто, нечего и задумываться. В сущности, нечего. С другой стороны... Газеты все еще пишут о вампиристе. В США у Валентина появился малоизвестный небольшой фан-клуб, кто-то купил права на книгу и фильм о его биографии. Возможно, эти истории появлялись не на первых полосах, но они легко могут туда снова попасть. Трульс Бернтсен взял за телефон, нашел номер Моны До, посмотрел на него. Потом поднялся, схватил куртку и направился к лифту.

Мона До зажмурила глаза и подняла руки вверх. Разводка легких гантелей лежа. Она представляла себе, как раскрывает крылья и на вытянутых руках улетает отсюда, летит над Фрогнер-парком, над Осло. Ей все видно. Абсолютно все.

И она показывает им всем крылья.

Она смотрела документальный фильм о своем любимом фотографе

Доне Маккаллине. Его называли самым гуманным военным корреспондентом. На своих снимках он демонстрировал худшие стороны человеческой натуры, но не для того, чтобы вызвать у зрителей дрожь, а для того, чтобы заставить их задуматься и заглянуть в собственную душу. Она не могла сказать того же о себе. И еще она думала об одном слове, которое не употреблялось в восторженном фильме. Амбиции. Маккаллин стал лучшим, и между боями (в прямом смысле этого слова) он наверняка встречался с тысячами поклонников, с молодыми коллегами, которые захотели стать такими же, как он, услышав мифы о фотографе, оставшемся вместе с солдатами в Хуэ во время Тетского наступления, и о его пребывании в Бейруте, Биафре, Конго, на Кипре. Этот фотограф получал наркотик, вызывающий наибольшую зависимость, – признание и внимание публики, и все же в фильме не было сказано ни слова о том, как это обстоятельство заставляет человека подвергать себя тяжелейшим испытаниям, которые в противном случае ему бы и не снились. И возможно, совершать те же преступления, которые он документировал, и все только ради того, чтобы получить безупречную фотографию и сделать новаторский репортаж.

Мона согласилась сидеть в клетке и ждать вампириста. Не сообщила полиции и потенциально могла не сберечь человеческую жизнь. Было бы легко забить тревогу, хотя она и думала, что за ней следят. Незаметно через стол передвинуть записку Норе. Но Мона сделала вид (как Нора в своей сексуальной фантазии о том, чтобы позволить Харри Холе изнасиловать себя), что ее заставили согласиться на это. Конечно, она этого хотела: признания, известности, восторга в глазах молодых коллег, когда она, стоя на трибуне, будет произносить слова благодарности за журналистскую премию и скромно заметит, что она всего лишь удачливая, тяжело и много работающая девушка из маленького северного городка. А потом уже менее скромно она расскажет о детстве, травле, мести и амбициях. Да, она будет громко говорить об амбициях, она не побоится назвать вещи своими именами. Скажет, что хочет летать. Летать.

– Тебе нужно больше сопротивления.

Поднимать гантели стало тяжелее. Она открыла глаза и увидела, что на гантели легли две руки и слегка надавили. Человек стоял позади нее, так что в большом зеркале прямо перед собой она видела свое отражение, похожее на четырехрукого бога Ганешу.

– Давай еще пару раз, – прошептал голос ей на ухо.

Она узнала его. Голос полицейского. Теперь он поднял голову, и она увидела его в зеркале над собой. Он улыбался. Голубые глаза под светлой

челкой. Белые зубы. Андерс Виллер.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

Мона забыла поднять руки вверх, но все равно чувствовала, что летит.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Эйстейн Эйкеланн, поставив кружку пива на стойку перед клиентом.

– Что?

– Не ты, а он. – Эйстейн указал большим пальцем через плечо на высокого, наголо стриженного мужчину, который только что зашел за стойку, насыпал в джезvu кофе и налил воды.

– Не могу больше пить растворимый кофе, – признался Харри.

– Не можешь больше сидеть дома, – сказал Эйстейн. – Не можешь быть в разлуке со своим любимым баром. Ты слышишь, что это?

Харри остановился и прислушался к плотному свингующему аккомпанементу.

– Пока она не начала петь, нет.

– Она и не начнет, в этом-то вся прелесть, – сказал Эйстейн. – Это Тейлор Свифт, «1989».

Харри кивнул. Он помнил, что Свифт или ее звукозаписывающая компания не захотели выкладывать альбом на «Спотифай», а вместо этого выложили минусовку.

– Разве мы не договорились, что сегодняшние вокалистки должны быть только женщинами старше пятидесяти? – спросил Харри.

– Ты не слышишь меня? – возмутился Эйстейн. – Она *не поет*.

Харри не стал выдвигать аргументы против логики этого утверждения.

– Сегодня люди рано стали собираться.

– Все из-за аллигаторских сосисок, – сказал Эйстейн, указывая на длинные копченые сосиски, висевшие над стойкой. – Первую неделю люди приходили из любопытства, но теперь те же клиенты возвращаются, чтобы получить еще. Может быть, нам поменять название на «Аллигатор Джо», «Болотце» или...

– «Ревность» нормально.

– Хорошо-хорошо, просто пытаюсь быть прогрессивным. Кто-нибудь украдет эту идею.

– К тому времени у нас появится новая.

Харри поставил джезvu на плиту и повернулся, когда в дверь вошел знакомый человек.

Харри сложил руки на груди, наблюдая, как тот стряхивает снег с ног и идет по помещению.

- Что-то не так? – спросил Эйстейн.
- Не думаю, – ответил Харри. – Проследи, чтобы кофе не закипел.
- Ох уж эти твои турецкие штучки!

Харри обогнул стойку и подошел к мужчине, расстегнувшему пальто, чтобы немного остыть.

- Холе, – сказал тот.
- Бернтсен, – ответил Харри.
- У меня для тебя кое-что есть.
- С чего бы это?

Трульс Бернтсен засмеялся, пофыркивая:

- А ты не хочешь знать, *что* это?
- Только если меня удовлетворит ответ на первый вопрос.

Харри видел, что Трульс Бернтсен попытался безразлично улыбнуться, но ему не удалось, и вместо этого он сглотнул. А красный цвет на его исчерченной шрамами роже мог, конечно, появиться от мороза на улице.

- Ты дурак, Холе, но однажды ты спас мне жизнь.
- Не заставляй меня пожалеть об этом. Выкладывай.

Бернтсен вытащил папку с документами из внутреннего кармана пальто.

– Лемми... я хочу сказать, Ленни Хелл. Ты увидишь, что у него были контакты как с Элисой Хермансен, так и с Эвой Долмен.

– И что? – Харри посмотрел на перетянутую резинкой желтую папку для бумаг, которую ему протягивал Трульс Бернтсен. – Почему ты не пошел с этим к Братт?

– Потому что она, в отличие от тебя, должна думать о карьере и ей надо пойти с этим к Микаэлю.

– Ну и?..

– На следующей неделе Микаэль вступает в должность министра. Ему не нужны никакие сложности при переходе.

Харри посмотрел на Трульса Бернтсена. Он давно понял, что Бернтсен не так глуп, как могло показаться.

– Ты считаешь, он не захочет возвращаться к этому делу?

Бернтсен пожал плечами:

– Дело вампириста чуть было не вставило палки в колеса Микаэлю. Но в итоге оказалось одной из его самых больших побед. Он не захочет испортить эту картину, нет.

– Мм... Ты даешь мне эти бумаги, так как боишься, что в противном случае они окажутся в ящике стола в офисе начальника полиции.

– Я боюсь, что они окажутся в машине для уничтожения бумаг, Холе.

– Хорошо. Но ты так и не ответил на мой вопрос. Почему?
– Ты не слышал? Машина для уничтожения бумаг.
– Почему тебе, Трульсу Бернтсену, есть до этого дело? И не пори
чушь, я знаю, кто ты и какой ты.

Трульс хрюкнул.

Харри ждал.

Трульс взглянул на него, отвел глаза, потопал ногами, как будто на них
еще оставался снег.

– Я не знаю, – наконец произнес он. – Это правда, я не знаю. Я
подумал, будет неплохо, если Магнус Скарре получит взбучку за то, что
проглядел связь между телефонными звонками и «Фейсбуком». Но и не
поэтому. Думаю, не поэтому. Мне кажется, что я просто... нет, черт возьми,
не знаю. – Он кашлянул. – Но если тебе это не надо, я просто уберу все
обратно в архив, и пусть оно там гниет, мне все равно.

Харри протер запотевшее стекло, глядя вслед Трульсу Бернтсену,
уходящему из бара. Он шел по улице понунив голову, освещаемый ярким
зимним светом. Харри ошибается или же Трульс Бернтсен только что
продemonстрировал симптомы частично доброкачественной болезни под
названием «полиция»?

– Что у тебя там? – спросил Эйстейн, когда Харри вернулся к стойке.

– Полицейское порно, – сказал Харри и положил желтую папку на
стойку. – Выписки и допросы.

– Дело вампириста? Разве оно не раскрыто?

– Да-да, это просто несколько отдельных ниточек, несколько
формальностей. Ты не слышишь, что кофе закипел?

– А ты не слышишь, что Тейлор Свифт не поет?

Харри открыл рот, чтобы ответить, но вместо этого услышал
собственный смех. Он любил этого парня. Любил этот бар. Он налил
неудавшийся кофе им обоим, выстукивая по папке ритм «Welcome to Some
Rock». Он скользил глазами по бумагам и думал, что Ракель ответит «да»,
если он будет сидеть тихо, как мышка, и даст ей немного времени
поразмыслить.

Взгляд его остановился.

Казалось, лед под ним треснул.

Сердце забилося быстрее. «Даже тебя в конце концов обманут, Харри».

– Что там? – спросил Эйстейн.

– О чем ты?

– Ты выглядишь так, словно... м-да...

– Увидел привидение? – спросил Харри, перечитывая текст, чтобы

удостовериться.

– Нет, – сказал Эйстейн.

– Нет?

– Нет, скорее, ты выглядишь так, словно... проснулся.

Харри оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на Эйстейна. И почувствовал это. Беспокойство. Оно исчезло.

– Ты едешь под шестьдесят, – предупредил Харри. – И сейчас скользко.

Олег слегка отпустил педаль газа.

– А почему ты сам не водишь, ведь у тебя есть и машина, и права?

– Потому что ты и Ракель водите лучше, – ответил Харри и прищурился от яркого солнечного света, отражающегося от заснеженных и поросших лесом низких равнин.

Указатель сообщил им, что до Онебю остается четыре километра.

– Мама могла бы тебя отвезти.

– Я подумал, что тебе может быть полезно увидеть офис ленсмана. Возможно, ты когда-нибудь окажешься в таком месте, знаешь ли.

Олег притормозил позади трактора, задние колеса которого отбрасывали снег, а цепи при этом бились об асфальт.

– Я буду в отделе убийств, а не в деревне.

– Осло тоже деревня, а эта расположена в получасе езды от него.

– Я подал заявку на курсы ФБР в Чикаго.

Харри улыбнулся:

– Раз уж ты такой амбициозный, то пара лет в офисе ленсмана не должна тебя пугать. Поверни здесь налево.

– Джимми, – сказал рослый жизнерадостный человек, стоявший перед входом в офис ленсмана Ниттедала, – вместе с Норвежской службой занятости и благосостояния он занимал стандартное современное здание, предназначенное для норвежских органов власти.

Свежий загар на лице ленсмана навел Харри на мысли о зимнем отпуске на Канарских островах, да и где еще, как не в этой дыре, могут проводить отпуск подозрительные жители Ниттедала с именем, оканчивающимся на «и»?

Харри пожал ему руку:

– Спасибо, что уделите нам время и согласились побеседовать в субботу, Джимми. Это Олег, студент Полицейской академии.

– Похож на будущего ленсмана, – сказал Джимми, смерив взглядом

парня почти двухметрового роста. – Ну, я подумал, это так круто, что к нам захотел приехать сам Харри Холле. Так что, боюсь, это не я, а вы теряете здесь время.

– Вот как?

– По телефону вы сказали, что не смогли дозвониться до Ленни Хелла, и я немного поспрашивал, пока вы были в пути. Он уехал в Таиланд сразу после вашего допроса, как выяснилось.

– Выяснилось?

– Да, перед самым отъездом он сообщил соседям и постоянным заказчикам, что его какое-то время не будет. У него тайский номер телефона, но ни у кого из тех, с кем я разговаривал, этого номера нет. И никто не знает, где именно в Таиланде он находится.

– Наверное, одиночка?

– Это смело можно утверждать.

– Семья?

– Холост. Единственный сын у родителей. Он никогда не переезжал, и с тех пор, как умерли его родители, он живет один здесь, в Свинарнике.

– В Свинарнике?

– Ну, это мы так в деревне говорим. Семья Хелл поколениями занималась свиноводством, разбогатела на этом, а сто лет назад Хеллы построили необычный трехэтажный дом. Люди посчитали, что он слишком хорош для свиноводов, и начали называть его Свинарником. – Ленсман усмехнулся. – Нечего выставляться, правда же?

– Мм... А что Ленни Хелл так долго делает в Таиланде, как по-вашему?

– Ну что люди вроде Ленни могут делать в Таиланде?

– Я не знаю Ленни, – сказал Харри.

– Хороший парень, – ответил лэнсман. – Умный, компьютерный инженер. Работает фрилансером на дому, мы, случается, звоним ему, если у нас возникают проблемы с компьютерами. Не пьет, ни в чем не замечен. Финансы у него в порядке, как мне кажется. Но вот с женщинами у него никогда особо не получалось.

– Как это?

Джимми посмотрел на облачко пара, образовавшееся на морозе:

– Холодно здесь, парни. Может, зайдем и выпьем по чашке кофе?

– Думаю, Ленни может искать в Таиланде женщину, – сказал Джимми, наливая кофе из кофеварки в белые кружки с надписью «Норвежская служба занятости» и в свою кружку с логотипом спортивного клуба «Лиллестрём СК». – Здесь, дома, он не справился с конкуренцией.

– Вот как?

– Да. Как я уже говорил, Ленни – одинокий волк, он всегда сам по себе, много не болтает, так что он изначально не слишком привлекателен для девушек. Кроме того, он борется с быстро возникающей ревностью. Насколько я знаю, он никогда не причинял вреда даже кошке, но был один случай, когда нам позвонила женщина и сказала, что Ленни слишком настойчиво предлагал продолжать их свидания.

– То есть был преследователем?

– Ну да, сейчас это так называется. Ленни посылал ей кучу текстовых сообщений и цветов, хотя она и сказала ему, что не заинтересована в продолжении отношений. Она четко дала понять, что не хочет его видеть, и больше с ним не встречалась. Но та женщина вроде бы стала замечать, что вещи в ее квартире перемещаются, пока она находится на работе. И она позвонила нам.

– Она считала, что он бывал в ее квартире?

– Я поговорил с Ленни, но он все отрицал. И больше мы ничего на этот счет не слышали.

– У Ленни Хелла есть 3D-принтер?

– Есть что?

– Такая машина, на которой можно изготовить копию ключей.

– Понятия не имею, но он, как я говорил, компьютерный инженер.

– И насколько он ревнив? – спросил Олег, и двое мужчин повернулись к нему.

– По шкале от одного до десяти? – уточнил Джимми.

Харри не понял, с иронией он это произнес или нет.

– Я просто интересуюсь, могла ли у него быть болезненная ревность? – спросил Олег, неуверенно поглядывая на Харри.

– О чем говорит ваш мальчишка, Холе? – Джимми громко отхлебнул из своей кружки канареечного цвета. – Он спрашивает, убил ли Ленни кого-нибудь?

– Ну что же... Как я сказал по телефону, мы пытаемся смотать последние ниточки в деле вампириста, а Ленни общался с двумя его жертвами.

– А этот тип Валентин их убил, – сказал Джимми. – Или же в этом возникли сомнения?

– Никаких сомнений, – произнес Харри. – Как я и говорил, просто хотелось расспросить Ленни Хелла об этом общении. Вдруг бы выяснилось что-то, о чем мы не знали. Я увидел на карте, что он живет всего в нескольких километрах отсюда, и подумал, что мы доедем до его дома и

постучим в дверь. И дело будет сделано.

Ленсман ласково провел большой рукой по кружке с клубной эмблемой.

– В газете написано, что вы теперь преподаватель, а не следователь.

– Я, как и Ленни, фрилансер.

Джимми сложил руки так, что левый рукав рубашки задрался и обнажил выцветшую татуировку, изображающую женское тело.

– Хорошо, Холе. Как вы понимаете, в ленсманском округе Ниттедал происходит не так много событий, и слава богу. Когда вы позвонили, я не просто оповестил людей, но и проехал к дому Ленни. То есть доехал, куда было возможно. Свинарник располагается в конце лесной дороги, и когда проедешь мимо последнего соседа в полтора километрах от него, то внезапно натыкаешься на снежный покров в полметра высотой, как на дороге, так и на обочинах, без всяких следов шин или человеческих ног. Тут бродят лишь лоси и лисицы. Может, еще волки. Понимаете? Там неделями никого не было, Холе. Если хотите найти Ленни, покупайте билет на самолет в Таиланд. Паттайя – популярное место у тех, кто ищет тайскую женщину, как я слышал.

– Снегоход, – сказал Харри.

– Что?

– Если я вернусь завтра с ордером на обыск, вы сможете предоставить мне снегоход?

Харри понял, что хорошее настроение ленсмана закончилось. Наверное, он представлял себе приятный разговор за чашкой кофе, во время которого он сможет продемонстрировать столичной полиции, насколько эффективно работает полиция в деревне. Вместо этого прибывшие плюют на его суждения и, как какого-нибудь снабженца, просят предоставить в их распоряжение средство передвижения.

– Для того чтобы преодолеть полтора километра, снегоход не нужен, – сказал Джимми, потянув за кончик начавшего облезать загорелого носа. – Используйте лыжи, Холе.

– У меня нет лыж. Нужны снегоход и человек, который может им управлять.

Казалось, что последовавшая за этим тишина длится вечность.

– Я видел, что машину ведет ваш парень. – Джимми склонил голову набок. – У вас что, прав нет, Холе?

– Есть, но однажды я насмерть задавил полицейского. – Харри поднял кружку и осушил ее. – Не хочу, чтобы это повторилось. Спасибо за кофе, увидимся завтра.

– Что это было? – спросил Олег, пока они стояли с включенным поворотником и ждали момента, когда можно будет выехать на главную дорогу. – Ленсман соглашается на встречу в субботу, чтобы помочь, а ты начинаешь так варварски с ним обращаться?

– Неужели?

– Да!

– Включи левый поворотник.

– Осло направо.

– А GPS утверждает, что если повернуть налево, то до кафе «Онебю пицца и гриль» ехать две минуты.

Владелец «Онебю пицца и гриль», представившийся Томми, вытер пальцы о фартук и внимательно посмотрел на фотографию, которую ему показывал Харри.

– Может быть, но я не помню, как выглядел спутник Ленни, помню только, что он *был* здесь, и не один, в тот вечер, когда в Осло убили ту женщину. Ленни – одинокий волк, он всегда один, редко сюда заходит. Вот почему я вспомнил тот вечер, когда вы позвонили мне осенью.

– Человека на фотографии зовут Александр или Валентин. Вы не слышали, Ленни называл его каким-нибудь из этих имен во время разговора?

– Не помню, чтобы я вообще слышал, что они разговаривают. В тот вечер я обслуживал клиентов один, жена работала в кухне.

– Когда они ушли?

– Откуда я знаю? Они съели пиццу «Кнут особая XXL» с пеперони и ветчиной на двоих.

– Значит, это вы помните?

Томми улыбнулся и постучал указательным пальцем по виску:

– Закажите пиццу сейчас, а потом возвращайтесь через три месяца и спросите, что вы заказывали. Дам вам ту же скидку, что и офису ленсмана. Все основы для пиццы низкоуглеводные, с орехами.

– Соблазнительно, но у меня мальчик сидит в машине снаружи. Спасибо за помощь.

– Да не за что.

Олег вел машину в ранних сумерках.

Они с Харри молчали, погруженные каждый в свои мысли.

Харри подсчитывал. Валентин вполне мог съесть пиццу с Ленни и

успеть в Осло к моменту убийства Элисы Хермансен.

Встречный трейлер проехал на такой большой скорости, что машину потрянуло.

Олег кашлянул:

– А как ты собираешься получить этот ордер на обыск?

– Мм?

– Во-первых, ты не работаешь в отделе убийств. Во-вторых, у тебя нет достаточных оснований для получения этой синей бумажки.

– Нет?

– Нет, если я хорошо усвоил пройденный материал.

– Рассказывай, – улыбнулся Харри.

Олег немного сбросил скорость.

– В нашем случае существуют неопровержимые доказательства того, что Валентин убил ряд женщин. Ленни Хелл случайно встречался с двумя из них. Одно только это не дает полиции права врываться в дом к Ленни Хеллу в то время, когда он находится в отпуске в Таиланде.

– Согласен. На этом основании будет трудно получить ордер. Так что давай поедem в Грини.

– В Грини?

– Я хотел поболтать с Халлстейном Смитом.

– Мы с Хельгой сегодня вечером будем вместе готовить обед.

– Точнее, поговорить о болезненной ревности. Обед, значит?

Понимаю, и я сам доберусь до Грини.

– Грини почти по дороге, так что все в порядке.

– Поезжай готовить обед, я могу задержаться у Смита.

– Слишком поздно. Ты сказал, что я могу поехать с тобой.

Олег увеличил скорость, обогнал трактор, включил дальний свет.

Какое-то время они ехали в молчании.

– Шестьдесят, – сказал Харри и начал набирать номер телефона.

– И скользко, – ответил Олег и немного ослабил давление на педаль газа.

– Виллер? – заговорил Харри. – Это Харри Холе. Надеюсь, в субботу вечером ты сидишь дома и скучаешь. Да? Тогда тебе придется объяснить этой милой даме, кем бы она ни была, что ты должен помочь ушедшему в отставку, но легендарному полицейскому проверить пару вещей.

– Болезненная ревность, – сказал Халлстейн Смит, оживленно глядя на своих только что прибывших гостей. – Это интересная тема. Но вы действительно проделали весь путь сюда, чтобы поговорить со мной? На

этом ведь больше специализируется Столе Эуне?

Олег кивнул, соглашаясь.

– Я хочу поговорить с тобой, потому что ты сомневаешься, – пояснил Харри.

– Сомневаюсь?

– Ты сказал кое-что тем вечером, когда сюда пришел Валентин. Обмолвился, что он знал.

– Знал что?

– Этого ты не сказал.

– Я был в шоке и, наверное, много чего наговорил.

– Нет, на самом деле ты говорил очень мало, Смит.

– Ты слышала, Май? – засмеялся Халлстейн Смит и посмотрел на маленькую женщину, которая наливала им чай.

Она улыбнулась и кивнула, взяла чайник и чашку и удалилась в гостиную.

– Я произнес «он знал», и ты толкуешь это так, что я сомневался в чем-то? – спросил Смит.

– Звучит как нечто не до конца ясное, – сказал Харри. – Будто ты не совсем понимал, как Валентин мог узнать нечто. Я ошибаюсь?

– Я в растерянности, Харри. Что касается моего подсознания, то ты можешь ответить так же хорошо или даже лучше, чем мое сознание. Почему ты спрашиваешь?

– Потому что появился один мужчина. То есть он очень спешил отъехать в Таиланд. Но я попросил Виллера проверить, и фамилии этого человека не оказалось ни в одном списке пассажиров в то время, когда он мог уехать. За последние три месяца не было зарегистрировано транзакций по банковской или кредитной карте этого человека ни в Таиланде, ни в других местах. И что тоже интересно, Виллер нашел его имя в списке людей, покупавших 3D-принтеры за последний год.

Смит посмотрел на Харри. Потом отвернулся и выглянул в окно кухни. Снег лежал как мягкое сверкающее пуховое одеяло на земле во мраке там, снаружи.

– Валентин знал, где располагается мой кабинет. Вот что я имел в виду, когда говорил, что он *знал*.

– Твой адрес, ты хочешь сказать?

– Нет, я хочу сказать, что прямо от ворот он направился к хлеву. Он не только знал, что там находится мой кабинет, но и то, что обычно я сижу там по ночам.

– Возможно, он заметил свет в окне?

– Свет в окне от ворот увидеть невозможно. Пошли, я покажу вам кое-что.

Они отправились в сарай и заперлись в кабинете, где Смит включил компьютер.

– Здесь у меня все записи с камер наблюдения, мне просто надо поискать в датах, – сказал Смит, стуча по клавиатуре.

– Классный рисунок, – заметил Олег, кивнув в сторону человека-вампира на стене. – Зловещий.

– Альфред Кубин, – ответил Смит. – «Der Vampyr». У моего отца была книга с рисунками Кубина, и я лежал дома и рассматривал ее, пока другие молодые люди ходили в кино на плохие фильмы ужасов. Но к сожалению, Май не разрешает мне держать рисунки Кубина в фермерском доме, она говорит, что они вызывают у нее кошмары. Кстати, о кошмарах; вот запись с Валентином.

Смит указал на монитор, и остальные склонились над его плечом.

– Здесь вы видите, как он входит в хлев. Вы видите, что он не медлит, он точно знает, куда ему надо. Откуда? Те два терапевтических часа с Валентином я проводил не здесь, а в арендованном офисе в центре города.

– Ты хочешь сказать, что кто-то проинструктировал его заранее?

– Я хочу сказать, что кто-то мог проинструктировать Валентина Йертсена. С самого начала проблемой этого дела было то, что вампиристы не имеют таких способностей к планированию, на которые указывают эти убийства.

– Мм... Мы не нашли 3D-принтера дома у Валентина. Другой человек мог распечатать для него копии ключей. Человек, ранее делавший копии ключей для себя самого и проникавший в жилище женщин, которые дали ему отставку. Которые отказали ему. И пошли дальше и стали встречаться с другими мужчинами.

– С более значительными мужчинами, – добавил Смит.

– Ревность, – произнес Харри. – Болезненная ревность. Но у человека, который и мухи не обидит. А когда человек не может обидеть, ему нужен *заместитель*. Тот, кто сумеет сделать то, чего он сделать не в состоянии.

– Убийца, – сказал Смит, медленно кивая.

– Тот, кто хочет убивать ради убийства. Валентин Йертсен. Значит, у нас есть человек, который создает условия, и исполнитель. Агент и артист.

– О господи, – сказал Смит и провел ладонями по щекам. – В таком случае моя диссертация начинает казаться разумной.

– Каким образом?

– Я был в Лионе и делал доклад об убийствах вампириста, и, хотя мои

коллеги восхищались моей новаторской работой, я все время указывал на то, что в ней есть недостаток, из-за которого ее нельзя в полной мере считать эпохальным исследованием. А именно: эти убийства не соответствуют созданному мной психологическому портрету вампириста.

– И каков же он?

– Это человек с шизофреническими и параноидальными чертами, который из-за своей непреодолимой жажды крови убивает тех, кто ближе и кого легче, который не в состоянии совершить убийство, требующее серьезного планирования и терпения. А убийства этого вампириста указывают, скорее, на человека с инженерным складом ума.

– Мозг, – сказал Харри. – Человек, выступающий в роли мозгового центра, приходит к Валентину, которого вынудили прекратить его деятельность, поскольку он не может свободно передвигаться, ведь его в любой момент может схватить полиция. Мозг предлагает Валентину ключи от квартир женщин, живущих в одиночестве. Фотографии, сведения об их буднях, о том, когда они приходят и уходят, – все, что нужно Валентину, чтобы добраться до них и не подставиться. Как он может отвергнуть такое предложение?

– Идеальный симбиоз.

Олег кашлянул.

– Да? – сказал Харри.

– Полиция безуспешно искала Валентина годами. Как его отыскал Ленни?

– Хороший вопрос, – ответил Харри. – Во всяком случае, они познакомились не в тюрьме, у Ленни Хелла история чистая, как пасторский воротничок.

– Что ты сказал? – спросил Смит.

– Пасторский воротничок.

– Нет, имя.

– Ленни Хелл, – повторил Харри. – А что с ним?

Халлстейн Смит не отвечал, просто смотрел на Харри разинув рот.

– О черт, – тихо произнес Харри.

– О черт – что? – спросил Олег.

– Пациенты, – ответил Харри. – Одного врача. Валентин Йертсен и Ленни Хелл встретились в приемной. Это так, Халлстейн? Давай, опасность совершения новых убийств отменяет обязанность молчать.

– Да, Ленни Хелл действительно некоторое время назад был моим пациентом. И он обычно приходил сюда, знал о моей привычке работать здесь, в хлеву, по ночам. Но они с Валентином не могли встретиться здесь,

потому что с Валентином мы работали в городе.

Харри наклонился на стуле:

– Но можно ли представить, что Ленни Хелл был болезненно ревнивым человеком, который сотрудничал с Валентином Йертсеном по поводу убийств отвергнувших его женщин?

Халлстейн Смит задумчиво приложил два пальца к подбородку и кивнул.

Харри откинулся на спинку стула. На мониторе компьютера картинка остановилась на том, как подстреленный Валентин ползет из хлева. Стрелка весов, показывавшая 74,7 килограмма, когда он пришел, сейчас показывала 73,2 килограмма. Это означало, что полтора килограмма крови осталось на полу кабинета. Все это простая математика, и сейчас задачка сошлась. Валентин Йертсен плюс Ленни Хелл. Ответ – два.

– Значит, дело надо возобновлять, – сказал Олег.

– Этого не будет, – отрезал Гуннар Хаген и посмотрел на часы.

– Почему? – спросил Харри и подал знак Нине, чтобы она принесла счет.

Начальник отдела по расследованию убийств вздохнул:

– Потому что дело раскрыто, Харри, и то, что ты мне сейчас рассказываешь, слишком похоже на теорию заговора. Случайные совпадения вроде того, что этот Ленни Хелл общался с двумя жертвами, и психологические допущения типа того, что, *кажется*, Валентин знал, что ему надо направо? Такое журналисты и писатели используют для создания версий вроде той, что Кеннеди застрелило ЦРУ или что настоящий Пол Маккартни мертв. Убийства вампириста по-прежнему привлекают внимание, и если мы возобновим дело на таких основаниях, то выставим себя клоунами.

– Значит, вот что тебя беспокоит, шеф? Что ты выставишь себя клоуном?

Гуннар Хаген натянуто улыбнулся:

– Всегда, когда ты называешь меня «шеф» вот таким образом, я чувствую себя клоуном, Харри. Ведь все знали, что настоящим шефом был ты. Ничего страшного, я смирился, а ты получил право распоряжаться нами, потому что это приносило результаты. Однако это дело закрыто крышкой. И крышка плотно прикручена.

– Это Микаэль Бельман, – сказал Харри. – Он не желает рисковать и не хочет, чтобы кто-то испортил всю картину сейчас, перед тем как он вступит в должность министра.

Хаген пожал плечами:

– Спасибо, что пригласил на кофе поздним субботним вечером, Харри. Как твои домашние?

– Хорошо, – ответил Харри. – Ракель здорова и полна сил. Олег готовит обед вместе со своей девушкой. А как дела у вас?

– Все в порядке. Катрина и Бьёрн купили себе дом, как ты, наверное, знаешь.

– Нет, я этого не знал.

– У них был небольшой перерыв в отношениях, но теперь совершенно ясно, что они твердо решили быть вместе. Катрина беременна.

– Это правда?

– Да, должна родить в июне. Жизнь продолжается.

– У некоторых, – проговорил Харри и протянул двухсоткрановую купюру Нине, которая моментально отсчитала ему сдачу. – А у некоторых – нет. Здесь, в «Шрёдере», жизнь стоит на месте.

– Вижу, – сказал Гуннар Хаген. – Я думал, что наличные уже не в ходу.

– Я не об этом. Спасибо, Нина.

Хаген подождал, пока официантка отойдет.

– Значит, поэтому ты захотел встретиться здесь? Чтобы напомнить мне об этом. Думаешь, я забыл?

– Нет, я так не думал, – сказал Харри. – Но пока мы не узнаем, что случилось с Мартой Руд, дело не будет раскрыто. Ни для ее семьи, ни для работающих здесь, ни для меня. И ни для тебя, я это вижу. И ты знаешь, если Микаэль Бельман так прочно привинтил крышку, что ее невозможно открыть, я просто разобью всю банку.

– Харри...

– Послушай, все, что мне нужно, – это ордер на обыск и твое разрешение на проведение следственных действий. Тогда я проверю эту одинокую ниточку, а потом обещаю остановиться. Только одна услуга, Гуннар. Потом я сдаюсь.

Хаген приподнял свою кустистую бровь:

– Гуннар?

Харри пожал плечами:

– Сам сказал, ты мне больше не шеф. Ну, что дальше?

– Такие действия полностью противоречили бы руководящим указаниям начальника полиции в отношении этого дела.

– Ты тоже не перевариваешь Бельмана, и скоро он перестанет быть твоим начальником. Давай, ты всегда был сторонником хорошей и основательной полицейской работы, Гуннар.

– Ты знаешь, что это похоже на подлизывание, Харри?

– И что?

Хаген тяжело вздохнул:

– Я ничего не обещаю, но я подумаю об этом, хорошо?

Начальник отдела застегнул пальто и поднялся.

– Помню один совет, который я получил, когда только начал работать следователем, Харри. Если ты хочешь выжить, то должен научиться искусству отпускать.

– Наверняка это хороший совет, – сказал Харри, поднес чашку с кофе ко рту и поднял взгляд на Хагена. – Если ты считаешь, что для тебя чертовски важно выжить.

Глава 35

Воскресенье, утро

– Вот они, – сказал Харри Халлстейну Смит, и тот притормозил и остановил машину рядом с двумя мужчинами, которые стояли, сложив руки на груди, посреди лесной дороги.

Харри с Халлстейном вышли из автомобиля.

– Брр. – Смит засунул руки в карманы своего разноцветного пиджака. – Ты был прав, мне надо было одеться потеплее.

– Возьми это, – сказал Харри и снял с себя черную шерстяную шапку с вышитым черепом и надписью «Санкт-Паули»^[53].

– Спасибо, – ответил Смит, натягивая ее на уши.

– Добрый день, Холле, – поздоровался ленсман.

Позади него, там, где по лесной дороге было невозможно проехать дальше, стояло два снегохода.

– Добрый день, – сказал Харри, снимая солнцезащитные очки. Отражающийся от снега свет резал глаза. – И спасибо, что вы смогли так быстро все организовать. Это Халлстейн Смит.

– Не стоит благодарить нас за то, что мы выполняем свою работу, – произнес ленсман и кивнул человеку, одетому так же, как он сам, в сине-белый комбинезон, из-за чего оба казались детсадовскими детишками-переростками. – Артур, возьми парня в пиджачке?

Харри смотрел, как снегоход со Смитом и полицейским исчезает вдаль. Звук его прорезал морозный чистый воздух, как бензопила.

Джимми перекинул ногу через удлиненное седло снегохода, кашлянул и нажал на стартер.

– Если позволите, то снегоход поведет местный ленсман.

Харри надел солнцезащитные очки и уселся позади него.

Телефонный разговор накануне поздним вечером был короток.

«Джимми».

«Это Харри Холле. У меня есть все, что нужно. Можете предоставить снегоходы и проводить нас к дому завтра в первой половине дня?»

«Ого!»

«Нас двое».

«А как вы раздобыли орд...»

«В половине двенадцатого?»

Пауза.

«Хорошо».

Их снегоход ехал по следу первого. От окон разбросанных внизу по долине строений и от шпиля церкви отражались солнечные лучи. Температура воздуха резко снизилась, когда они въехали в хвойный лес, заслонивший солнце. Один раз они упали, въехав во впадину на покрытой льдом реке.

Поездка заняла всего три-четыре минуты, и все равно Харри стучал зубами, когда они остановились рядом со Смитом и полицейским перед заросшей обледенелой оградой. Прямо перед ними находились запертые кованые ворота, зацементированные снегом.

– Ну вот и Свинарник, – сказал ленсман.

В тридцати метрах от ворот стоял большой, пришедший в упадок трехэтажный «вороний замок», окруженный высокими елями. Если деревянные доски обшивки дома и были когда-то покрашены, то теперь следы краски исчезли, превратившись в оттенки серого и серебристого. Шторы за окнами напоминали грубые простыни и холсты.

– Темноватое место для постройки дома, – сказал Харри.

– Три этажа в готическом стиле, – заметил Смит. – Это не вполне соответствует традициям местной архитектуры, правда?

– Семья Хелл нарушила множество традиций, – откликнулся ленсман. – Но законы – нет.

– Мм... Могу я попросить вас взять с собой кое-какие инструменты, ленсман?

– Артур, прихватишь ломик? Пошли, давайте покончим с этим.

Сойдя со снегохода, Харри провалился в снег до середины бедра, но быстро пробился к воротам и перелез через них. Трое других мужчин следовали за ним.

Они прошли по крытой веранде, тянувшейся вдоль фасада дома. Она выходила на юг, так что, возможно, летом в середине дня дом получал порцию солнца. А для чего еще нужна веранда? Чтобы было где посидеть, позволяя комарам высосать из тебя всю кровь? Харри подошел к двери и попробовал рассмотреть, что за ней, через шершавое стекло, а потом нажал на ржавую кнопку старомодного звонка.

Но звонок, во всяком случае, работал, и где-то в доме раздался звон.

Трое мужчин подошли к Харри сбоку, и он нажал на звонок еще раз.

– Если бы он был дома, то уже стоял бы в дверях и ждал нас, – произнес ленсман. – Эти снегоходы слышно за два километра, а дорога, как я говорил, ведет только сюда.

Харри позвонил еще раз.

– Ленни Хелл не слышит вас в Таиланде, – сказал ленсман. – Меня семья ждет, мы собираемся на лыжную прогулку, так что выбивай стекло, Артур.

Полицейский взмахнул ломом, и окно рядом с дверью с хрустом разбилось. Он снял одну варежку, просунул руку в отверстие, некоторое время шарил ею с сосредоточенным выражением лица, а потом Харри услышал звук поворачивающегося замка.

– Прошу вас, – произнес Джимми, открыл дверь и взмахнул рукой, приглашая их внутрь.

Харри вошел.

Дом казался необитаемым, это первое, что пришло ему в голову. Возможно, нехватка современных удобств навела его на мысли о жилищах известных людей, превращенных в музеи. Как в тот раз, когда ему было четырнадцать и родители взяли его и Сестрёныша в Москву. Там они побывали в доме, где жил Федор Достоевский. Это был самый бездушный дом из всех, в каких приходилось бывать Харри, возможно, поэтому роман «Преступление и наказание», который он начал читать спустя три года, поверг его в такой шок.

Харри прошел по коридору в большую открытую гостиную. Он нажал выключатель на стене, но ничего не произошло. Однако дневного света, просачивающегося сквозь сероватые шторы, было достаточно, чтобы он мог заметить пар от собственного дыхания. Несколько старых предметов мебели были хаотично разбросаны по комнате, будто находившиеся там раньше стол со стульями пропали после неудачного раздела наследства. Тяжелые картины покосились, возможно из-за перепадов температуры. А еще Харри понял, что Ленни Хелл находится не в Таиланде.

Ни души. Бездушно.

Ленни Хелл – во всяком случае, этот человек был похож на Ленни Хелла, судя по фото, которое видел Харри, – сидел в кресле в той же волшебной позе, в какой обычно засыпал дедушка Харри, когда напивался, с той лишь разницей, что правая нога Ленни была слегка оторвана от пола, а правая рука парила на несколько сантиметров выше подлокотника. В общем, после наступления окоченения труп слегка завалился на одну сторону. А случилось это давно. Месяцев пять назад, например.

Голова Ленни навела Харри на мысли о пасхальном яйце: хрупкая, сухая, без содержимого. Казалось, кожа на ней съежилась так, что рот оказался открытым, обнажив посеревшие вокруг зубов десны. Во лбу зияла черная дыра, кровь отсутствовала, поскольку голова Ленни Хелла была откинута назад. Открыв рот, он остекленевшим взглядом смотрел в

потолок.

Когда Харри обошел вокруг кресла, он увидел, что пуля прошла сквозь его высокую спинку. На полу справа от кресла лежал черный металлический предмет, похожий на карманный фонарик. Харри узнал его. Когда Харри было лет десять, дедушка решил, что ему неплохо узнать, откуда на Рождество берутся свиные ребрышки. Он повел его за хлев, где приложил ко лбу Хейдрун, огромной свиньи, механизм, который называл забойным пистолетом^[54], хоть он и не был огнестрельным оружием. Потом дед на что-то нажал, раздался резкий удар, Хейдрун вздрогнула, как будто удивилась, и повалилась наземь. После этого они выпустили из нее кровь, но лучше всего Харри запомнился запах пороха и как ноги Хейдрун через некоторое время начали дергаться. Дедушка сказал, что это всего лишь механика тела, а Хейдрун давно уже умерла. Но Харри еще долго мучили кошмары о подергивающихся свиных ногах.

За спиной у Харри скрипнули половицы, и он услышал учащенное дыхание.

– Ленни Хелл? – спросил Харри, не оборачиваясь.

Ленсману пришлось дважды кашлянуть, прежде чем он смог выдавить утвердительное «да».

– Не подходите ближе, – велел Харри, сел на корточки и оглядел помещение.

Оно с ним не разговаривало. Это место преступления молчало. Возможно, потому, что преступление произошло очень давно или эта комната была не местом преступления, а тем местом, где человек, живущий в этом доме, решил, что больше жить не хочет.

Харри вынул телефон и позвонил Бьёрну Хольму:

– У меня труп недалеко от Онебю в Ниттедале. Вам позвонит человек по имени Артур и объяснит, где он вас встретит.

Харри положил трубку и прошел в кухню. Он нажал на выключатель, но и здесь свет не включился. В кухне было чисто, но в раковине стояла тарелка с засохшим, покрывшимся плесенью соусом. Перед холодильником находилась покрытая льдом лужа.

Харри вышел в коридор.

– Посмотри, может, найдешь распределительную коробку, – сказал он Артуру.

– Наверное, электричество отключено, – предположил ленсман.

– Звонок действует, – ответил Харри и поднялся по винтовой лестнице, начинавшейся в коридоре.

На втором этаже он заглянул в три спальни. Все они были тщательно

убраны, но в одной одеяло было откинута с кровати, а на стуле висела одежда.

На третьем этаже Харри зашел в комнату, которая наверняка служила кабинетом. На полках и у окна стояли книги и папки, а на одном из длинных столов – компьютер и три больших монитора. Харри обернулся. На столе у двери стоял ящик размером приблизительно три четверти на три четверти метра с большими металлическими рамами и стеклянными стенками, а на подставке внутри его лежал маленький белый пластмассовый ключ. 3D-принтер.

Раздались отдаленные удары колокола. Харри подошел к окну. Отсюда он видел церковь, наверняка колокола звонили после воскресной службы. Дом Хеллов был больше в высоту, чем в ширину, и напоминал башню посреди леса, как будто Хеллам требовалось место, откуда они могли бы наблюдать, оставаясь при этом невидимыми. Взгляд Харри упал на папку, лежащую перед ним на столе. На имя, написанное на ней от руки. Он открыл папку и прочитал первый лист, потом поднял голову и посмотрел на идентичные папки на книжной полке. Он вышел на лестницу:

– Смит!

– Да?

– Поднимись сюда!

Когда психолог спустя тридцать секунд переступил порог кабинета, он не подошел к столу, за которым Харри листал папку, а остался у двери и стал оглядываться с удивленным выражением на лице.

– Узнаешь их? – спросил Харри.

– Да. – Смит подошел к книжной полке и взял одну из папок. – Это мои. Это мои записи. Те, что были украдены.

– И эта тоже, я полагаю, – сказал Харри и поднял папку, чтобы Халлстейн Смит смог прочитать первую страницу.

– «Александр Дрейер». Да, это мой почерк.

– Я не понимаю всей терминологии, но зато понимаю, что Дрейер был озабочен песней «Dark Side of the Moon». И женщинами. И кровью. Ты пишешь, что у него может развиваться вампиризм, и делаешь пометку, что, если развитие пойдет в этом направлении, тебе придется нарушить врачебную тайну и направить уведомление в полицию.

– Как я и говорил, Дрейер перестал ходить ко мне.

Харри услышал, как открылась какая-то дверь, и выглянул в окно как раз вовремя, чтобы увидеть, как полицейский просовывает голову в ограждение веранды и блюет на снег.

– Где они искали распределительную коробку?

– В подвале, – ответил Смит.

– Жди здесь, – велел Харри.

Он спустился вниз. В коридоре появился свет, а дверь в подвал была открыта. Согнувшись, Харри спустился по узкой темной лестнице в подвал, ударился обо что-то лбом и почувствовал, как лопнула кожа. Стык на водопроводной трубе. Он ощутил пол под ногами и увидел одинокую горящую лампочку перед чуланом, у которого стоял, опустив руки по швам, Джимми и смотрел внутрь.

Харри подошел к нему. Холод в гостиной приглушал запахи, хотя на трупе имелись признаки гниения. Но здесь, внизу, было влажно, и, несмотря на холод, температура никогда не опускалась так низко, как на улице. И по мере приближения Харри понял, что запах, который он поначалу принял за запах гнили и картошки, на самом деле был запахом еще одного трупа.

– Джимми, – тихо произнес он, и ленсман вздрогнул и обернулся.

Его глаза были широко открыты, на лбу – порез, и Харри поначалу отпрянул от него, но потом понял, что ленсман тоже ударился о трубу.

Ленсман отошел в сторону, и Харри заглянул в чулан.

Там находилась клетка. Три на два метра. С железной решеткой и дверью, на которой болтался открытый навесной замок. Возможно, она была предназначена для содержания в неволе зверя. Сейчас в ней никто не содержался в неволе. Потому что то, что находилось в пустой оболочке, исчезло. И опять – бездушность. Но Харри понял, почему реакция молодого полицейского была такой сильной.

Хотя степень гниения подтверждала, что она уже давно мертва, мыши и крысы еще не добрались до обнаженной женщины, свисавшей с решетчатого потолка клетки на обмотанной вокруг шеи веревке. И то, что тело осталось неповрежденным, позволило Харри в подробностях разглядеть, что с ним делали. Нож. В основном нож. Харри столько их повидал, изувеченных самыми разными способами. Кто-то может подумать, что это закаляет. И это так. Человек привыкает видеть результаты случайных увечий и повреждений, нанесенных в результате борьбы, видеть жертв убийств ножом, которым пользуются как эффективным средством лишения жизни или при ритуальных безумствах. Но ничто не может подготовить к тому, что увидел Харри. Увечья, по которым становилось понятно, чего хотел достичь наносивший их: физической боли и отчаянного страха жертвы, понимающей, что произойдет. Сексуальное наслаждение и изобретательное удовлетворение убийцы. Шок, отчаянная беспомощность и тошнота у тех, кто найдет изувеченного. Достиг ли

убийца того, чего хотел, в этом случае?

Ленсман позади него закашлялся.

– Не здесь, – сказал Харри. – Идите на улицу.

Он услышал шаркающие шаги ленсмана, когда открывал дверь клетки и заходил внутрь. Девушка, висевшая в ней, была худой, с белой, как снег на улице, кожей, покрытой красными пятнами. Не кровь. Веснушки. В животе у нее была большая дыра от пули.

Харри сомневался, что она избавила себя от страданий, повесившись. Причиной смерти, конечно, могла быть рана от пули на животе, но выстрел мог быть также сделан от разочарования после того, как она умерла, как перестала действовать, – так дети продолжают ломать уже сломанную игрушку.

Харри отвел в сторону рыжие волосы, закрывавшие ее лицо. Отвел в сторону все сомнения. Лицо девушки не выражало ничего. К счастью. Когда ее призрак придет к нему однажды ночью, довольно скоро, Харри хотелось бы, чтобы его лицо ничего не выражало.

– К-кто это?

Харри обернулся. На Смите по-прежнему была шапочка «Санкт-Паули», натянутая почти до глаз, словно он замерзал, но Харри сомневался, что его дрожь была вызвана морозом.

– Это Марта Руд.

Глава 36

Воскресенье, вечер

Харри сидел, обхватив голову руками, и слушал тяжелые шаги и голоса, доносившиеся с верхнего этажа. Они находились в гостиной. В кухне. В коридоре. Ограждали, устанавливали маленькие флажки, фотографировали.

Потом он заставил себя поднять глаза и снова посмотреть на нее.

Он объяснил ленсману, что они не должны снимать Марту Руд до приезда криминалистов. Конечно, можно было уверять себя, что она до смерти истекла кровью в багажнике машины Валентина: крови там было вполне достаточно. Но слева на полу в клетке лежал матрас, рассказывавший другую историю. Он был черным, за долгое время он успел пропитаться выделениями человеческих тел. А прямо над матрасом к решетке клетки были прикреплены наручники.

На лестнице в подвал раздались шаги. Хорошо знакомый голос выругался, и появился Бьёрн Хольм, с кровоточащим порезом на лбу. Он встал рядом с Харри и заглянул в клетку, после чего повернулся к нему:

– Теперь я понимаю, почему у тех двоих полицейских одинаковые порезы на лбу. Да и у тебя, как я погляжу. Но никто из вас меня не предупредил, да?

Он быстро обернулся и прокричал в сторону лестницы:

– Не ударься о воду...

– Ой! – раздался приглушенный голос.

– Ты понимаешь людей, которые строят лестницу в подвал таким образом, чтобы, спускаясь по ней, обязательно удариться?..

– Ты не хочешь на нее смотреть, – тихо сказал Харри.

– Что?

– Я тоже не хочу, Бьёрн. Я нахожусь здесь почти час, но легче мне, черт возьми, не становится.

– Так зачем же ты здесь сидишь?

Харри поднялся:

– Она так долго была одна. Я подумал...

Харри услышал предательскую дрожь в своем голосе. Он быстро подошел к лестнице и кивнул криминалисту, который стоял и потирал лоб.

Ленсман находился в коридоре, он стоял, приложив к уху телефон.

– Где Смит? – спросил Харри.

Ленсман указал наверх.

Когда Харри зашел в кабинет, Халлстейн Смит сидел у компьютера и читал папку с именем Александра Дрейера.

Он поднял глаза:

– То, что внизу, Харри, – это произведение Александра Дрейера.

– Давай называть его Валентином. Ты уверен?

– Все это есть здесь, в моих записях. Порезы. Он рассказывал мне, что у него бывают фантазии о том, как он пытается и убивает женщину. По его словам, это должно быть хорошо спланированным произведением искусства.

– И ты все равно не уведомил полицию?

– Очевидно, я думал об этом, но если мы станем извещать полицию обо всех гротескных преступлениях, которые наши клиенты совершают в своих фантазиях, то ни у нас, ни у полиции не останется времени ни на что другое, Харри. – Смит обхватил голову руками. – Только подумай, сколько человеческих жизней можно было бы спасти, если бы я просто...

– Не кори себя, Халлстейн. Неизвестно, предприняла бы полиция что-нибудь или нет. Кроме того, поскольку Ленни Хелл украл твои записи, то можно предположить, что он использовал их для того, чтобы скопировать фантазии Валентина.

– Это возможно. Не слишком вероятно, по моему мнению, но возможно. – Смит почесал голову. – Но я по-прежнему не понимаю, как Хелл мог узнать, что, украв мои записи, он найдет убийцу, с которыми сможет сотрудничать.

– Ну, ты довольно разговорчив, знаешь ли.

– Что?

– Подумай-ка, Смит. Разве ты не мог в разговоре с Ленни Хеллом о болезненной ревности упомянуть других пациентов, имеющих фантазии об убийстве?

– Наверняка я это делал, я всегда стараюсь объяснить пациентам, что не их одних посещают такие мысли, чтобы успокоить их и стабилизировать... – Смит замолчал и прикрыл рот рукой. – Господи, ты хочешь сказать, что я сам... что виноват мой длинный язык?

Харри покачал головой:

– Мы находим сотни способов, чтобы возложить вину на себя, Халлстейн. За те годы, что я работал следователем, наверняка дюжина людей погибла из-за того, что я не смог поймать серийного убийцу раньше. Но если ты хочешь выжить, то должен научиться искусству отпускать.

– Ты прав. – Смит глухо засмеялся. – Но это должен был сказать

психолог, а не полицейский.

– Поезжай домой, к семье, съешь воскресный обед и забудь об этом на какое-то время. Скоро приедет Торд и изучит компьютеры, посмотрим, что он найдет.

– Хорошо.

Смит поднялся, снял шерстяную шапочку и протянул ее Харри.

– Оставь ее, – сказал Харри. – А если кто-нибудь спросит, ты помнишь, зачем мы сюда сегодня приехали, правда?

– Да, конечно, – кивнул Смит, натягивая шапку.

И Харри подумал, что есть что-то парадоксально-комичное и одновременно зловещее в черепе эмблемы «Санкт-Паули», находившемся прямо над добродушным лицом психолога.

– Без ордера на обыск, Харри!

Гуннар Хаген орал так громко, что Харри приходилось держать телефон на расстоянии от уха, а Торд, сидевший у компьютера, поднял голову.

– Ты поехал по адресу и вломился в дом без ордера на обыск! Я ясно и четко сказал «нет»!

– Я не вломился, шеф. – Харри посмотрел в окно на долину. Начинало темнеть, в домах зажглись огни. – Это сделал местный ленсман. Я только позвонил в дверь.

– Я разговаривал с ним, и, по его словам, у него сложилось отчетливое впечатление, что у тебя был ордер на обыск.

– Я только сказал, что у меня есть все, что нужно. И это у меня было.

– И что же?

– Халлстейн Смит – психолог Ленни Хелла. У него есть полное право посетить пациента, о котором он беспокоится. В свете того, что мы выяснили о связи Хелла с двумя убитыми, Смит посчитал, что у него имеются основания для беспокойства. И он попросил меня, как бывшего полицейского, поехать с ним, на случай если Ленни Хелл проявит признаки агрессии.

– И Смит, разумеется, это подтвердит.

– Разумеется, шеф. Мы не шутим с такими делами психологов и их пациентов.

Харри услышал, как Гуннару Хагену виртуозно удалось одновременно рассмеяться и зашипеть от злости.

– Ты обманул ленсмана, Харри. И ты прекрасно знаешь, что теперь возможные доказательства могут быть отвергнуты судом, если суд

выяснит...

– Слушай, прекрати донимать меня, Гуннар.

Наступила пауза.

– Что ты сейчас сказал?

– Я по-дружески попросил тебя заткнуться, – ответил Харри. – Во-первых, выяснять тут нечего, мы не нарушали инструкций, когда входили в дом. Во-вторых, судить никого не будут. Все мертвы, Гуннар. Сегодня мы всего лишь выяснили, что случилось с Мартой Руд. И узнали, что Валентин Йертсен действовал не один. Не думаю, что это нанесет вред тебе или Бельману.

– Мне нет дела до...

– Есть, есть, и вот тебе текст для прощального пресс-релиза начальника полиции: «Полиция неустанно занималась поисками Марты Руд, и за нашу настойчивость мы были вознаграждены. И мы думаем, этого заслуживает чертова семья Марты и вся долбаная Норвегия». Записал? Ленни Хелл не принизит успеха начальника полиции в деле Валентина, шеф. Это будет добавление к делу. Так что расслабься и съешь стейк. – Харри опустил телефон в карман брюк и провел рукой по лицу. – Что у тебя, Торд?

Компьютерщик поднял на него глаза:

– Электронная корреспонденция. Она подтверждает сказанное вами. Когда Ленни Холл связывается с Александром Дрейером, он объясняет ему, что нашел его адрес в архиве пациентов Смита, который он похитил. Потом Хелл переходит прямо к делу и предлагает ему сотрудничество.

– Он использует слово «убийство»?

– Да.

– Хорошо. Продолжай.

– Проходит несколько дней, прежде чем Дрейер, то есть Валентин, отвечает. Он пишет, что сначала должен был убедиться, действительно ли похищен архив пациентов и не полиция ли это заманивает его в ловушку. Но он открыт для предложений.

Харри глянул через плечо Торда и вздрогнул, увидев слова на экране:

«Мой друг, я открыт для красивых предложений».

Торд прокрутил дальше и продолжил:

– Ленни Хелл пишет, что они будут поддерживать связь только по электронной почте и что Валентин ни при каких обстоятельствах не должен пытаться выяснить, кто он. Он просит Валентина предложить место, где Хелл может передавать ему ключи от квартир женщин и возможные дополнительные инструкции, но так, чтобы они не встречались. Валентин

предлагает раздевалку в «Кагалоглу-хамаме»...

– В турецкой бане.

– За четыре дня до убийства Элисы Хермансен Хелл пишет, что ключ от ее квартиры и дополнительные инструкции заперты в одном из шкафчиков в раздевалке, который закрыт на навесной замок с синим пятном от краски. И что код замка ноль девять девять девять.

– Мм... Хелл не просто руководил Валентином – он руководил им на расстоянии. Что написано дальше?

– Все очень похоже в случае с Эвой Долмен и Пенелопой Раш. Но нет инструкций для убийства Марты Руд. Наоборот. Ну-ка, посмотрим... На следующий день после исчезновения Марты Руд Хелл пишет: «Я знаю, что это ты забрал девушку из ресторана Харри Холм, Александр. Она не часть нашего плана. Я полагаю, что она все еще у тебя. Девушка выведет на тебя полицию, Александр. Мы должны действовать быстро. Привези девчонку, а я позабочусь о том, чтобы она исчезла. Поезжай к координатам 60.148083, 10.777245, это пустынное место, где в ночное время практически нет движения. Будь там в 01:00 сегодня ночью, остановись у указателя с надписью „Хаделанд 1 км“. Пройди ровно сто метров под прямым углом направо в лес, оставь ее у большого обгорелого дерева и уходи».

Харри посмотрел на экран и набрал координаты в картах «Гугла» на своем телефоне.

– Это в нескольких километрах отсюда. Что-нибудь еще?

– Нет, это было последнее сообщение.

– Что?

– По крайней мере, на этом компьютере я пока больше ничего не нашел. Может быть, они общались по телефону.

– Мм... Скажи, если обнаружишь что-нибудь еще.

– Сделаю.

Харри спустился по лестнице на первый этаж.

Бьёрн Хольм стоял в коридоре и разговаривал с одним из криминалистов.

– Небольшая деталь, – сказал Харри. – Возьмите пробы ДНК с той водопроводной трубы.

– Что?

– Каждый, кто в первый раз спускается туда, ударяется о ту водопроводную трубу. Кожа и кровь. Это же настоящая гостевая книга.

– Хорошо.

Харри направился к двери, остановился и повернулся.

– Поздравляю, кстати. Хаген вчера рассказал.

Бьёрн непонимающе посмотрел на него. Харри руками показал округлившийся живот.

– Ах это... – Бьёрн улыбнулся. – Спасибо.

Харри вышел на улицу и, когда его окружил зимний мрак и холод, сделал вдох. Он казался очищающим. Харри направился к черной стене елей. Местные выделили два снегохода, которые совершали челночные маршруты от дома к началу расчищенной дороги и обратно, и Харри надеялся, что на дороге он найдет какой-нибудь транспорт. Но именно сейчас здесь никого не было. Он отыскал твердую лыжню, оставленную снегоходами, удостоверился, что не проваливается, и пошел. Дом скрылся в темноте позади него, когда он услышал звук, заставивший его резко остановиться. Он прислушался.

Церковные колокола. Сейчас?

Он не представлял, звонили ли они по случаю смерти или крещения, но от этого звука он содрогнулся. И в то же время он увидел что-то в плотной темноте перед собой. Пара желтых сверкающих, передвигающихся глаз. Звериных глаз. Глаз гиены. И тихое нарастающее рычание. Оно быстро приближалось.

Харри поднял руки вверх, но его все равно ослепили фары снегохода, остановившегося перед ним.

– Вам куда? – спросил голос из-за фар.

Харри вынул телефон, включил его и протянул водителю снегохода.

– Туда.

60.148083, 10.777245.

По обе стороны главной дороги стоял лес. Машин не было. Синий указатель.

Харри нашел дерево ровно в ста метрах по прямой от указателя.

Он пробрался к черному обгорелому расколотому стволу, на котором снег лежал не таким толстым слоем, как вокруг. Он присел на корточки и стал рассматривать светлые полосы на стволе, освещенные фарами снегохода. Веревка. Или цепь. И это означало, что Марта Руд в то время была живой.

– Они были здесь, – сказал он и огляделся. – Валентин и Ленни, оба они были здесь. А что, если они встретились?

Деревья молча смотрели на него, как на случайного свидетеля.

– Привезите сюда криминалистов, чтобы они собрали все, что осталось.

Полицейский оглянулся:

- А вы куда?
- В город с плохими новостями.
- Вы знаете, что близкие Марты Руд уже проинформированы?
- Мм... Но не близкие из «Шрёдера».

Раздавшийся из глубины леса одинокий птичий крик показался ему слишком запоздалым предостережением.

Глава 37

Среда, вторая половина дня

Харри отодвинул полуметровые стопки работ, чтобы лучше видеть двух юношей, усевшихся перед его письменным столом.

– Да, я прочитал ваши работы по делу о пентаграмме, – сказал он. – И конечно, вы заслуживаете похвалы за то, что тратите свободное время на выполнение задания, которое я дал студентам последнего курса...

– Но?.. – произнес Олег.

– Без всяких «но».

– И что же, наш ответ лучше, чем все их ответы? – Иисус закинул руки за голову, украшенную длинной черной косичкой.

– Нет, – ответил Харри.

– Нет? Так какие же из их работ лучше?

– Группы Анн Гримсет, если я правильно помню.

– Что? – возмутился Олег. – Они даже неверно определили главного подозреваемого!

– Это так, на самом деле они сделали вывод, что у них нет главного подозреваемого. И на основе предоставленной информации это был правильный вывод. Вы указали на правильного человека, но только потому, что не удержались и прогуглили, кто на самом деле был виновен в тот раз, двенадцать лет назад. Поэтому вы привязались к заведомо правильному ответу и сделали несколько неверных выводов, чтобы получить верный ответ.

– Значит, ты задал задачу, не имеющую решения? – спросил Олег.

– Не на основании предоставленной информации, – сказал Харри. – Почувствуйте вкус будущего, если вы действительно хотите стать следователями.

– И что делают в таком случае?

– Ищут новую информацию, – сказал Харри. – Или же по-новому сочетают имеющиеся сведения. Часто решение находится в тех материалах, что у тебя уже есть.

– А как насчет дела вампириста? – спросил Иисус.

– Кое-какая новая информация. И кое-что из того, что уже было.

– Ты видел, что сегодня пишут в «ВГ»? – поинтересовался Олег. – Ленни Хелл руководил Валентином Йертсеном, чтобы тот убивал женщин, которых ревновал Хелл. Совсем как в «Отелло».

– Мм... Мне кажется, я помню, ты говорил, что мотивом убийства в «Отелло» является в первую очередь не ревность, а амбиции.

– Синдром Отелло, да. Кстати, это написала не Мона До. Странно, я вообще давно не видел ее статей.

– Кто такая Мона До? – спросил Иисус.

– Единственный криминальный репортер, который видит всю картину, – сказал Олег. – Своеобразная девушка с севера. Занимается спортом посреди ночи и пользуется «Олд-спайсом». Ну расскажи, Харри!

Харри посмотрел на два оживленных лица перед собой и попытался вспомнить, был ли он настолько же увлечен учебой в Полицейской академии. Едва ли. Он мучился похмельем и не мог дожидаться, как бы скорее снова напиться. Эти двое лучше. Он кашлянул:

– Хорошо. Но тогда это лекция, и я напоминаю, что вы, как студенты полицейского вуза, связаны подпиской о неразглашении. Это понятно?

Юноши кивнули и склонились вперед.

Харри откинулся назад. Ему захотелось курить, и он знал, какой вкусной будет та сигарета на лестнице.

– Мы проверили компьютер Хелла, в нем все и было, – сказал он. – Планы действий, журнальные записи, сведения о жертвах, сведения о Валентине Йертсене, он же Александр Дрейер, о Халлстейне Смите, обо мне...

– О вас? – спросил Иисус.

– Пусть продолжает, – сказал Олег.

– Хелл написал инструкцию о том, как он будет делать слепки ключей от домов этих женщин. Он выяснил, что на свиданиях по «Тиндеру» восемь из десяти женщин оставляют сумочку у стола, когда в один прекрасный момент им требуется выйти в туалет, и что большинство из них хранят ключи в маленьком кармашке под молнией внутри сумки. В среднем требуется пятнадцать секунд, чтобы сделать восковой слепок трех ключей с двух сторон, а фотографирование ключей занимает меньше времени, но для некоторых видов ключей фотографии недостаточно для производства точного 3D-файла для их копирования на 3D-принтере.

– То есть он знал, что будет их ревновать, уже на первом свидании? – спросил Иисус.

– В некоторых случаях, возможно, – сказал Харри. – Он написал только, что когда все так просто, то нет причин не позаботиться о доступе в их жилища.

– Срееру^[55], – прошептал Иисус.

– Почему он выбрал Валентина и как он его нашел? – спросил Олег.

– Все, что ему было нужно, находилось в украденных у Смита записях. Там было сказано, что у Александра Дрейера настолько живые и подробные фантазии о вампиристских убийствах, что Смит рассматривал необходимость его госпитализации. Аргументом против было то, что Дрейер демонстрировал высокую степень самообладания и жил хорошо организованной жизнью. Я думаю, что именно это сочетание желания убивать и самообладания сделало его идеальным кандидатом для Хелла.

– Но что Хелл мог предложить Валентину Йертсену? – спросил Иисус. – Деньги?

– Кровь, – сказал Харри. – Молодую теплую кровь жертв женского пола, которых никак нельзя было связать с Александром Дрейером.

– Убийства, в которых нет очевидного мотива, а убийца ранее не вступал в контакт с жертвами, – самые сложные для раскрытия, – сказал Олег, а Иисус кивнул, соглашаясь.

И Харри понял, что это была цитата из его лекций.

– Мм... Для Валентина было важно не вмешивать в дело вымышленное имя Александр Дрейер. Вместе с его новым лицом новое имя позволило ему начать передвигаться по улицам без угрозы быть пойманным. Могло открыться, что за убийствами стоит Валентин Йертсен, однако это беспокоило его меньше. И в конце концов он не удержался от соблазна подать нам знак, что эти преступления – дело его рук.

– Нам, – сказал Олег. – Или тебе?

Харри пожал плечами.

– И все равно это не приблизило нас к человеку, которого мы искали все эти годы. Он мог невозмутимо продолжать следовать сценарию Хелла и убивать. И делать это спокойно, потому что с дубликатами ключей Хелла Валентин мог проникать в дома жертв.

– Идеальный симбиоз, – произнес Олег.

– Как гиена и гриф, – прошептал Иисус. – Гриф указывает гиене дорогу, кружась над раненым зверем, а гиена его добивает. Пища для обоих.

– Значит, Валентин убил Элису Хермансен, Эву Долмен и Пенелопу Раш, – сказал Олег. – А что с Мартой Руд? Ленни Хелл ее знал?

– Нет, это было собственное произведение Валентина. И это было направлено против меня. Он прочитал в газете, что я назвал его жалким извращенцем, и взял человека, близкого ко мне.

– Только потому, что вы назвали его извращенцем? – Иисус наморщил нос.

– Нарциссисты любят, чтобы их любили, – пояснил Харри. – Или

ненавидели. Чужой страх укрепляет и создает их представление о себе. Они считают оскорблением, если их не замечают или недооценивают.

– То же самое случилось, когда Смит оскорбил Валентина на подкасте, – кивнул Олег. – Валентин увидел красную тряпку и поехал прямо в его усадьбу, чтобы убить. Ты думаешь, Валентин стал психопатом? Я хочу сказать, ему так долго удавалось сдерживаться, и первые убийства были хладнокровными спланированными акциями. В то время как Смит и Марта Руд были спонтанной реакцией.

– Вероятно, – ответил Харри. – А может быть, его переполняла та самоуверенность, которую серийные убийцы обретают после удачного совершения первых убийств, и которая заставляет их думать, что они могут ходить по воде.

– Но почему Ленни Хелл лишил себя жизни? – спросил Иисус.

– Хорошо, – ответил Харри. – Ваши предположения?

– Разве это не очевидно? – сказал Олег. – Ленни планировал убийства женщин, которые предали его, и поэтому заслуживали смерти, но теперь у него на руках была кровь Марты Руд и Мехмета Калака. Две невинные жертвы, не имевшие к нему никакого отношения. У него проснулась совесть. Он не смог жить с теми событиями, причиной которых стал.

– Не-а, – возразил Иисус. – Ленни с самого начала планировал лишить себя жизни, когда все закончится. Он должен был убить трех женщин: Элису, Эву и Пенелопу.

– Сомневаюсь, – покачал головой Харри. – В записях Хелла были и другие женские имена, а дома у него имелись дубликаты других ключей.

– Хорошо, но что, если он не лишал себя жизни? – предположил Олег. – Что, если его убил Валентин? Они могли поссориться из-за убийств Мехмета и Марты. Ленни считал их невинными жертвами. Может быть, Ленни хотел сдать полиции, а Валентин об этом узнал.

– А может быть, Валентину просто надоел Ленни, – сказал Иисус. – Часто случается так, что гиены пожирают грифов, если те подлетают слишком близко.

– На забойном пистолете отпечатки только Ленни Хелла, – сказал Харри. – Конечно, возможно, что Валентин убил Ленни и попытался представить это как самоубийство. Но зачем ему такие заморочки? Полиция знает о других убийствах Валентина достаточно, чтобы осудить его на пожизненное. И если бы Валентин думал о том, чтобы замести следы после себя, он бы не оставил в подвале труп Марты Руд, а на третьем этаже – компьютер и документы, доказывающие, что он сотрудничал с Хеллом.

– Хорошо, – кивнул Иисус. – Я согласен с первой версией Олега. Ленни понял, причиной каких событий он стал, и решил, что не сможет ужиться с самим собой.

– Никогда нельзя недооценивать свою первую мысль, – сказал Харри. – Как правило, она основывается на большем количестве информации, чем мы думаем. А простое часто оказывается правильным.

– Но вот одной вещи я не понимаю, – нахмурился Олег. – Ленни и Валентин не хотели, чтобы их видели вместе, это нормально. Но почему такая сложная передача инструкций? Разве они не могли просто встретиться дома у одного из них?

Харри покачал головой:

– Ленни было важно скрыть свою личность от Валентина, потому что, несмотря ни на что, риск того, что Валентина арестуют, был довольно велик.

Иисус кивнул:

– И он боялся, что Валентин выведет на него полицию в обмен на сокращение срока наказания.

– А Валентин совершенно точно не хотел сообщать Ленни свой адрес, – продолжал Харри. – Валентину удавалось так долго скрываться по одной причине: он был очень внимателен к таким вещам.

– Значит, дело раскрыто и никаких не распутанных ниточек не осталось, – сказал Олег. – Хелл лишил себя жизни, а Валентин похитил Марту Руд. Но есть ли у вас доказательства, что это он убил ее?

– Отдел убийств так считает.

– Почему?

– Потому что обнаружили ДНК Валентина в «Шрёдере» и кровь Марты в багажнике его автомобиля, а еще была найдена пуля, которую выпустили ей в живот. Она вошла в стену подвала Хелла, а угол вхождения пули в стену и положение трупа говорят, что Марту застрелили до того, как повесили. Пуля выпущена из того же револьвера «ругер редхок», который был у Валентина, когда он пришел убивать Смита.

– Но ты с ними не согласен, – сказал Олег.

Харри приподнял бровь:

– Правда?

– Когда ты говоришь: «Отдел убийств так считает», это значит, что ты считаешь иначе.

– Мм...

– Так что ты считаешь?

Харри провел рукой по лицу:

– Я считаю, не столь важно, кто нанес ей милосердный решающий удар. Потому что он именно такой, милосердный. Матрас из клетки наполнен ДНК. Кровь, пот, семя, рвота. Кое-что принадлежит ей, кое-что – Ленни Хеллу.

– Господи... – поежился Иисус. – Вы хотите сказать, что он тоже ее мучил...

– Конечно, у нее могло быть несколько мучителей.

– Помимо Валентина и Хелла?

– На лестнице, ведущей в подвал, есть водосточная труба. О нее невозможно не удариться, если не знать, где она проходит. И я попросил Бьёрна Хольма, старшего криминалиста, прислать мне список всех, кто оставил свою ДНК на этой трубе. Слишком старые следы исчезли, но он обнаружил семь разных ДНК-профилей. Мы, как обычно, взяли ДНК у всех, кто работал на месте преступления, и обнаружили совпадение с профилями местного ленсмана, его помощника, Бьёрна, Смита, с моим и еще с профилем одного криминалиста, которого мы не успели предупредить о трубе. А вот седьмой профиль мы не идентифицировали.

– То есть ДНК не принадлежит ни Валентину Йертсену, ни Ленни Хеллу?

– Да. Мы знаем только, что он принадлежит мужчине, который не состоит в родстве с Ленни Хеллом.

– Это мог быть человек, приходивший туда по делу, – сказал Олег. – Электрик, водопроводчик, да кто угодно.

– Да, конечно, – кивнул Харри, и взгляд его упал на газету «Дагбладет», лежащую перед ним и раскрытую на странице с большим интервью Бельмана в связи с его назначением на должность министра юстиции.

Харри перечитал выделенный текст: «Я особенно рад тому, что настойчивость полиции и неустанные поиски привели к обнаружению Марты Руд. Этого заслуживали как ее близкие, так и полиция. Теперь я с легким сердцем покидаю должность начальника полиции».

– Мне нужно идти, ребята.

Все трое вместе вышли из Полицейской академии, и когда они собрались разойтись в разные стороны у «Шато-Нёф», Харри вспомнил о приглашении.

– Халлстейн закончил свою диссертацию о вампиристах, и в пятницу состоится ее защита. Мы приглашены.

– А что такое защита?

– Устный экзамен, при котором в зале присутствуют расфуфыренные

родственники и друзья, – пояснил Иисус. – При этом хорошо бы не выставить себя на посмешище.

– Мы с мамой пойдем, – сказал Харри. – Не знаю, есть ли у тебя время или желание. А одним из оппонентов будет Столе.

– Ой! – воскликнул Олег. – Надеюсь, начало не очень рано? В пятницу утром у меня назначено время в «Уллеволе».

Харри наморщил лоб:

– Зачем это?

– Да просто Стеффенс хочет взять у меня анализ крови. Он говорит, что занимается изучением редкого заболевания крови, которое называется «системный мастоцитоз», и что если оно было у мамы, то ее кровь сама себя исцелила.

– Мастоцитоз?

– Его вызывает генетическая особенность, которая не является наследственной и называется «мутация гена c-Kit». Но Стеффенс надеется, что вещество в крови, которое, возможно, исцелило ее, передается по наследству. Поэтому он хочет взять мою кровь и сравнить с маминой.

– Мм... значит, это та генетическая связь, о которой говорила твоя мать.

– Стеффенс так утверждает, он до сих пор думает, что это было простое отравление, и мой анализ – выстрел во мрак. Но большинство крупных открытий начинались с этого. С выстрела во мрак.

– Тут он может быть прав. Защита в два часа. После нее будет прием, на который вы можете пойти, а я, наверное, пропущу.

– Наверняка пропустишь, – улыбнулся Олег и повернулся к Иисусу. – Понимаешь, Харри не любит людей.

– Я люблю людей, – вздохнул Харри. – Я просто не люблю быть с ними вместе. Особенно когда их много в одном месте. – Он снова посмотрел на часы. – Кстати...

– Прости, я припозднился, у меня было частное занятие, – сказал Харри, проскальзывая за стойку.

Эйстейн застонал, водружая на стол две только что наполненные полулитровые кружки пива так, что с них слетела пена.

– Харри, нам нужно больше людей.

Харри, прищурившись, оглядел толпу, заполнившую бар:

– Мне кажется, их здесь и так многовато.

– Я имею в виду, по эту сторону стойки, дурачок.

– Дурачок шутит. Знаешь кого-нибудь с хорошим музыкальным

вкусом?

– Треска.

– И кто не аутист.

– Нет. – Эйстейн налил следующую кружку и сделал знак Харри, чтобы тот рассчитал клиента.

– Хорошо, подумаем. Значит, заходил Халлстейн? – Харри указал на шапочку «Санкт-Паули», натянутую на полулитровую кружку, которая стояла рядом с вымпелом «Галатасарая».

– Да, сказал спасибо за одолженную шапку. С ним заходили несколько иностранных журналистов, он показывал им, где все началось. У него послезавтра какие-то докторские дела.

– Защита. – Харри вернул клиенту кредитку и поблагодарил.

– Да. Кстати, к ним подошел один парень, которого Смит представил как своего коллегу из отдела по расследованию убийств.

– Да ну? – произнес Харри, принимая заказ у парня с хипстерской бородкой в футболке с надписью «Cage the Elephant»^[56]. – И как он выглядел?

– С зубами, – сказал Эйстейн, демонстрируя ряд своих коричневых зубов.

– Не Трульс Бернтсен, случайно?

– Не знаю, как его зовут, но я видел его здесь несколько раз. Он обычно сидит вон в той кабинке. Приходит один.

– Точно Трульс Бернтсен.

– Вокруг него дамочки так и кружатся.

– Нет, не Трульс Бернтсен.

– И все равно он уходит домой в одиночестве. Темная личность, блин.

– Потому что не берет с собой женщин?

– А стал бы *ты* доверять человеку, который отказывается от бесплатного секса?

Хипстерская Борода приподнял бровь. Харри пожал плечами, поставил перед ним кружку, подошел к зеркальной полке и натянул на голову шапку «Санкт-Паули». Он уже собирался повернуться к залу, как вдруг застыл. Харри стоял и смотрел на свое отражение в зеркале и на эмблему с черепом.

– Харри?

– Мм...

– Можешь помочь? Два мохито со «Спрайтом лайт».

Харри медленно кивал. Потом он сорвал с себя шапку, вышел из-за стойки и поспешил к входным дверям.

- Харри!
- Позвони Треске!

– Да?

– Прошу прощения за поздний звонок, я думал, что судебно-медицинский так поздно уже не работает.

– Мы закрылись, но так бывает, когда работаешь в месте, где наблюдается постоянная нехватка ресурсов. А вы звоните по внутреннему телефону, который использует только полиция.

– Да это Харри Холе, старший инспектор...

– Я поняла, что это ты, Харри. Это Паула, а ты больше никакой не старший инспектор.

– А, это ты. Ну что же, я занимаюсь делом вампириста, поэтому и звоню. Я просто хочу, чтобы ты проверила совпадения проб с водосточной трубы.

– Ну, не я ими занималась, но я посмотрю. Однако учти, что у всех ДНК-профилей по делу вампириста, кроме профиля Валентина Йертсена, нет имен, только номера.

– Ничего страшного, передо мной лежит список имен и номеров со всех мест преступлений, так что давай.

Харри вычеркивал имена, пока Паула читала список совпавших ДНК-профилей. Ленсман, его помощник, Холе, Смит, Хольм и его криминалист. И наконец, седьмой человек.

– Он так ни с кем и не совпал, – сказал Харри.

– Нет.

– А что с остальными помещениями в доме Хелла? Там была обнаружена ДНК, совпадающая с профилем Валентина?

– Сейчас посмотрим... Нет, вроде бы не было.

– Ни на матрасе, ни на трупе, ничего похожего на...

– Нет!

– Хорошо, Паула. Спасибо.

– Кстати, о связях; ты выяснил, что с тем волосом?

– С волосом?

– Да. Дело было осенью. Ко мне пришел инспектор Виллер, принес волос и сказал, что ты просил сдать его на анализ. Наверное, подумал, что мы проведем его быстрее, если он упомянет твое имя.

– И это ведь помогло?

– Конечно, Харри, ты же знаешь, что все наши девочки испытывают к тебе слабость.

– Разве не так говорят очень пожилым мужчинам?

Паула рассмеялась.

– Такое происходит, когда женишься, Харри. Кастрация по собственному желанию.

– Мм... Я нашел этот волос на полу в больнице «Уллевол», где лежала моя жена, это был просто приступ паранойи.

– Вот как. Я посчитала, что это не важно, поскольку Виллер попросил меня забыть об этом. Ты боялся, что у твоей жены есть любовник?

– В общем-то, нет, во всяком случае, до тех пор, пока ты об этом не спросила.

– Вы, мужчины, такие наивные.

– Так мы выживаем.

– Нет, вы не выживаете. Мы скоро захватим всю планету, ты разве еще не заметил?

– Да, вы работаете посреди ночи, это чертовски пугает. Спокойной ночи, Паула.

– Спокойной.

– Подожди-ка, Паула. Забыть о чем?

– Что?

– О чем Виллер попросил тебя забыть?

– О совпадении.

– Чего с чем?

– Волоса с одним из ДНК-профилей в деле вампириста.

– Да? И с каким же?

– Ну, этого я не знаю, я уже говорила, что у нас есть только номера. Мы даже не знаем, кто обозначен этими номерами – подозреваемые или полицейские, работавшие на месте преступления.

Харри помолчал.

– У тебя есть номер? – спросил он наконец.

– Добрый вечер, – сказал пожилой водитель «скорой», входя в комнату отдыха в травматологии.

– Добрый вечер, Хансен, – сказал второй человек, находившийся в помещении, и налил себе в чашку черного кофе.

– Ваш приятель из полиции только что звонил.

Второй человек, главный врач Джон Дойл Стеффенс, повернулся и приподнял бровь:

– А у меня есть приятели в полиции?

– Он, во всяком случае, сослался на вас. Некий Харри Холле.

– Чего он хотел?

– Он прислал нам фотографию лужи крови и попросил определить количество крови в ней. Он сказал, что вы делали это на основании фотографии с места преступления, и он полагает, что мы, те, кто бывает на местах несчастных случаев, тоже имеем опыт в таких делах. Мне пришлось его разочаровать, разумеется.

– Интересно, – сказал Стеффенс, стряхивая с плеча волосок. Он не считал ускорившееся выпадение волос признаком увядания, наоборот – признаком расцвета, мобилизации, признаком того, что он избавляется от всего непригодного для использования. – А почему он не спросил меня напрямую?

– Наверное, он не думал, что главврач работает посреди ночи. А дело у него, кажется, было срочным.

– Вот как. Он сообщил, для чего ему это надо?

– Сказал, что работает над чем-то.

– Фотография у вас?

– Вот. – Водитель «скорой» достал мобильный телефон и показал главврачу MMS-сообщение.

Стеффенс бросил взгляд на фотографию лужи крови на деревянном полу. Рядом с ней лежала линейка.

– Полтора литра, – определил Стеффенс. – Совершенно точно. Можете позвонить ему. – Он сделал малюсенький глоток из чашки. – Преподаватель, работающий посреди ночи... до чего докатился этот мир?

Водитель «скорой» усмехнулся:

– То же самое можно сказать и о вас, Стеффенс.

– Что? – спросил главврач и освободил место у кофейника второму мужчине.

– Каждая вторая ночь, Стеффенс. Что вы, собственно говоря, здесь делаете?

– Принимаю тяжелораненых пациентов.

– Я знаю, но почему? Вы работаете на полную ставку главным врачом в гематологии и все равно берете дополнительные дежурства здесь, в травматологии. Это не совсем обычно.

– А кому нужно обычное? Человек больше всего хочет быть там, где он может принести пользу, или не так?

– Значит, у вас нет семьи, которой хотелось бы, чтобы вы иногда бывали дома?

– Нет, но у меня есть коллеги, чьи семьи не хотят, чтобы они находились дома.

– Хе-хе... Но я вижу у вас обручальное кольцо.

– А я вижу у вас кровь на рукаве куртки, Хансен. Вы привезли кого-то с кровотечением?

– Да. Вы в разводе?

– Вдовец. – Стеффенс сделал еще один глоток из чашки. – Пациент мужчина или женщина? Старый или молодой?

– Женщина лет тридцати. А почему вы спрашиваете?

– Просто интересно. Где она сейчас?

– Да? – прошептал Бьёрн Хольм.

– Это Харри. Ты уже лег спать?

– Сейчас два часа ночи, как ты думаешь?

– После Валентина на полу кабинета осталось около полутора литров крови.

– И что?

– Это простая математика. Он слишком много весил.

Харри услышал скрип кровати и шуршание постельного белья о телефонную трубку, а потом вновь раздался шепот Бьёрна:

– О чем ты говоришь?

– О показании весов на записях ухода Валентина с камер наблюдения. Он весит всего на полтора килограмма меньше, чем когда пришел.

– Полтора литра крови весят полтора килограмма, Харри.

– Я знаю. И все равно не хватает доказательств. Когда они у нас будут, я объясню. И этого ты не должен говорить ни одной живой душе, слышишь? Даже той, что лежит рядом с тобой.

– Она спит.

– Я слышу.

Бьёрн глухо засмеялся:

– Она храпит за двоих.

– Мы можем встретиться завтра ровно в восемь в Котельной?

– Ну ладно. Смит и Виллер тоже будут?

– Смирта мы увидим на защите в пятницу.

– А Виллер?

– Только ты и я, Бьёрн. И я хочу, чтобы ты принес туда компьютер Хелла и револьвер Валентина.

Глава 38

Четверг, утро

– Рано ты встал, Бьёрн, – сказал пожилой инспектор за стойкой на складе вещественных доказательств.

– Доброе утро, Йенс, мне надо кое-что взять под расписку из дела вампириста.

– Да, оно ведь опять на слуху. Отдел убийств был здесь вчера и брал вещи, и мне кажется, что нужная коробка стоит на полке «Г». Но посмотрим, что на этот счет говорит чудище... – он нажимал на клавиши компьютера так, словно они были раскалены, и скользил взглядом вниз по экрану, – посмотрим, чудище опять у нас зависло... – Он посмотрел на Бьёрна расстроенным и немного беспомощным взглядом. – Что скажешь, Бьёрн, разве не лучше было в те времена, когда мы могли просто открыть папку и найти...

– Кто из отдела убийств был здесь? – спросил Бьёрн Хольм, пытаясь скрыть нетерпение.

– Как же его зовут? Тот, с зубами.

– Трульс Бернтсен?

– Нет-нет, тот, с красивыми зубами. Новенький.

– Андерс Виллер, – сказал Бьёрн.

– Мм... – Харри откинулся на спинку стула в Котельной. – И он взял под расписку «редхок» Валентина?

– Плюс железные зубы и наручники.

– И Йенс ничего не сказал насчет того, зачем эти вещи понадобились Виллеру?

– Нет, он не знал. Я попытался позвонить Виллеру по телефону отдела, но там сообщили, что он сегодня взял выходной, и я стал звонить ему на мобильный.

– И?..

– Он не ответил. Наверное, спит, но я могу попробовать еще раз.

– Нет, – сказал Харри.

– Нет?

Харри закрыл глаза.

– «В конце концов всех нас обманывают», – прошептал он.

– Что?

– Ничего. Мы поедem и разбудим Виллера. Можешь позвонить в отдел и спросить, где он живет?

Спустя полминуты Бьёрн повесил трубку стационарного телефона и отчетливо произнес адрес.

– Ты шутишь, – сказал Харри.

Бьёрн Хольм на своем «вольво-амазоне» свернул на тихую улочку и поехал, лавируя между сугробами на обочинах и занесенными снегом машинами, которые, казалось, прячутся под ним от людей.

– Это здесь, – сказал Харри, склонился вперед и посмотрел на фасад четырехэтажного здания.

На голубой стене между вторым и третьим этажом виднелось граффити.

– Софиес-гате, пять, – сказал Бьёрн. – Не Хольменколлен, конечно...

– Другая жизнь, – ответил Харри. – Жди здесь.

Харри вышел из машины, поднялся по двум ступенькам лестницы и посмотрел на домофон. Часть старых имен была заменена. Имя Виллера располагалось ниже, чем когда-то его собственное. Он нажал на кнопку звонка. Подождал. Снова нажал. Ничего. Он собирался нажать в третий раз, но тут дверь открылась и на улицу быстро выскочила молодая женщина. Харри поймал дверь до того, как она захлопнулась, и проник в подъезд.

Запах на лестнице стоял такой же, как тогда. Смесь норвежской и пакистанской еды и сладковатая вонь из квартиры фру Сеннхейм на первом этаже. Харри прислушался. Тихо. Он крадучись направился вверх по лестнице, машинально перешагнув через седьмую ступеньку, которая, он знал, скрипит.

Он встал перед дверью квартиры на первой лестничной площадке.

Света за шершавым стеклом было не видно.

Харри постучал. Подождал. Посмотрел на замок. Он знал, что вломиться в квартиру будет несложно. Твердая пластиковая карта и сильный толчок. Он представил себе, каково это – быть взломщиком, и почувствовал, что сердце забилось чаще, а стекло двери стало запотевать от его дыхания. Интересно, Валентин так же дрожал от напряжения, когда забирался в квартиры своих жертв?

Харри постучал еще раз. Подождал, сдался и развернулся, чтобы уйти. И в этот миг он услышал звук шагов с другой стороны двери. Он обернулся и увидел тень за шершавым стеклом. Дверь открылась.

Андерс Виллер был в джинсах, но с обнаженным торсом, и небритый. И все же он не казался только что проснувшимся человеком. Наоборот, его

зрачки были черными, возбужденными, а лоб – мокрым от пота. Харри заметил на его плече что-то красное, похожее на рану. Во всяком случае, на нем была кровь.

– Харри... – сказал Виллер. – Что вы здесь делаете? – Голос его был не таким чистым и мальчишеским, какой Харри слышал раньше. – И как вы вошли?

Харри кашлянул:

– Нам нужен серийный номер револьвера Валентина. Я позвонил.

– И?..

– И ты не открыл. Я подумал, что ты, возможно, спишь, и вошел. Я, вообще-то, жил в этом доме этажом выше, поэтому я знаю, что звонки здесь негромкие.

– Да, – ответил Виллер и потянулся, позевывая.

– Ну, – сказал Харри, – он у тебя?

– Кто?

– «Редхок». Револьвер.

– Ах это, да. Серийный номер? Подождите, пойду принесу.

Виллер прикрыл дверь до дверной коробки, и через стекло Харри увидел, как он удаляется по коридору. Поскольку планировка всех квартир в доме была одинаковой, он знал, что там, куда Виллер шел, находится спальня. Силуэт двинулся обратно к входной двери, но потом свернул налево в гостиную.

Харри открыл дверь, вошел, ощутил запах, похожий на духи. Он увидел, что дверь в спальню закрыта. Харри машинально посмотрел на одежду и обувь в коридоре, которые смогли бы ему что-нибудь рассказать, но там ничего не было. Он взглянул в сторону спальни и прислушался. Затем сделал три больших беззвучных шага и оказался в гостиной. Андерс Виллер не слышал его, он стоял на коленях у столика спиной к Харри и писал в блокноте. Рядом с блокнотом стояла тарелка с пиццей. Пеперони. И лежал большой револьвер с красной рукояткой. Но Харри не увидел ни наручников, ни железных зубов.

В одном углу гостиной стояла пустая клетка. В таких обычно держат кроликов. Нет, подождите. Харри вспомнил собрание, на котором Скарге наехал на Виллера по поводу утечки в «ВГ», и Виллер тогда сказал: единственное, что он сообщил газете, – это про кота. У него есть кот. Но где же он? И разве котов держат в клетках? Взгляд Харри скользил дальше. У стены стоял узкий стеллаж с несколькими учебниками из Полицейской академии, например «Методы расследования» Бьеркнеса и Хоффа Йохансена. И несколько книг, которых не было в программе, скажем

«Убийство на сексуальной почве: модели и мотивы» Ресслера, Берджесс и Дугласа, книга о серийных убийствах, на которую Харри совсем недавно ссылаясь на своих занятиях, потому что в ней содержалась информация о недавно разработанной в ФБР программе VICAP^[57]. Взгляд Харри скользил вниз по стеллажу. По фотографиям, которые были похожи на семейные – двое взрослых и маленький Андерс Виллер. На следующей полке стояла «Наглядная гематология», авторы Атул Б. Мехта, А. Виктор Хоффбранд. Рядом – «Основы гематологии» Джона Д. Стеффенса. Молодой человек, интересующийся заболеваниями крови. Почему бы и нет? Харри подошел ближе и стал рассматривать семейную фотографию. Мальчик казался радостным. Родители – не очень.

– Зачем ты взял вещи Валентина? – спросил Харри и заметил, как напряглась спина Виллера. – Катрина Братт об этом не просила. А вещдоки – это не те вещи, что обычно забирают домой, даже если речь идет о раскрытых делах.

Виллер повернулся, и Харри заметил, как он машинально посмотрел направо. В сторону спальни.

– Я следователь отдела по расследованию убийств, а вы – преподаватель Полицейской академии, Харри, так что, строго говоря, это я должен спросить у вас, зачем вам серийный номер.

Харри посмотрел на Виллера и понял, что ответа он не получит.

– Серийный номер не проверяли с целью обнаружить первоначального владельца. А им вряд ли был Валентин Йертсен, у него не было разрешения на оружие, мягко выражаясь.

– Это важно?

– А тебе так не кажется?

Виллер пожал обнаженными плечами:

– Револьвер, насколько нам известно, не использовали для убийства, даже для убийства Марты Руд, вскрытие установило, что она умерла до того, как в нее стреляли. У нас есть баллистические данные на этот револьвер, и они не совпали ни с одним уголовным делом из нашей базы. Нет, мне не кажется, что важно проверить его серийный номер, по крайней мере, есть другие вещи, которые требуют приоритета.

– Ну что же... – сказал Харри. – В таком случае, вероятно, преподавателя можно использовать, чтобы посмотреть, куда нас приведет серийный номер.

– Да, пожалуйста, – ответил Виллер, вырвал лист из блокнота и протянул Харри.

– Спасибо, – кивнул Харри, глядя на кровь у него на плече.

Виллер проводил его до двери, и когда на лестничной площадке Харри повернулся, он увидел, что Виллер заслоняет спиной дверь, как более или менее неосознанно делают вышибалы.

– Просто любопытно, – произнес Харри. – Те клетки у тебя в гостинной... что ты держишь в них?

Виллер несколько раз моргнул.

– Ничего, – ответил он, а потом тихо закрыл дверь.

– Ты его видел? – спросил Бьёрн, выруливая на дорогу.

– Да, – сказал Харри и вырвал страничку из блокнота. – А вот серийный номер. «Ругер» – американский револьвер, можешь проверить у ATF^[58].

– Ты ведь не думаешь, что они серьезно смогут отследить этот револьвер?

– А почему нет?

– Потому что американцы спустя рукава регистрируют покупателей стрелкового оружия. И в США триста миллионов единиц оружия, то есть больше, чем количество населения.

– Пугающая картина.

– Пугает другое, – сказал Бьёрн Хольм и нажал на педаль газа, так что у него получился управляемый занос, когда они повернули на улицу, ведущую к улице Пилестреде. – Даже те, кто преступниками не являются, утверждают, что держат оружие для самообороны, и пользуются им, чтобы убивать невинных людей. В «Лос-Анджелес таймс» было написано, что в две тысячи двенадцатом году в США было убито вдвое больше человек в результате неумелого обращения с оружием, чем при самообороне. А застрелившихся – почти в сорок раз больше. И это до того, как ты начнешь изучать статистику убийств.

– Ты читаешь «Лос-Анджелес таймс»?

– Да нет, я покупал эту газету, когда Роберт Хилберн писал там о музыке. Ты читал его биографию Джонни Кэша?

– Не-а. Хилберн – это тот, кто писал про турне «Sex Pistols» по США?

– Ага.

Они остановились на красный недалеко от «Блица», который когда-то был норвежским плацдармом панков и где до сих пор можно было увидеть ирокез. Бьёрн Хольм широко улыбнулся Харри. Сейчас он был рад. Рад, что станет отцом, рад, что дело вампириста осталось позади, рад, что его заносит на автомобиле, от которого веет семидесятыми, и что он ведет разговоры о музыке практически того же времени.

– Хорошо, если ты сможешь дать мне ответ до двенадцати, Бьёрн.
– Если я не ошибаюсь, ATF находится в Вашингтоне, округ Колумбия, где сейчас глубокая ночь.
– У них есть офис при Европоле в Гааге.
– Ладно. Ты узнал, зачем Виллер взял те улики?
Харри смотрел на светофор.
– Нет. Компьютер Ленни Хелла у тебя?
– У Торда, и он сейчас должен ждать нас в Котельной.
– Хорошо. – Харри нетерпеливо попытался взглядом сменить красный сигнал светофора на зеленый.
– Харри...
– Да?
– Ты когда-нибудь думал о том, что, судя по всему, Валентин эвакуировался из своей квартиры в спешке, возможно, прямо перед тем, как туда вломилась Катрина с «Дельтой»? Словно кто-то предупредил его в последнюю секунду?
– Нет, – соврал Харри.
Включился зеленый сигнал.

Торд показывал и давал разъяснения Харри, а кофеварка фырчала и рычала у них за спиной.

– Вот электронные письма Ленни Хелла к Валентину перед убийствами Элисы, Эвы и Пенелопы.

Письма были короткими. Только имена жертв, адреса и даты. Даты убийств. И все заканчивались одинаково: «Инструкции и ключи лежат в условленном месте. Инструкции сжечь после прочтения».

– Здесь не так много говорится, – произнес Торд, – но достаточно.
– Мм...
– Что?
– А почему инструкции следовало сжечь после прочтения?
– Разве это не очевидно? В них были сведения, которые могли вывести ненужных людей на Ленни.
– Но электронные письма в своем компьютере он не стер. Это потому, что он знает: компьютерщики вроде тебя все равно смогут восстановить электронную корреспонденцию?
Торд покачал головой:
– На сегодняшний день это не так просто. По крайней мере, если и отправитель, и получатель основательно удалят письма.
– Ленни знал, как основательно удалить письмо. Почему же он этого

не сделал?

– Потому что знал, что, когда компьютер попадет к нам, его игра будет закончена? – Торд пожал широкими плечами.

Харри медленно кивнул:

– Возможно, Ленни знал это с самого начала. Что в один прекрасный день война, которую он ведет из своего бункера, будет проиграна. И что тогда настанет время пустить себе пулю в лоб.

– Возможно. – Торд посмотрел на часы. – Что-нибудь еще?

– Ты знаешь, что такое стилометрия?

– Да. Определение стиля письма. Исследования стилометрии проводились после скандала Энрона. Несколько сот тысяч электронных писем были обнародованы, чтобы ученые могли проверить их и определить отправителя. Верных ответов – от восьмидесяти до девяноста процентов.

После того как Торд ушел, Харри набрал номер криминальной редакции «ВГ».

– Харри Холм. Можно поговорить с Моной До?

– Давненько вас не слышали, Харри. – (Харри узнал голос одного из пожилых криминальных репортеров.) – Конечно, вы бы могли поговорить с ней, но Мона До пропала несколько дней назад.

– Пропала?

– Мы получили текстовое сообщение, что она возьмет несколько дней переработки и отключит телефон. Это наверняка умно, в последний год девочка работала как сумасшедшая, но редактор немного разозлился, что она не спросила разрешения, а просто прислала две строчки и как бы испарилась. Так ведет себя нынешняя молодежь или не так, Харри? Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Нет, спасибо, – сказал Харри и прервал разговор. Он сидел, глядя на телефон, а потом опустил его в карман.

В четверть двенадцатого Бьёрн Хольм выяснил имя человека, который привез «ругер редхок» в Норвегию, моряка из Фарсунна. А в половине двенадцатого Харри разговаривал по телефону с его дочерью, которая хорошо помнила «редхок», потому что в детстве она уронила револьвер, весивший больше килограмма, папе на большой палец ноги. Но она не могла ответить на вопрос, куда револьвер подевался.

– Папа переехал в Осло, когда вышел на пенсию, чтобы быть ближе к нам, детям. Но потом он заболел и тогда начал творить много странного, например раздавать вещи, это мы обнаружили, разбирая наследство. Я больше не видела того револьвера, может быть, он и его отдал кому-нибудь.

– А вы не знаете кому?

– Нет.

– Вы сказали, что он был очень болен. Я полагаю, что от этой болезни он и умер?

– Нет, умер он от воспаления легких. К счастью, это произошло быстро и относительно безболезненно.

– Вот как. А что это была за другая болезнь и кто был его лечащим врачом?

– Вот-вот, мы понимали, что он не совсем здоров, но папа всегда думал, что он большой и сильный моряк. Видимо, он считал все это таким неловким, что держал в тайне и свою болезнь, и своего врача. Я только на похоронах узнала обо всем от его старого друга, которому он доверился.

– Как вы думаете, а этот друг знал, у кого ваш отец лечился?

– Вряд ли, папа только упоминал про болезнь, без подробностей.

– А что за болезнь?

Харри записал и посмотрел на записанное слово. Довольно одинокое греческое слово среди всех латинских медицинских терминов.

– Спасибо, – сказал он.

Глава 39

Четверг, ночь

– Я уверен, – произнес Харри в темноте спальни.
– Мотив? – спросила Ракель, придвигаясь вплотную к нему.
– Отелло. Олег был прав. Речь идет прежде всего не о ревности, а об амбициях.

– Ты все еще говоришь об Отелло? Ты уверен, что нам не стоит закрыть окно? Сегодня ночью обещают минус пятнадцать.

– Нет.

– Ты не уверен, стоит ли нам закрыть окно, но ты совершенно уверен, кто является архитектором убийств вампириста?

– Да.

– Тебе не хватает только какой-то мелочи под названием «доказательства»?

– Да. – Харри прижал ее к себе. – Поэтому мне нужно признание.

– Так попроси Катрину Братт вызвать его на допрос.

– Я же говорил, Бельман никому не позволяет ворошить это дело.

– И что ты будешь делать?

Харри смотрел в потолок. Он ощущал тепло ее тела. Достаточно ли уже? Стоит ли им закрыть окно?

– Я сам его допрошу. И при этом он не будет знать, что это допрос.

– Позволь мне, как юристу, напомнить, что неформальное признание тебе одному будет иметь нулевую ценность.

– Значит, мы позаботимся о том, чтобы его услышал не только я.

Столе Эуне повернулся в кровати, схватил телефон, посмотрел, кто звонит, и ответил:

– Да?

– Я думал, ты спишь, – прозвучал грубый голос Харри.

– И все равно позвонил?

– Ты должен помочь мне в одном вопросе.

– Все еще тебе, а не нам?

– Все еще человечеству. Помнишь, мы говорили о книге «Дзен и искусство ухода за мотоциклом»?

– Да.

– Ты нужен мне, чтобы подготовить обезьянью ловушку на защите

Халлстейна.

– Вот как? Ты, я, Халлстейн и кто еще?

Столе Эуне слышал дыхание Харри.

– Врач.

– И это человек, которого тебе удалось связать с делом?

– Некоторым образом.

Столе почувствовал, как волосы у него на руках встают дыбом.

– И это значит...

– И это значит, что я нашел волос в палате Ракели, который в приступе паранойи отправил на экспертизу. Выяснилось: ничего удивительного в том, что волос оказался там, нет – он принадлежит этому врачу. Но позже оказалось, что ДНК-профиль этого волоса связывает его с местами убийств вампириста.

– Что?

– И что существует связь между этим врачом и молодым полицейским, который все время был с нами.

– Что ты такое говоришь? У тебя есть доказательства, что врач и полицейский замешаны в убийствах вампириста?

– Нет, – вздохнул Харри.

– Нет? Объясни.

Когда спустя двадцать минут Столе положил трубку, он прислушался к тишине, стоявшей в доме. Покой. Все спали. Сам же он заснуть уже не сможет.

Глава 40

Пятница, первая половина дня

Венке Сивертсен смотрела на Фрогнер-парк, шагая на тренажере, имитирующем подъем по лестнице. Одна из подруг отговаривала ее от этого, убеждая, что от занятий на этом тренажере увеличиваются ягодичы. Она ничего не понимала, Венке *хотела* увеличить ягодичы. Венке прочитала на женском сайте, что тренировки делают зад более мускулистым и совершенным по форме, а не увеличивают его. Для того чтобы увеличить его, необходимо употреблять эстроген, больше есть, а проще всего вставить имплантаты. Но последнее Венке исключала, ее принципом было сохранение естественности тела, и она никогда, *никогда* не ложилась под нож. Кроме того раза, когда она подправляла грудь, но это не в счет. А Венке была принципиальной женщиной. Поэтому она никогда не изменяла господину Сивертсену, несмотря на многочисленные предложения, особенно в таких фитнес-центрах, как этот. Молодые мужчины часто принимали ее за охотящегося кугуара. Но Венке всегда нравились более зрелые мужчины. Возможно, не такие ветхие, как тот морщинистый потасканный старикан, что сидел на велотренажере рядом с ней, а такие, как ее сосед. Харри Холе. Мужчины, которые интеллектуально и по возрасту были ниже Венке, не представляли для нее никакого интереса, ей требовались партнеры, которые могли развлекать ее и стимулировать как духовно, так и материально. Все очень просто, и нет никаких причин делать вид, что все обстоит иначе. И в отношении последнего господин Сивертсен проявлял себя прекрасно. Но кажется, Харри недоступен. Ну и конечно, дело в ее принципах. Кроме того, господин Сивертсен проявлял невероятную ревность и угрожал лишить ее привилегий и стиля жизни после тех нескольких раз, когда поймал ее на измене. Но это было еще до того, как она установила принцип *не* изменять.

– Почему такая красивая женщина не замужем?

Голос был похож на скрипящую мельницу, и Венке повернулась к старику на велосипеде. Он улыбался ей. Лицо его было узким, с глубокими морщинами, губы – большими, а длинные волосы – жирными и густыми. Худой, широкоплечий. Как Мик Джаггер. За исключением красного полотенца на голове и усов как у дальнобойщика.

Венке улыбнулась и подняла левую руку без кольца.

– Замужем. Но я снимаю кольцо, когда собираюсь поднимать тяжести.

– Жаль, – улыбнулся старик. – Потому что я не женат и прямо на месте сделал бы вам п-предложение.

Он поднял руку. Правую. Венке вздрогнула и на миг подумала, что ошиблась. У него в руке что, огромная сквозная дыра?

– Здесь Олег Фёуке, – раздался голос из интеркома.

– Просите его сюда, – сказал Джон Д. Стеффенс, отодвинул стул от письменного стола и посмотрел в окно на Лабораторный корпус, отделение трансфузионной медицины.

Он уже видел, как молодой Фёуке вылезает из маленького японского автомобиля, который стоял на парковке с включенным двигателем. За рулем сидел другой юноша, наверняка печка в машине работает на полную мощность, потому что день был сверкающе морозным и солнечным. Многие считают парадоксом, что безоблачное небо в июле обещает жару, а в январе – мороз. Потому что многие не утруждают себя изучением основ физики, метеорологии и основ мироустройства. Стеффенса больше не раздражало, что люди считают мороз явлением и не понимают, что это просто отсутствие тепла. Холод был естественным и доминирующим явлением, тепло – исключительным. Так же убийство и жестокость были естественными и логичными явлениями, а милосердие – аномалией, результатом хитроумного способа людского стада, придуманного для обеспечения выживания вида. Потому что милосердие ограничивалось своим видом и только безграничная жестокость человеческого рода, отличающая его от остальных, обеспечивала ему выживание. Например, для увеличения человеческой популяции за мясом надо было не только охотиться, но и *производить* его. Чего стоит само выражение «производство мяса», сама идея! Люди держат животных в плену, отбирают у них всю радость жизни, осеменяют их, так что они не по доброй воле начинают давать молоко и нежное молодое мясо, забирают их потомство сразу после рождения, слыша, как матери режут от отчаяния, и снова делают их беременными. Люди гnevаются, потому что некоторые употребляют в пищу определенные виды животных: собак, китов, дельфинов, кошек. Но их милосердие по непонятным причинам заканчивается на гораздо более умных свиньях, которых можно и нужно уничтожать и пожирать. И мы занимаемся этим так долго, что человек даже не задумывается об изощренной жестокости, без которой не обходится современное производство пищи. Промывание мозгов!

Стеффенс смотрел на закрытую дверь, которая вот-вот откроется. Ему было интересно, поймут ли когда-нибудь, что мораль, которая, как многие

себе воображают, послана Богом и вечна, настолько же податлива и неестественна, как наши идеалы красоты, представления о врагах и модные тенденции. Едва ли. Поэтому не стоило удивляться и тому, что человечество не поймет и не примет радикальных исследовательских проектов, идущих вразрез с их привычным мышлением. И они не поймут, что это настолько же логично и необходимо, насколько жестоко.

Дверь открылась.

– Добрый день, Олег. Садись, пожалуйста.

– Спасибо. – Юноша уселся. – Перед тем как вы возьмете у меня этот анализ крови, могу я попросить об ответной услуге?

– Ответной? – Стеффенс натягивал пару белых латексных перчаток. – Ты знаешь, что мои исследования могут сослужить добрую службу тебе, твоей матери и всему твоему будущему роду?

– И я знаю, что для вас исследования имеют большее значение, чем некоторое продление жизни имеет для меня.

Стеффенс натянуто улыбнулся:

– Мудрые слова для такого юного человека.

– Я спрашиваю от имени моего отца. Не могли бы вы выделить два часа, чтобы прийти на защиту диссертации его друга и дать экспертное заключение. Харри был бы вам крайне признателен.

– На защиту? Конечно, это большая честь.

– Проблема в том... – произнес Олег и кашлянул, – что она начинается сейчас, скоро, и мы должны поехать туда после того, как вы возьмете у меня кровь.

– Сейчас? – Стеффенс взглянул на открытый ежедневник, лежащий перед ним. – Боюсь, сегодня у меня назначена встреча, которую...

– Он действительно будет вам очень признателен, – сказал Олег.

Стеффенс посмотрел на юношу, задумчиво почесывая подбородок:

– Ты хочешь сказать... твоя кровь в обмен на мое время?

– Как-то так, – произнес Олег.

Стеффенс откинулся назад на офисном кресле и сложил руки перед лицом.

– Скажи мне одну вещь, Олег. Как так случилось, что у тебя установились столь близкие отношения с Харри Холе? Он ведь даже не твой биологический отец.

– Кто знает.

– Ответь на этот вопрос и дай мне свою кровь, и я поеду с тобой на защиту.

Олег задумался.

– Я хотел сказать, это потому, что он честный. И несмотря на то что он не лучший отец в мире и все такое, я могу верить тому, что он говорит. Но думаю, это не самое главное.

– А что же самое?

– Что мы ненавидим одни и те же группы.

– Что-о?

– Я говорю о музыке. Нам нравятся разные группы, но не любим мы одни и те же.

Олег снял пуховик и закатал рукав рубашки.

– Готовы?

Глава 41

Пятница, первая половина дня

Ракель смотрела на Харри. Они шли, держась за руки, по Университетской площади к Domus Academica, одному из трех корпусов Университета Осло, расположенных в центре города. Она уговорила его надеть красивые ботинки, которые купила ему в Лондоне, хотя он и утверждал, что подошвы слишком гладкие для такой лыжни.

– Тебе надо чаще носить костюм, – сказала она.

– А коммунальным службам – чаще посыпать тротуары, – произнес Харри, делая вид, что поскользнулся.

Она засмеялась и поддержала его, прикоснувшись к твердой обложке желтой папки, которую он сложил и убрал во внутренний карман.

– Это, случайно, не машина Бьёрна припаркована *очень* незаконно?

Они прошли мимо черного «амазона», стоящего на площади прямо у лестницы здания.

– Полицейское удостоверение на лобовом стекле, – сказал Харри. – Очевидно ненадлежащее использование.

– Все из-за Катрины, – улыбнулась Ракель. – Он боится, что она может упасть.

В холле перед Старым актовым залом гудели голоса. Ракель искала знакомые лица. В основном здесь собрались ученые и родственники. Но в конце холла стоял человек, которого она узнала, Трульс Бернтсен. Он наверняка не понял, что правильный наряд для защиты – это костюм. Ракель с Харри пробирались к Катрине и Бьёрну.

– Поздравляю вас обоих! – сказала Ракель, обнимая их.

– Спасибо! – просияла Катрина и провела рукой по своему округлившемуся животу.

– Когда...

– В июне.

– Июнь, – повторила Ракель и заметила, как дрогнула улыбка Катрины.

Ракель наклонилась вперед, опустила ладонь на руку Катрины и прошептала:

– Не думай об этом, все пройдет хорошо.

Катрина посмотрела на нее, словно пребывая в шоке.

– Эпидуральная анестезия, – сказала Ракель. – Это что-то фантастическое. Она *полностью* поглощает боль.

Катрина дважды моргнула, а потом громко рассмеялась.

– Ты знаешь, я никогда раньше не бывала на защитах. Я не понимала, насколько это торжественное событие, пока не увидела, что Бьёрн надевает свой лучший галстук-шнурок. Так что же происходит?

– О, на самом деле все довольно просто, – сказала Ракель. – Сначала мы зайдем места в зале, поднимемся, когда войдут руководитель защиты, докторант и два оппонента. Смит, конечно же, взволнован, хотя уже прочитал им пробную лекцию вчера или сегодня утром. Наверняка он больше всего боится, что Столе Эуне будет его заваливать, но для этого вряд ли есть основания.

– Разве? – спросил Бьёрн Хольм. – Эуне ведь говорил, что не верит в вампиристов.

– Столе верит в серьезные научные исследования, – сказала Ракель. – Оппоненты должны быть настроены критически и добраться до сути темы диссертации, но в то же время держаться в рамках темы и условий осуществления проекта, а не седлать своего любимого конька.

– Ого, ты начиталась перед этим мероприятием? – спросила Катрина, когда Ракель переводила дух.

Ракель с улыбкой кивнула и продолжила:

– Каждому оппоненту отводится по три четверти часа, между их выступлениями можно задавать короткие вопросы из зала – как говорят, ex auditorio, – но такое случается редко. После этого проходит обед, который оплачивает докторант и куда нас не пригласили, о чем Харри очень сожалеет.

Катрина повернулась к Харри:

– Это правда?

Харри пожал плечами:

– Кто не любит мясо с соусом и тоску получасовых тостов, которые произносят родственники людей, которых ты на самом деле не слишком хорошо знаешь?

Вокруг них началось движение, засверкали вспышки.

– Будущий министр юстиции, – сказала Катрина.

Казалось, воды расступились перед Микаэлем и Уллой Бельман, которые пришли, держась за руки. Они улыбались, но Ракель еще никогда не видела улыбающуюся Уллу Бельман. Возможно, она не из улыбчивых. А может быть, Улла Бельман была красивой скромной девушкой, которая выучила, что преувеличенно широкая улыбка привлекает больше нежелательного внимания и что холодный фронт облегчает жизнь. Интересно, что она в таком случае думает о жизни в качестве супруги

министра.

Микаэль Бельман остановился рядом с ними, когда кто-то из толпы выкрикнул вопрос, и перед его лицом оказался микрофон.

– Oh, I’m here just to celebrate one of the men who contributed to us solving the Vampyrist case, – сказал он. – Doctor Smith is the one you should be talking to today, not me^[59].

Но Бельман охотно позировал, прислушиваясь к указаниям фотографов.

– Ого, международная пресса, – сказал Бьёрн.

– Вампиризм сейчас популярен, – произнесла Катрина, разглядывая толпу. – И все криминальные репортеры здесь.

– Кроме Моны До, – добавил Харри, сканируя взглядом собравшихся.

– И вся Котельная, – заметила Катрина. – Кроме Андерса Виллера. Вы не знаете, где он?

Остальные покачали головой.

– Он звонил мне сегодня утром, – сказала Катрина. – Спрашивал, может ли встретиться и поговорить со мной наедине.

– О чем это? – спросил Бьёрн.

– Бог его знает. Смотрите, вон он!

Андерс Виллер вынырнул из толпы с другой стороны. Он снимал с себя шарф, лицо его покраснелось, казалось, он запыхался. В тот же момент открылись двери в Старый актовый зал.

– Тут надо успеть занять место, – сказала Катрина и быстро зашагала к двери. – Пропустите беременную женщину!

– Она такая милая, – прошептала Ракель, просунула руку под локоть Харри и прислонилась к его плечу. – Меня всегда интересовало, было ли у вас с ней что-нибудь.

– *Что-нибудь?*

– Небольшое. Например, когда мы были не вместе.

– К сожалению, нет.

– К сожалению? И это значит...

– И это значит, я иногда раскаиваюсь, что не использовал те наши паузы лучшим образом.

– Я не шучу, Харри.

– Я тоже.

Халлстейн Смит приоткрыл дверь и заглянул в почетный зал.

Он посмотрел на люстру, висевшую над людьми, занявшими места в аудитории, да, кто-то даже стоял на балконе. Когда-то в этом зале

проходили заседания Национального собрания Норвегии, а сейчас он, малыш Халлстейн, будет стоять за кафедрой и защищать свои исследования и получит степень доктора! Он взглянул на сидевшую в первом ряду Май, она тоже нервничала, но была горда, как павлин. Он посмотрел на зарубежных коллег, которые оказали ему честь и приехали, хотя он и предупреждал, что защита будет проходить на норвежском, он посмотрел на журналистов, на Бельмана, сидевшего вместе с женой в самой середине первого ряда. На Харри, Бьёрна и Катрину, своих новых друзей из полиции, которые также сыграли свою роль в создании его диссертации о вампиризме, где случай Валентина Йертсена, вполне естественно, играл роль несущей балки. И несмотря на то что портрет Валентина претерпел значительные изменения во время событий последних дней, это только подтверждало его выводы о свойствах личности вампириста. Халлстейн ведь сам указывал, что вампирист действует чаще всего в аффекте и его движущей силой являются желания и импульсы, поэтому сведения о том, что Ленни Хелл являлся мозговым центром, спланировавшим все эти хорошо срежиссированные убийства, подоспели как нельзя более кстати.

– Ну что же, начнем, – сказал руководитель защиты и стряхнул пылинку со своей деканской мантии.

Халлстейн сделал вдох и вышел в зал, все собравшиеся встали.

Смит и двое его оппонентов сели, а руководитель защиты вышел к кафедре и рассказал о процедуре защиты. Потом он предоставил слово Халлстейну.

Первый оппонент, Столе Эуне, наклонился вперед и прошептал ему «ни пуха ни пера».

Потом настала очередь Халлстейна. Он поднялся на кафедру, повернулся и осмотрел зал. Он ощущал наступление тишины. Пробный доклад утром прошел хорошо. Хорошо? Он прошел просто великолепно! Халлстейн не мог не заметить, как радовалась аттестационная комиссия, да, даже Столе Эуне одобрительно кивал в ответ на его лучшие тезисы.

Сейчас Халлстейн представит укороченный вариант доклада, у него максимум двадцать минут. Он начал говорить, быстро ощутил тот же подъем, что и утром, и оторвался от рукописи, лежавшей перед ним. Потому что мысль рождала слова без задержки, и ему казалось, он может видеть себя со стороны, может видеть публику, взгляды людей, прикованные к его губам, все их органы чувств, сосредоточенные на нем, на Халлстейне Смите, профессоре вампиризма. Конечно, еще не существует предмета с таким названием, но он это изменит и начнет прямо сегодня. Он приближался к концу.

– За то непродолжительное время, что я проработал в независимой следственной группе под руководством Харри Холе, я выучил несколько вещей. Одна из них: главный вопрос при расследовании убийства – «почему?». Но ответа на него недостаточно, если нет ответа на вопрос «как?».

Халлстейн подошел к столу рядом с кафедрой, на котором лежали три предмета, покрытые шелковой тканью. Он взялся за уголок ткани и замер. Чуть-чуть театральности не помешает.

– Вот ответ на вопрос «как?», – заявил он и сорвал ткань.

Собравшиеся оживились, увидев большой револьвер, массивные гротескные наручники и черные железные челюсти.

Он указал на револьвер:

– Инструмент для угроз и принуждения.

На наручники:

– Этот для контроля, обезвреживания, содержания в плену.

На железные челюсти:

– А этот – чтобы добраться до источника, чтобы получить доступ к крови, чтобы провести ритуал.

Он поднял глаза:

– Благодарю следователя по особым делам Андерса Виллера, который позволил мне одолжить эти предметы, чтобы проиллюстрировать мои тезисы. Но нам нужно больше, чем три ответа на вопрос «как?». Остается вопрос «почему?». Как это «почему»?

Разрозненные сдержанные смешки из зала.

– Все эти инструменты *старые*. Необоснованно старые, можно, наверное, сказать. Вампирист постарался раздобыть предметы определенных эпох или их копии. И это подтверждает тезис диссертации о значении ритуальности: употребление крови отсылает назад в те времена, когда существовали боги, и им надо было молиться, их надо было ублажать, а валютой служила кровь. – Он указал на револьвер. – Это отсылает нас на двести лет назад в Америку, поскольку тогда существовали племена индейцев, которые пили кровь своих врагов, веря, что таким образом к ним перейдет их сила. – Он указал на наручники. – Это отсылает нас в Средневековье, когда ведьм и колдунов было необходимо изловить, проклясть и ритуально сжечь. – Он указал на зубы. – А это отсылает нас в Античность, когда принесение в жертву ягнят и человеческие кровопускания были обычным способом порадовать богов. Как и я сегодня своими ответами... – он развел руками, повернувшись в сторону декана и оппонентов, – надеюсь, порадовал этих богов.

На этот раз смех прозвучал более непринужденно.

– Благодарю.

Аплодисменты, насколько мог судить Халлстейн Смит, были бурными.

Столе Эуне встал, поправил бабочку в горошек, выпятил живот и прошествовал на кафедру.

– Дорогой докторант, ваши исследования основаны на рассмотрении конкретных случаев, и я хотел бы спросить вас, как вы могли сделать представленные выводы, если ваш главный случай, Валентин Йертсен, не подтверждал сделанных вами выводов. До тех пор, пока мы не узнали о роли Ленни Хелла.

Халлстейн Смит прокашлялся:

– В психологии рамки толкования случаев шире, чем в большинстве других дисциплин, поэтому, конечно, было соблазнительно истолковать поведение Валентина Йерксена в рамках типичного поведения вампириста, которое я описываю. Но как ученый я должен быть честен. Всего несколько дней назад Валентин Йертсен не совсем вписывался в мою теорию. И хотя местность и карта в психологии никогда не совпадают, должен признаться, я был разочарован. Сейчас сложно радоваться трагедии по имени Ленни Хелл. Но если не другое, то это подтверждает теории, выдвинутые в данной диссертации, и дает еще более четкую картину и более точное понимание вампиристов, что, надеюсь, сможет помешать трагедиям в будущем и остановить вампиристов на раннем этапе. – Халлстейн кашлянул. – Я должен поблагодарить аттестационную комиссию, потратившую много времени на изучение первоначального варианта диссертации и тем не менее позволившую мне внести изменения, вызванные раскрытием Хелла. Благодаря этим изменениям все встало на свои места.

Когда декан деликатно подал знак, что время первого оппонента истекло, у Халлстейна было ощущение, что прошло пять минут, а не сорок пять. Они пролетели, как время в игре!

Декан взошел на кафедру и сказал, что между выступлениями оппонентов наступает перерыв, во время которого можно заявить о вопросах *ex auditorio*. Халлстейн почувствовал, что он едва может дождаться момента, когда *покажет* им эту фантастическую работу, которая, несмотря на весь ужас, повествовала о самом великом и прекрасном: о человеческом духе.

Во время перерыва Халлстейн ходил по холлу и общался с людьми, успев поприветствовать всех тех, кто не был приглашен на обед. Он увидел

Харри Холе рядом с темноволосой женщиной и направился к ним.

– Харри! – воскликнул он и пожал твердую и холодную как мрамор руку полицейского. – Это, вероятно, Ракель.

– Да, это она, – сказал Харри.

Халлстейн взял ее руку и одновременно увидел, что Харри бросил взгляд на часы, а потом на входную дверь.

– Мы кого-то ждем?

– Да, – сказал Харри. – А вот наконец и они.

Халлстейн увидел, как двое людей входят в дверь в другом конце холла. Высокий темноволосый юноша и мужчина, вероятно, лет пятидесяти, со светлыми волосами, в узких прямоугольных очках без оправы. Ему подумалось, что юноша похож на Ракель, однако второй человек тоже был ему смутно знаком.

– Где я видел мужчину в очках? – спросил Халлстейн.

– Не знаю, но это гематолог Джон Дойл Стеффенс.

– И что он здесь делает?

Халлстейн посмотрел на Харри, который глубоко вдохнул:

– Он здесь, чтобы поставить точку в этой истории. Только он этого еще не знает.

В тот же момент декан позвонил в колокольчик и звучным голосом объявил, что публику просят вернуться в зал.

Джон Д. Стеффенс пробирался между двумя рядами кресел, за ним по пятам шел Олег Фёуке. Взгляд Стеффенса скользил по лицам собравшихся в поисках Харри Холе, как вдруг сердце его на мгновение остановилось и снова забилось, когда он заметил молодого светловолосого мужчину на заднем ряду. В ту же секунду его увидел Андерс, и Стеффенс разглядел ужас на лице молодого человека. Гематолог повернулся к Олегу, чтобы сказать, что он забыл об одной встрече и должен уйти.

– Я знаю. – Олег опередил его и не подал никаких признаков того, что собирается уступить ему дорогу; Стеффенсу пришло в голову, что мальчишка почти так же высок, как и его псевдоотец Холе. – Но сейчас все должно идти своим чередом, Стеффенс.

Юноша легко опустил руку на плечо Стеффенса, и все равно у главврача появилось ощущение, что его вдавили в кресло. Стеффенс сидел и чувствовал, как успокаивается его пульс. Достоинство. Да, достоинство. Олег Фёуке это знал. А значит, и Харри знает это и не оставляет ему пути для отступления. А по реакции Андерса было совершенно понятно, что он тоже ни о чем не знал. Их обманули. Обманули, заманив сюда обоих. Но

что дальше?

Катрина Братт усаживалась между Харри и Бьёрном, в то время как декан с кафедры открывал заседание.

– Докторанту поступил вопрос ex auditorio. Харри Холе, прошу вас.

Катрина удивленно взглянула на поднимающегося Харри.

– Спасибо.

Она увидела изумленные взгляды окружающих, кто-то сидел с улыбкой на губах, словно в ожидании шутки. Казалось, что и Халлстейн Смит развлекается, поднимаясь на кафедру.

– Поздравляю с защитой, – произнес Харри. – Вы уже почти достигли своей великой цели, и я тоже должен поблагодарить вас за содействие в раскрытии дела вампириста.

– Это я должен благодарить, – возразил Смит, слегка поклонившись.

– Да, возможно, – ответил Харри. – Потому что мы нашли кукловода, управлявшего Валентином. И, как отметил Эуне, вся ваша диссертация основывается на этом факте. Так что вам повезло.

– Это так.

– Но есть пара других вопросов, ответы на которые, мне кажется, захотят услышать все.

– Сделаю все, что смогу, Харри.

– Я помню, смотрел запись того, как Валентин входит в ваш хлев. Он точно знал, куда идти, но не знал о весах сразу за дверью. Так что он бесстрашно вошел, пребывая в твердой уверенности, что у него под ногами окажется твердая почва. И чуть не потерял равновесие. Почему это произошло?

– Мы принимаем часть вещей за данность, – сказал Смит. – В психологии мы говорим «рационализировать», что означает «упрощать». Без рационализации мир невозможно было бы воспринимать, мозг переполнился бы всеми теми моментами неуверенности, которые нам следует принимать во внимание.

– По той же причине мы спускаемся в темноте по лестнице в подвал, не испытывая беспокойства и не думая о том, что можем наткнуться на водопроводную трубу.

– Вот именно.

– Но если это случилось один раз, то мы, во всяком случае, большинство из нас, запомним это на будущее. Вот поэтому Катрина Братт осторожно ступает на эти весы, заходя в ваш хлев во второй раз. И поэтому никакая не загадка, что на водопроводной трубе в подвале Хелла мы

обнаружили кровь и частички моей и вашей кожи, но не крови Ленни Хелла. Он должен был научиться нагибаться еще... да, еще в детстве. В противном случае мы обнаружили бы ДНК Хелла, потому что зачастую ДНК, попав на такую трубу, сохраняется годами.

– Я верю вам, Харри.

– Я вернусь к этому, но позвольте мне сначала сказать о том, что является загадкой.

Катрина устроилась в кресле. Она еще не понимала, что происходит, но она знала Харри и узнавала неслышные низкочастотные вибрации в его голосе.

– Когда Валентин Йертсен входит в ваш хлев в районе полуночи, он весит семьдесят четыре килограмма четыреста граммов, – сказал Харри. – Но когда он уходит, то, если верить весам на видеозаписи, он весит ровно на полтора килограмма меньше. – Харри развел руками. – Очевидным объяснением является то, что разница в весе вызвана тем, что он потерял кровь в вашем кабинете.

Катрина услышала сдержанное, но полное нетерпения покашливание декана.

– Но потом я вспомнил кое о чем, – продолжил Харри. – Мы забыли о револьвере! О том, что он был у Валентина с собой и остался в кабинете. «Ругер редхок» весит около одного килограмма двухсот граммов. Выходит, чтобы задачка сошлась, Валентин должен был потерять всего триста граммов крови...

– Холе, – сказал декан, – если это вопрос к докторанту...

– Сначала вопрос к эксперту по крови, – произнес Харри, поворачиваясь к залу. – Главный врач Джон Стеффенс, вы гематолог и случайно оказались в больнице, когда туда доставили Пенелопу Раш...

Джон Стеффенс почувствовал, что потеет, когда взгляды всех собравшихся устремились в его сторону. Точно так же они были направлены на него, когда он сидел на месте для дачи свидетельских показаний и объяснял, как умерла его жена. Как ей наносили удары ножом, как она в прямом смысле истекла кровью у него на руках. Все взгляды тогда, как сейчас. Взгляд Андерса тогда, как сейчас.

Он сглотнул.

– Да, я там был.

– Вы знали, что очень точно можете определить на глаз количество крови. На основании фотографии с места преступления вы предположили, что ее кровопотеря составила два с половиной литра.

– Да.

Харри вынул из кармана фотографию и поднял ее.

– А на основании этой фотографии из кабинета Халлстейна Смита, которую вам показал один из водителей «скорой», вы предположили, что кровопотеря составила полтора литра, то есть полтора килограмма, не так ли?

Стеффенс сглотнул. Он чувствовал у себя на спине взгляд Андерса.

– Да, так. Плюс-минус два децилитра.

– На всякий случай спрошу: возможно ли, потеряв полтора литра крови, подняться на ноги и убежать?

– Существуют индивидуальные особенности, но если человек в хорошей физической форме и обладает силой воли, то да.

– И вот я подошел к своему простому вопросу, – сказал Харри.

Стеффенс почувствовал, как по его лбу скатилась капля пота.

Харри вновь повернулся к кафедре:

– Как такое возможно, Смит?

Катрина ахнула. Наступившая тишина, казалось, физически давит на зал.

– Тут я пас, Харри, я не знаю, – замялся Смит. – Я надеюсь, что докторская степень лопнет по этой причине. В свою защиту могу сказать, что ваш вопрос выходит за рамки диссертации. – Он улыбнулся, но на этот раз смеха не последовало. – Но это укладывается в рамки полицейского расследования, поэтому, Харри, вам, возможно, надлежит ответить самому.

– Хорошо, – сказал Харри и сделал вдох.

Нет, подумала Катрина и затаила дыхание.

– У Валентина Йертсена не было с собой револьвера, когда он пришел к вам. Револьвер уже находился в вашем кабинете.

– Что? – Смех Смита прозвучал в актовом зале как крик одинокой птицы. – Господи, как же он там оказался?

– Вы принесли его туда, – сказал Харри.

– Я?! Я не имею никакого отношения к этому револьверу!

– Это был ваш револьвер, Смит.

– Мой? Я никогда в жизни не владел револьвером, это можно проверить в регистре оружия.

– Там этот револьвер зарегистрирован на одного моряка из Фарсунна. Который был вашим пациентом. С шизофренией.

– Моряк? О чем это вы говорите, Харри? Вы сами утверждали, что Валентин угрожал вам этим револьвером в баре, куда он пришел убить

Мехмета Калака.

– Он вернул его вам после этого.

В зале возникло беспокойство, раздался тихий гул и звукдвигающихся в креслах людей.

Декан поднялся. Он был похож на взъерошенного петуха, когда поднял руки в мантии, чтобы призвать к порядку.

– Прошу прощения, господин Холе, но это защита диссертации. Если у вас полицейское дело, предлагаю вам провести его через соответствующие инстанции, а не поднимать здесь, на академическом мероприятии.

– Господин руководитель защиты и оппоненты, – сказал Харри, – разве не имеет основополагающего значения для оценки данной докторской диссертации тот факт, что она построена на неверной трактовке конкретного случая? Разве не такие факты должны освещаться на защите?

– Господин Холе... – начал декан голосом, полным ярости.

– ...прав, – перебил его Столе Эуне с первого ряда. – Уважаемый руководитель защиты, как члену аттестационной комиссии, мне крайне интересно услышать, о чем Холе хочет спросить моего докторанта.

Декан уставился на Эуне. Потом на Харри. И наконец, на Смита. Затем он сел.

– Хорошо, – сказал Харри. – Тогда я хочу спросить докторанта, держал ли он Ленни Хелла заложником в его собственном доме и управлял ли Валентином Йертсеном он, а не Хелл?

По залу прокатился почти беззвучный рокот, после чего наступила такая мертвая тишина, словно весь воздух высосали из помещения.

Смит недоверчиво покачал головой:

– Это шутка, не так ли, Харри? Вы придумали все это в Котельной, чтобы повеселиться на защите, а теперь...

– Я предлагаю вам ответить, Халлстейн.

Возможно, то, что Харри назвал его по имени, заставило Смита понять, что тот говорит серьезно. Во всяком случае, Катрине показалось, что у стоящего там, за кафедрой, Смита, что-то опустилось внутри.

– Харри, – тихо произнес он, – я *никогда* не бывал в доме Хелла до того воскресенья, когда вы взяли меня туда с собой.

– Да нет, бывали, – возразил Харри. – Конечно, вы позаботились о том, чтобы удалить все следы там, где вы могли оставить отпечатки пальцев или ДНК. Но вы забыли об одном месте. О водопроводной трубе.

– Водопроводная труба? Да ведь мы все оставили свою ДНК на этой чертовой трубе в воскресенье, Харри.

– Но не вы.

– Да, я тоже! Спроси Бьёрна Хольма, вон он сидит!

– Бьёрн Хольм может подтвердить, что ваша ДНК находилась на водопроводной трубе, а не тот факт, что она появилась там в воскресенье. Потому что в воскресенье вы спускались в подвал, когда я был уже там. Вы спустились беззвучно, я не слышал, как вы подошли, помните? Беззвучно, потому что вы не ударились лбом о ту водопроводную трубу. Вы пригнулись. Потому что ваш мозг помнил.

– Это смешно, Харри. Я ударился о ту трубу в воскресенье, просто я при этом не издавал звуков.

– Возможно, потому, что на вас было вот это и оно смягчило удар... – Харри выудил из кармана черную шапку и надел ее на голову. Спереди на шапке находился белый череп, и Катрина прочитала название клуба «Санкт-Паули». – Хотя как же можно оставить ДНК, то есть кровь, кожу или волос, если у вас на лоб натянута шапка?

Халлстейн Смит отчаянно моргал.

– Докторант не отвечает, – сказал Харри. – Тогда позвольте мне ответить за него. Халлстейн Смит ударился о ту водопроводную трубу, когда в первый раз спускался в подвал, но это было очень давно, до того как предполагаемый вампирист начал свое дело.

В наступившей тишине раздавался только тихий кудахтающий смех Халлстейна Смита.

– Прежде чем я что-нибудь скажу, – произнес Смит, – я считаю, мы должны наградить бывшего старшего инспектора Харри Холе аплодисментами за этот фантастический рассказ.

Смит начал аплодировать, и кто-то присоединился к нему, но потом все затихло.

– Но для того чтобы это было больше чем рассказ, необходимо наличие того же, что требуется для диссертации, – сказал Смит. – Доказательств! А их у вас нет, Харри. Все ваши выводы основываются на двух в высшей степени сомнительных предположениях: что очень старые весы в хлеву показывают точный вес человека, простоявшего на них всего секунду. Кстати, могу сообщить, что эти весы имеют обыкновение зависать. И что я из-за шапки не мог оставить свою ДНК в воскресенье на водопроводной трубе. Эту шапку, могу вам сообщить, я снял, когда спускался по лестнице в подвал, и снова надел ее, потому что в подвале было холодно. Моя жена может подтвердить, что, когда я вернулся домой, у меня на лбу была царапина.

Катрина посмотрела на женщину в сшитом на заказ платье землистого цвета, которая пристально смотрела на своего мужа черными глазами на

ничего не выражающем лице, словно пребывала в шоке после взрыва гранаты.

– Не так ли, Май?

Рот женщины открылся, а потом снова закрылся. Она медленно кивнула.

– Вот видишь, Харри? – Смит склонил голову набок и посмотрел на Харри с грустным сочувствующим выражением на лице. – Видишь, как просто разрушить твою теорию?

– Хорошо, – сказал Харри. – Я уважаю лояльность вашей жены, но, боюсь, доказательства ДНК неопровержимы. Анализ, проведенный Институтом судебной медицины, подтверждает не только то, что органический материал содержит ваш ДНК-профиль, но и то, что он был оставлен более двух месяцев назад, так что он никак не мог появиться там в воскресенье.

Катрина вздрогнула и посмотрела на Бьёрна. Он взглянул на нее и почти незаметно покачал головой.

– Поэтому, Смит, то, что вы побывали в подвале Хелла однажды осенью, не является предположением. Это факт. И точно так же фактом является то, что вы были обладателем револьвера «ругер», и он находился в вашем кабинете, когда вы стреляли в безоружного Валентина Йертсена. Плюс стилометрический анализ.

Катрина посмотрела на желтую мятую папку, которую Харри вынул из внутреннего кармана пиджака.

– Компьютерная программа, которая сравнивает выбор слов, построение предложений, структуру текста, расстановку знаков препинания для определения автора текста. Именно стилометрия вдохнула жизнь в дискуссию о том, какие тексты были написаны Шекспиром, а какие нет. Программа определяет автора текста с точностью более восьмидесяти процентов. То есть с недостаточной точностью для того, чтобы служить доказательством. Но процент определения того, что текст *не принадлежит* определенному автору, например Шекспиру, составляет девяносто девять и девять. Наш компьютерный эксперт Торд Грен использовал эту программу для сравнения электронных писем, которые были отправлены Валентину, с тысячей более ранних писем Ленни Хелла другим адресатам. И вывод... – Харри протянул папку Катрине, – что Ленни Хелл не был автором инструкций, которые Валентин Йертсен получал по электронной почте.

Смит уставился на Харри. Прядь волос упала на его потный лоб.

– Мы могли бы обсудить это на предстоящем полицейском допросе, – сказал Харри. – Но это защита. И у вас все еще есть возможность

предоставить аттестационной комиссии объяснения, чтобы она не отказала вам в присвоении докторской степени. Разве не так, Эуне?

Столе Эуне прокашлялся.

– Это так. Наука в идеале слепа к морали актуального времени, и это не первая докторская диссертация, написанная с использованием морально сомнительных или напрямую противозаконных методов. Прежде чем аттестационная комиссия сможет одобрить докторскую диссертацию, мы должны знать, управлял ли вообще кто-нибудь Валентином Йертсеном. Если это не так, то, я считаю, диссертация не может быть принята аттестационной комиссией.

– Спасибо, – кивнул Харри. – Так что скажете, Смит? Хотите ли вы дать объяснения аттестационной комиссии здесь и сейчас, до того как мы вас арестуем?

Халлстейн Смит уставился на Харри. В зале раздавалось только его сопение, как будто он был единственным из собравшихся, кто еще дышал. Сверкнула одинокая вспышка.

Покрывшийся красными пятнами руководитель защиты склонился к Столе и хрипло прошептал:

– Господи Иисусе, Эуне, что здесь происходит?

– Знаете, что такое ловушка для обезьян? – спросил Столе Эуне, откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

Голова Халлстейна Смита дернулась, как будто его ударили током, он поднял руку, указывая на потолок, и со смехом прокричал:

– А что мне терять, Харри?

Харри не ответил.

– Да, Валентином руководили. Это делал я. Конечно, это я написал те письма. Но важнее всего не то, кто стоял за Валентином и управлял им, научный смысл заключается в том, что Валентин был настоящим вампиристом, как и показывают мои описания, и ничего из сказанного тобою здесь не может поколебать мои научные результаты. И раз уж мне пришлось подготовить и создать лабораторные условия, так разве это не больше, чем обычно делают ученые? Или как? – Он скользнул взглядом по собравшимся. – Но то, что делал Валентин, решал совсем не я, это был его собственный выбор. И шесть человеческих жизней – не такая уж невероятная цена за то, что это... – Смит постучал указательным пальцем по переплетенной диссертации, – сможет помочь уберечь человечество от страданий и убийств в будущем. Здесь описаны тревожные сигналы и

профили. Именно Валентин Йертсен пил их кровь, убивал их, а не я. Я просто облегчал ему задачу. Когда тебе повезет наткнуться на такого вампириста, ты обязан это использовать, ты не должен позволять близоруким моральным принципам остановить его. Нужно видеть вещи в дальней перспективе, видеть пользу для человечества; спросите Оппенгеймера, спросите Мао, спросите тысячи больных раком лабораторных крыс.

– Значит, вы убили Ленни Хелла и застрелили Марту Руд ради нас? – прокричал Харри.

– Да, да! Жертвы на столе науки!

– Как вы жертвуете собственной человечностью? Из человечности?

– Именно, именно!

– Значит, они умерли ради того, чтобы вы, Халлстейн Смит, получили свою компенсацию? Чтобы обезьяна смогла сесть на трон и вписать свое имя в исторические летописи. Потому что вами постоянно двигало именно это, не так ли?

– Я показал вам, что такое вампирист и на что он способен! Разве я не заслуживаю за это человеческой благодарности?

– Хорошо, – сказал Харри. – Вы прежде всего продемонстрировали нам, на что способен униженный человек.

Голова Халлстейна Смита опять дернулась, а рот открывался и закрывался, но больше ничего не произносил.

– Мы слышали достаточно. – Декан встал. – Эта защита завершена, и я прошу полицию, если она присутствует в зале, арестовать...

Халлстейн Смит двигался на удивление быстро. Двумя шагами он подскочил к столу, схватил револьвер, сделал широкий шаг вперед к первому ряду и направил ствол в лоб ближайшему человеку.

– Встать! – прошипел он. – Всем остальным сидеть!

Катрина увидела, как поднимается блондинка, а Смит разворачивает ее, чтобы она оказалась перед ним в качестве щита. Это была Улла Бельман. Ее рот был открыт, она в немом отчаянии смотрела на мужчину в первом ряду. Катрина видела только затылок Микаэля Бельмана и не знала, что выражает его лицо, но понимала, что он сидит как замороженный. Кто-то всхлипнул. Звук издала Май Смит. Ее тело немного склонилось на одну сторону кресла.

– Отпусти ее!

Катрина повернулась на хрюкающий голос. Трульс Бернтсен. Он поднялся со своего кресла, крайнего в самом последнем ряду, и направился к ступенькам лестницы.

– Стой, Бернтсен! – закричал Смит. – Или я застрелю ее, а потом тебя!

Но Трульс Бернтсен не остановился. В профиль его нижняя челюсть выступала еще резче, чем обычно, но еще были видны новообретенные мышцы под свитером. Он дошел до нижней ступеньки, свернул у первого ряда и пошел прямо к Смиту и Улле Бельман.

– Еще один шаг...

– Застрели сначала меня, Смит, иначе не успеешь.

– Как пожелаешь.

Бернтсен фыркнул:

– Чертов гражданский, ты не можешь...

Катрина почувствовала давление на уши, как будто в самолете, который внезапно начал падать. И только в следующее мгновение она поняла, что это был звук выстрела из огромного револьвера.

Трульс Бернтсен остановился. Он стоял, склонившись вперед, и качался. Плечи его обвисли, рот открылся, глаза выпучились. Катрина увидела дыру у него на груди посреди свитера и ждала, когда появится кровь. И она появилась. Казалось, Трульс собрался с последними силами, чтобы удержаться на ногах. Взгляд его был прикован к Улле Бельман. Потом он упал назад.

Где-то в зале вскрикнула женщина.

– Никому не двигаться! – прокричал Смит и стал пятиться к выходу, держа перед собой Уллу Бельман. – Мы будем стоять снаружи с приоткрытой дверью минуту, и, если я увижу, что один из вас встал, я ее застрелю.

Разумеется, он блефует. И конечно, никто не захочет проверить, так ли это.

– Ключи от «амазона», – прошептал Харри. Он протянул руку в сторону Бьёрна, который среагировал через секунду и вложил ему в руку ключи от машины.

– Халлстейн! – позвал Харри и стал выбираться из ряда. – Твоя машина стоит на университетской гостевой парковке, и ее в эту секунду обследуют криминалисты. У меня есть ключи от машины, припаркованной на улице прямо перед зданием, и я буду для тебя лучшим заложником.

– Почему? – спросил Смит, продолжая пятиться.

– Потому что я буду вести себя спокойно и потому что у тебя есть совесть.

Смит остановился и несколько секунд оценивающе смотрел на Харри.

– Подойди туда и надень наручники, – сказал он и кивнул на стол.

Харри выбрался из ряда, прошел мимо неподвижно лежавшего на полу

Трульса и встал у стола спиной к залу и Смит.

– Так, чтобы я видел! – прокричал Смит.

Харри повернулся к нему и поднял руки вверх, чтобы он мог видеть, что они закованы в копию наручников, соединенных цепью.

– Иди сюда!

Харри подошел к нему.

Смит оттолкнул Уллу Бельман в сторону и направил револьвер на Харри.

– Одна минута!

Свободной рукой Смит схватил Харри за плечо, развернул его и направил в сторону двери, которую оставил полуоткрытой.

Улла Бельман смотрела на прикрытую дверь, потом развернулась и посмотрела на своего мужа. Катрина увидела, что Бельман машет ей, подзывая к себе. И Улла стала двигаться в его сторону. Короткими неуверенными шагами, как будто она шла по тонкому льду. Но когда она поравнялась с Трульсом Бернтсеном, то упала на колени. Она положила голову на его залитый кровью свитер. И в тишине, охватившей зал, ее одиночное горькое всхлипывание прозвучало громче, чем выстрел из револьвера.

Харри шел впереди Смита и чувствовал, как ему в спину упирается дуло револьвера. Черт, черт! Он все детально спланировал со вчерашнего дня, прокручивал различные сценарии, но не сумел предусмотреть того, что произошло.

Харри ногой открыл дверь на улицу, и в лицо ему ударил холодный мартовский воздух. Университетская площадь перед ними была пуста, она купалась в зимнем солнце. Черный лак «вольво-амазона» Бьёрна сверкал.

– Иди!

Харри спустился по лестнице и вышел на площадь. На втором шаге ноги разъехались, и он завалился на бок, не успев сгруппироваться. Боль пронзила руку и спину, когда его плечо коснулось льда.

– Вставай! – прохрипел Смит, схватил наручники за цепь и поднял заложника на ноги.

Харри воспользовался ускорением, которое придал ему Смит. Он знал, что ему едва ли представится лучший шанс. Поднимаясь, он резко ударил головой Смита, который сделал два шага назад и упал. Харри шагнул за ним, чтобы закончить дело, но Смит, лежа на спине, держал обеими руками револьвер, нацеленный на Харри.

– Давай, Харри. Я к этому привык, я лежал так каждую вторую

свободную минуту. Так что давай!

Харри смотрел в ствол револьвера. Переносица Смита сломалась, и через порванную кожу была видна белая кость. Тонкая струйка крови стекала по крылу носа.

– Я знаю, что ты думаешь, Харри, – засмеялся Смит. – *«Он не смог убить Валентина с расстояния в два с половиной метра»*. Так что давай. Или открывай машину.

Мозг Харри произвел необходимые вычисления. Он развернулся, медленно открыл дверцу со стороны водительского сиденья и услышал, что Смит поднялся на ноги. Харри сел в машину и не спеша вставил ключ в замок зажигания.

– Я поведу, – сказал Смит. – Двигайся.

Харри сделал, как он велел, и неуклюже перебрался через рычаг переключения скоростей на пассажирское сиденье.

– А теперь переступи через свои наручники.

Харри посмотрел на него.

– Я не хочу, чтобы, в то время как я буду вести машину, у меня на горле оказалась цепь от наручников, – сказал Смит, поднимая револьвер. – Не повезло тебе, если ты прогуливал занятия по йоге. И я вижу, ты стараешься нас задержать. Так что у тебя есть ровно пять секунд. Четыре...

Харри откинулся назад, насколько позволяла крутая спинка сиденья, поднял скованные руки перед собой и согнул колени.

– Три, два...

Харри кое-как удалось просунуть начищенные ботинки через цепь наручников.

Смит сел в машину, наклонился к Харри, перекинул старомодный ремень безопасности через его грудь и пояс, пристегнул его и сильно дернул, так что Харри в буквальном смысле оказался привязанным к спинке сиденья. Смит вынул телефон из кармана пиджака Харри. Он пристегнул свой ремень и повернул ключ, дал большие обороты и дернул за рычаг переключения скоростей. Смит отпустил сцепление и поехал задним ходом по полукруглой траектории. Он опустил стекло и выбросил телефон Харри, а затем и свой собственный.

Они выехали на улицу Карла Йохана, свернули направо, где весь обзор закрывал Королевский дворец. Зеленый свет на перекрестке. Они поехали налево, по площади с круговым движением, опять зеленый свет на перекрестке, мимо Концертного зала. Набережная Акер-Брюгге. Транспорт двигался быстро. Слишком быстро, подумал Харри. Чем дальше они со Смитом смогут уехать, прежде чем Катрина предупредит патрульные

машины и полицейский вертолет, тем более обширный район им придется прочесывать и тем больше дорог перекрывать.

Смит посмотрел на фьорд:

– Осло редко бывает красивее, чем в такие дни, да?

Он говорил в нос, звук его голоса сопровождался тонким свистом. Должно быть, дело в сломанном носе.

– Молчаливый попутчик, – сказал Смит. – Да-да, ты ведь сегодня уже наговорился.

Взгляд Харри не отрывался от дороги перед ними. Катрина не могла найти их, запеленговав мобильные телефоны, но, пока Смит держится больших дорог, существовала надежда, что их удастся быстро отыскать. С вертолета автомобиль с полосками ралли на крыше и багажнике будет легко отличить от других.

– Он пришел ко мне, назвался Александром Дрейером и захотел поговорить о «Пинк Флойд» и голосах, которые он слышал, – произнес Смит, покачивая головой. – Но, как ты понял, я хорошо умею читать людей, и я быстро сообразил, что передо мной не обычный индивид, а редкий экстремальный пример психопата. И я использовал то, что он рассказывал о своих сексуальных предпочтениях, чтобы навести справки у своих коллег, которые выступали экспертами в делах о сексуальных преступлениях. Постепенно я понял, с кем имею дело и что за дилемма его мучила. Он жаждал следовать своему охотничьему инстинкту, но единственный неверный шаг, смутное подозрение, мелочь, которая привлекла бы внимание полиции к Александру Дрейеру, раскрыла бы его. Ты следишь, Харри? – Смит бросил на него быстрый взгляд. – Чтобы снова выйти на охоту, он должен был удостовериться в том, что он в безопасности. Он был идеальным человеком без альтернатив, на него надо было всего лишь надеть ошейник и открыть клетку, и он съест – и выпьет – все, что ему будет предложено. Но сам я не мог выступить в роли того, кто предлагает ему это задание, мне был нужен фиктивный кукловод, громоотвод, тот, к кому приведут следы в случае, если Валентина поймает и он сознается. Тот, кто рано или поздно будет раскрыт, и местность совпадет с картой и подтвердит положения теории, которую я выдвигаю в своей диссертации об импульсивном, ребячливом, хаотичном вампиристе. Ленни Хелл был отшельником, живущим в удаленном месте, которого никто не навещал. Но однажды к нему совершенно внезапно нагрянул его психолог. Психолог, у которого на голове было нечто напоминающее ястреба и большой красный револьвер в руках. Кря, кря, кря! – Смит громко рассмеялся. – Видел бы ты физиономию Ленни, когда он понял, что

его захватили в плен и что он стал моим рабом! Сначала я заставил его перенести архив пациентов, что привез с собой, в кабинет наверху. Потом мы нашли клетку, которую его семья использовала для перевозки свиней, и он отнес ее вниз, в подвал. Наверное, по дороге вниз я и треснулся лбом об эту чертову трубу. Мы положили в клетку матрас, на котором Ленни мог сидеть и лежать, после чего я приковал его наручниками. Там он и находился. Мне, в общем-то, Ленни стал не нужен после того, как я выкачал из него все подробности о женщинах, которых он преследовал, получил копии ключей от их квартир и пароль от компьютера, чтобы я мог посылать сообщения Валентину. Если бы Валентина схватили или он умер бы и полиция вышла бы на Хелла, она должна была найти довольно свежий труп, чтобы временные рамки соответствовали ходу дела. Но для того чтобы полиция не вышла на Хелла слишком рано, я должен был позаботиться о железном алиби на момент первого убийства. Я знал, что вы будете проверять его алиби, поскольку он имел телефонный контакт с Элисой Хермансен. И я повел Ленни в местную пиццерию в то время, когда велел Валентину убить Элису Хермансен, и показал его людям. На самом деле я был так сосредоточен на забойном пистолете, который держал под столом наведенным на Ленни, что не заметил орешков в тесте для пиццы, пока не стало слишком поздно. – Еще один раскат смеха. – Так что у него было много свободного времени в клетке, у Ленни. Я не мог не рассмеяться, когда вы обнаружили семя Ленни Хелла на матрасе и сделали вывод, что он там насиловал Марту Руд...

Они проехали остров Бюгдэй. Остров Снарёйя. Харри машинально считал секунды. Десять минут назад они отъехали от Университетской площади. Он взглянул на пустое синее небо.

– ...потому что Марту Руд никогда не насиловали. Я застрелил ее, как только принес из леса в подвал. Валентин уже испортил ее, это было лишение жизни из милосердия. – Смит повернулся к нему. – Я надеюсь, ты это понимаешь, Харри? Харри? Ты считаешь, что я слишком много болтаю, Харри? – Смит вздохнул. – Ты был бы хорошим психологом, Харри, пациенты любят молчаливых психологов, они считают, что так подвергаются более глубокому анализу. Профессиональное молчание всегда воспринимается в самом лучшем смысле. Ну ладно, к чертям это...

Они приближались к Хёвикоддену. Слева снова стал виден Ослофьорд. Харри рассчитывал на это. Возможно, полиция успеет поставить ограждение возле Аскера, они доберутся туда через десять минут.

– Можешь ли ты представить себе, каким подарком для меня стало твое приглашение принять участие в расследовании, Харри? Я настолько

удивился, что поначалу отказался. А потом до меня дошло, что, если я буду сидеть с вами и получать всю информацию, я смогу предупредить Валентина, когда вы подберетесь к нему, и он сможет долго бегать от вас. *Мой* вампирист сможет превзойти Кюртена, Хэя и Чейза и стать самым великим из них. Но всей информации я так и не получил. Я не знал, что его хамам находится под наблюдением, пока мы не сели в машину и не отправились туда. И я стал терять контроль над Валентином: он убил того бармена и похитил Марту Руд. К счастью, я вовремя узнал, что личность Александра Дрейера установлена в банкомате, и успел предупредить его, чтобы он убрался из квартиры. В то время Валентин понял, что это я, его бывший психолог, был тем человеком, что дергает за ниточки, но что из этого? Ему было все равно, с кем он находится в одной лодке. Но я понимал, что сеть затягивается и что наступил час грандиозного финала, который я уже планировал какое-то время. Я заставил Валентина уехать из квартиры и поселиться в отеле «Плаза», на время, конечно, и туда я прислал ему конверт с копией ключей от хлева и кабинета и инструкции поехать туда в районе полуночи, когда все улягутся, чтобы спрятаться. Я, разумеется, не могу исключать, что у него были определенные дурные предчувствия, но какой, в сущности, выбор у него оставался после установления его личности? Он просто-напросто *должен* был рассчитывать на то, что на меня можно положиться. А ты должен дать мне очки за постановку, Харри. Как я позвонил вам с Катриной, чтобы у меня все время на проводе были свидетели в добавление к тому, что будет на записях с камер наблюдения. Да, конечно, это можно назвать хладнокровной ликвидацией: я сфабриковал историю о героическом ученом, который возбудил этого серийного убийцу своими высказываниями, после чего убил его в целях самообороны. Да, я вижу, это поспособствовало прибытию иностранной прессы на обычную защиту докторской диссертации, кроме того, что четырнадцать издательств купили права на издание диссертации. Но это только в последнюю очередь исследования и наука. Это прогресс, Харри. Вполне возможно, что благими намерениями вымощен путь в ад, но это также путь к просвещенному будущему человечества.

Олег повернул ключ в замке зажигания.

– Травматологическое отделение «Уллевола»! – прокричал молодой светловолосый полицейский с заднего сиденья, где он сидел, держа на коленях голову Трульса Бернтсена. Оба они пропитались кровью раненого. – Полный газ, врубай сирену!

Олег уже почти отпустил сцепление, как распахнулась задняя дверь.

– Подвинься, Андерс! – Это был Стеффенс. Он втиснулся в салон, заставив молодого полицейского отодвинуться на противоположный край сиденья. – Поднимите его ноги! – рявкнул Стеффенс, который теперь поддерживал голову Бернтсена. – Чтобы у него...

– Кровь поступала к сердцу и мозгу, – сказал Андерс.

Олег отпустил сцепление, и они вылетели с парковки на улицу между заворачивающим трамваем и сигналившим такси.

– Как ситуация, Андерс?

– Сам проверь, – фыркнул Андерс. – Без сознания, пульс слабый, но дышит. Помоги мне перевернуть его.

Олег бросил взгляд в зеркало и увидел, что они перевернули Трульса Бернтсена на бок и разорвали рубашку. Олег снова сосредоточился на дороге, воспользовался сиреной, чтобы пролетел перед грузовиком, нажал на газ и проехал на красный сигнал светофора.

– О черт! – простонал Андерс.

– Да, рана большая, – сказал Стеффенс. – Пуля увлекла с собой осколки ребер. Он истечет кровью и умрет, не доехав до «Уллевола», если...

– Если?..

Олег услышал, как Стеффенс глубоко вздыхает.

– Если мы не выполним эту работу лучше, чем я сделал в случае с твоей матерью. Приложи ладони с обеих сторон раны – вот так – и прижми их друг к другу. Просто сожми ее как можно лучше, другого способа нет.

– Они скользят.

– Оторви куски от его рубашки и используй их, сцепление будет лучше.

Олег услышал тяжелое дыхание Андерса и снова бросил взгляд в зеркало. Он увидел, что Стеффенс приложил один палец к груди Бернтсена и стал стучать по нему другим пальцем.

– Я перкутирую, но я здесь слишком зажат и не могу приложить ухо, – сказал Стеффенс. – Ты сможешь...

Андерс склонился вперед, не отпуская краев раны, и приложил голову к груди Бернтсена.

– Глухой звук, – сказал он. – Воздуха нет. Ты думаешь?..

– Да, боюсь, это гемоторакс, – сказал отец. – Легкое наполняется кровью и скоро откажет. Олег...

– Я слышу, – ответил Олег, вдавливая в пол педаль газа.

Катрина стояла посреди Университетской площади, прижимая к уху

телефон, и смотрела на пустое безоблачное небо. Еще не было видно полицейского вертолета, который она затребовала из Хели в Гардермуэне, приказав следить за дорогой Е6 на подлете к Осло с северной стороны.

– Нет, у нас нет мобильных телефонов, которые можно было бы запеленговать! – прокричала она, чтобы ее было слышно за гулом сирен, доносившихся с разных концов города и смешивающихся друг с другом. – Не зарегистрированы проезды через пункты дорожной оплаты, ничего. Мы перекроем трассы Е-шесть и Е-восемнадцать с южной стороны. Я сообщу сразу, как только у нас что-то будет.

– Хорошо, – ответил Фалькейд на другом конце провода. – Мы в готовности.

Катрина нажала на клавишу отбоя. Телефон зазвонил.

– Полиция Аскера на Е-восемнадцать, – сказал голос. – Мы тут остановили грузовик с прицепом и сейчас устанавливаем его поперек дороги перед съездом в Аскер, будем запускать транспорт в шлюз здесь, а выпускать на дорогу у площади с круговым движением. Черная семидесятая модель «амазона» с полосками ралли?

– Да.

– Мы сейчас говорим о наихудшем выборе автомобиля для побега?

– Будем надеяться. Держите меня в курсе.

Трусцой подбежал Бьёрн.

– Олег и главврач везут Бернтсена в «Уллевол», – фыркнул он. – Виллер тоже кинулся с ними.

– Каковы шансы, что он выживет, как думаешь?

– У меня есть только опыт работы с трупами.

– Ладно. Бернтсен был похож на труп?

Бьёрн Хольм пожал плечами:

– У него по-прежнему шла кровь, а это значит, по крайней мере, что она еще не вся вытекла.

– А Ракель?

– Она сидит в актовом зале и разговаривает с женой Бельмана, та в очень плохой форме. Самому Бельману пришлось уйти, чтобы руководить операцией из места, куда стекается информация, как он выразился.

– Стекается? – фыркнула Катрина. – Единственное место, куда стекается информация, находится здесь.

– Я знаю, а теперь успокойся, кругляшка, мы же не хотим, чтобы малыш испытал стресс, правда?

– Господи, Бьёрн! – Катрина стиснула телефон в руке. – Почему ты не мог рассказать мне о планах Харри?

– Потому что я о них не знал.
– Не знал? Кое-что ты должен был знать, раз уж он затребовал группу криминалистов для обследования автомобиля Смита.

– Он не требовал, он блефовал. Точно так же, как и с датировкой ДНК на той водопроводной трубе.

– Что-о?

– Судебно-медицинский эксперт не может определить, когда была оставлена ДНК. Сказанное Харри о том, что они установили, будто ДНК-материал был оставлен Смитом три месяца назад, было чистой воды враньем и блефом.

Катрина уставилась на Бьёрна, сунула руку в сумку, вынула желтую папку, которую отдал ей Харри, и открыла ее. Три листа формата А4. Все чистые.

– Блеф, – сказал Бьёрн. – Чтобы стилометрия дала точный результат, необходим объем текста не менее пяти тысяч знаков. Короткие электронные письма, отправленные Валентину, ничего не расскажут об их авторе.

– У Харри ничего не было, – прошептала Катрина.

– Ни кусочка дерьма, – произнес Бьёрн. – Он рассчитывал на признание.

– Черт его побери! – Катрина прижала телефон ко лбу, не зная точно, чтобы охладить его или согреть. – Но почему он ничего не сказал? Мы могли бы поставить снаружи вооруженных полицейских.

– Потому что он не мог ничего сказать.

Ответ прозвучал из уст Столе Эуне, который пересек площадь и подошел к ним.

– Почему?

– Это просто, – пояснил Столе. – Если бы он проинформировал кого-нибудь в полиции о своих планах, а полиция не вмешалась бы, то произошедшее в актовом зале стало бы де-факто полицейским допросом. Нерегламентированный полицейский допрос, где допрашиваемый не ознакомлен со своими правами, а допрашивающий сознательно лжет и манипулирует. Тогда ничего из сказанного сегодня Смитом нельзя было бы использовать в суде. Но так...

Катрина Братт поморгала, а потом медленно кивнула.

– Но так преподаватель и частное лицо Харри Холм принял участие в защите докторской диссертации, во время которой Смит высказывался по доброй воле в присутствии свидетелей. Ты участвовал в этом, Столе?

Столе Эуне кивнул.

– Харри позвонил мне вчера. Он рассказал мне о косвенных уликах, указывающих на Халлстейна Смита. Но не было прямых доказательств. И у Харри возник план использовать защиту для того, чтобы расставить ловушку для обезьян, а главврача Стеффенса привезти туда в качестве эксперта.

– И что ты ответил?

– Что Халлстейн «Обезьянка» Смит однажды уже попал в такую ловушку и вряд ли сделает это во второй раз.

– Но?..

– Но Харри использовал мои собственные слова против меня, сославшись на постулат Эуне.

– Люди предсказуемы, – сказал Бьёрн. – Они раз за разом совершают одни и те же ошибки.

– Вот именно, – кивнул Эуне. – А Смит, по словам Харри, как-то заявил ему в лифте, что готов променять несколько лет жизни на докторскую степень.

– И конечно, этот идиот угодил в ловушку для обезьян, – простонала Катрина.

– Он соответствует своему прозвищу, да.

– Не Смит, я говорю о Харри.

Эуне кивнул.

– Я пойду в актовый зал. Фру Бельман нужна помощь.

– Я пойду с тобой, чтобы оцепить место преступления, – сказал Бьёрн.

– Место преступления? – спросила Катрина.

– Бернтсен.

– Ах да. Да.

Когда мужчины ушли, Катрина запрокинула голову и посмотрела на небо. Куда подевался вертолет?

– Черт бы тебя побрал, – пробормотала она. – Черт бы тебя побрал, Харри.

– Это его вина?

Катрина обернулась.

Рядом с ней стояла Мона До.

– Не буду вас отвлекать, – сказала она, – вообще-то, у меня выходной, но я прочитала информацию в Сети, вот и пришла. Если вы захотите использовать «ВГ» для информирования, передачи сообщения Смицу или...

– Спасибо, До, тогда я сообщу.

– Хорошо. – Мона До развернулась и зашагала прочь своей пингвиньей походкой.

– На самом деле я удивилась, когда не увидела вас на защите, – произнесла Катрина.

Мона До остановилась.

– Вы были главным репортером «ВГ» по делу о вампиристе с самого первого дня, – сказала Катрина.

– Значит, Андерс так и не поговорил с вами.

Что-то в том, как Мона До произнесла имя Андерса Виллера, естественно и непринужденно, заставило Катрину приподнять бровь.

– Поговорил?

– Да. Андерс и я, мы...

– Вы шутите, – сказала Катрина.

Мона До рассмеялась:

– Нет. Я понимаю, что с профессиональной точки зрения это немного непрактично, но нет, я не шучу.

– И когда же...

– В общем-то, сейчас. Между нами говоря, мы оба взяли дни из переработки и провели их в клаустрофобически тесном общении в маленькой квартирке Андерса, чтобы выяснить, подходим ли мы друг другу. Мы посчитали, что неплохо это проверить, прежде чем рассказывать кому-нибудь.

– Значит, никто об этом не знал?

– Никто. До тех пор, пока Харри чуть не поймал нас с поличным во время своего неожиданного визита. Андерс утверждает, что Харри понял весь расклад. И я знаю, что он пытался дозвониться до меня в «ВГ». Думаю, чтобы получить подтверждение своим подозрениям.

– Подозревать он умеет, – сказала Катрина и посмотрела на небо в ожидании вертолета.

– Я знаю.

Харри слушал тонкий свист, который издавал Смит, вдыхая и выдыхая. Внезапно взгляд Харри обнаружил кое-что необычное на фьорде. Казалось, собака идет по воде. По воде на поверхности льда. Лед под водой мог растрескаться, несмотря на то что температура опустилась ниже нуля, и вода могла просочиться на поверхность.

– Меня обвиняли в том, что я вижу вампиров, потому что я хочу, чтобы они существовали, – сказал Смит. – Но теперь это доказано на все времена, и скоро весь мир узнает, что такое вампиризм профессора Смита, независимо от того, что случится со мной. И Валентин не единственный, придут другие. Будут другие случаи, которые поддержат интерес мира к

вампиризму. Обещаю, вампиристы уже рекрутированы. Однажды ты спросил меня, стоит ли признание больше, чем жизнь. Конечно да. Признание – это вечная жизнь. И тебе тоже уготована вечная жизнь, Харри. Как человеку, *почти* поймавшему Халлстейна Смита, того, кого однажды называли Обезьянкой. Думаешь, я слишком много болтаю?

Они подъезжали к магазину ИКЕА. Еще пять минут, и они будут в Аскере. Смит не среагирует на небольшую пробку, при въезде в Аскер часто собирались машины.

– Дания, – сказал Смит. – Там весна наступает раньше.

Дания? У Смита что, начинается психоз? Харри услышал сухой щелчок. Смит включил поворотник. Нет, нет, он съехал с главной дороги! Харри увидел указатель на остров Несэйя.

– На поверхности достаточно воды, чтобы добраться до места, где заканчивается лед, как думаешь? Суперлегкая алюминиевая лодка с одним человеком на борту не даст глубокой осадки.

Лодка. Харри молча сжал зубы и выругался про себя. Лодочный сарай. Лодочный сарай, про который рассказывал Смит. Приложение к имению. Вот куда они едут.

– Длина Скагеррака – сто тридцать морских миль. Средняя скорость – двадцать узлов. Сколько времени это займет, Харри, ты ведь хорошо считаешь? – Смит засмеялся. – Я уже сосчитал. На калькуляторе. Шесть с половиной часов. Оттуда можно проехать через всю Данию на автобусе, на это уйдет несколько часов. Прибыть в Копенгаген. В Нёрребро. На Красную площадь. Сесть на скамейку, поднять вверх билет на автобус и ждать турфирму. Что ты думаешь об Уругвае? Маленькая красивая страна. Хорошо, что я расчистил дорогу от снега прямо до сарая и прибрал там, так что теперь в него можно загнать машину. А то эти полосы на крыше легко разглядеть с вертолета, да?

Харри закрыл глаза. У Смита давно был готов план побега. На всякий случай. И сейчас он рассказывал об этом плане Харри по одной простой причине: у Харри не будет шанса рассказать о нем кому-нибудь еще.

– Вон там налево, – сказал Стеффенс с заднего сиденья. – Корпус семнадцать.

Олег повернул и почувствовал, как колеса на мгновение оторвались ото льда, а потом вновь коснулись дороги.

Он знал, что на территории больницы существует ограничение скорости, как и то, что время и кровь у Бернтсена заканчиваются.

Он затормозил перед входом, где стояли двое мужчин в желтых

жилетах сотрудников «скорой помощи» с носилками на колесах.

– У него нет пульса, – сказал Стеффенс. – Немедленно в гибридную операционную. Травматологическая команда...

– Уже на месте, – сказал старший из медбратьев.

Олег и Андерс проследовали за носилками и Стеффенсом через две двери в помещение, где их ждали шесть человек в колпаках, пластиковых очках и серебристых жилетах.

– Я знаю, что ты работаешь в отделе по расследованию убийств, – сказал Олег, когда все успокоилось. – Но я не знал, что ты изучал медицину.

– Не изучал, – произнес Андерс, глядя на закрытые двери.

– Нет? В машине казалось иначе.

– Я немного занимался медициной самостоятельно, когда учился в старших классах, но на медицинский так и не поступил.

– Почему? Из-за оценок?

– У меня были отличные оценки.

– Но?.. – Олег не знал, почему он продолжает расспрашивать: из интереса или чтобы не думать о том, что случилось с Харри.

Андерс посмотрел на свои окровавленные руки:

– Думаю, со мной произошло то же, что и с тобой.

– Со мной?

– Я хотел стать таким же, как мой отец.

– И что?

Андерс пожал плечами:

– А потом расхотел.

– И вместо этого решил стать полицейским?

– Тогда я, по крайней мере, мог бы ее спасти.

– Ее?

– Мою мать. Или людей, попавших в такую же ситуацию. Так я думал.

– Как она умерла?

Андерс пожал плечами:

– В наш дом вломились. Возникла ситуация с захватом заложников. Мы с отцом просто стояли и смотрели. У отца началась истерика, и вор пырнул маму ножом и убежал. Отец носился взад и вперед, как курица, которой отрубили голову, и кричал, чтобы я ее не трогал, а сам искал ножницы. – Виллер сглотнул. – Мой отец, главный врач, искал ножницы, а я стоял и смотрел, как она умирает от потери крови. После этого я разговаривал с врачами и понял, что ее можно было спасти, если бы мы с самого начала стали предпринимать верные действия. Мой отец гематолог, государство инвестировало миллионы, чтобы научить его всему, что можно

знать о крови. И тем не менее он не смог сделать простые вещи, которые надо было сделать, чтобы из нее не вытекла вся кровь. Если бы присяжные знали то, что он знает о спасении жизни, они осудили бы его за непреднамеренное убийство.

– Значит, твой отец подвел. Подводить – это так по-человечески.

– А он все равно сидит в кабинете и думает, что он лучше других, потому что занимает должность главного врача. – Голос Андерса задрожал. – Полицейский со средним аттестатом, прошедший недельный курс ближнего боя, смог бы справиться со взломщиком до того, как он ударил ее ножом.

– Но сегодня он не подвел, – сказал Олег. – Потому что твой отец – Стеффенс, да?

Андерс кивнул.

– Когда речь идет о жизни коррумпированного, ленивого куска дерьма вроде Бернтсена, он, разумеется, не подвел.

Олег посмотрел на часы и достал телефон. От мамы сообщений не было. Он убрал его. Она ведь сказала, что Олег ничего не может сделать для Харри. Но он мог кое-что сделать для Трульса Бернтсена.

– Это не мое дело, – произнес Олег, – но ты когда-нибудь спрашивал своего отца, от чего он отрекся? Сколько лет постоянного каждодневного тяжелого труда он потратил, чтобы узнать все о крови, и сколько человеческих жизней спас этот труд?

Андерс покачал склоненной головой.

– Нет? – спросил Олег.

– Я с ним не разговариваю.

– Вообще?

Андерс пожал плечами:

– Я переехал. И отказался от его фамилии.

– Виллер – это фамилия твоей матери?

– Да.

Они успели увидеть серебристую спину человека, ворвавшегося в операционную, до того как за ним захлопнулись двери.

Олег кашлянул:

– Опять же это не мое дело. Но тебе не кажется, что ты вынес слишком строгий приговор отцу?

Андерс поднял голову и посмотрел в глаза Олегу.

– Ты прав, – произнес он, медленно покачивая головой. – Это не твое дело.

Потом он встал и направился к выходу.

– Ты куда? – спросил Олег.

– Вернусь в университет. Отвезешь? Если нет, поеду на автобусе.

Олег встал и пошел за ним.

– Там людей хватает. А здесь лежит полицейский, который, возможно, умрет. – Олег догнал Андерса и схватил за плечо. – И, как коллега из полиции, сейчас ты самый близкий для него человек. Так что ты не можешь уйти. Ты ему нужен.

Он развернул Андерса и увидел, что у молодого полицейского блестят глаза.

– Ты нужен им обоим, – сказал Олег.

Харри должен был что-то предпринять. Причем немедленно.

Смит свернул с главной дороги и осторожно повел машину по узкому проезду с сугробами на обочинах. Между ними и замерзшим морем находился красный лодочный сарай с белым бревном, запирающим широкие двойные двери. Харри разглядел две виллы, по одной с каждой стороны дороги, но их скрывали деревья и холмы, и находились они на таком расстоянии, что Харри никого не смог бы предупредить, криком взывая о помощи. Он сделал вдох, нажал языком на верхнюю губу, ощутил металлический вкус, почувствовал, как под рубашкой струится пот, хотя ему было холодно. Харри пытался думать. Думать о том, о чем думает Смит. На маленькой открытой лодке в Данию. Конечно, это вполне возможно и все же настолько дерзко, что никто в полиции и не подумает о таком пути бегства. И что будет с ним самим, как Смит собирается решить эту задачу? Харри попытался заглушить голос отчаянной надежды, что ему сохранят жизнь. И голос приятной апатии, говоривший, что все потеряно и сопротивление будет означать больше боли. Вместо этого он прислушался к холодному голосу логики. А тот говорил, что от Харри больше не было никакой пользы как от заложника, а если взять его в лодку, то она потонет. Смит не испытывал страха, он уже застрелил Валентина и одного полицейского. И все произойдет здесь, до того как они выйдут из машины, так можно лучше всего приглушить звук.

Харри попытался нагнуться вперед, но трехточечный прочный ремень пригвоздил его к сиденью. Наручники врезались в копчик и вгрызались в кожу на запястьях.

До сарая оставалось метров сто.

Харри зарычал. Это был горловой хриплый звук, исходивший из глубины живота. Потом он стал раскачиваться из стороны в сторону и ударил головой в боковое стекло. Оно треснуло, на стекле появилась белая

розетка. Он зарычал и еще раз ударил. Розетка увеличилась в размерах. Третий раз. Кусочек стекла вывалился наружу.

– Угомонись, или я пристрелю тебя прямо сейчас! – закричал Смит и приставил револьвер к голове Харри, одним глазом следя за дорогой.

Харри укусил его.

Он почувствовал боль от давления на десны и металлический привкус, который появился уже в тот момент, когда в актовом зале он повернулся спиной к Смиту, быстро схватил со стола железную челюсть и закинул в рот перед тем, как надеть наручники. Он почувствовал, как удивительно легко острые зубы вошли в запястье Халлстейна Смита. Салон наполнился криком Смита, и Харри почувствовал, как револьвер стукнул его по левому колену, а потом упал вниз между его ног. Харри напряг мышцы шеи и потянул руку Смита вправо. Смит выпустил руль и попытался ударить Харри по голове, но его собственный ремень помешал ему замахнуться так, чтобы дотянуться до цели. Харри раскрыл рот, послышалось бульканье, и он снова сжал челюсти. Рот его наполнялся теплой кровью. Возможно, он прокусил артерию, а возможно, и нет. Он проглотил. Кровь была тягучей, похожей по консистенции на коричневый соус, а на вкус она была до тошноты сладкой.

Смит левой рукой схватил руль. Харри ожидал, что он затормозит, но вместо этого он нажал на газ.

«Амазон» забуксовал на льду, после чего быстро поехал вниз по холму. Бревно треснуло, как спичка, когда в него врезался шведский ретроавтомобиль весом больше тонны, а двери сорвало с петель.

Харри швырнуло вперед, когда машина затормозила на бетонном полу и врезалась в корму металлической двенадцатифутовой лодки, которая стояла, приподнятая над полом, у дверей со стороны моря.

Он успел увидеть, что ключ от машины сломался в замке зажигания, после чего двигатель заглох. Потом он почувствовал сильную боль в зубах и во рту, когда Смит попытался вырвать свою руку. Но Харри знал, что должен держать крепко. Он не причинял Смиту большого ущерба, даже если прокусил артерию, ведь каждому человеку, наносящему себе увечья, известно: на запястье она настолько тонкая, что Смит мог истекать кровью несколько часов до того, как умереть. Смит снова дернулся, но на этот раз слабее. Харри умудрился краешком глаза увидеть его лицо. Смит был бледным. Если он не выносит вида крови, возможно, Харри сумеет довести его до обморока? Харри изо всех сил стиснул челюсти.

– Я вижу, что у меня идет кровь, Харри. – Голос Смита казался тонким, но спокойным. – А ты знал, что, когда Петера Кюртена, вампириста из

Дюссельдорфа, приговорили к смерти путем отсечения головы, он задал доктору Карлу Бергу вопрос. Он спросил у Берга, успеет ли он, по мнению доктора, услышать звук собственной хлещущей крови из разрубленной шеи до того, как потеряет сознание. Если успеет, то это будет наслаждением, завершающим все наслаждения. Но я боюсь, этого недостаточно для казни, и мое наслаждение только начинается.

Быстрым движением Смит отстегнул свой ремень безопасности, перегнулся через Харри, положил голову ему на колени и потянулся левой рукой к полу. Его пальцы скребли по резиновому коврику, но револьвера нащупать не могли. Он нагнулся еще ниже и повернул голову к Харри, чтобы просунуть руку под его сиденье. Харри увидел, как по губам Смита расплывается улыбка. Он нащупал револьвер. Харри поднял ногу и топнул. Он почувствовал кусок стали и руку Смита под тонкой подошвой лаковых ботинок.

Смит застонал, глядя на него.

– Убери ногу, Харри. Или я принесу разделочный нож и воспользуюсь им. Ты слышишь? Убери.

Харри ослабил хватку и напряг мышцы живота.

– Как пожелаешь.

Одним рывком он поднял обе ноги и, зажав ими голову Смита, стал поднимать ее к груди, помогая себе натянутым ремнем безопасности.

Смит чувствовал, что револьвер высвободился из-под ботинка Харри. Но колени Харри тянули Смита вверх, и он выпустил револьвер из рук. Ему пришлось полностью вытянуть руку, чтобы двумя пальцами ухватить рукоятку, и тут Харри ослабил хватку его правой руки. Надо было всего лишь поднять револьвер и повернуть его в сторону Харри. А потом Смит понял, что произойдет, увидел, как открывается пасть Харри, увидел отблеск на металле, увидел, как Харри склоняется к нему, почувствовал горячее дыхание на горле. Казалось, через кожу Смита прошли сосульки. Его крик оборвался, когда челюсти Харри с силой сомкнулись на его гортани. А потом нога Харри снова опустилась и наступила на руку и револьвер.

Смит попытался ударить Харри правой рукой, но угол удара был слишком маленьким, и удар получился несильным. И он не мог дышать. Харри не прокусил сонную артерию, тогда кровь брызнула бы до потолка, но он перекрыл доступ воздуха, и Смит уже ощущал, как в голове поднимается давление. И все же он не собирался отпускать револьвер. Именно таким он всегда и был, мальчиком, который никогда не отпускает.

Обезьянка. Обезьянка. Но если он не хотел, чтобы его голова взорвалась, ему был нужен воздух.

Халлстейн Смит отпустил револьвер, он сможет поднять его позже. Он поднял левую руку и ударил Харри сбоку по голове. Потом правой рукой по уху. Потом левой в глаз, ощутив, как обручальное кольцо рвет бровь полицейского. Он почувствовал приближение ярости при виде крови другого человека, как вспыхивает огонь при попадании бензина в костер. Смит ощутил прилив сил и стал молотить изо всех сил. Бить. *Бить.*

– Так что мне делать? – спросил Микаэль Бельман и посмотрел на фьорд.

– Во-первых, я поверить не могу, что ты сделал то, что сделал, – сказала Исабелла Скёйен, расхаживавшая из стороны в сторону у него за спиной.

– Это произошло так быстро, – пробормотал Микаэль, сосредоточившись на собственном прозрачном отражении. – Я не успел подумать.

– Нет, ты успел подумать, – произнесла Исабелла. – Только ты не успел оценить перспективу. Ты успел подумать, что он застрелит тебя, если ты попробуешь вмешаться, но не успел подумать о том, что собравшаяся в зале пресса расстреляет тебя, если ты этого *не* сделаешь.

– Я был без оружия, у него был револьвер, и никто даже не подумал бы вмешаться, если бы этому идиоту Трульсу не взбрело в голову, что ему представилась возможность поиграть в героя. – Бельман покачал головой. – Но он всегда был безумно влюблен в Уллу, бедняжка.

Исабелла застонала:

– Трульс не мог бы поступить более хитро, если бы хотел уничтожить твоё реноме. Первое, о чем люди думают, справедливо или нет, – это трусость.

– Полегче! – прошипел Микаэль. – Не вмешался не только я, там сидели полицейские, которые...

– Она твоя супруга, Микаэль. Ты сидишь в первом ряду ближе всех к ней, и, несмотря на то что это твои последние дни на службе, ты являешься начальником полиции. Ты как бы должен быть их лидером. А теперь ты станешь министром юстиции...

– Значит, ты думаешь, я должен был дать себя застрелить? Потому что Смит на самом деле выстрелил. И Трульс *не* спас Уллу! Разве это не доказывает, что я, начальник полиции, верно оценил ситуацию, а инспектор Бернтсен, действовавший по собственной инициативе, совершил грубую

ошибку? Да, поставил под угрозу жизнь Уллы.

– Конечно, именно так мы и должны попытаться это представить, но я просто говорю, что это может быть трудно.

– Ну и что, черт возьми, в этом такого трудного?

– Харри Холе. Он предложил себя в заложники, а не ты.

Микаэль развел руками.

– Исабелла, всю эту ситуацию спровоцировал Харри Холе тем, что разоблачил Смита как убийцу. На самом деле он вынудил Смита схватить револьвер, лежавший прямо перед ним. Вызвавшись в заложники, Харри Холе просто взял на себя ответственность за то, в чем был повинен.

– Да, но мы сначала испытываем чувства, а потом начинаем рассуждать. Мы видим мужчину, который не вмешивается в происходящее ради спасения своей жены, и чувствуем презрение. Потом начинаются, как нам кажется, холодные объективные рассуждения, но в них мы сами, даже обладая новой информацией, ищем аргументы в пользу того, что сначала почувствовали. Это необдуманное презрение дураков, Микаэль, но я совершенно уверена, что именно его испытают люди.

– Почему?

Она не ответила.

Он повернулся к ней и встретился с ней взглядом.

– Вот именно, – сказал он. – Потому что ты сама сейчас испытываешь это презрение?

Микаэль увидел, как крылья замечательного *nasus*^[60] Исабеллы Скёйен разошлись в разные стороны, когда она сделала глубокий вдох.

– Ты очень многогранный, – сказала она. – У тебя множество качеств, которые вознесли тебя туда, где ты находишься.

– И?..

– И одно из них – это твоя способность уйти в укрытие и позволить другим принять удар на себя в тех случаях, когда трусость оправданна. Но в данном случае ты забыл, что в зале находится публика. И не просто публика, а самая плохая из всех возможных.

Микаэль Бельман кивнул. Норвежские и иностранные журналисты. Им с Исабеллой предстояла большая работа. Он поднял большой бинокль из Восточной Германии, который лежал у нее на подоконнике, наверняка подарок от поклонника, и направил его на фьорд. Там он кое-что заметил.

– Как думаешь, какой исход для нас стратегически предпочтительнее? – спросил он.

– Прошу прощения, милейший? – произнесла Исабелла.

Несмотря на то что она выросла в деревне, а может быть, именно

поэтому, она использовала старомодные речевые обороты, принятые в высшем обществе Западного Осло, однако без особого успеха. Взросление в Восточном Осло нанесло ей непоправимый урон.

– Лучше, чтобы Трульс умер или чтобы выжил? – В бинокле мелькнуло кое-что. Бельман навел резкость.

Прошла секунда, прежде чем он услышал ее смех.

– А это еще одно твое качество, – сказала она. – Ты можешь отключить все чувства, когда того требует ситуация. Это причинит тебе вред, но ты справишься.

– Чтобы умер, да? Тогда покажется неоспоримым, что он принял неверное решение, а мое было правильным. И тогда у него нельзя будет взять интервью, и это дело скоро забудется.

Он почувствовал ее руку на пряжке своего ремня одновременно с тем, как она прошептала прямо ему в ухо:

– Ты хотел бы, чтобы в следующем сообщении на твоём телефоне говорилось, что твой лучший друг умер?

Там была собака. Далеко во фьорде. Куда, черт возьми, она направляется?

Следующая мысль пришла машинально.

Это была новая мысль. Мысль, которая, вообще-то, раньше ни разу за сорок лет жизни не приходила в голову начальнику полиции и будущему министру юстиции Микаэлю Бельману.

Куда мы, в сущности, направляемся?

В одном ухе у Харри раздавался высокочастотный свист, глаз заливала его собственная кровь, а удары так и сыпались. Он больше не ощущал боли, только то, что в салоне становится холоднее, а мрак – плотнее.

Но он не ослаблял хватки. Он столько раз ослаблял ее раньше. Уступал боли, страху или желанию умереть. Уступал и примитивному эгоистичному инстинкту выживания, который брал верх над стремлением к безболезненному ничто, ко сну, ко мраку. Инстинкту, благодаря которому он находился здесь. Все еще здесь. И на этот раз он не ослабит хватки.

Мышцы челюстей напряглись так, что дрожало все тело. А удары все не прекращались. Но он не ослаблял хватки. Давление в семьдесят килограммов. Если бы ему удалось захватить все горло, он смог бы остановить кровоснабжение мозга, и Смит довольно быстро потерял бы сознание. Просто перекрыть доступ воздуха, и все будет кончено через несколько минут. Очередной удар в висок. Харри почувствовал, что его собственное сознание помутилось. Нет! Он дернулся на сиденье и крепче

сжал челюсти. Держаться, держаться. Лев. Водяной буйвол. Харри дышал через нос и считал. Сто. Удары продолжались; но разве не стали промежутки между ними длиннее и разве сила их не уменьшилась совсем немного? Пальцы Смита легли на лицо Харри, он пытался оторвать его от себя. Сдался, отпустил. Неужели мозгу Смита наконец-то не хватает кислорода и он перестает работать? Харри почувствовал облегчение, проглотил еще немного крови Смита, и в тот же момент ему явилась мысль. Пророчество Валентина.

«Ты ждал своей очереди стать вампиром. И однажды ты напьешься». Возможно, из-за этой мысли Харри немного потерял концентрацию и тут же почувствовал, как под его подошвой задвигался револьвер. Он сообразил, что нечаянно ослабил хватку и что Смит перестал бить его, чтобы достать оружие. И ему это удалось.

Катрина остановилась в дверях актового зала.

В помещении было пусто, только в первом ряду сидели, обнявшись, две женщины.

Она рассматривала их. Странная парочка. Ракель и Улла. Супруги двух заклятых врагов. Правда ли, что женщинам легче найти утешение друг у друга, чем мужчинам? Катрина не знала. Так называемое сестринство никогда ее не интересовало.

Она подошла к ним. Плечи Уллы Бельман дрожали, но плакала она беззвучно.

Ракель посмотрела на Катрину вопросительным взглядом.

– Мы ничего не слышали, – сказала Катрина.

– Хорошо, – ответила Ракель. – Но он справится.

Катрине показалось, что это ее реплика, а не Ракели. Ракель Фёуке. Темноволосая, сильная, с мягкими карими глазами. Катрина всегда испытывала к ней ревность. Не потому, что хотела жить такой же жизнью, как она, или быть женщиной Харри. Возможно, Харри мог свести женщину с ума и сделать счастливой на некоторое время, но в долгосрочной перспективе он нес горе, отчаяние, разрушение. В долгосрочной перспективе нужен кто-то вроде Бьёрна Хольма. И все же она завидовала Ракели Фёуке. Она завидовала ей, потому что Ракель была женщиной, которую хотел Харри Холм.

– Прошу прощения... – В зал вошел Столе Эуне. – Я нашел комнату, где мы сможем немного побеседовать.

Улла Бельман, шмыгнув носом, кивнула, поднялась и направилась вслед за Эуне.

– Кризисная психиатрия? – спросила Катрина.
– Да, – ответила Ракель. – Самое странное – то, что она действует.
– Правда?
– Я была там. Как ты?
– Как я?
– Да. Столько ответственности. И ты беременна. И ты близкий друг Харри.

Катрина провела рукой по животу. И ее поразила удивительная мысль, во всяком случае мысль, которая никогда раньше не приходила ей в голову: как близко друг к другу находятся рождение и смерть. Как будто одно предвещает другое, как будто неумолимая пляска существования требует жертвы для того, чтобы подарить миру новую жизнь.

– А вы знаете, кто у вас будет, мальчик или девочка?

Катрина покачала головой.

– Имя?

– Бьёрн предлагает – Хэнк, – сказала Катрина. – Или Хэнк Уильямс.

– Ну разумеется. Значит, он думает, что будет мальчик?

– Вне зависимости от пола.

Они рассмеялись. И это не казалось абсурдным. Они смеялись и разговаривали о предстоящих в ближайшем будущем событиях, а не о предстоящей в ближайшем будущем смерти. Потому что жизнь – это чудо, а смерть – обыденность.

– Мне надо идти, но я сообщу сразу, как только мы что-нибудь узнаем, – сказала Катрина.

Ракель кивнула:

– Я буду здесь, так что скажи, если я смогу чем-нибудь помочь.

Катрина встала, помедлила немного, но потом решилась. Она снова провела рукой по животу:

– Я иногда думаю о том, что могу потерять его.

– Это нормально.

– И тогда мне становится интересно, а что от меня останется. Смогу ли я жить дальше.

– Сможешь, – сказала Ракель с силой.

– Тогда ты должна пообещать мне, что тоже сможешь, – проговорила Катрина. – Ты говоришь, Харри справится. Да, надеяться важно, но, думаю, надо рассказать тебе... Я разговаривала с группой «Дельта», и, по их мнению, захватчик заложника, то есть Халлстейн Смит, наверняка... что обычно...

– Спасибо, – сказала Ракель и взяла Катрину за руку. – Я люблю

Харри, но, если я сейчас его потеряю, обещаю жить дальше.

– А Олег, как он...

Катрина заметила боль в глазах Ракели и тотчас пожалела о том, что спросила. Ракель попыталась что-то сказать, но не смогла и просто пожала плечами.

Когда Катрина вновь вышла на площадь, она услышала стук и посмотрела вверх. Высоко в небе на корпусе вертолета сверкали солнечные блики.

Джон Д. Стеффенс открыл раздвижные двери травматологии, вдохнул холодный зимний воздух и подошел к пожилому водителю «скорой», который стоял, прислонившись к стене. Подставив лицо солнцу, он курил с закрытыми глазами, медленно, явно получая наслаждение.

– Ну, Хансен? – сказал Стеффенс и прислонился к стене рядом с ним.

– Хорошая зима, – отозвался водитель, не открывая глаз.

– Я могу?..

Водитель достал пачку сигарет и протянул ему.

Стеффенс взял сигарету и зажигалку.

– Он выживет?

– Посмотрим, – ответил Стеффенс. – Мы закачали в него обратно немного крови, но пуля все еще в теле.

– Как думаете, сколько жизней вы должны спасти, Стеффенс?

– Что?

– Вы работали в ночь и все еще здесь. Как обычно. Так вы решили, сколько жизней вы должны спасти, чтобы вам стало хорошо?

– Я не совсем понимаю, о чем вы говорите, Хансен.

– О вашей жене. Вам не удалось ее спасти.

Стеффенс не ответил, делая глубокие затяжки.

– Я навел справки, – сказал водитель.

– Зачем?

– Потому что я беспокоюсь о вас. И потому что знаю, каково это. Я сам потерял жену. Но все переработки, все спасенные жизни не смогут вернуть ее назад, вы об этом знаете? И в один день вы совершите ошибку, потому что слишком устали, и на вашей совести окажется еще одна жизнь.

– Правда? – сказал Стеффенс, зевая. – Знаете ли вы хоть одного гематолога, который бы лучше меня разбирался в реаниматологии?

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы в последний раз грелись на солнышке? – Водитель затушил окурок о кирпичную стену и засунул его в карман. – Пойдите здесь, покурите, насладитесь днем. А потом

поезжайте домой и отоспитесь.

Стеффенс услышал его удаляющиеся шаги.

Он закрыл глаза.

Отоспаться.

Хотел бы он отоспаться, да не в состоянии.

2152 дня. Не со дня смерти Ины, его жены и матери Андерса, она умерла 2912 дней назад. А с того дня, когда он в последний раз видел Андерса. Первое время после смерти Ины у них, по крайней мере, случались разговоры, хотя Андерс был в ярости и винил его в том, что мать не спасли. Вполне справедливо. Андерс переехал, сбежал, позаботившись о создании как можно большей дистанции между ними. Например, он не реализовал свой план заняться изучением медицины, а вместо этого пошел учиться на полицейского. Во время одного из их случайных громких разговоров Андерс сказал, что лучше станет таким, как один из его преподавателей, бывший следователь Харри Холе, которого Андерс просто боготворил, как когда-то боготворил своего собственного отца.

Он ездил за Андерсом по постоянно меняющимся адресам, в Полицейскую академию, приезжал на север, в расположенный в пустынном районе офис ленсманна, но ни разу не был принят. Он просто-напросто преследовал собственного сына. Для того, чтобы тот понял, что им обоим будет не хватать ее чуточку меньше, если они будут друг у друга. И благодаря им двоим какая-то часть ее будет продолжать жить. Но Андерс не хотел его слушать.

Когда на обследование явилась Ракель Фёуке и Стеффенс понял, что она жена Харри Холе, ему, естественно, стало любопытно. Что такого было в Харри Холе, что так нравилось Андерсу? Мог ли он научиться у него чему-нибудь, чтобы снова сблизиться с Андерсом? А потом он выяснил, что пасынок Холе, Олег, отреагировал точно так же, как и Андерс, когда понял, что Харри Холе не в состоянии спасти его мать. Такое же вечное отцовское предательство.

Спать.

Увидев сегодня Андерса, он испытал шок. Его первой идиотской мыслью было то, что их обманули, что Олег и Харри специально организовали для них встречу.

Поспать сейчас.

Стало темнеть, в лицо Стеффенсу повеяло холодом. Туча заслонила солнце? Джон Д. Стеффенс открыл глаза. Перед ним стоял человек с нимбом от находившегося у него за спиной солнца.

– Когда ты начал курить? – спросил человек. – Разве ты не должен, так

сказать, быть врачом?

Джон Д. Стеффенс мигал, нимб резал ему глаза. Ему пришлось прочистить горло, прежде чем оно смогло издать звук.

– Андерс?

– Бернтсен выживет... Благодаря тебе, по их словам.

Клас Хафслунн сидел в своем зимнем саду и смотрел на фьорд. Фьорд был покрыт льдом, а на его поверхности находился удивительный тонкий слой воды, который превращал его в гигантское зеркало. Он отложил газету, целая полоса которой опять была посвящена делу вампириста. Скорее бы им уже надоело. К счастью, у них здесь, на острове Несэя, таких монстров нет. Здесь круглый год тихо и мирно. Хотя прямо сейчас откуда-то раздавался раздражающий звук вертолета, наверняка на E18 произошла авария. Клас Хафслунн вздрогнул, услышав внезапный грохот.

Звуковые волны разнеслись над фьордом.

Выстрел из оружия.

Казалось, звук донесся с одного из близлежащих участков. Два торговца годами ссорились по поводу того, где проходит граница между их участками: справа или слева от столетнего дуба. Рейнертсен в интервью местной газете сказал, что, несмотря на то что ссора двух соседей могла показаться комичной, поскольку речь идет о нескольких квадратных метрах огромных участков, дело было вовсе не в мелочах, а в самом праве собственности. И, он был уверен, владельцы вилл на Несэе согласятся, что за этот принцип любой ответственный член общества обязан бороться. Потому что сомнений в том, что дерево находится на участке Рейнертсена, быть не может, достаточно посмотреть на герб семьи, у которой он приобрел участок. На нем был изображен большой дуб, и любой узнает в нем камень преткновения. Далее Рейнертсен признавал, что его душа согревается всякий раз, когда он сидит и смотрит на могучее дерево (здесь журналист отметил, что, для того чтобы видеть дерево, Рейнертсену необходимо забраться на крышу своего дома) и осознает, что оно принадлежит ему. В тот день, когда интервью было опубликовано, Хаген срубил дерево, стал топить им камин и заявил газете, что оно ему согревает не только душу, но и ноги. И что с этого времени Рейнертсену придется довольствоваться видом дыма из его трубы, потому что следующие два года он будет топить камин исключительно дубовыми дровами. Провокация, конечно, но, несмотря на то что он точно слышал оружейный выстрел, Клас Хафслунн не мог себе представить, что Рейнертсен только что застрелил Хагена из-за чертова дерева.

Хафслунн заметил движение у старого лодочного сарая, находившегося метрах в ста от его участка и участков Рейнертсена и Хагена. Там был мужчина. В костюме. Он шел по льду и тащил за собой алюминиевую лодку. Клас заморгал. Мужчина запнулся и повалился на колени в ледяную воду. Затем стоящий на коленях обернулся и посмотрел в сторону виллы Класа Хафслунна, как будто заметил, что за ним наблюдают. Лицо мужчины было черным, это что, беженец? Они что, уже добрались до Несэи? В тревоге Клас схватил с полки позади себя бинокль и направил его на мужчину. Нет. Он не был черным. Лицо мужчины было покрыто кровью. Два белых глаза выделялись на красном фоне. Теперь он оперся руками о борт лодки и встал на ноги. Пошатываясь, побрел дальше и, держа лодочный канат обеими руками, тянул лодку за собой. И Клас Хафслунн, который, вообще-то, не был слишком религиозным человеком, подумал, что в эту минуту смотрит на Иисуса. На Иисуса, идущего по воде. На Иисуса, несущего свой крест на Голгофу. На Иисуса, который восстал из мертвых, чтобы навестить Класа Хафслунна и всех на Несэе. На Иисуса с огромным револьвером в руке.

Сиверт Фалькейд сидел на носу резиновой лодки, в лицо ему дул ветер, ему уже был виден остров Несэйя. Он в последний раз взглянул на часы. Ровно тринадцать минут назад они с «Дельтой» получили сообщение, которое мгновенно связали с захватом заложника.

– Сообщается о стрельбе на Несэе.

Время их реакции было вполне приемлемым. Они прибудут раньше, чем дежурные автомобили, которые также отправили на Несэйю. Но в любом случае пуля прилетит еще быстрее, это факт.

На поверхности воды, там, где начинался лед, он разглядел очертания алюминиевой лодки.

– Вперед! – скомандовал он и передвинулся ближе к корме, к остальным, чтобы нос поднялся вверх и, используя скорость, они смогли выехать на покрытый водой лед и проехать по нему.

Полицейский, управлявший лодкой, вытащил мотор из воды.

Лодка дернулась, коснувшись кромки льда, и Фалькейд услышал, как лед скребет по днищу, но скорость их судна была достаточной для того, чтобы добраться до того места на поверхности, где лед выдержит вес идущего человека. Скорее всего.

Сиверт Фалькейд перебросил ногу через канат и попробовал лед. Вода доставала чуть выше лодыжки.

– Подождите, пока я не пройду двадцать метров, потом следуйте за

мной, – сказал он. – Расстояние друг от друга – десять метров.

Фалькейд начал движение по воде в сторону алюминиевой лодки. По его прикидкам расстояние между ними составляло триста метров. Лодка казалась брошенной, но, по поступившей информации, ее вытащил из лодочного сарая, принадлежащего Халлстейну Смиту, человек, который, как считалось, произвел выстрел.

– Лед прочный, – прошептал он в рацию.

Все бойцы «Дельты» были оснащены ледовыми крючьями на веревке, закрепленными на форме в районе груди. С помощью этих крючьев они могли выбраться на поверхность, если бы провалились под лед. И именно эта веревка только что обернулась вокруг ствола автомата Фалькейда, так что ему пришлось опустить глаза, чтобы высвободить свое оружие.

Поэтому он услышал выстрел, не имея ни единого шанса заметить что-нибудь указывающее, откуда он был сделан. Фалькейд машинально упал в воду.

Снова раздался грохот. И на этот раз Фалькейд увидел маленькое облачко дыма, поднимающееся из алюминиевой лодки.

– Выстрел из лодки, – услышал он в наушнике. – Она у всех на прицеле. Ждем приказа расстрелять ее к чертовой матери.

Им сообщили, что Смит вооружен револьвером, и, естественно, риск, что он сможет попасть в Фалькейда с расстояния более двухсот метров, был невелик. Но вот возникла такая ситуация. Сиверт Фалькейд сделал вдох, в то время как парализующе холодная вода просачивалась сквозь одежду и касалась кожи. В его обязанности не входило просчитывать, сколько государству будет стоить сохранение жизни этого серийного убийцы. Сколько будут стоить судебные разбирательства, охрана, содержание его в пятизвездочной тюрьме. Его обязанностью было определить, насколько большую угрозу этот убийца представляет для жизни его бойцов и других людей, после чего принять адекватные меры. Не думать о местах в детских садах и больницах и о ремонте старых школ.

– Огонь! – скомандовал Сиверт Фалькейд.

Ответа не последовало. Только свист ветра и далекий рокот вертолета.

– Стреляйте! – повторил он.

Подтверждения так и не было. Вертолет приближался.

– Ты меня слышишь? – раздался голос в наушнике. – Ты ранен?

Фалькейд собрался повторить приказ, но понял, что произошло то же самое, что во время учений в Хоконсверне: соленая вода испортила микрофон, работал только приемник. Он повернулся к своим и закричал, но голос его заглушил вертолет, зависший над ними в воздухе. И Сиверт

использовал их домашнюю заготовку, подав сигнал открыть огонь – два взмаха правой рукой со сжатым кулаком. Реакции по-прежнему не было. Какого черта? Фалькейд пополз в сторону резиновой лодки, как вдруг увидел, что двое из его людей шагнули на лед, даже не пригнувшись, чтобы уменьшить размеры цели.

– Ложитесь! – громко приказал он, но они спокойно шли к нему.

– Мы на связи с вертолетом! – прокричал один из них сквозь шум. – Они его видят, он лежит в лодке.

Он лежал на дне лодки, зажмурив глаза от светящего прямо в лицо солнца. Он не мог ничего слышать, но представлял, что вода бьется и плещется о металл под ним. Что сейчас лето. Что они всей семьей сидят в лодке. Семейная прогулка. Детский смех. Если только он не откроет глаза, он может остаться там.

Он не знал наверняка, движется ли лодка или же под действием его веса стоит на льду. Это не так важно. Ему никуда не надо. Время замерло. Возможно, оно всегда было таким, а может быть, оно остановилось только сейчас. Остановилось для него и для того, что остался сидеть в «амазоне». Для него тоже наступило лето? Он тоже оказался в лучшем месте?

Что-то заслонило солнце. Облако? Лицо? Да, лицо. Женское лицо. Как растворенное во мраке воспоминание, которое внезапно осветили. Она сидела верхом на нем и скакала. Шептала, что любит его и всегда любила. Что она этого ждала. Спрашивала, чувствует ли он, как и она, что время остановилось. Он ощутил вибрацию, ее стоны нарастали и превратились в сплошной крик, словно он воткнул в нее нож, и он выпустил воздух из легких и семя из мошонки. А потом она умерла верхом на нем. Уронила голову ему на грудь, а ветер бил в окно у кровати в квартире. И прежде чем время снова начало свой ход, оба они уснули, без сознания, без памяти, без совести.

Он открыл глаза.

Это было похоже на большую вертящуюся птицу.

Вертолет. Он завис в десяти-двадцати метрах над ним, однако человек все равно ничего не слышал, только понял, что лодка вибрирует из-за вертолета.

Катрина стояла в тени перед лодочным сараем и дрожала, глядя, как полицейские подходят к стоящему внутри «амазону».

Она видела, как они открыли дверцы со стороны водителя и пассажира и как из салона выпала рука человека в костюме. Не с той стороны. Со

стороны Харри. Обнаженная кисть была в крови. Полицейский засунул голову в машину, возможно, чтобы проверить, есть ли у сидящего в ней дыхание и пульс. Это заняло много времени, и Катрина не выдержала и услышала собственный дрожащий голос:

– Он жив?

– Возможно! – прокричал полицейский, чтобы перекрыть грохот вертолета, доносящийся со стороны моря. – Я не чувствую пульса, но, возможно, он дышит. Если он жив, ему недолго осталось, как мне кажется.

Катрина подошла на несколько шагов.

– «Скорая» в пути. Ты видишь рану от пули?

– Здесь слишком много крови.

Катрина зашла в лодочный сарай, не отводя взгляда от руки, свешивающейся из дверцы. Как будто искала что-нибудь, за что можно ухватиться. Другую руку, за которую можно ухватиться. Катрина провела рукой по животу. Она должна была бы сказать ему кое-что.

– Думаю, ты ошибаешься, – сказал второй полицейский из салона машины. – Он уже умер. Посмотри на зрачки.

Катрина закрыла глаза.

Он смотрел вверх, на лица, появившиеся с обеих сторон лодки. Кто-то из них стянул с себя черную маску, рот человека открывался и произносил слова; глядя на напряженные мышцы его шеи, можно было понять, что он кричит. Возможно, он просит его отдать револьвер. Возможно, он выкрикивает его имя. Возможно, требует мести.

Катрина подошла к дверце машины со стороны Харри. Она сделала глубокий вдох и заглянула внутрь. Сейчас она слышала сирену «скорой», но Катрина Братт видела больше мертвецов, чем эти полицейские, поэтому ей хватило быстрого взгляда на тело, чтобы понять, что душа его покинула. Она узнала этого человека и поняла, что от него осталась только оболочка.

Она сглотнула:

– Он мертв. Ничего не трогайте.

– Но мы должны сделать искусственное дыхание. Возможно...

– Нет, – уверенно сказала Катрина. – Оставьте его.

Она стояла у машины, ощущая, как шок постепенно отпускает ее, уступая место удивлению. Она удивилась, что Халлстейн Смит сам сел за руль, а не заставил заложника вести машину. И то место, которое она принимала за место Харри, оказалось совсем не его.

Харри лежал на дне лодки и смотрел вверх. Лица мужчин, вертолет, заслоняющий солнце, синее небо. Он успел еще раз топнуть ногой до того, как Халлстейн схватил револьвер. И в тот момент ему показалось, что Халлстейн сдался. Возможно, это была игра воображения, но Харри казалось, что зубами и ртом он почувствовал, как пульс Халлстейна становится все слабее и слабее. А потом, в конце, вообще исчез. Харри два раза терял сознание, прежде чем его скованные наручниками руки снова оказались перед ним. Он отстегнул ремень и вынул из кармана своего пиджака ключи от наручников. Ключ от зажигания автомобиля был сломан, и он знал, что у него не хватит сил осилить крутой обледеневший подъем, ведущий к главной дороге, или высокие заборы соседских участков по обе стороны дороги. Он звал на помощь, но Халлстейн словно выбил из него голос, и те слабые крики, что ему удавалось выдавить из себя, заглушал грохот вертолета, наверняка полицейского. И он взял револьвер, вышел из лодочного сарая и выстрелил в воздух в надежде, что его услышат с вертолета. Чтобы они смогли обнаружить его с воздуха, он вытащил лодку Смита на лед, лег на дно и сделал еще несколько выстрелов в воздух.

Он выпустил из рук револьвер. Он сделал свое дело. Все было кончено. Теперь он мог вернуться назад. В лето. Когда ему двенадцать лет и он лежит головой на коленях у мамы, а отец рассказывает ему и Сестрёньшу о ревнивом генерале, принимавшем участие в войне между венецианцами и турками, и Харри знает, что вечером, когда они лягут спать, ему придется объяснять эту историю младшей сестренке. И на самом деле он этому немного рад, потому что, сколько бы это ни заняло времени, они не закончат, пока она не разберется в переплетениях этой истории. А Харри нравятся переплетения. Даже в тех местах, где, как он понимает в глубине души, никаких переплетений нет.

Он закрыл глаза.

Она все еще была там, лежала рядом с ним и шептала ему на ухо:

– Как ты думаешь, ты можешь давать жизнь, Харри?

Эпилог

Харри наполнил стакан «Джимом Бимом» и убрал бутылку обратно на полку. Он поднял стакан и поставил его на стойку рядом с бокалом белого вина для Андерса Виллера. Позади него толкались клиенты, пытаясь сделать заказ.

– Вы выглядите намного лучше, – сказал Андерс и посмотрел на стакан виски, не прикасаясь к нему.

– Твой отец собрал меня по кусочкам, – ответил Харри. Он бросил взгляд на Эйстейна, и тот кивнул ему, сигнализируя, что сможет некоторое время в одиночку оборонять форт. – Как дела в отделе?

– Хорошо, – сказал Андерс. – Но вы знаете, затишье после бури.

– Мм... Ты в курсе, что это называется...

– Да. Гуннар Хаген сегодня спросил меня, не хочу ли я поработать временным помощником руководителя следственной группы, пока Катрина в декрете.

– Поздравляю. А ты не слишком молод для этого?

– Он сказал, это ваше предложение.

– Мое? Наверное, предложил, когда у меня было сотрясение мозга. – Харри повернул ручку громкости на усилителе и сделал песню «Tampa to Tulsa» группы «Jayhawks» чуть погромче.

Андерс улыбнулся:

– Да, мой отец говорил, что вас по-настоящему избили. Кстати, а в какой момент вы поняли, что он мой отец?

– Нечего было понимать, улики подсказали. Когда я отправил волос твоего отца на анализ ДНК, судебно-медицинский эксперт обнаружил совпадение с одним из ДНК-профилей с мест преступлений. Не с профилем одного из подозреваемых, а с профилем полицейского, который всегда прикладывают к делам, если тот побывал на месте преступления. С твоим профилем, Андерс. Но было лишь частичное совпадение. Родство. Отец – сын. Ты первым получил этот результат, но не обратился ни ко мне, ни к кому другому в полиции. Когда я случайно узнал об этом совпадении, то выяснить, что скончавшаяся жена главврача Стеффенса носила в девичестве фамилию Виллер, было нетрудно. Почему ты не рассказал мне?

Андерс пожал плечами:

– Я решил, что это совпадение не имеет никакого отношения к делу.

– А еще ты не хотел, чтобы тебя связывали с твоим отцом? Ты поэтому

носишь девичью фамилию матери?

Андерс кивнул:

– Это долгая история, но сейчас все налаживается. Мы разговариваем друг с другом. Отец стал скромнее, понял, что он – не мистер Совершенство. А я... ну, немного повзрослел и поумнел, наверное. А как вы догадались, что в моей квартире находилась Мона?

– Дедукция.

– Конечно. Но как?

– Запах в вашем коридоре. «Олд-спайс». Лосьон после бритья. Но ты был небрит. А Олег говорил, ходят слухи, что Мона До пользуется «Олд-спайсом» вместо духов. Кроме того, у тебя была клетка для кошки. Обычно люди не держат кошек в клетках. Другое дело, если к ним, например, часто захаживает женщина, у которой аллергия на кошек.

– Ну вы даете, Харри!

– Ты тоже, Андерс. Но я все равно считаю, что для этой работы ты слишком юн и неопытен.

– Зачем же вы тогда предложили мою кандидатуру? Я ведь даже не старший инспектор.

– Чтобы ты поразмыслил над этим, понял, в чем ты должен стать лучше, а потом поблагодарил и отказался.

Андерс покачал головой и рассмеялся:

– Хорошо. Именно так я и поступил.

– Отлично. Что, не будешь свой «Джим Бим»?

Андерс Виллер взглянул на стакан и сделал глубокий вдох. Потом покачал головой:

– На самом деле я не люблю виски. Я заказал его, чтобы быть похожим на вас, как мне кажется.

– И?..

– И настало время найти для себя свой напиток. Вылейте это, пожалуйста.

Харри взял стакан и вылил в раковину у себя за спиной. Он задумался, не предложить ли Андерсу напитка из бутылки, которую принес Столе Эуне в качестве запоздалого подарка на открытие бара, – оранжевого вина со вкусом ароматных трав под названием «Stumbras 999 Raudonos Devynperios». Он объяснил, что принес именно эту бутылку, потому что такая же была в его студенческом баре и что, вероятнее всего, она вдохновила директора бара придумать код от сейфа, который, в свою очередь, заманил в ловушку для обезьян Халлстейна Смита. Харри обернулся, чтобы рассказать это Андерсу, как вдруг заметил человека,

только что зашедшего в бар «Ревность». Их взгляды встретились.

– Прости, – сказал Харри. – У нас тут важный гость.

Он смотрел, как она скользит по полному посетителей помещению, пребывая в уверенности, что она здесь одна. Она шла точно так же, как в тот раз, когда он впервые увидел ее идущей в его сторону по двору. Как балерина.

Ракель остановилась у стойки и улыбнулась ему.

– Да, – сказала она.

– Да?

– Да, у тебя есть мое согласие.

Харри широко улыбнулся и накрыл ее руку на стойке своей ладонью:

– Я люблю тебя, женщина.

– Приятно знать. Поскольку мы откроем акционерное общество, в котором я буду председателем правления и хозяйкой тридцати процентов акций. Я буду работать на четверть ставки, а в баре каждый вечер будет звучать хотя бы одна композиция Пи-Джей Харви.

– Договорились. Ты слышишь, Эйстейн?

– Если она у нас работает, пусть *немедленно* идет за стойку, – просопел Эйстейн.

Андерс застегнул молнию на куртке.

– У Моны есть для меня билет в кино, так что хорошего вам вечера.

Ракель скрылась в направлении стойки, а Андерс – за входной дверью.

Харри вынул телефон и набрал номер.

– Хаген, – прозвучало в трубке.

– Привет, шеф, это Харри.

– Вижу. Я, значит, снова шеф?

– Предложи Виллеру эту работу еще раз. И понастойчивее, чтобы он согласился.

– Зачем это?

– Я ошибался, он готов.

– Но...

– В качестве помощника руководителя следственной группы человек не может накосячить слишком много, а вот научиться можно массе полезного.

– Да, но...

– Сейчас очень подходящее время, затишье после бури.

– Ты знаешь, что это называется...

– Да.

Харри повесил трубку. Он пытался отогнать от себя эту мысль. Ту, что

в машине высказал Смит, о том, что случится. Он рассказал об этом Катрине, и они проверили корреспонденцию Смита, но не обнаружили никаких следов, свидетельствующих о наборе новых вампиров. Так что они не много могли сделать, да и в любом случае это было всего лишь желание чокнутого на всю голову человека. Харри увеличил громкость «Jayhawks» еще на два поворота. Вот так, да.

Свейн «Жених» Финне вышел из душа и голым подошел к зеркалу в пустой раздевалке спортклуба «Гейн». Ему нравилось это место, нравился вид на парк, ощущение пространства и свободы. Нет, это его не напугало, как его предупреждали. Он позволил воде стечь с себя, позволил коже высушить влагу. У него была долгая тренировка. Он привык к этому, еще когда сидел в тюрьме, час за часом, дыхание, пот и железо. Тело выдерживало. Должно было выдержать, ведь ему предстояла долгая работа. Он не знал, кем был человек, который вышел с ним на связь, и он уже довольно долго не входил с ним в контакт. Но от его предложения невозможно было отказаться. Квартира. Новая личность. И женщины.

Он провел рукой по татуировке на груди.

Потом он развернулся и направился к шкафчику с навесным замком, отмеченным пятном розовой краски. Он сверился с присланным цифровым кодом. 0999. Бог его знает, имеют ли эти цифры какое-нибудь значение, но они открыли замок. Свейн распахнул дверцу шкафчика. Внутри лежал конверт. Он разорвал его и перевернул. В его руку упал белый пластмассовый ключ. Он вынул лист бумаги. На нем был написан адрес. В Хольменколлене.

Но в конверте оставалось кое-что еще, что-то застряло в нем.

Свейн разорвал конверт в клочья и уставился на то, что в нем находилось. Черное. И красивое в своей простой жестокости. Он вставил предмет в рот и сжал зубы. Он почувствовал вкус соленого горького железа. Почувствовал пожар. Почувствовал жажду.

СНОСКИ

1

«Тиндер» – сайт знакомств.

Боже мой (*тур.*).

«*Free*», «*Mott The Hoople*», «*King Crimson*» – британские рок-группы 1960–1970-х гг.

4

Трупное окоченение (*лат.*).

«ВГ» (VG, Verdensgang) – одна из крупнейших ежедневных газет Норвегии.

Кринос – Главное управление криминальной полиции Норвегии.

«Туз из космоса» (англ.).

Иэн «Лемми» Килмистер, легендарный основатель рок-группы «Motörhead».

«Туз пик» (*англ.*).

Речь идет о рок-музыкантах, ушедших из жизни в 27 лет.

«Mojo», «Uncut» – британские музыкальные журналы.

Ленсман – государственный служащий в сельской местности Норвегии с полицейскими и административными полномочиями.

Аврора Акснес – молодая норвежская певица, автор песен.

Не играй в игры, уходи, если вы не подошли друг другу (*англ.*).

«*Wampire*» – американская инди-рок-группа.

Причины нет. Мне просто нравится делать такие вещи (*англ.*).

Навсегда (*англ.*).

Сестры делают это для себя (*англ.*). Фраза из одноименного сингла Энни Леннокс и Ареты Франклин.

СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности.

Здесь: ни пуха ни пера (англ.).

«НРК-1» – норвежская государственная телерадиокомпания.

Мы закрываемся (*тур.*).

Это ты мне скажи (*англ.*).

Рыба покрупнее (*англ.*).

«*Hüsker Dü*» – американская рок-группа.

Демон, шайтан (*тур.*).

Спасибо (тур.).

Веретенообразная извилина (*лат.*).

Хотела бы я (чтобы это было так) (*англ.*).

«*The White Stripes*» – американский рок-дуэт.

Британская рок-группа.

Стреляй! (тур.)

Здесь и далее – композиции группы «Пинк Флойд».

Я (англ.).

Ты (англ.).

Песня, написанная Дэвидом Боуи.

Здесь: ты сосредоточен на главном (*англ.*).

17 мая – День независимости Норвегии.

«Монолит» – центральный монумент в Парке скульптур Вигеланда в Осло.

«*Raga Rockers*» – норвежская рок-группа.

Ой, простите. Я не знала, что комната занята... *(англ.)*

Я возьму их. Будьте добры, уберите комнату еще раз (*англ.*).

Простите?.. (англ.)

Я недоволен уборкой. На оконном стекле – отпечатки пальцев.
Пожалуйста, уберите комнату заново, скажем, через час? (*англ.*)

Голландская жена (*англ.*).

Подловили (*англ.*).

«И как хорош тот новый мир, где есть такие люди» (*англ.*). – *Шекспир*
У. Буря. Перевод М. Донского.

«*Kaiser Chiefs*» – британская рок-инди-поп-группа.

И это пройдет (*англ.*).

Думаю, я получил, что хотел, огромное спасибо, что были с нами, мистер Смит. Ведь у вас уже довольно поздно, да? Здесь, в Лос-Анджелесе, почти три часа дня, а в Швеции? *(англ.)*

В Норвегии. Почти полночь. Нет проблем, я только рад, что пресса наконец осознала реальность вампиризма и ищет информацию о нем (англ.).

«Тот же самый, но другой» (*англ.*).

«Санкт-Паули» – футбольный клуб из Гамбурга.

Имеется в виду устройство с выдвигающимся ударным стержнем для забоя скота.

Жуть (*англ.*).

«*Cage the Elephant*» – американская рок-группа.

VICAP – программа выявления насильственных преступников.

ATF – Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, Федеральное агентство Министерства юстиции США.

О, я здесь только для того, чтобы поздравить одного из тех, кто помог нам раскрыть дело вампириста. Сегодня вам стоит говорить с доктором Смитом, а не со мной (*англ.*).

Носа (*лат.*).